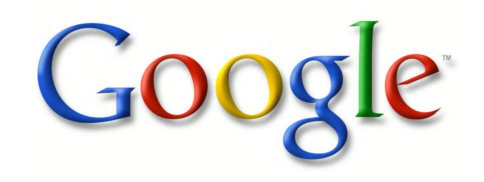
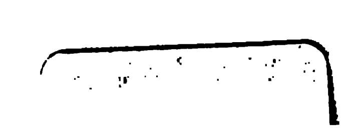


Stanford University Libraries
3 6105 120 680 058



334

ЗАМѢТКИ
О
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ
1856—1862 гг.

Chernyshevskii, M. N., Ed.

ЗАМѢТКИ
О
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ
1856—1862 гг.

(„Современникъ" 1856—1862 гг.)

— Замѣтки о журналахъ. — «Время». — Новыя повѣсти. — Сочиненія Грановскаго. — Полемическія красоты. — Въ изъявленіе признательности. —

ИЗДАНІЕ М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова. Садовая, № 27.
1894.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

ФЕВРАЛЬ 1856 ГОДА.

Читатель, въ добрый часъ молвить, оживленіе русской литературы, о которомъ мы недавно говорили, продолжается. Лучшіе современные таланты, какъ бы соревнуя другъ другу, дарятъ публикѣ произведенія, которыя обѣщаютъ сдѣлать нынѣшній годъ памятнымъ въ нашей литературѣ. Весело—не правда ли?—быть читателемъ въ такое время... и даже — повѣрите ли?—не совсѣмъ печально быть журналистомъ. Благодаря великому и святому закону вознагражденія, и онъ, многострадальный поставщикъ чтенія (котораго не всегда позволительно смѣшивать съ поставщикомъ дровъ или свѣчъ), и бѣдный русскій журналистъ дѣлается иногда причастнымъ нѣкоторымъ радостямъ, соединеннымъ съ его призваніемъ. Кто испыталъ му́ку, и стыдъ, и тоску недовольства, печатая вещи, недостойныя печати, кто по сту разъ читалъ и перечитывалъ и бросалъ подъ столъ иную рукопись, а кончалъ-таки тѣмъ, что со скрежетомъ зубовъ посылалъ ее въ типографію (какъ будто, подобно нѣкоторымъ сортамъ винъ, плохое сочиненіе можетъ улучшиться, полежавъ нѣсколько времени), мы должны признать за тѣмъ и право наслажденія, когда приходится выбирать изъ хорошаго, теряясь въ соображеніяхъ, что́ напечатать прежде, что́ потомъ. Рѣдкое время, золотое время въ жизни журналиста,—на этомъ пути не безъ терній... но что до терній! На какомъ пути ихъ нѣтъ?

И все то̀ благо, то добро...

Покуда достаетъ любви, не страшны терніи, и память о нихъ живетъ не долѣе жосткаго слова, сказаннаго любимымъ существомъ, и не труднѣе прощается... но опять-таки: покуда достаетъ любви...

И пусть же родникъ ея струится неизсякаемо въ сердцахъ русскихъ писателей, русскихъ журналистовъ, понимающихъ свое призваніе! Съ нею много добраго, много прекраснаго сдѣлаетъ русская литература, много уже сдѣлавшая, издавна игравшая и играющая такую важную роль въ развитіи нашего отечества, которое дорого каждому русскому и еще дороже должно быть каждому литератору, по самой сущности его цѣли, чуждой матеріальнаго результата: только успѣхи отечества на поприщѣ просвѣщенія могутъ обезпечивать его личный успѣхъ, состоящій въ стремленіи оставить по себѣ память честнаго и полезнаго дѣятеля, на могилу котораго, по неизмѣнному закону Провидѣнія (благословенный законъ!), *непремѣнно*, рано или поздно, упадетъ одинъ изъ лучей той славы, въ блескѣ которой желаетъ онъ и самоотверженно стремится видѣть свое отечество!

Сознавая великую цѣль русской литературы, радуясь ея оживленію, видя въ ея настоящемъ много даровитаго, самобытнаго, мы въ то же время не ослѣпляемся насчетъ ея настоящихъ достоинствъ. Между нами нѣтъ геніевъ. Ко всѣмъ нынѣ дѣйствующимъ писателямъ вообще и къ каждому порознь можно примѣнить слѣдующіе стихи:

. . . .
. . . .
. . . . Замѣтенъ ты;
Но такъ безъ солнца звѣзды видны...
Въ ночи, которую теперь
Міръ доживаетъ боязливо,
Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо,—
Ты твердо свѣточъ свой держалъ;
Но небу было неугодно,
Чтобъ онъ подъ бурей запылалъ,
Путь освѣщая всенародно.
Дрожащей искрою, въ-потьмахъ,
Онъ чуть горѣлъ, мигалъ, метался...
Моли, чтобъ солнца онъ дождался
И потонулъ въ его лучахъ!

Такъ. Нѣтъ сомнѣнія, когда явится это желанное солнце, этотъ будущій великій русскій поэтъ, подобный тѣмъ, которые дѣлаютъ эпохи въ литературѣ и въ исторіи развитія своего народа,—нѣтъ

сомнѣнія, тогда многое изъ производимаго теперь потускнѣетъ или представится въ другомъ свѣтѣ; но отъ того не умалятся заслуги теперешнихъ русскихъ писателей,—тѣхъ писателей, которые твердо держали свѣточъ Знанія, Истины и Добра, среди сумерекъ, не освѣщенныхъ лучезарнымъ сіяніемъ генія... Итакъ, читатель, не требуя отъ русской литературы того, чего она дать не можетъ, оцѣните въ ней два неоспоримыя ея качества—*Даровитость*, часто блестящую, и *Честность* стремленій, изумительную, если о ней пристально подумать,—и полюбите ее, если вы еще принадлежите къ тѣмъ, которые ея не любятъ...

Переходимъ къ журналамъ:

«Москвитянинъ», долго медлившій объявленіемъ о томъ, что будетъ продолжаться въ слѣдующемъ году, порадовалъ насъ, извѣстивъ своихъ читателей, что не намѣренъ прекращать своего существованія, бывшаго и остающагося не безполезнымъ для русской литературы. Вмѣстѣ съ объявленіемъ о предполагаемомъ продолженіи своего журнала въ наступившемъ году, г. Погодинъ выдалъ 19 и 20 нумера (въ одной книжкѣ) его за прошедшій годъ. Кромѣ «Крымскихъ Писемъ» г. Берга и двухъ сценъ изъ «Мессинской Невѣсты» Шиллера, переведенныхъ г. Ѳ. Миллеромъ, замѣтимъ въ этой (октябрьской) книжкѣ «Москвитянина» интересную статью г. Н. Костомарова: «Иванъ Свирговскій, украинскій гетманъ XVI вѣка». Впрочемъ, мы заговорили объ октябрьскомъ двойномъ нумерѣ «Москвитянина» не ради этихъ статей, а потому, что г. Погодинъ обогатилъ его истинною драгоцѣнностью для каждаго интересующагося русскою литературою: письмами, полученными имъ отъ Гоголя съ 1832 по 1840 годъ. Изъ корреспонденціи Гоголя, вообще интересной, не было еще обнародовано ничего столь важнаго, какъ эти письма. Они чрезвычайно во многомъ поясняютъ намъ и обстоятельства жизни, и самый характеръ Гоголя, и по справедливости должны быть причислены къ самымъ капитальнымъ матеріаламъ для его біографіи, даже для составленія вѣрнаго взгляда на нѣкоторыя мѣста его сочиненій, до сихъ поръ остающіяся загадочными. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ отрывочныя замѣчанія и мелочныя изслѣдованія. Скажемъ только два-три слова о впечатлѣніи, которое производятъ эти письма, и поспѣшимъ подѣлиться съ читателемъ любопытнѣйшими отрывками. Мы всегда были того мнѣнія, что Гоголь, казавшійся большинству людей, видѣвшихъ его

въ обществѣ, человѣкомъ сухимъ и т. п., былъ надѣленъ натурою кипучею, пламенною. Только изъ такой натуры могли родиться его творенія. Въ письмахъ, нынѣ напечатанныхъ, все дышетъ движеніемъ, порывомъ, все горитъ огнемъ. Этого убѣжденія довольно, чтобы понять если не всѣ, то почти всѣ странности въ его поступкахъ, поражавшія многихъ до того, что иные хотѣли приписывать ихъ болѣзни, другіе—какому-то эгоистическому разсчету. Послѣднее предположеніе, признаемся, всегда возмущало насъ, какъ несообразное ни съ понятіемъ о впечатлительности характера, безъ которой невозможно жизненное направленіе, ни съ высокимъ благородствомъ души, безъ котораго также невозможно было бы создать «Ревизора» и «Мертвыя Души». Кто неспособенъ понимать, чтó такое страстная натура, тотъ никогда не пойметъ Гоголя. Впрочемъ, для него это и не будетъ горемъ, потому что и творенія Гоголя для такого человѣка—книга съ семью печатями, а имя автора этой книги — пустой звукъ. При страстной натурѣ неизбѣжны увлеченія и ошибки; но и въ самыхъ увлеченіяхъ отчасти она чиста и въ самыхъ ошибкахъ возвышенна и симпатична. Раннею мечтою Гоголя была жажда славы, и жажда, не утолявшаяся не только достиженіемъ посредственнаго успѣха,—нѣтъ, не удовлетворявшаяся никакимъ успѣхомъ. Люди съ мелочнымъ самолюбіемъ не поймутъ этого, но безъ неутолимости, ненасытности жажды нѣтъ истинной жажды славы. Такое славолюбіе дается самою натурою; его не сообщатъ ни похвалы, ни успѣхи, если оно не пожирало душу раньше всякихъ похвалъ и успѣховъ. Гоголь былъ одаренъ этимъ орлинымъ стремленіемъ къ неизмѣримой высотѣ: ему все казалось мало и низко, чего достигалъ онъ или чтò создавалъ онъ. Кого изъ мелкихъ людей, кого даже изъ очень даровитыхъ юношей не удовлетворилъ бы громадный успѣхъ перваго произведенія, какой имѣли «Вечера на Хуторѣ»? Кто не порадовался бы на свое первое произведеніе, удостоившееся столь громкихъ похвалъ отъ «великаго» Пушкина? Гоголь двадцати-трехлѣтній юноша писалъ въ 1833 году:

„Вы спрашиваете объ Вечерахъ Диканьскихъ. Чортъ съ ними! я не издаю ихъ. И хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня,—но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ вечеровъ, и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Впрочемъ Смирдинъ отпечаталъ полтораста экземпляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупали безъ

первой. Я и радъ, что не больше. Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣсть что нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня.

„Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается. Пожалѣйте обо мнѣ и пожелайте мнѣ!

„Обнимая и цѣлуя васъ, остаюсь вашъ Гоголь".

Февраля 20-го.

„Я не знаю, отъ чего на меня нашла тоска. Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается! Не съ тѣмъ вдохновенно полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что нибудь совершу изъ Исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объему. То вдругъ зиждется совершенно новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ и тотъ одинъ другъ. Но не могу, не въ силахъ. Чортъ побери пока трудъ мой набросанный на бумагѣ, до другаго спокойнѣйшаго времени. Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради; и сколько злости, смѣху, соли!... Но вдругъ остановился... А что изъ того, когда пьеса не будетъ играться. Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу не конченное произведеніе?—Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самой невинной... Но что комедія безъ правды и злости! И такъ за комедію не могу приняться. Примусь за Исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—Исторія къ чорту.—И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей".

Укажите мнѣ человѣка съ такою жаждою совершенства, и я вамъ скажу: онъ или не создастъ ничего, или создастъ нѣчто великое,—онъ или Танталъ, или Прометей. Черезъ пять лѣтъ, онъ, уже творецъ «Ревизора», говорилъ:

1838 г. Августъ 20. Неаполь.

„У меня забилось сердце, когда я прочиталъ твою записку, гдѣ ты говоришь, что будущею весною будешь въ Италіи. И такъ мы увидимся. Обнимемся можетъ быть еще разъ. Благодарю тебя за это. О себѣ ничего не могу (сказать) слишкомъ утѣшительнаго. Увы! здоровье мое плохо! И гордые мои замыслы... О другъ! если бы мнѣ на четыре, пять лѣтъ еще здоровья! И неужели не суждено осуществиться тому... Много думалъ я совершить... Еще донынѣ голова моя полна, а силы, силы—но Богъ милостивъ. Онъ вѣрно продлитъ дни мои. Сижу надъ трудомъ, о которомъ ты уже знаешь, я писалъ къ тебѣ о немъ, но работа моя вяла, нѣтъ той живости. Недугъ, для котораго я

въ обществѣ, человѣкомъ сухимъ и т. п., былъ надѣленъ натурою кипучею, пламенною. Только изъ такой натуры могли родиться его творенія. Въ письмахъ, нынѣ напечатанныхъ, все дышетъ движеніемъ, порывомъ, все горитъ огнемъ. Этого убѣжденія довольно, чтобы понять если не всѣ, то почти всѣ странности въ его поступкахъ, поражавшія многихъ до того, что иные хотѣли приписывать ихъ болѣзни, другіе—какому-то эгоистическому разсчету. Послѣднее предположеніе, признаемся, всегда возмущало насъ, какъ несообразное ни съ понятіемъ о впечатлительности характера, безъ которой невозможно жизненное направленіе, ни съ высокимъ благородствомъ души, безъ котораго также невозможно было бы создать «Ревизора» и «Мертвыя Души». Кто неспособенъ понимать, что́ такое страстная натура, тотъ никогда не пойметъ Гоголя. Впрочемъ, для него это и не будетъ горемъ, потому что и творенія Гоголя для такого человѣка—книга съ семью печатями, а имя автора этой книги — пустой звукъ. При страстной натурѣ неизбѣжны увлеченія и ошибки; но и въ самыхъ увлеченіяхъ отчасти она чиста и въ самыхъ ошибкахъ возвышенна и симпатична. Раннею мечтою Гоголя была жажда славы, и жажда, не утолявшаяся не только достиженіемъ посредственнаго успѣха,—нѣтъ, не удовлетворявшаяся никакимъ успѣхомъ. Люди съ мелочнымъ самолюбіемъ не поймутъ этого, но безъ неутолимости, ненасытности жажды нѣтъ истинной жажды славы. Такое славолюбіе дается самою натурою; его не сообщатъ ни похвалы, ни успѣхи, если оно не пожирало душу раньше всякихъ похвалъ и успѣховъ. Гоголь былъ одаренъ этимъ орлинымъ стремленіемъ къ неизмѣримой высотѣ: ему все казалось мало и низко, чего достигалъ онъ или что̀ создавалъ онъ. Кого изъ мелкихъ людей, кого даже изъ очень даровитыхъ юношей не удовлетворилъ бы громадный успѣхъ перваго произведенія, какой имѣли «Вечера на Хуторѣ»? Кто не порадовался бы на свое первое произведеніе, удостоившееся столь громкихъ похвалъ отъ «великаго» Пушкина? Гоголь двадцати-трехлѣтній юноша писалъ въ 1833 году:

„Вы спрашиваете объ Вечерахъ Диканьскихъ. Чортъ съ ними! я не издаю ихъ. И хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня,—но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ вечеровъ, и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Впрочемъ Смирдинъ отпечаталъ полтораста экземпляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупа́ли безъ

первой. Я и радъ, что не больше. Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣсть что нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня.

„Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается. Пожалѣйте обо мнѣ и пожелайте мнѣ!

„Обнимая и цѣлуя васъ, остаюсь вашъ Гоголь“.

Февраля 20-го.

„Я не знаю, отъ чего на меня нашла тоска. Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается! Не съ тѣмъ вдохновенно полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что нибудь совершу изъ Исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объему. То вдругъ зиждется совершенно новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ и тотъ одинъ другъ. Но не могу, не въ силахъ. Чортъ побери пока трудъ мой набросанный на бумагѣ, до другаго спокойнѣйшаго времени. Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради; и сколько злости, смѣху, соли!... Но вдругъ остановился... А что изъ того, когда пьеса не будетъ играться. Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу не конченное произведеніе?—Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самой невинной... Но что комедія безъ правды и злости! И такъ за комедію не могу приняться. Примусь за Исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—Исторія къ чорту.—И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей“.

Укажите мнѣ человѣка съ такою жаждою совершенства, и я вамъ скажу: онъ или не создастъ ничего, или создастъ нѣчто великое,—онъ или Танталъ, или Прометей. Черезъ пять лѣтъ, онъ, уже творецъ «Ревизора», говорилъ:

1838 г. Августъ 20. Неаполь.

„У меня забилось сердце, когда я прочиталъ твою записку, гдѣ ты говоришь, что будущею весною будешь въ Италіи. И такъ мы увидимся. Обнимемся можетъ быть еще разъ. Благодарю тебя за это. О себѣ ничего не могу (сказать) слишкомъ утѣшительнаго. Увы! здоровье мое плохо! И гордые мои замыслы... О другъ! если бы мнѣ на четыре, пять лѣтъ еще здоровья! И неужели не суждено осуществиться тому... Много думалъ я совершить... Еще донынѣ голова моя полна, а силы, силы—но Богъ милостивъ. Онъ вѣрно продлитъ дни мои. Сижу надъ трудомъ, о которомъ ты уже знаешь, я писалъ къ тебѣ о немъ, но работа моя вяла, нѣтъ той живости. Недугъ, для котораго я

уѣхалъ, и который было казалось облегчился, теперь усилился вновь. Моя гемороидальная болѣзнь вся обратилась на желудокъ. Эта несносная болѣзнь. Она меня сушитъ. Она говоритъ мнѣ о себѣ каждую минуту и мѣшаетъ мнѣ заниматься. Но я веду свою работу, и она будетъ кончена, но другія, другія... О другъ! какіе существуютъ великіе сюжеты. Пожалѣй о мнѣ!—Но я съ тобою увижусь. Я къ тебѣ теперь обращу одну очень холодную и прозаическую просьбу. Ты былъ такъ добръ, что предлагалъ мнѣ сдѣлать заемъ, если я нуждаюсь.— Мнѣ не хотѣлось пользоваться твоею добротою. Теперь я доведенъ до того. Если ты богатъ, пришли вексель на 2.000. Я тебѣ черезъ годъ, много черезъ полтора, ихъ возвращу. Сочиненіе мое велико, у насъ же товаръ продается по величинѣ. и потому я думаю за него получить столько, что въ состояніи буду заплатить этотъ (долгъ) въ концѣ будущаго года. Мои обстоятельства денежныя плохи, и всѣ мои родные терпятъ то же, но чортъ побери деньги, если бы здоровье только; годъ какъ нибудь смогу, съ помощью твоей... какъ нибудь проплетется".

„Если будешь посылать вексель, пожалуйста вели банкиру своему послать прямо къ римскому банкиру Валентини на его имя, еще лучше кредитивнымъ письмомъ, и письма ко мнѣ адресуй тоже банкиру Валентини въ Римъ".

1838 г. Декабрь 1. Римъ.

„Я получилъ твое письмо, милый мой, писанное тобою отъ Сентября на имя Валентини вмѣстѣ съ секундами векселей".

„Благодарю тебя, добрый мой, вѣрный мой! Много, много благодарю тебя. Далеко, до самой глубины души тронуло меня ваше безпокойство о мнѣ! Сколько любви! столько заботъ! За что это меня такъ любитъ Богъ? Но грустно вмѣстѣ съ этимъ мнѣ было видѣть, но тяжело, невыносимо тяжело для сердца чувствовать...

„Боже! я не достоинъ такой прекрасной любви. Ничего не сдѣлалъ я! Какъ бѣденъ мой талантъ! Зачѣмъ мнѣ не дано здоровье? Громоздилось коечто въ этой головѣ и душѣ, и неужели мнѣ не доведется обнаружить и высказать хотя половину его? Признаюсь: я плохо надѣюсь на свое здоровье. Но въ сторону объ этомъ. Мнѣ было очень грустно узнать изъ письма твоего, что ты живешь не безъ непріятностей и огорченій... Литературныя разныя пакости и особливо теперь, когда нѣтъ тѣхъ, на коихъ почіетъ надежда, въ состояніи навести большую грусть, даже можетъ быть отравить торжественныя и вдохновенныя минуты души. Ничего не могу сказать тебѣ въ утѣшеніе. Битву, какъ ты самъ знаешь, нельзя вести тому, кто благородно вооруженъ одною только шпагой, защитницей чести, противъ тѣхъ, которые вооружены дубинами и дрекольями. Поле должно остаться въ рукахъ буяновъ. Но мы можемъ, какъ первые христіане въ катакомбахъ и затворяхъ, совершать наши творенія".

Удивительно ли, если подобный человѣкъ, всегда считавшій созданное имъ ничтожнымъ сравнительно съ тѣмъ, что думалъ еще создать въ будущемъ, назвалъ, въ минуту скорби, всю свою дѣятельность чѣмъ-то ничтожнымъ и неудачнымъ? Кто не носилъ въ

своей груди смертельной тоски совершенства, тотъ не совершитъ ничего колоссальнаго, по крайней мѣрѣ на поэтическомъ поприщѣ. И какою грустною, какою страшною обстановкою окружены у Гоголя эти высокіе помыслы: изнурительная, не дающая даже мысли покоя и силы болѣзнь, и нищета... вѣчная нищета, и, быть можетъ, убійственнѣе всего, вражда отъ тѣхъ, кого любилъ, для избавленія которыхъ отъ пошлости и низости страдалъ онъ душою, и необходимость бѣжать отъ этой вражды, и страстная дума на чужбинѣ о милой родинѣ.

Мая 10-го 1836 г. Спб.

„Послѣ разныхъ волненій, досадъ и прочаго, мысли мои такъ разсѣяны, что я не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ. Я хотѣлъ было ѣхать непремѣнно въ Москву и съ тобой наговориться вдоволь. Но не такъ сдѣлалось. Чувствую, что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ, долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь. Когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило. Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ, тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: мы не плуты. Но Богъ съ ними. Я не отъ того ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ“.

Мая 15. Спб.

„Я получилъ письмо твое. Приглашеніе твое убѣдительно. Но никакимъ образомъ не могу. Нужно захватить время пользованія на водахъ. Лучше пусть пріѣду къ вамъ въ Москву обновленный и освѣженный. Пріѣхавши, я проживу съ тобою долго, потому что не имѣю никакихъ должностныхъ узъ, и не намѣренъ жить постоянно въ Петербургѣ. Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня. Не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты, но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ, и ихъ же водитъ за носъ. Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько нибудь равносильной стороны за него. „Онъ зажигатель, онъ бунтовщикъ!» и кто же это говоритъ? Это говорятъ люди опытные, люди, ко-

торые должны бы имѣть на сколько нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными, и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты, но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ, что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственныя нравы. Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей піесы: меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь Петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея — и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники? И то, что̀ бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую нибудь только живую и вѣрную черту—значитъ въ переводѣ опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами, утѣшитъ ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отъ чего? Не отъ того ли, что я живу въ отдаленіи отъ ней, что портретъ ея еще не былъ виденъ нигдѣ у меня, что наконецъ... но не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. Сердце мое въ эту минуту наполнено благодарностью къ ней за ея вниманіе ко мнѣ. Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ вѣрно освѣженный и обновленный. Все что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе. И нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ вѣрно необходимъ для меня. Цѣлую тебя несчетно. Пиши ко мнѣ, еще успѣешь".

Женева. Сентября 22/10.

„Здравствуй, мой добрый другъ! Какъ живешь? что дѣлаешь? Скучаешь ли, веселишься ли? или работаешь, или лежишь на боку да лѣнишься? Богъ въ помощь тобѣ, если занятъ дѣломъ. Пусть весело горитъ передъ тобою свѣча твоя!.. Мнѣ жаль, слишкомъ жаль, что я не видался съ тобою предъ отъѣздомъ. Много я отнялъ у себя пріятныхъ минутъ... Но на Руси есть такая изрядная коллекція гадкихъ рожъ, что не въ терпежъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ. Даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню".

1840 г. Генваря 25 (въ Москвѣ).

„О, выгони меня ради Бога и всего святаго вонъ въ Римъ, да отдохнетъ душа моя! Скорѣе, скорѣе. Я погибну. Еще можетъ быть возможно для меня освѣженіе! Не можетъ быть, чтобы я совсѣмъ умеръ, чтобы все возвышенное застыло въ груди моей безъ вызова. Спаси меня и выгони вонъ скорѣе, хотя *бы даже я* самъ просилъ тебя повременить и обождать".

Римъ. Октября 17. 1840.

„Со страхомъ я гляжу самъ на себя. Я ѣхалъ бодрый и свѣжій на трудъ, на работу. Теперь... Боже! Столько пожертвованій сдѣлано для меня моими друзьями—когда я ихъ выплачу! А я думалъ, что въ этомъ году уже будетъ готова у меня вещь, которая за однимъ разомъ меня выкупитъ, сниметъ тяжести, которыя лежатъ на моей безсовѣстной совѣсти. Что предо мною впереди? Боже! я не боюсь малаго срока жизни, но я былъ увѣренъ по такому свѣжему, доброму началу, что мнѣ два года будетъ дано плодотворной жизни. И теперь отъ меня скрылась эта сладкая увѣренность. Безъ надежды, безъ средствъ возстановить здоровье. Никакихъ извѣстій изъ Петербурга: надѣяться ли мнѣ на мѣсто при Кривцовѣ? По намѣреніямъ Кривцова, о которыхъ я узналъ здѣсь, мнѣ нечего надѣяться, потому что Кривцовъ искалъ на это мѣсто европейской знаменитости по части художествъ. Онъ хотѣлъ имѣть нѣмца Шадова, директора Дюссельдорфской Академіи Художествъ, которому тоже хотѣлось, а потомъ даже хотѣлъ предложить Овербеку... Но Богъ съ нимъ, со всѣмъ этимъ. Я равнодушенъ теперь къ этому. Къ чему мнѣ это послужитъ. На квартиру, да на лекарство развѣ? на двѣ вещи равныя ничтожностью и безполезностью. Если къ нимъ не присоединится наконецъ третья, вѣнчающая все, что влачится на свѣтѣ.

„Часто въ теперешнемъ моемъ положеніи мнѣ приходитъ вопросъ: зачѣмъ я ѣздилъ въ Россію? по крайней мѣрѣ меньше лежало бы на моей совѣсти. Но какъ только я вспомню о моихъ сестрахъ,—нѣтъ, мой пріѣздъ не безполезенъ былъ. Клянусь, я сдѣлалъ много для моихъ сестеръ. Онѣ послѣ увидятъ это. Безумный, я думалъ ѣхавши въ Россію: ну хорошо, что я ѣду въ Россію, у меня уже начинаетъ простывать маленькая злость, такъ необходимая автору, противъ того-сего всякаго рода родныхъ плевелъ, теперь я обновленъ, и все это живѣе предстанетъ моимъ глазамъ, и вмѣсто этого что я вывезъ? Все дурное изгладилось изъ моей памяти, даже прежнее, и вмѣсто этого одно только прекрасное и чистое со мною, все, что удалось мнѣ еще болѣе узнать въ друзьяхъ моихъ, и я въ моемъ болѣзненномъ состояніи поминутно дѣлаю упрекъ себѣ: зачѣмъ я ѣздилъ въ Россію. Теперь не могу глядѣть я ни на Колизей, ни на безсмертный куполъ, ни на воздухъ, ни на все, глядѣть всѣми глазами. Глаза мои видятъ другое, мысль моя развлечена. Она съ вами. Боже! какъ тяжело мнѣ писать эти строки. Я не въ силахъ болѣе. Прощай. Боже благослови тебя во всѣхъ предпріятіяхъ, и предоставь наконецъ тебѣ поле широкое, великое безъ препятствій. Ты рожденъ и опредѣленъ на большое плаванье. Я хотѣлъ было наскоро переписать куски изъ Ревизора, исключенные прежде, и другіе передѣланные, чтобы поскорѣй хотя его издать, и заплатить великодушному какъ и ты Сергѣю Тимоѳеевичу, и этого не могъ сдѣлать. Впрочемъ я соберу всѣ силы и можетъ быть на той же недѣлѣ управлюсь съ этимъ. Я не имѣю никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Напиши. Правда ли, что будто бы Жуковскій женится? Я не могу никакъ этому вѣрить. Прощай, Цѣлую тебя милліонъ разъ! Другъ!

„Обними Шевырева за меня нѣсколько разъ. Я бы писалъ къ нему, но не въ силахъ. Къ Сергѣю Тимоѳ. я бы тоже хотѣлъ писать... но что мнѣ пи-

сать теперь. Я не въ силахъ... Мнѣ бы хотѣлось скрыть отъ моихъ друзей мое положеніе.—Письмо мое издери въ куски: я храбрюсь всѣми силами".

Говорятъ иные, будто у Гоголя было эгоистическое, неспособное привязываться сердце: скажите, такое ли убѣжденіе внушаютъ вамъ эти письма? Но вотъ еще письмо послѣ полученія вѣсти о смерти Пушкина:

1837. Мартъ 30. Римъ.

«Я получилъ письмо твое въ Римѣ. Оно наполнено тѣмъ же, чѣмъ наполнены теперь всѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему. И это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?.. Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ? Или ты нарочно сдѣлалъ такое заключеніе послѣ сильнаго тобой приведеннаго примѣра, чтобы сдѣлать еще разительнѣе самой примѣръ. Для чего я пріѣду? Не видалъ я развѣ дорогого сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ. Ты пишешь, что всѣ люди, даже холодные, были тронуты этою потерею. А что эти люди готовы были дѣлать ему при жизни? Развѣ я не былъ свидѣтелемъ горькихъ, горькихъ минутъ, которыя приходилось чувствовать Пушкину, не смотря на то, что Самъ Монархъ (будь за то благословенно имя Его) почтилъ талантъ. О! когда я вспомню нашихъ судій, меценатовъ, ученыхъ, умниковъ... сердце мое содрагается при одной мысли. Должны быть сильныя причины, когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что я бы не хотѣлъ рѣшиться. Или, ты думаешь, мнѣ ничего, что мои друзья, что вы, отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной Русской земли! Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ богатый искусствами и человѣкомъ. Но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ посвятить я чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему. И нашъ бѣдный, не яркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства, предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны? Но ѣхать, выносить надменную гордость... людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить — нѣтъ, слуга покорный. Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руку, если дойдетъ до этого

дѣло. Но въ своей—никогда! Мои страданія тебѣ не могутъ вполнѣ (быть) понятны: ты въ пристани, ты какъ мудрецъ можешь перенесть и посмѣяться. Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны, и упираться мнѣ только на якорь гордости, которую вселили въ грудь мою высшія силы, сложить мнѣ голову свою на роднѣ. Если ты имѣешь желаніе ѣхать освѣжиться и возобновить свои силы, увидѣть меня — пріѣзжай въ Римъ. Здѣсь мое всегдашнее пребываніе. На Іюнь и Іюль ѣду въ Германію на воды, и, возвратившись, провожу здѣсь осень, зиму и весну. Небо чудное. Пью его воздухъ и забываю весь міръ. Напиши мнѣ что нибудь про ваши московскія гадости. Ты видишь, какъ сильна моя любовь: даже гадости я готовъ слышать изъ родины».

Ужели все это поддѣльныя чувства? Попробуйте поддѣлаться такъ, и мы увидимъ, успѣете ли вы обмануть насъ хотя на одинъ день; но если вы наложите на себя роль на всю жизнь,—неужели это возможно? Нѣтъ, натура ежеминутно будетъ вырываться наружу изъ-подъ личины.

И характеръ, и самая судьба Гоголя представляютъ чрезвычайно много общаго съ характеромъ и судьбою Руссо, этого нищаго, оклеветаннаго, бѣжавшаго отъ родины и нѣжно, тоскливо любящаго родину, подозрительнаго, неизмѣримо и справедливо гордаго, чрезвычайно скрытнаго и не умѣющаго ничего скрыть, пренебрегающаго всѣмъ и всѣми, нуждающагося во всѣхъ, впадавшаго во многое непростительное и пагубное для другихъ менѣе высокихъ по природѣ своей натуръ и все-таки оставшагося чистымъ въ душѣ, невиннымъ и наивнымъ, и, при всей своей наивности, и хитреца, и глубочайшаго сердцевѣдца, загадочнаго для современниковъ, очень понятнаго для потомства, геніальнаго и благороднаго мизантропа, полнаго нѣжной любви къ людямъ. Оба они, если хотите, были странные люди; но,—говоритъ Гоголь,—оба они имѣли право быть такими, какими были, потому что были необыкновенными людьми, и по уму, и по душѣ.

1840. Декабря 28. Римъ.

«Утѣшься! Чудно милостивъ и великъ Богъ: я здоровъ. Чувствую даже свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ Мертвыхъ Душъ. Вижу, что предметъ становится глубже и глубже. Многое совершилось во мнѣ въ немногое время; но я не въ силахъ теперь писать о томъ, не знаю почему, можетъ быть потому самому, почему не въ силахъ былъ въ Москвѣ сказать тебѣ ничего такого, что̀ бы оправдало меня передъ тобою во многомъ. Когда нибудь въ обоюдной встрѣчѣ, можетъ быть на меня найдетъ такое расположеніе, что слова мои потекутъ, и я съ чистой откровенностью ребенка повѣдаю состояніе души моей, причинившей многое вольное и неволь-

ное. О! ты долженъ знать, что тотъ, кто созданъ сколько нибудь творить въ глубинѣ души, жить и дышать своими твореньями, тотъ долженъ быть страненъ во многомъ. Боже! другому человѣку, чтобы оправдать себя, достаточно двухъ словъ, а ему нужны цѣлыя страницы. Какъ это тягостно иногда! Но, довольно. Цѣлую тебя! Письмо твое утѣшительно. Благодарю тебя за него! растроганно, душевно благодарю. Я покоенъ. Свѣжій воздухъ и пріятный холодъ здѣшней зимы дѣйствуетъ на меня животворительно. Я такъ покоенъ, что даже не думаю вовсе о томъ, что у меня ни копѣйки денегъ. Живу коекакъ въ долгъ. Мнѣ теперь все трынъ трава.

Мы не боимся наскучить читателю выписками, потому соберемъ еще отрывки, касающіеся такого эпизода въ служебной дѣятельности Гоголя, обыкновенные слухи о которомъ всегда казались намъ странны. Сличивъ отзывы самого Гоголя съ нѣкоторыми мѣстами въ «Авторской Исповѣди», припомнивъ нѣкоторыя общія истины о легкости удовлетворить многимъ требованіямъ, если только захотѣть удовлетворять имъ, о томъ, какъ легко овладѣваютъ апатія и отвращеніе человѣкомъ съ пылкою натурою, когда онъ встрѣчаетъ равнодушіе и т. д., мы будемъ снисходительнѣе судить объ этомъ эпизодѣ въ жизни Гоголя.

«Ты не гляди на мои историческіе отрывки: они молоды, они давно писаны, не гляди также на статью о среднихъ вѣкахъ въ Д. журналѣ. Она сказана только такъ, чтобы сказать что нибудь, и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думая также, чтобъ я старался только возбудить чувства и воображеніе. Клянусь! у меня цѣль высшая. Я можетъ быть еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ, но я буду когда нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку. Отчего же передо мною раздвигается природа и человѣкъ. Знаешь ли ты, что значитъ не встрѣтить сочувствія; что значитъ не встрѣтить отзыва. Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И отъ того я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками, и только смотрю въ даль, я вижу его въ той системѣ, въ какой оно явится у меня вылитою (sic) черезъ годъ. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня. Это народъ безцвѣтной... Но въ сторону все это».

Я рас...лся съ Университетомъ, и я черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года, годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся, въ эти полтора года я много вынесъ оттуда, и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не огра-

ниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня. Миръ вамъ, мои небесные гости, наводившіе на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большей силою, и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая, а неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и пр. и проч. Я тебѣ одному говорю это, другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это! Теперь вышелъ я на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія! Одну, наконецъ, рѣшаюсь давать на театрѣ».

Примѣры удивительной мѣткости, проницательности взгляда и чрезвычайной вѣрности пониманія людей и житейскихъ дѣлъ разсѣяны на каждой страницѣ писемъ. Приведемъ только одно сужденіе, высказанное по поводу намѣренія г. Погодина написать драматическія пьесы изъ эпохъ Бориса Годунова и Петра Великаго:

«Если вы хотите непремѣнно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется. Ради Бога прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіогноміи. Это необходимо такъ даже, чтобы они непремѣнно были смѣшны... Черезъ это небольшой умъ между ними уже будетъ рѣзокъ. Объ немъ идутъ рѣчи, какъ объ разъученой головѣ. Такъ бываетъ въ государствѣ...

«Какая смѣшная смѣсь во время Петра... одинъ самъ подставлялъ свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что одинъ бранитъ Антихристову новизну, а между тѣмъ самъ хочетъ дѣлать новомодный поклонъ, и бьется изъ силъ сковеркать ужимку французокафтанника...»

Какая проницательность историческаго взгляда!

Искренно благодаримъ г. Погодина за напечатаніе драгоцѣнныхъ писемъ Гоголя и надѣемся увидѣть продолженіе этой чрезвычайно любопытной корреспонденціи въ слѣдующей книжкѣ «Москвитянина».

Новый московскій журналъ, «Русскій Вѣстникъ», въ двухъ послѣднихъ книжкахъ представилъ довольно значительное по объему стихотвореніе г. Огарева «Зимній Путь». Особенную важность этому стихотворенію придаетъ то обстоятельство, что это покуда лучшее изъ беллетристическихъ произведеній, представленныхъ новымъ журналомъ. Достоинства этого стихотворенія, свойственныя вообще г. Огареву, опредѣляются во всемъ своемъ объемѣ слѣдующею строфою:

«Еще въ избахъ кой-гдѣ мерцаетъ
Лучины дымный огонекъ

И дѣва вѣчный свой клубокъ
Въ полу-дремотѣ напрядаетъ.
Я живо помню, какъ порой
Спокойная картина эта
Своею милой простотой
Меня плѣняла въ прежни лѣта;
Но нынѣ дѣвы сонный ликъ,
Храпящій на печи старикъ
И вѣчно плачущій ребенокъ
Въ дырявой люлькѣ, и теленокъ
Надъ грязнымъ мѣсивомъ—ей-ей—
Какъ жалкій образъ жизни скудной,
Тоской болѣзненной и трудной
Тревожатъ миръ души моей.
Милѣй мнѣ въ этой деревушкѣ
Воспоминанье объ одной
Сосѣдкѣ, добренькой старушкѣ
Съ нехитрой дѣтскою душей.
Она бывало предъ иконой
Взываетъ въ искренней мольбѣ,
Чтобъ Богъ *ему* былъ обороной
И пекся о *его* судьбѣ;
Иль, молча сидя на диванѣ,
Гадаетъ трепетно о *немъ*,
И все о *немъ*, о миломъ Ванѣ,
О внукѣ вѣтренномъ своемъ.
«Ну! что̀ вашъ внукъ?»—«Писалъ недавно».
«Чай денегъ проситъ милый внукъ?»
«Ну что жь что проситъ? Вотъ забавно!
«Ему вѣдь нужно для наукъ.
«А мнѣ?.. Стара я для наряда
«И ничего самой не надо!»
И вынетъ дочери портретъ,
Въ живыхъ которой больше нѣтъ,
И смотрвтъ съ грустною отрадой,
И смотритъ долго, и потомъ
Утретъ слезу свою тайкомъ.

Много такихъ задушевно-грустныхъ, небрежно-поэтическихъ строфъ читатель найдетъ въ «Зимнемъ Пути»,—и если онъ не встрѣтитъ въ остальныхъ строфахъ ничего свѣжѣе, энергичнѣе, выработаннѣе по формѣ, то не встрѣтитъ также и ничего такого, что̀ было бы ниже приведенной нами строфы, въ своемъ родѣ прекрасной.

Кстати о стихахъ. Во 2-мъ № «Русскаго Вѣстника» прочли мы пьесу г. К. Аксакова «Солнце и Луна». Это стихотвореніе напомнило намъ другую пьесу, сходную съ ней по содержанію, которую доставилъ авторъ ея для напечатанія въ «Современникѣ», но которую напечатать мы не рѣшились. Теперь печатаемъ ее здѣсь, увѣренные, что тѣ, кому понравилась пьеса «Солнце и Луна», отдадутъ справедливость и стихотворенію г. Лебедева, написанному на ту же тему:

Работай, юноша-поэтъ,
Во славу мысли и искусства!
Гони мечту, туманный бредъ
И неосмысленныя чувства...
Законы истины святой
Средь нашей жизни многосложной,
То величавой, то ничтожной,
Подмѣть и міру ихъ открой.

Зачѣмъ ты ищешь вдохновенья?
Оно въ тебѣ заключено,—
Великихъ душъ и пѣснопѣнья
Благоуханное зерно.
Оно, быть можетъ, плодъ богатый
Произраститъ: не заглуши
Ты нѣгой силъ и ихъ растратой
Сокровищъ истинныхъ души.

Ахъ, какъ обманчивы и милы
Мечты и рой кипучихъ грезъ,—
Отрава дѣятельной силы,
Залогъ грядущихъ горькихъ слезъ!
Укоръ тому, кто ихъ лелѣялъ,
Кто силы духа промоталъ,
Кто много-много въ жизни сѣялъ -
И только плевелы пожалъ;

Кто на землѣ—лунатикъ странный—
Душой мечтательной летѣлъ
Въ какой-то области туманной...
Тамъ много словъ, но мало дѣлъ;
Тамъ все милѣй, тамъ все чудеснѣй,
И грезы, радушной семьей
Слетаясь въ хоры, звонкой пѣсней
Голубятъ сонъ души больной.

Но все идетъ къ разумной цѣли,
Всему приходитъ череда;
Мечтанья быстро пролетѣли,
Настало поприще труда.
Но гдѣ же онъ, поклонникъ нѣги?
Онъ здѣсь, измученный, больной;
Онъ—робкій путникъ на ночлегѣ
Въ странѣ безвѣстной и чужой.

Почуялъ онъ впервые муки
Въ сознаньи немощи своей,
Какъ передъ нимъ вставали звуки
Иныхъ, невѣдомыхъ рѣчей:
Онъ въ этой жизни, въ этомъ мірѣ
Томится скорбью и трудомъ;
Онъ—лишній гость на свѣтломъ пирѣ,
Онъ—нищій сердцемъ и умомъ!

А прежній міръ? Онъ такъ чудесенъ!
Ему бы вновь отдаться сну,
Ему бы грезъ и сладкихъ пѣсенъ
И блѣдноликую луну...
. . . .
Во славу мысли и искусства
Работай, юноша-поэтъ!
Гони мечту, туманный бредъ
И неосмысленныя чувства.

И. Лебедевъ.

Признаться, мы не умѣемъ сказать, которое стихотвореніе лучше но можемъ сказать положительно, что ни то, ни другое не удовлетворяетъ насъ, въ смыслѣ поэтическаго произведенія.

Отмѣтивъ лучшее (и оконченное) въ московскихъ журналахъ, мы должны были бы перейти къ петербургскимъ; но петербургскіе журналы продолжаютъ статьи, начатыя ими въ первыхъ книжкахъ. Покуда мы можемъ сказать только о «Рудинѣ», оконченномъ во второмъ нумерѣ «Современника» и возбудившемъ въ публикѣ жаркіе и разнородные толки.

Не знаемъ, лучшая ли повѣсть г. Тургенева этотъ «Рудинъ». Вообще споръ о литературныхъ рангахъ бóльшею частью бываетъ безплоденъ, даже въ томъ случаѣ, повидимому, болѣе всего умѣстномъ, когда дѣло идетъ о присужденіи безусловнаго первенства тому или другому произведенію извѣстнаго автора. Обыкновенно

бываетъ, что по однимъ качествамъ надобно поставить выше остальныхъ одно произведеніе, по другимъ—другое, по инымъ качествамъ—третье, и т. д. Настоящій случай, кажется, подходитъ подъ это правило. Уступая нѣкоторымъ другимъ произведеніямъ г. Тургенева въ художественной выдержанности цѣлаго, «Рудинъ» долженъ быть поставленъ, по глубинѣ и живости содержанія, имъ охватываемаго, по силѣ и по самому характеру впечатлѣнія, имъ производимаго, очень высоко. Существенное значеніе послѣдней повѣсти г. Тургенева—ея идея: изобразить типъ нѣкоторыхъ людей, стоявшихъ еще недавно во главѣ умственнаго и жизненнаго движенія, постепенно охватывавшаго, благодаря ихъ энтузіазму, все болѣе и болѣе значительный кругъ въ лучшей и наиболѣе свѣжей части нашего общества. Эти люди имѣли большое значеніе, оставили по себѣ глубокіе и плодотворные слѣды. Ихъ нельзя не уважать, несмотря на всѣ ихъ смѣшныя или слабыя стороны. Они, вообще говоря, оказывались несостоятельны при практическомъ приложеженіи своихъ идей къ дѣлу, — отчасти потому, что еще недостаточно приготовлена была почва къ полному осуществленію ихъ идей, отчасти потому, что, развившись болѣе помощью отвлеченнаго мышленія, нежели жизни, которая давала для ихъ воззрѣній и чувствъ одни отрицательные элементы, они, дѣйствительно, жили болѣе всего головою; перевѣсъ головы былъ иногда такъ великъ, что нарушалъ гармонію въ ихъ дѣятельности, хотя нельзя сказать, чтобы у нихъ сухо было сердце и холодна кровь. Эту отрицательную сторону полно и прекрасно изобразилъ г. Тургеневъ. Не столь ясно и полно выставлена имъ положительная сторона въ типѣ Рудиныхъ. Вѣроятнѣе всего, произошло это оттого, что г. Тургеневъ, сознавая въ себѣ очень сильное сочувствіе къ своему горю, опасался увлеченія, излишней идеализаціи и, вслѣдствіе того, иногда насильственно старался смотрѣть на него скептически. Оттого характеръ Рудина, дѣйствительно, не столь отчетливо представленъ, какъ многіе другіе характеры въ той же повѣсти. Но неясность его, однако же, не такъ велика, чтобы трудно было читателю угадать и тѣ его черты, которыя оставлены нѣсколько туманными. Мы не всѣ стороны его жизни знаемъ одинаково хорошо; но тѣмъ не менѣе онъ живой является намъ, и появленіе этой личности, могучей при всѣхъ слабостяхъ, увлекательной при всѣхъ своихъ недостаткахъ, производитъ на читателя впечатлѣніе чрезвычайно

сильное и плодотворное, какого очень давно уже не производила ни одна русская повѣсть. Остальныя лица повѣсти очерчены почти безукоризненно, а созданіе такого характера, какъ Лежневъ, открываетъ ту благодатную и желанную сторону въ талантѣ г. Тургенева, которой вообще не встрѣчалось въ русскихъ писателяхъ послѣдней эпохи... По поводу Лежнева мы когда-нибудь еще возвратимся къ повѣсти г. Тургенева. Прибавимъ, что, при многихъ недостаткахъ «Рудина» въ художественномъ отношеніи, онъ показываетъ, что для г. Тургенева начинается новая эпоха дѣятельности, что его талантъ пріобрѣлъ новыя силы, что онъ дастъ намъ произведенія еще болѣе значительныя, нежели тѣ, которыми заслужилъ, въ глазахъ публики, первое мѣсто въ нашей новѣйшей литературѣ, послѣ Гоголя.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

АПРѢЛЬ 1856.

Отъ «Русскаго Вѣстника» публика ожидала хорошихъ ученыхъ статей и не ошиблась въ этомъ предположеніи: въ двухъ первыхъ томахъ, онъ далъ читателямъ много хорошихъ ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ иные справедливо заслужили общее вниманіе. Не будемъ перечислять всѣхъ статей по различнымъ отраслямъ науки, назовемъ только важнѣйшія, или по интересу содержанія, или по именамъ авторовъ, или по тому и другому вмѣстѣ. Главнѣйшимъ образомъ, «Русскій Вѣстникъ», подобно всѣмъ нашимъ журналамъ, интересуется разработкою исторіи русской литературы и русской исторіи; такъ и должно быть, потому что публика нынѣ по преимуществу интересуется этими предметами.

Характеръ общаго воззрѣнія, которымъ «Русскій Вѣстникъ» намѣренъ руководиться при разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся исторіи нашей литературы, опредѣлился, кажется, съ болѣе или менѣе достаточною для его читателей ясностью направленіемъ статьи г. Каткова, «Пушкинъ». Авторъ занятъ изслѣдованіемъ художественной стороны въ произведеніяхъ нашего великаго поэта, опредѣленіемъ и уясненіемъ законовъ творчества, которыя съ особенною точностью могутъ быть подмѣчены въ его талантѣ. При этой высокой точкѣ зрѣнія, конечно, историческая связь художника съ его вѣкомъ, біографическія мелочи и общественное значеніе его созданій имѣютъ только второстепенное значеніе, и все клонится къ разрѣшенію чисто эстетическихъ задачъ. Большая часть рецензій, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подтверждаютъ своимъ характеромъ увѣренность, возбуждаемую этой капитальной статьей журнала: онъ хочетъ быть органомъ художественной критики. Ко-

нечно, литература наша можетъ отъ этого только выиграть, и каждое опредѣленное, твердое, вѣрное себѣ направленіе имѣетъ цѣну уже потому, что въ основаніи его лежитъ убѣжденіе. Статья г. Анненкова «О значеніи художественныхъ произведеній для общества» очень вѣрно соотвѣтствуетъ направленію, выражаемому эстетическимъ изслѣдованіемъ г. Каткова. По исторіи литературы, «Русскій Вѣстникъ» представилъ прекрасную статью г. Савельева, извѣстнаго нашего оріенталиста: «Н. И. Надеждинъ». Г. Савельевъ въ послѣднее время былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ покойному редактору «Телескопа», и воспользовался оставшимся послѣ него отрывкомъ автобіографіи, чтобы высказать нѣсколько вѣрныхъ и теплыхъ замѣчаній о литературной дѣятельности и личныхъ качествахъ этого замѣчательнаго писатели. Превосходно написанъ и чрезвычайно интересенъ отрывокъ изъ воспоминаній нашего знаменитаго романиста И. И. Лажечникова: «Знакомство мое съ Пушкинымъ».

По русской исторіи замѣтимъ статьи г. Соловьева «Древняя Русь» и «Августъ-Людвигъ Шлёцеръ», г. Д. Милютина «Суворовъ», г. П. К. Щ—аго «Правленіе царевны Софіи», и г. Чичерина «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи». О каждой изъ нихъ мы должны сказать по нѣскольку словъ, а изслѣдованіе г. Чичерина, касающееся вопроса очень важнаго и въ высшей степени интереснаго и представляющее выводы, совершенно различные отъ общепринятаго доселѣ взгляда, заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія, и мы готовы были бы посвятить ему не нѣсколько словъ, а нѣсколько десятковъ страницъ.

«Древняя Русь» г. Соловьева — общій взглядъ на историческія отношенія Россіи къ западной Европѣ; главная мысль автора, что нашъ народъ всегда стремился быть однимъ изъ европейскихъ народовъ, хорошо извѣстна была публикѣ, какъ одно изъ основныхъ понятій г. Соловьева. «Августъ-Людвигъ Шлёцеръ» — не изслѣдованіе о значеніи трудовъ этого ученаго по русской исторіи, а біографическое введеніе къ этому изслѣдованію, безъ сомнѣнія, приготовляемому авторомъ. Г. Соловьевъ разказываетъ жизнь Шлёцера до отъѣзда изъ Россіи, въ 1767 году. Статья эта принадлежитъ къ числу лучшихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Д. А. Милютинъ далъ журналу не менѣе, если еще не болѣе занимательную главу изъ первой части своей «Исторіи итальянскихъ войнъ». Личность Суворова очень

вѣрно понята и ясно очерчена въ этомъ обзорѣ его жизни до назначенія главнокомандующимъ русской арміи, посланной въ Италію. «Правленіе царевны Софіи», г. Щ—аго, возбудило общее вниманіе догадками о томъ, кто этотъ г. Щ—ій, загадочная подпись котораго въ первый разъ является въ нашей литературѣ, подъ статьею, отличающеюся если не глубокимъ изученіемъ источниковъ, то хорошимъ разсказомъ, если не новымъ взглядомъ на людей и событія, то, во всякомъ случаѣ, удачнымъ выборомъ эпохи, очень важной и мало разработанной нашими историками. Когда любопытство, возбужденное именемъ автора, остыло, многіе отъ одной крайности перешли къ другой и стали отнимать у разсказа всѣ достоинства. Это несправедливо: статья г. Щ—аго, конечно, не есть капитальное произведеніе великаго историческаго таланта или глубокой учености, но она написана живо и хорошо.

Важнѣйшая въ научномъ отношеніи статья, изъ всѣхъ доселѣ помѣщенныхъ «Русскимъ Вѣстникомъ» — «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи», принадлежитъ молодому ученому, также, если не ошибаемся, въ первый разъ выступающему на литературное поприще. Намъ кажется, что трудъ г. Чичерина имѣетъ существенные недостатки, но, тѣмъ не менѣе, надобно ожидать отъ дѣятельности автора прекрасныхъ результатовъ для науки, лишь бы только онъ продолжалъ трудиться, какъ началъ, продолжалъ сочувствовать не мелочнымъ, хотя блестящимъ, подробностямъ внѣшней исторіи, а великимъ вопросамъ нашего историческаго быта: для первыхъ всегда найдется довольно компиляторовъ и разсказчиковъ, вторые нуждаются въ даровитыхъ изслѣдователяхъ. Первая статья г. Чичерина встрѣчена живымъ сочувствіемъ каждаго просвѣщеннаго читателя, одобреніемъ всѣхъ замѣчательныхъ спеціалистовъ. Желать надобно, чтобы это побудило его идти по дорогѣ, на которую вступилъ онъ рѣшительно и удачно, а другихъ молодыхъ ученыхъ—слѣдовать его примѣру. Достоинства изслѣдованія г. Чичерина такъ несомнѣнны, что мы не боимся высказать откровенное мнѣніе о тѣхъ сторонахъ его труда, которыя вызываютъ критику.

Г. Чичеринъ былъ возбужденъ къ своему изслѣдованію, какъ видно, мнѣніемъ о патріархальномъ происхожденіи нашей сельской общины, высказаннымъ въ извѣстной книгѣ барона Гакстгаузена. У него родилось желаніе провѣрить изученіемъ фактовъ это поня-

тіе, показавшееся ему несправедливымъ. Онъ сталъ искать въ исторіи подтвержденія или опроверженія доказательствъ, приводимыхъ Гакстгаузеномъ, — нашелъ, что ихъ можно опровергнуть, опровергъ и удовлетворился этимъ, полагая, что опровергнуть слова Гакстгаузена значитъ доказать неосновательность мнѣнія, раздѣляемаго знаменитымъ путешественникомъ. Онъ остановился на Гакстгаузенѣ — это была, намъ кажется, первая ошибка съ его стороны. Авторъ «Путешествія по Россіи» авторитетъ въ сельскомъ хозяйствѣ, политической экономіи, если угодно, въ этнографіи и многомъ другомъ, касающемся современнаго быта, но не въ исторіи. Онъ излагаетъ вопросъ, обратившій на себя вниманіе г. Чичерина, только мимоходомъ, не развивая въ надлежащей полнотѣ и точности доказательствъ, на которыхъ основывается мнѣніе кажущееся ему справедливымъ. Эта неполнота и неточность опровергаемаго писателя послужили причиною неполноты и неточности и въ опроверженіи. Если бы г. Чичеринъ, начавъ съ Гакстгаузена, не остановился на немъ, а перешелъ къ нашимъ историкамъ, онъ нашелъ бы истинныхъ своихъ противниковъ, отъ побѣды надъ которыми и зависитъ успѣхъ его дѣла, потому что у нихъ мнѣніе о патріархальномъ происхожденіи русской общины подкрѣпляется гораздо сильнѣйшими доказательствами, нежели у нѣмецкаго экономиста. Онъ нашелъ бы тогда необходимость сообщить болѣе строгости и самымъ пріемамъ, употребляемымъ у него при рѣшеніи вопроса. Теперь же многіе существенно важные для рѣшенія вопроса факты, выставленные нашими историками въ такомъ видѣ, которымъ подтверждается патріархальное происхожденіе нашей общины, онъ оставляетъ безъ вниманія, о нѣкоторыхъ другихъ высказываетъ понятія едва ли согласныя съ нынѣшнимъ состояніемъ русской исторіи, и вообще полагаетъ доказаннымъ многое вовсе недоказанное, и, наоборотъ, лишеннымъ доказательствъ многое кажущееся нынѣ положительно доказаннымъ. Оттого и результаты его изслѣдованія, въ которыхъ несомнѣнна есть доля правды, являются не вполнѣ доказанными, а часто и рѣшительно преувеличенными. Не считаемъ научнымъ доводомъ той мысли, которою, будто твердѣйшимъ аргументомъ, заключается его статья: «сравнивать наши общины съ патріархальными общинами другихъ народовъ значитъ отрицать въ насъ историческое развитіе»—это вовсе не аргументъ: во-первыхъ, наука должна стремиться не къ тому, чтобы доказать

ту или другую пріятную или непріятную для насъ мысль, вносимую въ науку извнѣ, а просто къ открытію истины, какова бы она ни была; во-вторыхъ, неподвижность сельскихъ общинъ вовсе не есть доказательство неподвижности всего нашего историческаго существованія: извѣстно, что общій ходъ историческаго движенія состоитъ въ расширеніи его круга; начинается оно съ передовыхъ классовъ общества и достигаетъ низшихъ слоевъ народа, что совершается очень медленно. И въ Англіи и во Франціи народъ еще недавно и очень мало вовлеченъ въ историческое движеніе; тѣмъ естественнѣе полагать, что у насъ оно еще и не касалось сельскаго быта, и факты доказываютъ, что историческими дѣятелями у насъ доселѣ были только высшія сословія и, отчасти, города: о народѣ исторія упоминаетъ рѣдко, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, какъ въ 1612 году, да и то для того только, чтобы тотчасъ же опять забыть о немъ. Удивительно ли послѣ того, что историческое движеніе очень мало касалось внутренняге быта сельскихъ общинъ. Такъ и думаютъ обыкновенно, полагая, что онѣ составляютъ остатокъ патріархальнаго быта. Г. Чичеринъ приходитъ къ совершенно другимъ выводамъ, которые выражены имъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«Изъ историческаго обзора сельскихъ учрежденій мы можемъ вывести слѣдующее:

1. Что наша сельская община вовсе не патріархальная, не родовая, а государственная. Она не образовалась сама собою изъ естественнаго союза людей, а устроена правительствомъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ.

2. Что она вовсе не похожа на общины другихъ славянскихъ племенъ, сохранившихъ свой характеръ посреди историческаго движенія. Она имѣетъ свои особенности, но онѣ вытекаютъ собственно изъ русской исторіи, не имѣющей никакого сходства съ исторіею западныхъ славянскихъ племенъ.

3. Что наша сельская община имѣла свою исторію и развивалась по тѣмъ же началамъ, по какимъ развивался и весь общественный и государственный бытъ Россіи. Изъ родовой общины она сдѣлалась владѣльческою, а изъ владѣльческой государственною. Средневѣковыя общинныя учрежденія не имѣли ничего сходнаго съ нынѣшними: тогда не было ни общаго владѣнія землею, ни ограниченія права наслѣдства отдѣльныхъ членовъ, ни передѣла земель, ни ограниченія права перехода на другія мѣста, ни соединенія земледѣльцевъ въ большія села, ни внутренняго суда и расправы, ни общинной полиціи, ни общинныхъ хозяйственныхъ учрежденій. Все ограничивалось сборомъ податей и отправленіемъ повинностей въ пользу землевладѣльца, и значеніе сельской общины было чисто владѣльческое и финансовое.

4. Настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ съ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и изъ разложенія податей на души».

Если бы эти положенія были подтверждены рѣшительными доказательствами, всѣ наши понятія о внутренней исторіи русскаго быта совершенно измѣнились бы, чему, сказать кстати, нельзя было бы не радоваться, потому что новыя, вводимыя мнѣніемъ о недавнемъ происхожденіи нынѣшней сельской общины, представляли бы гораздо болѣе пріятнаго личнымъ желаніямъ почти каждаго изъ насъ. Но дѣло въ томъ, что г. Чичеринъ, исключительно занимаясь Гакстгаузеномъ, недостаточно, какъ намъ кажется, опровергъ мнѣніе о патріархальномъ происхожденіи нашей сельской общины, только раздѣляемое нѣмецкимъ путешественникомъ, но вовсе не имъ основанное и опирающееся на многочисленныхъ фактахъ, не приводимыхъ, конечно, у Гакстгаузена и не разсмотрѣнныхъ въ статьѣ нашего изслѣдователя. Кромѣ того, какъ намъ кажется, г. Чичеринъ допустилъ въ основныхъ своихъ понятіяхъ нѣкоторую неясность, чему причиною опять изложеніе Гакстгаузена, который, какъ мы сказали, не имѣлъ намѣренія углубляться въ историческій вопросъ, чуждый его спеціальности. Г. Чичеринъ скромно говоритъ, что «не имѣлъ претензіи написать полную исторію сельской общины, а хотѣлъ только выставить на видъ нѣкоторыя историческія данныя, могущія служить къ уясненію этого важнаго вопроса». Мы, ограниченные тѣснымъ пространствомъ трехъ-четырехъ страницъ въ бѣгломъ журнальномъ обозрѣніи, еще менѣе можемъ предъявлять претензію на полный разборъ его прекрасной статьи, обильной и новыми фактами и новыми взглядами: мы хотимъ также только высказать нѣкоторыя замѣчанія относительно ея существенныхъ положеній. «Наша община не родовая, она не образовалась сама собою изъ естественнаго союза людей», потому что въ нее вторглись чуждые элементы, именно она подпала подъ власть чуждаго ей князя и его дружины. Но авторъ не изслѣдовалъ, въ какомъ отношеніи эти владѣльцы стали къ внутреннему быту общины. Касались ли они ея внутренняго устройства, или довольствовались тѣмъ, что собирали подать, брали ратниковъ на время похода и присвоили себѣ право судить, по старымъ обычаямъ? Все доказываетъ, что они ограничивались этою заботою о собствен-

ныхъ правахъ и выгодахъ, этими чисто внѣшними отношеніями, и. если община исполняла свои обязанности къ владѣльцу, она вѣдала свои домашнія дѣла какъ хотѣла. «Земля стала собственностью князя и другихъ владѣльцевъ, а не общины». Что жъ тутъ важнаго для общиннаго начала? и нынѣ земля составляетъ собственность государства или помѣщика, а не общины; за крестьянами, ее населяющими, признается только право пользованія ею, а не собственности,—но дѣлить ее между собою по старому общинному началу никто имъ не мѣшаетъ, — ни государственная администрація, ни помѣщикъ. Такъ и всегда было. Въ какія бы руки ни переходила высшая власть надъ землею, которую населяютъ и непосредственно обработываютъ поселяне, они все-таки обработывали и дѣлили ее между собою по старому обычаю. Владѣлецъ въ это не вмѣшивался, потому что это не касалось его интересовъ. Правда, прямая выгода побуждала его, какъ побуждаетъ и нынѣ, часть земли, находящейся въ его владѣніи, брать въ собственное пользованіе и обработывать ее посредствомъ натуральной повинности, возлагаемой имъ на поселянъ, или отдавать въ наемъ. Г. Чичеринъ, находя въ древнихъ памятникахъ факты указывающіе на обычай отдавать землю въ наемъ, видитъ въ нихъ доказательство, что въ XIV—XVI или въ XII—XV вѣкахъ (наугадъ опредѣляемъ эпоху, къ которой надобно относить по его теоріи паденіе общины, потому что онъ самъ не опредѣляетъ его точнымъ образомъ) община совершенно исчезла. Это несправедливо. Никто не думаетъ, чтобы когда нибудь все пространство русской земли дѣлилось между членами общинъ: напротивъ, за выдѣленіемъ каждому участка для обработки, всегда оставалось множество земли; она принадлежала племени, или общинѣ; потомъ, когда явились владѣльцы, принадлежала владѣльцу, какъ ему принадлежала и земля, предоставленная въ обработку общинѣ, живущей подъ его властью; и если эта часть земли, не принадлежащая къ участку, обработываемому общиною, отдавалась въ наемъ, это нисколько не мѣшало внутреннему порядку общины, которая оставленныя ей земли все-таки дѣлила между своими членами. Право найма существовало и въ патріархальной общинѣ, — этого никто не думалъ отрицать. Продажа и покупка разныхъ участковъ земли отдѣльными лицами также не мѣшаетъ признавать, что общинное владѣніе продолжалось. Никто не думалъ отрицать, что подлѣ общинныхъ земель издавна возникли частныя

владѣнія. Напротивъ, историки наши говорятъ объ этомъ положительно и находятъ, что количество земли, состоящей въ частной собственности, постепенно увеличивалось; но все-таки бóльшая половина обработываемой земли оставалась въ общинномъ владѣніи (если община была независима отъ частнаго владѣльца) или, по крайней мѣрѣ, въ обработкѣ, у общины съ прежнимъ обычаемъ дѣлежа (если община находилась подъ властью частнаго лица). Третью причину утверждать, что родовая община въ XIII—XVI вѣкахъ исчезла у насъ, авторъ находитъ въ переселеніяхъ крестьянъ, которые тогда не были крѣпки землѣ: родственники могли расходиться, чуждые другъ другу люди сходиться. Это опять ничего не доказываетъ. Никто не думалъ утверждать, чтобы общинность владѣнія земли въ какомъ нибудь селѣ Ивановѣ или Петровѣ въ XVI или XV вѣкѣ зависѣла оттого, что всѣ поселяне, живущіе въ немъ, считаютъ себя потомками одного и того же лица, Ивана, жившаго въ XII вѣкѣ, или Петра, жившаго въ IX вѣкѣ. Они могли быть совершенно посторонніе другъ другу люди и знать, что не находятся въ родствѣ—и все-таки они по старому обычаю дѣлили землю. Ученые, думающіе, что община наша имѣетъ патріархальное происхожденіе, не то полагаютъ, чтобы до XVII вѣка не существовало на Руси никакихъ отношеній, кромѣ родовыхъ: напротивъ, они показываютъ, какъ мало-по-малу развивались отношенія, чуждыя родовому быту, и говорятъ только, что по старому обычаю, при отсутствіи причинъ поступать иначе, на эти новыя отношенія переносились формы и учрежденія родоваго быта. Такъ было и съ общиннымъ началомъ. Принимая въ общину посторонняго человѣка, ему давали въ XV вѣкѣ участокъ земли, какъ то дѣлается и нынѣ. Притомъ, авторъ, повидимому, представляетъ себѣ, что до укрѣпленія поселянъ за землею переселенія отдѣльныхъ лицъ съ одного жительства на другое происходили въ такомъ обширномъ размѣрѣ, какого они навѣрное не имѣли. Нельзя предполагать, чтобы до конца XVI вѣка поселяне наши «предавались», какъ онъ выражается, «кочевой жизни», и чтобы на Юрьевъ день дороги покрывались безчисленными обозами переселенцевъ. Безъ особенныхъ, чрезвычайно сильныхъ причинъ, безъ крайней необходимости земледѣлецъ не рѣшится на переселеніе: оно очень трудно для него. И чѣмъ внимательнѣе вникнемъ въ данныя, сохраненныя для насъ актами, лѣтописями, пѣснями, записками иностранцевъ, тѣмъ тверже

убѣдимся, что распоряженія объ укрѣпленіи поселянъ за землею были вызваны не столько желаніемъ прекратить бродяжничество, сколько другими соображеніями, о которыхъ упоминаетъ и г. Чичеринъ. Самое приведеніе въ исполненіе этой мѣры доказываетъ, что число дѣйствительно пользовавшихся прежнимъ обычаемъ было не слишкомъ значительно, и что масса населенія въ началѣ приняла новую мѣру довольно равнодушно, болѣе какъ формальность, нежели какъ существенное измѣненіе въ матеріальномъ положеніи. Слѣдствія обнаружились уже черезъ нѣсколько лѣтъ, какъ то указано, между прочимъ, и г. Соловьевымъ въ «Обзорѣ событій конца XVI и начала XVII столѣтій». А когда поселяне рѣшались переселяться, это чаще всего дѣлалось не отдѣльными людьми, а цѣлыми волостями или селами. Причины были общія для всѣхъ жителей села или волости—недостатокъ земли, или обременительность условій, или слухъ о лучшихъ условіяхъ. Да и нынѣ подобные факты совершаются бо́льшею частью сообща всѣми поселянами, а не отдѣльными искателями приключеній. Словомъ, ближайшее соображеніе фактовъ убѣждаетъ, что число новыхъ пришельцевъ въ общинѣ никогда не могло быть такъ значительно, чтобы разстроивать ее: община сидѣла на мѣстѣ, а когда двигалась—что́ случалось рѣдко, и не съ многими общинами—то двигалась вся вмѣстѣ, и черезъ переселеніе измѣнялись только ея мѣсто жительство и внѣшнее отношеніе къ владѣльческой власти, а не внутреннія отношенія между поселянами, ее составлявшими. Такимъ образомъ, доказательства, на которыхъ основывается заключеніе г. Чичерина о совершенномъ упадкѣ общинныхъ отношеній между членами самой общины въ XIII—XV вѣкахъ, не представляются убѣдительными. Община не разрушалась: она только потеряла значеніе въ общей государственной жизни, не имѣла вліянія на историческія событія,—это безспорно; но эти событія не коснулись ея внутренняго устройства, потому что никому не было охоты обращать на него вниманіе. Г. Чичеринъ, кажется, смѣшалъ эти существенно различные факты, внѣшнее безсиліе и бездѣйствіе принялъ за смерть. Но если бы община умерла въ XVI вѣкѣ, какимъ образомъ и когда могла бы она воскреснуть, и, притомъ, воскреснуть въ совершенно прежнемъ видѣ? Г. Чичеринъ считаетъ ея возстановленіе слѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ съ финансовою цѣлью: подати вѣрнѣе уплачиваются цѣлою волостью, нежели отдѣльными лицами.

Но, во-первыхъ, эти причины существовали и прежде; во-вторыхъ, гдѣ доказательства того, что общинное владѣніе землею возстановлено административными мѣрами? Такихъ указовъ нѣтъ; напротивъ, общинное владѣніе постоянно упоминается въ узаконеніяхъ, какъ старинный обычай. Да и когда обычное право (les coutumes), если оно умерло въ жизни, возстановлялось письменнымъ законоположеніемъ? Этому нѣтъ ни одного примѣра не только въ русской, но и ни въ какой другой исторіи. Характеръ письменнаго всегда нововведеніе, и чтó касается вопросовъ владѣнія—всегда до сихъ поръ во всѣхъ странахъ—все болѣе и болѣе строгое развитіе правъ личной собственности. И наконецъ, какимъ образомъ созданная мѣрами правительства съ финансовою цѣлью въ XVII—XVIII вѣкахъ русская община могла бы походить своимъ внутреннимъ устройствомъ на патріархальную общину другихъ славянскихъ племенъ? Г. Чичеринъ просто отрицаетъ это сходство, не представляя доказательствъ своему отрицанію. Онъ имѣлъ бы основаніе отрицать только тогда, если бы сравнилъ внутреннее устройство русской, сербской и пр. общинъ; а этого-то именно онъ и не сдѣлалъ. Словомъ, если онъ хочетъ, чтобы наука приняла его мнѣніе объ исчезновеніи у насъ сельской общины въ XIII—XV вѣкахъ и возрожденіи ея административными мѣрами въ XVII—XVIII столѣтіяхъ, онъ долженъ представить новыя доказательства, которыя опровергали бы понятія нашихъ историковъ и факты, ими выставленные на первый планъ въ исторіи нашего внутренняго быта. Если сдѣлаетъ это, наши спеціалисты, конечно, первые порадуются тому, что ихъ ошибка будетъ открыта, потому что истина для ученаго, преданнаго своей наукѣ, дороже всего. Но мы должны сказать, что опровергнуть понятіе о нашей общинѣ, какъ остаткѣ глубокой древности, а не созданіи XVII—XVIII столѣтій—дѣло очень трудное и едвали возможное.

Мы прямо высказали наше мнѣніе о положеніяхъ, которыя старается доказать г. Чичеринъ, потому что никакія противорѣчія не отнимутъ у его статьи важнаго достоинства: она—первое подробное изслѣдованіе о вопросѣ, чрезвычайно важномъ, и если рѣшеніе, предлагаемое авторомъ, не будетъ принято наукою, то безъ сомнѣнія, спеціалисты отдадутъ справедливость тому, что трудъ его представляетъ много матеріаловъ для исторіи русской общины, особенно внѣшнихъ ея отношеній къ владѣльцамъ; существенное же зна-

ченіе для русской исторіи несомнѣнно пріобрѣтетъ она тѣмъ, что послужитъ исходною точкою для новыхъ изъисканій, — и, судя по качествамъ, какія обнаружилъ авторъ въ своемъ первомъ трудѣ, надобно желать, чтобы онъ принялъ участіе въ этихъ дальнѣйшихъ изъисканіяхъ.

По всеобщей исторіи читателями «Русскаго Вѣстника» была замѣчена статья г. Кудрявцева «Карлъ V». О лекціи покойнаго Грановскаго «Океанія и ея жители» мы уже имѣли случай говорить.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

МАЙ 1856.

— Радушно привѣтствовали мы «Русскую Бесѣду» и радовались основанію этого журнала, будто пріобрѣтаемъ въ немъ союзника по убѣжденіямъ, сподвижника въ общемъ дѣлѣ. А между тѣмъ, извѣстно было, что убѣжденія, раздѣляемыя «Современникомъ» со всѣми другими журналами, пользующимися большимъ ими меньшимъ сочувствіемъ въ огромномъ большинствѣ просвѣщенныхъ людей нашей земли, отвергаются «Русскою Бесѣдою», какъ ошибочныя; извѣстно было, что «Русская Бесѣда» и основывается именно съ тою цѣлью, чтобы противодѣйствовать вліянію нашихъ мнѣній, если возможно—уничтожить его. Какъ же радоваться появленію противника? Или мы надѣялись, что «Русская Бесѣда» будетъ не такова, какъ того всѣ ожидали, судя по программѣ, что она смягчитъ предполагаемую рѣзкость своего протеста, будетъ удаляться борьбы? Нѣтъ, этого нельзя было надѣяться. Программа и имена многихъ сотрудниковъ слишкомъ ясно убѣждали, что «Русская Бесѣда» начнетъ открытую и сильную борьбу. Ея воинственность обнаружилась еще до появленія первой книги журнала, споромъ его редакціи съ «Московскими Вѣдомостями» о народномъ воззрѣніи въ наукѣ. «Русскій Вѣстникъ», которому ближе петербургскихъ журналовъ могли быть извѣстны намѣренія новаго журнала, также объявлялъ, что предвидитъ неизбѣжность жаркихъ преній съ «Русскою Бесѣдою». Первая книга ея не замедлила оправдать эти предвѣстія. Всѣ статьи, сколько нибудь выражающія духъ журнала, таковы, что ни одна изъ нихъ не могла бы быть напечатана ни въ «Русскомъ Вѣстникѣ» ни въ «Отечественныхъ Запискахъ», ни въ «Современникѣ». «Русскій Вѣстникъ», по своему

мѣстному положенію, чувствующій на себѣ ближайшую обязанность обращать особенное вниманіе на «Русскую Бесѣду», уже началъ съ нею серьезное преніе: первый же нумеръ его, вышедшій послѣ появленія «Русской Бесѣды», содержитъ уже сильное возраженіе на важнѣйшую статью «Русской Бесѣды», и мы должны сказать, что въ этомъ случаѣ мнѣнія, выраженныя «Русскимъ Вѣстникомъ», кажутся намъ совершенно справедливыми. Нѣтъ сомнѣнія что «Русская Бесѣда» будетъ защищаться и нападать, что названные нами выше петербургскіе журналы должны принять участіе въ жаркихъ преніяхъ и, конечно, по характеру своихъ убѣжденій, станутъ не на сторонѣ «Русской Бесѣды».

И, однако же, мы отъ искренняго сердца повторяемъ свое привѣтствіе «Русской Бесѣдѣ, желаемъ ей долгаго, полнаго силы существованія. Это потому, что мы считаемъ существованіе «Русской Бесѣды» въ высокой степени полезнымъ для нашей литературы вообще и въ частности для тѣхъ началъ, противъ которыхъ возстаетъ она, которыя для насъ дороже всего, которыя мы защищали и всегда будемъ защищать. Будемъ говорить откровенно: искренность—лучшее правило въ жизни; «Русская Бесѣда» сама обѣщаетъ искренность и, конечно, готова принять ее отъ другихъ.

Разногласіе между убѣжденіями славянофиловъ *), органомъ которыхъ хочетъ быть «Русская Бесѣда», и убѣжденіями людей, противъ которыхъ они возстаютъ, касается многихъ очень важныхъ вопросовъ. Но въ другихъ, еще болѣе существенныхъ стремленіяхъ противники совершенно сходятся, мы въ томъ убѣждены. Мы хотимъ свѣта и правды,—«Русская Бесѣда» также; мы, по мѣрѣ силъ, возстаемъ противъ пошлаго, низкаго и грязнаго, — «Русская Бесѣда» также; мы считаемъ кореннымъ врагомъ нашимъ въ настоящее время невѣжественную апатію, мертвенное пустодушіе, лживую мишуру,—«Русская Бесѣда» также. И, каковы бы ни

*) Употребляемъ это названіе потому, что сами сотрудники «Русской Бесѣды» принимаютъ его, но остаемся при мнѣніи, которое выразили недавно, что прозваніе это кажется намъ произвольнымъ и не довольно точнымъ. Во первыхъ, симпатія къ славянскимъ племенамъ не есть существенное начало въ убѣжденіяхъ цѣлой школы, называемой этимъ именемъ. Во вторыхъ, кто же изъ образованныхъ людей не раздѣляетъ нынѣ съ нею этой симпатіи? Въ третьихъ, имя «славянофиловъ» уже изношено и отчасти измельчало: мы не хотѣли бы для гг. Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Кошелева, Самарина, Хомякова, кн. Черкасскаго имени, напоминающаго о Шишковѣ.

были разногласія, мы увѣрены, что «Русская Бесѣда» въ сущности точно также понимаетъ всѣ эти слова, какъ и мы. Согласіе въ сущности стремленій такъ сильно, что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ. Какъ скоро рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего нибудь практическаго въ наукѣ или жизни, коренному разногласію нѣтъ мѣста; возможны только случайныя ошибки съ той или другой стороны, отъ которыхъ и та и другая сторона съ радостью откажется, какъ скоро кѣмъ нибудь изъ чьихъ бы то ни было рядовъ будетъ высказано болѣе здравое рѣшеніе, потому что тутъ нѣтъ разъединенія между образованными русскими людьми: всѣ хотятъ одного и того же.

Въ самомъ дѣлѣ, чего хотимъ мы всѣ? увеличенія числа учащихся и выучивающихся; усиленія научной и литературной дѣятельности; проложенія желѣзныхъ дорогъ; разумнаго распредѣленія экономическихъ силъ, и т. д.—Мы увѣрены, что какихъ бы началъ ни держался человѣкъ въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ, онъ также будетъ отвергнутъ и «Русскою Бесѣдою», какъ и нами, если не хочетъ всего этого. Возьмемъ вопросы болѣе частные. Чего напримѣръ, требуетъ «Русская Бесѣда» въ сферѣ научной дѣятельности? Полнѣйшаго и основательнѣйшаго знакомства съ европейскою наукою *); усиленной разработки всѣхъ отраслей науки, касающихся русскаго міра, преимущественно русскаго быта и исторіи. Прекрасно. Мы всѣ хотимъ того же самаго, и «Русская Бесѣда» конечно, не оскорбитъ никого изъ грамотныхъ людей русскихъ подозрѣніемъ, что онъ не раздѣляетъ этихъ желаній. Въ чемъ же несогласіе между нами и славянофилами? Въ вопросахъ, которые могутъ быть очень важны для Германіи или для Франціи, но которымъ у насъ не пришло еще время — служить достаточнымъ основаніемъ для разъединенія здравомыслящихъ людей. Это вопросы теоретическіе, пока еще вовсе не имѣющіе у насъ приложенія къ жизни,—воп-

*) Обращаемъ вниманіе читателей на то, что въ статьяхъ лучшихъ участниковъ «Русской Бесѣды» это требованіе выражено съ отсутствіемъ всякой двусмысленности. Этого для насъ довольно. Нужна намъ европейская наука? вотъ въ чемъ вопросъ, а не въ томъ, изъята ли она въ своемъ нынѣшнемъ видѣ отъ всякихъ недостатковъ и во всемъ ли уже достигла совершенства,— этого никто не думаетъ и въ западной Европѣ, никто изъ умныхъ людей не думаетъ и у насъ.

росы, ведя споръ о которыхъ (на сколько возможенъ у насъ споръ о нихъ), можно и должно у насъ не разрывать рукъ, соединяемыхъ въ дружеское пожатіе согласіемъ относительно вопросовъ, существенно важныхъ въ настоящее время для нашей родины.

Такъ мы думаемъ и такъ всегда будемъ думать, пока «Русская Бесѣда» не измѣнитъ дѣлу просвѣщенія и житейской правды, за которое теперь, несмотря на всѣ неумѣренныя (и, по нашему мнѣнію, рѣшительно преждевременныя) инвективы противъ людей, думающихъ объ отвлеченныхъ вопросахъ иначе, нежели она, — стоитъ она почти во всемъ существенно важномъ.

Будетъ ли она продолжать стоять за просвѣщеніе? Надѣемся, основываясь на томъ, что издатель журнала—г. Кошелевъ, къ числу главныхъ сотрудниковъ принадлежатъ гг. Аксаковы, Самаринъ, Хомяковъ, кн. Черкасскій. Но постоянно ли будетъ оправдываться наша надежда, зависитъ оттого, ихъ ли мнѣнія будутъ преобладать въ журналѣ. Это необходимо для того, чтобы журналъ пріобрѣлъ симпатію въ публикѣ и литературѣ, и, искренно желая того, откровенно выскажемъ, что «Русской Бесѣдѣ» предстоитъ внутренняя борьба для сохраненія въ литературѣ мѣста, которое назначается ей ожиданіями публики. Въ первой книгѣ, вмѣстѣ съ статьями, заслуживающими одобреніе и отъ тѣхъ, которые противорѣчатъ имъ, нашла себѣ мѣсто статья, которая кажется приличною не «Русской Бесѣдѣ», а развѣ покойному «Маяку». Этого мы не хотѣли ожидать, и хотѣли бы думать, что это случайная ошибка. Если бы г. N только хвалилъ какъ ему угодно комедіи г. Островскаго, тутъ не было бы бѣды; но зачѣмъ примѣшивать странные толки о постороннихъ дѣлу предметахъ, которыхъ онъ совершенно не хочетъ понимать? Его разсужденія слишкомъ противорѣчатъ общему духу самой «Русской Бесѣды». Правда, «Русская Бесѣда», въ предисловіи, которое сообщено нами читателю въ предъидущей книгѣ журнала, предупреждаетъ, что въ ней мы встрѣтимъ людей, «которые болѣе или менѣе разногласятъ между собою въ мнѣніяхъ касательно важныхъ и отчасти жизненныхъ вопросовъ», но кружокъ которыхъ все-таки связанъ «единствомъ коренныхъ, неизмѣнныхъ убѣжденій». Намъ кажется, что единство между г. N и, напримѣръ, г. Самаринымъ или гг. Аксаковыми едва ли можетъ существовать въ чемъ нибудь существенно важномъ.

Союзъ ихъ съ нимъ ненатураленъ. Дѣло другое, еслибъ онъ за-

хотѣлъ сдѣлаться ихъ ученикомъ, — это было бы и естественно и хорошо; тогда только мы успокоились бы за «Русскую Бесѣду». Полагая, что это такъ и случится, не будемъ говорить о статьѣ г. N, называющей грѣхомъ все, что происходитъ въ мірѣ не по правилу, предлагаемому стихомъ изъ одной русской пѣсни:

Потерпи, сестрица, потерпи родная!

Мы думаемъ, что о дѣлахъ земныхъ, каковы наука и литература, разсуждать съ г. N совершенно безполезно; считаемъ обязанностью замѣтить только, что и онъ не долженъ бы говорить о нихъ: вѣдь это суетныя и тлѣнныя земныя занятія, несовмѣстныя съ его точкою зрѣнія. Надѣясь, что онъ пойметъ всю справедливость этой истины и не будетъ говорить ничего, или заговоритъ другимъ, болѣе приличнымъ русской литературѣ тономъ, въ слѣдующихъ книгахъ журнала, мы не будемъ принимать его статью въ соображеніе при нашемъ мнѣніи о «Русской Бесѣдѣ»; но крайность, въ которую неосторожно вовлекъ онъ «Русскую Бесѣду», служитъ доказательствомъ, что новый журналъ долженъ точнѣе и строже опредѣлить границы своего направленія.

Съ цѣлью содѣйствовать ему въ этомъ, мы обратимъ вниманіе его участниковъ на тѣ обстоятельства и вопросы, отъ точнаго взгляда на которые много зависитъ успѣхъ общаго намъ съ ними дѣла—содѣйствія развитію роднаго просвѣщенія, и плодотворность самыхъ споровъ «Русской Бесѣды» съ ея противниками, если должны быть постоянные споры.

Съ того времени, какъ славянофилы, нѣкогда смѣшиваемые и, можетъ быть, смѣшивавшіе сами себя съ различными сотрудниками «Москвитянина» и тому подобныхъ журналовъ, выступили сомкнутою партіею въ «Московскихъ Сборникахъ» 1846 и 1847 годовъ, прошло около десяти лѣтъ. Многими важными событіями и перемѣнами ознаменованы эти годы и вообще въ европейской, а тѣмъ болѣе въ русской жизни. Всякій, каковы бы ни были его убѣжденія, получилъ много уроковъ, увидѣлъ исполненіе многихъ своихъ надеждъ, испыталъ много разочарованія. Многое, что было— съ какой бы то ни было точки зрѣнія—своевременно и умѣстно въ 1846 году, съ той же самой точки зрѣнія должно представляться несвоевременнымъ въ 1856 году. Кто хочетъ, чтобы его требованія имѣли основаніе въ дѣйствительности, кто не хочетъ сражаться

съ химерами, скорбѣть о недостаткахъ, уже давно исправленныхъ, долженъ принять во вниманіе положеніе вещей въ настоящемъ, а не то, какъ ему представлялось положеніе вещей въ 1846 или 1847 гг. Намъ кажется, напримѣръ, что въ настоящее время твердить о необходимости народности въ изящной литературѣ—дѣло совершенно излишнее: русская изящная литература стала народна на столько, на сколько позволяютъ ей обстоятельства, и если въ ней есть недостатки, то уже, конечно, не отъ подражанія западу, а отъ вліянія совершенно другихъ обстоятельствъ, чуждыхъ намѣренію и желанію писателей. Въ этомъ случаѣ славянофилы, кажется, согласны съ нами. По крайней мѣрѣ, такъ думаетъ г. Самаринъ,—надѣемся, и другіе участники «Русской Бесѣды» раздѣляютъ его довольство нашею изящною литературою въ этомъ отношеніи. «Но въ нашей наукѣ недостаетъ народности, нѣтъ русскаго воззрѣнія въ нашей наукѣ»,—говоритъ г. Самаринъ, котораго въ этомъ случаѣ надобно считать представителемъ мнѣнія «Русской Бесѣды» вообще. Надобно, — говоритъ онъ,—чтобы русская наука приняла въ себя столько же народности, какъ въ изящной литературѣ. Итакъ, мѣрою народности въ наукѣ хотятъ принимать степень вліянія народности на нашу изящную литературу,—кажется, такъ; мы не имѣемъ нужды измѣнять въ какомъ бы то ни было смыслѣ мнѣнія славянофиловъ, потому приводимъ въ выноскѣ слова г. Самарина *).

*) Мы должны отдать г. Самарину справедливость, что мнѣніе своихъ противниковъ излагаетъ онъ вѣрно; онъ заставляетъ ихъ говорить такъ: «Мысль, по существу своему, безстрастна и безцвѣтна, и потому ученый, не умѣвшій или не хотѣвшій очистить себя отъ представленій, понятій и сочувствій, прилипающихъ невольно къ каждому человѣку отъ той среды, къ которой онъ принадлежитъ, не можетъ быть достойнымъ служителемъ науки. Кто вноситъ случайное и частное въ область міровыхъ идей, тотъ выноситъ изъ нея, вмѣсто общечеловѣческихъ истинъ или вѣрнаго отраженія предметовъ въ сознаніи, представленія не полныя, образы изуродованные и прихотливо расцвѣченные». И вслѣдъ за этими словами, начинаетъ онъ изложеніе своихъ мнѣній такимъ образомъ:

«Совершенно тоже говорилось и печаталось у насъ еще недавно о художествѣ. Поэзія есть воспроизведеніе идеи или сущности явленія въ живомъ образѣ. Идея—достояніе всего человѣчества, а форма, хотя и взятая изъ области случайнаго, очищается отъ всего случайнаго и просвѣтляется насквозь идеею; слѣдовательно, въ художественномъ творчествѣ участіе народности незаконно. Это послѣднее примѣненіе общаго понятія объ отношеніи человѣческаго къ народному теперь устарѣло и откинуто вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ всякихъ предубѣжденій... Было бы позволительно предоставить времени произвести *такую же реакцію* и противъ теперешняго гоненія на

Если все дѣло состоитъ въ этомъ, то, признаемся, мы не видимъ достаточныхъ причинъ съ такимъ жаромъ требовать, будто чего нибудь новаго, признанія правъ народности на участіе въ наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ограничивается полнѣйшее вліяніе народности на изящную литературу? 1) Степень вниманія, обращаемаго литературою на тѣ или другіе предметы, соразмѣряется со степенью важности, какую имѣютъ эти предметы въ народной жизни; потому литература занимается преимущественно изученіемъ своего роднаго быта; 2) Форма художественнаго произведенія должна быть совершенно народна. Все это давнымъ-давно существуетъ и въ русской наукѣ, на сколько существуетъ русская наука. Огромное большинство нашихъ ученыхъ всѣ силы свои посвящаетъ разработкѣ отечественной исторіи, этнографіи, фауны, флоры и т. д. Тѣми отраслями науки, которыя имѣютъ предметомъ нѣчто общее для насъ и для иноземцевъ, занимается только меньшинство, котораго, конечно, не захочетъ уменьшить «Русская Бесѣда», потому что и безъ того знакомство наше съ европейскимъ просвѣщеніемъ еще слабо и поверхностно, по справедливому сознанію «Русской Бесѣды». Стало быть, надобно желать не того, чтобы пропорція ученыхъ, занимающихся изученіемъ Россіи, увеличилась насчетъ ученыхъ, знакомящихъ Россію съ Западною Европою, а только того, чтобы число тѣхъ и другихъ увеличивалось, чего и желаетъ каждый изъ насъ. Что же касается народности въ формѣ науки, то, какъ извѣстно, форма въ дѣлѣ науки далеко не имѣетъ того

народность въ дѣлѣ науки; но мы мало цѣнимъ успѣхъ отъ пресыщенія, и потому, не избѣгая и не откладывая спора, приступаемъ прямо къ *уясненію* возбужденнаго нами вопроса. *Недоразумѣнія лежатъ на немъ*, какъ отвердѣвшіе слои наносныхъ понятій».

Итакъ, дѣло кажется неподлежащимъ сомнѣнію: г. Самаринъ, говоря отъ имени всей школы, требуетъ для народности въ наукѣ тѣхъ же правъ, которыя уже даны ей въ искусствѣ. Обращаемъ также вниманіе читателя на слово «недоразумѣнія»: намъ кажется, что если «Русская Бесѣда» дѣйствительно останется вѣрна научной точкѣ зрѣнія г. Самарина, а не образу мыслей г. N, то дѣйствительно основаніемъ спора окажутся взаимныя недоразумѣнія, а не существенное разномысліе, и споръ о различіи началъ прекратиться, какъ скоро мнимые противники объяснятся другъ съ другомъ. Объясненія съ г. N, конечно, не приведутъ къ согласію: тутъ различіе, дѣйствительно, лежитъ въ сущности понятій. Или намъ и г. Самарину должно забыть то, что мы знаемъ, или г. N узнать многое, на что не обращалъ онъ вниманія. Послѣднее и легче и лучше.

существеннаго значенія, какъ въ искусствѣ: наука требуетъ отъ формы только двухъ качествъ, чисто внѣшнихъ: во-первыхъ, чтобы изложеніе удовлетворяло читателя такъ называемыми качествами слога, во-вторыхъ, чтобы оно было сообразно степени образованія и познаніямъ той публики, для которой предназначается.

Относительно слога или манеры изложенія—ужели надобно говорить о такихъ вещахъ? впрочемъ, такъ какъ мы хотимъ собственно уяснить вопросъ, то не будемъ оставлять безъ вниманія и мелочей, которыя иногда подаютъ поводъ къ серьезнымъ, повидимому, недоразумѣніямъ — относительно слога надобно согласиться, что въ немъ сильно отражается народность: извѣстно различіе между нѣмецкимъ и французскимъ изложеніемъ ученыхъ вопросовъ,—намъ кажется, что и русскіе ученые имѣютъ общую манеру въ этомъ случаѣ: она занимаетъ средину между французскою и нѣмецкою. Но если кому нибудь кажется, что слогъ въ нашихъ ученыхъ сочиненіяхъ еще не такъ рѣзко самостоятеленъ, какъ формы нашей поэзіи, каждый уступчивый охотно оставитъ это мнѣніе безъ противорѣчія: стоитъ ли спорить о риторикѣ? То же надобно сказать и о приспособленіи изложенія науки къ понятіямъ и степени образованности читателей: это каждый старается дѣлать, и спорить противъ того, что русская книга должна быть приспособлена къ потребностямъ русскихъ читателей, никто не будетъ. Чего же больше требовать отъ науки въ пользу народности? «А народное воззрѣніе?» — Но въ чемъ же оно состоитъ, кромѣ качествъ, нами указанныхъ? Гизо и Мишле — оба французы: что у нихъ общаго, кромѣ общихъ качествъ французскаго слога? Въ воззрѣніи Мишле гораздо больше сходства съ воззрѣніемъ, какое имѣетъ Маколей, нежели съ Гизо. Надобно вникнуть въ это, и мы убѣдимся, что главнымъ основаніемъ различія въ ученомъ воззрѣніи бываетъ степень общаго образованія, на которой стоитъ авторъ, а не народность его, партія (ученая или политическая), къ которой онъ принадлежитъ, а не языкъ, которымъ онъ говоритъ. Вліяніе французской народности на французскую науку, нѣмецкой на нѣмецкую оказывается очень незначительно, если народность не смѣшивать съ учеными и другими убѣжденіями и съ степенью общаго образованія, и не ограничивать вліянія народности тѣми качествами изложенія, которыя указали мы выше. Убѣжденія существенно одинаковы во всѣхъ странахъ при одинаковой степени образованности и при одинако-

вомъ благородствѣ характера. Мы очень хорошо знаемъ, что разумѣютъ подъ «русскимъ воззрѣніемъ» люди мало образованные: они выражаются такъ потому, что не знаютъ о существованіи и во Франціи, и въ Англіи, и въ Германіи совершенно подобныхъ воззрѣній между людьми мало образованными, которыхъ и вездѣ очень много. Но мы рѣшительно не знаемъ, чѣмъ можетъ отличаться воззрѣніе г. К. Аксакова или г. Самарина отъ воззрѣнія, какое имѣетъ каждый ставшій въ уровень съ вѣкомъ человѣкъ, какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Есть, правда, одно, чѣмъ они отличаются не отъ иноплеменниковъ, а отъ многихъ изъ насъ: именно они заботятся о введеніи въ науку русскаго народнаго воззрѣнія между тѣмъ, какъ другіе думаютъ только о томъ, чтобы развивать свое воззрѣніе сообразно настоящему положенію науки. Но что же дѣлать! у каждаго изъ насъ есть свои любимыя заботы, желанія, если угодно, мечты, къ которымъ всѣ другіе люди, кромѣ немногихъ друзей, остаются довольно холодны. Въ этомъ отношеніи нужно соблюдать взаимную терпимость: любимая тема есть у каждаго ученаго своя. Иногда надъ этою человѣческою слабостью можно посмѣяться, не переставая сочувствовать другъ другу; но что касается лично насъ, мы находимъ, что любимая тема писателей, нами названныхъ, нимало не забавна, потому что расположеніе къ ней вызывается фактомъ серьёзнымъ и грустнымъ: наука наша находится дѣйствительно въ состояніи, котораго вовсе еще нельзя назвать блистательнымъ. Правда, знанію прошедшаго и настоящаго Россіи иностранцы учатся у насъ; но всему остальному должны еще мы учиться у нихъ, а сами мы не внесли еще въ науку ничего новаго. Всѣ согласны въ объясненіи этого факта: просвѣщеніе у насъ еще слишкомъ мало распространено въ обществѣ; истинно ученыхъ людей у насъ еще мало; всѣ наши умственныя силы еще поглощаются гигантскою задачею распространенія просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ: удивительно ли послѣ того, что намъ еще недосугъ заниматься капитальными трудами для веденія впередъ общечеловѣческой науки? Подождемъ времени, когда у насъ будетъ оставаться досугъ для разработки философіи, всеобщей исторіи и другихъ наукъ, воздѣлываніе которыхъ не лежитъ исключительно на насъ: тогда исполнивъ свою прежнюю задачу: «просвѣтиться», мы будемъ работать и на пользу общечеловѣческой науки не хуже нѣмцевъ и французовъ, а, можетъ быть, и лучше, если вѣрить шо-

поту высокой народной гордости, живущей въ каждомъ изъ насъ. Къ этому фактическому объясненію, принимаемому всѣми серьёзными людьми, нѣкоторымъ угодно прибавлять догадку, что мы можемъ ускорить приближеніе срока для своего дѣятельнаго участія въ развитіи общечеловѣческой науки, если будемъ заботиться о внесеніи въ нашу науку «народнаго воззрѣнія». Положимъ, что эта догадка ошибочна,—въ ней нѣтъ еще важнаго проступка: никому не запрещается строить гипотезы, разумѣется, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы не враждовать къ людямъ, не принимающимъ гипотезу, пока она не оправдана фактами. Положимъ, что она справедлива,—никто не можетъ претендовать на людей, не принимающихъ ее, пока она не подтверждена фактами; сущность гипотезы въ томъ и состоитъ, что принятіе или отверженіе ея—дѣло личной воли, а не обязанности. Убѣдить въ справедливости гипотезы нельзя никакою полемикою или діалектикою: надобно подтвердить ее фактами. Итакъ, по нашему мнѣнію, гг. Самаринъ, К. Аксаковъ и другіе избрали бы самый вѣрный и краткій путь, если бы озаботились проведеніемъ «народнаго воззрѣнія» въ капитальныхъ ученыхъ трудахъ: 1) показать фактически въ чемъ можетъ состоять требуемое ими «народное воззрѣніе» въ наукѣ, кромѣ указанныхъ нами выше качествъ изложенія? 2) доказать самымъ дѣломъ, что при помощи заботы о «народности воззрѣнія» русскому ученому легче двинуть впередъ общечеловѣческую науку, нежели при помощи обыкновеннаго метода и обычныхъ ученыхъ средствъ. Пока это не будетъ показано и доказано фактами, всякія похвалы народному воззрѣнію кажутся намъ лишенными дѣйствительнаго содержанія и основанія. Но, съ другой стороны, пока люди, принимающіе гипотезу, которой мы не принимаемъ, будутъ обо всемъ, что принадлежитъ міру дѣйствительности и сферѣ положительной науки, сохранять убѣжденія, приличныя образованному человѣку нашего времени, мы не перестанемъ сочувствовать этимъ людямъ во всемъ, кромѣ ихъ мечты, которая, принадлежа къ міру мечтаній, не имѣетъ въ нашихъ глазахъ особенной важности и не можетъ для насъ служить поводомъ къ серьезному разногласію. Одинъ астрономъ утверждаетъ, что на лунѣ есть жители, другой не принимаетъ этой гипотезы. Они могутъ вести объ этомъ рѣчь «умную, но праздную», по выраженію г. И. Аксакова, и, однако же, это не мѣшаетъ послѣднему отдавать справедливую похвалу положительнымъ услу-

гамъ, какія первый можетъ оказывать наукѣ, одинаково интересующей обоихъ.

Итакъ, какихъ же положительныхъ услугъ общему нашему дѣлу ждемъ мы отъ «Русской Бесѣды», если она останется вѣрна направленію, за которое ручается имя издателя и лучшихъ сотрудниковъ и нѣкоторыя статьи первой книги ихъ журнала? Во всемъ, что касается положительныхъ, а не отвлеченныхъ вопросовъ, она, кажется намъ, будетъ говорить вѣрно и здраво, какъ говорятъ всѣ истинно просвѣщенные люди въ наше время; участники этого журнала располагаютъ значительнымъ запасомъ знаній и ревности къ дѣлу просвѣщенія *); они люди серьезные, люди съ горячими и твердыми убѣжденіями: какъ же не радоваться, что они нашли органъ для своей литературной дѣятельности? Во всѣмъ, что имѣетъ дѣйствительное значеніе для науки и жизни, они будутъ дѣйствовать въ пользу просвѣщенія: чего же требовать больше? Споры о гипотезахъ не принесутъ вреда ничему существенно важному, если обѣ спорящіе стороны будутъ помнить, что гипотезы должны имѣть только второстепенную важность сравнительно съ чистыми выводами изъ фактовъ дѣйствительности; а въ этихъ выводахъ болѣе или менѣе согласны всѣ образованные люди. Гипотезы, даже ошибочныя, имѣютъ и хорошую сторону (подъ условіемъ, конечно, не увлекаться ими до презрѣнія къ фактамъ): онѣ возбуждаютъ дѣятельность мысли. Особенно важна эта выгода въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль, слишкомъ привыкшая къ рутинѣ и апатіи, нуждается въ возбудительныхъ средствахъ, чтобы проснуться изъ полудремоты. Таково именно кажется намъ положеніе нашей литературы, и мы ожидаемъ отъ гипотезы, выставляемой славянофилами, оживленія для нашей умственной дѣятельности: многіе, прежде не думавшіе, начнутъ думать,—а это въ настоящее время важнѣе всего. Споры, лишь бы только велись о предметахъ, «вызывающихъ на размышленіе», а не о какихъ нибудь мелкихъ дрязгахъ, и лишь бы велись благородно, оживляютъ литературу.

*) Просимъ не забывать, что мы имѣемъ въ виду не всѣхъ участниковъ «Русской Бесѣды», а такихъ людей, которые похожи на гг. Аксаковыхъ, Кошелева, Самарина, Хомякова. Каждый журналъ и каждая школа имѣютъ слабыя стороны и сотрудниковъ, которые не содѣйствуютъ увеличенію славы журнала. Но каждый журналъ стремится побѣдить въ себѣ эти недостатки. Безъ сомнѣнія, необходимость этого увидитъ и «Русская Бесѣда».

Желаемъ «Русской Бесѣдѣ» благоденствія и процвѣтанія!

«А опасность, угрожающая отъ нея вашимъ убѣжденіямъ?» — Опасность вовсе не такъ велика, какъ могутъ думать иные, предубѣжденные противъ «Русской Бесѣды»: отъ истинныхъ славянофиловъ нельзя ожидать, чтобъ они хотѣли

Ко днямъ Кошихина Россію возвратить,

чтобъ они стали проповѣдовать отчужденіе отъ общечеловѣческой образованности. Мы вѣримъ, когда г. Самаринъ говоритъ отъ лица ихъ:

„Потребность народнаго воззрѣнія многіе принимаютъ за желаніе, во что бы то ни стало, отличиться отъ другихъ, какъ будто бы въ этомъ отличіи заключалась цѣль направленія. Имъ кажется, что ученый, садясь за свой рабочій столъ, задаетъ себѣ задачу выдумать, изобрѣсти русское народное воззрѣніе, напримѣръ, хоть на феодализмъ. Нельзя же ему повторять, что сказали Гизо или Гриммы: то были нѣмцы! И созданный воображеніемъ труженикъ, несчастная жертва воображаемыхъ дурныхъ совѣтовъ, грызетъ перо, потираетъ себѣ лобъ и губитъ время въ безплодной погонѣ за оригинальностью. Но вольно же въ такой формѣ представлять себѣ участіе народности въ развитіи науки! Неразумное, безотчетное и *преднамѣренное отрицаніе чужаго потому только, что оно чужое, при недостаткѣ своего,* при внутренней пустотѣ, *не поведетъ къ расширенію области знанія. Этого никогда никто и не утверждалъ...* Здравое понятіе о народности ограничивается, съ одной стороны, боязнью исключительности, съ другой—боязнью *слѣпаго подражанія. Эта послѣдняя* боязнь, безспорно *имѣвшая* основаніе въ первоначальныхъ пріемахъ науки, пересаженной въ Россію изъ западной Европы, теперь начинаетъ *исчезать.*"

«Имѣвшая» а не «имѣющая»: итакъ, по словамъ г. Самарина, славянофилы находятъ, что возставать противъ слѣпаго подражанія иноземцамъ въ наукѣ уже прошло у насъ время, и уже не боятся за нашу народную самостоятельность; итакъ, по ихъ мнѣнію, мы уже имѣемъ въ наукѣ столько самостоятельности, сколько позволяетъ намъ степень нашихъ познаній. Если такъ думаютъ славянофилы, они думаютъ справедливо. Подобно г. Самарину, г. К. Аксаковъ говоритъ, что «странно было бы нападать изъ любви къ народности на общечеловѣческое: это значило бы отказывать своему народу въ имени человѣческомъ». И, конечно, такихъ нападеній нельзя ожидать отъ «Русской Бесѣды». Прекрасно! мы вполнѣ вѣримъ такому образу мыслей въ гг. К. Аксаковѣ и Самаринѣ, и желаемъ только, чтобы «Русская Бесѣда» никогда не покидала этой точки зрѣнія.

Трудно послѣ этихъ объясненій понять, въ чемъ должно состоять требуемое г. Самаринымъ и г. К. Аксаковымъ «народное воззрѣніе въ наукѣ»: ни тотъ, ни другой не обратили вниманія на то, что сущность требованія выражается въ его осуществленіи, и не позаботились уяснить для насъ теорію свою практическими приложеніями ея къ какимъ нибудь опредѣленнымъ вопросамъ. А теорія безъ практики почти неуловима для мысли, и общія понятія, ими высказываемыя, неопредѣленны въ своей отвлеченности. Намъ кажется, что сущность ихъ требованія состоитъ въ томъ, чтобы мы поняли необходимость критики въ наукѣ и не увлекались предразсудками и пристрастіями, по крайней мѣрѣ, чуждыми нашимъ нравамъ, если нельзя всегда предостеречься отъ предразсудковъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, хотя и эти предразсудки не лучше другихъ и также должны быть отстраняемы каждымъ изъ насъ въ дѣлѣ науки. Въ предисловіи къ «Русской Бесѣдѣ» также встрѣчается слово «критика». О, если дѣло идетъ только о томъ, что надобно все принимать съ строгою критикою и безпощадно отбрасывать предубѣжденія, то это дѣло прекрасное; мы прибавили бы только, что каждое дѣло надобно называть его настоящимъ именемъ, и, напримѣръ, чувствуя потребность «критики въ наукѣ», прямо и говорить, что требуется «критика въ наукѣ», а не «народное воззрѣніе» или восточное начало. Само собою разумѣется, впрочемъ, что критика хороша только при соблюденіи нѣкоторыхъ научныхъ условій; изъ нихъ важнѣйшія: 1, основывать свои сужденія о томъ, что справедливо и что несправедливо, на идеяхъ, выработанныхъ современною наукою, а не на какихъ либо субъективныхъ симпатіяхъ, не на мертвой буквѣ какой либо книги и не на предразсудкахъ, которые сами не выдерживаютъ критики; 2, ни подъ какимъ видомъ, ни для какихъ цѣлей не игнорировать и не искажать фактовъ. Если «Русская Бесѣда», вѣрная словамъ гг. Самарина и К. Аксакова, въ своей «критикѣ науки» будетъ соблюдать эти постуляты, эти категорическіе императивы науки, она скажетъ намъ очень много хорошаго, хотя скажетъ мало такого, что бы не было уже (и очень недурно) высказано въ западной Европѣ, потому что Европа очень любитъ критику въ наукѣ и занимается ею очень небезуспѣшно.

Не знаемъ, во всемъ ли согласятся съ нами гг. К. Аксаковъ и Самаринъ,—вѣроятно, не во всемъ, потому что трудно найти двухъ

людей, которые думали бы совершенно одинаково, хотя бы они принадлежали и къ одной школѣ, а не къ различнымъ; но надѣемся, что точекъ сходства въ нашемъ и ихъ образѣ мыслей найдется довольно много, быть можетъ, болѣе, нежели серьезныхъ поводовъ къ разногласію. Нѣкоторые другіе участники «Русской Бесѣды», вѣроятно, найдутъ неудовлетворительными многія изъ объясненій, удовлетворительныхъ для ученыхъ, нами названныхъ. Наконецъ, съ г. N. мы можемъ соглашаться только въ двухъ пунктахъ: въ томъ, что терпѣніе—прекрасное качество, и въ томъ, что смиреніе—высокая добродѣтель; но такъ какъ эти вопросы принадлежатъ не литературѣ, а законамъ благоустройства и благочинія, то можно, пожалуй, сказать, что мы съ нимъ не сходимся ровно ни въ чемъ, когда рѣчь идетъ о литературѣ. Это различіе между разными соучастниками «Русской Бесѣды» дѣлать необходимо: иначе, если мысли г. К. Аксакова смѣшивать съ мыслями г. N. или наоборотъ, дѣло совершенно запутается.

Но мы все говоримъ о направленіи «Русской Бесѣды», а ничего еще не сказали о содержаніи первой ея книги,—это потому, что интересъ публики возбуждается собственно направленіемъ «Русской Бесѣды», а не частными достоинствами или недостатками статей, вошедшихъ въ составъ ея первой книги. О нихъ достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ. Съ лучшими изъ стихотвореній мы уже познакомили читателя въ предъидущемъ нумерѣ нашего журнала; кромѣ ихъ, въ отдѣлѣ Изящной Словесности помѣщено одно стихотвореніе Жуковскаго, и двѣ его статьи въ прозѣ: «О меланхоліи» и «О привидѣніяхъ». Духъ, которымъ онѣ проникнуты тотъ же, какъ и въ остальныхъ сочиненіяхъ Жуковскаго о психологическихъ предметахъ. Кромѣ того, г. П. Кирѣевскій помѣстилъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ изъ своего сборника. Въ отдѣлѣ Критики замѣтимъ статью г. Г—ва «О семейной хроникѣ», г. С. Аксакова: въ ней разсѣяно много умныхъ мыслей; двѣ небольшія статьи г. Кошелева отличаются большимъ знаніемъ дѣла. О статьѣ г. Самарина: «Два слова о народности въ наукѣ», и небольшой статейкѣ г. К. Аксакова: «О русскомъ воззрѣніи», мы говорили подробно. Онѣ служатъ какъ бы программою «Русской Бесѣды»,—и если она останется вѣрна этой программѣ, то, безъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ общее уваженіе, чего мы отъ души желаемъ.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

ІЮНЬ 1856.

И стихотвореніямъ, и повѣстямъ, и драмамъ бываетъ иногда, какъ людямъ, счастье, ничѣмъ, повидимому, незаслуженное. Скажите, напримѣръ, за что всѣ чувствительныя сердца въ старинные годы выбирали для акомпанимента своихъ вздоховъ непремѣнно или:

«Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь...»

или:

«Взвейся выше, понесися,
Сизокрылый голубокъ...»

между тѣмъ, какъ въ то же самое время были сотни другихъ пѣсенокъ, ничуть не уступавшихъ ни «сизокрылому голубку», ни «сизому голубочку» своею чувствительностью и гораздо лучше написанныхъ? За что изрѣченіе Суворова дало безсмертіе именно «Пригожей Поварихѣ», а не другому какому нибудь плохому роману? Чѣмъ, наконецъ, и въ наши времена комедія «Чиновникъ» заслужила то особенное счастье, что возбудила живые споры въ обществѣ и подала поводъ къ появленію двухъ замѣчательныхъ разборовъ, изъ которыхъ одинъ читатели пробѣжали въ предъидущей книжкѣ нашего журнала, а первая половина другаго, принадлежащаго Н. Ф. Павлову, помѣщена въ № 11-мъ «Русскаго Вѣстника?» Русская драматическая литература не очень богата прекрасными новостями; но каждый скажетъ, что всякій годъ ставится у насъ на сцену, если не больше, то ужь никакъ не меньше десятка новыхъ пьесъ, отличающихся гораздо бо̀льшими литературными достоинствами, нежели послѣдняя пьеса графа Соллогуба. И, одна-

кожь, онѣ проходятъ безъ шума; а «Чиновнику» досталась громкая слава. Или эта комедія обратила на себя общее вниманіе тѣмъ, что поразительно плоха? и того нельзя сказать о «Чиновникѣ:» онъ, правда, очень слабъ въ художественномъ отношеніи, но бываютъ сотни пьесъ еще гораздо слабѣе его,—и, однако же, о нихъ не говорятъ, а о немъ говорятъ. Странное счастье, незаслуженное счастье «Сизому голубочку», «Пригожей Поварихѣ» и «Чиновнику!»

Такъ ли? Въ самомъ ли дѣлѣ незаслуженное? Не на первый ли только взглядъ кажется, будто всѣ эти три произведенія получили свою извѣстность только благодаря капризу случая? Вѣдь случайно ничего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ—ужели только «Сизый голубокъ» и «Чиновникъ» составляютъ исключеніе изъ общаго правила? Вѣроятно, извѣстность ихъ основана же на чемъ нибудь. О «Сизомъ голубкѣ» намъ некогда пускаться въ изъисканія; но что «Чиновникъ» надѣлалъ шума не безъ причины знаетъ каждый: благо, дѣло еще недавнее. Въ комедіи графа Соллогуба есть нѣсколько горячихъ словъ противъ злоупотребленія, которое возбуждаетъ общее негодованіе. Потому-то и возбудила она къ себѣ общее вниманіе.

Такъ. Но этимъ самымъ объясненіемъ и запутывается дѣло. Если нѣкоторыя прекрасныя фразы «Чиновника» вызвали единодушные аплодисменты, то за что же критика напала на эту комедію такъ безжалостно? Положимъ, что пьеса слаба, очень слаба; но вѣдь не говорятъ же о самыхъ слабыхъ пьесахъ такъ строго, какъ говоритъ о «Чиновникѣ» Н. Ф. Павловъ. Его разборъ написанъ чрезвычайно ѣдко. Неужели пьеса не заслуживала пощады за свои громкія фразы? Отчего такой гнѣвъ?

Оттого гнѣвъ, что высокія притязанія не могутъ не возбуждать желчи, когда ими обнаруживается только незнаніе дѣла и неумѣнье взяться за него.

Въ чемъ эти высокія притязанія, эта неправда, намъ не нужно говорить: читатели знаютъ, какой вопросъ ставитъ «Чиновникъ» и какъ рѣшаетъ его. Въ главныхъ мысляхъ, критика г. Н. Ф. Павлова сходится съ тѣмъ, что было высказано въ нашемъ журналѣ по поводу пьесы графа Соллогуба. Надимовъ, столь самодовольный, съ такою гордостью выставляющій себя въ примѣръ всѣмъ, такъ презрительно отзывающійся о всѣхъ, кромѣ себя, провозглашающій во всеуслышаніе, что Россія въ немъ нуждается и погибнетъ безъ

него,—этотъ Надимовъ не знаетъ ни Россіи, ни людей, ни самого себя; онъ ни къ чему не способенъ, онъ поступаетъ хуже всѣхъ тѣхъ, противъ которыхъ возстаетъ. Надобно же разоблачить такого человѣка, надобно же доказать, что онъ самъ не понимаетъ того, о чемъ твердитъ. И если онъ выступаетъ на сцену съ намѣреніемъ сдѣлать другихъ подобными себѣ, то надобно же сказать, что онъ жестоко ошибается, считая себя образцовымъ человѣкомъ, и что истина, случайно примѣшиваемая имъ къ суетнымъ похваламъ самому себѣ, искажаясь въ его устахъ въ угоду его самолюбивымъ мечтаніямъ, перестаетъ быть истиною.

Съ этой цѣлью написанъ разборъ Н. Ф. Павлова, какъ и разборъ, помѣщенный въ «Современникѣ». Но г. Павловъ идетъ далѣе. Обнаруживая, что идея комедіи фальшива, онъ подробною эстетическою критикою доказываетъ, что фальшивость основной идеи погубила и художественное достоинство пьесы.

Черезъ это его разборъ получаетъ новое достоинство: въ немъ пріобрѣтаетъ русская литература прекрасный примѣръ истинной художественной критики, понятія о которой такъ затемнились послѣ смерти Бѣлинскаго.

Художественность состоитъ въ соотвѣтствіи формы съ идеею; потому, чтобы разсмотрѣть, каковы художественныя достоинства произведенія, надобно какъ можно строже изслѣдовать, истинна ли идея, лежащая въ основаніи произведенія. Если идея фальшива, о художественности не можетъ быть и рѣчи, потому что форма будетъ также фальшива и исполнена несообразностей. Только произведеніе, въ которомъ воплощена истинная идея, бываетъ художественно, если форма совершенно соотвѣтствуетъ идеѣ. Для рѣшенія послѣдняго вопроса надобно просмотрѣть, дѣйствительно ли всѣ части и подробности произведенія проистекаютъ изъ основной его идеи. Какъ бы замысловата или красива ни была сама по себѣ извѣстная подробность—сцена, характеръ, эпизодъ,—но если она не служитъ къ полнѣйшему выраженію основной идеи произведенія, она вредитъ его художественности. Таковъ методъ истинной критики. У насъ въ послѣдніе годы всѣ эти коренныя понятія запутались и затемнились. Люди, наиболѣе толковавшіе о художественности, рѣшительно сами не знали, что такое художественность. Они, забывъ обо всемъ, на что должна обращать главное свое вниманіе критика, вообразили, будто художественность состоитъ въ краси-

вой отдѣлкѣ подробностей, въ украшеніи произведенія заботливо сдѣланными картинками и ловко обточенными фразами. О томъ, имѣютъ ли смыслъ эти украшенія, нужны ли они для выраженія идеи, существуетъ ли, наконецъ, въ произведеніи какая нибудь идея, они и не думали спрашивать.

По ихъ понятіямъ, чѣмъ болѣе походитъ литературное произведеніе на хорошо обточенную игрушку съ пріятно звенящими бубенчиками, тѣмъ оно художественнѣе. Они совершенно возвратились къ невинной порѣ тріолетовъ и буриме. Если бы воскресли Буало и Лагарпъ, они обняли бы этихъ мастеровъ разбирать достоинства «красотъ піитическихъ»; самъ Толмачевъ и даже самъ Бургій не отказали бы въ полномъ своемъ одобреніи ихъ тонкому вкусу.

Но публика не способна нынѣ восхищаться литературными игрушками, еще менѣе способна уважать разсужденія о достоинствахъ отдѣлки бубенчиковъ на игрушкахъ. Критика лишилась не только уваженія, даже вниманія читателей. Она стала скучна. Кому охота смотрѣть на то, какъ переливаютъ изъ пустаго въ порожнее? Одного слова «художественность» стало уже довольно, чтобы навести тоскливѣйшую зѣвоту на самаго безстрашнаго читателя.

Не пора ли прекратить эту забаву? довольно времени погублено на нее; довольно надоѣла она всѣмъ.

Пора критикѣ вспомнить, что она должна быть не пустословіемъ объ игрушечныхъ бубенчикахъ. Чѣмъ же она должна быть? Не зачѣмъ пускаться въ длинныя разсужденія о томъ, чѣмъ должна быть критика,—укажемъ на разборъ «Чиновника», написанный г. Н. Ф. Павловымъ: вотъ истинно художественная критика, вотъ та критика, которой требуетъ публика, потому что въ ней находитъ мысль и дѣло, а не пустыя рѣчи о красотахъ побрякушекъ.

Каждый помнитъ еще превосходныя письма г. Н. Ф. Павлова по случаю изданія «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» Гоголя. Разборъ «Чиновника» стоитъ, въ своемъ родѣ, этихъ писемъ. Больше мы ничего не скажемъ въ похвалу его новой статьи, потому что трудно пріискать другую похвалу, выше этой.

Вы хотите говорить о художественности? Посмотрите же, какъ понимаетъ художественность г. Павловъ, какъ онъ, ни на минуту не забывая объ идеѣ произведенія, каждую подробность спрашиваетъ: «скажи мнѣ прежде, зачѣмъ ты здѣсь? дала ли тебѣ общая

мысль комедіи право являться передо мною въ этой комедіи? Нужна ли ты для воплощенія идеи? Не противорѣчишь ли ты ей, вмѣсто того, чтобы оправдывать ее и оправдываться ею? Только тогда, если ты докажешь это, я спрошу, красива ли ты». И когда каждая сцена, каждый характеръ поочередно обличается въ несообразности съ идеею цѣлаго или въ излишности для нея, онъ неумолимо говоритъ: «быть можетъ, эта частность отличается щегольскою отдѣлкою, все равно: будь она красива или некрасива,—она неумѣстна, фальшива, противохудожественна». Быть можетъ, напримѣръ, салонъ графини описанъ очень изящными и подробными чертами, быть можетъ, вся внѣшность аристократизма выставлена въ лицѣ графини очень точно; но чувства и поступки графини носятъ ли на себѣ отпечатокъ аристократизма? Узнаемъ ли мы изъ комедіи графа Соллогуба, какъ чувствуютъ и поступаютъ дамы высшаго общества? Нѣтъ. Нѣтъ? Такъ зачѣмъ же она графиня? зачѣмъ же ея аристократическій салонъ? Это рама безъ портрета, это надпись безъ предмета, къ которому должна относиться, въ этихъ подробностяхъ нѣтъ художественнаго смысла, авторъ испортилъ ими свою комедію, въ которой онѣ излишни и фальшивы:

«Вообще надо замѣтить, что тутъ дѣйствуетъ какая-то графиня допотопная, а не графиня современная намъ. Иные писатели любятъ присвоивать себѣ, преимущественно передъ другими, знаніе всѣхъ тонкостей въ свѣтскомъ кругѣ, называемомъ, если хотите, высшимъ обществомъ. Знаніе это, благодаря нашимъ нравамъ, нашей физіологіи и счастливо или несчастливо сложившимся историческимъ событіямъ, достигается легко и нисколько не сопряжено съ тѣми препятствіями, которыя были отличительною чертою народовъ Запада. Не было и нѣтъ мудрости познакомиться съ графиней, съ убранствомъ ея комнатъ, съ ея гардеробомъ, проникнуть къ ней въ душу, изслѣдовать движенія ея ума, опредѣлить понятія, привитыя ей вѣкомъ. Нуженъ только талантъ. Но, повторяемъ, въ сочиненіяхъ иныхъ писателей не замѣтно дѣльнаго желанія изучить предметъ, который, по благопріятному стеченію обстоятельствъ, находится подъ рукою. Къ несчастію, все, что носитъ у насъ правильно или неправильно имя образованности: познанія, общественное положеніе, знакомство съ извѣстною средою людей, все употребляется часто средствомъ для одного чванства передъ другими. При внимательномъ взглядѣ не рѣдко можно увидѣть тамъ на днѣ ничего болѣе, какъ пустое тщеславіе. «Я профессоръ въ этой наукѣ не потому, чтобъ имѣлъ особенныя способности, а потому, что ежедневно упражняюсь въ ней, я ежеминутно тамъ, гдѣ васъ нѣтъ». Это щегольство, основанное на ничтожныхъ случайностяхъ жизни, влечетъ за собою часто свое собственное наказаніе.

„Тотъ не знаетъ высшаго общества, кто знаетъ его за тѣмъ только, чтобъ

сказать другимъ, что они его не знаютъ, какъ не можетъ назваться образованнымъ человѣкомъ тотъ, кто читаетъ книгу за тѣмъ только, чтобъ похвастать ею. Да, ко многимъ изображеніямъ этого общества примѣшивалось у насъ почти всегда тайное чувство хвастовства,—и чтó же вышло? писатель превратился въ модистку съ Невскаго проспекта, въ столяра, въ бронзовыхъ дѣлъ мастера. Нарядить графиню по модѣ, поставить передъ ней вазу съ цвѣтами, убрать ея столъ разными бездѣлками, посадить ее въ кресла обитыя бархатомъ, заставить непремѣнно ѣздить верхомъ, постлать коверъ, вынуть у нея изъ головы всякую мысль, а изъ сердца всякое путное чувство—это значитъ изобразить свѣтскую женщину, графиню. Но, Боже мой, этотъ рецептъ ужь извѣстенъ давно, это уже невыносимо скучно и страхъ надоѣло. Вѣдь въ свѣтской женщинѣ, въ графинѣ, несмотря на то, что она графиня, можетъ также быть воображенье, тонкость ума, живость чувства, какое нибудь пониманіе того, чтó дышетъ, движется, мыслитъ и чувствуетъ около нея. Ошибитесь, ради Бога, въ ея туалетѣ, нарушьте требованія моды, оставьте въ покоѣ письменный столъ, верховыхъ лошадей, избавьте насъ отъ ковровъ, отъ мебели, но схватите душу свѣтской женщины, уловите направленіе ея мысли, представьте вліяніе окружающихъ обстоятельствъ на ея природный характеръ. Чтò это за графиня? зачѣмъ увлекать ее отъ насъ, готовыхъ съ такою нѣжностью любоваться ею, въ сферу давно забытыхъ индѣйскихъ кастъ, и насильственно разрывать у нея всѣ точки соприкосновенія съ мелкими чиновниками, когда ни вѣкъ, ни она сама, какъ она есть въ самомъ дѣлѣ, не требуютъ такой разрозненности. Нѣтъ, неправда, что современная графиня, какъ новорожденное дитя, не знающее ни людей, ни ихъ отношеній, испугается губернаторскаго чиновника; неправда, что задумается посадить его. Современная графиня не такъ труслива и не такъ младенчески добродѣтельна. Не только въ деревнѣ, но и въ Петербургѣ она приметъ чиновника съ ласковымъ словомъ, съ очаровательнымъ взглядомъ, посадитъ и тогда, когда онъ будетъ не щегольски одѣтъ, протянетъ ему даже въ иномъ случаѣ, судя по важности дѣла, два нѣжные пальчика, согласно обычаю, перенятому нами у англичанъ. Въ деревнѣ, особенно, графини не такъ недоступны и не такъ легкомысленны, какъ многіе воображаютъ. Тамъ онѣ становятся очень обходительны со всѣми, кто нуженъ, разсчетливы, иногда скупы; онѣ, напротивъ, спѣшатъ знакомиться съ полезными чиновниками и, должно сказать къ чести современныхъ графинь, часто умѣютъ обдѣлывать свои практическія дѣла гораздо лучше, чѣмъ мужчины. Вы видите, что свѣтская женщина на балѣ легка, какъ зефиръ, и вѣрите ей! Такой взглядъ à vol d'oiseau можетъ вести къ важнымъ заблужденіямъ. Нѣтъ, это не графиня изъ нынѣшняго Петербурга или изъ нынѣшней Москвы, а маркиза изъ древнихъ записокъ Saint-Simon. Виноватъ! маркизы были все-таки умнѣе нашей графини."

Надимовъ говоритъ графинѣ великолѣпныя фразы объ отечествѣ, священномъ долгѣ, самоотверженіи и проч. Хороши ли онѣ сами по себѣ, до этого художественной критикѣ будетъ дѣло только тогда, когда она узнаетъ, умѣстны ли, нужны ли здѣсь онѣ. Кто

этотъ Надимовъ? Зачѣмъ онъ здѣсь? О томъ ли онъ долженъ говорить, о чемъ теперь разглагольствуетъ, рисуясь передъ графиней? — Нѣтъ. Нѣтъ? Такъ онъ говоритъ неумѣстно и фальшиво. Да и вообще имѣетъ ли онъ право приписывать себѣ тѣ качества, которыми хвалится? Чѣмъ онъ ихъ доказалъ? Ничѣмъ. — Ничѣмъ? о, такъ онъ самохвалъ, ни больше, ни меньше; а идея произведенія требуетъ, чтобы онъ былъ человѣкомъ дѣльнымъ,—стало быть, его лицо противорѣчитъ идеѣ комедіи, оно противохудожественно, оно губитъ комедію.

«Милая графиня не поняла не единаго слова. Да и на что ей разсужденія о службѣ? она переходитъ къ вопросу, который ей ближе, къ вопросу о счастьи, къ вопросу о любви, и если Надимовъ, для бесѣды съ нею, забылъ свою обязанность, то она, становясь на его мѣсто, превращается въ чиновника, приступаетъ къ слѣдствію и допрашиваетъ немилосердно:

«А счастья вы не ищете?

«Кого же вы любите?

«Надимовъ. Я-съ, графиня? да, я живу любовью, я постоянно счастливъ въ любви.

«Графинѣ становится это непріятно. Онъ живетъ уже, а не начинаетъ жить; слѣдовательно, эта любовь не относится къ ней. Надимовъ продолжаетъ.

«— Да-съ, я счастливъ въ любви съ тѣхъ поръ, какъ догадался, гдѣ надо искать ее. Я нашелъ такую любовь, на которую положиться можно, которая навѣрно и никогда не измѣнитъ.

«Графиня. Какую же это?

«И графиня и мы заинтересованы чрезвычайно. Любопытство наше возбуждено до неимовѣрности. Мы пылаемъ нетерпѣньемъ узнать поскорѣе эту чудную женщину, ниспосланную небесами, въ ихъ благости, губернаторскому чиновнику, пріѣхавшему по дѣлу о затопленныхъ лугахъ Дробинкина, эту восхитительную любовь, которая навѣрно и никогда не измѣнитъ. Надимовъ называетъ намъ ее. Судите же о горечи нашего разочарованья! Это обманъ. Это не живая дама съ миловиднымъ лицомъ и въ нарядномъ платьѣ, а дама-идея, идея огромная, уничтожающая, это Россія.

«— Любовь къ нашему отечеству, любовь къ Россіи, говоритъ Надимовъ. Этого чувства на всю жизнь хватитъ и съ избыткомъ даже».

«И у графини и у насъ опускаются руки. Надимовъ любитъ Россію и, какъ кажется, сколько это проглядываетъ изъ его словъ, увѣренъ немного во взаимности, хотя до него великіе люди жаловались большею частью на холодность и неблагодарность отечества: Аристидъ былъ изгнанъ, Велисарій умиралъ съ голоду. Любовь къ Россіи—чувство похвальное! да, его хватитъ на цѣлую жизнь и не на одну даже, это правда: Но зачѣмъ г. Надимовъ говоритъ объ этомъ? зачѣмъ такъ торжественно, съ такимъ лирическимъ вступленіемъ? развѣ это какая нибудь диковинка? развѣ любить Россію есть привиллегія, дарованная исключительно ему и пріобрѣтенная какими нибудь уси-

ліями? развѣ предполагается, что графиня не любитъ тоже Россіи? Давать чувствовать такое предположеніе было бы неучтиво. Разговоръ между образованными людьми основанъ на взаимныхъ уступкахъ, на взаимномъ благоволеніи другъ другу. Графиня очень ограниченная женщина; но не можетъ же Надимовъ сказать ей: я уменъ: не можетъ потому, что и графиня, какова она ни есть, должна приниматься за умную. Онъ уменъ, умна и она. Не хочетъ ли Надимовъ намекнуть ей, что вотъ Мисхоринъ, котораго онъ сейчасъ видѣлъ, не любитъ Россіи; а я люблю? Конечно, Мисхоринъ хотя щегольски, но нѣсколько пестро одѣтъ; да, во первыхъ, Надимовъ не довольно хорошо его знаетъ, а во вторыхъ, ронять въ мнѣніи графини заочно кого бы то ни было не идетъ человѣку щегольски и весьма просто одѣтому. Для чего же, повторяемъ, говоритъ г. Надимовъ о своей любви къ Россіи, если предполагается, и должно по совѣсти и изъ учтивости предположить, что любятъ ее и графиня и Мисхоринъ и тѣ, которые на лицо, и тѣ, которые еще за кулисами? Я люблю, а графиня скажетъ: и я люблю; послѣ этого слѣдуетъ: ты любишь, мы любимъ. Что жь это за разговоръ? это повтореніе грамматики, спряженіе дѣйствительнаго глагола и ничего болѣе.

«Любовь къ отечеству не заслуга, не преимущество, не достоинство. Это чувство инстинктивное, невольное. Любишь и потому, что не любить не можешь, и потому, что внѣ отечества никуда не годишься и никому не нуженъ. Не любить было бы гораздо мудренѣе, чѣмъ любить. Человѣкъ живетъ во времени и въ пространствѣ, иначе на землѣ и жить нельзя. Отечество есть именно пространство, одно изъ условій его существованья. Все что̀ въ насъ есть, нашъ духовный и физическій составъ, все образовалось на этой почвѣ, въ этомъ воздухѣ; все, что заимствовали мы изъ-подъ чужаго неба, пріобрѣтено нами по милости той же почвы и того же воздуха. Да и кто не любитъ отечества? гдѣ эти люди, эти народы? есть такіе, которые умираютъ съ тоски по немъ. Не станемъ прибѣгать къ пошлымъ возгласамъ о благодарности: въ любви къ отечеству таится идея болѣе существенная и болѣе истинная—идея необходимости. Поэтому, покинемъ ли мы Петербургъ и выберемъ своей резиденціей городъ Устьсысольскъ, опредѣлимся ли на службу въ писцы становаго пристава, или пойдемъ положить голову за Россію, намъ всѣмъ равно любезную и равно дорогую, мы не имѣемъ права становиться на ходули и высовываться изъ необозримой массы обыкновенныхъ людей, провозглашая громогласно, что таемъ любовью къ своему отечеству. Даже, прибывъ въ имѣніе графини или княгини, по жалобѣ Дробинкина о двухъ или трехъ стогахъ сѣна, мы должны совершить этотъ подвигъ, не увѣряя другихъ, что спасаемъ Россію или приносимъ ей пользу. Этого требуетъ чувство уваженія къ себѣ, чувство нравственнаго приличія, этого требуютъ и законы смѣшнаго. Вы вступили въ должность муравья и тащите песчинку на огромную гору,—прекрасно, но что же изъ этого? неужели это должно послужить поводомъ къ диссертаціи о любви къ отечеству? Впрочемъ, г. Надимовъ и песчинки-то не тащитъ: до сихъ поръ онъ только разговариваетъ; а какъ примѣръ соблазнителенъ, то мы боимся, что въ губерніи, гдѣ онъ поселился, будетъ большое запущеніе въ дѣлахъ. Всѣ закипятъ любовью и перестанутъ писать. Видно любовь, даже и къ отечеству,

отвлекаетъ человѣка отъ занятій. Но, намъ скажутъ, онъ отказался отъ удовольствій столицы, пренебрегъ наслажденіями богатства, заѣхалъ въ какую-то трущобу, принесъ жертву. Это опять не исключительное положеніе. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ губерніяхъ служитъ много чиновниковъ, которые и живали въ Петербургѣ, и богаты, и путешествовали. Что касается до жертвы, тутъ вопросъ важнѣе. Чтобъ жертва получила общественное значеніе, для этого нужны ея плоды, нужно не собственное мнѣніе, а мнѣніе другихъ. Инаго нѣтъ средства отличить черту самоотверженія отъ побужденій эгоизма. Пріѣхать изъ Петербурга въ губернію можно отъ сплина, отъ нечего дѣлать, отъ неудачъ, изъ мелкаго честолюбія выказать себя. Г. Надимовъ любитъ какъ-то огромно. Любить всю Россію не легко. Отчего бы не ограничиться какою нибудь изъ ея частей? полюбить бы хоть одну губернію. Россія такъ обширна, что есть изъ чего выбрать. Вотъ, напримѣръ въ эту минуту, какъ онъ изъясняется въ своей нѣжности къ цѣлому, части этого цѣлаго, то есть понятые или окольные люди, безъ которыхъ нельзя составить законнаго удостовѣренія о затопленныхъ лугахъ, лежатъ на травѣ или сидятъ пригорюнившись у конторы на завалинѣ, оторванные отъ своихъ работъ, въ ожиданіи, когда будетъ угодно губернскому чиновнику спросить ихъ Богъ знаетъ зачѣмъ и Богъ знаетъ о чемъ. Они, вѣроятно, также любятъ Россію, но, одаренные бо́льшимъ знаніемъ свѣтскихъ условій, любятъ молча.—Мы говорили до сихъ поръ, не касаясь важнаго опроверженія, которое можетъ быть намъ сдѣлано. Г. Надимовъ можетъ возразить, что его любовь особеннаго рода, не та, какую мы излагали: онъ любитъ лучше и разумнѣе, чѣмъ эти несчетные милліоны людей. Точно, инстинктивное чувство любви къ отечеству переходитъ иногда въ другую, высшую степень, въ сознаніе, возводится въ идею, и, правда, человѣкъ пріобрѣтаетъ право сказать громко: я люблю Россію. Но за это право должно заплатить дорого. Оно дается немногимъ. Это достояніе историческихъ лицъ, способствовавшихъ развитію, просвѣщенію, благоденствію и славѣ отечества. Тутъ любить мало: надо еще умѣть любить, надо видѣть ясно цѣль, куда любовь ведетъ, и находить въ душѣ своей средства для достиженія цѣли. Надо знать, почему люблю и для чего люблю. Тутъ уже всѣ помыслы человѣка, всѣ его шаги, всѣ дѣйствія обращены на служеніе одной, всепоглощающей идеѣ. Съ нимъ уже не безпокойтесь, не наряжайте графинь и не ставьте бронзовыхъ бездѣлокъ на ихъ столики. Для него и нарядна, и прекрасна, и молода одна Россія. Ея только образъ будетъ носиться у его изголовья. Да, существуетъ любовь разумная, любовь не инстинктивная, любовь-идея; но много ли сердецъ, способныхъ биться ею?»

Вотъ это можно, дѣйствительно, назвать художественною критикою. Такихъ статей не могутъ писать Надимовы, будутъ ли чиновниками, или драматургами, или критиками. Противъ такихъ разборовъ они не устоятъ. Тутъ говоритъ человѣкъ, и имѣетъ право говорить, потому что понимаетъ, въ чемъ дѣло, и, между прочимъ, понимаетъ, что такое художественность и чего надобно требовать отъ литературнаго произведенія. Больше такихъ статей

давайте намъ, господа русскіе критики, и вы увидите; будетъ ли уважать васъ публика. Вы, быть можетъ, умѣете хорошо писать,— публика не знаетъ этого, потому что—грѣха нечего таить—она не читала вашихъ мнимо-художественныхъ разборовъ, быть можетъ, и прекрасно написанныхъ. Не читала потому, что вы думали, будто можно заинтересовать ее разсужденіями объ узорахъ, цвѣточкахъ и кудерькахъ, какъ бы хороши ни были эти кудерьки и узоры, и какими бы красными словами, какими бы кружевными періодами ни объяснялись ихъ граціозные изгибы и хитросплетенія. Какое кому дѣло до всѣхъ этихъ прикрасъ?

У васъ, быть можетъ, есть талантъ и вкусъ. Вы думали, что этого довольно. Нѣтъ, кромѣ того, нужна дѣльная мысль, нужно знаніе дѣла. Вы пишете хорошо, и васъ никто не поблагодарилъ ни однимъ словомъ за всѣ ваши краснорѣчивыя страницы, и вы сами не были довольны другъ другомъ: такъ сильна потребность дѣла и правды, что даже мысль: «онъ занятъ тѣмъ же, чѣмъ я», не могла пересилить въ васъ сознанія: «онъ занятъ пустяками». И вотъ, сравните съ своими искусными періодами тѣ простые или, быть можетъ, даже неловко написанные отрывки, которые мы приводимъ ниже, и скажите: не въ тысячу ли разъ живѣе и лучше краснорѣчивыхъ разсужденій о художественности токарныхъ издѣлій и филигранныхъ прикрасъ эти небрежныя, чуждыя литературной отдѣлки слова? Отчего жь разница? Вѣдь предметы, о которыхъ вы пишете, гораздо живѣе и интереснѣе, нежели сухіе вопросы, о которыхъ идетъ тамъ рѣчь? Вѣдь вы пишете о поэзіи, и вѣдь въ поэзіи жизнь и страсть—и, однако же, всѣ, и вы сами первые, дремали и умирали отъ скуки надъ этими толками о поэзіи. А вотъ люди, которые и не претендуютъ равняться съ вами въ искусствѣ сочинительства, пишутъ о предметахъ гораздо менѣе увлекательныхъ — о воспитаніи дѣтей, о должности старшаго офицера на какомъ-нибудь фрегатѣ: кажется, читателю позволительно бы зѣвнуть надъ разсужденіями о такихъ сухихъ матеріяхъ, и, однакожь, кто не пробѣжитъ съ интересомъ тѣхъ выписокъ, которыя мы сейчасъ приведемъ? Отчего жь это? Едва ли не отъ того, что слова этихъ людей служатъ выраженіемъ дѣльной мысли, а не прикрытіемъ пустоты.

— Кстати. «Морской Сборникъ», о которомъ часто случается слышать разговоры въ обществѣ, и разговоры всегда въ одномъ и

томъ же духѣ полной признательности къ замѣчательнымъ достоинствамъ этого изданія, безъ сомнѣнія, занимающаго первое мѣсто между нашими спеціальными журналами, — въ послѣднее время пріобрѣлъ еще болѣе живости и разнообразія. Мы не будемъ перечислять всѣхъ заслужившихъ одобреніе публики статей его, а хотимъ только замѣтить одну изъ тѣхъ особенностей, которыя наиболѣе содѣйствуютъ оживленію журнала. Нерѣдко въ немъ помѣщается цѣлый рядъ статей объ одномъ и томъ же предметѣ, писанныхъ различными авторами, смотрящими на вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія: одинъ предлагаетъ на обсужденіе своимъ сотоварищамъ по занятію мысли, внушенныя ему опытомъ жизни и службы; другой разбираетъ эти мысли, приводитъ новыя доказательства въ подтвержденіе ихъ или дѣлаетъ замѣчанія, возраженія; авторъ статьи, подавшей поводъ къ этимъ замѣчаніямъ, выражаетъ о нихъ свое мнѣніе, признавая ихъ справедливость или разъясняя тѣ пункты, которые первою статьею не были опредѣлены съ достаточною подробностью. Иногда и еще новыя лица принимаютъ участіе въ этой бесѣдѣ, которая всегда ведется въ «Морскомъ Журналѣ» со всею откровенностью литературнаго дѣла и со всею деликатностью разговора людей просвѣщенныхъ наукою и житейскою опытностью. Ни съ той, ни съ другой стороны не бываетъ ни ложныхъ уступокъ изъ лицепріятія, ни полемическаго увлеченія: каждый говоритъ твердо и вмѣстѣ спокойно. Такимъ образомъ, мнѣніе одного разъясняется и дополняется мнѣніемъ другаго, и одна только несомнѣнная истина остается результатомъ бесѣды, иногда очень живой и занимательной. Мы укажемъ два случая, которые могутъ служить прекрасными примѣрами пользы, доставляемой истинѣ откровеннымъ размѣномъ мыслей. Въ одномъ дѣло идетъ о вопросѣ, общемъ для всѣхъ — о воспитаніи; другой ближайшимъ образомъ относится къ морскому дѣлу, но имѣетъ своимъ предметомъ отношенія, повторяющіяся во всѣхъ сферахъ общественной жизни, и потому едва ли уступаетъ первому своимъ интересомъ для каждаго читателя, къ какому бы званію ни принадлежалъ этотъ читатель.

Въ № 1-мъ «Морскаго Сборника» за нынѣшній годъ была помѣщена статья г. Бема «О воспитаніи», написанная прекрасно. Авторъ съ большимъ знаніемъ дѣла говорилъ о цѣли воспитанія, объ отношеніяхъ семейнаго воспитанія къ общественному, о томъ,

какіе предметы должны входить въ кругъ общаго преподаванія, и о степени относительной важности каждаго изъ нихъ, о различныхъ методахъ преподаванія и воспитанія. Изъ людей, прочитавшихъ это разсужденіе, почти каждому,—въ томъ числѣ признаемся, и намъ,—казалось, что статья касается всѣхъ главныхъ сторонъ предмета, и что если можно о томъ или другомъ изъ объясненныхъ авторомъ вопросовъ думать не совершенно одинаково съ нимъ, то едва ли можно указать вопросъ, котораго онъ не коснулся бы. Но въ предисловіи къ статьѣ г. Бема Морской Ученый Комитетъ, завѣдующій изданіемъ «Сборника», предлагалъ каждому читателю высказать свое мнѣніе объ этомъ важномъ для всѣхъ предметѣ. «Морской Ученый Комитетъ»—говорило предисловіе—«обращается ко всѣмъ, кому дорого отечественное воспитаніе, особенно же къ родителямъ и воспитателямъ, съ покорнѣйшею просьбою о доставленіи въ редакцію «Сборника» своихъ замѣчаній, возраженій, взглядовъ, по поводу этой статьи, имѣющей предметомъ одну изъ насущнѣйшихъ потребностей всякаго, а тѣмъ болѣе—еще юнаго—русскаго общества».

Приглашеніе, сдѣланное такъ благородно, не осталось безъ отвѣта, и въ слѣдующихъ книжкахъ «Морскаго Сборника» явилось нѣсколько статей по поводу разсужденія г. Бема. Мы не будемъ разсматривать достоинствъ или недостатковъ каждой изъ нихъ: наша рѣчь клонится только къ тому, чтобы сказать, что въ одной изъ этихъ статей была указана совершенно новая точка зрѣнія на предметъ, была выставлена на видъ истина, о которой слишкомъ часто забываютъ, но которая имѣетъ существеннѣйшую важность въ этомъ дѣлѣ. Заслуга напомнить объ этой истинѣ принадлежитъ г. Далю. Его «Мысли по поводу статьи: о воспитаніи» напечатанныя въ майской книгѣ «Морскаго Сборника», заслуживаютъ величайшаго вниманія, какъ по своей справедливости, такъ и по рѣдкой откровенности, съ какою сообщилъ онъ намъ результаты своей извѣстной наблюдательности. Вотъ отрывки его прекраснаго размышленія, или, скорѣе, разсказа:

„Не столько въ сочиненіяхъ о воспитаніи, сколько на дѣлѣ, весьма не рѣдко упускается изъ виду бездѣлица, которая, однако же, не въ примѣръ важнѣе и полновѣснѣе всего остальнаго: *воспитатель самъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлать воспитанника*, или, по крайней мѣрѣ. долженъ искренне и умилительно желать быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться.

„Прослѣдите же нѣсколько за нравственною жизнію воспитателей, познайте, съ какою искренностію и съ какимъ убѣжденіемъ они слѣдуютъ не на словахъ, а на дѣлѣ своему ученію, и у васъ будетъ мѣрило для надеждъ вашихъ на всѣ ихъ успѣхи.

„Если бы, напримѣръ, воспитанники, по общей молвѣ, разсказывали другъ другу, что-де такой-то воспитатель нашъ безпутно промоталъ все, и свое и чужое, и спасся отъ окончательнаго крушенія въ мирной пристани, въ заведеніи, при которомъ состоитъ, не отказываясь, впрочемъ, и нынѣ кутнуть на чужой счетъ, гдѣ случай представится,—но дѣлаетъ это очень ловко, осторожно и скрытно; если бы говорили о другомъ, что онъ, какъ хорошій хозяинъ, былъ въ свое время всегда избираемъ товарищами для завѣдыванія общимъ столомъ и также счелъ за лучшее удалиться подъ конецъ съ этого поприща и отъ довѣрчивыхъ товарищей и вступить въ новый и болѣе чужой кругъ; если бы всѣмъ разсказывали о третьемъ, что онъ ставитъ въ *поведеніи* полные баллы всѣмъ воспитанникамъ, которые не берутъ казенныхъ сапоговъ, а ходятъ въ своихъ; о четвертомъ, что, бесѣдуя въ классахъ о разговорныхъ пустякахъ, при внезапномъ входѣ начальника, съ удивительнымъ спокойствіемъ и находчивостью продолжаетъ бесѣду, тѣмъ же голосомъ, тѣмъ же выраженіемъ, но отрывая прежнее пустословіе свое на половинѣ слова, переходя къ продолженію преподаванія, котораго прежде того и не начиналъ,—словомъ, если бы воспитанники были такого рода или подобнаго мнѣнія о воспитателяхъ своихъ: какихъ вы бы ожидали отъ того послѣдствій? Повѣрите ли вы, что изъ рукъ такихъ воспитателей выйдутъ молодые люди высокой нравственности, благородные, правдивые?

„Что вы хотите сдѣлать изъ ребенка? Правдиваго, честнаго, дѣльнаго человѣка, который думалъ бы не столько объ удобствѣ и выгодахъ личности своей, сколько о пользѣ общей,—не такъ ли? Будьте же сами такими: другаго наставленія вамъ не нужно. Незримое, но и неотразимое, постоянное вліяніе вашего благодушія побѣдитъ зародыши зла и постепенно изгонитъ ихъ. Если же вы должны сознаться, въ самомъ завѣтномъ тайникѣ души своей, что правила ваши шатки, слова и поступки не одинаковы, принаровливаясь къ обстоятельствамъ, что облыжность свою вы оправдываете словами: живутъ же люди неправдой, такъ и намъ не лопнуть стать; что вы наконецъ и въ воспитатели попали потому только, что безъ хлѣба и безъ мѣста жить нельзя; словомъ, если вы въ тайникѣ совѣсти своей должны сознаться, что вы желаете сдѣлать изъ воспитанника своего совсѣмъ не то, что вышло изъ васъ, тогда, добрый человѣкъ, вы въ воспитатели не годитесь, какихъ бы наставленій вы ни придерживались, чего бы ни начитались. Не берите этого грѣха на душу; несите съ собой, что запасли, и отвѣчайте за себя.

„Если бы, напримѣръ, воспитатель, по врожденнымъ или наслѣдственнымъ свойствамъ своимъ, на *дѣлѣ*, стоялъ на трехъ сваяхъ—*авось, небось, да какъ нибудь—а на словахъ* неумолчно проповѣдывалъ: *добросовѣстность, порядокъ* и *основательность*, то чтобы изъ этого вышло? Вѣрьте мнѣ, и воспитанники его станутъ, въ свою очередь, поучать хорошо, а дѣлать худо.

„Если бы воспитатель не находилъ въ себѣ самомъ основательныхъ при-

чинъ, для чего ему отказываться отъ обычныхъ средствъ жизни, то есть: прокармливая казеннаго воробья, прокормишь и свою коровушку, то какія убѣжденія онъ въ этомъ отношеніи невольно и неминуемо передастъ воспитаннику?

„Если бы воспитатель свыкся и сжился, можетъ быть, и безсознательно съ правиломъ: не за то бьютъ, что укралъ, а за то, чтобъ не попадался, то какія понятія онъ объ этомъ передастъ другому, младшему? Какія правила конспекты, программы, курсы и наставленія на бумагѣ и на словахъ могутъ совершить такое чудо, чтобы воспитанники современемъ держались понятій и убѣжденій противоположныхъ?

„Всего этого къ кожѣ не пришьешь. Если остричь шипы на дичкѣ, чтобы онъ съ виду походилъ на содовую яблоню, то отъ этого не дастъ онъ лучшаго плода: все тотъ же горько-сладъ, та же кислица. Надобно, чтобы прививка принялась и пустила корень до самой сердцевины дерева, какъ оно пускаетъ свой корень въ землю.

«Съ чего вы взяли, будто бы изъ ребенка можно сдѣлать все, что вамъ угодно, наставленіями, поученіями, приказаніями и наказаніями?—Внѣшними усиліями можно передѣлать одну только наружность. Топоромъ можно оболванить какъ угодно полѣшко, можно даже выстрогать его, подкрасить и покрыть лакомъ, но древесина отъ этого не измѣнится: полѣно въ сущности осталось полѣномъ.

«Воспитатель долженъ видѣть въ мальчикѣ живое существо, созданное по образу и подобію Творца, съ разумомъ и со свободной волей. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы изнасиловать и пригнести всѣ порывы своеволія, предоставляя имъ скрытно мужать подъ обманчивою наружностью и вспыхнуть со временемъ на просторѣ и свободѣ: нѣтъ! задача эта вотъ какая: примѣромъ на дѣлѣ и убѣжденіями, текущими прямо изъ души, заставить мальчика понять высокое призваніе свое, какъ человѣка, какъ подданнаго, какъ гражданина, заставить страстно полюбить—какъ любитъ самъ воспитатель, не болѣе того—Бога и человѣка, а стало быть и жить въ любви этой не столько для себя, сколько для другихъ...

«Мальчикъ, сызмала охочій копаться надъ какою нибудь ручною работой, слушая въ заведеніи, гдѣ воспитывался, физику, вздумалъ самъ построить электрическую машину. Втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ собиралъ онъ и копилъ гривенные доходы свои и, отправившись на каникулы къ дядѣ, съ жаромъ принялся за это дѣло. И спитъ и видитъ свою машину. Накупивъ на толкучемъ нѣсколько стеклянныхъ стоекъ — остатки какой-то великолѣпной люстры или паникадила, и разбитое зеркало толстаго стекла, онъ около двухъ недѣль провозился за обдѣлкой его, чтобы, чуть не голыми пальцами да зубами, округлить стекло, обтереть или обточить его и просверлить въ срединѣ дыру. Съ этимъ-то запасомъ подъ мышкой, онъ, по окончаніи каникулъ отправился обратно въ заведеніе, счастливый и довольный и, притомъ, пѣшій, потому что гривенникъ, отпускаемый ему на извощика, ушелъ на строительные припасы.

«Ему надо было пройти Исакіевскую площадь. Только что успѣлъ онъ поровняться съ домомъ, стоявшимъ тогда рядомъ съ домомъ графини Лаваль,

какъ надъ нимъ раздался громкій голосъ: «мальчикъ! Эй, мальчикъ! поди сюда!». Взглянувъ на помянутый домъ, мальчикъ нашъ встрѣтилъ въ растворенной форточкѣ знакомое и страшное лицо воспитателя, которому, однако же, онъ лично знакомъ не былъ, и прозванія онъ его не зналъ, потому что былъ изъ другаго класса. «Поди сюда, мерзавецъ! что ты это несешь?» Робкій дѣтскій голосъ пробормоталъ что-то неслышное при стукѣ каретъ по мостовой. Тотъ, перекрикивая и стукъ каретъ этихъ, повторилъ вопросъ свой до нѣсколькихъ разъ и, наконецъ, разсыпавшись бранью, приказывалъ самымъ настоятельнымъ образомъ бросить стекло и свертокъ на мостовую. «Брось! брось сейчасъ, мерзавецъ!», кричалъ онъ, выходя изъ себя, а пойманный съ поличнымъ стоялъ навытяжку неподвижно подъ окномъ, хлопая глазами, молчалъ, но стекло свое крѣпко прижималъ подъ мышку. Разстаться съ этимъ стекломъ, бросить его на мостовую—это вовсе не вмѣщалось въ головѣ мальчика, онъ словъ этихъ не понималъ! «Такъ я жь тебя!» закричалъ тотъ въ отчаянномъ негодованіи своемъ и, захлопнувъ форточку, вѣроятно, поспѣшилъ насчетъ поимки и представленія подъ караулъ ослушника. Но этотъ бѣднякъ, съ электрическою машиной подъ мышкой, самъ не зная, что дѣлаетъ, бросился безъ памяти бѣжать въ Галерную улицу, кинулся на перваго извощика, дрожа всѣмъ тѣломъ, переправился на перевозъ, запряталъ стекло съ принадлежностями въ самое скрытное, никому недоступное мѣсто, и только чрезъ мѣсяцъ, когда всякая молва и розыски по этому страшному дѣлу миновали, снова принялся за работу и благополучно окончилъ свое произведеніе.

«Помяну еще о другомъ случаѣ.

«Въ то время, въ заведеніи, гдѣ мы воспитывались, въ Новый годъ всегда давался маскарадъ, на который мы являлись—готовясь къ этому задолго—въ шпалерныхъ кафтанахъ, пеньковыхъ парикахъ и бумажныхъ латахъ, со львиными головами на оплечьяхъ, изъ хлѣбнаго мякиша. Почти каждая рота изготовляла тайкомъ и приносила въ маскарадную залу свою пирамиду—великолѣпное бумажное зданіе, расписанное и раскрашенное, пропитанное масломъ и освѣщенное извнутри, гдѣ бѣдный фонарщикъ сидѣлъ, какъ въ банѣ, запыхаясь отъ жару и чаду. Я сказалъ не безъ умысла: «изготовляла тайкомъ»,—пирамиды эти строились очень скрытно и тайно, не столько ради нечаянности, какъ ради того, что подобное занятіе—какъ вообще всякая забава или занятіе, подающее поводъ къ отвлеченію отъ ученія и къ неопрятности и сору въ спальняхъ—строго запрещалось. Между тѣмъ, когда, съ крайнимъ страхомъ и опасеніемъ, удавалось скрытно окончить такое бумажное египетское произведеніе къ сроку, принести и поставить его на мѣсто и освѣтить, то всѣ воспитатели низшихъ, среднихъ и высшихъ разрядовъ не безъ удовольствія ходили вокругъ бреннаго памятника, отъискивали и свои вензеля, съ иносказательными вѣнками и украшеніями, любовались этимъ и громко хвалили художниковъ, отдавая преимущество той или другой ротѣ.

«Вы спросите, можетъ быть, какой же смыслъ и толкъ въ поступкахъ этихъ?—а вотъ, послушаемъ дальше.

«Вторая рота отличалась два или три года сряду огромностью и изяществомъ своей пирамиды; въ первой ротѣ составленъ былъ заговоръ перещего-

лять на этотъ разъ вторую. Сдѣлали общій сборъ. Гроши и гривны посыпались отвсюду. Помню, что одинъ мальчикъ, вовсе безденежный, не захотѣлъ, однако же, отстать отъ товарищей и, продавъ богачамъ утреннюю булку свою за три дня, по грошу каждую, внесъ три гроша въ общественное казначейство. Опытные художники взялись за дѣло. Изготовленная лучина отнесена была на чердакъ, картузная бумага была склеена, выкроена и скатана, чтобы удобнѣе было ее спрятать; вырѣзки разныхъ видовъ для картинъ, вензелей и украшеній розданы для работы по рукамъ, и каждый пряталъ свою у себя, какъ и гдѣ могъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Всѣ принялись за работу такъ дружно, такъ усердно, что недѣли за двѣ или за три до срока знаменитая пирамида поспѣла. Надо было собрать лучинковые лѣса, пригнать чехолъ, и, наконецъ, оставалось только смазать масломъ просвѣты.

«Но въ декабрѣ на чердакѣ холодно, особенно въ одной курткѣ. Рѣшено было собрать пирамиду наскоро въ *умывальнѣ*, въ такое время, когда нельзя было ожидать прихода воспитателя, и, притомъ, разставивъ, изъ предосторожности, часовыхъ, какъ дѣлаютъ журавли, воруя хлѣбъ, да обезьяны, опустошая сады и огороды. Бѣготня, суматоха, крикъ, радость—у главныхъ зодчихъ болѣе десяти помощниковъ, у каждаго помощника по десяти подносчиковъ—дѣло кипитъ.... но внезапно входитъ дежурный воспитатель, котораго называли внукомъ тогдашняго директора и очень боялись.. Не берусь описывать подробностей происшедшаго побоища: негодованіе, неистовство этого человѣка превзошло всякое понятіе. Много розогъ было охлестано тутъ же, на мѣстѣ—это бы еще ничего—да безпримѣрное въ лѣтописяхъ маскарадныхъ зданіе, пирамида въ семь аршинъ вышины, была изломана, истоптана ногами и сожжена тутъ же въ печи.

«Однако, почесавъ затылки, погоревавъ и опомнившись, предпріимчивые и рѣшительные строители не упали духомъ: давай собирать, что осталось; иное было тутъ и тамъ, иное успѣли вòвремя выхватить и спасти отъ конечнаго истребленія, и—чрезъ недѣлю поспѣла новая пирамида, ни въ чемъ не уступавшая первой. Она красовалась на маскарадѣ 31-го декабря 1817 года. Первенство осталось на сей разъ за нею, за первой ротой. Это подтвердили всѣ, обхаживая вокругъ и любуясь необыкновенно пестрыми и кудрявыми вензелями. Подтвердилъ даже и самъ внукъ директора. который былъ такъ не злопамятенъ, что, во уваженіе общей радости и удовольствія на маскарадѣ, и не поминалъ о томъ участіи, какое принималъ онъ въ сооруженіи этого знаменитаго зданія.

«Теперь, кончивъ разсказъ, я васъ спрошу: что это такое? чего вы ожидаете отъ такого воспитателя? Но вы опять отвѣчаете мнѣ, что это либо выдумка злословія, либо примѣръ, который въ примѣръ не годится, потому что представляетъ неслыханное исключеніе. Итакъ, возьмемъ что нибудь обиходное.

«Начальникъ, при воспитанникѣ, спрашиваетъ въ сомнѣніи: исполняется ли такое-то правило или приказаніе? И воспитатель удостовѣряетъ его въ этомъ самымъ положительнымъ образомъ, не смигивая глазомъ, хотя и лжетъ нагольѣ.

«Воспитанникъ зналъ дома два чужихъ языка и позабылъ ихъ въ заведеніи на половину. А воспитатель увѣряетъ радушнаго посѣтителя на испытаніи, что мальчикъ выучился этимъ языкамъ здѣсь.

„Воспитатель ходитъ въ церковь, или водитъ туда мальчиковъ по положенію, при начальникѣ даже много и часто крестится; но понятія и убѣжденія его о вѣрѣ и вѣчности не могутъ укрыться отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ проводитъ по нѣскольку часовъ въ день, если бы это и были малолѣтки. Облыжность, ханжество, безчестность, самоугодничество, въ какихъ бы мелкихъ и скрытныхъ видахъ и размѣрахъ оно ни проявлялось, прилипчивѣе чумы и поражаетъ вокругъ себя все, что не бѣжитъ безъ оглядки. Но, можетъ быть, всего этого нѣтъ и не бывало и быть не можетъ, все это выдумка и клевета? Вотъ такое-то отрицательное направленіе насъ и губитъ; донесенія о *благополучіи* ослѣпительны, какъ вешній снѣгъ.

„Не будемъ спорить, я ищу и желаю совсѣмъ иного. Выкиньте всѣ примѣры мои, какъ непригодные къ дѣлу, и вставьте свои, то есть случаи, вамъ самимъ извѣстные. Поройтесь въ памяти: вы ихъ найдете. Подведите къ нимъ мое или, пожалуй, также свое заключеніе—и оно ничѣмъ не будетъ разниться отъ того, что сказано, по глубокому и полному убѣжденію, въ этой статейкѣ:

„Воспитатель, въ отношеніи нравственномъ, самъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлать воспитанника,—по крайней мѣрѣ, долженъ искренно и умилительно желать быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться.

„Но вы скажете: ангеловъ совершенства нѣтъ на землѣ, мы всѣ люди» для того-то я, сказавъ: „Воспитатель долженъ быть такимъ", прибавилъ: „или искренно хотѣть быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться". Будь же онъ прямъ и правдивъ, желай и ищи добра: этого довольно. Ищи онъ случая въ присутствіи воспитанниковъ, но безъ похвалы, безъ малѣйшаго тщеславія, сознаваться въ ошибкахъ своихъ, —и одинъ подобный примѣръ направитъ на добрый путь десятки малолѣтковъ.

„Вотъ въ чемъ заключается наука нравственнаго воспитанія".

Не менѣе статьи г. Даля интересны замѣчанія неизвѣстнаго автора, подписавшагося буквою П., объ обязанностяхъ старшаго офицера на кораблѣ. Г. П., въ одной изъ книжекъ «Морскаго Сборника», выразилъ свое мнѣніе, что однимъ изъ необходимѣйшихъ качествъ старшаго офицера должна быть деликатность въ обращеніи съ младшими офицерами. Г. Н. Р. сдѣлалъ на это нѣсколько возраженій, которыя также помѣщены были въ «Московскомъ Сборникѣ». Въ послѣдней (іюньской) книжкѣ этого журнала, г. П. отвѣчаетъ своему противнику слѣдующимъ образомъ:

„Старшій офицеръ долженъ быть человѣкъ опытный, привыкшій жить въ свѣтѣ и обращаться съ людьми,—человѣкъ, обладающій этимъ качествомъ, рѣдко позволитъ себѣ забыться, рѣдко отступитъ отъ однажды принятаго правила. Онъ очень хорошо понимаетъ, какъ сильно должно быть его моральное вліяніе на подчиненныхъ, и потому-то именно будетъ остороженъ не только

въ своихъ дѣйствіяхъ, но и въ каждомъ выраженіи, и въ каждомъ словѣ. И это вовсе не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда: все дѣло заключается въ привычкѣ, и наконецъ эта привычка такъ сродняется съ человѣкомъ, что онъ иначе и дѣйствовать не можетъ. Конечно, основательный старшій офицеръ не сдѣлаетъ, напримѣръ, такого промаха: однажды, на одномъ изъ военныхъ судовъ, стоявшемъ на якорѣ, старшій офицеръ вышелъ наверхъ и обратился съ вопросомъ къ вахтенному лейтенанту, гдѣ находится ихъ десятка.

„— Держится у форштевня, подкрашиваетъ потоки подъ клюзами, отвѣчалъ вахтенный лейтенантъ.

„— Такъ ли это? замѣтилъ старшій офицеръ.

„— Если я говорю, значитъ, увѣренъ въ этомъ, отвѣчалъ, лейтенантъ.

„Однакожь, старшій офицеръ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ и тутъ же, подозвавъ вахтеннаго урядника, спросилъ его, гдѣ десятка и что она дѣлаетъ. Пусть г. Н. Р. скажетъ, по совѣсти, имѣлъ ли право вахтенный лейтенантъ обидѣться такой выходкой старшаго офицера? И онъ, дѣйствительно, обидѣлся; въ то время старшему офицеру не сказалъ ни слова, но тогда же, въ каютъ-компаніи, разсказалъ, да и въ настоящее время разсказываетъ всѣмъ этотъ случай, конечно, уже не съ тѣмъ, чтобы похвалить старшаго офицера. И точно, этотъ старшій офицеръ, подобными выходками, дошелъ до того, что офицеры терпѣть его не могли и искали случая не служить съ нимъ на одномъ суднѣ. Какимъ бы запасомъ снисходительности ни былъ надѣленъ вахтенный лейтенантъ, отъ подобныхъ продѣлокъ всякій запасъ истощится. Я разсказалъ фактъ въ примѣръ тѣмъ случаямъ, которые бываютъ у насъ сплошь и рядомъ. Замѣчательно, что если нѣкоторые дѣлаютъ подобныя вещи съ умысломъ, изъ какого-то страннаго разсчета, то есть многіе, которые поступаютъ точно такъ же безсознательно, не думая о томъ, что они дѣлаютъ.

„Напрасно также г. Р. старается убѣдить, что младшіе должны быть снисходительны къ старшимъ и извинять имъ ихъ ошибки. Это теорія, которую мы слышимъ постоянно уже много лѣтъ и слушаемъ именно, какъ теорію, которая, по несчастію, какъ это часто бываетъ, вовсе не сходится съ практикой. Старшіе, какъ люди опытные, имѣютъ несравненно бо́льшій запасъ разсудительности. Вспоминая свои молодые годы, случаи, въ которыхъ сами они иногда находились, они всегда и отъ души извинятъ молодаго офицера за его ошибки, за минутную горячность. Напротивъ того, любой офицеръ, еще не наученный опытомъ, не въ состояніи владѣть собою такъ, чтобы скоро могъ справиться съ затронутымъ самолюбіемъ, съ раздраженной щекотливостью. Ему постоянно кажется, что его оскорбляютъ умышленно, что хотятъ отнять у него частичку его правъ, взять надъ нимъ моральный перевѣсъ или, какъ они выражаются, сѣсть на шею, и этого молодой человѣкъ не прощаетъ своему начальнику. Если къ этому онъ еще находчивъ и скоръ на отвѣты, то начальникъ необходимо долженъ быть съ нимъ какъ можно осторожнѣе въ выраженіяхъ, замѣчаніе или выговоръ дѣлать безъ всякихъ излишнихъ коментарій, чтобы не наткнуться на отвѣтъ, на который, въ свою очередь, не скоро найдешь возраженіе. Забудь старшій офицеръ или командиръ систему хладнокро-

вія и спокойнаго достоинства, и съ нимъ могутъ быть случаи въ родѣ слѣдующаго. На одномъ изъ судовъ, во время плаванія, понадобилось сдѣлать какое-то исправленіе за бортомъ, около шкафута. Для этого нужно было подвѣсить за бортомъ люкъ, и исполненіе этой работы поручили, стоявшему на бакѣ, вахтенному мичману. Мичманъ, очень милый и образованный молодой человѣкъ, быстрый и находчивый на отвѣты, но еще очень неопытный въ морскомъ дѣлѣ, привыкшій служить спустя рукава, приказалъ принести люкъ и, поручивъ нѣсколькимъ матросамъ подвѣсить его, какъ было нужно, самъ продолжалъ очень спокойно прогуливаться по шкафуту, равнодушно посматривая на работающихъ матросовъ. Само собою разумѣется, что матросы не видя за собою присмотра, не находили нужнымъ торопиться и занимались работой своей con amore, съ приличными разговорами. Но какъ всякая работа должна когда нибудь кончиться, то и тутъ, минутъ черезъ пятьнадцать, концы были привязаны и люкъ опустился за бортъ. Къ несчастію, въ разговорахъ, матросы не обратили вниманія на то, какъ привязывали концы. и люкъ, спущенный за бортъ, моментально перевернулся на ребро. Конечно, между матросами не обошлось безъ попреканій: Сидоръ упрекалъ Матюску, тотъ сваливалъ вину на Захарку. Какъ бы то ни было, а пришлось люкъ снова вытащить на палубу и перевязать концы. На суднѣ этомъ имѣлъ флагъ одинъ изъ уважаемыхъ всѣми адмираловъ, славный офицеръ и превосходный человѣкъ, но вспыльчиваго, горячаго характера, привыкшій видѣть, съ молодыхъ лѣтъ, что на военномъ суднѣ всякая, даже пустая работа исполняется быстро и отчетливо. Стоя на ютѣ, адмиралъ долго слѣдилъ за продѣлкою съ несчастнымъ люкомъ, но удерживался, ожидая, чѣмъ кончится эта исторія. Когда люкъ перевернулся и его снова потащили на палубу, адмиралъ не выдержалъ: взбѣшенный равнодушіемъ молодаго мичмана, онъ въ два прыжка уже былъ въ шкафутѣ и, обращаясь къ мичману, съ досадой, быстро спросилъ его: «Если работа, которая на каждомъ порядочномъ суднѣ кончается въ пять минутъ, здѣсь дѣлается въ полчаса, то такая работа, на которую тамъ понадобится полчаса, здѣсь во сколько времени будетъ кончена?...» — «Въ три часа!» отвѣчалъ спокойно мичманъ. — «Не разговаривать!» крикнулъ адмиралъ и, быстро поворотясь, ушелъ въ каюту, между тѣмъ, какъ находившіеся наверху офицеры едва удерживались отъ смѣха, возбуждаемаго въ нихъ такимъ быстрымъ и неожиданнымъ рѣшеніемъ ариѳметической задачи. Случай этотъ долго былъ предметомъ разговоровъ въ каютъ-компаніи, и, конечно, молодому мичману не было недостатка въ поощреніяхъ и похвалахъ со стороны товарищей; а между тѣмъ, подобные случаи непремѣнно ведутъ къ упадку дисциплины. Проще было бы призвать молодаго мичмана на шканцы и, не задавая вопросовъ тройнаго правила, сдѣлать выговоръ и, пожалуй, чтобы разбудить или возбудить его дѣятельность, заставить его облазить всѣ марсы и салинги, чтобы осмотрѣть, все ли тамъ въ порядкѣ. Вотъ это, я называю: не тратить даромъ словъ, а во время употребить власть.

«Понуканье людей, крикомъ: «живѣй!» неминуемо поведетъ къ шуму. Я объяснялъ уже, что если работа не выполняется моментально, то этому должна быть какая нибудь причина, и тогда сколько не кричите, дѣло скорѣе не сдѣ-

лается. Однакожь, при обыкновенныхъ случаяхъ, вахтенный лейтенантъ, видя, что люди работаютъ вяло, конечно, не только можетъ, но долженъ ихъ торопить. Пусть же и будетъ слышенъ только его голосъ, а старшему офицеру кричать не зачѣмъ; онъ можетъ подсказать вахтенному лейтенанту, что работа идетъ вяло, и приказать ему прикрикнуть на матросовъ. Плохіе результаты бываютъ, когда всѣ, имѣющіе на то право, начнутъ возвышать голосъ и кричать: «живѣй!» Того и гляди, что повторится случай, бывшій на кораблѣ, гдѣ, во время уборки парусовъ, одинъ изъ лучшихъ матросовъ упалъ съ гротъ-брамъ-реи на палубу и разбился въ дребезги, и это произошло отъ того, что начиная съ адмирала, всѣ сердились, кричали: «живѣй!», заторопили, засуетили матросовъ и марсовые бросились крѣпить брамсель прежде, нежели внизу успѣли выбрать на марки брамъ-брасы, такъ что рей ходилъ ходуномъ; а брамъ-брасы не выбрали во время потому, что всѣ суетились и, желая показать свое рвеніе, вертѣлись передъ глазами начальниковъ, а о важныхъ вещахъ забыли, какъ это обыкновенно бываетъ.

«Надо надѣяться, что въ настоящее время подобные примѣры будутъ рѣже съ каждымъ годомъ: дѣла не могутъ остаться въ такомъ положеніи; но я говорю о томъ, чему всѣ мы, еще очень недавно, были очевидными свидѣтелями.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

ІЮЛЬ 1856.

Много хорошаго представляетъ намъ наша литература. Мы можемъ быть недовольны въ ней тѣмъ, другимъ, можемъ изъ-за того иногда даже досадовать на нее, даже выражать свою досаду на ея несовершенства горькими упреками,—а все-таки много въ ней хорошаго, все-таки большею частью лучшихъ минутъ своей жизни каждый изъ насъ обязанъ тѣмъ высокимъ наслажденіямъ, тѣмъ благороднымъ чувствамъ, которыя доставляла ему литература, все-таки литературная сторона нашей жизни—самая живая и самая свѣтлая сторона ея.

А скажите, чѣмъ выразили мы свою признательность тѣмъ людямъ, которые вложили жизнь въ нашу литературу?

Эти мысли разбудилъ во мнѣ недавній случай.

На дняхъ, привелось мнѣ быть на кладбищѣ. Оно зеленѣло, могилы пестрѣли цвѣтами, играла молодая жизнь на гробахъ, и сіяла природа вѣчной красой, по выраженію поэта. Нѣсколько грустныхъ, толпы равнодушныхъ лицъ встрѣчались мнѣ: одни пришли навѣстить близкихъ, другіе—и бо́льшая часть—отъ нечего дѣлать, полюбоваться на памятники. Мнѣ было тяжело. Я шелъ дальше и дальше, изъ аристократической части кладбища, туда, гдѣ лежатъ бѣдняки. Рѣже и рѣже перерывались мраморными и чугунными памятниками ряды крестовъ, рѣже и рѣже встрѣчались люди. Вотъ я въ краю кладбища, совершенно пустомъ и безмолвномъ. Погруженный въ мысли, я машинально брелъ по пустыннымъ тропинкамъ... я забылся... Вдругъ чей-то твердый и полный какой-то торжественности голосъ вызвалъ меня изъ раздумья.

— Вотъ могила N N., которой хотѣлъ ты поклониться.

Я поднялъ глаза: передъ простымъ чернымъ крестомъ остановились, шедшіе по другой тропинкѣ, поперекъ моей дороги, двоэ мужчинъ: старшій, человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, указывая взглядомъ этотъ крестъ младшему, юношѣ лѣтъ двадцати.

«Такъ вотъ она, могила моего бѣднаго друга, которую такъ напрасно искалъ я много разъ, о которой напрасно спрашивалъ общихъ нашихъ знакомыхъ, бывшихъ здѣсь во время его смерти!»

Я подошелъ ближе. На крестѣ было, дѣйствительно, написано имя моего покойнаго друга. Вмѣстѣ съ юношей, я поклонился этой могилѣ.

— А! вы также уважаете N N!—сказалъ мнѣ старшій:—да, это былъ человѣкъ, какъ говоритъ Гамлетъ. Вотъ, сынъ ужь давно просилъ меня показать ему это мѣсто, — да я насилу могъ отъискать; а черезъ пять лѣтъ и вовсе нельзя будетъ найти: видите, крестъ ужь пошатнулся. И надъ могилой такого человѣка нѣтъ памятника!

Мнѣ стало неловко и стыдно за себя и за всѣхъ насъ, такъ много, такъ безконечно много обязанныхъ этому другу... Безъ посторонней помощи, я не могъ бы найти и могилы его, а черезъ пять лѣтъ и не найдетъ его могилы юноша, ставшій *человѣкомъ*, благодаря ему...

Кто жь этотъ покойникъ? что жь особеннаго сдѣлалъ онъ, что отецъ привелъ сына поклониться его могилѣ? Вы угадываете, кто былъ онъ: просто, писатель, не болѣе, какъ писатель, всю жизнь остававшійся ничтожнымъ бѣднякомъ. Онъ только мыслилъ и писалъ,—болѣе онъ ничего не сдѣлалъ, даже не сдѣлалъ себѣ порядочной карьеры, даже не пріобрѣлъ себѣ обезпеченія въ жизни, даже славы — такъ ему казалось—не пріобрѣлъ своему имени... и дѣйствительно, въ послѣднемъ случаѣ едва ли не былъ онъ правъ: ни отъ кого не слышалъ онъ себѣ привѣта и одобренія; только небольшой кружокъ преданныхъ ему людей благоговѣлъ передъ его свѣтлымъ умомъ, передъ его благороднымъ сердцемъ, да публика любила то, что писалъ онъ, не заботясь и почти не зная о томъ, кѣмъ это писано. Да, пожалуй, и славы не пріобрѣлъ онъ себѣ,—по крайней мѣрѣ, при жизни.

Такъ; но тысячи людей сдѣлались людьми, благодаря ему. Цѣлое поколѣніе воспитано имъ. А слава? многіе стали славны только потому, что онъ упомянулъ о нихъ, многіе другіе только потому,

[illegible] его мысли. Другіе, лучшіе, стали сла[illegible] [illegible] отвѣтами. И когда я перечитываю наши нынѣшніе журналы, я всегда вспоминаю о немъ. Вотъ ученая статья—она производитъ эффектъ въ публикѣ, прибавляетъ автору уваженія въ кругу ученыхъ—отчего это? оттого, что она писана подъ вліяніемъ его мысли, писана на тему, которую указалъ и объяснилъ онъ; вотъ критическая статья, которую называютъ всѣ умною и благородною,—опять-таки все, что есть въ ней хорошаго, подсказано имъ, и авторъ не считаетъ нужнымъ даже намекнуть о томъ; напротивъ, онъ даже усиливается говорить о немъ свысока, какъ о человѣкѣ, правда, умномъ, но увлекавшемся, малообразованномъ и поверхностномъ: видно, чувствуетъ авторъ, что нужно ему отстранить это имя, чтобы казаться самому чѣмъ нибудь; видно, знаетъ авторъ, что при немъ онъ ничто. Вотъ повѣсть, которую называютъ прекрасною — опять это только плодъ его ученія: онъ указалъ и мысль и форму, въ которую должна облечься эта мысль... Повсюду *онъ*! Имъ до сихъ поръ живетъ наша литература!...

А что сдѣлали мы, литераторы, въ доказательство своей признательности къ тому, кто былъ общимъ воспитателемъ всѣхъ лучшихъ между нами? Ровно ничего. Мы не потрудились даже подумать, что потомство обвинитъ насъ, когда не отыщетъ его бѣдной могилы.

Я не осуждаю его друзей. Пусть они извиняются человѣческою слабостью — въ самомъ дѣлѣ, ихъ можно было извинять. Онъ умеръ во время страшной болѣзни, когда каждый трепеталъ за себя, когда никто не былъ увѣренъ поутру, что доживетъ до вечера. Въ боязни за себя, они могли забыть о немъ—о чужихъ ли могилахъ думать, когда самому надобно готовиться къ отвѣту за свою жизнь?

Но потомъ, когда болѣзнь миновалась, когда сердца успокоились отъ страха грозившей каждому опасности, можно бы вспомнить о томъ, кому каждый обязанъ своимъ нравственнымъ развитіемъ и своею извѣстностью, если имѣетъ ее.

Нѣтъ, видно, у каждаго изъ его друзей такъ много личныхъ заботъ, что некогда приняться за исполненіе обязанностей, возлагаемыхъ признательностью.

Впрочемъ, что за бѣда, если тѣсный кружокъ людей близкихъ

не хочетъ вспомнить о томъ? Есть у него другіе друзья, болѣе многочисленные и болѣе вѣрные: его читатели. Теперь они знаютъ, кому обязаны оживленіемъ нашей литературы; теперь они чаще и чаще говорятъ о немъ. Они исполнятъ то, что не было въ свое время исполнено друзьями его.

Публика?—будто публика въ самомъ дѣлѣ, такъ свято исполняетъ всегда долгъ презнательности? Не случается ли ей ограничиваться только прекрасными словами, не приводя ихъ въ исполненіе? Вѣдь вотъ скоро двадцать лѣтъ минуетъ съ кончины Пушкина: двадцать лѣтъ каждый съ благоговѣніемъ называетъ его основателемъ новой нашей литературы и говоритъ о немъ съ такимъ прекраснымъ, съ такимъ святымъ жаромъ, — а. гдѣ памятникъ великому поэту, котораго, кажется, всѣ признаютъ достойнымъ вѣчной славы?

Литература наша, не взирая на всѣ свои недостатки, представляетъ много хорошаго,—это фактъ, котораго нельзя отрицать, съ какимъ бы скептицизмомъ ни смотрѣть на нее. Въ прошлый разъ мы говорили о прекрасномъ началѣ обширной статьи, написанной г. Павловымъ по поводу комедіи графа Соллогуба. Начало казалось намъ такъ хорошо, что, признаемся, мы не безъ нѣкотораго опасенія за свое впечатлѣніе стали читать окончаніе этой статьи, помѣщенное въ 14-ой книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Тонъ, взятый авторомъ, былъ такъ силенъ и высокъ, что нелегко было выдержать его до конца.

Но чтеніе статьи самымъ отраднымъ образомъ опровергло эти сомнѣнія: вторая половина разбора еще лучше, если только возможно, нежели первая. Въ первой части статьи разборъ остановился на той сценѣ комедіи, съ которой начинаются служебные подвиги злополучнаго Надимова,—во второй статьѣ все вниманіе критика обращено на нихъ. Въ каждой сценѣ оказывается, что съ художественной точки зрѣнія поступки г. Надимова разрушаютъ всякое правдоподобіе въ комедіи, которая гибнетъ черезъ него въ литературномъ смыслѣ, и, въ дополненіе къ тому, со «Сводомъ Законовъ» въ рукѣ, критикъ доказываетъ, что каждое слово, каждое понятіе этого самохвала, мнимаго чиновника, законопреступно, отчасти по незнанію закона, еще чаще по неуваженію къ нему, въ угожденіе

варварскимъ понятіямъ, въ которыхъ онъ, самъ того не замѣчая, совершенно сходится со взяточниками, потому что личныя свои желанія и пристрастія ставитъ выше закона. И когда, въ своемъ забавномъ тщеславіи, Надимовъ оскорбляется тѣмъ, что ему предлагаютъ взятку, критикъ охлаждаетъ его неосновательное негодованіе словами: «да вѣдь вы г. Надимовъ, ведете себя, какъ взяточникъ,— вѣдь вы ясно выказываете пристрастіе къ одной изъ тяжущихся сторонъ, не хотѣли выслушивать объясненій противника, старались запугать этого противника, брали на себя власть выше той, какая дана вамъ закономъ, вы отдаете подъ судъ людей, которые по закону не подвергли себя судебному слѣдствію; вы входите въ пріятельскія сдѣлки то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ лицъ, о которыхъ вы должны производить слѣдствіе; вы собственной властью прикрываете и прощаете преступленія, — словомъ, ведете себя, какъ человѣкъ, который казнитъ и милуетъ не по закону, а по произволу, — вы дѣлаете все то, что дѣлаетъ взяточникъ. Чѣмъ же вы отличаетесь отъ него? и какъ васъ не почесть за взяточника? А когда Надимовъ начинаетъ разглагольствовать, что онъ гнушается взяточниками и истребитъ ихъ своимъ примѣромъ и своею службою, г. Павловъ говоритъ ему: «вы сами не знаете, что дѣлаете, возставая противъ взятокъ: вѣдь это не отдѣльное явленіе, которое можно уничтожить, не касаясь произвола,—нѣтъ, взятки—слѣдствіе тѣхъ самыхъ обычаевъ, которыхъ держитесь вы, г. Надимовъ; взятки— только ничтожный симптомъ той страшной болѣзни, которою охваченъ, проѣденъ до костей весь вашъ организмъ.

. . . .
. . . .

„Для васъ взятки—порокъ, преступленіе. Да, это такъ; взяточникъ есть мытарь, торгующій правдой въ ея святыхъ храмахъ. Взглядъ справедливъ, но узокъ для объема историческихъ явленій. Нѣтъ преступленій цѣльныхъ, нѣтъ преступленій безъ доли заблужденія. Если видѣть въ старинномъ развратѣ, въ народномъ бѣдствіи одинъ рядъ преступленій, то легко утѣшиться и не зачѣмъ поднимать большаго шума. Преступленія не страшны. Они, по свойствамъ человѣческой природы, составляютъ въ человѣческомъ обществѣ исключенія, на нихъ возстаетъ большинство, они прячутся отъ глазъ, краснѣютъ и живутъ тайною. Превратите только взяточника чисто въ преступника, и завтра взятокъ не будетъ. Страшно заблужденье. Оно обнимаетъ массы и не боится Божьяго свѣта. Вы выступили на борьбу со взяточниками, съ людьми; но что люди? существа кратковременныя, доступныя чувству страха, расположенныя къ послушанію, когда оно требуется настойчивой волей. Съ людьми легко

справиться: на нихъ есть казнь закона, желѣзо и огонь. Передъ вами другой врагъ, болѣе опасный: этотъ врагъ—понятіе. Оно безстрашно, непокорно, несговорчиво и, къ несчастію, долговѣчно. Вы вытѣсните взяточника и станете на его мѣсто; а понятіе тотчасъ пополнитъ эту убыль и въ вашемъ сынѣ воспитаетъ новаго, который будетъ предметомъ удивленія для старыхъ. Вы возмущаетесь, вы негодуете, вы приходите въ ужасъ, что продается правосудіе; а понятіе вступитъ въ сдѣлку съ вашей совѣстью, сочинитъ слово „благодарность" и увѣритъ васъ, что между этимъ безукоризненнымъ словомъ и взятками проведена самая непроходимая граница, протянутъ самый тонкій волосъ. Понятіе предусмотрительно, осторожно и никогда не одиноко. Оно живетъ общей жизнію съ другими, однородными понятіями. Они тѣсной семьей вмѣстѣ проходятъ вѣка и вмѣстѣ гибнутъ, но не порознь. Взятки не жена и дѣти, не нищета и нужда,—ихъ берутъ и холостые и богатые; взятки—особенное воззрѣніе на жизнь и человѣка; взятки не причина, а слѣдствіе, не болѣзнь, а одинъ изъ ея признаковъ.

„Давно ли, испрашивая помѣщенія въ общественную должность, проситель писалъ въ просьбѣ: „прошу отпустить покормиться"? Управленіе разсматривалось, какъ кормленіе, какъ доходъ, которымъ можно быть сыту. Воеводства и приказныя дѣла назывались „корыстовными" дѣлами. Государственный вопросъ молчалъ передъ матеріальною потребностью лица. И тотъ, кто просился кормиться, и тѣ, которые отпускали его на кормленіе, нисколько не думали, что въ общественномъ дѣлѣ интересъ частнаго желудка есть интересъ второстепенный. Намъ скажутъ, что способъ кормленія опредѣлялся и, слѣдовательно, былъ законенъ. Иногда опредѣлялся, иногда нѣтъ; но что до этого? Самое воззрѣніе дѣлало невозможными правила, что и подтверждается исторіей. Если управляемые разсматривались, какъ матеріалъ для удовлетворенія аппетита управляющихъ, если на первомъ планѣ стояло цѣлью, чтобъ воевода былъ сытъ, то какъ не предположить, что онъ не безпрестанно былъ голоденъ? Съ тѣхъ поръ государственныя учрежденія измѣнились. Просвѣщенные законодатели Россіи спѣшили передавать ей въ новыхъ постановленіяхъ иныя начала, иныя истины. Но нравы, но воззрѣнія не догнали государственныхъ учрежденій. Рука не смѣетъ уже писать: „отпустите покормиться",—а въ головѣ прежнее понятіе еще живо. Предки думали, что мѣсто дается единственно за тѣмъ, чтобъ кормиться, и многіе изъ потомковъ сохранили свято завѣщанное наслѣдіе. У многихъ, вѣрныхъ преданію, цѣль та же—кормленіе, а все остальное, что написано, кажется имъ написано такъ, для одной церемоніи. Бумага измѣнилась,—понятіе осталось, потому ли, что исторія вообще невыносимо долго вырабатываетъ свои идеи, потому ли, что съ измѣненіемъ законовъ не возбудилась дѣятельность мысли, или, наконецъ, потому, что старое воззрѣніе со всѣми своими подробностями пріятнѣе слабости человѣческой.

„Воображеніе плѣнялось пріобрѣтеніемъ новыхъ истинъ права, а душа влеклась къ той поэтической неопредѣленности, гдѣ давался широкій просторъ волѣ. Законъ исполнилъ современную задачу: онъ опредѣлилъ для службы другую цѣль, другую причину и кормленіе, какъ оно совершалось нѣкогда, назвалъ взятками, преступленіемъ. Но быть около закона,—быть, благопріят-

ствующій прежнему воззрѣнію, сберегался тотъ же. На самую жизнь накладывались не тѣ обязанности, какія излагались въ законѣ, не то требовалось отъ нея, но тѣ идеи были въ обращеніи: отъ этого самая жизнь находилась въ постоянномъ и естественномъ противорѣчіи съ закономъ. Г. Надимовъ, увлекаясь тоже воображеніемъ, не понимаетъ, что дѣлаетъ, когда возстаетъ на взятки. Онъ не беретъ ихъ, но, нападая на нихъ, поднимаетъ руку на себя. Послѣдуемъ за нимъ въ чудный міръ фантазіи, поддадимся ея волшебному обаянію и постараемся отгадать, какъ бы это стали жить люди безъ взятокъ, какой бы у нихъ совершался жизненный процессъ, какими наслажденіями пользовались бы они и какимъ подвергались бы лишеніямъ? Ахъ, г. Надимовъ! необдуманность, необдуманность губитъ много на свѣтѣ. Жизнь безъ взятокъ что за жизнь? вѣдь это полное развитіе чувства законности, это, какъ его необходимое слѣдствіе, уваженіе на каждомъ шагу, во всѣхъ мелочахъ, къ личности человѣка, и даже понятыхъ... Видите ли, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ такого рода общественное положеніе. Вѣдь оно разстроило бы, васъ перваго. Теперь вы пріѣхали свидѣтельствовать мельницу; но вамъ скучно, занятіе не по душѣ, не въ привычку; чувство законности васъ не тревожитъ—у васъ его нѣтъ—и вы заходите къ графинѣ, вы съ ней бесѣдуете, гуляете; вотъ сейчасъ она предложитъ вамъ завтракать. Если кто нибудь осмѣлится вамъ напомнить. что понятые давно собраны, вы скажете: „пусть подождутъ“. Подойдетъ Дробинкинъ—вы ему очень учтивымъ образомъ замѣтите, что вы чиновникъ, что и обсуживать и говорить вы хотите одни, а онъ проситель, слѣдовательно, существо безсмысленное и безсловесное. Все это чрезвычайно пріятно и удобно. Теперь, по милости взятокъ, многіе подумаютъ про васъ: вотъ краснорѣчивый человѣкъ, человѣкъ убѣжденій, человѣкъ-огонь, а тогда, безъ взятокъ, о чемъ бы вы повели бесѣду? съ чѣмъ вы тогда явились бы на сцену передъ графиней, чѣмъ бы тронули ея вѣтреное сердце? За что же вы нападаете на взятки, когда имъ обязаны столькими удовольствіями?

«Противъ понятія оружіе одно—понятіе новое, которое надо поставить на мѣстѣ стараго. Понятіе добывается не фразами, не рябяческими выраженіями желаній, надеждъ и порицаній, а тяжелымъ трудомъ мысли, просвѣщеніемъ. Съ великою робостью, отъ страха, чтобъ слова наши не были перетолкованы въ превратномъ смыслѣ, мы, вопреки г. Надимову, рѣшаемся сказать, что честный человѣкъ, сотни, тысячи честныхъ людей, какъ случайность, какъ явленіе, которое можетъ быть и не быть, безсильны въ борьбѣ съ закоснѣлымъ понятіемъ. Одной честности, этого высокаго качества, къ сожалѣнію, мало. Нужны люди честные и вмѣстѣ мыслящіе. Только мысль дѣлаетъ завоеванія не случайныя, а прочныя, одна мысль можетъ создать среду, гдѣ нельзя будетъ двигаться взяточнику. Г. Надимовъ придумалъ разныя государственныя мѣры для искорененія взятокъ, образцы и горючія слезы; но мѣры эти, превосходныя сами въ себѣ, оказываются, послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій опыта, недѣйствительными. Вы поставьте человѣка въ невозможность брать взятки, и онъ ихъ брать не будетъ; а возможность этой невозможности существуетъ для взятокъ точно такъ же, какъ и для другихъ нашихъ дѣйствій. Объяснимся примѣромъ, если уже г. Надимовъ такой охотникъ до нихъ. Онъ позванъ на балъ. Законъ

не опредѣляетъ ни покроя его платья, ни цвѣта, ни матеріи, и какимъ бы шутомъ ни нарядился онъ, за это не положено никакого наказанія. Отчего же г. Надимовъ не явится на балѣ въ сюртукѣ и пестромъ галстухѣ? почему лучше согласится нарушить постановленіе писаннаго закона, чѣмъ обычай, введенный и поддерживаемый какою-то непостижимой силой, которая не лишаетъ правъ состоянія и не ссылаетъ въ Сибирь? Вотъ что, конечно, въ маломъ и ничтожномъ видѣ, называется взглядомъ на жизнь. Такъ люди смотрятъ, такъ думаютъ, такъ привыкли думать. Пестрый галстухъ и сюртукъ на балѣ признаны, неизвѣстно, на долго ли, неприличными: извольте переувѣрять и оспаривать.

«Для важныхъ историческихъ явленій, для взятокъ, существуетъ также возможность подобнаго взгляда, и на основаніи истинномъ, не выдуманномъ человѣческою прихотью. Судья берется отправлять правосудіе, а за деньги называетъ правду ложью и ложь правдою. Тутъ логическая нелѣпость очевидна, ея основаніе шатко: поколебать его, однакожь, трудно. Но средство есть, оно вытекаетъ уже изъ самой безсмысленности явленія. Должно только искренно желать достиженія предполагаемой цѣли и не скорбѣть о тѣхъ понятіяхъ, которыя, живя одной жизнью съ понятіемъ о взяткахъ, должны умереть съ нимъ одною смертію. Г. Надимовъ обходится со взятками какъ-то легко, храбро, не воображая, что у нихъ есть своя исторія, географія и своя теорія. Это неотрывокъ, не клочекъ изъ жизни, а цѣлая жизнь, благообразно устроенная и приведенная въ систему на извѣстныхъ мѣстностяхъ. Мы уже такъ тѣсно познакомились съ г. Надимовымъ и получили къ нему такое расположеніе привычки, что, желая ему добра, совѣтуемъ продолжать горячиться противъ взятокъ съ графиней и полковникомъ, а ни подъ какимъ видомъ не сходиться и не вступать въ споръ съ какимъ нибудь умнымъ и закоренѣлымъ взяточникомъ. Г. Надимовъ не знаетъ, какую неотразимую діалектику встрѣтитъ онъ- какое научное пониманіе дѣла, какіе неотвержимые доводы и даже какіе добродѣтели. Дойдетъ до службы, до отправленія должности,—тутъ, прошу не прогнѣваться, пожалуйте денегъ; а взгляните на взяточника съ другой стороны! въ другихъ отношеніяхъ: онъ и добрый отецъ семейства, и теплый другъ, и честный человѣкъ, который васъ не обманетъ и не продастъ. Да, г. Надимовъ много и такихъ взяточниковъ. Поэтому надо нападать не на взятки: онѣ, какъ мы уже сказали, не причина, а слѣдствіе, плодъ невѣрнаго воззрѣнія, ложнаго пониманія, давшаго просторъ необузданности своекорыстныхъ побужденій. Если вы хотите вложить перстъ вашъ въ свѣжую рану и поразить взятки, то во всеоружіи рыцаря вступите въ бой съ рутиной, пошлостью и безмысліемъ, которое всякую мысль считаетъ противозаконной тревогой, а всякое посягательство на невѣжество нарушеніемъ общественнаго благоустройства; съ этимъ невѣжествомъ, которое подпираетъ варварскія привычки, которое, при помощи обыденной смѣтливости, хочетъ отгадывать результаты наукъ; безъ ученія, безъ приготовленій берется за все, дѣлаетъ все кое какъ, рѣшаетъ съ плеча всѣ вопросы, и этотъ способъ дѣйствія смѣетъ называть русскимъ умомъ, а всякаго невѣжественнаго представителя мнимаго русскаго ума — русскимъ человѣкомъ....»

Да, взятки не произвольное преступленіе нѣсколькихъ дурныхъ

людей, а старый обычай, тѣсно связанный со многими другими обычаями, столь же важными и вредными, съ многими коренными понятіями о жизни, еще преобладающими въ невѣжественной массѣ, отъ нравовъ которой, какъ бы гордо ни смотрѣли мы на нее, зависитъ все. Въ подтвержденіе глубокой справедливости этого замѣчанія, прекрасно развитаго г. Павловымъ, намъ хочется привести слѣдующій случай, сообщаемый «Анекдотами о Петрѣ Великомъ» Штелина. (Изданіе 3-е, Москва, 1830, часть 4-я, стр. 107—110):

«Никита Демидовичъ Демидовъ почиталъ за невѣрность, если, видя что дѣлающееся противно волѣ и указамъ Государевымъ, не донесетъ о томъ Его Величеству. Такимъ образомъ, узнавъ, что статскій дѣйствительный совѣтникъ Василій Никитичъ Татищевъ, по дѣламъ, до рѣшенія его доходившимъ, бралъ взятки, не могъ не объявить объ ономъ Монарху. Великій Государь объявленію сему вѣрилъ; ибо вѣдалъ, что Демидовъ не донесетъ ему неправды, и въ чемъ бы не былъ онъ точно удостовѣренъ. Но какъ же однако поступилъ онъ съ Татищевымъ? Онъ призываетъ его къ себѣ, и спрашиваетъ: правду ли объявляетъ на него Демидовъ? Правду, Государь, отвѣтствуетъ сей: я беру; но въ томъ ни предъ Богомъ, ни предъ Вашимъ Величествомъ не погрѣшаю. Лихоимство есть грѣхъ достойный наказанія, продолжаетъ Татищевъ; а мзда за труды не грѣхъ, и Апостолъ говоритъ: „Мзда дѣлающему не по благодати, но по долгу". Монархъ, нѣсколько остановясь, велѣлъ ему изъяснить сіе. Татищевъ продолжалъ:

«1. Судья долженъ смотрѣть на состояніе дѣла: то если и ничего онъ не взялъ, а противъ закона сдѣлалъ, повиненъ будетъ наказанію; а если еще сдѣлаетъ сіе и изо мзды, тогда къ законопреступленію присовокупится уже и лихоимство, и повиненъ онъ будетъ сугубаго наказанія. Когда же право и порядочно сдѣлаетъ, и отъ праваго изъ благодарности его что возметъ, не можетъ за то осужденъ быть. 2. Если мзду за трудъ пресѣчь, и только одно мздоимство судить, то болѣе вреда государству и раззоренія подданнымъ послѣдуетъ; ибо судья долженъ за получаемое жалованье сидѣть въ приказѣ только до полудни, въ которое на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ конечно не достанетъ времени; а послѣ обѣда трудиться должности его нѣтъ. 3. Когда, видя чье дѣло сомнительное и запутанное, никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ прилежать причины не имѣя, будетъ день ото дня откладывать; а челобитчикъ съ великимъ отъ того убыткомъ волочиться и всего лишиться принужденъ будетъ. 4. Дѣла въ канцеляріяхъ рѣшатся по реэстрамъ по порядку, и случается, что нѣсколько дѣлъ впереди весьма не нужныхъ; а послѣднему по реэстру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытка понести, что по купечеству не рѣдко случается. Итакъ, Государь (продолжалъ г. Татищевъ), если я вижу, что мой трудъ не втунѣ будетъ, то я не токмо послѣ обѣда, но и ночью потружусь, а для того и карты, и собакъ, и бесѣды, и всякія другія увеселенія оставлю; и не смотря

на реэстры, нужнѣйшее прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителю пользу принесу, никого другаго не обидя; слѣдовательно въ такомъ случаѣ за мзду, взятую за труды, ни отъ Бога, ни отъ Вашего Величества осужденъ быть не могу».

Видите, какъ разсуждалъ одинъ изъ лучшихъ и честнѣйшихъ людей времени Петра Великаго? Да, трудно было бы съ нимъ поспорить верхоглядамъ, кричащимъ противъ взятокъ едва ли не потому только, что не получаютъ ихъ по своему незнанію дѣлопроизводства. И самъ Петръ Великій, какъ вы думаете, что онъ отвѣчалъ Татищеву? Вотъ что:

«Великій Государь слушалъ все сіе, не перебивая рѣчи, и по выслушаніи сказалъ: *Сіе правда, и для совѣстнаго* (т. е. справедливаго) *судьи невинно*».

Да, все тутъ зависитъ отъ понятій объ отношеніяхъ судьи къ обществу, о произволѣ и законности. Да, видно, что, по понятіямъ, противъ которыхъ не могъ еще бороться самъ Петръ Великій, взяточникъ могъ быть и добросовѣстнымъ судьею и честнымъ человѣкомъ. Такъ и ныньче судятъ многіе: взятки вовсе не беззаконіе, а невинная благодарность,—и г. Надимовъ весь проникнутъ понятіями, изъ которыхъ слѣдуютъ такія сужденія. Какое же право имѣетъ онъ возставать противъ взятокъ?

Злополучный г. Надимовъ! такимъ-то образомъ терзается каждый шагъ его, такія-то назиданія навлекаетъ онъ на себя каждымъ словомъ. И подѣломъ ему, потому что онъ типъ людей, слишкомъ размножившихся у насъ въ послѣднее время, типъ мнимыхъ джентльменовъ съ низенькою душонкою, разсуждающихъ о честности высокой фразами, въ которыхъ, что ни слово, то несообразность или ложь. И, въ довершеніе всѣхъ ударовъ, получаетъ онъ самый убійственный для него: ему доказываютъ, что онъ вовсе не джентльменъ, не человѣкъ высшаго круга, хорошихъ манеръ, а просто франтъ дурнаго тона, наглостью старающійся прикрыть свое незнакомство съ правилами хорошаго тона! о, ужасъ!

Разборъ «Чиновника», написанный г. Павловымъ, останется въ памяти публики и если бы побольше являлось такихъ статей, счастлива была бы наша литература.

Кажется, судьба хотѣла, чтобы наши замѣтки въ этой книжкѣ были продолженіемъ того, о чемъ говорили мы въ прошлый разъ. Окончаніе статьи г. Павлова было замѣчательнѣйшимъ явленіемъ

въ нашей журналистикѣ за прошлый мѣсяцъ; другая статья, обратившая на себя общее вниманіе, помѣщена въ «Морскомъ Сборникѣ» и служитъ продолженіемъ различныхъ разсужденій о воспитаніи, о которыхъ мы говорили въ предъидущемъ нумерѣ. Это— «Вопросы жизни. Отрывокъ изъ забытыхъ бумагъ, выведенный на свѣтъ неоффиціальными статьями «Морскаго Сборника» о воспитаніи»,—знаменитаго нашего хирурга г. Пирогова.

Охотники спорить, пожалуй, захотѣли бы замѣтить въ статьѣ господина Пирогова нѣкоторыя частности, относительно которыхъ возможно держаться не того воззрѣнія, какое кажется справедливымъ автору. Но въ такомъ случаѣ, несогласіе было бы болѣе о словахъ, нежели о дѣлѣ. О сущности дѣла, о коренныхъ вопросахъ образованному человѣку невозможно думать не такъ, какъ думаетъ г. Пироговъ. Вотъ эти коренныя мысли, въ высокой степени справедливыя: воспитаніе главною своею цѣлью должно имѣть приготовленіе дитяти и потомъ юноши къ тому, чтобъ въ жизни былъ онъ человѣкомъ развитымъ, благороднымъ и честнымъ. Это важнѣе всего. Заботьтесь же прежде всего о томъ, чтобы вашъ воспитанникъ сталъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ слова. Когда это основное, общее направленіе къ знанію и правдѣ уже достаточно утверждено въ немъ, тогда,—и только тогда, а не раньше,— пусть онъ самъ подъ вашимъ руководствомъ выбираетъ себѣ спеціальную дорогу, къ которой наиболѣе расположенъ и способенъ. Если вы будете поступать иначе, съ самаго ранняго дѣтства заботясь только о томъ, чтобы сдѣлать изъ вашего воспитанника офицера, и, притомъ еще, именно инфантерійскаго или кавалерійскаго, морскаго или инженернаго офицера, или чиновника, или, притомъ, чиновника именно такого, а не другаго министерства, и для бо́льшей аккуратности именно по такимъ-то и такимъ-то, а не другимъ должностямъ,—вы сдѣлаете очень важную ошибку, слѣдствія которой будутъ вредны и для вашего воспитанника и для общества. Вы, не дождавшись, пока у человѣка развился разсудокъ и характеръ, скуете его на всю жизнь, втолкнете его на узкую дорогу, съ которой ужь нѣтъ ему выхода, и идти по которой онъ почти всегда оказывается неспособенъ, потому что вѣдь выборъ былъ дѣломъ слѣпаго произвола, каприза съ вашей стороны, а не разумнаго соображенія его наклонностей и способностей. Что жь окажется въ результатѣ? Множество спеціалистовъ, неспособныхъ именно къ

своей специальности и неспособныхъ ни къ чему иному, и мало людей истинно знающихъ свое дѣло, а еще меньше того людей развитыхъ, образованныхъ и имѣющихъ благородное направленіе. Да и чего же иного можно ждать? Жизнь—тяжелая борьба: въ ней много и соблазновъ и недоумѣній; а вы позаботились ли о томъ, чтобы приготовить юношу къ честной борьбѣ съ соблазнами, къ свѣтлому взгляду на недоумѣнія? Нѣтъ, вы хлопотали только о томъ, чтобы механически вбить ему въ голову какое нибудь ремесло: чему же дивиться, если онъ не выдерживаетъ житейской борьбы съ соблазномъ, противъ котораго не вооружили вы его ни развитостью ума, ни благородными убѣжденіями, и если рѣдко онъ остается человѣкомъ чистымъ? Вы, не дождавшись развитія его наклонностей и способностей, дали ему въ руки ремесленный инструментъ, что же удивительнаго, если онъ оказывается потомъ и неспособенъ и не склоненъ хорошо владѣть этимъ инструментомъ, который ему вовсе не по рукамъ? Вы хромаго сдѣлами кровельщикомъ, глухаго музыкантомъ, безсильнаго труса кучеромъ: что жь чуднаго, если и кровельщикъ вашъ, и музыкантъ, и кучеръ — всѣ одинаково плохо исполняютъ свое дѣло? А если бы поступили вы разумно, подождавъ, пока можно будетъ различить качества этихъ людей и пока они поймутъ, къ чему они годны, тогда и результаты были бы не тѣ: тому глухота не помѣшала бы сдѣлаться хорошимъ кровельщикомъ, другому трусость—хорошимъ скрипачемъ, третьему хромота—хорошимъ кучеромъ. Произволъ вашъ не далъ развиться людямъ и перепуталъ специальности—въ результатѣ получилось: неспособность, невѣжество и отсутствіе твердой честности. А поступайте иначе, сообразно здравому смыслу и природѣ—и все должно пойти гораздо лучше.

Кто и не хотѣлъ бы, долженъ согласиться, что тутъ все—чистая правда,—правда очень серьёзная и занимательная не менѣе лучшаго поэтическаго вымысла. Теперь читатель знаетъ общую мысль «Вопросовъ жизни» г. Пирогова; познакомимъ его съ нѣкоторыми отрывками размышленій нашего геніальнаго специалиста.

Эпиграфъ статьи очень удаченъ:

„Къ чему вы готовите вашего сына? кто-то спросилъ меня.

„ Быть человѣкомъ, отвѣчалъ я.

„Развѣ вы не знаете—сказалъ спросившій—что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ? Это одно отвлеченіе, вовсе не нужное для нашего общества. Намъ не-

обходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.
„Правда это или нѣтъ?“

Вотъ и начало статьи, не менѣе прекрасное:

„Мы живемъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, по преимуществу практическомъ.

„Отвлеченія, даже и въ самой столицѣ ихъ, Германіи, уже не въ ходу болѣе. А человѣкъ, что ни говори, есть, дѣйствительно, только одно отвлеченіе.

„Зоологическій человѣкъ, правда, еще существуетъ съ его двумя руками и держится ими крѣпко за существенность; но нравственный, вмѣстѣ съ другими старосвѣтскими отвлеченіями, какъ-то плохо принадлежитъ настоящему.

„Впрочемъ, не будемъ несправедливы къ настоящему. И въ древности искали людей днемъ съ фонарями, но—все таки искали.

„Правда, языческая древность была не слишкомъ взыскательна. Она позволяла имѣть всѣ возможныя нравственно-религіозныя убѣжденія: можно было ad libitum сдѣлаться эпикурейцемъ, стоикомъ, пиѳагорейцемъ; только худыхъ гражданъ она не жаловала.

„Несмотря на все наше уваженіе къ неоспоримымъ достоинствамъ реализма настоящаго времени, нельзя, однако же, не согласится, что древность какъ-то болѣе дорожила нравственною натурою человѣка.

„Правительства въ древности оставляли школы безъ надзора и считали себя не въ правѣ вмѣшиваться въ ученія мудрецовъ. Каждый изъ учениковъ могъ пролагать, впослѣдствіи, новые пути и образовать новыя школы. Только жрецы, тираны и зелоты отъ времени до времени выгоняли, сжигали и отравляли философовъ, если ихъ ученія уже слишкомъ противорѣчили повѣрьямъ господствующей религіи; да и то это дѣлалось по интригамъ партій и кастъ.

„Язычество древнихъ, не озаренное свѣтомъ истинной вѣры, заблуждалось но заблуждалось, слѣдуя принятымъ и послѣдовательно проведеннымъ убѣжденіямъ.

„Если эпикуреецъ утопалъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, то онъ дѣлалъ это основываясь, хотя и на ложно понятомъ, ученіи школы, утверждавшей, что „искать по возможности наслажденія и избѣгать непріятнаго значитъ быть мудрымъ“.

„Если стоикъ дѣлался самоубійцею, то это случалось отъ стремленія къ добродѣтели и идеалу высшаго совершенства.

„Даже кажущаяся непослѣдовательность въ поступкахъ скептика извиняется ученіемъ школы, проповѣдывавшей, что „ничего нѣтъ вѣрнаго на свѣтѣ, и что даже сомнѣніе сомнительно“.

„Въ самыхъ грубыхъ заблужденіяхъ языческой древности, основанныхъ всегда на извѣстныхъ, нравственно-религіозныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, проявляется все-таки самый существенный атрибутъ духовной натуры человѣка—стремленіе разрѣшить вопросъ жизни о цѣли бытія“.

Теперь нѣтъ этой послѣдовательности, нѣтъ этой честной вѣрности своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, потому что воспитаніе, обыкновенно, и не заботится о приготовленіи воспитанника къ чест-

ной послѣдовательности въ жизни: оно только учитъ мастерству,— и юноша, не имѣющій ни правилъ, ни понятій, кромѣ принадлежащихъ его ремеслу, вдругъ становится среди общества, которое предлагаетъ ему принять тотъ или другой изъ взглядовъ на цѣль и правила человѣческой жизни. Каковы же эти взгляды? Вотъ, для примѣра, нѣкоторые изъ нихъ:

«Вотъ напримѣръ, *первый* взглядъ, очень простой и привлекательный. Не размышляйте, не толкуйте о томъ, что необъяснимо. Это, по малой мѣрѣ, лишь потеря одного времени. Можно думая потерять и аппетитъ и сонъ. Время же нужно для трудовъ и наслажденій, аппетитъ—для наслажденій и трудовъ, сонъ— опять для трудовъ и наслажденій, труды и наслажденія—для счастія.

«Вотъ *третій* взглядъ – старообрядческій. Соблюдайте самымъ точнымъ образомъ всѣ обряды и повѣрья. Читайте только благочестивыя книги, но въ смыслъ не вникайте. Это главное для спокойствія души. Затѣмъ, не размышляя, живите такъ, какъ живется.

«Вотъ *четвертый* взглядъ — практическій. Трудясь, исполняйте ваши служебныя обязанности, собирая копѣйку на черный день. Въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте то, что вамъ выгоднѣе или, по крайней мѣрѣ, что для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, предоставьте каждому спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ, точно такъ же, какъ и о вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карманомъ можно жить и безъ убѣжденій.

«Вотъ *пятый* взглядъ, также практическій въ своемъ родѣ. Хотите быть счастливыми, думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ вамъ угодно, но только строго соблюдайте всѣ приличія и умѣйте съ людьми уживаться. Про начальниковъ и нужныхъ вамъ людей никогда худо не отзывайтесь и ни подъ какимъ видомъ имъ не противорѣчьте. При исполненіи обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвеніе не здорово и не годится. Говорите, чтобы скрыть что вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, та сами на другихъ верхомъ ѣздите; только молча, въ кулакъ себѣ, смѣйтесь.

«Вотъ *шестой* взглядъ, очень печальный. Не хлопочите: лучшаго ничего не придумайте. Новое только то на свѣтѣ, что хорошо было забыто. Что будетъ, то будетъ. Червякъ на кучѣ грязи, вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что вы стремитесь къ совершенству и принадлежите къ обществу прогрессистовъ. Зритель и комедіантъ поневолѣ, какъ ни бейтесь, лучшаго не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ, вы забавны, думая, что бѣжите впередъ. Не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная, зачѣмъ жили.

«Вотъ *восьмой* взглядъ, и очень благоразумный. Отдѣляйте теорію отъ практики. Принимайте какую вамъ угодно теорію, для вашего развлеченія, но на практикѣ узнавайте, главное, какую роль вамъ выгоднѣе играть; узнавъ, выдержите ее до конца. Счастіе—искусство. Достигнувъ его трудомъ и талантомъ, не забывайтесь; сдѣлавъ промахъ, не пеняйте и не унывайте. Противъ теченія не плывите».

Спрашивается: что выйдетъ изъ юноши, поставленнаго среди такихъ понятій о жизни, безъ всякаго приготовленія къ борьбѣ съ ними? Примѣры мы видѣли и видимъ,—и, чтобъ они, по крайней мѣрѣ, не повторялись въ будущемъ, воспитаніе должно измѣнить свой характеръ, и не къ ремеслу только, а прежде всего къ честной борьбѣ съ соблазнами жизни должно оно готовить насъ:

«Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ значитъ именно:

«*Сдѣлать насъ людьми*».

«То есть тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна ваша *реальная школа* въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ, *съ самаго нашего дѣтства*, негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ.

«Человѣку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое вниманіе и всю волю, въ одно и то же время, на занятія, требующія напряженія совершенно различныхъ свойствъ духа.

«Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймаешь.

«На чемъ основано приложеніе реальнаго воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?

«Одно изъ двухъ: *или* въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возрастовъ (съ самаго перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго.

«*Или* же воспитаніе этой школы съ самаго его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной, практической цѣли.

«Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальныя школы, даже и тогда, если бы они во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно, назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

«Во второмъ случаѣ можно смѣло утверждать, что реальная школа, имѣя преимущественною цѣлью практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіе нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи, при вступленіи въ свѣтъ.

«Да и приготовленіе это должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ реальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки ученія опредѣлены. Будущая карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою работу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества.

«Отвѣчайте мнѣ, положивъ руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступить на поприще, не самимъ имъ собранное, прельщался внѣшними и матеріальными

выгодами этого, заранѣе для него опредѣленнаго, поприще и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сёрьезно и ревностно приготовлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта?

«Не спѣшите съ вашею прикладною реальностію. Дайте созрѣть и окрѣпнуть внутреннему человѣку: наружный успѣетъ еще дѣйствовать; онъ, выходя позже, но управляемый внутреннимъ, будетъ, можетъ быть, не такъ ловокъ, не такъ сговорчивъ и уклончивъ, какъ воспитанникъ реальныхъ школъ, но зато на него можно будетъ вѣрнѣе положиться: онъ не за свое не возьмется.

«Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку, дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное—у васъ будутъ люди и граждане.

«Значитъ ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

«Нѣтъ! я возстаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

«Для чего родители такъ самоуправно распоряжаются участью ихъ дѣтей, назначая ихъ, едва выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ, по разнымъ соображеніямъ и разсчетамъ, предстоитъ имъ болѣе выгодная карьера?

«Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній?

«Кто далъ право отцамъ, матерямъ и воспитателямъ властвовать самоуправно надъ благими дарами Творца, которыми онъ снабдилъ дѣтей?

«Кто научилъ, кто открылъ, что дѣти получили врожденныя способности и врожденное призваніе играть именно ту роль въ обществѣ, которую родители сами имъ назначаютъ?—Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привилегированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ!

«И развѣ нѣтъ другаго средства, другаго пути, другаго механизма для реально-спеціальнаго воспитанія? Развѣ нѣтъ другой возможности получить спеціально-практическое образованіе, въ той или другой отрасли человѣческихъ знаній, какъ распространяя его насчетъ общаго человѣческаго образованія?

«Вникните и разсудите, отцы и воспитатели!»

Когда мы припомнимъ, какое важное значеніе имѣлъ и продолжаетъ имѣть во всѣхъ образованныхъ европейскихъ государствахъ вопросъ о необходимости общаго воспитанія и о степени участія, которое можетъ быть уступлено спеціальнымъ наукамъ въ высшемъ преподаваніи, и вспомнимъ, въ какомъ смыслѣ рѣшается повсюду этотъ споръ, вспомнимъ напримѣръ, о томъ, много ли военныхъ школъ существуетъ во Франціи, славной своею воинственностью, мы оцѣнимъ и высокій интересъ и чрезвычайную справедливость этихъ мнѣній о необходимости, чтобы общечеловѣческое образованіе играло главную роль въ воспитаніи, — мнѣній, которыя съ та-

кою силою высказываетъ,—не забудемъ,—человѣкъ, который всѣми единогласно признанъ знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ ученыхъ въ настоящее время. Если онъ—слава нашихъ спеціалистовъ—говоритъ, что спеціализмъ обманчивъ, вреденъ и для общества и для самого обрекаемаго на спеціализмъ, когда не основанъ на общемъ образованіи,—кто у насъ можетъ сказать: «я лучшій судья въ этомъ дѣлѣ, нежели г. Пироговъ?» кто имѣетъ у насъ право не принять въ уваженіе его мнѣнія? Слова г. Пирогова, безъ сомнѣнія, будутъ имѣть сильное и благодѣтельное вліяніе на образъ мыслей въ нашемъ обществѣ. Честь и слава г. Пирогову за прекрасное и рѣшительное выраженіе такихъ здравыхъ убѣжденій; полная честь и «Морскому Сборнику» за помѣщеніе такихъ статей.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

АВГУСТЪ 1856.

Успѣхи просвѣщенія, служащаго основою и внутренняго благосостоянія и внѣшняго могущества государствъ, составляютъ предметъ заботъ и желаній нашего Монарха, любящаго Свой народъ и любимаго имъ. Новое подтвержденіе этой общей вѣры, которая соединена съ непоколебимостью надеждъ на счастливыя судьбы русскаго народа подъ кроткимъ и правосуднымъ правленіемъ Александра II, даютъ слова, которыя начерталъ Государь Императоръ на «Отчетѣ Министра Народнаго Просвѣщенія за 1855 годъ» *),— отчетѣ, обильномъ фактами, свидѣтельствующими о томъ, что Монархъ русскій хочетъ быть просвѣтителемъ Своего народа. Въ «заключеніи» «Отчета» выражена надежда, что на почвѣ учрежденій Народнаго Просвѣщенія, «нынѣ созрѣваемой Царственною благостью, могутъ произрастать обильные плоды науки и нравственнаго преуспѣянія», — противъ этихъ словъ на подлинномъ Отчетѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Дай Богъ».

Дай Богъ, чтобы исполнилось царственное желаніе, на славу Царя и на счастіе народа.

Считаемъ своею обязанностью привести здѣсь главнѣйшіе факты, сообщаемые «Отчетомъ». Нѣкоторые изъ нихъ, конечно, уже извѣстны читателямъ, какъ, напримѣръ, назначеніе попечителей въ тѣ учебные округи, которые прежде не имѣли начальниковъ, зависящихъ единственно отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; разрѣшеніе университетамъ принимать во всѣ факультеты неогра-

*) «Отчетъ» напечатанъ въ іюньской книгѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія».

ниченное число студентовъ; возстановленіе права наставниковъ получать пенсіи, оставаясь на службѣ: но эти и другіе знаки Высочайшей воли покровительствовать отечественному просвѣщенію такъ отрадны для каждаго истиннаго русскаго, что читателямъ будетъ пріятно съ новою благодарностью къ Монарху припомнить весь рядъ тѣхъ знаковъ Державнаго вниманія къ развитію нашего просвѣщенія, которыми такъ прекрасно ознаменованъ былъ истекшій годъ. Угадывая это желаніе читателей, представляемъ здѣсь нѣкоторыя извлеченія изъ «Отчета».

РАСПОРЯЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

«По обширности и сложности занятій тѣхъ генералъ-губернаторовъ, коимъ, сверхъ прямыхъ по ихъ званію обязанностей, было временно поручено и управленіе учебными округами, Ваше Императорское Величество изволили признать за благо: управленіе учебными округами возложить на особыхъ попечителей, согласно положенію 25 іюня 1835 года,—вслѣдствіе чего и данъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату въ 27 день декабря 1855 года.

«Ваше Императорское Величество, во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ общему стремленію юношества къ высшему образованію, въ 23 день ноября по всеподданнѣйшему моему представленію, Высочайше повелѣть соизволили принимать во всѣ факультеты университетовъ неограниченное число студентовъ.

«Объявляя о сей Монаршей милости, я изъяснилъ, что это разрѣшеніе служитъ несомнѣннымъ и утѣшительнымъ доказательствомъ довѣренности Вашего Императорскаго Величества къ направленію преподаванія въ университетахъ и къ духу, ихъ благоустройство охраняющему, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ Всемилостивѣйшаго вниманія и къ благородному стремленію юношества нашего къ пріобрѣтенію правильнаго высшаго образованія. «Въ томъ и другомъ случаѣ—присовокупилъ я—милость Вашего Величества многознаменательна и возлагаетъ на университеты и на самое юношество новыя священныя обязанности и новую отвѣтственность. Университеты должны постигнуть и оцѣнить дарованное имъ преимущество, постоянно имѣя въ виду, что бóльшее число учащихся есть только средство къ распространенію познаній и наукъ, но что сей способъ окажется еще недостаточнымъ, если не будетъ обращено строгаго вниманія и на то, чтобы умножилось и число вполнѣ обучившихся и приготовившихъ себя надлежащимъ образованіемъ къ полезной дѣятельности на различныхъ путяхъ государственнаго и общественнаго преуспѣянія». Посему я потребовалъ отъ университетовъ, чтобы они усугубили постоянное и дѣятельное наблюденіе за правильностію испытаній согласно съ важностію пользы, отъ подобной правильности ожидаемой.

«Вслѣдствіе представленія моего, по положенію Комитета Министровъ, Всемилостивѣйше повелѣно: 1) отъ дѣйствія ст. 2-й пункта а) указа даннаго Правительствующему Сенату въ 6 день ноября 1852 г., о прекращеніи производства пенсій на службѣ сверхъ жалованья, изъять служащихъ по учебной

части вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, оставивъ ихъ въ этомъ отношеніи при дѣйствовавшихъ до изданія того указа правилахъ; 2) лицамъ, кои послѣ введенія въ дѣйствіе указа 6 ноября 1852 г. оставлены вновь на службѣ безъ пенсіи, назначить заслуженныя ими пенсіи, но ассигновать къ производству только со дня утвержденія о семъ представленія (5 апрѣля), не выдавая оныхъ за время прошлое.

«По предложенію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, назначена была изъ лицъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія временная коммиссія для осмотра во всѣхъ частяхъ учебныхъ заведеній морскаго вѣдомства. По представленіи отчетовъ коммиссіи объ исполненіи возложеннаго на оную порученія, Его Высочество изволилъ объявить членамъ коммиссіи, по собственному выраженію Его Высочества, «сердечную свою благодарность», и, сверхъ того, отъ имени Вашего Императорскаго Величества объявлено имъ Высочайшее удовольствіе.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

«*I. Университетъ С.-Петербургскій.* С.-Петербургскій Университетъ въ началѣ 1855 года состоялъ изъ трехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго. Въ сихъ факультетахъ находилось въ каждомъ по два разряда, именно: въ юридическомъ—разряды юридическихъ и камеральныхъ наукъ, въ физико-математическомъ—разряды наукъ математическихъ и естественныхъ, въ историко-филологическомъ—разряды словесности общей и словесности восточной. Въ началѣ же 1855—1856 учебнаго года разрядъ восточной словесности, на основаніи Высочайшаго указа 22 октября 1855 года, преобразованъ въ отдѣльный факультетъ восточныхъ языковъ, который и открытъ 1 сентября 1855 года.

«Чиновниковъ и преподавателей въ университетѣ 77, учащихся 399. Они распредѣлены по факультетамъ слѣдующими цифрами: въ историко-филологическомъ — 30, физико-математическомъ — 87, юридическомъ—238, восточныхъ языковъ—44. Въ общемъ числѣ студентовъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 312, духовнаго званія 22, дѣтей купцовъ 26, податнаго состоянія 39. Сверхъ того 77 постороннихъ лицъ допущено къ слушанію лекцій.

«*II. Университетъ Московскій.* 12 января 1855 года Московскій университетъ, съ Высочайшаго соизволенія, праздновалъ совершившееся столѣтіе своего существованія. Послѣ сего въ Бозѣ почившему Императору благоугодно было удостоить аудиенціи попечителя учебнаго округа, ректора и одного изъ декановъ университета.

«Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна и Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій осчастливили своимъ посѣщеніемъ факультетскую клинику, изволили осматривать оную въ подробностяхъ и обратили милостивое вниманіе на благоустройство сего заведенія.

«Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна удостоила Московскій университетъ высокой чести милостивымъ принятіемъ на себя званія почетнаго члена университета.

«Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 128; учащихся 1,203, изъ числа коихъ въ факультетахъ: историко-филологическомъ—58, физико-математическомъ—120, юридическомъ—222 и медицинскомъ—803. Въ общемъ числѣ учащихся находилось дворянъ и дѣтей чиновниковъ 774, духовнаго званія 126, почетныхъ гражданъ и купцовъ 104, податнаго состоянія 199; сверхъ того, 135 постороннихъ лицъ посѣщали университетскія лекціи.

«*III. Университетъ Св. Владиміра, въ Кіевѣ.* Университетъ Св. Владиміра состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физикоматематическаго, юридическаго и медицинскаго. Изъ нихъ факультетъ физикоматематическій раздѣляется на два разряда: наукъ естественныхъ и наукъ математическихъ.

«Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 94; учащихся 616. Изъ нихъ состояло по факультетамъ: историко-филологическому—50, физико-математическому—64, юридическому—68, и медицинскому—434; въ числѣ студентовъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 479, духовнаго званія 32, почетныхъ гражданъ и купцовъ 46, податнаго состоянія 60. Сверхъ того, допущено къ слушанію лекцій 12 частныхъ лицъ.

«*IV. Университетъ Харьковскій.* 17 января 1855 г. наступило пятидесятилѣтіе открытія Харьковскаго Университета. Преосвященный *Филаретъ*, епископъ харьковскій, въ сей день совершилъ божественную литургію и благодарственное Господу Богу молебствіе; послѣ сего въ университетѣ было торжественное собраніе.

«Епископъ Филаретъ, въ выраженіе своего сочувствія къ празднеству и испрошенія имъ на университетъ и въ будущія времена благословенія свыше, принесъ въ даръ университету икону Спасителя—моленіе о Чашѣ.

«Высочайшимъ указомъ 27 декабря, черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ *Кокошкинъ*, Всемилостивѣйше уволенъ отъ управленія Харьковскимъ учебнымъ округомъ. Въ то же время попечителемъ сего округа повелѣно быть сенатору, тайному совѣтнику *Катакази*. При семъ особымъ Высочайшимъ рескриптомъ генералъ-адъютанту Кокошкину изъявлена искренняя признательность за постоянные труды и усердіе, съ которыми онъ дѣйствовалъ во время свыше восьмилѣтняго завѣдыванія его Харьковскимъ Университетомъ и учебнымъ округомъ.

«Харьковскій Университетъ имѣетъ 4 факультета: историко филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій. Факультетъ физикоматематическій подраздѣленъ на разряды: математическій и естественныхъ наукъ.

«Чиновниковъ и преподавателей въ университетѣ 78, учащихся—483; изъ нихъ по историко-филологическому факультету 34, по физико-математическому 101, по юридическому 126 и по медицинскому 222. Въ общемъ числѣ учащихся: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 340, духовнаго званія 18, почетныхъ гражданъ и купцовъ 53, податнаго состоянія 72. Кромѣ того, 17 постороннихъ лицъ слушали лекціи.

«Преподаватели медицинскаго факультета и медицинскіе чиновники университета, движимые усердіемъ въ дѣлѣ общей пользы и любви къ отечеству,

предложили свои услуги на пользу храбрыхъ нашихъ воиновъ, защитниковъ отечества. Узнавъ о предположеніи учредить въ Харьковѣ военный госпиталь на двѣ тысячи человѣкъ, они изъявили единодушное желаніе посвятить часть трудовъ своихъ и остающееся отъ чтенія лекцій и другихъ служебныхъ занятій время на безвозмездное пользованіе больныхъ. Съ пользою для больныхъ они предположили соединить и пользу учебную. Къ отдѣленіямъ госпиталя, долженствовавшимъ поступить въ завѣдываніе медицинскихъ чиновниковъ университета, они просили дозволенія прикомандировать и студентовъ высшихъ курсовъ; подъ руководствомъ наставниковъ, здѣсь имъ долженъ былъ открыться рѣдкій случай упражняться въ практикѣ. Сею мѣрою представлялась университету возможность удобнѣе, скорѣе и съ бо́льшею увѣренностію въ успѣхѣ приготовить къ выпуску студентовъ послѣднихъ курсовъ и тѣмъ снабдить военно-медицинское вѣдомство врачами, уже пріобрѣтшими извѣстную степень опытности и навыка въ леченіи разнообразныхъ болѣзней. Такая готовность медицинскихъ чиновъ университета удостоена Высочайшей Вашего Императорскаго Величества благодарности. Проектъ правилъ для особыхъ клиническихъ отдѣленій Харьковскаго военно-временнаго госпиталя, по сношенію съ военнымъ министромъ, Высочайше утвержденъ 16 октября.

«*V. Университетъ Казанскій*. Казанскій Университетъ имѣетъ четыре факультета: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій. Факультетъ физико математическій дѣлится на разряды математическихъ и естественныхъ наукъ; юридическій факультетъ раздѣленъ на разряды собственно юридическій и камеральный. Разрядъ восточной словесности, входившій въ составъ историко-филологическаго факультета, со второй половины 1855 г. закрытъ, по случаю учрежденія при С.-Петербургскомъ Университетѣ факультета восточныхъ языковъ.

«Въ Казанскомъ Университетѣ чиновниковъ и преподавателей 77; учащихся 340, изъ коихъ въ факультетѣ историко-филологическомъ 12, физикоматическомъ 40, юридическомъ 114 и медицинскомъ 174. Въ общемъ числѣ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 202, духовнаго званія 27, почетныхъ гражданъ и купцовъ 39, податнаго состоянія 72.

«*VI. Университетъ Дерптскій*. Дерптскій Университетъ составляютъ пять факультетовъ: богословскій, юридическій, историко-филологическій, физико-математическій и медицинскій.

«Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 74, учащихся 618. Изъ нихъ въ факультетахъ: богословскомъ—111, юридическомъ—86, историко-филологическомъ—63, физико-математическомъ—87, медицинскомъ — 271; въ въ общемъ числѣ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 245, духовнаго званія 70, купцовъ 40, податнаго состоянія 263.

СРЕДНІЯ И НИЗШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

«Нѣкоторыя изъ учебныхъ заведеній Московскаго округа имѣли счастіе принимать въ стѣнахъ своихъ Высокихъ Посѣтителей. 5 сентября въ Четвертую Московскую Гимназію изволили прибыть Ихъ Императорскія Высочества

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшими Братьями Александромъ, Владиміромъ и Алексіемъ Александровичами, въ сопровожденіи наставниковъ своихъ. Ихъ Высочества встрѣчены были мною. Остановясь сначала въ физическомъ кабинетѣ, гдѣ Имъ показаны были нѣкоторые снаряды и опыты, Они посѣтили затѣмъ пансіонъ гимназіи. Обойдя спальни и залы, Ихъ Высочества взошли на бельведеръ, откуда открывается великолѣпный видъ на Москву и окрестности ея. Академику Погодину предоставлена была высокая честь объяснить эту величественную картину бѣглымъ очеркомъ исторіи Москвы и съ нею связанныхъ великихъ событій нашей отечественной исторіи. Потомъ Высокіе Посѣтители изволили войти въ столовую, остались тамъ нѣкоторое время и отвѣдывали кушанье. При отъѣздѣ Ихъ Императорскія Высочества, проходя чрезъ актовую залу, остановились предъ золотою доскою на которой изображены имена отличнѣйшихъ воспитанниковъ и на которой Они нашли знакомое Имъ имя Жуковскаго. Радостною толпою тѣснились около Высокихъ Гостей своихъ воспитанники гимназіи и провожали ихъ до самаго выхода изъ заведенія.

«16 сентября эта же гимназія имѣла счастіе принимать у себя Его Императорское Высочество Принца Ольденбургскаго, который 12 сентября удостоилъ и Первую Московскую Гимназію подробнымъ осмотромъ, при которомъ изволилъ произвести испытаніе нѣкоторымъ изъ учениковъ старшаго класса въ переводахъ съ латинскаго языка на русскій, при чемъ Его Высочество выразился весьма одобрительно и лестно объ отвѣтахъ спрошенныхъ учениковъ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

„Въ истекшемъ году Академія понесла важную утрату. Графъ *Уваровъ*, состоявшій въ званіи почетнаго члена съ 1811, а въ должности ея президента съ 1818 года, скончался въ Москвѣ 4 сентября. Въ его управленіе преимущественно получили развитіе филологія, технологія и изысканія о Востокѣ. Сверхъ того, онъ значительно обогатилъ кабинеты.

„Высочайшимъ указомъ 26 ноября члену Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарю, главноуправляющему вторымъ отдѣленіемъ Собственной Вашего Императорскаго Величества канцеляріи, дѣйствительному тайному совѣтнику графу *Блудову* всемилостивѣйше повелѣно быть президентомъ Академіи, съ оставленіемъ при всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

«Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ удостоили принять званіе почетныхъ членовъ Академіи.

ЦЕНСУРА.

«*Ценсура въ Имперіи.* Главное управленіе ценсуры, слѣдя постоянно за духомъ и направленіемъ литературной дѣятельности, наблюдая какъ непосредственно, такъ и при пособіи чиновниковъ для особыхъ порученій за исполненіемъ всѣхъ правилъ ценсурнаго устава, разрѣшало возникавшіе въ кругу дѣйствій подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ недоумѣнія и вопросы и вообще руководствовало ценсоровъ въ сомнительныхъ случаяхъ.

«Число вышедшихъ въ свѣтъ въ 1855 году сочиненій оригинальныхъ простирается до 1,148, переводныхъ—до 91.

«Въ 1854 году издавалось, подъ наблюденіемъ внутренней цензуры вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, журналовъ и газетъ 103. Съ 1855 года начала выходить въ свѣтъ еженедѣльная *газета Лѣсоводства и Охоты*, издающаяся по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ, на основаніи Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 16 день декабря 1854 года. Такимъ образомъ, въ 1855 году число періодическихъ изданій возрасло до 104, и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на изданіе четырехъ новыхъ журналовъ, кои суть: 1) *Художественный Журналъ для Юношества*, 2) *Музыкальный и Театральный Вѣстникъ*, 3) *Живописная Русская Библіотека*, 4) *Русскій Вѣстникъ*, которые стали выходить въ свѣтъ съ начала текущаго года.

«По штату цензурнаго управленія, для цензурованія книгъ на восточныхъ языкахъ положено было имѣть отдѣльнаго цензора въ Казани, изъ профессоровъ восточныхъ языковъ. Съ упраздненіемъ въ 1855 году преподаванія восточныхъ языковъ въ Казанскомъ Университетѣ, признавая, что цензура сочиненій на сихъ языкахъ должна оставаться по прежнему въ Казани, я испросилъ чрезъ Комитетъ Министровъ Высочайшее соизволеніе возлагать цензурованіе книгъ на восточныхъ языкахъ въ Казани на одного изъ служащихъ тамъ чиновниковъ.

«Число оригинальныхъ сочиненій 1855 года, учебнаго и ученаго содержанія, сравнительно съ 1854 годомъ, по числу названій, нѣсколько умножилось, по объему же своему уменьшилось. Сравненіе частныхъ итоговъ по разнымъ отраслямъ наукъ показываетъ, что въ 1855 году особенно уменьшился объемъ изданій по части богословія (иновѣрческихъ исповѣданій), наукъ юридическихъ и государственныхъ, пособій къ изученію языковъ и медицины; увеличился же по сельскому хозяйству и технологіи, по географіи, этнографіи и путешествіямъ, по исторіи всеобщей и иностранныхъ государствъ, по философіи и педагогикѣ. Между оригинальными сочиненіями собственно литературнаго содержанія, сравнительно съ 1854 годомъ, усматривается увеличеніе въ собраніяхъ сочиненій (въ стихахъ и прозѣ), въ стихотвореніяхъ лирическихъ и повѣствовательныхъ, энциклопедическихъ словаряхъ и сборникахъ, романахъ и повѣстяхъ; уменьшеніе же, хотя незначительное, оказалось въ дѣтскомъ чтеніи и въ сочиненіяхъ драматическихъ.

„Общее число ввезенныхъ изъ-за границы въ Россію въ 1855 году книгъ составляло 1,191,645 томовъ. Въ 1854 году число это простиралось до 886,425 томовъ. Посему привозъ иностранныхъ книгъ въ 1855 году увеличился 305,320 томами.

„Въ числѣ ввезенныхъ книгъ неизвѣстнаго цензурѣ содержанія, разсмотрѣно въ комитетѣ цензуры иностранной 1,235 сочиненій въ 1,779 томахъ, а въ комитетахъ Рижскомъ, Виленскомъ, Одесскомъ, Кіевскомъ и отдѣльнымъ цензоромъ въ Ревелѣ—1,133 сочиненія въ 1,674 томахъ. Въ 1855 году подвергались запрещенію преимущественно полиграфическія изданія, романы, по-

вѣсти и памфлеты, исключительно писанные въ духѣ партій и подъ вліяніемъ враждебныхъ страстей.

„По прошеніямъ книгопродавцевъ и другихъ лицъ, выслано обратно за границу 11,074 тома запрещенныхъ, позволенныхъ съ исключеніями и неизвѣстныхъ еще ценсурѣ сочиненій, и, сверхъ того, 119 экземпляровъ картинъ и другихъ предметовъ.

„Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, учрежденный въ 1850 году, разсматривалъ всякаго рода учебники (кромѣ книгъ духовнаго содержанія), издаваемые частными людьми, со включеніемъ всѣхъ сочиненій и переводовъ назначаемыхъ для дѣтскаго чтенія.

„Въ истекшемъ году разсмотрѣно комитетомъ 291 сочиненіе, изъ коихъ было одобрено къ выпуску въ свѣтъ: безусловно—149, съ указаніемъ исключеній и исправленій—73, по исправленіи согласно сдѣланнымъ прежде замѣчаніямъ—13, возвращено для передѣлки по замѣчаніямъ 39, и не одобрено, какъ не удовлетворяющихъ педагогическимъ или дидактическимъ требованіямъ, 17.

„*Ценсура въ царствѣ Польскомъ.* На разсмотрѣніе Варшавскаго Ценсурнаго Комитета представлено въ 1855 году, по ценсурѣ внутренней, рукописей и печатныхъ книгъ 356 (противъ 1854 года 40 менѣе). Изъ этого числа одобрено къ печатанію 311, возвращено авторамъ, для исправленій, 13, осталось къ разсмотрѣнію на 1856 годъ 31.

„Въ 1855 году привезено изъ-за границы 22,628 сочиненій въ 71,908 томахъ. Этотъ годъ превосходитъ предъидущій въ привозѣ книгъ: по числу названій—на 101, а по количеству томовъ—на 5,350.

„*Общій выводъ.* Въ 1855 году въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія находилось въ Имперіи 2,250 учебныхъ заведеній съ 120,247 учащихся.

„Изъ числа учащихся было: въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (университетахъ, Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, лицеяхъ и ветеринарныхъ училищахъ)—4,127, въ гимназіяхъ—17,817, въ уѣздныхъ училищахъ—27,309, въ приходскихъ—49,101, въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ—21,893, въ еврейскихъ казенныхъ училищахъ—3,488.

«Общее число учебныхъ заведеній въ Имперіи простиралось до 2,356, а число учащихся—до 123,735.

«Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ училищъ 1,516, учащихся 71,755; въ томъ числѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 3,296, въ уѣздныхъ училищахъ 3,858, въ начальныхъ 57,786.

«Затѣмъ совокупное число учебныхъ заведеній составляетъ 3,872, а число учащихся—194,490.

«Воспитательныхъ заведеній было 101, въ томъ числѣ 54 пансіона при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ и 47 конвиктовъ и общихъ ученическихъ квартиръ.

«Ученыхъ степеней и разныхъ медицинскихъ званій удостоено 964 человѣка.

«Изъ сравнительныхъ вѣдомостей, приложенныхъ къ настоящему отчету,

оказывается, что, несмотря на военное время, число учащихся въ Имперіи въ 1855 году уменьшилось только на 2,948 ч. Уменьшеніе сіе относится къ однимъ уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ и къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ, ибо въ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ число учащихся оставалось почти то же самое. Но заслуживаетъ особаго вниманія уменьшеніе числа учащихся Варшавскаго учебнаго округа: эта убыль простирается до 7,474 человѣкъ. Обстоятельство сіе можно объяснить какъ тѣмъ, что съ 1851 года число таковыхъ начальныхъ училищъ начало уменьшаться потому, что сельскія общины освобождены отъ складки на содержаніе училищъ и отъ обязанности посылать дѣтей въ оныя, такъ и военными обстоятельствами.

«*Заключеніе.* Руководимое въ общихъ видахъ своихъ указаніями Вашего Императорскаго Величества, Министерство, въ протекшемъ году, старалось укоренять глубже созрѣвшія уже начала и учрежденія, коихъ общеполезность доказана продолжительнымъ опытомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводило въ ясность тѣ данныя и потребности, изъ которыхъ должно возникать постепенно всякое будущее улучшеніе. Уже многія изъ сихъ потребностей обозначились и опредѣлились явственно какъ вслѣдствіе личнаго моего обозрѣнія учебныхъ заведеній, такъ и чрезъ постоянныя административныя дѣйствія. Выводы изъ всего этого послужатъ основаніемъ для послѣдующихъ предначертаній и трудовъ Министерства. Обнимая движеніе нашего образованія и нужды, общества, Министерство болѣе и болѣе убѣждается, что въ общей системѣ нашихъ учрежденій и ихъ организаціи, устроивавшихся послѣдовательно въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Императоровъ Александра I и Николая I, лежитъ прочная основа ихъ будущаго процвѣтанія и что *на этой почвѣ, столь тщательно приготовленной и нынѣ согрѣваемой Царственною благостію, могутъ произрастать обильные плоды науки и нравственнаго преуспѣянія.* (Здѣсь на подлинномъ отчетѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «*Дай Богъ!*») Со стороны нашихъ юношей надобно, чтобы они сильнѣе и сильнѣе прилѣплялись къ труду мысли, строгому и послѣдовательному, почерпая въ немъ самомъ и въ пользѣ, ожидаемой отъ него отечествомъ, возбужденіе и поощреніе для себя, не удовлетворяясь одною внѣшностію образованности; а нельзя не сознаться, что у насъ вообще слишкомъ довольствовались внѣшнею образованностію, считая или даже выказывая ее за настоящую. Наука и педагогія въ нынѣшнемъ ихъ направленіи, при одушевляющемъ сердца святомъ религіозномъ назиданіи, готовы вполнѣ содѣйствовать сему. Не подлежитъ сомнѣнію, что духъ образующагося поколѣнія сильно возбужденъ, и это возбужденіе возникаетъ изъ столь прекраснаго источника: оно отличается столь благороднымъ направленіемъ, что самыя серьёзныя требованія науки, такъ же, какъ требованія чести, не могутъ его устрашать. Во время личнаго моего обозрѣнія университетовъ и гимназій, вникая въ наклонности, образъ мыслей и нравы молодыхъ людей, бесѣдуя съ ними, присутствуя при ихъ учебныхъ занятіяхъ и экзаменахъ, я съ удовольствіемъ видѣлъ въ нихъ сознательное, на внутреннемъ убѣжденіи основанное стремленіе воспользоваться всѣми предлагаемыми имъ средствами знанія въ духѣ той строгой методы, какая предписывается современными требованіями науки, отвергающими все шаткое и по-

верхностное. Совѣты мои и внушенія въ томъ, сколь нужны на всѣхъ поприщахъ службы Государю и отечеству умы развитые, нравственные, обогащенные знаніемъ стройнымъ и плодоносящимъ, вездѣ встрѣчали искреннее, глубокое сочувствіе. Утѣшительно было видѣть ту радость, съ какою было принято между нашими юношами вновь дарованное дозволеніе поступать въ университеты всѣмъ желающимъ, безъ соблюденія опредѣленнаго комплекта, и въ особенности ту сердечную готовность, съ какою молодые люди высшихъ учебныхъ заведеній Министерства, внимая священному призыву своего Монарха, стремились пріобрѣсти необходимыя приготовительныя свѣдѣнія, чтобы стать въ ряды защитниковъ отечества. Менѣе, чѣмъ въ четыре мѣсяца, не оставляя занятій высшими науками своихъ факультетовъ, они успѣли столько въ военныхъ знаніяхъ и экзерциціяхъ, что поступили на службу офицерами. Между тѣмъ, другіе изъ ихъ товарищей спѣшили инымъ образомъ выразить свое пламенное желаніе быть полезными въ трудные для отечества дни: я разумѣю студентовъ медицинскихъ, которые, при содѣйствіи своихъ достойныхъ профессоровъ, явили также необыкновенныя усилія, чтобы быть въ состояніи оказывать пособія раненымъ на полѣ битвы или посреди заразы. Ихъ самоотверженіе не охладѣвало при видѣ многихъ изъ ихъ же собратій, сдѣлавшихся жертвою своего долга. Такой энергической дѣятельности посвятившихъ себя медицинскимъ наукамъ и медицинскихъ факультетовъ Министерство обязано тѣмъ, что могло выпустить изъ своихъ заведеній 113 врачей и даже, къ первой трети текущаго года, приготовить къ выпуску болѣе 80 человѣкъ.

«Та же нравственная сила, которая въ юныхъ умахъ дѣйствовала столь благотворно и живительно, одушевляла и все ученое и учебное сословіе. Радуюсь, что могу свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о постоянныхъ трудахъ и заслугахъ сего поистинѣ почтеннаго сословія. Лица, его составляющія, въ тревожныхъ обстоятельствахъ государства, какъ и всегда, оказали себя вполнѣ достойными своего высокаго призванія. Обстоятельства эти не только не ослабляли ихъ обычной дѣятельности, но, напротивъ, возбуждали въ нихъ новую ревность къ своему долгу. Они глубже, чѣмъ когда либо, поняли, что покушенія враговъ могутъ быть намъ опасны только превосходствомъ и опередившими насъ успѣхами ихъ въ наукахъ и искусствѣ, и что опасность эта исчезнетъ тотчасъ, какъ скоро мы противопоставимъ имъ дарованныя намъ Богомъ умственныя силы, съ твердою увѣренностію не уступить никому въ великомъ дѣлѣ человѣческаго усовершенствованія.

«Въ отчетѣ семъ я имѣлъ счастіе подробно означить разные ученые труды, состоящіе частію въ сочиненіяхъ, а частію въ исполненіи особенныхъ возлагаемыхъ начальствомъ порученій,—путешествій по Россіи, предпринятыхъ съ спеціальною цѣлію обозрѣнія разныхъ учрежденій въ техническомъ отношеніи. и проч. Всѣ подобныя работы совершались безостановочно, какъ бы во дни мира, добросовѣстно, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Нѣкоторыя изъ ученыхъ занятій были особенно важны по пользѣ, отъ нихъ ожидаемой въ приложеніи положительныхъ знаній. Таковы, между прочимъ, занятія на Николаевской обсерваторіи. Ея труды, исполненные въ 1855 году съ цѣлію споспѣшествованія точной географіи въ нашемъ отечествѣ, обращаютъ вниманіе всего уче-

наго міра, что подробно изложено въ моемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Излишнимъ считаю присовокупить, что, кромѣ сихъ трудовъ, на Николаевской обсерваторіи читаются курсы астрономіи и точной географіи, и всѣ лица, предназначаемыя для географическихъ и геодезическихъ работъ, какъ военныя, такъ и собственно ученыя, стекаются туда и проводятъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ окончательномъ приготовленіи себя къ предстоящимъ занятіямъ. Во исполненіе Высочайшей Вашего Величества воли, съ конца нынѣшняго года откроется новый постоянный курсъ для офицеровъ Военной Академіи.

«Для составленія полнаго, современемъ, геогностическаго атласа Россіи Министерство пригласило на таковый важный трудъ профессоровъ разныхъ университетовъ. На этомъ основаніи, нынѣ трудятся надъ составленіемъ геогностическихъ картъ: профессоръ С.-Петербургскаго Университета *Куторга* — Псковской губерніи, профессоръ Дерптскаго Университета *Гревингкъ* — губерніи Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, профессоръ Университета Св. Владиміра *Феофилактовъ* — Кіевской губерніи, профессоръ Харьковскаго Университета *Борисякъ*—Харьковской губерніи, и профессоръ Казанскаго университета *Вагнеръ*, окончивъ карту Казанской губерніи, производитъ геогностическое изслѣдованіе почвъ губерній Симбирской и Самарской.

«Факультетъ восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ, составляющій главный въ Имперіи разсадникъ образованія оріенталистовъ, какъ ученыхъ, такъ и требуемыхъ для службы, находится въ полномъ своемъ составѣ и началъ успѣшно свои дѣйствія.

«Во дни войны и испытаній съ высоты Престола раздался голосъ къ русскимъ сердцамъ, призывавшій къ исполненію ихъ долга. О томъ, какъ онъ былъ услышанъ, знаетъ Европа, узнаетъ позднѣйшее потомство. Въ день разцвѣтающаго мира, Вы, Всемилостивѣйшій Государь, знаменательными словами: *да развивается повсюду съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности*, благоволили призвать народъ свой къ другому великому подвигу. Этотъ призывъ напечатлѣлся въ сердцахъ и умахъ; онъ будетъ служить вѣрнымъ указаніемъ для нашей дѣятельности».

Въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» напечатана шестая и послѣдняя часть романа г. Григоровича «Переселенцы». Скоро это замѣчательное произведеніе явится отдѣльною книгою, и тогда мы будемъ имѣть возможность подробно говорить о немъ и, по поводу его, обозрѣть всю литературную дѣятельность г. Григоровича. Здѣсь мы можемъ только вскользь коснуться нѣкоторыхъ мыслей, вызываемыхъ прекраснымъ разсказомъ, начало котораго было встрѣчено публикою съ тѣмъ интересомъ, какой всегда возбуждаютъ произведенія автора «Деревни», «Антона-Горемыки» и «Рыбаковъ», а послѣднія части котораго все болѣе и болѣе приковывали къ себѣ живое сочувствіе читателя.

Была мода на романы изъ простонароднаго быта. Мода, какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, излишествами своими привела къ сомнѣніямъ, за увлеченіемъ послѣдовало охлажденіе, и теперь такъ же трудно заинтересовать публику простонароднымъ разсказомъ, какъ легко было пять-шесть лѣтъ тому назадъ привлекать ея вниманіе моднымъ выборомъ простонароднаго сюжета. Успѣхъ повѣстей, изображающихъ нравы нашихъ поселянъ, основывался преимущественно на достоинствахъ разсказовъ г. Григоровича; въ охлажденіи, которое было возбуждено недостатками многочисленныхъ его подражателей, г. Григоровичъ не виноватъ, и публика справедливо освобождаетъ его отъ всякой отвѣтственности за чужіе грѣхи: переставъ читать простонародные разсказы писателей, бросившихся на эту дорогу въ надеждѣ раздѣлять успѣхъ г. Григоровича, публика съ прежнимъ интересомъ читаетъ и перечитываетъ новыя произведенія г. Григоровича: она очень хорошо чувствуетъ разницу между «Переселенцами» и, напримѣръ... но къ чему утруждать себя припоминаніемъ примѣровъ, о которыхъ никому не хочется вспоминать? И никто изъ забываемыхъ описывателей простонароднаго быта не можетъ роптать на несправедливость своей судьбы. Зачѣмъ они, если имѣютъ талантъ (человѣкъ безъ таланта, конечно, ни въ чемъ не виноватъ),—зачѣмъ они не захотѣли подумать о томъ, что составляетъ главное достоинство простонародныхъ разсказовъ г. Григоровича, и зачѣмъ воображали, что, копируя или утрируя только внѣшнія особенности его произведеній, могутъ ожидать прочнаго успѣха? Внутренняя пустота скоро отгадывается, и никакія уловки не прикроютъ и не прекрасятъ ея. Зачѣмъ эти подражатели, не понимая г. Григоровича, подделывались подъ его манеру? зачѣмъ они воображали, будто бездушнымъ подражаніемъ манерѣ можно создавать прекрасное? Зачѣмъ они не приняли въ соображеніе, что г. Григоровичъ силенъ потому, что знаетъ и любитъ народъ, и воображали, будто все дѣло состоитъ въ крестьянскихъ именахъ, и въ замѣнѣ обыкновенныхъ русскихъ словъ такими диковинками, какихъ читателю съ бритой бородой и слышать не приводилось? Зачѣмъ они дѣйствовали такъ, будто гоголевы «Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки» были обязаны своими успѣхами заимствованію малорусскихъ словъ изъ «Лексикона» Памвы Берынды?

Г. Григоровичъ знаетъ деревенскій бытъ средней полосы на-

шего царства и нимало не думаетъ самъ себѣ дивиться или хвалиться передъ другими тѣмъ, что онъ знаетъ его, какъ житель Петербурга вовсе не дивится тому, что знаетъ Петербургъ, какъ человѣкъ, служившій на Кавказѣ, вовсе не дивится тому, что знаетъ кавказскіе обычаи; да и скажите, въ самомъ дѣлѣ, что такое за диво быть въ русскомъ царствѣ человѣкомъ, хорошо знающимъ сельскую жизнь? Каждый помѣщикъ, каждый чиновникъ земской полиціи, каждый сельскій священникъ очень хорошо знаетъ нравы поселянъ. Хвалиться тутъ ровно нечѣмъ. Вѣдь русская деревня для насъ не Австралія, которой не видалъ никто изъ нашихъ соотечественниковъ. Г. Григоровичъ находитъ, что поселяне — такіе же люди, какъ и мы, и бо́льшею частью люди добрые и неглупые; потому онъ любитъ ихъ, и когда видитъ, что они терпятъ нужду или притѣсненіе, ему становится жаль ихъ. Всѣмъ этимъ своимъ чувствамъ онъ вовсе не думаетъ дивиться или хвастаться ими; да и что, въ самомъ дѣлѣ, удивительнаго въ этихъ чувствахъ? каждый благородный и не близорукій человѣкъ, который знаетъ нашихъ поселянъ, любитъ ихъ и жалѣетъ о невзгодахъ, какія встрѣчаются въ ихъ бытѣ.

Каждый литераторъ съ самостоятельнымъ талантомъ беретъ сюжеты для своихъ разсказовъ изъ того круга жизни; который интересуетъ его и хорошо ему знакомъ. Такъ поступилъ г. Григоровичъ: онъ сталъ писать разсказы изъ сельскаго быта, и выборъ его былъ рѣшенъ не какими нибудь мелочными соображеніями, не заботою о нововведеніяхъ, или похвальбою, или разсчетами на особенный успѣхъ,—изъ такихъ соображеній въ поэзіи никогда ровно ничего не выходитъ, потому что талантъ истинный не подчиняется имъ. Вовсе нѣтъ: г. Григоровичъ сталъ писать повѣсти изъ сельскаго быта потому, что близко знаетъ этотъ кругъ и интересовался имъ; тутъ было не болѣе, какъ исполненіе поговорки: «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Писалъ ли кто нибудь по русски до г. Григоровича хорошія повѣсти изъ великорусскаго сельскаго быта или нѣтъ, это для г. Григоровича было рѣшительно все равно. Онъ самъ чувствовалъ влеченіе описывать сельскій бытъ, чувствовалъ, что можетъ описывать его,—на этомъ влеченіи таланта было основано все.

И вотъ явились «Деревня», «Антонъ-Горемыка» и т. д. Авторъ нимало не дѣлалъ насилія своему таланту, когда писалъ ихъ: выборъ предмета былъ направленъ любовью къ поселянамъ. Авторъ

нимало не щеголялъ ни своимъ знаніемъ крестьянскаго языка, ни тѣмъ, что бывалъ въ курныхъ избахъ; онъ только вѣрно описывалъ хорошо знакомый ему бытъ. Видно было, что онъ любитъ поселянъ, какъ людей, и сочувствуетъ ихъ интересамъ. Очень натурально, что повѣсти, написанныя съ талантомъ и знаніемъ, ож и вленныя сочувствіемъ автора къ изображаемымъ людямъ, имѣли успѣхъ. Успѣхъ основывался на существенныхъ, неотъемлемыхъ достоинствахъ произведеній.

Но люди догадливые относительно средствъ всѣми правдами и неправдами добиться литературнаго успѣха тотчасъ же сообразили, въ чемъ дѣло. Они догадались, что успѣхъ повѣстей г. Григоровича основанъ не на достоинствѣ повѣстей, а только на томъ, что въ повѣстяхъ описываются не такіе люди, какъ мы съ вами, а совершенно невиданные никѣмъ — какіе-то чудаки съ бородами и въ онучахъ, и говорятъ эти чудаки-мужики вовсе не такимъ языкомъ, какъ мы съ вами, а какимъ-то чуднымъ, неслыханнымъ языкомъ. Такимъ-то легкимъ образомъ былъ найденъ рецептъ для пріобрѣтенія литературнаго успѣха: публика восхищается странными нравами мужичковъ и диковиннымъ ихъ языкомъ—начнемъ же угощать ее этими блюдами и раздѣлимъ успѣхъ г. Григоровича, а пожалуй достигнемъ и большаго успѣха, потому что перещеголять его въ пораженіи публики диковинными нравами и языкомъ вовсе не трудно: онъ далеко не вполнѣ пользуется тѣми обильными матеріалами диковинныхъ особенностей, какіе могутъ быть найдены въ сельскомъ бытѣ. Покажемъ ей, что мы умѣемъ говорить по-мужицки гораздо лучше г. Григоровича, что мы—если ужь на то пошло—знаемъ крестьянскій бытъ, какъ свои пять пальцевъ.

И принялись удивлять публику своимъ знаніемъ крестьянскаго быта и мужицкаго языка.

И, дѣйствительно, удивили,—только не въ томъ смыслѣ, какъ разсчитывали. Въ произведеніяхъ, писанныхъ на новую тему людьми, не лишенными таланта, публика удивилась пустотѣ и безцвѣтности при наружной эффектности, а въ произведеніяхъ людей бездарныхъ — огромности претензій и страшной фальшивости тона. Впрочемъ, послѣдними качествами поражали иногда и разсказы извѣстныхъ писателей.

Разсчеты на успѣхъ оказались ошибочны, и ошибка была такъ груба, что трудно даже извинить ее.

Въ самомъ дѣлѣ, неудачные подражатели г. Григоровича, вообразили, что публика восхитилась въ его повѣстяхъ новизною; но ужели огромное большинство русскихъ читателей не знало крестьянскаго быта и не слыхивало крестьянскаго языка? Неужели «Деревня» произвела эффектъ въ родѣ того, какой производятъ разсказы о японцахъ и жителяхъ Ванъ-Дименовой Земли? Нимало: каждый читатель самъ зналъ очень хорошо русскихъ мужичковъ и, быть можетъ, половина читателей провели жизнь въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ними. — Или печатные разсказы о мужикахъ были новостью, когда явилась «Деревня»? Если публика знала крестьянскій бытъ, то, быть можетъ, по крайней мѣрѣ, литература чуждалась его описаній? Нимало: отъ «Фрола Силина» Карамзина до героевъ Загоскина тянется непрерывный рядъ литературныхъ мужиковъ, и въ то самое время, когда началъ писать г. Григоровичъ, были очень извѣстные разсказчики, вся дѣятельность которыхъ была посвящена описанію простонароднаго быта. Стало быть, по той сферѣ, изъ которой взято содержаніе «Деревни», повѣсть г. Григоровича вовсе не была новостью.

Правда, было въ ней нѣчто новое, но вовсе не мысль описывать крестьянскій бытъ: ново было то, что крестьянскій бытъ описывался вѣрно, безъ прикрасъ, что въ описаніи былъ видѣнъ сильный талантъ и глубокое чувство, возвышающееся до самой патетической поэзіи. Этимъ качествамъ подражатели не вздумами подражать, потому, вѣроятно, что не считали ихъ важными, не чувствуя присутствія ихъ въ себѣ. Но эти качества, упущенныя изъ виду славолюбивыми соперниками г. Григоровича, и были причиною, что его произведенія сдѣлали и продолжаютъ дѣлать такое сильное впечатлѣніе на публику, между тѣмъ, какъ люди, писавшіе до него и вслѣдъ за нимъ о тѣхъ же самыхъ мужикахъ, оставлены или вовсе не приняты публикою.

Но что такое талантъ, чувство, поэзія, вѣрность картинъ? о такихъ пустякахъ не думали подражатели: вѣдь, по ихъ мнѣнію, мужики понравились публикѣ какъ диковинка, заняли ее странностями языка и нравовъ. Этими-то качествами мужиковъ и хотѣли они выиграть, выказывая удивительнѣйшее, по собственному мнѣнію, умѣнье владѣть языкомъ и подмѣчать особенности обычаевъ поселянъ. Дѣйствительно, мужики у нихъ заговорили такъ, что не употребляли ни одной фразы, которая имѣла бы смыслъ на обык-

новенномъ русскомъ языкѣ (которымъ, между прочимъ, говорятъ и крестьяне, не имѣющіе средствъ объясняться на иныхъ языкахъ), не произносили ни одного слова, не исковеркавъ его; да и то была еще милость, когда только коверкали обыкновенныя слова, а не вовсе отказывались отъ нихъ, замѣняя ихъ неслыханными въ народѣ русскомъ рѣченіями, заимствованными изъ «Словаря Областныхъ Нарѣчій». Нравы этихъ диковинныхъ поселянъ также не имѣли ничего общаго съ обыкновенными человѣческими или русскими нравами: не говоря уже о чувствахъ или понятіяхъ, даже въ затылкѣ почесывали мужички ужь навѣрное никакъ не пальцами, а кулакомъ, да еще на особенный манеръ сложеннымъ, и ложку со щами подносили ко рту не обыкновеннымъ порядкомъ, а съ какими нибудь особенными извитіями рукъ и ухмыляніями лица. И на каждое диковинное словечко своихъ мужичковъ, на каждое несообразное съ обычною логикою понятіе, на каждый странный жестъ ихъ, авторъ радовался, самъ дивясь чудному своему знанію всѣхъ никѣмъ дотолѣ не подмѣченныхъ особенностей народнаго быта и языка. Г. Григоровичъ никогда не достигалъ такой высоты: у него мужики и говорили, и думали, и поступали по человѣчески, отличаясь въ языкѣ и обычаяхъ отъ остальныхъ русскихъ не болѣе того, какъ отличаются дѣйствительные, живые русскіе поселяне, которые и говорятъ и думаютъ о житейскихъ дѣлахъ почти такъ же, какъ и всякій другой человѣкъ, не получившій книжнаго воспитанія. Мы ужь сказали, отчего происходила эта разница: г. Григоровичъ не изумляется своему знакомству съ поселянами, не находитъ нужды щеголять этимъ знакомствомъ, онъ привыкъ видѣть въ поселянахъ людей такихъ же, какъ и мы съ вами, читатель, или, быть можетъ, и нѣсколько лучшихъ, нежели бо̀льшая часть изъ насъ; онъ—какая рѣдкость!—онъ и любитъ ихъ просто, какъ людей, а не какъ чудаковъ, странности которыхъ могутъ давать литераторамъ поживу для курьёзныхъ описаній. Если въ какомъ уѣздѣ поселяне произносятъ «хурушу», вмѣсто «хорошо», это, по его мнѣнію, такая же драгоцѣнная для поэзіи и такая же восхитительная для него находка, какъ «харашо», которое произносимъ мы вмѣсто «хорошо». Но для многихъ изъ его подражателей поселянинъ, въ самомъ дѣлѣ, диковинка, знаніемъ которой не могутъ они додольно нащеголяться, и на употребленіи «хурушу» основаны и надежда ихъ на славу и любовь ихъ къ поселянамъ.

Безъ знанія или безъ любви что можетъ сдѣлать даже замѣчательный талантъ? А если, притомъ, и талантъ у литератора, требующаго себѣ отличій за снисходительное знакомство свое съ мужиками, не слишкомъ великъ, что жь удивительнаго, когда разсказы его изъ сельскаго быта такъ же пусты, аффектированы и скучны, какъ пусты, скучны и аффектированы были бы его повѣсти изъ аристократическаго быта?

Да и что хорошаго можетъ произвести насилованіе своего таланта? Г. Григоровичъ тѣмъ и силенъ, что пишетъ простонародные разсказы по влеченію собственной натуры, не насилуя таланта, а давая ему полный просторъ. А послѣдователи его начали описывать поселянъ не по влеченію таланта, а по разнымъ постороннимъ соображеніямъ, насилуя талантъ.

Есть люди, которые любятъ толковать о свободномъ творчествѣ— почему жь не толковать и объ этомъ предметѣ? дѣло хорошее, лишь бы только толкующій самъ понималъ, о чемъ толкуетъ, и не смѣшивалъ свободнаго творчества, напримѣръ, съ пустословіемъ, которое относится скорѣе къ прозѣ, и, притомъ, очень пошлой прозѣ, нежели къ поэзіи. Свободное творчество состоитъ въ томъ, чтобы поэтъ не насиловалъ своей природы: природа внушаетъ одному сатиру, другому идиллію,—пусть каждый изъ нихъ пишетъ, что ему внушаетъ природа таланта. Но если сатирикъ начнетъ гнуть свой талантъ, чтобы—хочешь, не хочешь—написать идиллію, тутъ уже не будетъ ровно никакой свободы творчества, а просто на просто будетъ насилованіе таланта, и идиллія выйдетъ хуже всякой пародіи на идиллію. Для Гоголя свободою творчества было писать о Чичиковыхъ и Бетрищевыхъ, а изображать Уленьку и Костанжогло было чистымъ насилованіемъ таланта; Диккенса «Пиквикскій Клубъ» и «Тяжелыя Времена» — равно плоды свободнаго творчества, какъ и Пушкину «Онѣгинъ» не менѣе «Каменнаго Гостя» внушенъ свободнымъ творчествомъ. Ужь болѣе двухъ тысячъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ высказана была истина, что верховнымъ правиломъ разумной жизни должно быть: «слушайся природы»—secundum naturam vivere. Пора намъ понять эту истину. И въ поэзіи она такъ же безспорна, какъ во всемъ остальномъ.

Правда и то, что у однихъ натура сильна, здорова и влеченія ея дѣльны, у другихъ — натура дрябла и влеченія, ея пусты. Конечно, людямъ послѣдняго разбора непонятны здоровыя влеченія и

дѣльныя мысли. Къ числу такихъ людей принадлежатъ, между прочимъ, и тѣ, которые воображали, что прочной литературной славы можно достичь у насъ, не имѣя сильныхъ и благородныхъ стремленій, что публика наша прельстится фразами безъ смысла, формою безъ живой идеи. Эти люди, особенно тѣ изъ нихъ, которые потерпѣли крушеніе собственныхъ литературныхъ надеждъ, могутъ быть недовольны г. Григоровичемъ, во первыхъ, за то, что ему досталась извѣстность, которой напрасно искали они, во вторыхъ, и за то, что въ его произведеніяхъ есть всегда живая мысль, необходимости которой никакъ не могли понять они. Но мнѣніе такихъ людей вовсе не законъ ни для г. Григоровича, ни для русской публики: она, что ни говорите, таки умѣетъ цѣнить людей и награждаетъ своимъ сочувствіемъ только тѣхъ писателей, которые служатъ правдѣ, служа поэзіи, потому что безъ правды нѣтъ и поэзіи.

Горька участь литераторовъ, которые, несмотря на всѣ хлопоты, не успѣли пріобрѣсть славы, за которою гнались или еще продолжаютъ гнаться; но кто жь виноватъ въ томъ, что участь ихъ горька? Зачѣмъ они такъ узко и поверхностно поняли литературу, воображая, что она можетъ быть пустословіемъ?

Кто, напримѣръ, виноватъ, если разсказы изъ простонароднаго быта вообще не раздѣляли того успѣха, которымъ постоянно пользовались произведенія г. Григоровича? Неужели охлажденіе публики надобно считать причиною неуспѣха многихъ писателей, въ подражаніе г. Григоровичу водившихъ насъ по избамъ и нивамъ?— Но вѣдь это охлажденіе не простиралось же никогда на произведенія г. Григоровича, и, напримѣръ, послѣдній романъ его былъ читаемъ всѣми съ величайшимъ одобреніемъ. Отчего же такая разница? Отчего г. Григоровичъ безъ всякаго труда приковываетъ къ себѣ вниманіе публики, когда многихъ другихъ повѣствователей о сельскомъ бытѣ не хочетъ она и слушать?

Г. Григоровичъ не забавляетъ себя и публику набираніемъ странныхъ словъ и странныхъ обычаевъ (чѣмъ ограничиваются другіе): въ его «Переселенцахъ» есть живая мысль, есть дѣйствительное знаніе народной жизни и любовь къ народу; у него поселяне выводятся не затѣмъ, чтобы исполнять должность диковинныхъ чудаковъ съ неслыханнымъ языкомъ: нѣтъ! они являются, какъ живые люди, которые возбуждаютъ къ себѣ полное ваше уча-

стіе. Въ этомъ и причина постояннаго успѣха его повѣстей и романовъ изъ сельскаго быта.

Мы не будемъ пересказывать содержаніе «Переселенцевъ»: кто не читалъ еще этого романа, конечно, прочтетъ его. Мы не будемъ и перечислять сценъ, особенно хорошо исполненныхъ, или характеровъ, очерченныхъ особенно удачно, потому что это исчисленіе было бы слишкомъ длинно. Отъ хилаго и тѣломъ и духомъ Тимоѳея Лапши, котораго помѣщикъ переселяетъ въ саратовскіе луга изъ вотчины, гдѣ Лапшу не любили за то, что у него братъ Филиппъ скрывался въ бѣгахъ и промышлялъ воровствомъ, до жены Тимоѳея, Катерины, которая бьется, какъ рыба объ ледъ, чтобы какъ нибудь поддержать хозяйство, и до маленькаго тимоѳеева сына Пети, котораго Филиппъ отчасти выманиваетъ, отчасти силою отнимаетъ у отца и продаетъ нищимъ; отъ агронома и филантропа-помѣщика, Сергѣя Васильича Бѣлицына, который очень хорошо разсуждаетъ объ обязанностяхъ помѣщика и о своихъ великолѣпныхъ планахъ, и раззоряется, устроивая въ Петербургѣ прекрасные балы, до молодаго гуртовщика Карякина, который хвастается тѣмъ, что не боится своего тятеньки,—почти всѣ характеры обрисованы съ обыкновеннымъ мастерствомъ г. Григоровича, такъ что выставляются живыми людьми. Заключеніе изъ своего разсказа выводитъ самъ авторъ въ слѣдующей сценѣ:

Узнавъ о смерти Тимоѳея Лапши, хозяйство и здоровье котораго было окончательно убито переселеніемъ, и о горькой участи его семьи, супруга Сергѣя Васильича, Александра Константиновна, надолго задумалась. Сергѣй Васильевичъ, вмѣстѣ съ нею выслушавшій разсказъ старосты, тоже сидѣлъ молча.

„— О чемъ ты думаешь? спросилъ наконецъ мужъ, прикасаясь ладонью къ рукѣ жены.

„— Я думаю объ этой бѣдной женщинѣ и ея дѣтяхъ, думаю также о помѣщикахъ... такихъ, какъ мы... вымолвила Александра Константиновна

„Сергѣй Васильичъ сильно потеръ лобъ ладонью и опустилъ голову.

„— Надо сознаться, Serge, оба мы поступили непростительно опрометчиво подхватила Александра Констатиновна:—нѣтъ, мы живемъ совсѣмъ не такъ какъ бы намъ слѣдовало!

„— Что ты хочешь этимъ сказать? краснѣя, проговорилъ мужъ.

„— Я хочу сказать, кротко возразила Бѣлицына: что если ужь существуетъ наше положеніе—положеніе помѣщика, оно налагаетъ на насъ, помѣщиковъ обязанности... строгія, святыя обязанности—право, такъ! Это не пустое

слово, не фраза. Сколько разъ думала я: еслибъ владѣли мы только землями да лѣсомъ, наша безпечность была бы простительна, насъ можно было бы извинить за наше незнаніе; но вѣдь въ рукахъ нашихъ живые люди, мы имѣемъ сотни семействъ, судьба которыхъ въ нашемъ полномъ распоряженіи... съ горячностью подхватила она:—какъ христіане, какъ граждане, наконецъ просто какъ честные люди, можемъ ли мы быть безпечными? Имѣемъ ли мы право бросить этихъ людей на произволъ судьбы, не знать ихъ жизни, ихъ потребностей?.. Наше равнодушіе, наше невѣжество въ отношеніи къ быту этого народа, который круглый годъ, всю свою жизнь для насъ трудится и проливаетъ потъ свой,—наше равнодушіе и незнаніе постыдно и безчестно!.. Мы наряжаемся, пляшемъ, безумно тратимъ деньги, уважаемъ и принимаемъ за серьёзное то, что въ сущности вздоръ, и почти презираемъ то, къ чему обязываютъ насъ совѣсть, религія и всѣ человѣческія чувства... Сердце возмущается и страшно дѣлается, какъ подумаешь обо всемъ этомъ! Нѣтъ, мы живемъ не такъ, далеко не такъ, какъ бы слѣдовало!..

«Но мы считаемъ лишнимъ досказывать то, что говорила Александра Константиновна. Мысль, которая одушевляла ее, и безъ того понятна,—мысль, по нашему мнѣнію, въ милліоны разъ дороже самаго пылкаго, блестящаго краснорѣчія.

«Во все время, какъ говорила Бѣлицына, Сергѣй Васильичъ не поднялъ головы. Когда она кончила, онъ продолжалъ сидѣть въ томъ же положеніи. Видно было, однакожь, что слова Александры Константиновны произвели на него сильное впечатлѣніе. Доброе лицо его выражало столько грусти, что, взглянувъ на него, Бѣлицына быстро подошла къ мужу и взяла его за обѣ руки.

«Она подумала, не зашла ли ужь слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи. не оскорбила ли какъ нибудь нечаянно мужа, который, въ сущности, былъ главнымъ виновникомъ проекта о переселеніи и подалъ поводъ къ ея упрекамъ.

— О чемъ ты думаешь? спросила она съ ласковой улыбкой.

«— О чемъ я думаю? вымолвилъ Сергѣй Васильчъ, подымая голову, при чемъ жена увидѣла слезы на глазахъ его:—я думаю, что ты во сто-тысячъ разъ умнѣе и честнѣе меня—вотъ что я думаю... Начинай же то дѣло, о которомъ ты говорила! подхватилъ онъ съ воодушевленіемъ:—начинай это дѣло, съ Богомъ, и я твой вѣрный, неизмѣнный помощникъ!...»

Александра Констатиновна, женщина умная и, дѣйствительно, хорошая, видитъ необходимость взять управленіе въ свои руки, мало по малу приводитъ въ порядокъ разстроенное хезяйство и успѣваетъ облегчить участь поселянъ.

Нѣкоторые читатели замѣтятъ, что эта идея можетъ подать поводъ къ спорамъ—тѣмъ лучше: лишь были бы у насъ хотя споры о чемъ нибудь дѣльномъ, и это было бы уже важнымъ шагомъ впередъ. Но людей, которые желаютъ спорить съ Александрою Константиновною, мы, прежде всякихъ споровъ, просимъ обратить вниманіе на слова, которыми начинается ея монологъ: «*если* ужь *существу-*

етъ наше положеніе», говоритъ она—она говоритъ не о своихъ идеалахъ, а только о своихъ обязанностяхъ при настоящемъ положеніи; но какъ она думаетъ объ этомъ положеніи, она того не говоритъ, и, по всей вѣроятности, у ней есть объ этомъ свои мысли, и, быть можетъ, мысли, не оставляющія мѣста никакимъ спорамъ.

Тѣ, которые съ интересомъ слѣдятъ за развитіемъ мнѣній такъ называемыхъ славянофиловъ, нетерпѣливо ожидали выхода второй книги «Русской Бесѣды», надѣясь найти въ ней трактатъ И. В. Кирѣевскаго «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи». Трактатъ этотъ долженъ былъ пояснить, какъ именно нынѣ понимается, если не всѣми славянофилами, то многими и, кажется, послѣдовательнѣйшими изъ нихъ, теоретическій вопросъ объ общихъ началахъ знанія,—вопросъ, которому славянофилы придаютъ чрезвычайную важность.

Вышла вторая книга «Русской Бесѣды», и помѣщенъ въ ней трактатъ И. В. Кирѣевскаго... но мы не можемъ говорить о немъ, какъ намѣревались: находя многое въ немъ вѣрнымъ и прекраснымъ (особенно идею, что однихъ отвлеченныхъ понятій недостаточно для живаго рѣшенія вопросовъ жизни, потому что умъ человѣка не есть еще весь человѣкъ, а жить нужно всему человѣку, и не однимъ разсудкомъ, а также любовью), находя, что вся статья, напечатанная теперь *), проникнута духомъ благороднымъ и чистымъ отъ фанатизма или нетерпимости,—находя наконецъ въ изложеніи статьи силу мысли, не совсѣмъ обыкновенную и возбуждающую къ себѣ невольное уваженіе, какъ возбуждаетъ уваженіе всякій сильный умъ,—потому, имѣя сказать многое въ похвалу статьи, мы, однако же, находимъ въ ней ошибки, которыя намъ кажутся важными, и, какъ слѣдствіе ошибокъ, нѣкоторыя мнѣнія, какъ намъ кажется, несоотвѣтствующія или нынѣшнему состоянію науки, или потребностямъ жизни. Конечно, мы не могли бы оставить эти мнѣнія безъ замѣчаній. Но надъ свѣжею могилою, недавно поглотившею Кирѣевскаго, неумѣстны и неприличны были бы не только споры, даже все, что могло бы походить на споръ. Да и къ чему

*) Кирѣевскій успѣлъ обработать только половину трактата, которымъ занимался въ послѣднее время жизни, только первую, критическую часть своего изслѣдованія; вторая часть, которая должна была содержать догматическое построеніе началъ его собственной системы, осталась не написанною.

теперь возражать, опровергать? Къ сожалѣнію, нѣтъ уже надобности защищать противъ Кирѣевскаго тѣ изъ нашихъ убѣжденій, справедливость которыхъ не признавалъ онъ—къ сожалѣнію, говоримъ мы, потому что не въ развитіи тѣхъ или другихъ мнѣній, могущихъ возбуждать несогласія, состояло главнѣйшее значеніе Кирѣевскаго, а въ развитіи стремленій благородныхъ и полезныхъ для нашего общества, столь мало еще проникнутаго потребностью мыслить, жаждою истины. Жажда истины, дѣятельность мысли— зародышъ и залогъ всего благаго; а въ Кирѣевскомъ была эта жажда истины, онъ пробуждалъ въ другихъ дѣятельность мысли. Потому, во всякомъ случаѣ, онъ былъ полезенъ и нуженъ у насъ.

«Русская Бесѣда» посвящаетъ нѣсколько страницъ воспоминанію о Кирѣевскомъ. Страницы эти проникнуты искренностью глубокаго чувства и написаны прекрасно. Мы беремъ изъ нихъ тѣ мысли, въ которыхъ совершенно согласны съ мнѣніями или чувствами, высказываемыми отъ имени «Русской Бесѣды» о ея покойномъ сотрудникѣ.

«Сердце, исполненное нѣжности и любви; умъ, обогащенный всѣмъ просвѣщеніемъ современной намъ эпохи; прозрачная чистота кроткой и беззлобной души; какая-то особенная мягкость чувства, дававшая особенную прелесть разговору; горячее стремленіе къ истинѣ; необычайная тонкость діалектики въ спорѣ, сопряженная съ самою добросовѣстною уступчивостью, когда противникъ былъ правъ, и съ какою-то нѣжною пощадою, когда слабость противника была явною; тихая веселость, всегда готовая на безобидную шутку, врожденное отвращеніе отъ всего грубаго и оскорбительнаго въ жизни, выраженіи мысли или отношеніяхъ къ другимъ людямъ; вѣрность и преданность въ дружбѣ, готовность всегда прощать врагамъ и мириться съ ними искренно; глубокая ненависть къ пороку и крайнее снисхожденіе въ судѣ о порочныхъ людяхъ; наконецъ безукоризненное благородство, не только не допускавшее ни пятна, ни подозрѣнія на себя, но искренно страдавшее отъ всякаго неблагородства, замѣченнаго въ другихъ людяхъ: таковы были рѣдкія и неоцѣненныя качества, по которымъ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій былъ любезенъ всѣмъ, сколько нибудь знавшимъ его, и безконечно дорогъ своимъ друзьямъ. Смерть его останется неисцѣлимою раною для многихъ.

«Но потеря Ивана Васильевича Кирѣевскаго важна не для однихъ личныхъ его знакомыхъ и не для тѣснаго круга его друзей: нѣтъ! она важна и незамѣнима для всѣхъ его соотечественниковъ, истинно любящихъ просвѣщеніе и самобытную жизнь русскаго ума. Немного оставилъ онъ памятниковъ своей умственной дѣятельности — нѣсколько листовъ составляютъ весь итогъ его печатныхъ трудовъ; но въ этихъ немногихъ листахъ заключается богатство самостоятельной мысли. Нашему убѣжденію будетъ, конечно, сочувствовать всякій,

кто съ разумомъ прочелъ или теперешнюю статью Ивана Васильевича Кирѣевскаго, или тѣ, которыя напечатаны въ „Москвитянинѣ“ и въ „Московскомъ Сборникѣ“.

«Слишкомъ рано писать его біографію; скажемъ только, что жизнь его украшена была съ первой молодости пріязнію Пушкина, горячею дружбою Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова и (слишкомъ рано увядшей надежды нашей словесности) Д. В. Веневитинова. О движеніи и развитіи его умственной жизни и о литературной дѣятельности говорить также еще нельзя.... Но придетъ время, когда наука оцѣнитъ его достоинство и опредѣлитъ его мѣсто въ движеніи русскаго просвѣщенія. Выводы, имъ добытые, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, будутъ всѣмъ извѣстны; но его немногія статьи останутся всегда предметомъ изученія по послѣдовательности мысли, постоянно требовавшей отъ себя строгаго отчета, по характеру теплой любви къ истинѣ и людямъ, которая вездѣ въ нихъ просвѣчиваетъ, по вѣрному чувству изящнаго, по благоговѣйной признательности его къ своимъ наставникамъ, предшественникамъ въ путяхъ науки, даже тогда, когда онъ принужденъ ихъ осуждать, и особенно по какому-то глубокому сочувствію не высказаннымъ требованіямъ всего человѣчества, алчущимъ животворящей правды.

«Память твоя да будетъ съ праведною похвалою, нашъ усопшій братъ»!

Скажемъ и мы отъ себя:

Да будетъ память твоя съ праведною похвалою, честный и полезный дѣятель русской мысли, человѣкъ замѣчательный по высокимъ качествамъ ума и благороднымъ достоинствамъ сердца!

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

СЕНТЯБРЬ 1856.

Часто случалось намъ слышать недоумѣнія относительно причинъ, которымъ надобно приписать чрезвычайный успѣхъ «Семейной Хроники» г. Аксакова. Отъ нѣкоторыхъ людей, заслуживающихъ всякаго уваженія по развитости своего вкуса, мы слышали даже осужденіе всѣмъ нашимъ журналамъ отъ «Русской Бесѣды» до «Русскаго Вѣстника» и «Современника», за тотъ восторгъ, съ какимъ отозвались всѣ критики о книгѣ г. Аксакова.—«Спора нѣтъ— говорили эти люди—«Семейная Хроника» написана прекрасно,— но выставлять «Семейную Хронику» книгою необыкновенныхъ, изумительныхъ достоинствъ — дѣло рѣшительно несправедливое; а въ эту ошибку впали всѣ журналы. По какому случаю всѣ онѣ были единодушны въ ошибкѣ, когда такъ рѣдко бываютъ единодушны въ истинѣ? Не упоминаемъ о критической статьѣ одного изъ нихъ, объявившаго, что съ «Семейной Хроники» начинается новая эпоха для нашей литературы, что у самого Гоголя лучшія мѣста въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» написаны подъ вліяніемъ этой книги, отрывки изъ которой читались ему въ рукописи; что всѣ наши поэты и нувеллисты должны учиться и будутъ учиться слогу и чувствамъ, искусству писать и умѣнью понимать русскую жизнь у г. Аксакова. Это слишкомъ очевидное преувеличеніе объясняется, пожалуй, даже извиняется, духомъ партіи. Но чѣмъ извинить другіе журналы, которые говорили о книгѣ г. Аксакова тономъ развѣ немного уступающимъ въ восторженности тону этой статьи? Вѣдь въ ихъ разборахъ также видѣлось необыкновенное удивленіе достоинствамъ «Семейной Хроники»; они также какъ будто отдавали

г. Аксакову первенство надъ всѣми нашими нынѣшними писателями, говорили о немъ, какъ о художникѣ, передъ которымъ надобно преклоняться. Все это ошибочно. «Семейная Хроника», въ литературномъ отношеніи, имѣетъ недостатки...» И эти строгіе цѣнители исчисляли литературные недостатки книги г. Аксакова, быть можетъ, сами также преувеличивая ихъ, какъ преувеличивалъ достоинства книги критикъ, находившій, что она должна преобразовать всю нашу литературу, для которой начинается новая эпоха съ появленія «Семейной Хроники».

Нѣтъ надобности оправдывать журналы, которые, быть можетъ, уже достаточно оправдываются своимъ единодушіемъ. Во всякомъ случаѣ, чрезвычайный успѣхъ «Семейной Хроники» остается фактомъ, и слишкомъ строгіе цѣнители, мнѣніе которыхъ мы привели выше, едва ли не впадаютъ сами въ ошибку, слишкомъ много занимаясь вопросомъ о томъ, какъ велики именно литературныя достоинства книги г. Аксакова: интересъ, возбужденный «Семейною Хроникою» основывался не исключительно на этихъ достоинствахъ: гораздо важнѣе было другое обстоятельство—то, что книга эта удовлетворяла слишкомъ сильной потребности нашей въ мемуарахъ,—потребности, находящей себѣ слишкомъ мало пищи въ нашей литературѣ. Конечно, если книга эта, интересная какъ мемуары, имѣла, притомъ, и замѣчательныя литературныя достоинства, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ (чего никто не отрицаетъ), тѣмъ лучше; но будь она написана хотя бы не болѣе, какъ только не совсѣмъ дурнымъ слогомъ, успѣхъ ея былъ бы развѣ немногимъ меньше того, какой она имѣла при всѣхъ своихъ настоящихъ литературныхъ достоинствахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, у насъ вовсе нѣтъ мемуаровъ, относящихся до близкаго къ намъ времени, относящихся до современной эпохи рѣшительно нѣтъ. А потребность въ такихъ мемуарахъ очень сильна. Только изъ одной беллетристики мы можемъ литературнымъ образомъ расширить наше знаніе о томъ, что недавно дѣлалось или дѣлается вокругъ насъ. Но дѣло ясное, что одна беллетристика недостаточна въ этомъ случаѣ. Мемуары вездѣ являются во множествѣ, вездѣ читаются съ жадностію, вездѣ приносятъ много и пользы и наслажденія; у насъ только нѣтъ и нѣтъ мемуаровъ. «Да гдѣ же они? Давайте ихъ!»

Г. Щедринъ хочетъ пособить этому недостатку: онъ началъ пе-

чатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (книжка 16-я) разсказы, которые называетъ «Губернскими Очерками». Мы смотримъ на эти разсказы, какъ на отрывки изъ мемуаровъ, — такъ, вѣроятно, смотритъ на нихъ и самъ авторъ. Ни ему, ни намъ нѣтъ никакого дѣла до требованій, какимъ могутъ подлежать разсказы о приключеніяхъ и лицахъ создаваемыхъ фантазіею. Въ литературномъ отношеніи у насъ только одно условіе относительно мемуаровъ: чтобы они были написаны недурно,—не болѣе, совершенствъ и красотъ мы въ нихъ не ищемъ,—напротивъ, эти красоты иногда только мѣшаютъ существенному достоинству мемуаровъ — точной правдивости разсказа. «Губернскіе Очерки» г. Щедрина совершенно удовлетворяютъ этому условію: никто не скажетъ, что разсказъ автора не хорошъ. Бо́льшаго публика и не потребуетъ. Мы не имѣли еще случая слышать, какой успѣхъ имѣютъ въ публикѣ «Губернскіе Очерки», но впередъ можно быть увѣреннымъ, что они не могутъ пройти незамѣченными.

Г. Щедринъ разсказываетъ намъ свои воспоминанія изъ жизни въ нѣкоемъ городѣ Крутогорскѣ; но что это за городъ Крутогорскъ? имя, кажется, выдуманное? Если хотите, имя точно выдумано: почему жь иногда и не придумать какого-нибудь имени, для собственнаго удобства и пользы читателей; дѣло не въ имени, а въ дѣлѣ. Посмотримъ же, что выдумщикъ г. Щедринъ разсказываетъ о выдуманномъ городѣ Крутогорскѣ. Но прежде всего узнаемъ мѣстность, къ которой относитъ г. Щедринъ свои выдумки. Въ другихъ мѣстностяхъ, можетъ быть, ничего такого и не бываетъ, какъ въ Крутогорскѣ.

«Въ одномъ изъ далекихъ угловъ Россіи есть городъ, который какъ-то особенно говоритъ моему сердцу. Не то, чтобы онъ отличался великолѣпными зданіями; нѣтъ въ немъ садовъ семирамидиныхъ, ни одного даже трехэтажнаго дома не встрѣтите вы въ длинномъ рядѣ улицъ, да и улицы-то все немощеныя; но есть что-то мирное, патріархальное во всей его физіономіи, что-то успокоивающее душу въ тишинѣ, которая царствуетъ на стогнахъ его. Въѣзжая въ этотъ городъ, вы какъ будто чувствуете, что каррьера ваша здѣсь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать отъ жизни, что вамъ остается только жить въ прошломъ и переваривать ваши воспоминанія.

«И, въ самомъ дѣлѣ, изъ этого города даже дороги дальше никуда нѣтъ, какъ будто здѣсь конецъ міру: куда ни взглянете вы окрестъ — лѣсъ, луга да степь, степь, лѣсъ и луга; гдѣ-гдѣ вьется прихотливымъ извивомъ проселокъ и бойко проскачетъ по немъ телѣга, запряженная маленькою рѣзвою лошадкой, и опять все затихнетъ, все потонетъ въ общемъ однообразіи....»

Въ этомъ далекомъ отъ насъ городѣ люди живутъ очень патріархально, но съ большими претензіями на свѣтскость и подражаніе Петербургу. Такъ, напримѣръ, хозяйка считаетъ уже своею обязанностью занимать гостей, пріѣхавшихъ съ визитомъ (визиты свирѣпствуютъ въ Крутогорскѣ), тамъ женщины уже не прячутся отъ мужчинъ; мало того: знатныя лица уже сажаютъ на стулья людей, пріѣхавшихъ къ нимъ съ визитомъ, а не разговариваютъ съ ними, держа ихъ въ стоящемъ положеніи; гости, съ своей стороны, стараются вести съ дамами разговоры любезные и занимательные:

„Вотъ наступаетъ воскресенье: весь городъ, съ ранняго утра, въ волненіи, какъ будто томимъ недугомъ. На площадяхъ шумъ и говоръ, по улицамъ ѣзда страшная. Чиновники, не обуздываемые въ этотъ день никакимъ присутственнымъ мѣстомъ, изъ всѣхъ силъ устремляются къ его превосходительству поздравить съ праздникомъ. Случается, что его превосходительство не совсѣмъ благосклонно смотритъ на эти поклоненія, находя, что они вообще не относятся къ дѣлу; но духа времени измѣнить нельзя: „помилуйте, ваше превосходительство, это намъ не въ тягость, а въ сладость!“

„— Сегодня отличная погода, говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ ея превосходительству.

„Ея превосходительство слушаетъ съ видимымъ участіемъ.

„— Только жарко немножко-съ, отзывается уѣздный стряпчій, слегка привставая на креслѣ:—я, ваше превосходительство, потѣю...

„— Какъ здоровье вашей супруги? спрашиваетъ ея превосходительство, обращаясь къ инженерному офицеру, съ очевиднымъ желаніемъ замять разговоръ, принимающій слишкомъ интимный характеръ.

„— Она, ваше превосходительство, всегда въ это время бываетъ въ такомъ положеніи....

„Ея превосходительство рѣшительно теряется.

„Общее смущеніе.

„— А у насъ, ваше превосходительство, говоритъ Порфирій Петровичъ:— случилось на прошлой недѣлѣ обстоятельство. Получили мы изъ Рожновской Палаты бумагу-съ. Читали мы, читали эту бумагу—ничего не понимаемъ, а бумага, видимъ, нужная. Вотъ только и говоритъ Иванъ Кузмичъ: „позовемте, господа, архиваріуса — можетъ быть, онъ пойметъ“. И точно-съ, призываемъ архиваріуса. Прочиталъ онъ бумагу. Понимаешь? спрашиваемъ мы. — „Понимать не понимаю, а отвѣчать могу.“ Вѣрите ли, ваше превосходительство, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ написалъ-это бумагу въ палецъ толщиной, только еще непонятнѣе первой. Однако, мы подписали и отправили.

Общій хохотъ.

„— Любопытно, говоритъ его превосходительство: — удовлетворятся ли Рожновская Палата?

„— Отчего же не удовлетвориться, ваше превосходительство? вѣдь имъ

больше для очистки дѣла отвѣтъ нуженъ: вотъ они возьмутъ да цѣликомъ нашу бумагу куда нибудь и пропишутъ-съ, а то мѣсто опять пропишетъ-съ; такъ оно и пойдетъ..."

Жизнь въ городѣ, гдѣ обхожденіе такъ любезно, а разговоры такъ поучительны, конечно, очень пріятна; потому и у г. Щедрина остались о ней самыя свѣтлыя воспоминанія:

„Да, я люблю тебя, далекій, никѣмъ не тронутый край! Мнѣ милъ твой просторъ и простодушіе твоихъ обитателей! И если перо мое нерѣдко коснется такихъ струнъ твоего организма, которыя издаютъ непріятный и фальшивый звукъ, то это не отъ недостатка горячаго сочувствія къ тебѣ, а потому собственно, что я не желалъ бы слышать эти звуки, которые грустно и болѣзненно отдаются въ моей душѣ. Много есть путей служить общему дѣлу, но смѣю думать, что обнаруженіе зла, лжи и порока также не безполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе къ добру и истинѣ. Смѣю думать, что всѣ мы, отъ мала до велика, видя ту упорную и непрестанную борьбу со зломъ, предпринимаемую тѣми, въ рукахъ которыхъ хранится судьба Россіи,—всѣ мы обязаны, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать этой борьбѣ и облегчать ее.

Изъ трехъ разсказовъ, которые слѣдуютъ у г. Щедрина за общею картиною нынѣшняго состоянія Крутогорска, два имѣютъ одинаковое заглавіе: «Прошлыя времена». Оба они заимствованы изъ бесѣдъ съ однимъ и тѣмъ же старымъ уѣзднымъ служакой, отъ лица котораго и ведутся эти разсказы въ Запискахъ г. Щедрина. Изъ этихъ двухъ разсказовъ мы и сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ. Старый служака жалѣетъ о прежнихъ временахъ, когда все было проще и дружелюбнѣе, нежели нынѣ; въ его бесѣдахъ есть что-то идиллическое, напоминающее преданія поэтовъ о золотомъ вѣкѣ:

„...Нѣтъ, ныньче не то, что было въ прежнее время: въ прежнее время народъ какъ-то проще, любовнѣе былъ. Служилъ я теперича въ земскомъ судѣ засѣдателемъ, триста рублей бумажками получалъ, семействомъ угнетенъ былъ, а не хуже людей жилъ. Прежде знали, что чиновнику тоже пить-ѣсть надо, ну, и мѣсто давали такъ, чтобъ прокормиться было чѣмъ.... А отчего? оттого, что простота во всемъ была, начальственное снисхожденіе было—вотъ что!

„Много было у меня въ жизни случаевъ, доложу я вамъ, случаевъ истинно любопытнѣйшихъ. Губернія наша дальняя, дворянства этого нѣтъ: ну, и жили мы тутъ, какъ у Христа за пазушкой; съѣздишь, бывало, въ годъ разъ, въ губернскій городъ, поклонишься чѣмъ Богъ послалъ благодѣтелямъ и знать больше ничего не хочешь. Этого и не бывало, чтобъ подъ судъ попасть или ревизіи тамъ какія нибудь, какъ ныньче: все шло себѣ какъ по маслу. А вотъ вы, молодые люди, поди-ка, чай, думаете, что ныньче лучше: народъ, дескать,

меньше терпитъ, справедливости больше, чиновники Бога знать стали. А я вамъ доложу, что все это напрасно-съ: чиновникъ все тотъ же, только тоньше, продувнѣе сталъ.... Какъ послушаю я этихъ нынѣшнихъ-то, какъ они и про экономію-то и про благо-то общее начнутъ толковать, инда злость подъ сердце подступаетъ.

„Брали мы, правда, что брали—кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ? да вѣдь и то сказать, лучше, что ли, денегъ-то не брать, да и дѣла не дѣлать? Какъ возьмешь, оно и работать какъ-то сподручнѣе, поощрительнѣе А нынче, посмотрю я, все разговоромъ занимаются, и все больше насчетъ этого безкорыстія, а дѣла не видно.

«Жили мы въ тѣ поры, чиновники, всѣ промежь себя очень дружно. Не то, чтобъ зависть или чернота какая нибудь, а всякій другъ другу совѣтъ и помощь подаетъ. Проиграешь, бывало, въ картишки цѣлую ночь, все дочиста спустишь,—какъ быть? ну, и идешь къ исправнику. Батюшка, Демьянъ Иванычъ, такъ и такъ, помоги! Выслушаетъ Демьянъ Иванычъ, посмѣется начальнически: «вы, молъ. такіе-сякіе, приказные, и деньгу-то сколотить не умѣете, все въ кабакъ, да въ карты!» А потомъ и скажетъ: «ну ужъ нечего дѣлать, ступай въ Шарковскую волость подать сбирать». Вотъ и поѣдешь: подати-то не соберешь, а ребятишкамъ на молочишко будетъ.

«И вѣдь какъ это все просто дѣлалось! не то, чтобъ истязаніе или вымогательство какое нибудь, а пріѣдешь этакъ, соберешь сходъ.—Ну, молъ, ребятушки, выручайте! Царю-батюшкѣ деньги надобны: давайте подати.

«А самъ идешь-себѣ въ избу да изъ окошечка посматриваешь: стоятъ ребятушки да затылки почесываютъ. А потомъ и пойдетъ у нихъ смятеніе, вдругъ всѣ заговорятъ и руками замахаютъ, да вѣдь съ часъ времени этакъ-то прохлаждаются. А ты себѣ сидишь натурально въ избѣ да посмѣиваешься, а часомъ и сотскаго къ нимъ вышлешь: «будетъ, молъ, вамъ разговаривать—баринъ сердится». Ну, тутъ пойдетъ у нихъ суматоха пуще прежняго; начнутъ жеребій кидать. Это значитъ идетъ дѣло на ладъ, порѣшили итти къ засѣдателю, не будетъ ли божеская милость обождать до заработковъ.

«— Э-э-эхъ, ребятушки, да какъ же съ батюшкой Царемъ-то быть! вѣдь ему деньги надобны: вы хошь бы насъ, своихъ начальниковъ, пожалѣли!

«И все это ласковымъ словомъ, не то, чтобъ по зубамъ да за волосы: «Я, дескать. взятокъ не беру, такъ вы у меня знай, каковъ я есть окружный!» —нѣтъ, этакъ лаской да жалѣньемъ, чтобъ насквозь его, сударь, прошибло!

«— Да нельзя ли, батюшка, хоть до Покрова обождать?

«Ну, натурально, въ ноги.

«— Обождать-то, для-че не обождать? это все въ нашихъ рукахъ, да за что жь я передъ начальствомъ въ отвѣтъ попаду—судите сами.

«Пойдутъ ребята опять на сходъ, потолкуютъ, потолкуютъ, да и разойдутся по домамъ, а часика черезъ два, смотришь, сотскій и несетъ тебѣ за подожданье по гривнѣ съ души, а какъ въ волости-то душъ тысячи четыре, такъ и выйдетъ рублевъ четыреста, а гдѣ и больше... Ну, и ѣдешь домой веселѣе.

«А то вотъ у насъ еще фортель какой былъ—это обыскъ повальный. Эти

дѣла мы приберегали къ лѣту, къ самой страдной порѣ. Выѣдешь это на слѣдствіе и начнешь весь окольный народъ сбивать; мало одной волости, такъ и другую прихватишь—всѣхъ тащи. Сотскіе же у насъ были народъ живой, тертый—какъ есть на всѣ руки. Сгонятъ человѣкъ триста, ну, и лежатъ они на солнышкѣ. Лежатъ день, лежатъ другой; у иного и хлѣбъ, что изъ дому взялъ, на исходѣ, а ты себѣ сидишь въ избѣ, будто взаправду занимаешься. Вотъ какъ видятъ, что время уходитъ—полевая то работа не ждетъ—ну, и начнутъ засылать сотскаго: «нельзя ли, дескать, явить милость, спросить въ чемъ слѣдуетъ». Тутъ и смекаешь: коли ребята сговорчивые, отчего жь имъ удовольствіе не сдѣлать, а коли больно много артачиться станутъ, ну, и еще погодятъ денекъ-другой. Главное тутъ дѣло характеръ имѣть, не скучать бездѣльемъ, не гнушаться избой да кислымъ молокомъ. Увидятъ, что человѣкъ-то дѣльный, такъ и поддадутся, да и какъ еще: прежде по гривенкѣ, можетъ, просилъ, а тутъ—шалишь!—по три пятака, дешевле не моги и думать. Покончивши это, и переспросишь ихъ всѣхъ скопомъ:

«— Каковъ, молъ, такой-то Трифонъ Сидоровъ? мошенникъ?

«— Мошенникъ, батюшка, что и говорить, мошенникъ!

«— А вѣдь онъ лошадь-то у Морея укралъ? онъ, ребята?

«— Онъ, батюшка, онъ, должно.

«— А грамотные изъ васъ есть?

«— Нѣтъ, батюшка, какая грамота!

«Это говорятъ мужички повеселѣе: знаютъ, что, значитъ, отпускъ сейчасъ имъ будетъ.

«— Ну, ступайте съ Богомъ да впередъ будьте умнѣе.

«И отпустишь черезъ полчаса. Оно, конечно, дѣла немного, всего на нѣсколько минутъ, да вы посудите, сколько тутъ вытерпишь: сутки двое-трое сложа руки сидишь, кислый хлѣбъ жуешь.... другой бы и жизнь-то всю проклялъ—ну, ничего такимъ манеромъ и не добудетъ".

Много было хорошихъ дѣльцовъ въ старое доброе время,—вотъ, напримѣръ, городничаго Фейера нельзя не похвалить: человѣкъ былъ знающій и къ службѣ усердный.

„Начальство наше все къ нему приверженность большую имѣло, потому какъ собственно онъ изъ воли не выходилъ и все исполнялъ до точности: иди, говоритъ, въ грязь — онъ и въ грязь идетъ, въ невозможности возможность найдетъ, изъ песку веревку совьетъ.

„По той единственно причинѣ ему всѣ его противоестественности съ рукъ и сходили, что человѣкъ онъ былъ золотой. Напишутъ это изъ *губерніи*—рыбу непремѣнно къ именинамъ надо, да такую, чтобъ была рыба, китъ не китъ, а около того. Мечется Фейеръ какъ угорѣлый, мечется и день и другой — есть рыба, да все не такая, какъ надо: то съ рыла вся въ именинника вышла, скажутъ личность, то молокъ мало, то перомъ не выходитъ, величественности совсѣмъ не имѣетъ. А у насъ въ губерніи любятъ, чтобъ каждая вещь въ настоящемъ видѣ была. Задумается Фейеръ да и засадитъ всѣхъ рыболововъ въ сибирку. Тѣ чуть не плачутъ.

„— Да помилуйте, ваше благородіе, гдѣ жь возьмешь этаку рыбу?

„— Гдѣ? а въ водѣ?

„— Въ водѣ-то, знамо дѣло, что въ водѣ; да гдѣ ее искать-то въ водѣ?

„— Ты рыболовъ? говори, рыболовъ ли ты?

„— Рыболовъ-то я точно, что рыболовъ....

„— А начальство знаешь?

„— Какъ не знать начальства! завсегда знаемъ.

„— Ну, слѣдственно....

„И являлась рыба, и такая именно, какъ быть слѣдуетъ, во всѣхъ статьяхъ.“

„Присланъ былъ къ намъ Фейеръ изъ другаго города за отличіе, потому что нашъ городъ торговый и на рѣкѣ судоходной стоитъ. Передъ нимъ былъ городничій старикъ, и такой слабый да добрый. Осѣдлали его здѣшніе граждане. Вотъ пріѣхалъ Фейеръ на городничество и сзываетъ всѣхъ заводчиковъ а у насъ ихъ не мало—до пятидесяти штукъ въ городѣ-то).

„— Вы, молъ, такъ и такъ, платили старику по десяти рублевъ, ну, а мнѣ, говоритъ, этого мало: я, говоритъ, на десять рублевъ наплевать хотѣлъ, а надобно мнѣ три бѣленькихъ съ каждаго хозяина.

„Такъ куда тебѣ, и слушать не хотятъ.

„— Видали мы-ста экихъ щелкоперовъ....

„Онъ было вспыхнулъ.

„— Ну, говоритъ, такъ не хотите по три бѣленькихъ?

„— Пять рубликовъ, кричатъ:—ни копѣйки больше.

„— Ладно, говоритъ.

„Черезъ недѣлю глядь, что ни на есть къ первому кожевенному заводчику съ обыскомъ: «кожи-то, молъ, у тебя краденыя». Краденыя не краденыя, однако, откуда взялись, и у кого купилъ, заводчикъ объясниться не могъ.

„— Ну, говоритъ: не давалъ трехъ бѣленькихъ, давай пятьсотъ.

„Тотъ было ужь и въ ноги, нельзя ли поменьше, такъ куда тебѣ, и слушать не хочетъ.

„Отпустилъ его домой, да не одного, а съ сотскимъ. Принесъ заводчикъ деньги, да все думаетъ, не будетъ ли милости, не согласится ли на двѣсти рублевъ. Сосчиталъ Фейеръ деньги и положилъ ихъ въ карманъ.

„— Ну, говоритъ, принеси остальные триста.

„Опять кланяться сталъ купецъ, да нѣтъ, одеревенѣлъ человѣкъ, какъ одеревенѣлъ, твердитъ одно и то же. Попробовалъ еще сотню принесъ,—и ту въ карманъ положилъ, и опять:

„— Остальные двѣсти!

„И не выпустилъ-таки изъ сибирки, доколѣ всѣ сполна не заплатилъ.

„Видятъ парни, что дѣло дрянь выходитъ; и каменьями-то ему въ окна кидали, и ворота дегтемъ по ночамъ обмазывали, и собакъ цѣпныхъ отравливали — неймётъ ничего! Раскаялись. Пришли съ повинной, принесли по три бѣленькихъ, да не на того напали.

„Нѣтъ, говоритъ: не дали, какъ самъ просилъ, такъ не надо жь мнѣ ничего коли такъ.

„Такъ и не взялъ: смекнулъ, видно, что по разнотѣ-то складнѣе, нежели скопомъ.“

Мы не будемъ рѣшать въ точности, каковы литературныя достоинства этого разсказа: надобно ли только назвать его недурнымъ, или положительно хорошимъ или прекраснымъ, — для насъ, вѣроятно и для публики, это второстепенный вопросъ: главное то, что мемуары г. Щедрина интересны. Мы увѣрены, что публика наградитъ своимъ сочувствіемъ автора за то, что онъ вздумалъ подѣлиться съ нею своими записками о губернской жизни.

Въ томъ же нумерѣ «Русскаго Вѣстника» есть другая статья, также заслуживающая вниманія и одобренія. Это—небольшая «Замѣтка», написанная г. Безобразовымъ «по поводу статьи г. члена Вольнаго Экономическаго Общества, статскаго совѣтника Бланка: «Русскій помѣщичій крестьянинъ».

Статья г. Бланка обнаруживаетъ незнакомство автора съ предметомъ, о которомъ взялся онъ судить очень смѣло. Незнаніе вовлекло его въ важныя ошибки; а такъ какъ «Труды» Вольнаго Экономическаго Общества, въ которыхъ напечатана его статья, расходятся въ значительномъ числѣ экземпляровъ, и потому ошибочныя понятія г. Бланка могли бы многихъ ввести въ заблужденіе, то г. Безобразовъ поступилъ прекрасно, предупредивъ своею «Замѣткою» возможность недоумѣнія относительно вопросовъ, слишкомъ легкомысленно обсуживаемыхъ г. Бланкомъ. Возраженія написаны съ благороднымъ негодованіемъ на излишнюю рѣшительность тѣхъ людей, которые безъ всякихъ знаній берутся судить и рядить о важныхъ ученыхъ и практическихъ вопросахъ, да еще и вопіять противъ людей, которые, изучивъ предметъ, смѣютъ думать иначе. Еще больше возбуждаетъ негодованіе г. Безобразова низкое понятіе г. Бланка о русскомъ народѣ (къ которому принадлежатъ крестьяне).

«Г. Бланкъ (говоритъ авторъ «Замѣтки») начинаетъ свою статью выраженіемъ сожалѣнія *о распространеніи иностранцами и за ними нѣкоторыми русскими ложной идеи, будто невольничество или рабство одно и то же, что крѣпостное состояніе*.. Въ этомъ отношеніи мы можемъ совершенно успокоить автора: сколько намъ извѣстно, никто, сколько нибудь знакомый съ исторіей и значеніемъ названныхъ понятій, ни въ Западной Европѣ, ни въ Россіи, никогда не выражалъ подобной мысли и потому не занимался столь страшною въ глазахъ автора пропагандою, точно такъ же, какъ никто не принимаетъ за одно и то же мѣщанство и дворянство въ Россіи и буржуазію и феодальную аристократію въ Европѣ. Если и были дѣлаемы подобныя сравненія, то только для уясненія различій въ развитіи и внутреннемъ строеніи общественныхъ

сословій у насъ и на Западѣ. Притомъ же, указываемое авторомъ заблужденіе было бы, какъ мы увидимъ ниже, весьма странно, потому что крѣпостное состояніе — явленіе вовсе не чуждое Западной Европѣ: оно было, хотя съ нѣсколькими отличіями отъ русскаго, у всѣхъ европейскихъ народовъ. Авторъ говоритъ: «Это послѣднее учрежденіе (крѣпостное состояніе), *совершенно оригинальное, составляетъ исключительную собственность нашего отечества, не* будучи вовсе похоже ни на состояніе невольничества на Востокѣ и въ англійскихъ и другихъ колоніяхъ Азіи, Африки и Америки, ни на рабство, бывшее въ Римской имперіи и потомъ въ прочихъ государствахъ Западной Европы»

Чтобы опровергнуть его сужденія, основанныя на одномъ совершенномъ незнаніи, г. Безобразовъ дѣлаетъ выписку изъ экономическаго словаря Коклена и Гильйомена. Отрывокъ этотъ въ состояніи убѣдить каждаго, что западные экономисты очень хорошо знаютъ различіе между рабствомъ и крѣпостнымъ состояніемъ, и также осязательно показываетъ, что крѣпостное состояніе существовало нѣкогда во всѣхъ европейскихъ государствахъ, стало быть, вовсе не есть явленіе, которое можно было бы (подобно г. Бланку) считать свойственнымъ исключительно русской народности. Далѣе г. Бланкъ разсуждаетъ о западныхъ пролетаріяхъ, о смутахъ, которыя производятся этими пролетаріями, о томъ, что крѣпостное право предохраняетъ насъ отъ пролетаріата. Г. Безобразовъ очень справедливо замѣчаетъ на это:

„Какъ ни убѣдительны слова автора, но съ ними весьма трудно согласиться. Почему же, спросимъ мы его, нѣтъ у насъ пролетаріата не только въ одномъ крѣпостномъ состояніи, но и во всѣхъ другихъ, не только сельскихъ, но и городскихъ сословіяхъ? почему же нѣтъ и тѣни его въ званіи всякаго наименованія государственныхъ поселянъ, въ званіи обязанныхъ, государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ? Авторъ видитъ причину спасенія нашего отечества отъ язвы пауперизма не тамъ, гдѣ она дѣйствительно находится: эта причина въ самомъ характерѣ нашего общественнаго устройства и хозяйственнаго порядка, въ самомъ способѣ владѣнія землей, одинаково дѣйствующемъ посреди всѣхъ безъ изъятія званій сельскихъ жителей, въ нашемъ народномъ бытѣ, ограждающемъ и сельскаго и городскаго жителя, какого бы они ни были состоянія, отъ безнадежной нищеты и бездомства, и наконецъ (и это главное) въ излишкѣ земли противъ потребностей народонаселенія. При всей нашей готовности вѣрить въ самое искреннее попеченіе нашихъ помѣщиковъ о благосостояніи ввѣренныхъ имъ крестьянъ, мы не думаемъ, чтобы, при другихъ условіяхъ, они были въ силахъ его обезпечить. Не лишнимъ также считаемъ мы, если не припомнить автору, то замѣтить здѣсь, что сельское населеніе въ Западной Европѣ далеко не принимало того участія въ печальныхъ экономическихъ и политическихъ событіяхъ За-

падной Европы, какъ городское; напротивъ того, оно было всегда лучшимъ представителемъ охранительныхъ элементовъ во всѣхъ государствахъ и только изрѣдка и, такъ сказать, вслѣдствіе всеобщей заразы было затронуто пауперизмомъ и духомъ возмущенія, гнѣздившимся преимущественно въ городскомъ рабочемъ классѣ".

Г. Бланкъ, пускаясь въ историческія фантазіи, воображаетъ, будто бы крѣпостное право всегда существовало въ русской землѣ; по своему незнанію, онъ смѣшиваетъ немногочисленныхъ холоповъ (дворовыхъ служителей), существовавшихъ въ старину, съ поселянами, которые не имѣютъ съ ними ничего общаго и прикрѣплены къ землѣ только уже въ концѣ XVI вѣка, всего какихъ нибудь двѣсти-шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Г. Безобразовъ выписками изъ статей г. Чичерина «О несвободныхъ состояніяхъ въ Россіи» снова обнаруживаетъ грубость ошибки г. Бланка, очевидную, впрочемъ, для всякаго, хотя въ уѣздномъ училищѣ учившагося русской исторіи по книжкѣ г. Устрялова. «Замѣтка» оканчивается слѣдующимъ образомъ:

„До сихъ поръ разсужденія автора статьи *Русскій помѣщичій крестьянинъ* о разнымъ выраженіяхъ изъ древняго русскаго права и быта, или, лучше, игра этими выраженіями, были только игрою и могли вызвать только улыбку сожалѣнія со стороны читателя о понапрасну истраченныхъ досугахъ между сельскими занятіями; но какъ злоупотребленіе всякою игрою можетъ повести иной разъ къ весьма печальнымъ результатамъ, такъ и авторъ приходитъ послѣ *своего историческаго очерка* къ заключенію, которое, *мы*, по крайней мѣрѣ, отказываемся называть шуткою, ибо убѣждены, что такое заключеніе въ рукахъ людей опытныхъ можетъ сдѣлаться далеко не шуткою. Вотъ оно, приводимъ его собственными словами автора:

„Итакъ, вотъ высокая идея связи власти съ повиновеніемъ, основанной на взаимныхъ выгодахъ, на заботливости о благосостояніи подчиненнаго лица и вмѣстѣ съ тѣмъ объ исполненіи имъ своего долга; твердыня. на которой создано помѣщичье и крѣпостное состояніе въ Россіи, существующее тысячелѣтіе; человѣколюбивѣйшая политика, обезпечивающая продовольствіе народа на самой власти, имъ управляющей, на самыхъ капиталахъ, заключающихся въ землѣ, ими же обработываемой; патріархальный семейный союзъ, безмысленно осуждаемый только эгоистами, желающими избавиться отъ священныхъ обязательствъ, которыя они имѣютъ относительно рабочаго класса, или людьми, не имѣющими поземельной собственности или пренебрегающими ею, или, наконецъ, слѣпыми подражателями и превозносителями нѣкоторыхъ западныхъ идей, заслужившихъ, подъ блескомъ ложной филантропіи историческій патентъ разрушенія, неустроицы, варварства, грабежей и разврата. Укажите хотя на одно учрежденіе въ мірѣ, съ котораго были бы сколкомъ оригинальныя учрежденія Россіи о кабальныхъ и потомъ крѣпостныхъ крестьянахъ, проистекшія

изъ ея народной опытности и самобытности, естественныя по ея мѣстоположенію и значенію, какъ государства преимущественно земледѣльческаго, какъ житницы Европы, —неизмѣнно съ усовершенствованіями пережившія и удѣльную систему, и вѣче, и владычество иноплеменныхъ татаръ, и бѣдственныя времена междуцарствія, и всѣ перемѣны, которымъ подверглось древнее русское законодательство вообще".

„Послѣ вышесдѣланныхъ нами указаній на порядокъ прикрѣпленія помѣщичьихъ крестьянъ къ землѣ и выписокъ изъ изслѣдованій объ образованіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи, — какъ эти указанія и выписки ни кратки, мы можемъ сказать уже автору: нѣтъ, крѣпостное состояніе, окончательно утвержденное законодательствомъ не ранѣе начала XVIII столѣтія, не *твердыня* могущества Россіи, существующая тысячелѣтіе, нѣтъ не оно дало силы русскому народу выдержать и удѣльную систему, и иго татаръ, и многія другія порабощенія; это не учрежденіе, коренящееся въ древнемъ русскомъ патріархальномъ союзѣ,—нѣтъ! это государственная мѣра, необходимо вызванная потребностями государственнаго благоустройства въ XVII вѣкѣ, точно такъ же, какъ было сообразною съ потребностями времени государственною мѣрою и прикрѣпленіе къ Средневѣковой Россіи другихъ сословій, бояръ и служилыхъ людей изъ вольныхъ слугъ, и какъ было государственною же мѣрою, сообразною съ потребностями другаго времени, надѣленіе дворянъ, при Екатеринѣ Великой, разными правами и преимуществами и дарованіе городскому сословію жалованной грамоты.

„Въ остальной части своей статьи г. Бланкъ всѣми силами превозноситъ нынѣ существующій у насъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ хозяйства и отношеній землевладѣльцевъ къ крестьянамъ. Многое бы хотѣли мы сказать, но воздерживаемся до другого раза. Говоря о русскомъ крестьянинѣ, авторъ не находитъ другихъ словъ, для изображенія естественныхъ его наклонностей, какъ: лѣность, пьянство, развратъ, воровство, бродяжничество, буйство, непокорность, своеволіе и т. д., — не можемъ умолчать о томъ тяжкомъ чувствѣ, которое оставила въ насъ эта характеристика. Какъ? Неужели вы не могли отъискать на вашей палитрѣ, столь щедрой для описанія печальнаго положенія западнаго пролетарія, другихъ, болѣе успокоительныхъ для глазъ, красокъ, когда стали говорить о русскомъ крестьянинѣ? Но этотъ народъ, вы сами же намъ сказали, вынесъ на себѣ удѣльную систему, иго татаръ, бѣдствія междоусобія, и вынесъ на своихъ плечахъ; онъ вынесъ на нихъ и много другихъ тяжелыхъ для насъ испытаній; онъ же стоялъ на бастіонахъ Севастополя; онъ же и теперь съ безпредѣльною покорностію передъ своею судьбою, терпѣливо возлагая свою участь на милость Бога и Царя, и твердо во всемъ на нее уповая, непоколебимо идетъ тою же своею сѣрою полоской и съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ во дни славы, какъ и во дни бѣдствій Россіи, тащитъ по родимой землѣ свою неуклюжую соху. Неужели нельзя было представить болѣе утѣшительную картину жизни русскаго крестьянина и, вспоминая все то, чѣмъ онъ обязанъ помѣщику, можно было бы не вспомнить и всего того, чѣмъ мы ему обязаны? Но оплакивать судьбу людей отстоящихъ отъ насъ

такъ далеко, какъ западный пролетарій, можетъ быть, легче, этотъ плачъ не влечетъ за собою никакихъ практическихъ послѣдствій.

„Наконецъ да позволено будетъ намъ одно послѣднее размышленіе. Не воспоминаніями о холопствѣ и кабалѣ древней Россіи и разрытіемъ могилъ, давно заросшихъ и новыми цвѣтами и новыми терніями, можетъ улучшить помѣщикъ быть ввѣренныхъ его попеченію крестьянъ и подвинуть собственное и ихъ благосостояніе. Нѣтъ! подобныя воспоминанія не только безплодны, но могутъ быть даже вредны; ибо, смотря назадъ, мы не можемъ въ то же время смотрѣть впередъ“.

Въ дополненіе къ статьѣ г. Костомарова о древнемъ русскомъ стихотвореніи «Горе-Злочастіе» помѣщаемъ здѣсь замѣтку о томъ же предметѣ, написанную однимъ изъ нашихъ ученыхъ. Стихотвореніе, открытое г. Пыпинымъ, имѣетъ особенную важность для исторіи нашей литературы именно потому, что представляется единственнымъ образцомъ эпическаго разсказа изъ частнаго быта. Г. Буслаевъ, въ своей статьѣ о «Горѣ-Злочастіи», интересной потому, что въ ней помѣщены многіе отрывки изъ рукописей, не признаетъ этого качества за стихотвореніемъ которое было напечатано въ нашемъ журналѣ. Вопросъ важенъ для литературы, и во взглядѣ на него мы вполнѣ согласны съ мнѣніями г. Костомарова и автора слѣдующей замѣтки.

«Въ 13—14 нумерахъ «Русскаго Вѣстника» помѣщена была обширная статья г. Буслаева по поводу древняго русскаго стихотворенія о «Горѣ-Злочастіи», изданнаго въ мартовской книжкѣ «Современника» нынѣшняго года. Не ограничиваясь ближайшимъ разсмотрѣніемъ этого памятника, авторъ счелъ нужнымъ обставить его другими фактами древней нашей письменности, гдѣ бы выражались явленія стариннаго быта, нашедшія себѣ мѣсто и въ повѣсти о «Горѣ»: такъ какъ первымъ началомъ несчастій добраго молодца, героя нашей повѣсти, была его разгульная жизнь, которая отчасти и обличается въ стихотвореніи, то г. Буслаевъ свелъ нѣкоторыя свидѣтельства старины о распространеніи этого порока въ русской жизни того времени, или по духовнымъ поученіямъ, русскимъ и переводнымъ, или же по свѣтскимъ сочиненіямъ и повѣстямъ, описывающимъ происхожденіе и вредъ хмѣльнаго питія. Статьи въ родѣ повѣсти «о худоумныхъ пьяницахъ» значительно распространены въ сборникахъ XVII—XVIII столѣтія и, конечно, доставляли запасъ поучительнаго чтенія, нерѣдко имѣвшій приложеніе къ жизни. Иныя изъ этихъ повѣстей принадлежали, безъ со-

мнѣнія, русскимъ сочинителямъ. По близости своихъ сюжетовъ къ житейскимъ случаямъ, онѣ съ любопытствомъ перечитывались и наконецъ въ самой внѣшности получили отпечатокъ народнаго склада. Впрочемъ, наше стихотвореніе только одною стороною, и то далёко не главною, сходится съ этими на половину книжными произведеніями. Существенная мысль его прямо указана въ заглавіи стихотворенія: это—повѣсть о «Горѣ-Злочастіи», которое, въ самомъ дѣлѣ, является въ ней, конечно, столь же рѣзко очерченнымъ, какъ и личность добраго молодца. Завязка и весь ходъ стихотворенія ясно ведутъ къ тому, чтобы вывести на сцену это загадочное существо со всѣми его особенностями и аттрибутами. Оно занимаетъ въ стихотвореніи главную роль: какъ мало участвовала въ его изображеніи фантазія отдѣльнаго автора и какъ, слѣдовательно, необходимы были черты, съ какими является здѣсь «Горе-Злочастіе», можно судить по сравненію съ народными пѣснями, до сихъ поръ сохранившими съ большой свѣжестью представленіе объ этомъ лицѣ. Такое единство изображенія его въ памятникахъ народной словесности, раздѣленныхъ и пространствомъ и временемъ, само собою указываетъ, что образъ «Горя-Злочастія» былъ сильно напечатлѣнъ въ народныхъ понятіяхъ: онъ постоянно рисуется однѣми эпическими чертами и, безъ сомнѣнія, сохраняетъ въ себѣ отголосокъ древняго миѳическаго смысла. Г. Буслаевъ не признаетъ, впрочемъ, въ «Горѣ-Злочастіи» миѳическаго значенія, считая его такимъ же поэтическимъ олицетвореніемъ, какимъ является «злодѣй-тоска» въ нашихъ пѣсняхъ, или «правда и кривда» въ стихѣ о «Голубиной Книгѣ». Въ статьѣ г. Костомарова, въ нынѣшней книжкѣ «Современника», читатели найдутъ защиту противоположнаго мнѣнія, которое и намъ кажется болѣе близкимъ къ истинѣ. Поэтическое олицетвореніе, правда, имѣетъ свою долю участія въ народныхъ произведеніяхъ; но его не слѣдуетъ смѣшивать съ такимъ поэтическимъ олицетвореніемъ, которое осталось какъ слѣдъ стариннаго миѳическаго пониманія. Олицетворенія, которыми преисполнено Слово о Полку Игоревѣ, очевидно имѣютъ свое основаніе глубже простаго поэтическаго созерцанія, и именно въ миѳическихъ вѣрованіяхъ народа. Современная народная поэзія нерѣдко сохраняетъ тѣ же образы и картины, съ тою только разницею, что для нынѣшнихъ поколѣній давно уже исчезла возможность принимать эти образы въ древнемъ ихъ значеніи; но если

теперь они стали чисто-формальной принадлежностью пѣсни или сказки, это не отнимаетъ у нихъ прежняго смысла, дававшаго имъ мѣсто въ ряду космогоническихъ воззрѣній народнаго эпоса. Есть средство опредѣлять достоинство поэтическаго олицетворенія и по внѣшнему развитію образа: можно сомнѣваться въ его миѳологическомъ значеніи, когда онъ является частной и мелкой подробностью въ цѣломъ произведеніи, когда олицетвореніе играетъ роль болѣе или менѣе постороннюю для главнаго сюжета. «Горе-Злочастіе», напротивъ, выступаетъ вездѣ, какъ строго опредѣленная личность, понятая вполнѣ антропоморфически: олицетвореніе, доведенное до такихъ обширныхъ размѣровъ, было бы возможно развѣ только у сочинителя, очень знакомаго съ пріемами школьной піитики,—въ нашемъ же авторѣ, конечно, никто не станетъ подозрѣвать охоты къ аллегоріямъ, иносказаніямъ и тому подобнымъ реторическимъ тонкостямъ. Наконецъ, самая эпоха нашего стихотворенія, еще сильно привязанная къ стариннымъ повѣрьямъ, уцѣлѣвшимъ отъ языческаго быта,—эта эпоха наводитъ на мысль, что личность «Горя-Злочастія», миѳологическая въ своемъ древнемъ основаніи, и тогда могла быть понимаема съ подобной точки зрѣнія: иначе, она еще могла занимать мѣсто въ народной демонологіи, изъ которой, кажется, уже исчезла въ наше время.

Г. Буслаевъ чувствовалъ необходимость указать миѳическую сторону въ содержаніи нашей повѣсти и, сближая ее съ западными и русскими преданіями, опирался единственно на первыхъ строкахъ повѣсти, составляющихъ родъ введенія къ дальнѣйшему разсказу. Но сравненіе нашего преданія съ западной «Пляской Смерти» и другими представленіями этого рода, слишкомъ отдаленно, если не натянуто. Какъ ни будемъ принимать начало нашего стихотворенія, говорящее объ Адамѣ и Евѣ, — позднѣйшей ли прибавкой, или дѣйствительною частью стихотворенія,—это начало имѣетъ съ главнымъ разсказомъ только отвлеченную связь: содержаніе ихъ различно и въ сущности независимо одно отъ другаго, и сближеніемъ нашей повѣсти съ произведеніями въ родѣ поэмы «Danse aux Aveugles», Петра Мишо, французскаго писателя XV столѣтія, г. Буслаевъ опять можетъ скорѣе дать превратное понятіе о мѣстѣ, какое повѣсть о «Горѣ-Злочастьи» должна занимать въ средѣ нашего народнаго эпоса. Далѣе, называя нашу повѣсть *старческой пѣсней*,

какъ это сдѣлалъ г. Срезневскій, напечатавшій стихотвореніе въ академическихъ «Извѣстіяхъ», и за нимъ г. Буслаевъ,—мы едва ли вѣрно обозначимъ ея характеръ. Старческая пѣсня, или, какъ чаще говорятъ, духовный стихъ не былъ первоначальнымъ родомъ нашего народнаго эпоса, какъ былина или сказка; какъ явленіе христіанское, онъ образовался въ позднѣйшую пору, когда новое направленіе народныхъ понятій требовало и новаго поэтическаго выраженія. Авторъ статьи о «Горѣ-Злочастіи» опредѣляетъ, между прочимъ, значеніе духовнаго стиха, считая его и сказку двумя позднѣйшими формами, въ какія развилась наша духовная поэзія. «Послѣ сказки, другая художественная форма—говоритъ онъ—къ которой наша эпическая поэзія получила дальнѣйшее развитіе, есть духовный стихъ или старческая пѣсня. Въ немъ тотъ же спокойный и ровный разсказъ, то же невозмутимое теченіе рѣчи, обильное эпическими выраженіями, то же отсутствіе личныхъ интересовъ пѣвца. Несмотря на то, нельзя не замѣтить, что народная поэзія наша сдѣлала значительный шагъ впередъ въ этомъ родѣ стихотвореній. Первоначальныя эпическія пѣсни, которыя у древнерусскихъ грамотниковъ слыли за мірскія или бѣсовскія, глубоко коренились въ языческой старинѣ нашихъ предковъ, такъ что и самъ Владиміръ, по народному эпитету, Красное Солнышко, окруженный своими богатырями, является въ нихъ только какъ герой мірской, съ своими богатыми пирами. Еще болѣе языческой старины должны были видѣть благочестивые грамотники въ пѣсняхъ хороводныхъ, свадебныхъ и другихъ обрядныхъ. Что же касается до духовнаго стиха, то въ немъ наши предки нашли примиреніе просвѣщенной христіанствомъ мысли съ народнымъ поэтическимъ творчествомъ. Но такъ какъ между христіанскою идеею и поэтическою ея обработкою въ стихѣ не было никакого посредствующаго звена, то есть пѣвцы излагали свои христіанскія убѣжденія, не руководствуясь никакими литературными поэтическими образцами, то духовный стихъ вышелъ такъ же свѣжъ и наивенъ, какъ и прочія народныя пѣсни... Поэзіи мало было мѣста въ литературѣ строго религіозной, направленной къ практическимъ цѣлямъ—распространенія элементарныхъ началъ просвѣщенія. Отсюда понятно, почему богатые матеріалы повѣствовательнаго и даже высоко-поэтическаго содержанія, собранные въ переводныхъ патерикахъ Скитскомъ и Синайскомъ, въ нашемъ патерикѣ Печерскомъ и въ богатѣйшихъ

собраніяхъ житій святыхъ, не вошли въ содержаніе народныхъ стиховъ, оставаясь достояніемъ немногихъ грамотниковъ. Изданіе духовныхъ стиховъ г. Кирѣевскаго убѣдитъ всякаго, что этотъ родъ нашей безъискуственной поэзіи ограничился самымъ тѣснымъ кругомъ нѣкоторыхъ житій святыхъ, пѣснями о началѣ и концѣ міра, немногими нравоучительными и аскетическими стихотвореніями... Слѣпые старцы и калики перехожіе, какъ въ старину называли нашихъ бродячихъ пѣвцовъ, не имѣли такого образованія, какое необходимо для изученія и возсозданія религіозныхъ повѣствовательныхъ матеріаловъ. Да и сама старинная публика, привыкшая къ повторительному слушанію однѣхъ и тѣхъ же эпическихъ пѣсенъ, не могла быть взыскательною къ однообразному содержанію духовныхъ стиховъ. Впрочемъ, надобно полагать, что калики перехожіе, люди бывалые, странствовавшіе по святымъ мѣстамъ, хранили нѣкоторыя литературныя преданія. По крайней мѣрѣ, они были проводниками посредствомъ которыхъ немногія книжныя свѣдѣнія переходили въ безграмотную массу народа. И хотя они пользовались народнымъ пѣсеннымъ складомъ, однако, книжная начитанность не могла не положить замѣтныхъ слѣдовъ на ихъ произведенія, что особенно выразилось въ значительномъ господствѣ церковно-славянскаго элемента надъ разговорнымъ русскимъ въ языкѣ духовныхъ стиховъ. Впрочемъ, проходя чрезъ поколѣнія безграмотныхъ старцевъ, они болѣе и болѣе высвобождались изъ-подъ этого элемента и принимали болѣе развязное теченіе языка разговорнаго. Этимъ объясняется разнообразіе и неровность слога въ духовныхъ стихахъ». Такимъ образомъ, духовный стихъ держится постоянно въ одной опредѣленной сферѣ и въ ней ограничился только немногими житіями святыхъ и нѣкоторыми нравственными положеніями. Только немногіе изъ духовныхъ стиховъ, каковы, напримѣръ, стихъ о «Голубиной книгѣ», о «Георгіи Храбромъ», возвышаются до многозначительнаго эпическаго изложенія. Причина этого лежитъ, повидимому, въ обширномъ значеніи самаго содержанія, входившаго въ кругъ чисто народныхъ поэтическихъ представленій о судьбѣ природы и человѣка, или же доставлявшаго возможность эпическаго развитія, какъ въ стихахъ о Борисѣ и Глѣбѣ и другихъ. Но вездѣ одинаково въ основѣ этихъ произведеній лежатъ или христіанскія воззрѣнія, или христіанскія личности, такъ что и выходя иногда изъ обыкновенныхъ границъ сво-

нихъ, смѣшиваясь въ частностяхъ съ былиной, духовный стихъ вообще не можетъ существовать внѣ этихъ коренныхъ основаній. Потому сюжетъ «Горя-Злочастія» едва ли можетъ быть отнесенъ къ числу предметовъ, дающихъ содержаніе стиху: чисто поэтическое представленіе не подчинено въ немъ спеціально духовному до такой степени, какъ во всѣхъ другихъ произведеніяхъ этой религіозной поэзіи. Но начало и конецъ стихотворенія, спросятъ насъ: что касается до начальныхъ стиховъ, то, во-первыхъ, еще нельзя доказать, что они нераздѣльно соединяются съ самымъ разсказомъ; во-вторыхъ, при совершенно отличномъ содержаніи, они служатъ только къ тому, чтобы провести извѣстный поучительный тонъ Въ сущности только послѣдніе стихи о монастырской жизни даютъ стихотворенію колоритъ, свойственный старческимъ пѣснямъ; если же обратить вниманіе на главныя черты содержанія и выраженія, преобладающія въ цѣломъ стихотвореніи, то нельзя не замѣтить значительной разницы между нашей повѣстью и духовными стихами. Вѣрные своему происхожденію, эти послѣдніе отличаются обыкновенно аскетическимъ, безстрастнымъ къ житейскимъ интересамъ, настроеніемъ, которое, обнаруживаясь часто и въ языкѣ стремленіемъ къ формамъ церковнаго нарѣчія, составляетъ одну изъ коренныхъ принадлежностей стиха. Иные стихи до того проникнуты этимъ тономъ и архаическимъ стилемъ, что въ нихъ трудно бываетъ признать народное произведеніе; другіе и вовсе не имѣютъ въ себѣ народнаго начала, какъ прямое сочиненіе полуграмотныхъ старцевъ: даже пріобрѣтая популярность, подобные стихи сохраняютъ иногда свою первоначальную грубую форму, такъ какъ интересъ ихъ заключается только въ благочестивомъ содержаніи. Примѣры можно видѣть и въ изданіи Кирѣевскаго и въ нѣкоторыхъ выпискахъ г. Буслаева. Въ «Горѣ-Злочастіи», напротивъ, какъ, съ одной стороны, нельзя найти ничего, чтобы могло оскорбить слухъ, привыкшій къ вѣрному теченію народно-поэтическаго слова, такъ, съ другой стороны, нѣтъ и односторонняго піэтизма, присутствіе котораго едва ли бываетъ выгодно въ художественномъ отношеніи. Взглядъ неизвѣстнаго автора на несчастныя похожденія добраго молодца не страдаетъ никакими пристрастіями: рисуя отношенія своего героя къ преслѣдующему его «Горю-Злосчастію», онъ какъ будто остается хладнокровнымъ свидѣтелемъ; въ пріемахъ его нельзя уловить ни желанія поучать, ни стремленія къ другимъ

напередъ задуманнымъ цѣлямъ. Словомъ, вся манера представленія не подходитъ къ обыкновенному міросозерцанію, проявляющемуся въ духовныхъ стихахъ. Своимъ складомъ и картинами повѣсть о «Горѣ-Злочастіи» до такой степени близка къ произведеніямъ чистаго эпоса, что мы охотнѣе относимъ ее къ отдѣлу мірской старинной поэзіи: она ближе къ былинѣ, чѣмъ къ старческой пѣснѣ; авторъ ея скорѣе народный пѣвецъ, чѣмъ слѣпецъ-нищій. Къ тому же результату привелъ бы, безъ сомнѣнія, и внимательный разборъ стихотворенія со стороны языка и слога.

«По содержанію, наша повѣсть не можетъ быть вполнѣ причислена ни къ духовному эпосу, ни къ эпосу былины. Въ ней вовсе нѣтъ историческаго элемента, принадлежащаго послѣднему; нѣтъ и духовнаго сюжета, какіе обыкновенно развиваются въ первомъ: это—свѣтская *повѣсть*, за которой всего приличнѣе оставить названіе, данное ей въ старинной рукописи. Было уже замѣчено, что нѣкоторыя мѣста этой повѣсти почти буквально повторяются въ пѣсняхъ, — одна пѣсня «Безпечальна меня мати породила» вставлена цѣликомъ въ повѣсть, и это сближеніе снова говоритъ въ пользу нашей мысли. Пѣсни, съ которыми сходится повѣсть о «Горѣ»,—пѣсни чисто свѣтскія, по идеѣ совершенно отличныя отъ религіозныхъ старческихъ пѣсенъ. Полная параллель нашего стихотворенія съ его источниками, отрывками или варіантами въ пѣсняхъ, была бы очень любопытна».

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

ОКТЯБРЬ 1856.

Читатели знаютъ изъ газетъ, что редакцію «Библіотеки для Чтенія» принялъ на себя г. Дружининъ, и, конечно, раздѣляютъ нашу увѣренность, что теперь русская литература будетъ имѣть однимъ хорошимъ журналомъ болѣе. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что новый редакторъ придастъ новую жизнь старшему изъ нашихъ литературныхъ журналовъ: въ томъ ручаются и извѣстныя достоинства г. Дружинина, какъ писателя и независимое положеніе его въ литературномъ кругу, и общее уваженіе, которымъ онъ пользуется отъ всѣхъ своихъ собратовъ по литературѣ. «Современникъ» имѣлъ въ г. Дружининѣ одного изъ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ втеченіе всѣхъ десяти лѣтъ своего существованія, и мы должны при настоящемъ случаѣ выразить ему за то искреннюю признательность: справедливость требуетъ признать, что г. Дружинину нашъ журналъ обязанъ многимъ. Продолжительныя и тѣсныя отношенія «Современника» съ г. Дружининымъ убѣждаютъ насъ, что онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые наиболѣе способны оживить и возвысить въ мнѣніи публики журналъ. Его обширная начитанность, его близкое знакомство съ иностранными литературами, его тонкій вкусъ и вѣрный тактъ, его неутомимая дѣятельность, качества, столь драгоцѣнныя и столь рѣдкія — служатъ лучшими ручательствами за то, что журналъ, имъ управляемый, выйдетъ на прекрасный путь. Многочисленные почитатели таланта г. Дружинина должны быть [illegible] за то, что [illegible] «Библіотеки для Чтенія» не будетъ [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] публики.

Программа, [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

бліотека для Чтенія» подъ управленіемъ новаго редактора, написана съ тактомъ, который производитъ самое выгодное впечатлѣніе, и въ такомъ тонѣ, который внушаетъ довѣріе къ надеждамъ и обѣщаніямъ обновляющагося журнала. Журналъ не отказывается отъ своего прошедшаго, въ первомъ періодѣ котораго такъ много было блеска, но вполнѣ признаетъ необходимость принять существенныя измѣненія, сообразно настоящему развитію нашей литературы. «Новые дѣятели новаго литературнаго поколѣнія (говоритъ объявленіе), принимая на себя заботы о журналѣ, много лѣтъ считавшемся въ главѣ всѣхъ современныхъ ему русскихъ періодическихъ изданій, не могутъ держаться тѣхъ самыхъ основаній, на которыхъ «Библіотека для Чтенія» издавалась двадцать лѣтъ назадъ, въ періодъ наибольшаго своего успѣха. Воззрѣнія измѣнились съ тѣхъ поръ, просвѣщеніе много двинулось впередъ, журнальное дѣло приняло иной ходъ и иныя условія, самый взглядъ на литературу понесъ великія измѣненія: всѣ эти обстоятельства не могутъ не обусловливать собой воззрѣній новой редакціи. Совсѣмъ тѣмъ, всякій журналъ имѣетъ свое прошлое, съ которымъ никогда не слѣдуетъ разрывать литературной связи. Какъ ни измѣнились наши мнѣнія о дѣятельности «Библіотеки для Чтенія» въ первые годы ея основанія, мы вполнѣ сознаемъ, что журналъ имѣлъ полное право на успѣхъ, имѣлъ свою физіономію, о которой не забудетъ новая его редакція. «Библіотека для Чтенія» была журналомъ истинно независимымъ отъ всѣхъ литературныхъ партій, служила посредницей между русскимъ читателемъ и дѣятелями иностранныхъ словесностей и отличалась не только разнообразіемъ, но и общедоступностью статей, въ ней помѣщавшихся. Этихъ самыхъ основаній будетъ тщательно держаться новая редакція. Она озаботится полнотою всѣхъ отдѣловъ, обрѣтитъ особенное вниманіе на нетронутыя еще сокровища старой и новой иностранной словесности и станетъ стремиться къ тому, чтобы каждая статья въ журналѣ могла быть занимательною для каждаго читателя. Критическая часть изданія пріобрѣтетъ полную независимость, можетъ быть, даже смѣлость, исходящую изъ этой самой независимости. Отдѣляясь отъ всѣхъ литературныхъ партій, мы не ставимъ себя къ нимъ во враждебное отношеніе. Глубоко сочувствуя всякой дѣятельности на пользу отечественнаго просвѣщенія, мы не можемъ даже понять возможности мелкой полемики въ нашемъ журналѣ.

Какъ бы смѣлы мы ни были въ нашихъ отзывахъ, намъ никогда не случится забыть, что мы споримъ не съ врагами, а съ литературными товарищами, по разнымъ дорогамъ идущими къ одной и той же общей цѣли».

Нельзя не признать, что программа эта написана съ достоинствомъ и прямотою, съ умѣренностью и, вмѣстѣ, твердостью. «Библіотека для Чтенія» будетъ отнынѣ журналомъ съ самостоятельными мнѣніями, эти мнѣнія будутъ выражаться съ благородною смѣлостью, чуждою мелочной придирчивости, но столь же чуждою и робкой шаткости. Читатели, знающіе г. Дружинина, конечно, увѣрены въ томъ, что это и не можетъ быть иначе въ журналѣ, имъ управляемомъ. «Библіотека для Чтенія» не будетъ отголоскомъ того или другаго изъ остальныхъ нашихъ журналовъ, но не будетъ враждебна ни къ одному изъ добросовѣстныхъ мнѣній, хотя бы и не раздѣляла ихъ; даже на тѣхъ изъ сотоварищей по литературѣ, мнѣнія которыхъ должна будетъ опровергать для проведенія собственныхъ убѣжденій, она будетъ смотрѣть не какъ на враговъ, а какъ на товарищей по стремленію къ общей цѣли, при всей разности въ понятіяхъ о достиженіи этой цѣли,—словомъ, она хочетъ имѣть своимъ девизомъ «независимость и терпимость, твердость убѣжденій и доброжелательство». Какая программа можетъ быть лучше и благороднѣе?—А тонъ объявленія и имя новаго редактора, повторяемъ, ручаются за неуклонное исполненіе этой благородной программы.

Но какими же силами владѣетъ въ своихъ сотрудникахъ новая редакція «Библіотеки для Чтенія» для доставленія своему журналу живости и разнообразія, для обезпеченія его литературныхъ и ученыхъ достоинствъ? — Списокъ новыхъ участниковъ *) пріобрѣтенныхъ журналу новую редакціею, даетъ на это отвѣтъ совершенно удовлетворительный. Тутъ мы видимъ имена, принадлежащія людямъ самихъ различныхъ литературныхъ партій — ручательство за то, что журналъ будетъ занимать среди ихъ независимое положеніе — и почти всѣ эти имена пользуются болѣе или менѣе выгод-

---

*) Оба редактора „Современника" почли своею обязанностью быть сотрудниками „Библіотеки для Чтенія", новый редакторъ которой пріобрѣлъ великое право на ихъ благодарность какъ прежнимъ своимъ постояннымъ и въ высшей степени полезнымъ сотрудничествомъ, такъ и тѣмъ, что остается и теперь, по прежнему, постояннымъ сотрудникомъ „Современника".

ною извѣстностью —ручательство за то, что въ хорошихъ статьяхъ журналъ не будетъ имѣть недостатка.

Исчисливъ главныхъ своихъ сотрудниковъ и объяснивъ важнѣйшія улучшенія, которыя вводитъ въ каждомъ отдѣлѣ журнала, новая редакція «Библіотеки для Чтенія» заключаетъ свою программу, обѣщая «дѣятельность честную и постоянную, и упорную», символомъ которой будетъ служить эпиграфъ всего изданія, взятый изъ Гёте: Ohne Hast, ohne Rast — «безъ отдыха, безъ торопливости».—Можно и должно вѣрить подобному обѣщанію такого писателя, какъ новый редакторъ «Библіотеки для Чтенія». Но онъ проситъ судить о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя даются «Библіотекѣ для Чтенія» его управленіемъ, не по однимъ только обѣщаніямъ въ будущемъ, но и по тѣмъ результатамъ, которые отчасти уже достигаются имъ въ настоящемъ. Послѣднія книжки «Библіотеки для Чтенія» за 1856 г., издаваемыя новою редакцію — говоритъ программа — «дадутъ публикѣ возможность судить какъ объ улучшеніяхъ по журналу, такъ и о томъ литературномъ характерѣ, отъ котораго уже не будетъ уклоняться «Библіотека для Чтенія».—По окончаніи года, мы выскажемъ общее впечатлѣніе, которое произведетъ на насъ обозрѣніе всѣхъ нумеровъ, изданныхъ новою редакціею, а теперь пока скажемъ, что первый изъ этихъ нумеровъ, октябрьская книжка «Библіотеки для Чтенія», свидѣтельствуетъ о дѣятельности новой редакціи выгоднымъ образомъ. Составъ книжки очень разнообразенъ, многія статьи живы и интересны. Статья редактора о великомъ реформаторѣ Пруссіи, другѣ Императора Александра I, баронѣ Штейнѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Изъ трехъ стихотвореній г. Некрасова, напечатанныхъ въ этомъ нумерѣ «Библіотеки», мы позволяемъ себѣ выписать здѣсь одно:

ШКОЛЬНИКЪ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ —
Невеселая дорога...
Ей, садись ко мнѣ, дружокъ!

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку —
Такъ, учиться ты идешь.
Знаю, батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ;

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачокъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.

Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ?.. Такъ что жъ!
Случай тоже ужь не новый:
Не робѣй, не пропадешь!

Скоро ты узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ...
Кто нибудь свезетъ въ Москву:
Будешь въ университетѣ,
Сонъ свершится на яву!

Тамъ ужь поприще широко —
Знай работай да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, святая Русь!

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ средь народа
Столько славныхъ черезъ край.

Столько славныхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой
Посреди тупыхъ, холодныхъ,
И напыщенныхъ собой.

Мы увѣрены, что въ слѣдующемъ году «Библіотека для Чтенія» будетъ имѣть въ публикѣ успѣхъ, заслуживаемый улучшеніями, какія сообщаются этому журналу новою его редакціею, и впередъ радуемся этому успѣху. Но не всѣ думаютъ, подобно намъ, что одинъ журналъ долженъ радоваться успѣхамъ другихъ. У иныхъ всякое улучшеніе въ чужомъ журналѣ возбуждаетъ чувство болѣзненнаго раз-

драженія, совершенно напраснаго. Вотъ, напримѣръ, едва только мы объявили, что со слѣдующаго года гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ будутъ помѣщать свои новыя произведенія исключительно въ нашемъ журналѣ, какъ одинъ изъ русскихъ журналовъ воскипѣлъ величайшимъ негодованіемъ и наполнился желчными выходками противъ насъ и нашихъ сотрудниковъ. Эту роль угодно было принять на себя, къ сожалѣнію, «Отечественнымъ Запискамъ»,—къ сожалѣнію, говоримъ мы, потому что уважая прекрасное прошедшее этого журнала, мы не хотѣли бы видѣть, чтобы онъ измѣнялъ прежнему своему достоинству и становился въ положеніе, котораго никто не одобритъ.

Октябрьская книжка «Отечественныхъ Записокъ» посвящаетъ «Современнику» нѣсколько десятковъ страницъ. Походъ начинается длиннѣйшею филиппикою г. Галахова противъ одного изъ эпизодовъ статьи г. Лайбова о «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова»; предполагая, вѣроятно, большія достоинства въ этой филиппикѣ. «Отечественныя Записки» помѣстили ее въ отдѣлъ критики. Затѣмъ, въ «Литературныхъ и Журнальныхъ Замѣткахъ» слѣдуютъ выходки противъ шестой статьи «Очерковъ гоголевскаго періода», противъ объявленія о томъ, что господа Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ съ наступающаго года будутъ помѣщать свои статьи исключительно въ «Современникѣ», и наконецъ вновь противъ статьи г. Лайбова. Словомъ, батареи гремятъ... Причина этого грома ясна.

Но подумали ль «Отечественныя Записки» о томъ, какую роль онѣ принимаютъ на себя? Вѣдь онѣ становятся относительно «Современника» въ то самое положеніе, въ какомъ нѣкогда угодно было стоять «Сѣверной Пчелѣ» относительно «Отечественныхъ Записокъ». Объяснять ли свойство этой роли? Оно въ старые годы было прекрасно объясняемо «Отечественными Записками», когда онѣ подвергались добросовѣстнымъ нападеніямъ правдолюбивой газеты за то, что были журналомъ не похожимъ на журналы, издававшіеся издателями «Сѣверной Пчелы». Напомнимъ «Отечественнымъ Запискамъ» ихъ прежнее благородное время, ихъ прежнія справедливыя и прекрасныя слова. Они совершенно прилагаются къ настоящему случаю; только—увы—то, что говорилось тогда «Отечественными Записками» о «Сѣверной Пчелѣ», могло быть сказано нынѣ «Современникомъ» объ «Отечественныхъ Запискахъ».

„Сентябрь мѣсяцъ—время подписки на журналы, время крика и тревогъ въ извѣстной сторонѣ русской журналистики. Журнальцы или газеты, для которыхъ наука, искусство, литература—не болѣе, какъ слова, сидящія въ ихъ программахъ, ждутъ не дождутся этого блаженнаго времени. Цѣлый годъ чахнутъ они отъ недостатка пищи и только въ это время начинаютъ какъ будто оживать. Слышите ли, какъ они теперь начинаютъ разсказывать всевозможныя выдумки о журналахъ, которые, гордецы, и знать не хотятъ ихъ; какъ увѣряютъ, что тѣ журналы, суду которыхъ публика вѣритъ и на которые подписывается, никуда не годятся... Словомъ, въ это время газеты воскресаютъ и начинаютъ заниматься тѣмъ, что на ихъ языкѣ называется *литературою* и что на обыкновенномъ языкѣ называется *сплетнями*. Это фактъ замѣчательный: на него непремѣнно долженъ обратить свое вниманіе будущій историкъ такъ называемой русской литературы, долженъ сообщить его всему образованному міру. „Русскіе журналы“—скажетъ онъ съ горькою улыбкою—„большею частью спятъ впродолженіе года; они просыпаются только отъ сентября до декабря мѣсяца и, проснувшись, начинаютъ говорить о подписчикахъ, выдумывая другъ на друга сплетни». За такое открытіе будущему историку скажетъ спасибо Европа, въ которой до сихъ поръ не бывало и нѣтъ еще ничего подобнаго. Кто не знаетъ, что вездѣ есть журнальные споры, вездѣ есть полемика, гдѣ только есть литература? Но эти споры имѣютъ источникомъ своимъ разнорѣчіе въ ученыхъ или литературныхъ убѣжденіяхъ двухъ сторонъ; отъ преній между этими сторонами выигрываетъ или наука, или общество; у насъ же,—извините,—дѣло идетъ о предметѣ гораздо интереснѣйшемъ—о числѣ подписчиковъ чужаго журнала, о чужихъ приходахъ и расходахъ...

„На этомъ поприщѣ съ честію и славою всегда подвизалась «Сѣверная Пчела» преимущественно передъ всѣми другими русскими журналами. Ежегодно пробуждается она въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Къ этому мы такъ же привыкли, какъ къ ежедневной смѣнѣ дня ночью, и, признаемся, начинали уже удивляться, что въ нынѣшнемъ году «Сѣверная Пчела» какъ будто измѣнила неизмѣнному закону своего существованія — молчала въ то время, какъ почти всѣ журналы объявили о подпискѣ на будущій годъ; мы уже безпокоились о здоровьѣ «Сѣверной Пчелы» и думали, что русская журналистика лишилась одного изъ своихъ родимыхъ пятнышекъ, такъ рѣзко обозначающихъ ея физіономію. Но опасенія наши исчезли съ появленіемъ 207 нумера (18 сентября) этой газеты. Нѣтъ, жива «Сѣверная Пчела»! опять воскресли ея объявленія о подпискѣ на журналы! 207 нумеръ ея обогащаетъ новымъ фактомъ разсказъ будущаго историка русской литературы, выясняя ему одну изъ самыхъ занимательныхъ торговыхъ и нравственныхъ сторонъ нашей журналистики.

„Всѣмъ извѣстны отношенія „Сѣверной Пчелы“ къ „Отечественнымъ Запискамъ“; всѣмъ извѣстно, какъ еще до появленія первой ихъ книжки, „Сѣверная Пчела“ въ 25 статьяхъ доказывала, что этотъ журналъ (еще не появившійся) никуда не годится и умретъ при самомъ своемъ началѣ. Извѣстно также, какъ оправдались эти предсказанія и какъ съ тѣхъ поръ „Сѣверная Пчела“, всегда больная чужимъ здоровьемъ, преимущественно страдала и страдаетъ отъ цвѣтущаго здоровья „Отечественныхъ Записокъ“. Впродолженіе

трехъ лѣтъ она не переставала повторять, и прямо и косвенно, тѣ же самыя фразы, увѣщевая читателей, ради всего святаго, не подписываться на „Отечественныя Записки", дерзавшія такъ откровенно высказывать свое мнѣніе о ней самой и о сочиненіяхъ ея издателей. Но представьте же непокорство этой своенравной публики: она съ каждымъ годомъ, какъ бы на зло увѣщаніямъ „Сѣверной Пчелы", подписывалась на большее число экземпляровъ „Отечественныхъ Записокъ" и наконецъ простерла дерзость свою и охоту читать этотъ журналъ до того, что „Отечественныя Записки» не только здраво и невредимо просуществовали три года, но объявили объ изданіи на четвертый годъ, да еще и съ новыми улучшеніями. („Отеч. Зап.", томъ XVIII, Библ. Хрон., стр. 63—64).

Тутъ нужно только поставить на мѣсто «Отечественныхъ Записокъ»—«Современникъ», на мѣсто «Сѣверной Пчелы»—«Отечественныя Записки», на мѣсто «трехъ лѣтъ» и «объявленія на четвертый годъ»—«десять лѣтъ» и «объявленіе на одиннадцатый годъ», на мѣсто «сентябрь»—«октябрь»,—всѣ остальныя подробности не нуждаются ни въ малѣйшихъ измѣненіяхъ, чтобы прямо примѣняться къ настоящему случаю.

Но подобными нападеніями тотъ ли достигается результатъ, который имѣется въ виду? Опять просимъ «Отечественныя Записки» припомнить, вредъ или пользу приносили имъ нападки «Сѣверной Пчелы». Въ былое время «Отечественныя Записки» хорошо понимали это. «Современникъ» пріобрѣлъ честь служить единственнымъ журналомъ, въ которомъ будутъ помѣщать свои произведенія четыре литератора, пользующіеся особенною любовью публики,—онъ гордится этою честью, онъ объявляетъ о томъ, онъ хочетъ, чтобы всѣ читатели знали это,—что же дѣлаютъ «Отечественныя Записки»? начинаютъ шумно толковать о томъ самомъ, что такъ пріятно для «Современника». Спрашивается: во вредъ или въ пользу «Современнику» послужитъ шумъ, поднимаемый «Отечественными Записками?» Конечно, чѣмъ больше будутъ толковать о томъ, что гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ будутъ со слѣдующаго года помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникѣ», тѣмъ бо́льшую услугу окажутъ нашему журналу. Бывало, точно такія же услуги оказывала «Сѣверная Пчела» «Отечественнымъ Запискамъ», и пусть «Отечественныя Записки», вспомнятъ, съ какимъ чувствомъ принимали онѣ ея хлопоты о распространеніи ихъ извѣстности. Вотъ подлинныя слова старыхъ «Отечественныхъ Записокъ» объ этомъ предметѣ. Каждая фраза, каждое слово этого

прекраснаго замѣчанія вполнѣ и буквально примѣняются къ шуму, поднимаемому «Отечественными Записками» о нашемъ журналѣ.

„Вѣроятно, немногіе изъ читателей подозрѣваютъ истинныя отношенія „Сѣверной Пчелы" къ „Отечественнымъ Запискамъ": бóльшая часть убѣждена, что между обоими этими изданіями существуетъ вражда непримиримая, ненависть заклятая. Такъ должно бы, казалось, заключать по наружности... Но милостивые государи, наружность обманчива, особенно наружность журнальныхъ перебранокъ, которыхъ настоящее значеніе можетъ быть объяснено только временемъ. Время мало по малу объяснило и отношенія наши къ „Сѣверной Пчелѣ"; скрывать долѣе истину опасно, ибо дальнѣйшая мистификація можетъ быть безполезною: читатели сами скоро будутъ въ состояніи обличить ее. Впрочемъ, прозорливѣйшіе изъ нихъ давно уже поняли, въ чемъ дѣло, и давали намъ это чувствовать: они видѣли, что „Сѣверная Пчела" всегда состояла *по особымъ порученіямъ* при „Отечественныхъ Запискахъ" съ самаго начала изданія этого журнала, и не только никогда не старались вредить ему, но съ неутомимымъ усердіемъ распространяла его извѣстность до отдаленнѣйшихъ концовъ читающаго міра. Было бы неблагодарностью съ нашей стороны молчать объ услугахъ и не изъявить этой газетѣ признательности,—особенно теперь, когда мы уже пользуемся этими услугами пять лѣтъ... Пять лѣтъ усердной службы—это, право, стóитъ награды, и вотъ, при окончаніи пятаго года изданія „Отечественныхъ Записокъ", долгомъ считаемъ принести „Сѣверной Пчелѣ" нашу искреннюю благодарность за все то, что сдѣлано ею втеченіе этого времени въ нашу пользу. А сдѣлано ею многое, и очень многое. Вспомните: прежде еще, нежели мы успѣли объявить о намѣреніи своемъ издавать журналъ, „Сѣверная Пчела" предварила объ этомъ публику нѣсколькими статьями безъ всякой съ нашей стороны просьбы и тѣмъ заинтересовала читателей увидѣть поскорѣе новый журналъ; послѣ появленія программы, она неутомимо хлопотала о томъ, чтобъ всѣ узнали эту программу, и каждый день твердила о ней каждому изъ своихъ читателей; по выходѣ первой книжки журнала, она тотчасъ напечатала оглавленіе статей ея, съ разборомъ каждой изъ нихъ, и потомъ начала еженедѣльно и ежедневно толковать объ „Отечественныхъ Запискахъ", и только объ однѣхъ „Отечественныхъ Запискахъ", какъ будто бы, кромѣ ихъ, не было въ Россіи ни одного журнала. Такое постоянное обращеніе къ одному и тому же изданію впродолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и цѣлыхъ годовъ постоянно заинтересовывало публику, возбуждало въ ней желаніе читать журналъ... Словомъ, „Сѣверная Пчела" ни разу не измѣняла своей обязанности въ отношеніи къ „Отечественнымъ Запискамъ" и дѣлала въ пользу ихъ все, что только могла дѣлать. Бóльшаго мы и не имѣли права отъ нея требовать. Постоянно пять лѣтъ была она на стражѣ нашихъ интересовъ и служила на пользу нашу вѣрой и правдой, по крайнему своему разумѣнію. Умудренная многолѣтнимъ опытомъ, она знаетъ, какъ важно для всякаго журнала напоминать о немъ публикѣ въ то именно время, когда онъ объявляетъ подписку на слѣдующій годъ, когда онъ объясняетъ предполагаемыя имъ улучшенія; она понимаетъ, что чѣмъ большее число читателей будетъ знать это, тѣмъ выгоднѣе

для журнала,—и вотъ онъ усиливаетъ свою дѣятельность осенью и, по выходѣ объявленія о продолженіи „Отечественныхъ Записокъ", толкуетъ о нихъ ежедневно однажды навсегда принятымъ тономъ, хлопочетъ неутомимо о распространеніи подписки на этотъ журналъ... Спасибо, и еще разъ спасибо, доброй газетѣ! Такъ поступала она впродолженіе пяти лѣтъ, такъ поступаетъ до сихъ поръ и, мы увѣрены, не разсердится на насъ за откровенное объясненіе передъ публикою настоящихъ ея къ намъ отношеній. Мы, и безъ того уже, долго молчали о томъ; благодарность наша не въ силахъ долѣе скрываться, и мы рѣшились публично засвидѣтельствовать ее. Это, по нашему мнѣнію, нисколько не должно уменьшить, а, напротивъ, увеличить усердіе „Сѣверной Пчелы", которую мы убѣдительно просимъ и на этотъ разъ не прекращать своихъ напоминаній объ открывшейся теперь подпискѣ на изданіе нашего журнала въ 1844 году. Мы были бы въ отчаяніи, еслибъ „Сѣверная Пчела" *отложилась* отъ „Отечественныхъ Записокъ": такой усердной помощницы не найти намъ... Но нѣтъ! мы чувствуемъ, „Сѣверная Пчела" создана для услугъ „Отечественнымъ Запискамъ"; измѣнить этому назначенію — для нея значило бы умереть... („Отечественныя Записки", томъ XXX, Смѣсь, стр. 118—120).

Удивительна точность, съ какою всѣ обстоятельства борьбы «Сѣверной Пчелы» противъ «Отечественныхъ Записокъ» повторялись и повторяются въ борьбѣ «Отечественныхъ Записокъ» противъ нашего журнала. Все буквально сходно: какъ «Сѣверная Пчела», еще до появленія первой книги «Отечественныхъ Записокъ», осыпала ихъ безцеремонными выходками, точно также, въ свою очередь, «Отечественныя Записки» еще до появленія первой книги «Современника» уже возставали противъ начинающагося журнала *); какъ неутомимо хлопотала «Сѣверная Пчела» о распространеніи извѣстности «Отечественныхъ Записокъ» втеченіе пяти лѣтъ, такъ неутомимо «Отечественныя Записки» хлопочутъ уже десять лѣтъ о распространеніи извѣстности «Современника», и съ такою же пользою для нашего журнала. Вѣрная служба ихъ намъ вдвое продолжительнѣе, потому мы имѣемъ двойную обязанность выразить къ «Отечественнымъ Запискамъ» ту же самую благодарность, какую онѣ выражали нѣкогда «Сѣверной Пчелѣ»:

„Лестное вниманіе къ намъ со стороны „Сѣверной Пчелы" и вѣрная долговременная служба ея „Отечественнымъ Запискамъ" трогаютъ насъ до глубины души, и мы, въ концѣ года, обязанностію считаемъ свидѣтельствовать ей нашу искреннюю благодарность. Почти не бываетъ нумера этой газеты въ которомъ не говорилось бы, прямо или косвенно, объ „Отеч. Запискахъ". Бу-

*) Смотр. „Сѣв. Пчелу" за послѣднюю половину 1838 года и „Отеч. Зап." за послѣднюю половину 1846 года.

демъ надѣяться, что въ слѣдующемъ году усердіе „Сѣверной Пчелы" не ослабѣетъ. („Отеч. Зап." томъ XXXI, Смѣсь, стр. 128).

Но—говорили въ старину «Отечественныя Записки», несмотря на всю свою глубокую признательность къ усердной служительницѣ—необходимо бывало иногда противорѣчить ей, потому что излишнее усердіе ея къ своему дѣлу вовлекало ее иногда въ ошибки, о которыхъ невозможно было молчать:

«Но какъ ни умѣемъ мы чувствовать услугъ намъ оказываемыхъ, однакожь, дорого цѣня истину, не можемъ иногда не поправлять ошибокъ, дѣлаемыхъ «Сѣверною Пчелою» въ статьяхъ объ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ усердіи своемъ къ нашимъ пользамъ, эта добрая помощница наша иногда говоритъ больше, нежели сколько требуетъ отъ нея ея обязанность,—а это можетъ вводить публику въ заблужденіе. Нашъ долгъ—останавливать такое слѣпое усеріе и вводить его въ надлежащія границы».

Читатели знаютъ, что мы давно — съ начала нынѣшняго года, когда принуждены были посовѣтовать «Отечественнымъ Запискамъ» не продолжать удивительныхъ статей г. В. Б—ва о мнѣніяхъ «Современника» (въ чемъ «Отечественныя Записки» и послушались нашего совѣта)—не обнаруживали ни малѣйшей охоты разсуждать съ «Отечественными Записками», хотя этотъ журналъ рѣшительно въ каждомъ нумерѣ дѣлалъ нѣсколько прямыхъ или косвенныхъ выходокъ противъ нашего журнала (какъ нѣкогда «Сѣверная Пчела» противъ «Отечественныхъ Записокъ»). Читатели повѣрятъ намъ, что мы не чувствуемъ особеннаго расположенія къ тому и въ настоящее время. Точно таково было нѣкогда расположеніе «Отечественныхъ Записокъ» относительно отвѣтовъ на выходки «Сѣверной Пчелы».

«Если мы когда либо доходили до какихъ нибудь объясненій (съ ратниками «Сѣв. Пчелы»), то не иначе, какъ отвѣчали на ихъ выходки и придирки. И вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ въ «Отеч. Запискахъ» совсѣмъ не появлялось такого рода объясненій, изъ чего, однакожь, отнюдь не должно заключать, чтобъ имъ не на что и некому было отвѣчать, но что онѣ не хотѣли только обращать вниманія на немощныя усилія своихъ почтенныхъ доброжелателей. Подобная умѣренность только еще болѣе раздражала ихъ, и они съ бо́льшею настойчивостію напрашиваются на наше благосклонное вниманіе. Что дѣлать? Надо на время отложить гордость въ сторону: въ журналѣ, какъ и въ обществѣ, не всегда можно говорить только съ тѣми, чье собесѣдничество сообразно съ вашимъ достоинствомъ, но и съ тѣми, которые не перестаютъ заго-

варивать съ вами, по неумѣнію растолковать вашего молчанія. Пусть будетъ такъ: tu l'as voulu, tu l'as bien voulu, George Dandin!.. («Отеч. Зап.», т. XXXVI, Смѣсь, стр. 108).

Все это теперь буквально примѣняется нами къ «Отечественнымъ Запискамъ», и въ особенности слова: «Tu l'as voulu, tu l'as bien voulu, George Dandin». Мы вовсе не хотѣли бы говорить, но «Отечественныя Записки» напрашиваются на отвѣтъ. Пусть онѣ толковали бы, что «Современникъ» плохой журналъ, что его не стóитъ читать, не стóитъ на него подписываться,—мы молчали бы, какъ молчали до сихъ поръ и какъ теперь не считаемъ нужнымъ отвѣчать на выходки «Отечественныхъ Записокъ» противъ «Очерковъ гоголевскаго періода».

«Очерки гоголевскаго періода» не подписаны фамиліею автора, стало быть, только редакція «Современника» могла бы оскорбляться не совсѣмъ деликатными выраженіями «Отечественныхъ Записокъ» объ этихъ статьяхъ,—а редакція «Современника» не можетъ огорчаться упреками журнала, забывающаго о приличіи, особенно, когда знаетъ причину его гнѣва (объясненную выше, при помощи старыхъ отвѣтовъ «Отечественныхъ Записокъ»). О насъ пусть говорятъ «Отечественныя Записки» все, что имъ угодно; но «Отечественныя Записки» касаются не только насъ, но и сотрудниковъ, нами уважаемыхъ. Этого мы не можемъ оставить безъ отвѣта. Tu l'as voulu, George Dandin.

Нѣкоторые изъ наиболѣе уважаемыхъ публикою литераторовъ согласились и обѣщались помѣщать свои статьи исключительно въ «Современникѣ». Этою честью «Современникъ» долженъ гордиться: какъ ни толкуйте фактъ, съ какой стороны ни смотрите на него, ничего вы въ немъ не найдете такого, что можно было бы осудить. Въ иностранныхъ литературахъ мы найдемъ тому множество примѣровъ. Изъ англичанъ, Маколей писалъ исключительно для «Edinburgh Rewiew», Диккенсъ для «Daily News», Теккерей для «Punch'a»; изъ французовъ, Жоржъ Сандъ исключительно для «Revue des deux Mondes»; изъ нѣмцевъ, Гейне исключительно для «Allgemeine Zeitung». Кажется, пять названныхъ нами писателей составляютъ цвѣтъ европейской современной литературы, — кажется, нѣтъ изъ новыхъ писателей во Франціи, Англіи, Германіи еще никого, кто могъ бы быть поставленъ на ряду съ ними, какъ по первокласному таланту, такъ и по чистотѣ своихъ литературныхъ отношеній. Ка-

жется, ясно: всѣ знаменитости европейской литературы дѣлали то же самое, что теперь намѣрены дѣлать гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ, т. е. входили съ однимъ изъ періодическихъ изданій своей родины въ соглашеніе такого содержанія, чтобы быть сотрудниками исключительно этого журнала. И что тутъ страннаго? Это необходимо вытекаетъ изъ самой сущности ихъ положенія въ литературѣ. Почему, напримѣръ, Теккерей писалъ исключительно въ журналѣ «Punch»? между прочимъ, потому, что объявленіе о своемъ исключительномъ участіи въ этой газетѣ было для него вѣрнѣйшимъ средствомъ избавиться отъ докучливости какого нибудь «Blackwood's Magazine», издатель котораго не давалъ ему ни минуты свободнаго отдыха неотступными просьбами объ осчастливленіи «Blackwood's Magazin'a» помѣщеніемъ своего разсказа, между тѣмъ, какъ Теккерей не питалъ особенной симпатіи къ «Blackwood's Magazin'y». Ясно ли, что Теккерею уже по одной этой причинѣ было необходимо сдѣлаться сотрудникомъ исключительно «Punch'a»? — вѣдь каждый человѣкъ, писатель или неписатель, долженъ принимать мѣры для отвращенія отъ себя неотступныхъ просьбъ, нимало не пріятныхъ. Конечно, издатель «Blackwood's Magazin'a» чувствовалъ досаду на Теккерея за то, что этотъ знаменитый писатель избралъ не его журналъ, а другое періодическое изданіе для помѣщенія своихъ трудовъ; но у Теккерея были на то очень основательныя причины. Во первыхъ, «Blackwood's Magazine», нѣкогда пользовавшійся уваженіемъ публики, потерялъ это уваженіе чрезъ то, что сталъ помѣщать слишкомъ много дурныхъ статей: что за охота Теккерею являться передъ публикою въ обществѣ какого-нибудь бездарнаго Броуна или обскуранта Блека, наполняющихъ нынѣ своими издѣліями «Blackwood's Magazine»? Были и другія причины, отвращавшія Теккерея отъ «Blackwood's Magazin'a» и привлекавшія его къ участію въ «Punch'ѣ». У Теккерея есть друзья — эти друзья помѣщаютъ свои произведенія въ «Punch'ѣ», и ихъ (людей талантливыхъ) безпощадно бранитъ и чернитъ «Blackwood's Magazine», выходя, при этомъ, за границы всякаго литературнаго приличія и восхваляя различныхъ бездарныхъ своихъ сотрудниковъ. Скажите, что за удовольствіе Теккерею печатать свои произведенія въ журналѣ, который вовсе не литературнымъ образомъ бранитъ его друзей, талантливыхъ писателей, пользующихся уваженіемъ каждаго порядочнаго человѣка

въ Англіи? Были и другія причины, столь же уважительныя. Напримѣръ, Теккерей, какъ извѣстно, другъ просвѣщенія, Punch защитникъ просвѣщенія, а Blackwood's Magazine иногда сильно грѣшитъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, самъ не понимая того, но все-таки грѣшитъ противъ просвѣщенія. Словомъ сказать, когда Blackwood's Magazine началъ возставать противъ Теккерея за то, что этотъ писатель не помѣщаетъ своихъ прекрасныхъ разсказовъ въ его журналѣ, то вся публика приняла сторону Теккерея, и «Blackwood's Magazine» скоро увидѣлъ, что лучше ему, «Blackwood's Magazin'у», молчать объ этомъ дѣлѣ. Этимъ, впрочемъ, исторія не кончилась: издатель «Blackwood's Magazin'а» человѣкъ опытный въ литературно-коммерческихъ дѣлахъ, хотя иногда увлекающійся своими гнѣвными чувствами, но человѣкъ разсудительный. Онъ знаетъ, что журналу всего болѣе вредитъ то, когда онъ рѣшается чернить писателей, уважаемыхъ и любимыхъ публикою, особенно, если публика догадывается, по какимъ соображеніямъ это происходитъ. Онъ понялъ, что за выходки противъ Теккерея публика лишитъ своего послѣдняго довѣрія «Blackwood's Magazine», что онъ, «Blackwood's Magazine», сдѣлалъ страшно невыгодную для себя ошибку, обнаруживъ свою досаду на Теккерея, что единственное средство исправить свой неловкій промахъ и заставить публику забыть оскорбленія, несправедливо нанесенныя ея любимому писателю, это начать скрѣпя сердце превозносить Теккерея больше, нежели когда нибудь, — и черезъ годъ послѣ раздраженныхъ выходокъ «Blackwood's Magazine» обратился въ ревностнѣйшаго поклонника прекрасныхъ произведеній Теккерея. Поступая такимъ образомъ, издатель «Blackwood's Magazine» доказалъ, что онъ человѣкъ съ тактомъ: въ самомъ дѣлѣ, только люди, лишенные такта, не удерживаются отъ выраженій своей досады тогда, когда эта досада можетъ повредить имъ самимъ въ общемъ мнѣніи.

Въ русской литературѣ также часто бывали примѣры, подобные тому, о которомъ идетъ рѣчь. Напримѣръ, когда основалась «Библіотека для Чтенія», многіе изъ нашихъ лучшихъ литераторовъ (въ томъ числѣ Пушкинъ) обѣщали свое сотрудничество исключительно этому журналу, и никто не могъ видѣть въ томъ ничего, кромѣ хорошаго. Но самые многочисленные примѣры исключительнаго сотрудничества въ одномъ журналѣ представляетъ исторія «Отечественныхъ Записокъ» въ блестящее время ихъ существова-

нія, о которомъ мы всегда вспоминаемъ съ величайшимъ уваженіемъ. Кто имѣлъ право негодовать на Лермонтова за то, что онъ помѣщалъ свои произведенія исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ?» Напротивъ, это исключительное сотрудничество Лермонтова приносило честь какъ великому поэту, такъ и г. Краевскому, редактору «Отечественныхъ Записокъ». «Если такой писатель, какъ Лермонтовъ (думала публика, и думала справедливо) на столько уважаетъ журналъ г. Краевскаго, что хочетъ имѣть дѣло исключительно съ нимъ, это самымъ выгоднымъ образомъ свидѣтельствуетъ въ пользу г. Краевскаго. Съ другой стороны, о характерѣ Лермонтова свидѣтельствуетъ самымъ выгоднымъ образомъ то обстоятельство, что онъ печатаетъ свои произведенія въ журналѣ г. Краевскаго, котораго уважаетъ, и не соглашается печатать ихъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Точно также исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ» печатали свои произведенія другіе лучшіе наши литераторы тогдашняго времени, и «Отечественныя Записки», быть можетъ, согласятся, что въ такомъ обстоятельствѣ не было ничего предосудительнаго для литераторовъ, желавшихъ быть исключительно сотрудниками этого журнала.

Довольно ли убѣдительны для «Отечественныхъ Записокъ» эти примѣры и объясненія? Поймутъ ли «Отечественныя Записки», что онѣ становятся въ самое невыгодное положеніе, обнаруживая несправедливую досаду на писателей, согласившихся помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникѣ»? Поймутъ ли «Отечественныя Записки», что на фактъ, столь простой и натуральный, защищаемый примѣромъ всѣхъ знаменитостей европейской литературы и исторіею самихъ «Отечественныхъ Записокъ» въ блестящее время ихъ существованія, невозможно нападать безъ того, чтобы нападающій не уронилъ себя въ общемъ мнѣніи?

Мы вовсе не имѣемъ охоты продолжать этихъ объясненій, какъ не имѣли охоты и начинать ихъ (по тѣмъ самымъ чувствамъ, которыя нѣкогда прекрасно были выражаемы «Отечественными Записками» относительно «Сѣверной Пчелы»). Мы предоставляемъ «Отечественнымъ Запискамъ» полнѣйшую свободу говорить что угодно о насъ самихъ. Но одного мы не позволимъ дѣлать безнаказанно: бросать неблагопріятную тѣнь на тѣхъ писателей, которые дѣлаютъ честь нашему журналу помѣщеніемъ въ немъ своихъ произведеній. Тутъ мы на каждый кривой намекъ будемъ отвѣчать

въ Англіи? Были и другія причины, столь же уважительныя. Напримѣръ, Теккерей, какъ извѣстно, другъ просвѣщенія, Punch защитникъ просвѣщенія, а Blackwood's Magazine иногда сильно грѣшитъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, самъ не понимая того, но все-таки грѣшитъ противъ просвѣщенія. Словомъ сказать, когда Blackwood's Magazine началъ возставать противъ Теккерея за то, что этотъ писатель не помѣщаетъ своихъ прекрасныхъ разсказовъ въ его журналѣ, то вся публика приняла сторону Теккерея, и «Blackwood's Magazine» скоро увидѣлъ, что лучше ему, «Blackwood's Magazin'у», молчать объ этомъ дѣлѣ. Этимъ, впрочемъ, исторія не кончилась: издатель «Blackwood's Magazin'а» человѣкъ опытный въ литературно-коммерческихъ дѣлахъ, хотя иногда увлекающійся своими гнѣвными чувствами, но человѣкъ разсудительный. Онъ знаетъ, что журналу всего болѣе вредитъ то, когда онъ рѣшается чернить писателей, уважаемыхъ и любимыхъ публикою, особенно, если публика догадывается, по какимъ соображеніямъ это происходитъ. Онъ понялъ, что за выходки противъ Теккерея публика лишитъ своего послѣдняго довѣрія «Blackwood's Magazine», что онъ, «Blackwood's Magazine», сдѣлалъ страшно невыгодную для себя ошибку, обнаруживъ свою досаду на Теккерея, что единственное средство исправить свой неловкій промахъ и заставить публику забыть оскорбленія, несправедливо нанесенныя ея любимому писателю, это начать скрѣпя сердце превозносить Теккерея больше, нежели когда нибудь, — и черезъ годъ послѣ раздраженныхъ выходокъ «Blackwood's Magazine» обратился въ ревностнѣйшаго поклонника прекрасныхъ произведеній Теккерея. Поступая такимъ образомъ, издатель «Blackwood's Magazine» доказалъ, что онъ человѣкъ съ тактомъ: въ самомъ дѣлѣ, только люди, лишенные такта, не удерживаются отъ выраженій своей досады тогда, когда эта досада можетъ повредить имъ самимъ въ общемъ мнѣніи.

Въ русской литературѣ также часто бывали примѣры, подобные тому, о которомъ идетъ рѣчь. Напримѣръ, когда основалась «Библіотека для Чтенія», многіе изъ нашихъ лучшихъ литераторовъ (въ томъ числѣ Пушкинъ) обѣщали свое сотрудничество исключительно этому журналу, и никто не могъ видѣть въ томъ ничего, кромѣ хорошаго. Но самые многочисленные примѣры исключительнаго сотрудничества въ одномъ журналѣ представляетъ исторія «Отечественныхъ Записокъ» въ блестящее время ихъ существова-

нія, о которомъ мы всегда вспоминаемъ съ величайшимъ уваженіемъ. Кто имѣлъ право негодовать на Лермонтова за то, что онъ помѣщалъ свои произведенія исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ?» Напротивъ, это исключительное сотрудничество Лермонтова приносило честь какъ великому поэту, такъ и г. Краевскому, редактору «Отечественныхъ Записокъ». «Если такой писатель, какъ Лермонтовъ (думала публика, и думала справедливо) на столько уважаетъ журналъ г. Краевскаго, что хочетъ имѣть дѣло исключительно съ нимъ, это самымъ выгоднымъ образомъ свидѣтельствуетъ въ пользу г. Краевскаго. Съ другой стороны, о характерѣ Лермонтова свидѣтельствуетъ самымъ выгоднымъ образомъ то обстоятельство, что онъ печатаетъ свои произведенія въ журналѣ г. Краевскаго, котораго уважаетъ, и не соглашается печатать ихъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Точно также исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ» печатали свои произведенія другіе лучшіе наши литераторы тогдашняго времени, и «Отечественныя Записки», быть можетъ, согласятся, что въ такомъ обстоятельствѣ не было ничего предосудительнаго для литераторовъ, желавшихъ быть исключительно сотрудниками этого журнала.

Довольно ли убѣдительны для «Отечественныхъ Записокъ» эти примѣры и объясненія? Поймутъ ли «Отечественныя Записки», что онѣ становятся въ самое невыгодное положеніе, обнаруживая несправедливую досаду на писателей, согласившихся помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникѣ»? Поймутъ ли «Отечественныя Записки», что на фактъ, столь простой и натуральный, защищаемый примѣромъ всѣхъ знаменитостей европейской литературы и исторіею самихъ «Отечественныхъ Записокъ» въ блестящее время ихъ существованія, невозможно нападать безъ того, чтобы нападающій не уронилъ себя въ общемъ мнѣніи?

Мы вовсе не имѣемъ охоты продолжать этихъ объясненій, какъ не имѣли охоты и начинать ихъ (по тѣмъ самымъ чувствамъ, которыя нѣкогда прекрасно были выражаемы «Отечественными Записками» относительно «Сѣверной Пчелы»). Мы предоставляемъ «Отечественнымъ Запискамъ» полнѣйшую свободу говорить что угодно о насъ самихъ. Но одного мы не позволимъ дѣлать безнаказанно: бросать неблагопріятную тѣнь на тѣхъ писателей, которые дѣлаютъ честь нашему журналу помѣщеніемъ въ немъ своихъ произведеній. Тутъ мы на каждый кривой намекъ будемъ отвѣчать

фактомъ, на каждое объясненіе — разъясненіемъ дѣла, и не уступимъ ни шагу. Надѣемся, положеніе дѣла таково, что общее мнѣніе будетъ на нашей сторонѣ, какъ было оно нѣкогда на сторонѣ «Отечественныхъ Записокъ» противъ «Сѣверной Пчелы».

Приводимъ выходку «Отечественныхъ Записокъ» противъ писателей, которые обѣщались помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникѣ». Пусть судитъ читатель, много ли въ ней остроумія и правды.

„Русскій языкъ удивительно богатъ. Давно извѣстно, что онъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ превосходныя качества другихъ языковъ, что на немъ можно выражать мысли о какихъ угодно предметахъ, начиная съ самыхъ возвышенныхъ и оканчивая самыми низкими. Даже знаменитые стихи Пушкина, что

. . . . гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ,

кажутся теперь анахронизмомъ. Въ русскомъ языкѣ—этомъ неисчерпаемомъ сокровищѣ всевозможныхъ словъ и оборотовъ, легко отъищутся точныя реченія для замѣны реченій иностранныхъ, которыхъ у насъ такъ много и которыя, собственно говоря, нѣтъ надобности и переводить, потому что они понятны всѣмъ, мало-мальски грамотнымъ людямъ.

„Новѣйшее, если не послѣднее, доказательство неистощимаго богатства нашего языка мы видимъ въ объявленіи „Объ изданіи Современника въ 1857 году". („Московскія Вѣдомости", № 114). Въ немъ, между прочимъ, сказано:
„Взаимный обмѣнъ мыслей, здѣсь (въ „Объявленіи") изложенныхъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ *обязательное соглашеніе* между редакціею „Современника" и нѣсколькими литераторами..."

„*Обязательное соглашеніе!..* да что жъ это иное, какъ не контрактъ? Двумя русскими словами замѣнено здѣсь одно иностранное, и не только замѣнено, но и опредѣлено въ точности. Можно было, пожалуй, распространить это опредѣленіе, какъ и распространяютъ его французы, говоря, что контрактъ—s'est une convention par la quelle une partie s'engage à faire ou ne pas faire quelque chose, ou plus spécialement l'acte même qui forme la preuve littérale de l'engagement contracté; но какая въ томъ надобность? Французы, по бѣдности языка своего, принуждены bon gré mal gré пускаться въ длинныя объясненія и перифразы Богатый языкъ нашъ не имѣетъ въ томъ никакой надобности: онъ гордо произноситъ: *обязательное соглашеніе*! и каждый понимаетъ, что это значитъ, хотя бы подлѣ этихъ словъ и не стояло въ скобкахъ слово *контрактъ*.

Какая милая свѣтскость въ этихъ французскихъ фразахъ! «Отечественныя Записки» могутъ вспомнить, каковы были ихъ сужденія о подобныхъ остротахъ «Листка для Свѣтскихъ Людей»: этотъ несчастный журналецъ, на который нѣкогда съ такимъ справедливымъ состраданіемъ смотрѣли «Отечественныя Зап.», писался со-

вершенно такимъ же языкомъ, и достоинство его юмора было совершенно таково же, какъ въ строкахъ, которыми начинается филиппика противъ «обязательнаго соглашенія». Попробуемъ объяснить «Отечественнымъ Запискамъ», въ чемъ онѣ ошиблись, увлекшись несправедливою досадою.

Итакъ (продолжаютъ «Отечес. Зап.»), «заключенъ контрактъ между нѣсколькими литераторами и редакторами «Современника» — это что-то неслыханное въ нашей литературѣ». Если бы и дѣйствительно это было дѣло неслыханное, изъ того не слѣдуетъ еще, что это дѣло дурное, а только то, что это дѣло новое. Первая желѣзная дорога, первая печатная книга—все это были дѣла неслыханныя до того времени, и, однако же, дѣла очень хорошія. Но дѣйствительно ли взаимныя обязательства между литераторами и журналистами новость въ нашей литературѣ? Каждому извѣстно, что вовсе не новость. Журналу всегда необходимо сотрудничество нѣсколькихъ лицъ; журналъ всегда бываетъ дѣломъ общаго труда, а общій трудъ невозможенъ безъ взаимныхъ обязательствъ между лицами, его раздѣляющими. Кажется, все это просто и неоспоримо? Кажется, все это по собственному опыту извѣстно каждому русскому литератору или журналисту съ того времени, какъ существуютъ у насъ порядочные журналы. А кому неизвѣстно, можетъ узнать хотя бы изъ біографіи Пушкина, приложенной къ новому его изданію. Чему же дивятся «Отечественныя Записки», если нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ литераторовъ вступили съ «Современникомъ» въ такія отношенія, въ какія вступалъ Пушкинъ съ однимъ изъ тогдашнихъ журналовъ? Мы нѣсколько разъ перечитывали статейку «Отечественныхъ Записокъ» и никакъ не могли найти въ ней яснаго выраженія относительно предмета ихъ удивленія и жалобы. Все ограничивается какими-то смутными возгласами. Мы не удивляемся этой темнотѣ: кто чувствуетъ, что жалоба его неосновательна, досада несправедлива, всегда старается запутать и затемнить дѣло; но кто не смѣетъ ясно выражать своей жалобы (чувствуя, что она неосновательна), долженъ быть не слишкомъ щедръ на упреки другимъ, особенно, когда эти другіе заслужили общее уваженіе. Кто не только безъ всякаго права оскорбляетъ темными намеками людей, уважаемыхъ обществомъ не только за ихъ талантъ, но и за высокую безукоризненность ихъ душевнаго

благородства, тотъ подвергаетъ себя опасности показаться обществу человѣкомъ другаго рода.

Клевета пятнаетъ въ общемъ мнѣніи не того, на кого клевещутъ, а того, кто клевещетъ.

Предоставляемъ нравственному чувству читателей судить о слѣдующихъ выраженіяхъ «Отеч. Записокъ».

Къ литератору преимущественно относится строгій приказъ русской пословицы: „давши слово—держись". Онъ больше, чѣмъ кто-либо другой, обязанъ быть рабомъ своему слову. Онъ до того ему крѣпокъ, что въ другой крѣпости или въ другомъ рабствѣ не видитъ ни малѣйшей нужды. Давая слово, онъ вмѣстѣ съ нимъ кладетъ и честь свою, потому что на каждое свое слово смотритъ, какъ на „parole d'honneur". Поэтому „обязательное соглашеніе", въ отношеніи къ литераторамъ—странный плеоназмъ, бросающій грустную тѣнь на обѣ обязывающіяся стороны. Развѣ соглашеніе или согласіе, произнесенное просто-на-просто голосомъ, то есть выраженное изустно, не есть своего рода обязательство? Чѣмъ же другимъ можетъ быть оно въ благородномъ званіи литератора?

Пропускаемъ остроумную тираду о дружбѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, которые не обязывали другъ друга никакими контрактами—юморъ этой тирады столь же хорошъ, какъ и начало статейки—но смыслъ ея непостижимъ здравому уму,—и читаемъ далѣе:

Предки наши, не знавшіе ни иностраннаго слова „контрактъ", ни перевода его на русскій языкъ „обязательное соглашеніе", говорили коротко и ясно: „кто измѣнитъ своему слову, тому да будетъ стыдно". Отчего мы не подражаемъ ихъ достохвальному примѣру? Неужели оттого, что—страшно даже вымолвить—мы потеряли стыдъ?—Или почтенная краска древняго стыда замѣнилась у насъ невозмутимостью духа новѣйшей снисходительности, которая избрала своимъ девизомъ названіе комедіи Островскаго: „Свои люди — сочтемся!"

Просимъ «Отеч. Записки» вспомнить, о какихъ людяхъ онѣ говорятъ подобныя вещи; просимъ этотъ журналъ подумать о томъ, сообразно ли съ здравымъ смысломъ предполагать, что каждый порядочный человѣкъ въ грамотной Россіи не приметъ, какъ личное оскорбленіе себѣ, оскорбленіе, наносимое писателямъ, которыми гордится русская литература?

Мы говоримъ прямо:

«Отеч. Записки» поступили неблагоразумно, давъ свободный разгулъ досадѣ, возбужденной въ нихъ тѣмъ, что онѣ лишились на-

дежды имѣть своими сотрудниками гг. Григоровича, Островскаго, Толстаго и Тургенева.

На темные намеки мы отвѣчаемъ указаніемъ фактовъ, извѣстныхъ всѣмъ.

Если «Отеч. Записки» будутъ продолжать свою неблагоразумную тактику, мы не отступимъ ни передъ какими объясненіями; на каждый намекъ мы будемъ отвѣчать фактомъ—факты всѣ говорятъ въ пользу писателей, неблагоразумно оскорбляемыхъ «Отечеств. Записками», и если этотъ журналъ заставитъ насъ сдѣлать эти факты извѣстными публикѣ, то это обнародованіе не доставитъ особенной радости «Отечественнымъ Запискамъ». Мы совѣтовали бы не подавать къ тому новаго случая. Пусть припомнятъ «Отечественныя Записки», какой ударъ нанесли онѣ себѣ въ 1846 году, неосторожно поднявъ шумъ о дѣлѣ, вовсе для нихъ невыгодномъ. Этотъ случай несомнѣнно повторится, если «Отеч. Записки» будутъ и въ настоящемъ дѣлѣ дѣйствовать такъ же неблагоразумно, какъ тогда.

Повторяемъ. Мы не желали начинать этихъ объясненій и не желаемъ продолжать ихъ. Но мы не позволимъ безнаказанно оскорблять писателей, дѣлающихъ честь нашему журналу помѣщеніемъ въ немъ своихъ произведеній...»

Вражда «Отечественныхъ Записокъ» къ «Современнику» вводитъ ихъ въ ошибки, пагубныя для нихъ. Новое подтвержденіе тому представляетъ помѣщенная въ октябрьской книжкѣ статья г. Галахова «Были и Небылицы», направленная противъ изслѣдованія г. Лайбова «О Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова» («Современникъ» 1856 г. № VIII).

Не можемъ оставить безъ отвѣта этой страшно длинной выходки. Того требуетъ правило, высказанное нами выше.

Статья г. Галахова имѣетъ ученую наружность: она снабжена 153 цитатами, преимущественно изъ смирдинскаго изданія «Сочиненій Императрицы Екатерины II», и «сочиненій Державина» *).

Г. Галаховъ напечаталъ 43 страницы, которыхъ цѣль—«доказать односторонность или невѣрность выводовъ, заключающихся въ нѣсколькихъ строкахъ статьи г. Лайбова въ «Современникѣ» и

*) Дальше текстъ, какъ видно изъ рукописей, принадлежитъ, до послѣдняго абзаца, другому лицу, вѣроятно Д—ву.

Примѣчаніе издателя.

относящихся къ «Былямъ и Небылицамъ» Императрицы Екатерины. Такая честь должна, конечно, быть очень лестною для г. Лайбова: онъ лицо совершенно неизвѣстное въ литературѣ, а г. Галаховъ успѣлъ уже пріобрѣсти извѣстность, какъ между учащимися— своею хрестоматіею и разными статьями, такъ между учеными— признаніемъ, что въ составленіи своей хрестоматіи онъ руководствовался «Чтеніями о Словесности» г. Давыдова. (См. «От. Зап.» 1843 г., № 7).

Г. Галаховъ прежде всего выбралъ изъ статьи г. Лайбова по нѣскольку строкъ, съ шести страницъ, оставивъ въ сторонѣ связь мыслей и все, чѣмъ онѣ доказываются. (Методъ, за употребленіе котораго всегда хвалили «Отеч. Записки» добросовѣстныхъ своихъ оппонентовъ «Сѣверной Пчелы»). Затѣмъ, рѣшаясь опровергать выводы г. Лайбова, г. Галаховъ сначала толкуетъ весьма пространно о томъ, что Императрица Екатерина всегда была вѣрна своимъ основнымъ принципамъ (противъ чего никто и не говорилъ ни слова); потомъ исчисляетъ пороки, которые Императрица осмѣивала въ своихъ комедіяхъ: неплатежъ долговъ, мотовство, щегольство, легкость семейныхъ отношеній. Затѣмъ слѣдуетъ 10 страницъ о стараніяхъ Императрицы положить предѣлъ иностранному воспитанію въ Россіи, потомъ еще столько же о суевѣріи и тайныхъ обществахъ. Послѣ того говорится еще о вопросахъ Фонвизина, о самой формѣ «Былей и Небылицъ», о ихъ языкѣ, изъ всего разсужденія выводится, что «Были и Небылицы» истинная характеристика тогдашняго общества и что на нихъ можно смотрѣть какъ на сводъ всего, что писала Екатерина II *до* и *послѣ* 1783 г...

Доказываетъ г. Галаховъ свою мысль весьма оригинальнымъ способомъ: онъ дѣлаетъ десятки выписокъ изъ комедій Императрицы, изъ Наказа, изъ сатиръ Кантемира и Сумарокова, изъ переписки Дидро съ Гриммомъ, Екатерины съ Циммерманомъ и Вольтеромъ, Вольтера съ Даламберомъ, и пр., все для того, чтобы доказать, что у насъ былъ извѣстный порокъ, напр., суевѣріе, и затѣмъ побѣдоносно представляетъ *одну* замѣтку «Былей и Небылицъ», чтобы доказать, что и онѣ объ этомъ говорили. Приведя около десятка подобныхъ заключительныхъ выписокъ во всей статьѣ, г. Галаховъ думаетъ, что дѣло его кончено, и что противникъ его уничтоженъ окончательно. Но тому, кто внимательно прочиталъ статьи г. Лайбова и г. Галахова, ясно видно, что г. критикъ го-

воритъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, и сражается съ вѣтренными мельницами. Пріемъ, имъ употребленный, похожъ на то, какъ если бы мы, стараясь доказать, что напр., Гоголь былъ стихотворецъ, а не прозаикъ, начали бы толковать о Гомерѣ, Данте, о Ломоносовѣ, Державинѣ, Пушкинѣ и пр. и, сказавъ, что всѣ они писали стихи, въ заключеніе рѣшили бы, что Гоголь, написавшій «Ганца Кюхельгартена» и «Италію», — тоже стихотворецъ. Это очень логично, но къ дѣлу нисколько не относится.

Но, оставивъ въ сторонѣ странный способъ г. Галахова разсуждать объ одномъ предметѣ, говоря совершенно о другомъ, мы видимъ много невѣрнаго, неопредѣленнаго и ложно понятаго въ самыхъ его положеніяхъ. Онъ вооружается особенно противъ тѣхъ словъ г. Лайбова, что самъ авторъ смотрѣлъ на «Были и Небылицы» какъ на плоды досуга и *говорилъ въ нихъ обо всемъ, что ему приходило въ голову.* Эти слова онъ называетъ безъ всякой церемоніи—*безсмысленными* («От. Зап.» 1856 г., № 10, Крит., стр. 45), на томъ основаніи, что Императрица отличалась вѣрностью своимъ принципамъ и пристрастіемъ къ своимъ идеямъ, безъ котораго не бываетъ ни великихъ дѣятелей, ни великихъ дѣлъ. Вполнѣ уважаемъ въ г. Галаховѣ этотъ благородный порывъ благоговѣнія къ великой монархинѣ и вполнѣ согласны съ его мнѣніемъ о томъ, что Екатерина II всегда вѣрна была своимъ идеямъ. Но мы думаемъ, что Ея величіе и слава нимало не нуждаются въ томъ, чтобы бѣглыя замѣтки Ея считались по своей важности и серьёзности равными «Наказу». Слава Ея не помрачается, а возвышается еще болѣе, когда мы смотримъ на Ея дѣло съ точки зрѣнія истины и справедливости, къ которымъ такую любовь выказывала Она сама. Если бы Ея произведенія были дурны, и тогда Она бы потребовала, чтобы Ей сказали о нихъ правду; тѣмъ менѣе могла бы Она потерпѣть преувеличенные отзывы о значеніи того, чему Она сама не придавала никакого значенія. Людовикъ XIV писалъ слабые стихи,— и развѣ помрачается этимъ его величіе? Петръ Великій занимался точеньемъ; но развѣ вещи, выточенныя Имъ должны непремѣнно отражать въ себѣ великія идеи преобразователя Россіи и занимать важное мѣсто въ исторіи токарнаго искусства? А «Были и Небылицы» были точно также *отдыхомъ* для Екатерины, какъ для Петра— точенье. Съ этимъ согласенъ и самъ г. Галаховъ (стр. 81). А можно ли требовать отъ человѣка, чтобы онъ, въ часы отдыха, занимался

важнымъ дѣломъ, по строго опредѣленному плану и системѣ? Не естественно ли, что плодъ этого досуга будетъ не болѣе, какъ забавная игрушка, и, если это литературное произведеніе, что въ немъ дѣло будетъ перемѣшано съ бездѣльемъ? Да и какъ не замѣтить этого съ перваго раза, при чтеніи «Былей и Небылицъ?» Это видно въ тѣхъ выпискахъ, которыя представлены въ статьѣ г. Лайбова... Конечно, Императрица не противорѣчила здѣсь самой себѣ, не шла противъ своихъ убѣжденій; но вѣдь объ этомъ никто и не говорилъ.

Г. Лайбовъ упрекается также за то, будто онъ вѣритъ разсказу автора «Былей и Небылицъ» объ употребленіи ихъ на обертку и на папильотки и изъ этого будто бы выходитъ, что авторъ ихъ самъ не придавалъ имъ значенія (стр. 79). Но здѣсь г. Галаховъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, возражаетъ на собственныя мысли, а не на слова своего противника, которыя онъ не хотѣлъ даже привести въ своей выпискѣ (стр. 43) такъ, какъ слѣдуетъ для полноты смысла. Послѣ разсказа о папильоткахъ, у него тотчасъ выписаны слова: «и это не иронія», и пр., а въ подлинникѣ они относятся совсѣмъ не къ тому. Въ подлинникѣ сказано, что когда кто-то въ письмѣ просилъ автора «Былей» изобразить человѣческое тщеславіе, тогда онъ отвѣчалъ, что перемытаривать свѣтъ онъ не намѣренъ, и пр. (см. «Совр.» № 8, стр. 66). Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, видно, что авторъ «Былей» не хотѣлъ даже и браться за серьёзное изображеніе порока въ своихъ легкихъ, бѣглыхъ замѣткахъ, въ которыхъ именно (повторимъ слова статьи «Современника») все писано какъ бы импровизаціей, безъ особеннаго плана и заботы о томъ, чтобы составить стройное цѣлое.

Точно также опрометчиво поступилъ г. Галаховъ и въ слѣдующей выпискѣ, взятой имъ совершенно отдѣльно отъ предъидущихъ мыслей. Г. Лайбовъ разбираетъ тѣ попытки на представленіе характеровъ, которыя видимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Былей», и находитъ, что осмѣиваются—самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ и проч. («Современникъ», стр. 67). Здѣсь онъ и замѣчаетъ, что бо̀льшая часть этихъ описаній характеровъ, съ ихъ намеками и остротами, очень общи, а гораздо болѣе характернаго въ мимолетныхъ, случайныхъ замѣткахъ. Все это очень естественно и какъ нельзя лучше соглашается съ общимъ положеніемъ автора, что «Были и Небылицы» не имѣли значенія серьезной сатиры, а были

просто бѣглыми замѣтками обо всемъ, что автору ихъ приходило въ голову, и, между прочимъ, иногда, конечно, и о вещахъ болѣе или менѣе серьёзныхъ. Но у г. Галахова приведена только вторая половина мнѣнія, такъ что, прочитавъ выписку, думаешь что г. Лайбовъ рѣзко противорѣчитъ себѣ. Замѣтимъ еще, что противъ степени характерности бѣглыхъ замѣтокъ въ «Быляхъ» г. Галаховъ не говоритъ ни слова, а, между тѣмъ, гордо обѣщался опровергнуть выводы, представленные имъ изъ статьи г. Лайбова, «начиная съ перваго и оканчивая послѣднимъ». Возстаетъ г. Галаховъ особенно еще противъ той мысли, что «Были и Небылицы» не были характеристикой общества. Онъ говоритъ: онѣ заключаются въ указаніи и осмѣяніи общественныхъ недостатковъ, тогда господствовавшихъ, тѣхъ самыхъ, съ которыми имѣли дѣло и другія сочиненія Императрицы, явившіяся и прежде и послѣ «Былей и Небылицъ», и Ея правительственные уставы и учрежденія, и произведенія современныхъ писателей. *Отсюда вытекаетъ прямое заключеніе,— вопреки заключенію г. Лайбова.*—что «Были и Небылицы»—живая и мѣткая сатира (но тоже самое, только съ большимъ ограниченіемъ, утверждаетъ и г. Лайбовъ, говоря, что въ «Быляхъ и Небылицахъ» есть сатира и, *вѣроятно*, *мѣткая* и живая), но изъ темныхъ явленій русской жизни «Были» представляютъ очень немногія, и то не важнѣйшія. Онѣ болѣе обращаются къ внѣшней сторонѣ жизни, онѣ не заботятся о томъ, чтобы обнять все дурное, что представляется въ обществѣ, потому что онѣ именно написаны подъ вліяніемъ минутнаго расположенія духа, въ веселый часъ, во время отдыха, а не съ серьёзной цѣлью. Авторъ отказался описать *мздоимца* и *ябедника*, онъ не хотѣлъ затрогивать *человѣческаго тщеславія*; равнымъ образомъ ни г. Лайбовъ, ни г. Галаховъ не представили намъ, что «Были и Небылицы» изображали ханжество, ласкательство, послуживанье и выслуживанье предъ высшими, грубость и жестокость съ низшими, отсутствіе собственныхъ убѣжденій, животное равнодушіе къ высшимъ вопросамъ и т. п. А вѣдь нельзя не согласиться, что, при молчаніи объ этихъ недостаткахъ, вышла бы плохая *характеристика* общества, и еслибъ Императрица хотѣла писать *характеристику*, Она бы, конечно, обратила на нихъ болѣе вниманія, нежели на все остальное. Недостатки эти существовали и были сильны тогда въ русскомъ обществѣ. Доказательство представляетъ тотъ же «Собесѣдникъ», въ которомъ помѣщены

«Были и Небылицы». Изъ совокупности замѣтокъ этого журнала, дѣйствительно, можно составить довольно полную характеристику общества, что и сдѣлалъ г. Лайбовъ во второй статьѣ своей. Сказать же, что характеристика общества заключается въ «Быляхъ и Небылицахъ», почти то же, что сказать, будто, напр., «Хвастунъ» Княжнина или «Говорунъ» Хмѣльницкаго представляютъ полную характеристику общественныхъ недостатковъ.

Но какія же новыя черты отъискалъ г. Галаховъ въ «Быляхъ», черты, которыя были бы упущены изъ виду г. Лайбовымъ и могли измѣнить взглядъ на это сочиненіе? Никакихъ. Онъ только распространилъ ненужными выписками изъ комедій Императрицы и пр. то самое, о чемъ упомянулъ и г. Лайбовъ. Стóитъ сравнить все содержаніе статьи г. Галахова съ 67—8 страницами статьи г. Лайбова въ № III «Современника», и каждый увидитъ, что г. Галаховъ ничего сколько нибудь важнаго не прибавилъ къ тому, что мы узнали о «Быляхъ и Небылицахъ» отъ г. Лайбова, у котораго сказано было: «въ первой же статьѣ «Былей» осмѣиваются: самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ, мотъ, щеголиха, вздорная баба, мелочной человѣкъ... Во второй находятся насмѣшки надъ пренебреженіемъ къ литературѣ... Далѣе насмѣшки надъ человѣкомъ, который некстати высказываетъ свое недовольство, надъ женой, не любящей мужа, надъ дѣвушкой, которая бѣлится, и пр.... авторъ вооружается противъ пристрастія къ иноземному, особенно французскому, противъ того, когда человѣкъ тянется, чтобы выйти изъ своего состоянія, противъ непостоянства, часто мѣняющаго заведенный порядокъ, противъ умничанья, которое онъ называетъ скучнымъ...» Г. Галаховъ счелъ нужнымъ распространить все это выписками; но такъ какъ «Были» давали ему матеріала очень мало, то онъ началъ выписывать изъ комедій, изъ Полнаго Собранія Законовъ, изъ «Словаря достопамятныхъ людей», изъ «Исторіи Московскаго Университета», и пр., и пр., воображая, что онъ представляетъ *характеристику* «Былей и Небылицъ». Да вѣдь дѣлать эти выписки — дѣло совсѣмъ не трудное. Г. Лайбовъ, конечно, съумѣлъ бы надѣлать ихъ не менѣе Г. Галахова, тѣмъ болѣе, что смирдинское изданіе русскихъ авторовъ и «Наказъ» Екатерины II (главные матеріалы г. Галахова) у всякаго подъ рукой. Такимъ образомъ, легко было бы, вмѣсто шести страницъ, написать о «Быляхъ» сорокъ-три, и, слѣдовательно, о всемъ «Собесѣдникѣ», вмѣсто

ста, семьсотъ страницъ. Но г. Лайбовъ не вправѣ былъ сдѣлать этого, говоря объ одномъ изъ сочиненій Екатерины II, а не объ общемъ характерѣ литературы. Если бы онъ писалъ статью о «нравахъ русскаго общества въ вѣкъ Екатерины», тогда, конечно, онъ могъ выписывать все, что можно найти о нихъ въ современной литературѣ. Въ настоящемъ же случаѣ онъ, по нашему мнѣнію, хорошо сдѣлалъ, что помнилъ, *о чемъ* онъ пишетъ.

Г. Галаховъ самъ замѣтилъ неумѣстность своихъ разсужденій и оправдываетъ ихъ тѣмъ, что «историко-литературное разсужденіе должно выяснить вопросъ вполнѣ, поставить его въ соотношеніе и съ мѣрами правительственными и съ произведеніямія словесности». Онъ говоритъ, что «нельзя оградить себя однѣми «Былями», что «нужно начать издалека»... И все это для чего же? Для того, чтобы доказать, что у насъ, въ самомъ дѣлѣ, было въ прошломъ столѣтіи пристрастіе къ французскому воспитанію, что дѣйствительно были суевѣрія, были масонскія общества, что точно были люди, не платившіе долговъ, мотавшіе, дурно исполнявшіе семейныя обязанности! Да, помилуйте, кто же въ этомъ сомнѣвается? Это уже дѣло рѣшеное. Ваша задача должна состоять только въ томъ, чтобы показать, *что* и *какъ* отразилось въ «Быляхъ и Небылицахъ». И вы, несмотря на щедрыя выписки, успѣли представить изъ «Былей и Небылицъ» не болѣе характерныхъ чертъ, нежели г. Лайбовъ.

Г. Галаховъ не понимаетъ, откуда вывелъ г. Лайбовъ, что въ веселомъ тонѣ «Былей» выразился блестящій вѣкъ Екатерины, вѣкъ веселій, вѣкъ празднествъ и пр. («Отечественныя Записки», стр. 82). Самое это мнѣніе о вѣкѣ Екатерины онъ считаетъ ложнымъ (стр. 44). Почему господинъ Галаховъ отвергаетъ качество, всѣми признанное за этимъ блестящимъ вѣкомъ и оставившее столь яркіе слѣды и въ тогдашней литературѣ и въ воспоминаніяхъ современниковъ, этого онъ не считаетъ нужнымъ объяснять. Онъ, очевидно, не хочетъ обратить вниманія на то обстоятельство, что во время Екатерины II, по крайней мѣрѣ, столько же было писано одъ на празднества, сколько и на побѣды, что веселое направленіе выражалось во всемъ. А стоило бы, кажется, хоть припомнить конецъ оды Державина на смерть Мещерскаго, и тогда слова г. Лайбова о вѣкѣ Екатерины представились бы не болѣе, какъ перифразомъ ея заключительной строфы.

Но всего интереснѣе разсужденіе г. Галахова о тогдашнемъ во-

спитанія. Нѣсколько страницъ объ этомъ порождены тремя строками одного изъ примѣчаній г. Лайбова («Современникъ» № 9, стр. 64), гдѣ сказано: «Замѣчательно, что во время изданія «Собесѣдника», несмотря на частныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, въ литературѣ нашей еще господствовало полное довѣріе и уваженіе къ французамъ и ихъ *ученію*». Хотя передъ этимъ ничего не говорилось о воспитаніи, но г. Галаховъ вообразилъ, что ученіе именно употреблено здѣсь въ смыслѣ школьныхъ уроковъ, и написалъ грозную страницу, въ которой упоминаетъ и о Фонвизинѣ и о сатирическихъ журналахъ 1769 — 74 г. (которые оговорены были и г. Лайбовымъ), и даже о комедіяхъ Сумарокова. Съ маленькой натяжкой онъ могъ бы прибавить сюда и сатиры Кантемира и даже «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго. Г. Лайбовъ говоритъ о философскихъ ученіяхъ, а г. Галаховъ воображаетъ, что дѣло идетъ о дѣтскихъ учителяхъ.

Въ доказательство того, что воспитаніе наше стремилось къ народности съ самаго восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, онъ приводитъ много мѣстъ изъ «Полнаго Собранія Законовъ» и изъ «Наказа» и говоритъ, что Бецкій работалъ въ этомъ духѣ по идеямъ Императрицы. Но странно, какъ г. Галаховъ, умѣя приводить букву, не можетъ вникнуть въ истинный смыслъ и духъ того, изъ чего онъ приводитъ. Какъ будто оффиціальная бумага— такое литературное произведеніе, которое прямо вамъ и объясняетъ внутренній характеръ всего дѣла. Совсѣмъ нѣтъ: здѣсь нужно добраться до сущности нѣкоторыми соображеніями. И, раскрывъ «Собраніе учрежденій и предписаній о воспитаніи въ Россіи (Спб., 1789 г.), совсѣмъ нетрудно сообразить дѣло, видя, что тутъ безпрестанно толкуется о грекахъ, персахъ и римлянахъ, приводятся выписки изъ *Локка*, *Саншеса*, *Гюма*, *Монтаня*, припоминаются мнѣнія *Ришелье*, помѣщаются *вигеціевы* наставленія, указывается на книгу о законахъ и домостроительствѣ *Датскаго* королевства, для пополненія и разъясненія изложенныхъ здѣсь правилъ, говорится, что воспитательный домъ учреждается по примѣру Голландіи, Франціи и Италіи, выказывается безусловное восхищеніе кассельскимъ и ліонскимъ госпиталями для бѣдныхъ, и пр., и пр. Г. Галаховъ въ защиту своей мысли приводитъ также слова изъ оффиціальной рѣчи Сумарокова на открытіе Академіи Художествъ (*стр.* 60) и замѣчаетъ, что Сумароковъ какъ бы повторяетъ здѣсь

мысли Бецкаго. Но вотъ что тотъ же Сумароковъ говорилъ о Бецкомъ въ частной бесѣдѣ: «есть де нѣкто г. Таубертъ: онъ смѣется Бецкому, что онъ робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, и Бецкій, и Таубертъ — оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ россійскомъ» («Сем. Пор. Зап.», стр. 436). Вотъ какая можетъ быть разница между самымъ дѣломъ и оффиціальнымъ представленіемъ его: нехудо г. Галахову замѣтить эту разницу *).

Теперь спросимъ: выигралъ ли г. Галаховъ, вызвавъ насъ на этотъ отвѣтъ? Не выиграла ли, напротивъ, статья г. Лайбова отъ его неудачныхъ нападеній, и какого результата достигли «Отечественныя Записки» помѣщеніемъ статьи г. Галахова?

---

*) Далѣе послѣднія строки писаны опять Н. Г. Ч—мъ.

Примѣчаніе издателя.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

НОЯБРЬ 1856.

Годъ, съ которымъ готовимся мы проститься, принесъ много хорошаго нашему отечеству. При самомъ началѣ его, благая воля Государя подала намъ надежду на миръ, желаемый всею Европою, благотворный для насъ; эта надежда не обманула насъ,—и миръ былъ заключенъ въ самое благопріятное для примиренія время, на условіяхъ, самыхъ выгодныхъ. Миръ, который должны благословлять мы всѣ, снова открылъ свободный путь нашей заграничной торговлѣ, оживилъ промышленную дѣятельность внутри государства, возстановилъ наши сношенія съ другими образованными народами, наконецъ, что всего важнѣе, далъ время и возможность къ исправленію всего того, что нуждается въ улучшеніи. Затѣмъ—торжество Коронованія и сопровождавшій его милостивый манифестъ,—манифестъ, возвратившій утраченныя блага столькимъ людямъ, облегчившій массу народа трехлѣтнею льготою отъ рекрутскихъ наборовъ. За манифестомъ послѣдовали преобразованія и улучшенія по многимъ отраслямъ національной жизни и,—быть можетъ, важнѣйшее изъ всѣхъ этихъ улучшеній,—принятіе мѣръ къ построенію обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Съ оживленіемъ всѣхъ отраслей національнаго нашего существованія и литература наша въ оканчивающемся теперь году была живѣе, интереснѣе, богаче мыслями и замѣчательными явленіями, нежели когда нибудь. Всѣ слухи, доходившіе до литературнаго нашего міра изъ провинцій, были согласны въ томъ, что на всѣхъ концахъ Россіи литературный интересъ пробудился въ замѣчательной степени. Повсюду въ публикѣ были толки и пренія по поводу той или другой повѣсти, того или другаго стихотворенія, той или

другой журнальной статьи. Такъ оживилось сочувствіе къ литературѣ въ провинціяхъ. То же было и въ столицахъ,—это каждый литераторъ знаетъ по опыту.

Всякая живая мысль, всякое дѣльное слово принималось публикою съ горячимъ одобреніемъ; эта симпатія должна была дѣйствовать на литературу,—и, дѣйствительно, литература старалась оправдать требованія и надежды публики; съ справедливою гордостью можетъ она сказать, что въ истекающемъ году была, хотя до нѣкоторой степени, достойна ея вниманія.

Въ началѣ года, она обогатилась двумя новыми журналами, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою несомнѣнную важность, и каждый приноситъ большую пользу нашему умственному развитію,—одинъ положительнымъ образомъ, другой, быть можетъ, почти только отрицательнымъ—возбуждая къ безпристрастнѣйшему изслѣдованію затрогиваемыхъ ихъ вопросовъ—но все же приноситъ пользу и этотъ второй. Читатели видятъ, что мы говоримъ о «Русскомъ Вѣстникѣ» и о «Русской Бесѣдѣ».

Различны были ожиданія, возбужденныя тѣмъ и другимъ,—и, надобно сказать, въ значительной степени эти ожиданія были обмануты,—однимъ журналомъ къ лучшему, другимъ—не такъ, чтобы оттого увеличился его интересъ.

Литературно-ученыя мнѣнія редакціи «Русскаго Вѣстника» и писателей, которыхъ ожидали видѣть главными его сотрудниками, были хорошо извѣстны по ихъ дѣятельности въ другихъ журналахъ, до основанія «Русскаго Вѣстника»; мнѣнія эти не могли имѣть интереса новизны. Никто не сомнѣвался въ томъ, что «Русскій Вѣстникъ» будетъ журналомъ почтеннымъ, всѣ были увѣрены, что онъ дастъ много хорошихъ статей, особенно статей ученаго содержанія; сотрудничество многихъ профессоровъ Московскаго Университета, который столь справедливо считается средоточіемъ ученой жизни въ Россіи и бывшіе питомцы котораго такъ справедливо сохраняютъ на всю жизнь любовь къ нему,—это сотрудничество повсюду возбуждало самое горячее участіе къ новому журналу. Надежды на него были, какъ видимъ довольно велики. Но слышались отъ многихъ и предположенія, до нѣкоторой степени ослаблявшія нетерпѣливость ожиданій,—теперь, когда эти предположенія прекрасно опровергнуты журналомъ, мы не находимъ нужды умалчивать о нихъ. Отъ многихъ можно было слышать мнѣніе, что «Рус-

скій Вѣстникъ» не будетъ имѣть самобытнаго, только ему принадлежащаго характера, что онъ будетъ двойникомъ того или иного изъ тѣхъ журналовъ, которые прежде имѣли его редактора и главныхъ сотрудниковъ своими сотрудниками. Нѣкоторые прибавляли, что новый журналъ, быть можетъ не избѣжитъ сухости. Мы съ самаго начала не считали справедливыми этихъ предположеній и потому привѣтствовали появленіе «Русскаго Вѣстника» съ полною увѣренностью, что онъ докажетъ неосновательность сомнѣній. И, дѣйствительно, ему удалось достичь того. Нѣтъ надобности говорить, какъ опредѣлился характеръ «Русскаго Вѣстника»: основныя черты его физіономіи достаточно ясны для каждаго. Благодаря своему характеру, онъ утвердилъ за собою общее сочувствіе. Столь же удачно, какъ безцвѣтности, онъ умѣлъ избѣжать и сухости, такъ что принадлежитъ теперь къ числу не только наиболѣе распространенныхъ въ публикѣ, но и наиболѣе читаемыхъ журналовъ.

Мы хотѣли бы подробнѣе и точнѣе характеризовать физіономію «Русскаго Вѣстника», но тутъ пришлось бы, конечно, намъ не оставаться при однѣхъ похвалахъ, а указать также и нѣкоторыя стороны, которыя нуждаются въ улучшеніи и, безъ сомнѣнія, будутъ улучшены,—эти замѣчанія были бы немногочисленны, но все-таки ихъ нельзя было бы совершенно устранить при полной характеристикѣ журнала,—но послѣ странной и совершенно несправедливой выходки противъ «Современника», которую угодно было сдѣлать «Русскому Вѣстнику» въ прошедшемъ мѣсяцѣ, мы не хотимъ дѣлать и этихъ немногихъ замѣчаній, не желая, чтобъ кто нибудь могъ истолковать ихъ въ непріязненномъ смыслѣ. Потому, отказываясь на этотъ разъ отъ сужденія о томъ, чѣмъ наиболѣе и чѣмъ менѣе силенъ «Русскій Вѣстникъ», скажемъ только, что вообще этотъ журналъ пользуется общимъ уваженіемъ совершенно справедливо и значительно содѣйствовалъ оживленію нашей литературы въ прошедшемъ году.

«Русскій Вѣстникъ» въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошелъ ожиданія, съ которыми былъ встрѣченъ, хотя эти ожиданія были велики. «Русская Бесѣда» до сихъ поръ не успѣла дать публикѣ того, что всѣ надѣялись найти въ ней. Около десяти лѣтъ, славянофилы не имѣли своего органа въ литературѣ; естественно было думать, что новый журналъ ихъ скажетъ послѣ долгаго безмолвія что нибудь замѣчательное. Приверженцы славянофильскихъ мнѣній

въ публикѣ немногочисленны; большинство и не готовилось сочувствовать «Русской Бесѣдѣ». Но все интересовались новымъ журналомъ: вѣроятно, десять лѣтъ прошли не безплодно для славянофиловъ, какъ не безплодно прошли они для развитія всей нашей литературы; прежде славянофилы не могли сами себѣ объяснить, чего именно они хотятъ, что они думаютъ; ихъ доктрина страдала неопредѣленностью, непослѣдовательностью. Теперь, вѣроятно, она опредѣлилась, стала понятнѣе для ума человѣческаго, если не стала справедливѣе. Любопытно послушать, что такое они скажутъ. Такъ говорятъ всѣ. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и мы, имѣли ожиданія болѣе благопріятныя.

Не знаемъ, со временъ фонвизинскаго Иванушки существовали ли на Руси люди, которымъ все въ Западной Европѣ было бы восхитительно, которые воображали бы, что французскій языкъ— единственный порядочный языкъ на свѣтѣ, что на Западѣ всѣ люди счастливы, что на Западѣ нѣтъ многаго дурнаго и отвратительнаго. Въ наше время изъ людей сколько нибудь образованныхъ нѣтъ ни одного, который бы считалъ Западную Европу земнымъ раемъ. Истинно образованный русскій (точно такъ же, какъ истинно образованный французъ, нѣмецъ и такъ далѣе) видитъ въ Европѣ очень много хорошаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ и очень много дурнаго. Мы осмѣливались полагать, что образованные люди вездѣ сходятся въ своихъ понятіяхъ о дурномъ и хорошемъ. Мы полагали, однимъ словомъ, что разница между славянофилами и людьми, не раздѣляющими ихъ мнѣній, можетъ существовать только въ томъ, что послѣдніе смотрятъ на вещи безпристрастнѣе, что послѣдніе менѣе преувеличиваютъ свое доброе, менѣе обманываются относительно своихъ недостатковъ. Но мы никакъ не полагали, чтобы кто нибудь изъ образованныхъ людей не находилъ дурное хорошимъ или наоборотъ. Потому мы полагали, что когда славянофилы будутъ осуждать Западную Европу, можно будетъ сказать: «вы преувеличиваете истину, но если отбросить преувеличенія, въ вашихъ словахъ найдется очень много правды»; что таково же будетъ отношеніе ихъ мнѣній о Россіи къ безпристрастнымъ мнѣніямъ. Словомъ, мы надѣялись, что съ ними можно будетъ во многомъ соглашаться, во многомъ другомъ противорѣча имъ. Многіе смѣялись надъ нашею надеждою.

Признаемся, до сихъ поръ «Русская Бесѣда» не успѣла дока-

зать, что тѣ, которые смѣялись надъ нашею надеждою были неправы.

До сихъ поръ, «Русская Бесѣда» не сказала еще ничего такого, съ чѣмъ бы можно было согласиться, хотя отчасти. Нельзя съ нею ни въ чемъ согласиться не потому, чтобы она исключительно говорила мысли, изъ которыхъ каждая сама по себѣ несправедлива,—нѣтъ, въ самой неосновательной доктринѣ, если только она достигла нѣкоторой ясности и связности, всегда можно открыть что нибудь похожее на правду, можно найти хотя незначительную частицу истины, съ которой можно согласиться.

Но въ «Русской Бесѣдѣ» мы до сихъ поръ не могли найти ничего такого, съ чѣмъ бы можно было согласиться, потому что не могли найти ровно ничего сколько нибудь яснаго.

Какъ же? Вѣдь они много говорятъ о многихъ важныхъ вопросахъ? Но что говорятъ!—самыя разнородныя понятія у нихъ смѣшиваются въ одно, самыя противоположныя явленія сливаются въ одно представленіе. Напримѣръ: «наука должна искать истину и доказать справедливость тѣхъ убѣжденій, которыми мы дорожимъ»—какое же тутъ понятіе о наукѣ? Скажите что нибудь одно; скажите: «наука должна искать истину» — съ вами надобно будетъ безусловно согласиться; или, пожалуй, скажите: «наука должна показать справедливость убѣжденій, которыми мы дорожимъ»—это понятіе будетъ ошибочно, но все-таки въ немъ будетъ какой нибудь смыслъ, можно будетъ видѣть, что вамъ нужна не наука, а защищеніе всего что вамъ нравится; но если вы рядомъ ставите обѣ фразы: «наука должна искать истину и доказать справедливость убѣжденій, которыми мы дорожимъ»—если, вы такъ говорите, можно ли понять, что вы разумѣете подъ наукою? точно ли науку, или защищеніе того, что вамъ нравится?

Та же самая исторія повторяется до сихъ поръ, во всемъ, о чемъ бы ни заговорили славянофилы: возьмите какое угодно понятіе изъ тѣхъ, которыя особенно часто повторяются ими, и попробуйте разгадать, что они подъ нимъ разумѣютъ, вы увидите, что вѣчно соединяютъ они подъ нимъ два совершенно различныя представленія.

Потому, интересъ, съ которымъ ожидалось появленіе «Русской Бесѣды», совершенно исчезъ, Она перестала обращать на себя вниманіе.

Кромѣ «Русскаго Вѣстника» и «Русской Бесѣды», мы должны упомянуть еще о третьемъ новомъ журналѣ—«Сынѣ Отечества». «Сынъ Отечества» своимъ литературнымъ отдѣломъ отчасти походитъ на то, чѣмъ была «Библіотека для Чтенія» въ послѣдніе годы. Зато «Библіотека для Чтенія» подъ конецъ года совершенно обно вилась и, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ занимать въ литературѣ болѣе видное мѣсто, нежели какое занимала въ послѣднія пятнадцать лѣтъ.

Всѣ вообще журналы наши, старые и новые, въ этомъ году имѣли болѣе жизни, нежели прежде. Поэзія, беллетристика, отдѣлы серьёзнаго содержанія представляли много замѣчательнаго, довольно много представили даже блестящихъ явленій.

Въ этомъ году мы читали четыре произведенія г. Тургенева: повѣсти «Рудинъ», «Переписка» и «Фаустъ», и пьесу «Завтракъ у предводителя».

Романъ г. Григоровича «Переселенцы» и повѣсть его «Пахарь».

«Севастополь въ августѣ мѣсяцѣ», «Двухъ Гусаровъ» и «Мятель» графа Толстаго.

Можно припомнить еще нѣсколько повѣстей или разсказовъ, не лишенныхъ достоинства. Изъ нихъ одобреніе всѣхъ читателей заслужили «Губернскіе очерки» г. Щедрина.

Мы не будемъ здѣсь дѣлать оцѣнку того или другаго изъ этихъ произведеній въ отдѣльности; скажемъ только, что общій балансъ нашей беллетристики за этотъ годъ, сравнительно съ предъидущими, очень удовлетворителенъ.

«Оды Горація», переведенныя г. Фетомъ, «Германъ и Доротея» Гёте, въ его же переводѣ, «Фаустъ» переведенный г. Струговщиковымъ, наконецъ «Лиръ», переведенный г. Дружининымъ (въ этой книжкѣ «Современника»),—все это было помѣщено въ нашихъ журналахъ за нынѣшній годъ.

Но всего замѣтнѣе оживленіе русской литературы отразилось на ученыхъ и критическихъ статьяхъ. Тутъ прежде всего должны мы назвать превосходный этюдъ о нравахъ русскаго общества, написанный г. Павловымъ по поводу комедіи графа Соллогуба «Чиновникъ». Потомъ замѣтимъ статьи г. Чичерина,— имени новаго, но уже всѣмъ очень хорошо знакомаго въ нашей литературѣ, и статью г. Костомарова объ исторіи Малороссіи до Богдана Хмѣльницкаго.

Но не столько отрадны достоинства нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, сколько разнообразіе и интересъ, которымъ вообще отличался ученый отдѣлъ нашихъ журналовъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что наша молодая литература обнаруживаетъ рѣшительное стремленіе къ сближенію съ жизнью.

Въ примѣръ, укажемъ два-три вопроса, близкіе къ жизни, изъ тѣхъ, которые занимали журналистику въ нынѣшнемъ году.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго года, привлекъ на себя общее вниманіе вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ. Изъ журналовъ онъ перешелъ въ газеты, и до сихъ поръ часто встрѣчается въ той или другой изъ нихъ статейка по этому дѣлу. Люди, совершенно чуждые обыкновеннаго литературнаго кружка, принимали участіе въ преніи: видно было, что вопросъ заживо затрогивалъ каждаго, такъ или иначе, и каждый спѣшилъ высказать свое мнѣніе, принести новый доводъ въ пользу мысли, кажущейся ему справедливою, или новое опроверженіе мысли, которую считалъ ошибочною. Нельзя было безъ особеннаго участія слѣдить за этимъ всестороннимъ обсужденіемъ дѣла, важнаго для общества. Конечно, много было выражено тутъ мнѣній, происходившихъ единственно отъ непривычки нашей думать о политико-экономическихъ вопросахъ, многіе голоса возвышались совершенно понапрасну, не имѣя сказать ничего дѣльнаго; но вообще преніе было ведено наставительно и довольно глубоко. Спорили и о томъ, до какой степени нужны намъ желѣзныя дороги, еще больше о томъ, какой доходъ могутъ онѣ приносить у насъ въ вознагражденіе затраченнаго капитала, и о томъ, какими капиталами надобно строить ихъ, русскими или иностранными, и о томъ, каково должно быть направленіе линій, наиболѣе необходимыхъ. Слѣдствіемъ преній было разъясненіе многихъ недоразумѣній, распространеніе здравыхъ понятій о дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ и настоятельной необходимости, при недостаткѣ русскихъ капиталовъ, допустить въ замѣну ихъ иностранные. Теперь изъ людей, читающихъ что нибудь, вы очень мало найдете такихъ, которые не приготовлены къ принятію истиннаго рѣшенія вопроса, задуманнаго правительствомъ.

Нѣсколько позднѣе начался въ журналахъ и газетахъ споръ о преимуществахъ высокаго или низкаго тарифа. Онъ былъ иными, особенно изъ противниковъ низкаго тарифа, веденъ съ раздраженіемъ, напраснымъ съ ученой точки зрѣнія, быть можетъ, свидѣ-

тельствовавшимъ о непривычкѣ нашей къ веденію преній, но съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствовавшимъ о близкой связи этого вопроса съ жизненными интересами нашего общества.

Упомянемъ еще о преніяхъ по вопросу относительно воспитанія. Они были вызваны предложеніемъ «Морскаго Сборника», подавшаго тѣмъ прекрасный примѣръ признанія пользы, какую можетъ принести всестороннее обсужденіе затруднительныхъ вопросовъ. Много разъ мы ставили «Морской Сборникъ» образцомъ для всѣхъ подобныхъ ему журналовъ, и теперь скажемъ, что онъ продолжаетъ пріобрѣтать все больше и больше права на признательность русской публики энергическимъ исканіемъ чистой истины.

Появленіе «Русской Бесѣды» заставило нѣкоторыхъ обратиться къ изслѣдованію вопроса о народности въ наукѣ. Большинство публики, совершенно соглашаясь съ справедливостью понятія, что наука должна искать общечеловѣческой истины, а не оправданія мѣстныхъ и временныхъ односторонностей, находила, однако же, что туманныя мечты о какой-то особенной народности въ наукѣ, не имѣя ровно никакого положительнаго содержанія, едва ли заслуживали того, чтобы и заниматься ихъ опроверженіемъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ статей, написанныхъ, по поводу «Русской Бесѣды», въ доказательство того, что наука не должна имѣть ничего общаго съ случайными пристрастіями и предубѣжденіями, обращали на себя вниманіе замѣчательными достоинствами.

Опытомъ изъ нынѣшняго года подтверждается истина, очень извѣстная, но немногими понимаемая во всемъ ея значеніи: развитіе литературы находится въ самой тѣсной связи съ усиліемъ умственной жизни въ обществѣ.

Мы указали только немногіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые были подняты и болѣе или менѣе основательно изслѣдованы нашими журналами въ теченіе нынѣшняго года; многіе другіе, или не столь важные, или не довольно обсужденные, не попали въ этотъ краткій перечень главныхъ предметовъ умственнаго движенія, находившихъ себѣ отголосокъ въ нашихъ журналахъ за настоящій годъ. Но и эти немногія воспоминанія могутъ уже быть доказательствомъ, что пробужденіе интереса въ публикѣ къ нашимъ періодическимъ изданіямъ было не случайно: оно зависѣло отъ пробужденія въ обществѣ умственной дѣятельности.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

ДЕКАБРЬ 1856.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, когда, по случаю изданія «Дѣтства», «Отрочества» и «Военныхъ Разсказовъ», мы выражали свое мнѣніе о тѣхъ качествахъ, которыя должны считаться отличительными чертами въ талантѣ графа Л. Н. Толстаго, мы говорили только о силахъ, которыми теперь располагаетъ его дарованіе, почти совершенно не касаясь вопроса о содержаніи, на поэтическое развитіе котораго употребляются эти силы. Между тѣмъ нельзя не помнить, что вопросъ о паѳосѣ поэта, объ идеяхъ, дающихъ жизнь его произведеніямъ,—вопросъ первостепенной важности. Нельзя также не замѣтить, что было бы очень легко опредѣлить границы этого содержанія, на сколько оно раскрылось въ произведеніяхъ бывшихъ извѣстными публикѣ въ то время, когда писалась наша статья. Но мы не сдѣлали этого, считая такое дѣло преждевременнымъ, потому что рѣчь шла о талантѣ молодомъ и свѣжемъ, до сихъ поръ быстро развивающемся. Почти въ каждомъ новомъ произведеніи, онъ бралъ содержаніе своего разсказа изъ новой сферы жизни. За изображеніемъ «Дѣтства» и «Отрочества» слѣдовали картины Кавказа и Севастополя, солдатской жизни (въ «Рубкѣ лѣса»), изображеніе различныхъ типовъ офицера во время битвъ и приготовленій къ битвамъ,—потомъ глубоко-драматическій разсказъ о томъ, какъ совершается нравственное паденіе натуры благородной и сильной (въ «Запискахъ маркера»),—затѣмъ, изображеніе нравовъ нашего общества въ различныя эпохи («Два Гусара»). Какъ расширяется постепенно кругъ жизни, обнимаемой произведеніями графа Толстаго, точно также постепенно развивается и самое воззрѣніе его на жизнь. Настоящія границы этого воззрѣнія было бы легко опредѣлить,—

но кто поручится, что всѣ замѣчанія объ этомъ, основанныя на прежнихъ его произведеніяхъ, не окажутся односторонними и невѣрными съ появленіемъ новыхъ его разсказовъ? Въ послѣднихъ главахъ «Юности», которая напечатана въ этой книжкѣ «Современника», читатели, конечно, замѣтили, какъ, съ расширеніемъ сферы разсказа, расширяется и взглядъ автора. Съ новыми лицами вносятся и новыя симпатіи въ его поэзію, — это видитъ каждый, припоминая сцены университетской жизни Иртеньева. То же самое надобно сказать о разсказѣ графа Толстаго «Утро помѣщика», помѣщенномъ въ декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Мы упоминаемъ объ этомъ разсказѣ не съ намѣреніемъ разсматривать основную идею его,—отъ этого насъ удерживаетъ увѣренность, что опредѣлять идеи, которыя будутъ выражаться произведеніями графа Толстаго, вообще было бы преждевременно. Тотъ ошибся бы, кто захотѣлъ бы опредѣлять содержаніе его севастопольскихъ разсказовъ по первому изъ этихъ очерковъ,—только въ двухъ слѣдующихъ вполнѣ раскрылась идея, которая въ первомъ являлась лишь одною своею стороною. Точно также мы должны подождать втораго, третьяго, разсказовъ изъ простонароднаго быта, чтобы опредѣлительнѣе узнать взглядъ автора на вопросы, которыхъ касается онъ въ первомъ своемъ очеркѣ сельскихъ отношеній. Теперь очень ясно для насъ только одно то, что графъ Толстой съ замѣчательнымъ мастерствомъ воспроизводитъ не только внѣшнюю обстановку быта поселянъ, но, что̀ гораздо важнѣе, ихъ взглядъ на вещи. Онъ умѣетъ переселяться въ душу поселянина,— его мужикъ чрезвычайно вѣренъ своей натурѣ, — въ рѣчахъ его мужика нѣтъ прикрасъ, нѣтъ реторики, понятія крестьянъ передаются у графа Толстаго съ такою же правдивостью и рельефностью, какъ характеры нашихъ солдатъ.

Въ новой сферѣ, его талантъ обнаружилъ столько же наблюдательности и объективности, какъ въ «Рубкѣ Лѣса». Въ крестьянской избѣ, онъ такъ же дома, какъ въ походной палаткѣ кавказскаго солдата. Сюжетъ разсказа очень простъ: молодой помѣщикъ живетъ въ деревнѣ за тѣмъ, чтобы заниматься улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ. Для этой, какъ онъ вѣруетъ, святой и достижимой цѣли, онъ бросилъ все,—и столицу, и знакомства, и удовольствія, и честолюбивыя надежды на блестящую карьеру, — онъ хочетъ жить для блага своихъ крестьянъ, — это у него не фраза, а

правдивое дѣло: онъ трудится неутомимо, онъ рвется изъ всѣхъ силъ. Каковъ же результатъ его усилій? Это мы видимъ изъ разсказа объ одномъ его «Утрѣ», когда онъ, по обыкновенію, ходитъ по избамъ тѣхъ мужиковъ, которымъ случалось до него дѣло втеченіе предъидущей недѣли, чтобы своими глазами видѣть состояніе семейства, разобрать, основательна ли просьба, и если основательна, то съ общаго совѣта придумать способъ, какъ исполнить ее. Каковы эти консультаціи и къ чему приводятъ онѣ, читатель можетъ видѣть изъ первой сцены—въ избѣ Чуриса или Чурисенка. Мы выбираемъ этотъ отрывокъ потому, что фигура Чурисенка—одна изъ самыхъ законченныхъ, самыхъ рельефныхъ и вмѣстѣ самыхъ типичныхъ въ разсказѣ, который, вообще, представляетъ очень много страницъ, дышащихъ правдою:

«—Богъ помощь! сказалъ баринъ, входя на дворъ.

«Чурисенокъ оглянулся и снова принялся за свое дѣло. Сдѣлавъ энергическое усиліе, онъ выпросталъ плетень изъ-подъ навѣса и тогда только воткнулъ топоръ въ колоду, и, оправляя поясокъ, вышелъ на средину двора.

«— Съ праздникомъ, ваше сіятельство! сказалъ онъ, низко кланяясь и встряхивая волосами.

«— Спасибо, любезный. Вотъ пришелъ твое хозяйство провѣдать, съ дѣтскимъ дружелюбіемъ и застѣнчивостью сказалъ Нехлюдовъ, оглядывая одежду мужика.—Покажи-ка мнѣ, на что̀ тебѣ сохи, которыя ты просилъ у меня на сходкѣ.

«— Сошки-то? Извѣстно, на что̀ сошки, батюшка, ваше сіятельство. Хоть мало мальски подпереть хотѣлось, сами изволите видѣть; вотъ анадысь уголъ завалился, еще помиловалъ Богъ, что скотины въ ту пору не было. Все-то еле-еле виситъ, говорилъ Чурисъ, презрительно осматривая свои раскрытые, кривые и обрушенные сараи.—Теперь и стропила, и откосы, и переметы только тронь: глядишь, дерева дѣльнаго не выйдетъ. А лѣсу гдѣ нынче возьмешь? сами изволите знать.

«— Такъ на что жь тебѣ пять сошекъ, когда одинъ сарай уже завалился, а другіе скоро завалятся? Тебѣ нужны не сошки, а стропила, переметы, столбы—все новое нужно, сказалъ баринъ, видимо щеголяя своимъ знаніемъ дѣла.

«Чурисенокъ молчалъ.

«— Тебѣ, стало-быть, нужно лѣсу, а не сошекъ; такъ и говорить надо было.

«— Вѣстимо нужно, да взять-то негдѣ: не все же на барскій дворъ ходить! Коли нашему брату повадку дать къ вашему сіятельству за всякимъ добромъ на барскій дворъ кланяться, какіе мы крестьяне будемъ? А коли милость ваша на то будетъ, на счетъ дубовыхъ макушекъ, что̀ на господскомъ гумнѣ такъ, безъ дѣла лежатъ, сказалъ онъ кланяясь и переминаясь съ ноги на ногу:—такъ, може, я, которыя подмѣню, которыя поурѣжу и изъ стараго какъ нибудь сооружую.

«— Какъ же изъ стараго? Вѣдь ты самъ говоришь, что все у тебя старо и гнило: нынче этотъ уголъ обвалился, завтра тотъ, послѣзавтра третій; такъ ужъ ежели дѣлать все за̀-ново, чтобъ не даромъ работа пропадала. Ты скажи мнѣ, какъ ты думаешь, можетъ твой дворъ простоять нынче зиму, или нѣтъ?

«— А кто ее знаетъ!

«— Нѣтъ, ты какъ думаешь? завалится онъ, или нѣтъ?

«Чурисъ на минуту задумался.

«— Долженъ весь завалиться, сказалъ онъ вдругъ.

«— Ну, вотъ видишь ли, ты бы лучше такъ и на сходкѣ говорилъ, что тебѣ надо весь дворъ пристроить, а не однѣхъ сошекъ. Вѣдь я радъ помочь тебѣ...

«— Много довольны вашей милостью, недовѣрчиво и не глядя на барина отвѣчалъ Чурисенокъ.— Мнѣ хоть бы бревна четыре, да сошекъ пожаловали, такъ я, можетъ, самъ управлюсь; а который негодный лѣсъ выберется, такъ въ избу на подпорки пойдетъ.

«— А развѣ у тебя изба плоха?

«— Того и ждемъ съ бабой, что вотъ-вотъ раздавитъ кого нибудь, равнодушно сказалъ Чурисъ.—Намедни и то накатина съ потолка мою бабу убила!

«— Какъ убила?

«— Да такъ, убила, ваше сіятельство:—по спинѣ какъ полыхнётъ ее, такъ она до ночи за̀мертво пролежала.

«— Что жь, прошло?

«— Прошло-то прошло да все хвораетъ. Она, точно, и отъ роду хво̀рая.

«— Что ты, больна? спросилъ Нехлюдовъ у бабы, продолжавшей стоять въ дверяхъ и тотчасъ же начавшей охать, какъ только мужъ сталъ говорить про нее.

«— Все вотъ тутъ не пущаетъ меня, да и шабашъ, отвѣчала она, указывая на свою грязную, тощую грудь.

«— Опять! съ досадой сказалъ молодой баринъ, пожимая плечами:—отчего же ты больна, а не приходила сказаться въ больницу? Вѣдь для этого и больница заведена. Развѣ вамъ не повѣщали?

«— Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все: и на барщину, и дома, и ребятишки—все одна! Дѣло наше одинокое...

«Нехлюдовъ вошелъ въ избу. Неровныя закопченыя стѣны въ черномъ углу были увѣшаны разнымъ тряпьемъ и платьемъ, а въ красномъ буквально покрыты красноватыми тараканами, собравшимися около образо̀въ и лавки. Въ серединѣ этой черной, смрадной, шести-аршинной избенки, въ потолкѣ, была большая щель и, несмотря на то, что въ двухъ мѣстахъ стояли подпорки, потолокъ такъ погнулся, что, казалось, съ минуты на минуту угрожалъ разрушеніемъ.

«— Да̀, изба очень плоха, сказалъ баринъ, всматриваясь въ лицо Чурисенка, который, казалось, не хотѣлъ начинать говорить объ этомъ предметѣ.

«— Задавитъ насъ, и ребятишекъ задавитъ, начала слезливымъ голосомъ приговаривать баба, прислонившись къ печи подъ палатями.

«— Ты не говори! строго сказалъ Чурисъ, и съ тонкой, чуть замѣтной

улыбкой, обозначившейся подъ его пошевелившимися усами, обратился къ барину:—и ума не приложу, что́ съ ней дѣлать, ваше сіятельство, съ избой-то; и подпорки, и подкладки клалъ—ничего нельзя издѣлать!

«— Ка̀къ тутъ зиму зимовать? Охъ-охъ-о! сказала баба.

«— Оно, коли еще подпорки поставить, новый накатникъ настлать, перебилъ ее мужъ, съ спокойнымъ, дѣловымъ выраженьемъ:—да кой-гдѣ перемёты перемѣнить, такъ, можетъ, какъ нибудь пробьемся зиму-то. Прожить можно, только избу всю подпорками загородишь—вотъ что́; а тронь ее, такъ щепки живой не будетъ; только поколи стоитъ, держится, заключилъ онъ, видимо весьма довольный тѣмъ, что онъ сообразилъ это обстоятельство.

Нехлюдову было досадно и больно, что Чурисъ довелъ себя до такого положенія и не обратился прежде къ нему, тогда-какъ онъ, съ самаго своего пріѣзда, ни разу не отказывалъ мужикамъ и только того добивался, чтобъ всѣ прямо приходили къ нему за своими нуждами. Онъ почувствовалъ даже нѣкоторую злобу на мужика, сердито пожалъ плечами и нахмурился; но видъ нищеты, окружавшей его, и среди этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса, превратили его досаду въ какое-то грустное, безнадежное чувство.

«— Ну, какъ же ты, Иванъ, прежде не сказалъ мнѣ? съ упрекомъ замѣтилъ онъ, садясь на грязную, кривую лавку.

«— Не посмѣлъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Чурисъ съ той же, чуть замѣтной улыбкой, переминаясь своими черными, босыми ногами по неровному земляному полу; но онъ сказалъ это такъ смѣло и спокойно, что трудно было вѣрить, чтобъ онъ не посмѣлъ прійдти къ барину.

«— Наше дѣло мужицкое: какъ мы смѣемъ!... начала-было, всхлипывая баба.

«— Ну, гуторь, снова обратился къ ней Чурисъ.

«— Въ этой избѣ тебѣ жить нельзя; это вздоръ! сказалъ Нехлюдовъ, помолчавъ нѣсколько времени.—А вотъ что́ мы сдѣлаемъ, братецъ»...

Чтобы помочь Чурисенку совершенно, а не на время, не коекакъ, Нехлюдовъ предлагаетъ ему выселиться на новыя мѣста, на хуторъ,—тамъ онъ найдетъ себѣ готовую новую избу. Чурисенокъ не можетъ рѣшиться на это—ему дорога родная изба, дорогъ родной дворъ съ ветлами, которыя посадилъ его отецъ,—да и раззорительно было бъ ему бросить свой удобренный участокъ, свой коноплянникъ, чтобы получить на хуторѣ глинистую, неудобренную землю.

«Молодому помѣщику видно хотѣлось еще спросить что-то у хозяевъ; онъ не вставалъ съ лавки и нерѣшительно поглядывалъ то на Чуриса, то въ пустую, нетопленую печь.

«— Что, вы ужь обѣдали? наконецъ спросилъ онъ.

«Подъ усами Чуриса обозначилась насмѣшливая улыбка, какъ будто ему смѣшно было, что баринъ дѣлаетъ такіе глупые вопросы; онъ ничего не отвѣтилъ.

«— Какой обѣдъ, кормилецъ? тяжело вздыхая, проговорила баба: — хлѣбушка поснѣдали—вотъ и обѣдъ нашъ За сныткой нынче ходить нѣколи было, такъ и щецъ сварить нѣ изъ чего, а чтó квасу было, такъ ребятамъ дала.

«— Нынче постъ голодный, ваше сіятельство, вмѣшался Чурисъ, поясняя слова бабы: — хлѣбъ да лукъ — вотъ и пища наша мужицкая. Еще слава-ти Господи, хлѣбушка-то у меня, по милости вашей, по сю пору хватило, а то сплошь у нашихъ мужиковъ и хлѣба-то нѣтъ. Луку нынѣ вездѣ незародъ. У Михайла огородника анадысь посылали, за пучекъ по грошу берутъ, а покупать нашему брату нé откуда. Съ Пасхи почитай-что и въ церкву Божью не ходимъ, и свѣчку Миколѣ купить не на чтò.

«Нехлюдовъ ужь давно зналъ не по слухамъ, не на вѣру къ словамъ другихъ, а на дѣлѣ всю ту крайнюю степень бѣдности, въ которой находились его крестьяне; но вся дѣйствительность эта была такъ несообразна со всѣмъ воспитаніемъ его, складомъ ума и образомъ жизни, что онъ противъ воли забывалъ истину, и всякій разъ, когда ему, какъ теперь, живо, осязательно напоминали ее, у него на сердцѣ становилось невыносимо-тяжело и грустно, какъ-будто воспоминаніе о какомъ-то свершенномъ, неискупленномъ преступленіи мучило его.

«— Отчего вы такъ бѣдны? сказалъ онъ, невольно высказывая свою мысль.

«— Да какимъ же намъ и быть батюшка, ваше сіятельство, какъ не бѣднымъ? Земля наша какая — вы сами изволите знать: глина, бугры. да и то, видно прогнѣвили мы Бога, вотъ ужь съ холеры почитай хлѣба не родитъ. Луговъ и угодьевъ опять меньше стало: которые показали въ экономію, которые тоже въ барскія поля поприбрали Дѣло мое одинокое, старое... гдѣ и радъ бы похлопоталъ—силъ моихъ нѣту. Старуха моя больная, чтò ни годъ, то дѣвчонокъ рождаетъ: вѣдь всѣхъ кормить надо. Вотъ одинъ маюсь, а семь душъ дома. Грѣшенъ Господу Богу, часто думаю себѣ: хоть бы прибралъ которыхъ Богъ поскорѣе: и мнѣ бы легче было, да и имъ-то лучше, чѣмъ здѣсь горе мыкать...

«— О-охъ! громко вздохнула баба, какъ бы въ подтвержденіе словъ мужа.

«— Вотъ моя подмога вся тутъ, продолжалъ Чурисъ, указывая на бѣлоголоваго, шаршаваго мальчика лѣтъ семи, съ огромнымъ животомъ который въ это время робко, тихо скрипнувъ дверью, вошелъ въ избу и, уставивъ исподлобья удивленные глаза на барина, обѣими ручонками держался за рубаху Чуриса.—Вотъ и подсобка моя вся тутъ, продолжалъ звучнымъ голосомъ Чурисъ, проводя своей шаршавой рукой по бѣлымъ волосамъ ребенка:—когда его дождешься? а мнѣ ужь работа не въ мочь. Старость бы еще ничего, да грыжа меня одолѣла. Въ ненастье хоть крикомъ кричи. А вѣдь ужь мнѣ давно съ тягла, въ старики пора. Вонъ Ермиловъ, Демкинъ, Зябревъ -всѣ моложе меня, а ужь давно земли посложили. Ну, мнѣ сложить не на кого—вотъ бѣда моя. Кормиться надо: вотъ и бьюсь ваше сіятельство.

«— Я бы радъ тебя облегчить, точно. Какъ же быть? сказалъ молодой баринъ съ участіемъ, глядя на крестьянина.

«— Да какъ облегчить? Извѣстное дѣло, коли землей владать, то и барщину править надо—ужь порядки извѣстные. Какъ-нибудь малаго дождусь.

Только, будетъ милость ваша, на счетъ училища его увольте; а то намедни земскій приходилъ, тоже, говоритъ, и его ваше сіятельство требуетъ въ училищу. Ужь его-то увольте: вѣдь какой у него разумъ, ваше сіятельство? Онъ еще младъ, ничего не смыслитъ.

«— Нѣтъ, ужь это, братъ, какъ хочешь, сказалъ баринъ:—мальчикъ твой ужь можетъ понимать, ему учиться пора. Вѣдь я для твоего же добра говорю. Ты самъ посуди, какъ онъ у тебя подростетъ, хозяиномъ станетъ, да будетъ грамотѣ знать и читать будетъ умѣть, и въ церкви читать—вѣдь все у тебя дома съ Божьей помощью лучше пойдетъ, говорилъ Нехлюдовъ, стараясь выражаться какъ-можно понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то краснѣя и заминаясь.

«— Неспорно, ваше сіятельство:—вы намъ худа не желаете, да дома-то побыть некому: мы съ бабой на барщинѣ—ну, а онъ хоть и маленекъ, а все подсобляетъ, и скотину загнать и лошадей напоить. Какой ни есть, а все мужикъ, и Чурисенокъ съ улыбкой взялъ своими толстыми пальцами за носъ мальчика и высморкалъ его.

«— Все-таки присылай его, когда самъ дома и когда ему время — слышишь? непремѣнно.

«Чурисенокъ тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ».

Эта сцена показалась намъ одною изъ лучшихъ въ разсказѣ. Но если бы мы захотѣли указать всѣ удачныя лица мужиковъ, всѣ правдивыя и поэтическія страницы, намъ пришлось бы представить слишкомъ длинный перечень, потому что бóльшая часть подробностей въ «Утрѣ помѣщика» прекрасны.

Въ декабрьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» также помѣщена повѣсть гр. Толстаго «Встрѣча въ отрядѣ съ Московскимъ знакомцемъ». Но о «Библіотекѣ для Чтенія» мы будемъ говорить въ другой разъ, а теперь возвращаемся къ «Отечественнымъ Запискамъ», послѣдняя книжка которыхъ представляетъ, кромѣ разсказа, о которомъ мы говорили, еще двѣ замѣчательныя статьи,— одна изъ нихъ—«Послѣдніе дни жизни Николая Васильевича Гоголя», изъ воспоминаній г. А. Т. Т—ва, чрезвычайно интересна по своему предмету, а другая и по ученому достоинству—это критическій разборъ книги г. Чичерина: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ», написанный г. Кавелинымъ. Уже давно г. Кавелинъ ничего не печаталъ; блистательная роль, которую онъ игралъ въ изслѣдованіяхъ о русской исторіи, заставляла сожалѣть о томъ, что онъ покинулъ дѣятельность, столь полезную и для науки и для публики. Ему безспорно принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ между учеными, занимающимися разработкою русской исторіи; его статьи, которыми въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по-

стоянно украшались «Отечественныя Записки» и «Современникъ», отличались рѣдкими достоинствами изложенія при капитальномъ значеніи для науки и пролили свѣтъ на многіе затруднительнѣйшіе вопросы ея. «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», критическіе разборы сочиненія г. Соловьева «Объ отношеніяхъ между князьями Рюрикова Дома», книги г. Терещенко «Бытъ русскаго народа», «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» и многія другія его статьи принадлежатъ къ небольшому числу тѣхъ изысканій, на которыя опираются господствующія нынѣ понятія о ходѣ и характерѣ русской исторіи. Для внутренней исторіи быта никто изъ нынѣшнихъ нашихъ ученыхъ не сдѣлалъ болѣе, нежели г. Кавелинъ. Потеря, понесенная наукою отъ его безмолвія, продолжавшагося уже нѣсколько лѣтъ, очень велика. Мы не винимъ его за это безмолвіе, очень хорошо зная, что у него, какъ и у многихъ другихъ, могли быть на то причины очень уважительныя. Но мы не можемъ не радоваться, что наконецъ онъ рѣшился возобновить свою литературную дѣятельность. Статья, помѣщенная имъ теперь въ «Отечественныхъ Запискахъ», очень замѣчательна по проницательному объясненію причинъ и смысла учрежденій, развившихся въ теченіе московскаго періода, и отношеній этого порядка дѣлъ къ прежнему быту русской земли.

Статья г. А. Т. Т—ва драгоцѣнна для исторіи нашей литературы потому, что представляетъ довольно полное изложеніе хода загадочной болѣзни, имѣвшей своимъ слѣдствіемъ кончину Гоголя.

Была ли это болѣзнь чисто физическая, или тѣлесное разстройство происходило отъ душевнаго разстройства? И, какова бы ни была эта болѣзнь, дѣйствительно ли Гоголь умеръ отъ болѣзни или смерть была приведена самопроизвольною его рѣшимостью не принимать пищи? Г. А. Т. Т—въ—докторъ, который посѣщалъ и по возможности лечилъ Гоголя въ послѣдній періодъ этой таинственной агоніи. Всѣ симптомы ея, всѣ дѣйствія Гоголя въ это время такъ странны, что авторъ не отваживается ни одного изъ этихъ предположеній отрицать рѣшительнымъ образомъ. Онъ только разсказываетъ факты, свидѣтелемъ которыхъ былъ,—это, конечно, лучшее изъ всего, что можно сказать въ настоящее время. Но въ примѣчаніяхъ онъ склоняется къ тому мнѣнію, что психическія причины болѣе, нежели физическія страданія участвовали въ раз-

рушеніи организма Гоголя, и что самою сильнѣйшею изъ этихъ причинъ было слишкомъ продолжительное воздержаніе отъ пищи. Конечно, мы не имѣемъ возможности съ достовѣрностью рѣшать вопросъ, которымъ затрудняется врачъ и очевидецъ. Но сколько можно судить по фактамъ, которые онъ представляетъ, надобно, кажется, считать ближайшимъ къ истинѣ то ужасное предположеніе, что Гоголь самъ уморилъ себя голодомъ, — не безсознательно, не вслѣдствіе психической болѣзни, а сознательно и, быть можетъ, даже преднамѣренно. Вотъ, по разсказу г. А. Т. Т—ва, факты, которые, кажется намъ, ведутъ къ такому заключенію:

„Давно мнѣ не случалось быть въ домѣ, гдѣ жилъ Гоголь, и я не слыхалъ ничего о его болѣзни. Въ среду на первой недѣлѣ поста прислали изъ этого дома за мною и объяснили, что происходило съ Гоголемъ. Озабоченный положеніемъ больнаго, хозяинъ дома (графъ Т--ой) желалъ, чтобъ я видѣлъ и сказалъ свое мнѣніе о его болѣзни.

„Однакожь Гоголь на этотъ разъ не изъявилъ желанія меня видѣть. Наконецъ посѣщавшій его врачъ захворалъ и уже не могъ къ нему ѣздить. Тогда графъ настоялъ на своемъ желаніи ввести меня къ нему. Гоголь сказалъ: „напрасно, но пожалуй“. Тутъ только я въ первый разъ увидѣлъ его въ болѣзни. Это было въ субботу первой недѣли поста.

„Увидѣвъ его, я ужаснулся. Не прошло мѣсяца, какъ я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ; онъ казался мнѣ человѣкомъ цвѣтущаго здоровья, бодрымъ, свѣжимъ, крѣпкимъ, а теперь передо мною былъ человѣкъ, какъ бы изнуренный до крайности чахоткою, или доведенный какимъ либо продолжительнымъ истощеніемъ до необыкновеннаго изнеможенія. Все тѣло его до чрезвычайности похудѣло; глаза сдѣлались тусклы и впали, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голосъ ослабъ, языкъ съ трудомъ шевелился, выраженіе лица стало неопредѣленное, необъяснимое. Мнѣ онъ показался мертвецомъ съ перваго взгляда. Онъ сидѣлъ протянувъ ноги, не двигаясь и даже не перемѣняя прямаго положенія лица; голова его была нѣсколько опрокинута назадъ и покоилась на спинкѣ креселъ. Когда я подошелъ къ нему, онъ приподнялъ голову, но недолго могъ ее удерживать прямо, да и то съ замѣтнымъ усиліемъ. Хотя не охотно, но позволилъ онъ мнѣ пощупать пульсъ и посмотрѣть языкъ: пульсъ былъ ослабленный, языкъ чистый, но сухой; кожа имѣла натуральную теплоту. По всѣмъ соображеніямъ видно было, что у него нѣтъ горячечнаго состоянія и неупотребленіе пищи нельзя было приписать отсутствію апетита...

„Я настаивалъ, чтобъ онъ, если *не можетъ* принимать плотной пищи, то по крайней мѣрѣ непремѣнно употреблялъ бы по болѣе питья и притомъ питательнаго—молока, бульйона и т. д. „Я одну пилюлю проглотилъ, какъ *последнее* средство; она осталась безъ дѣйствія: развѣ надобно пить, чтобъ прогнать ее“, сказалъ онъ. Не обременяя его долгими разговорами, я старался ему объяснить, что питье нужно для смягченія языка и желудка, а питательность именно нужна, чтобъ укрѣпить силы, необходимыя для счастливаго окончанія

болѣзни. Не отвѣчая, больной опять склонилъ голову на грудь, какъ при нашемъ входѣ; я перестаіъ говорить и удалился вмѣстѣ съ графомъ наверхъ.

„Испуганный, встревоженный мыслью, что *Гоголь можетъ скоро умереть*, я долженъ былъ собраться съ силами, чтобъ прійдти въ спокойное положеніе, въ какомъ должно разговаривать съ больнымъ. Удалившись отъ графа, я почелъ обязанностью зайдти опять къ больному, чтобъ еще сильнѣе высказать ему мои убѣжденія. Чрезъ служителя я выпросилъ у него позволеніе войти къ нему еще на минуту. Мнѣ вообразилось, что онъ колеблется въ своихъ намѣреніяхъ; я не терялъ надежды, что Гоголь, привыкнувъ видѣть мою искренность, послушается меня. Подойдя къ нему, я съ видимымъ хладнокровіемъ, но съ полною теплотою сердечною употребилъ всѣ усилія, чтобъ подѣйствовать на его волю. Я выразилъ ему мысль, что врачи въ болѣзни прибѣгаютъ къ совѣту своихъ собратій и ихъ слушаются: неврачу тѣмъ болѣе надобно слѣдовать медицинскимъ наставленіямъ, особенно преподаваемымъ съ добросовѣстностью и полнымъ убѣжденіемъ; и тотъ, кто поступаетъ иначе, дѣлаетъ преступленіе предъ самимъ собою. Говоря это, я обратилъ свое вниманіе на лицо страдальца, чтобъ подсмотрѣть, что происходитъ въ его душѣ. Выраженіе его лица нисколько не измѣнилось: оно было такъ же спокойно и такъ же мрачно, какъ прежде: ни досады, ни огорченія, ни удивленія, ни сомнѣнія не показалось и тѣни. Онъ смотрѣлъ какъ человѣкъ, для котораго всѣ задачи разрѣшены, всякое чувство замолкло, всякія слова напрасны, колебаніе въ рѣшеніи невозможно. Впрочемъ, когда я пересталъ говорить, онъ въ отвѣтъ произнесъ внятно, съ разстановкой и хотя вяло, безжизненно, но со всею полнотою увѣренности: «Я знаю, врачи добры: они всегда *желаютъ* добра»; но вслѣдъ за этимъ опять наклонилъ голову, отъ слабости ли, или въ знакъ прощанія—незнаю. Я не смѣлъ его тревожить долѣе, пожелалъ ему поскорѣе поправляться и простился съ нимъ; вбѣжалъ къ графу, чтобъ сказать, что дѣло плохо, и я не предвижу ничего хорошаго, если это продолжится.

„Какъ и чѣмъ было дѣйствовать при такомъ необыкновенномъ случаѣ на эту исключительную личность? Графъ употреблялъ все, что возможно было для его исцѣленія. Совѣтовался съ духовными лицами. знакомыми своими и друзьями Гоголя, призывалъ для совѣщанія знаменитѣйшихъ московскихъ докторовъ: Одно духовное лицо подало совѣтъ убѣждать Гоголя, что его спасеніе не въ постѣ, а въ послушаніи, и просило его непрекословно исполнять назначенія врачебныя во всей полнотѣ. Духовникъ навѣщалъ его часто; приходскій священникъ являлся къ нему ежедневно. При немъ нарочно подавали тутъ же кушать саго, черносливъ и проч. Священникъ начиналъ первый и убѣждалъ его ѣсть вмѣстѣ съ нимъ.

„Неохотно, немного, но употреблялъ онъ эту пищу ежедневно; потомъ слушалъ молитвы, читаемыя священникомъ. Какія молитвы вамъ читать? спрашивалъ онъ. «Все хорошо; читайте, читайте!» Друзья старались подѣйствовать на него привѣтомъ. сердечнымъ расположеніемъ, умственнымъ вліяніемъ: но не было лица, которое могло бы взять надъ нимъ верхъ, не было лекарства, которое бы перевернуло его понятія; а у больного не было желанія слушать чьи-либо совѣты, глотать какія-либо лекарства. Въ воскресенье приходскій свя-

[illegible] больного принять ложку клещевиннаго масла, и въ этотъ же [illegible] было употребить еще одно медицинское пособіе (clysma), [illegible] на словахъ, а на дѣлѣ онъ рѣшительно отказался, и во всѣ [illegible] уже болѣе не слушалъ ни чьихъ увѣщаній и не при[illegible] пищи (три дня), а спрашивалъ только пить крас[illegible]

[illegible] быстро и невозвратно. Несмотря на свое убѣжде[illegible] для него смертнымъ одромъ (почему онъ старался оста[illegible] въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста онъ улегся, [illegible] и ужь болѣе не вставалъ съ постели. Въ этотъ [illegible] въ напутственнымъ таинствамъ покаянія, причаще[illegible]

[illegible] помощью теперь казалось еще нужнѣе. Пріѣз[illegible] свое мнѣніе. Думали, судили, толковали; ни[illegible] рѣшительнаго, да и не видно еще было близкой [illegible] было предпринимать что-нибудь съ человѣ[illegible] отвергаетъ всякое леченіе. Уже разъ спа[illegible] въ Римѣ безъ медицинскихъ пособій, онъ припи[illegible] время сказалъ онъ одному изъ убѣждав[illegible] будетъ угодно Богу, чтобъ я жилъ еще — буду [illegible]

[illegible] и встрѣчаю гр. Т., чрезвычайно встревоженнаго [illegible] — «Плохо, лежитъ. Ступайте къ нему, теперь [illegible]

[illegible] въ комнату больнаго, безъ затрудненія, безъ до[illegible] диванѣ, въ халатѣ, въ сапогахъ, отвернув[illegible] закрытыми глазами. Противъ его лица—образъ [illegible] возлѣ него мальчикъ его и другой служитель. [illegible] не отвѣчалъ ни слова. Мнѣ позволили его осмот[illegible] пощупать пульсъ. Онъ сказалъ: «Не трогайте [illegible] разспросилъ подробно у окружающихъ о всѣхъ [illegible] объективныхъ симптомовъ, которые бы ука[illegible] какъ теперь, такъ и во всѣ эти дни не обнару[illegible]

[illegible] за другимъ, пріѣзжали провѣдывать больнаго [illegible]. Одинъ изъ почтенныхъ врачей предло[illegible] чтобъ покорить его волю и такимъ образомъ [illegible] На слѣдующій день положили собрать боль[illegible] врачей, чтобъ приступить къ мѣрамъ энер[illegible]

[illegible] лежалъ, ни съ кѣмъ не разговаривая, не обращая [illegible] къ нему. По временамъ поворачивался онъ [illegible] закрытыми глазами, нерѣдко находился какъ бы въ [illegible] краснаго вина, и всякій разъ смотрѣлъ на свѣтъ, [illegible] подмѣшали вино сперва краснымъ питьемъ, а

потомъ бульйономъ. Повидимому онъ уже неясно различалъ качество питья, потому что сказалъ только: „зачѣмъ подаешь мнѣ мутное?“ однакожь выпилъ. Съ тѣхъ поръ ему стали подавать для питья бульйонъ, когда онъ спрашивалъ пить, повторяя быстро одно и тоже слово: „подай, подай!“. Когда ему подносили питье, онъ бралъ рюмку въ руку, приподнималъ голову и выпивалъ все, что ему было подано.

„Вечеромъ этого же дня пришелъ врачъ для магнитизированія. Когда онъ положилъ свою руку больному на голову, потомъ подъ ложку, и сталъ дѣлать пассы, Гоголь сдѣлалъ движеніе тѣломъ и сказалъ: „Оставьте меня!“ Продолжать магнитизированіе было нельзя.

„На слѣдующій день, въ среду утромъ, больной находился почти въ такомъ же положеніи, какъ и наканунѣ; но слабость пульса усилилась весьма замѣтно, такъ что врачи, видѣвшіе его въ это время, полагали, что надобно будетъ прибѣгнуть къ средствамъ возбуждающимъ (moschus). Около полудня собрались вмѣстѣ приглашенные доктора (пятеро), а также нѣсколько друзей Гоголя и множество знакомыхъ. Предложенъ былъ вопросъ: оставить ли теперь больнаго безъ пособій, которыя онъ отвергаетъ самъ, или поступить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, невладѣющимъ собою? Рѣшили: лечить больнаго, несмотря на его нежеланіе лечиться.

«Всѣ врачи вошли къ больному, стали осматривать и разспрашивать. Когда давили ему животъ, который былъ такъ мягокъ и пустъ, что чрезъ него легко можно было ощупать позвонки, то Гоголь застоналъ, закричалъ. Прикосновеніе къ другимъ частямъ тѣла, вѣроятно, было для него болѣзненно, потому-что также возбуждало стонъ или крикъ. На вопросы докторовъ больной или не отвѣчалъ ничего, или отвѣчалъ коротко и отрывисто «нѣтъ», не раскрывая глазъ. Наконецъ, при продолжительномъ изслѣдованіи, онъ проговорилъ съ напряженіемъ: «не тревожьте меня, ради Бога!»

«Кромѣ исчисленныхъ явленій, ускоренный пульсъ и носовое кровотеченіе, показавшееся-было впродолженіе его болѣзни само-собою, послужили показаніемъ къ приставленію піявокъ въ незначительномъ числѣ. Было поставлено восемь піявокъ къ ноздрямъ, приложены холодныя примочки на голову, а потомъ сдѣлано обливаніе головы холодною водою въ теплой ваннѣ. Когда больнаго раздѣвали и сажали въ ванну, онъ сильно стоналъ, кричалъ, говорилъ, что это дѣлаютъ напрасно. Послѣ ванны его опять положили въ постель, обернувъ въ простыню. Видно, онъ прозябъ, потому-что проговорилъ: «Покройте плечо, закройте спину!» Во время приставленія піявокъ онъ повторялъ неоднократно: «Не надо, не надо!» Когда онѣ были поставлены, онъ твердилъ: «снимите піявки, поднимите (ото рта) піявки!» и стремился ихъ достать рукою, которую удержали силою. Одинъ изъ консультантовъ, пріѣхавшій позже другихъ и знавшій лично Гоголя, выслушавъ исторію его болѣзни, назвалъ болѣзнь gastro-interitis ex inanitione, объявилъ дурное предсказаніе, сказавъ, что «наврядъ ли что-либо успѣете сдѣлать съ *этимъ* больнымъ при такомъ его нежеланіи лечиться»; но другіе врачи не теряли надежды на его спасеніе, и въ шесть часовъ вечера опять собрались у больнаго.

«Гоголь лежалъ молча, какъ безчувственный, и какъ будто не обращалъ

[illegible] того, что̀ около него происходило, несмотря на [illegible] Предлагали ему вопросы, называли его по [illegible] ни одного слова. Тутъ положили ему на голову ледъ, [illegible] поддерживали кровотеченіе изъ носа, внутрь [illegible] Но и эти дѣятельныя пособія не оказали благопріятнаго [illegible] слабѣе; дыханіе, затрудненное уже утромъ, ста- [illegible] больной перестал самъ поворачиваться и про- [illegible] на одномъ боку. Когда съ нимъ ничего не дѣлали, [illegible] ставили или снимали горчичники и вообще трево- [illegible] или вскрикивалъ; повременамъ онъ явственно [illegible] уже не разбирая, что ему подаютъ.

[illegible] повидимому, сталъ забываться и терять память. [illegible] произнесъ онъ однажды, показывая, что желаетъ пить. Ему [illegible] съ бульономъ, но онъ уже не могъ самъ приподнять [illegible] надобно было придержать и то и другое, чтобъ онъ [illegible] выпить поданное.

[illegible] по временамъ бормоталъ что-то невнятно. какъ бы во [illegible] нѣсколько разъ «давай, давай! ну что жь?». Часу въ один- [illegible] закричалъ громко: «лѣстницу, поскорѣе, давай лѣстницу!...» [illegible] хотѣлось встать. Его подняли съ постели, посадили на кресло. [illegible] уже такъ ослабѣлъ, что голова его не могла держаться на [illegible] машинально. какъ у новорожденнаго ребенка. Тутъ привязали [illegible] все это время онъ не глядѣлъ и безпрерывно стоналъ. Когда [illegible] въ постель, онъ потерялъ всѣ чувства; пульсъ у него [illegible] захрипѣлъ, глаза его раскрылись, но представлялись [illegible] наступаетъ смерть, но это былъ обморокъ, который [illegible] минуть. Пульсъ возвратился вскорѣ, но сдѣлался едва при- [illegible]

[illegible] Гоголь уже не просилъ болѣе ни пить, ни повора- [illegible] лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами, не произнося [illegible]

[illegible] ночи стали холодѣть ноги. Я положилъ кувшинъ [illegible] почаще давать проглатывать бульйонъ, и это, повиди- [illegible] вскорѣ дыханіе сдѣлалось хриплое и еще болѣе [illegible] холодною испариною, подъ глазами посинѣло, [illegible] мертвеца. Въ это время пріѣхалъ докторъ, который [illegible] продолжалъ почти во всю ночь давать лекарства [illegible] мѣры. Больной только стоналъ, но не произ- [illegible]

[illegible] 21-го февраля 1852 года, доктора не успѣли [illegible] которое предполагали возможнымъ. Пріѣхавъ въ [illegible] Гоголя, а трупъ его: уже около восьми ча- [illegible] исчезли всѣ признаки жизни....»

[illegible] Гоголь самъ былъ причиною своей смерти, [illegible] трудно сомнѣваться послѣ разсказа г.

А. Т. Т-ва,—если дѣйствительно онъ остался бы живъ и сдѣлался бы здоровъ, когда захотѣлъ бы о томъ позаботиться, не отвергалъ бы и пищу и медицинскія пособія,—то въ самомъ безразсудствѣ, съ которымъ онъ губилъ себя, все таки обнаруживается высокая и сильная натура. Какое жалкое, дикое убѣжденіе,—но какая высокая жертва ради убѣжденія! Какое поразительное свидѣтельство съ одной стороны — слабости, съ другой стороны — высоты этого человѣка.

Мы нашли столько хорошаго въ декабрьской книжкѣ «Отечеств. Записокъ», что намъ уже не хочется говорить объ отвѣтѣ г. Галахова (въ журналистикѣ декабрьской книжки) на замѣчанія, сдѣланныя нами на его статью противъ г. Лайбова. Да и нѣтъ надобности отвѣчать ему: отъ г. Лайбова, онъ обращаетъ свой гнѣвъ на насъ—пусть гнѣвается, особенно, если это приноситъ ему удовольствіе; собственно за себя, мы не намѣрены вступать въ полемику ни съ кѣмъ, — тѣмъ болѣе не находимъ нужды дѣлать этого въ настоящемъ случаѣ; потому что г. Галахову не удалось сказать противъ нашихъ замѣчаній ничего такого, что заслуживало бы отвѣта.

. . . .

. . . .

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы сказали, что тѣ особенныя воззрѣнія, которыми славянофилы хотятъ отличаться отъ огромнаго большинства публики, не достигли еще ясности, и потому не имѣютъ еще особенной важности. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы сказали, что «Русская Бесѣда» независимо отъ своего направленія, заслуживаетъ вниманія по довольно значительному числу дѣльныхъ статей,—въ числѣ сотрудниковъ ея есть люди ученые и даровитые, которые судятъ очень здраво, когда рѣчь идетъ не о туманныхъ отвлеченностяхъ (которыми, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ слишкомъ часто заняты), а такихъ вопросахъ, которые имѣютъ дѣйствительный смыслъ. Мы пользуемся выходомъ четвертой книжки «Русской Бесѣды», чтобы обозрѣть всѣ четыре книги ея, составляющія годичное изданіе, и обратить вниманіе публики на статьи, заслуживающія одобренія.

Прежде всего, мы должны назвать прекрасныя «обозрѣнія» кн. Черкасскаго: «Обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 годъ (кн. первая), «Протоколы Парижскаго Конгресса» (кн. вторая) и «Обозрѣніе внутренняго законодательства» (кн. третья): онѣ за-

служиваютъ большаго вниманія по ясности и благородству взгляда и по замѣчательной основательности; въ томъ предметѣ, которымъ занимается кн. Черкасскій, мы имѣемъ очень мало спеціалистовъ; но еслибъ у насъ было ихъ много, авторъ статей, нами названныхъ, все-таки оставался бы писателемъ замѣчательнымъ; теперь же, мы почти не можемъ указать въ этомъ родѣ ничего равнаго по достоинству его дѣльнымъ статьямъ, написаннымъ съ большимъ знаніемъ предмета. Кто хочетъ узнать «Русскую Бесѣду» съ самой выгодной стороны, долженъ прочесть эти статьи и стихотворенія г. И. Аксакова (въ первой книгѣ; въ свое время, мы представили нашимъ читателямъ эти стихотворенія; къ сожалѣнію, въ трехъ слѣдующихъ книгахъ г. И. Аксаковъ не помѣстилъ ни одной пьесы. Неужели онъ такъ мало пишетъ?).

Очень дѣльны три статьи г. Кошелева о желѣзныхъ дорогахъ— двѣ первыя были напечатаны въ первой книгѣ; на одну изъ нихъ, заключавшую замѣчанія противъ статьи, помѣщенной въ февральской книжкѣ нашего журнала, г. Журавскій написалъ въ «Современникѣ» возраженія; третья статья (въ четвертой книгѣ) служитъ отвѣтомъ на эти возраженія. Споръ этотъ самымъ выгоднымъ для «Русской Бесѣды» образомъ отличался отъ скучныхъ преній о народномъ воззрѣніи, въ которыхъ каждымъ новымъ объясненіемъ славянофилы все только больше затемняли вопросъ о томъ, чего они хотятъ. Тутъ, напротивъ, дѣло было совершенно ясно и разумно, каждый читатель очень хорошо понималъ, чего и по какимъ основаніямъ хочетъ г. Кошелевъ; мы не беремся рѣшать, на чьей сторонѣ было больше справедливости, но самый нерасположенный къ «Русской Бесѣдѣ» читатель согласится, что г. Кошелевъ говорилъ не безъ доказательствъ, защищая мысль, что Москва должна быть центральнымъ пунктомъ всей сѣти желѣзныхъ дорогъ. Съ этимъ мнѣніемъ можно соглашаться или не соглашаться, но во всякомъ случаѣ оно имѣетъ за себя многіе факты и заслуживаетъ серьёзнаго вниманія. Правда и то, что въ немъ нѣтъ ничего спеціально славянофильскаго. Можно быть заклятымъ западникомъ и все-таки думать, что Москва, центръ мануфактурной дѣятельности и сухопутныхъ торговыхъ путей, должна быть центромъ желѣзныхъ дорогъ; можно быть заклятымъ славянофиломъ, и предпочитать въ этомъ случаѣ Москвѣ Кіевъ, или какой нибудь другой городъ.

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ Русской «Бесѣды» возбудили много толковъ статьи г. В. Григорьева о Грановскомъ. Многіе думали видѣть въ нихъ слѣды какой-то вражды противъ Грановскаго, какого-то желанія унизить его: справедливо или несправедливо такое предположеніе, во всякомъ случаѣ нельзя совершенно одобрить удалаго тона, въ которомъ написаны эти воспоминанія, и довольно частыхъ панегириковъ автора самому себѣ. Но какъ бы то ни было, статьи эти драгоцѣнны, потому что заключаютъ въ себѣ очень много интересныхъ фактовъ. Біографическая отрасль литературы у насъ еще очень слаба, и потому всякія біографическія воспоминанія, по своей рѣдкости, имѣютъ у насъ двойную цѣну.

Интересъ, возбужденный «Семейною хроникою» г. С. Аксакова, дѣлаетъ излишними всякія похвалы двумъ статьямъ его, помѣщеннымъ въ «Русской Бесѣдѣ».

Чтобы заключить перечень статей «Русской Бесѣды», имѣющихъ положительное достоинство независимо отъ славянофильскаго или неславянофильскаго своего направленія, упомянемъ извѣстія г. Гильфердинга о современной литературно-ученой жизни у нѣкоторыхъ западныхъ славянскихъ племенъ. Можно посмѣяться надъ г. Гильфердингомъ, когда онъ оплакиваетъ участь нынѣшнихъ пруссаковъ и саксонцевъ, къ величайшему своему несчастію разъучившихся говорить по славянски, или доказываетъ, что персіяне—европейцы, а славяне — азіатцы; но его статьи помѣщенныя въ «Русской Бесѣдѣ» заключаютъ много интересныхъ фактовъ.

Этотъ перечень былъ бы гораздо длиннѣе, если бы прибавить къ нему статьи, сильнѣе пострадавшія отъ слишкомъ неумѣренной примѣси отвлеченныхъ эпизодовъ въ славянофильскомъ вкусѣ, но все таки имѣющихъ много дѣльныхъ страницъ. Вообще, кто захочетъ безпристрастно вглядѣться въ «Русскую Бесѣду«, найдетъ въ ней много хорошаго. Правда и то, что быть безпристрастнымъ въ этомъ случаѣ довольно трудно. Мы увѣрены, многимъ даже не понравится то, что мы не ограничиваясь выставленіемъ слабыхъ сторонъ этого журнала, указываемъ и хорошее въ немъ. Нерасположеніе противъ «Русской Бесѣды» въ огромномъ большинствѣ публики очень сильно. Иные воображаютъ, что это нерасположеніе относится собственно къ самому славянофильскому направленію. Нѣтъ; нельзя конечно думать, чтобы славянофильство, въ какомъ бы видѣ ни являлось оно, могло пріобрѣсть многихъ привержен-

цевъ,—оно слишкомъ противорѣчитъ очевиднымъ фактамъ и положительнымъ потребностямъ русскаго общества. Но все таки, въ немъ, если разсматривать его въ лучшихъ его представителяхъ, нѣтъ ничего антипатичнаго. Оно заблужденіе, но заблужденіе, могущее имѣть очень благородный характеръ и соединяться со многими прекрасными элементами. Сланофиламъ вредитъ не то, что они славянофилы; есть другія причины предубѣжденія противъ нихъ. Придавая слишкомъ большую важность своимъ отвлеченнымъ понятіямъ о всеобъемлющемъ характерѣ русской народности, о такъ называемой односторонности и несостоятельности западной науки и жизни, они слишкомъ готовы безъ разбора восхищаться всякимъ сужденіемъ, лишь бы только оно было въ пользу народности противъ европеизма. Чтобы объяснить эту ошибку, мы воспользуемся прелестною исторіею, которая открыта была однимъ изъ сотрудниковъ «Русской Бесѣды».

Въ «Земледѣльческой Газетѣ» (1856 г.) № 23 и 24 помѣщена была статья г. Великосельцева «Замѣтки о связи между улучшенною жизнью, нравственностью и богатствомъ въ крестьянскомъ быту». Авторъ разсуждаетъ: отчего многіе изъ нашихъ крестьянъ бѣдны? Отчего многіе изъ нихъ пьютъ? И какимъ бы образомъ помочь этому дѣлу?—Вся бѣда, по мнѣнію г. Великосельцева, происходитъ оттого, что жены крестьянъ не заботятся объ артистической красотѣ своихъ позъ, не стараются имѣть красивую талію.—А помочь бѣдѣ также очень легко,—пусть крестьянскія женщины заботятся о красотѣ таліи,—и дѣло пойдетъ прекрасно. Вы не вѣрите? Но, нѣтъ, г. Великосельцевъ говоритъ не въ шутку.

Возможно ли читать безъ смѣха эти предположенія, что для улучшенія быта поселянъ нужно затянуть сельскихъ дѣвушекъ въ корсеты, набить имъ головы романами, выучить ихъ танцовать французскую кадриль, а мужиковъ пріучить къ тому, чтобы они цѣловали ручки у своихъ дамъ? По мнѣнію «Русской Бесѣды» г. Великосельцевъ—западникъ; въ самомъ дѣлѣ, подобно западникамъ онъ толкуетъ о просвѣщеніи, объ улучшеніи быта, о смягченіи нравовъ! Спрашивается теперь, какое мнѣніе стала бы имѣть публика о западникахъ, еслибъ они, основываясь на томъ, что г. Великосельцевъ съ жаромъ говоритъ о просвѣщеніи, вздумали защищать его проэкты, печатать въ своихъ журналахъ его статьи, а когда кто нибудь осмѣлился бы сказать, что напрасно они ком-

прометирують себя союзомъ съ г. Великосельцевымъ, стали бы печатать въ своихъ журналахъ объявленія, что г. Великосельцевъ разсуждаетъ очень здраво и основательно? Кто былъ бы тогда виноватъ въ томъ, что публика стала бы смѣяться надъ западниками?

Величайшій вредъ славянофиламъ приноситъ, какъ мы сказали, неразборчивость въ выборѣ союзниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы «Русская Бесѣда» остерегалась отъ статей и мнѣній, имѣющихъ такое же отношеніе къ славянофильству, какъ проэкты г. Великосельцева къ западничеству, то исчезло бы предубѣжденіе противъ славянофильства. Публика ни въ какомъ случаѣ не сдѣлалась бы послѣдовательницею славянофильскихъ теорій, но, по крайней мѣрѣ, смотрѣла бы на нихъ съ бо́льшимъ уваженіемъ.

Читатели наши знаютъ о странной выходкѣ редактора «Русскаго Вѣстника» противъ г. Тургенева. Г. Тургеневъ отвѣчалъ на нее слѣдующимъ письмомъ, адресованнымъ на имя г. редактора «Московскихъ Вѣдомостей» и напечатаннымъ въ № 151 этой газеты.

Парижъ 4-го (16-го) декабря.

М. Г.,

«Я на дняхъ получилъ № Московскихъ Вѣдомостей, въ которомъ помѣщено объявленіе объ изданіи «Русскаго Вѣстника» въ будущемъ году, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ на счетъ моихъ отношеній къ этому журналу. Какъ ни непріятно мнѣ занимать публику подробностями дѣла, лично меня касающагося— я не могу не отвѣчать на это замѣчаніе и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить мой отвѣтъ въ вашей газетѣ.

«Вотъ въ чемъ дѣло. Прошлой осенью я, не назначая впрочемъ опредѣленнаго срока, обѣщалъ г-ну издателю «Русскаго Вѣстника» повѣсть подъ названіемъ «Призраки», за которую я принялся въ тоже время, но которую и до сихъ поръ кончить не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго года я заключилъ съ гг. издателями «Современника» условіе, въ силу котораго я обязался помѣщать свои произведенія исключительно въ ихъ журналѣ, при чемъ однако я выговорилъ себѣ право исполнить прежнія свои обѣщанія, а именно въ отношеніи къ «Русскому Вѣстнику». Слѣдовательно вся моя вина состоитъ въ томъ, что я до сихъ поръ не окончилъ этой повѣсти. Но г-нъ Катковъ не смотря на то, что, по его словамъ, онъ питаетъ ко мнѣ уваженіе, почелъ себя въ правѣ намекнуть, что эту самую повѣсть я помѣстилъ подъ именемъ «Фаустъ» въ № IX «Современника», тогда какъ тѣмъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ я сообщаю планы моихъ произведеній, хорошо извѣстно, что между этими двумя повѣстями нѣтъ никакого сходства. Я нахожу, что подобный поступокъ со стороны г-на Каткова разрѣшаетъ меня совершенно отъ обязанности исполнить мое слово — и это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что непоявленіе

моей повѣсти на листахъ его журнала, вѣроятно, ни кѣмъ замѣчено не будетъ. Г-нъ Катковъ напрасно старается меня успокоить. Я слишкомъ хорошо знаю самъ, что содѣйствіе мое въ одномъ журналѣ—ни значительно способствовать его распространенію—ни повредить другому—рѣшительно не можетъ. Заслуженный успѣхъ «Русскаго Вѣстника»—лучшее тому доказательство.

Примите и пр.

Иванъ Тургеневъ.

Справедливость должна бы была внушить г. Каткову, что прежде нежели позволять себѣ оскорбительныя намеки о г. Тургеневѣ, онъ долженъ былъ бы узнать отъ г. Тургенева положительнымъ образомъ, имѣютъ ли какое нибудь основаніе подозрѣнія, которыми увлекся онъ, г. Катковъ. Еслибъ не пренебрегъ онъ этимъ простымъ и прямымъ путемъ къ разсѣянію своихъ несправедливыхъ предположеній, онъ былъ бы избавленъ отъ необходимости,—конечно, непріятной для него извиняться... Но дѣло было сдѣлано, и г. Тургеневъ вынужденъ былъ выходкой г. Каткова напечатать письмо, которое привели мы выше. Въ слѣдующемъ нумерѣ (152-мъ) «Московскихъ Вѣдомостей» г. Катковъ помѣстилъ въ свою очередь письмо къ редактору этой газеты; въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ благороднаго человѣка, которому раскрыта его ошибка, извиняется передъ г. Тургеневымъ. Вотъ подлинныя слова г. Каткова:

„Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обѣщанныхъ въ „Русскій Вѣстникъ“, съ *Фаустомъ*, напечатаннымъ въ „Современникѣ“, оскорбила г. Тургенева... Высказывая эту догадку, я впрочемъ не придавалъ ей особеннаго значенія... Чистосердечно извиняюсь передъ г. Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ... Теперь, когда г. Тургеневъ объявилъ, что между *Фаустомъ* и планомъ другой повѣсти, которой даетъ онъ названіе *Призраковъ*, нѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ“.

Въ этомъ «чистосердечномъ извиненіи» г. Каткова передъ г. Тургеневымъ заключается сущность отвѣта г. Каткова.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

ЯНВАРЬ 1857.

Очень много написано было въ послѣдніе годы о старыхъ нашихъ авторахъ, сочиненія которыхъ теперь служатъ болѣе памятниками прошедшаго, нежели чтеніемъ современной публики. Ломоносовъ и Сумароковъ, Тредьяковскій и Кантемиръ, Лукинъ и Княжнинъ, и проч. и проч. становились поочередно предметомъ внимательнаго изслѣдованія. Это было хорошо; но дурно было то, что, углубившись въ старину, мы забывали о настоящемъ. Почти ни одинъ изъ писателей, дѣйствующихъ нынѣ, не былъ оцѣненъ надлежащимъ образомъ. О г. Тургеневѣ, г. Григоровичѣ, г. Островскомъ, г. Писемскомъ и другихъ нашихъ современникахъ, вообще вы найдете въ журналахъ только отзывы или слишкомъ краткіе, или слишкомъ поверхностные. Пора намъ перестать довольствоваться такими бѣглыми замѣчаніями, пора заговорить съ должнымъ вниманіемъ о дѣятельности писателей, которые въ исторіи литературы занимаютъ, конечно, не менѣе важное мѣсто, нежели писатели предшествовавшихъ періодовъ, сочиненія которыхъ для насъ гораздо важнѣе, нежели все то, что̀ писалось сорокъ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ и уже не читается теперь.

Съ этой точки зрѣнія, мы очень рады появленію, въ январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», большой статьи г. Дудышкина о сочиненіяхъ г. Тургенева. Она еще не кончена въ этой книжкѣ,—но взглядъ критика на автора «Записокъ Охотника» уже совершенно выразился въ той части разбора, которую прочли мы.

Г. Дудышкинъ очень справедливо считаетъ интереснѣйшимъ для критики вопросъ о томъ, какое воззрѣніе на жизнь выразилось въ произведеніяхъ писателя. Онъ считаетъ первою обязанностью

критика опредѣлить отношеніе писателя къ современной идеѣ. — «Стать въ уровень съ идеею въ томъ объемѣ, какъ она выработана современною наукою, современною жизнью, въ томъ значеніи, которое она получаетъ, какъ послѣднее слово исторіи — это одна изъ первыхъ потребностей и вмѣстѣ заслугъ каждаго писателя. Кто не имѣетъ никакого отношенія къ этой идеѣ, тотъ не имѣетъ и значенія въ современной литературѣ»—это понятіе очень справедливо.—«Но, продолжаетъ критикъ,—стать на высотѣ современной идеи нашему русскому писателю еще недостаточно, по крайней мѣрѣ, не значитъ рѣшить вопросъ окончательно. Нашъ писатель долженъ показать отношеніе идеи къ той почвѣ, на которой заставляетъ онъ идею жить, къ тому обществу, которое должно служить ей обстановкой»—и это правда; одно только выраженіе въ этихъ словахъ кажется намъ не совсѣмъ точнымъ: «*нашему русскому* писателю недостаточно... *нашъ* писатель долженъ». Почему жь именно «нашъ» писатель, а не вообще всякій писатель, всякой націи долженъ опредѣлить отношеніе идеи къ обществу, имъ изображаемому? Эта обязанность равно лежитъ и на нѣмецкомъ, и на англійскомъ и французскомъ писателѣ, и ни одинъ изъ ихъ замѣчательныхъ писателей не уклонялся отъ нея,—если у китайцевъ или персіянъ есть въ настоящее время замѣчательные писатели, то, конечно, и они показываютъ отношеніе своихъ идеаловъ къ изображаемому ими обществу. Или, при опредѣленіи отношенія идеала къ жизни, на русскомъ писателѣ лежатъ какія нибудь особенныя условія, которыми не обязаны стѣсняться другіе писатели? Кажется, что критикъ думаетъ такъ: — «что̀, если эти отношенія будутъ чисто отрицательныя, какъ тогда примирить ихъ?» продолжаетъ онъ. — «А если писатель найдетъ, что между ними можетъ быть гармонія, то въ какія формы облечетъ онъ свои идеи?»—Если не ошибаемся, въ этихъ словахъ уже выражено мнѣніе, что идеалъ непремѣнно долженъ представляться у писателя, о которомъ говоритъ критикъ, гармонирующимъ съ окружающею его жизнью. Если это условіе имѣлъ онъ въ виду, то едва ли можно назвать его мнѣніе справедливымъ. Почему жь идеалъ необходимо долженъ представляться примиреннымъ съ дѣйствительностью? Этого примиренія въ такомъ смыслѣ, какъ понимается оно обыкновенно людьми, требующими его, нѣтъ даже у Шекспира, не только величайшаго, но и спокойнѣйшаго изъ всѣхъ поэтовъ. Ни одинъ

изъ его идеаловъ не умѣетъ устроить свои дѣла такъ, чтобы жить да поживать въ довольствѣ и благополучіи. Гамлетъ и Офелія, Ромео и Джульетта, Отелло и Дездемона,—всѣ они надѣлали много хлопотъ и горя и себѣ и другимъ, ни одного изъ нихъ Шекспиръ не могъ поставить «въ гармонію съ обстановкою». Зачѣмъ же налагать на русскаго писателя обязанность, которой не исполнялъ самъ, этотъ невозмутимо спокойный, геній Шекспира? Намъ кажется, что г. Дудышкинъ не совсѣмъ правъ, приготовляясь выражать неодобреніе современному писателю, у котораго не найдетъ «гармоніи идеала съ обстановкою»—ни у какого писателя, никакой націи и эпохи не найдетъ онъ этой гармоніи;—или поголовно осудитъ онъ всѣхъ поэтовъ, отъ Гомера по 1857 годъ включительно?

Опредѣливъ такимъ образомъ свои требованія, г. Дудышкинъ хочетъ опредѣлить черты идеала, изображаемаго г. Тургеневымъ, но прежде считаетъ нужнымъ объяснить, каковы были господствующіе литературные взгляды въ то время, когда явились первыя произведенія господина Тургенева. Тутъ слѣдуютъ выписки изъ «Отеч. Записокъ» 1841—1845 годовъ, и г. Дудышкинъ подсмѣивается надъ неосновательностью мнѣній, какія тогда выражались журналомъ, который теперь украшается прекрасными статьями г. Дудышкина. Журналъ съ пренебреженіемъ отзывается о своемъ прошедшемъ—это вообще было бы неловко; а когда прошедшее журнала имѣетъ неоспоримое и высокое достоинство, это и несправедливо. Неужели прошедшее «Отеч. Записокъ» такъ забавно, что сами «Отеч. Записки» не могутъ вспомнить о немъ безъ улыбки сожалѣнія? Но какое намъ дѣло до того, уважаютъ ли «Отеч. Записки» свое прошедшее! Въ настоящемъ случаѣ жаль только, что эта насмѣшка вовлекла г. Дудышкина въ нѣкоторыя ошибки при опредѣленіи идеала, изображаемаго г. Тургеневымъ. Выписавъ изъ «Отеч. Записокъ» старыхъ годовъ сужденія о герояхъ Баратынскаго и Лермонтова, и посмѣявшись надъ этими сужденіями, г. Дудышкинъ рѣшаетъ, что главныя лица многихъ повѣстей г. Тургенева сходны съ героями Баратынскаго и Лермонтова, что повѣсти г. Тургенева принадлежатъ той же литературной школѣ какъ «Герой нашего времени».—На какомъ же это основаніи?—На томъ, что всѣ ихъ главныя лица «лишніе люди», не находящіе себѣ счастія и благотворнаго труда въ жизни. Послѣ того

и «Гамлетъ», вѣроятно, покажется написаннымъ подъ вліяніемъ литературной школы, къ которой принадлежалъ Лермонтовъ, — вѣдь Гамлетъ тоже лишній человѣкъ. Какимъ же образомъ явилась эта натяжка? Г. Дудышкинъ предполагаетъ, во-первыхъ, что всѣ главныя лица мужескаго пола во всѣхъ повѣстяхъ г. Тургенева, отъ «Андрея Колосова» до «Рудина»—изображаются г. Тургеневымъ, какъ идеалы;—во-вторыхъ, что всѣ эти лица списаны съ одного и того же типа. Вотъ до какихъ предубѣжденій доводитъ односторонняя теорія! Но какое же сходство между Пасынковымъ и Вязовкинымъ, между Рудинымъ и Бреттёромъ? и возможно ли сказать, что хотя одно изъ этихъ лицъ выставлено идеаломъ? Ничего подобнаго и не бывало. И какое же сходство между мыслью тѣхъ повѣстей, въ которыхъ дѣйствуютъ эти лица, и мыслью «Героя нашего времени?» Всѣ выводы эти основаны на недоразумѣніи. Г. Дудышкинъ читалъ. въ старыхъ «Отеч. Запискахъ» и въ первыхъ годахъ «Современника», что Евгеній Онѣгинъ смѣнился въ нашемъ обществѣ и литературѣ Печоринымъ, Печоринъ—Бельтовымъ,—недавно прочелъ онъ въ «Современникѣ», что за этими типами послѣдовалъ Рудинъ—онъ вздумалъ развить эту параллель,—но понялъ ее вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ она высказывалась; ему вздумалось, что Печоринъ списокъ съ Онѣгина, что Бельтовъ,—списокъ съ Печорина,—естественнымъ продолженіемъ такой ошибки было, что и въ Рудинѣ ему вздумалось видѣть списокъ съ Печорина. Но параллель между ими проводилась вовсе не за тѣмъ, чтобы показать ихъ одинаковость—сходства между этими четырьмя людьми четырехъ разныхъ эпохъ общественнаго развитія, вовсе нѣтъ—а за тѣмъ, чтобы показать различіе между характеромъ эпохъ, которымъ принадлежатъ они. Онѣгинъ скучаетъ потому, что онъ, хотя и добрый, но въ сущности пустой человѣкъ, начитавшійся Байрона и избалованный обществомъ. Чего ему хочется, о чемъ онъ тоскуетъ—онъ самъ не знаетъ,—а въ сущности онъ скучаетъ о томъ, что не о чемъ ему погоревать серьезно, о томъ, что въ головѣ у него нѣтъ сильной мысли, а сердце его износилось отъ волокитства. Печоринъ человѣкъ совершенно другаго характера и другой степени развитія. У него душа дѣйствительно очень сильная, жаждущая страсти; воля у него дѣйствительно твердая, способная къ энергической дѣятельности, — но онъ заботился только лично о самомъ себѣ. Никакіе общіе вопросы его не занимаютъ.

Надобно ли говорить, что Бельтовъ совершенно не таковъ, что личные интересы имѣютъ для него второстепенную важность? Но Бельтовъ еще не находитъ никакого сочувствія себѣ въ обществѣ, и мучится тѣмъ, что ему совершенно нѣтъ поля для дѣятельности. Всѣ эти три типа были изображены, какъ идеалы. Рудинъ изображенъ вовсе не идеаломъ—только въ концѣ повѣсти, авторъ нѣсколько смягчается къ выведенному имъ типу, и думая, что уже съ достаточною силою выставилъ его недостатки, говоритъ, что было въ немъ и нѣчто хорошее,—именно, его пламенная ревность трудиться, трудиться неутомимо, — но, прибавляетъ онъ, возвращаясь къ прежней точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на него во все продолженіе разсказа,—но эта ревность мало принесла пользы, потому что у Рудина не доставало практическаго такта, не было умѣнья взяться съ надлежащей стороны за дѣло. Вы видите разницу между Рудинымъ и Бельтовымъ: одинъ—натура созерцательная, бездѣйственная, быть можетъ потому, что еще не приходило время являться людямъ дѣятельнымъ. Другой трудится, трудится неутомимо,—но почти безплодно. Еще менѣе возможно найти сходство между Рудинымъ и Печоринымъ: одинъ—эгоистъ, не думающій ни о чемъ, кромѣ своихъ личныхъ наслажденій; другой—энтузіастъ, совершенно забывающій о себѣ, и весь поглощаемый общими интересами; одинъ живетъ для своихъ страстей, другой — для своихъ идей. Это люди различныхъ эпохъ, различныхъ натуръ,—люди, составляющіе совершенный контрастъ одинъ другому. Скорѣе вы найдете сходство между Донъ-Кихотомъ и Манфредомъ, между Фаустомъ и Донъ-Жуаномъ, нежели между Рудинымъ и Печоринымъ или Онѣгинымъ, который еще дальше отъ Рудина.

Какимъ же образомъ можно было сказать, что Рудинъ не представляетъ ничего новаго послѣ Печорина и Онѣгина? въ немъ все ново, отъ его идей до его поступковъ, отъ его характера до его привычекъ. Мы здѣсь не можемъ пересматривать всѣхъ повѣстей г. Тургенева съ ихъ дѣйствующими лицами,—но довольно и этого одного примѣра, чтобы видѣть, до какихъ странныхъ ошибокъ довело г. Дудышкина ошибочное развитіе мысли, вычитанной имъ въ старыхъ «Отеч. Запискахъ», но не понятой имъ. Скажите, какимъ образомъ можно соединять въ одинъ типъ съ Печоринымъ, Онѣгинымъ, Бельтовымъ (которые и по себѣ представляются каждый особеннымъ типомъ) не только Рудина, но точно также и Астахова

(въ «Затишьѣ»)—этого бездушнаго пошлеца, который свою низость и безчувственность прикрываетъ европейскими фразами и приличными манерами,—и Вязовкина (въ «Двухъ пріятеляхъ»), человѣка хорошаго и образованнаго, но вовсе не мечтательнаго и наклоннаго къ тихому, счастливому успокоенію среди самой будничной обстановки? Все это люди совершенно различныхъ типовъ.

Какимъ образомъ произошла эта странная ошибка, спутавшая въ одинъ портретъ черты совершенно различныхъ людей? Г. Дудышкинъ увлекся теоріею о необходимости «примирять идеалъ съ его обстановкою» и мыслью, впрочемъ прекрасною, о необходимости «трудиться». Въ этомъ увлеченіи создалась у него довольно любопытная эстетическая система, которую изложимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Что такое значитъ «человѣкъ долженъ гармонировать съ обстановкою?» Вотъ что: если у васъ есть тетка или бабушка, держите себя такъ, чтобы она была вами довольна; если у васъ есть начальникъ, держите себя такъ, чтобы онъ отзывался о васъ: «славный человѣкъ NN»; если у васъ есть сосѣди, живите съ ними въ пріятельскихъ отношеніяхъ; если вы еще не женаты, то женитесь на первой дѣвушкѣ, которую сосѣдскія сплетни объявятъ вашею невѣстою; иначе, тетка будетъ вами недовольна, начальникъ не дастъ вамъ повышенія, сосѣди объявятъ васъ фармазономъ, дѣвушка, на которой сосѣди вздумали женить васъ, подвергнется осужденію за то, что не умѣла удержать жениха,—всѣ будутъ вами недовольны, и будетъ ясно, какъ дважды-два четыре, что «вы не годитесь для окружающей васъ обстановки», что вы «лишній человѣкъ», что вы даже пустой и жалкій человѣкъ.

Что такое значитъ: «трудиться»?—трудиться значитъ быть расторопнымъ чиновникомъ, распорядительнымъ помѣщикомъ—значитъ устроивать свои дѣла такъ, чтобы вамъ было тепло и спокойно, не нарушая, однако же, при этомъ устроеніи своихъ дѣлишекъ, условія, которыя соблюдаетъ всякій порядочный и приличный человѣкъ.

Если вы недовольны такими правилами, вы не годитесь для окружающей васъ обстановки, вы не хотите трудиться, вы опять таки пустой и праздношатающійся человѣкъ.

Г. Дудышкинъ, въ статьѣ, о которой мы говоримъ, такъ увлекся этою теорію «гармоніи съ обстановкою», что чей бы разсказъ ни

попался ему подъ руку, онъ тотчасъ отъискиваетъ главное лицо мужескаго пола и спрашиваетъ его: «гармонируешь ли ты съ обстановкою?»—«трудишься ли ты?» Герои Баратынскаго и Пушкина, Лермонтова и г. Тургенева — всѣ одинаково конфузятся отъ этихъ вопросовъ — не очевидно ли, что всѣ они люди одного и того же разряда, всѣ—портреты съ одного и того же типа. Если бы продолжить такое слѣдствіе и допросить по двумъ вышеприведеннымъ пунктамъ героевъ Шекспира и Лопе де Веги, Гёте и Корнеля, Байрона и Софокла, всѣ они были бы точно также переконфужены, не умѣли ничего отвѣчать въ свою защиту, оказались бы подходящими подъ одинъ и тотъ же типъ «людей не трудящихся и не гармонирующихъ съ обстановкою»,—словомъ сказать, оказались бы ни болѣе, ни менѣе, какъ передѣлками лермонтовскаго. Печорина, и вмѣстѣ съ нимъ подверглись бы строгому осужденію

Вотъ до какихъ результатовъ доводитъ даже умнаго человѣка желаніе построить систему на основаніи не понятой имъ мысли.

Достигнувъ открытія, что главныя дѣйствующія лица г. Тургенева «не гармонируютъ съ обстановкою», онъ не считаетъ уже нужнымъ разсматривать, дѣйствительно ли эти лица изображались г. Тургеневымъ, какъ идеалы, какъ люди безукоризненно дѣйствующіе и вполнѣ удовлетворяющіе своими поступками его воззрѣнію на жизнь, — или г. Тургеневъ изображалъ своего Вязовкина, Рудина и проч. вовсе не идеальными, а простыми людьми, имѣющими и дурныя и хорошія качества, поступающими въ иныхъ случаяхъ умно и благородно, въ иныхъ ошибочно, — нѣтъ, онъ воображаетъ, что всѣ они были идеалами автора, и каждое ихъ слово принимаетъ выраженіемъ понятій самого автора.

Если не объяснять эту ошибку запутанностью понятій, до которой довела его система «гармоніи съ обстановкою», то мы не знаемъ, чѣмъ и объяснить ее. Да и вообще мы не можемъ объяснить многихъ мѣстъ въ статьѣ г. Дудышкина никакими литературными основаніями. Она производитъ самое странное впечатлѣніе, — видно, что критику хочется сказать что-то такое, чего онъ не рѣшается высказать прямо, — видно, что онъ старается какъ нибудь примирить тѣ сужденія, которыя принадлежатъ исключительно ему, съ мнѣніемъ, которое непоколебимо утвердилось въ публикѣ о произведеніяхъ г. Тургенева. Онъ кружится около мысли, которую хотѣлъ бы, но не отваживается высказать, намекаетъ на

нее,—старается особенно распространяться о тѣхъ произведеніяхъ г. Тургенева, которыя слабѣе другихъ,—о лучшихъ его произведеніяхъ онъ или старается сказать какъ можно меньше, или вовсе не говоритъ,—видно, что ему хочется пошатнуть нѣчто такое, до чего не ловко ему коснуться. Видно, что ему хотѣлось бы возобновить сужденія «Москвитянина» и «Московскихъ Сборниковъ» о талантѣ и произведеніяхъ г. Тургенева, но что онъ не рѣшается этого сдѣлать.... Почему жь бы не говорить прямо? или опасеніе возбудить противъ себя общественное мнѣніе мѣшаетъ ему сдѣлать это? Къ счастію, у насъ есть общественное мнѣніе. Оно слабо,—но все-таки оно уже приноситъ большую пользу нашей литературѣ, — теперь никто не отважится открыто возставать противъ таланта, признаннаго общественнымъ мнѣніемъ. Великое дѣло общественное мнѣніе.

Мы не заговорили бы вовсе о январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», если бы кромѣ вещей, которыхъ нельзя одобрить, не должны были указать въ ней другую статью, достоинства которой заставили насъ обратить вниманіе на эту книжку. Мы говоримъ о «Богданѣ Хмельницкомъ» г. Костомарова.

«Богданъ Хмельницкій и возвращеніе Южной Руси къ Россіи»—обширное историческое сочиненіе, которое должно упрочить за ученымъ авторомъ одно изъ первыхъ мѣстъ между нашими историками. Трудолюбивыхъ изслѣдователей у насъ довольно много; но мало людей, которые по всей справедливости заслуживали бы имя замѣчательныхъ ученыхъ, потому что для этого мало трудолюбія и учености,—нужна, кромѣ того, особенная сила ума, нужна широта и проницательность взгляда, нужно соединеніе слишкомъ многихъ и слишкомъ рѣдкихъ качествъ. Своимъ «Богданомъ Хмельницкимъ» г. Костомаровъ доказалъ, что принадлежитъ къ подобнымъ людямъ.

Исторія возвращенія Малороссіи къ русскому царству, представляя великій интересъ по важности предмета, съ тѣмъ вмѣстѣ требуетъ и большаго критическаго таланта, потому что ея событія дошли до насъ въ видѣ, искаженномъ пристрастіемъ поляковъ, малоруссовъ и великоруссовъ. Многія несправедливыя мнѣнія и о характерѣ лицъ, и о смыслѣ событій укоренились до такой степени, что трудно побѣдить въ себѣ предубѣжденія, ими поселенныя Г. Костомаровъ счастливо боролся съ этою трудностью,—онъ очистилъ

исторію временъ Богдана Хмельницкаго отъ множества ошибочныхъ взглядовъ и ложныхъ разсказовъ. Внимательно и полно изучилъ онъ источники, изъ которыхъ многіе въ первый разъ открыты его неутомимыми изъисканіями, провѣрилъ каждый фактъ, каждое слово, обнаружилъ истинныя отношенія лицъ, сословій и племенъ, о которыхъ мы до сихъ поръ имѣли самыя сбивчивыя понятія, и, наконецъ, передалъ результаты своихъ изъисканій въ блестящемъ, истинно драматическомъ разсказѣ, совершенно объективномъ. Ученые оцѣнятъ въ его сочиненіи ученость, безпристрастіе, проницательность и вѣрность взгляда; большинство публики прочтетъ его исторію съ жадностью, по увлекательности изложенія, въ которомъ г. Костомаровъ едва ли имѣетъ себѣ соперниковъ. Мы надѣемся не одинъ разъ возвратиться къ его сочиненію, котораго только начало помѣщено въ январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Теперь мы скажемъ только, что очень давно не читали на русскомъ языкѣ ничего подобнаго.

Кромѣ «Богдана Хмельницкаго», надобно замѣтить въ январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» статью г. Забѣлина «Черты русской жизни въ XVII-мъ столѣтіи», отличающуюся достоинствами, которыя мы привыкли находить во всѣхъ его изслѣдованіяхъ.

Мы не могли не хохотать отъ души, читая первую часть повѣсти «Столичные родственники», которую г. Григоровичъ, исполняя свое обѣщаніе, помѣстилъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» (№ 1).— Это водевильный, шаржированный разсказъ, съ начала до конца проникнутый легкою, неподдѣльною веселостью,—разсказъ безъ всякихъ претензій, кромѣ одного желанія нарисовать нѣсколько живыхъ карикатуръ. Промотавшіеся Фуфлыгины, съ тремя тысячами серебромъ, оставшимися послѣ продажи имѣнья, отправляются въ Петербургъ, по совѣту столичныхъ родственниковъ, въ надеждѣ поправить свои дѣла, получивъ выгодное мѣсто. И вотъ они изъ экономіи ѣдутъ по желѣзной дорогѣ въ третьихъ мѣстахъ, а между тѣмъ желаютъ сохранить аристократическій тонъ, даже, если можно показать на станціяхъ, что они ѣдутъ въ первомъ классѣ,—этимъ начинаются ихъ приключенія. Дружескій разговоръ самого Фуфлыгина съ сосѣдомъ, который кажется ему и его супругѣ столичнымъ львомъ, а оказывается лакеемъ какого-то графа, — потомъ дружба мадамъ Фуфлыгиной съ дамою, которая объясняетъ, какъ она, женщина, благородное, возвышенное созданіе, увлекалась въ жизни,

и между прочимъ жила съ извергомъ—старикомъ, который приревновалъ ее, благородное, возвышенное созданіе, къ молодому человѣку, у котораго деликатная натура, — затруднительное положеніе г-жи Фуфлыгиной въ семейномъ вагонѣ, который занятъ хорошенькою женщиною съ двумя поклонниками ея прелестей, и изгнаніе г-жи Фуфлыгиной изъ этого вагона зоркимъ кондукторомъ — всѣ эти сцены забавны, разсказаны живо и весело, — а потомъ сцены между Фуфлыгиными и юнымъ львомъ Коко, ихъ родственникомъ, развязно объясняющимъ Фуфлыгину, при его супругѣ, что г-жа Фуфлыгина очень хорошо сложена, и потомъ приглашающимъ своихъ новопріѣзжихъ родственниковъ провести вечеръ у Дюссо, куда онъ привезетъ одну очаровательную женщину,—потомъ этотъ несравненный Пигуновъ, другой родственникъ Фуфлыгиныхъ, человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ и страстною любовью къ своей доброй женѣ, ангелу женѣ, съ біеніемъ себя въ грудь разсказывающій всѣмъ, какъ онъ мучится страданіями ангела жены, въ которыхъ признаетъ себя виновнымъ, при этомъ выпрашивающій у всѣхъ деньги, чтобы прокормить жену и дѣтей, и потомъ пропадающій съ деньгами, оставляя ангела жену безъ гроша,—наконецъ третій родственникъ Фуфлыгиныхъ, практическій и благонамѣренный Мирзоевъ, объясняющій, какъ онъ самъ получилъ и какъ Фуфлыгинъ долженъ получить черезъ просьбу жены доходное мѣсто при какой-то компаніи на акціяхъ—всѣ эти сцены ведены быстро и весело, всѣ эти лица кажутся живыми, знакомыми, не смотря на то, что шаржированы. А жалкая ангелъ жена нѣжнаго Пигунова, бѣдно одѣтая, больная женщина, съ ячменемъ на глазу и голодными, оборванными дѣтьми около себя, напоминаетъ вамъ, что всякая пошлость и глупость одного изъ насъ отзывается страданіемъ на другомъ... и вы предчувствуете, что скоро придется плохо и самимъ Фуфлыгинымъ. Что-то будетъ съ этими провинціальными чудаками, среди Пигунова, Коко, Мирзоева и столичной дороговизны во всемъ?

«Столичные родственники» — едва ли не самый удачный изъ всѣхъ шутливыхъ разсказовъ г. Григоровича.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

ФЕВРАЛЬ 1857.

Угодно ли вамъ, читатель, выслушать исторію о «голодѣ въ Багдадѣ при Гарунѣ-аль-Рашидѣ?» Это исторія не изъ «Тысячи и одной ночи», а изъ «Экономическаго Указателя», на который хотимъ мы обратить ваше вниманіе.

Случился, видите ли, неурожай въ Багдадской области, а за неурожаемъ, по обыкновенію, послѣдовалъ голодъ,—дѣло очень натуральное, но вовсе непріятное. Созвалъ Гарунъ-аль-Рашидъ своихъ мудрыхъ совѣтниковъ, спрашиваетъ ихъ, какъ помочь горю?— «Привезти хлѣбъ изъ тѣхъ областей, гдѣ урожай былъ хорошъ», говорятъ совѣтники. Сказать легко, а исполнить трудно, дороги въ гаруновомъ царствѣ были плохи,—будь хорошія дороги, пожалуй, подвезли бы запасъ скоро, а теперь, если и повезутъ, то нескоро довезутъ. Увидѣлъ Гарунъ-аль-Рашидъ, что надобно построить хорошія дороги,—но когда-то еще успѣешь ихъ построить, а дѣло не терпитъ отсрочки. Какъ быть? По обычаю, пошелъ ночью халифъ бродить по улицамъ Багдада, чтобы посмотрѣть, какъ живетъ народъ, послушать, что онъ говоритъ. Услышалъ онъ разговоръ старика съ молодымъ человѣкомъ. — «Бѣда! говоритъ молодой человѣкъ:— дорогъ хлѣбъ!»—«Можно бы этой бѣдѣ помочь, говоритъ старикъ:— установить, чтобы ни одинъ хлѣбопекъ не смѣлъ продавать хлѣбъ дороже прежней дешевой цѣны». Умна показалась рѣчь старика Гаруну-аль-Рашиду; по утру онъ установилъ таксу на хлѣбъ. Прошло нѣсколько недѣль — вбѣгаетъ къ халифу визирь съ испуганнымъ видомъ и говоритъ: «Нѣтъ въ Багдадѣ ни одного зерна хлѣба на базарѣ, и народъ страдаетъ пуще прежняго. Торговцы и богачи, имѣющіе запасы, не хотятъ продавать ихъ по таксѣ и по-

прятали въ подвалы свой хлѣбъ».—«Чтожь дѣлать?» говоритъ Гарунъ-аль-Рашидъ.—«Отмѣни таксу», говоритъ визирь. Гарунъ-аль-Рашидъ послушался и отмѣнилъ таксу.—Теперь, пусть самъ «Экономическій Указатель» говоритъ, что̀ было далѣе:

„Ужаснулся народъ, узнавъ о такомъ рѣшеніи своего властелина, не понимая, что было причиною такой перемѣны. Начались опять бѣдствія, худшія, чѣмъ прежде, потому что хлѣбники подняли цѣны несравненно выше, чтобы вознаградить себя за убытки и опасности, которымъ они подвергались. Гарунъ-аль-Рашидъ зналъ, какъ страдаетъ народъ, но дѣлать было нечего: онъ ужь опытомъ убѣдился, что назначивъ цѣны, на мѣсто пользы, сдѣлалъ вредъ. Ужь если изъ двухъ золъ выбирать меньшее, то пусть народъ ѣстъ мало, да какъ нибудь доживетъ до привоза припасовъ, нежели съѣстъ сегодня много, чтобы завтра быть безъ хлѣба. Такъ и случилось. Хотя народъ крѣпко бѣдствовалъ, но все же кое какъ прожилъ, и Гарунъ-аль-Рашидъ пришелъ къ тому убѣжденію, что для того, чтобы спасти народъ отъ голода, нужна не такса на предметы первой необходимости, а хорошія дороги, по которымъ можно было бы быстро перевозить съѣстные припасы съ одного мѣста на другое, и торговая предпріимчивость между купцами, которые откладывали бы изъ своихъ выгодъ сколько можно хлѣба въ дешевые года, на случай голода, а слѣдовательно и высокихъ цѣнъ.“

Мы выбрали эту незначительную статью, разборомъ которой не можетъ оскорбиться «Экономическій Указатель», чтобы сказать наше мнѣніе о системѣ laissez-faire, которой, повидимому, «Экономическій Указатель» не столько опасается, сколько надобно желать и для пользы русской публики, и для пользы самого журнала.

Нѣтъ въ мірѣ такой науки, которая была бы скучнѣе политической экономіи въ томъ смыслѣ, какой приданъ ей школою такъ называемыхъ французскихъ экономистовъ, иначе сказать, послѣдователей Сэ. У нихъ, политическая экономія имѣетъ страшно отвлеченный характеръ. Имъ мало дѣла до того, какіе именно вопросы имѣютъ существенную важность для той или другой страны въ извѣстное время, — такъ они заняты своею одностороннею теоріею. Кстати и не кстати, вѣчно твердятъ они одно и тоже: «не стѣсняйте конкурренцію, не установляйте таксъ» — таковъ смыслъ и сказки, которую мы взяли примѣромъ для разбора этой теоріи.

Мы, русскіе, ровно ничего не выиграемъ отъ этого нравоученія. Таксы не имѣютъ важнаго значенія въ нашемъ экономическомъ бытѣ. А послѣдователи Сэ готовы вѣчно толковать о вредѣ таксъ, котораго мы, русскіе, вовсе не чувствуемъ (если только благора-

зумно установляемыя таксы дѣйствительно могутъ приносить вредъ, въ чемъ еще не всѣ или, лучше сказать, уже не всѣ ученые согласны). Вопросъ о таксахъ вовсе не принадлежитъ къ числу живыхъ, интересныхъ для русскаго общества. Какая же намъ будетъ охота слушать толки о немъ? Говорите намъ о способахъ улучшить наше земледѣльческое производство, говорите о способахъ расширить сбытъ фабричныхъ произведеній въ нашемъ сельскомъ населеніи, которое теперь очень мало ихъ покупаетъ. Эти вопросы для насъ важны;—но теорія послѣдователей Сэ очень мало занята ими, а вѣчно твердитъ о вредѣ таксъ. Можетъ ли она возбудить живой интересъ въ нашемъ обществѣ, имѣя страсть хлопотать о предметахъ маловажныхъ для насъ и не обращать вниманія на предметы, существенно интересующіе наше общество? Предаваться ей, значило бы впередъ отказываться отъ живаго сочувствія публики.

Но мало того, что теорія Сэ мертва для насъ. Она сама по себѣ поверхностна и фальшива. Въ наукѣ, это уже давно доказано. Для тѣхъ, которые не имѣли случая узнать объ успѣхахъ, сдѣланныхъ наукою со временъ Сэ, мы покажемъ поверхностность и фальшивость его теоріи разборомъ сказки, ею порожденной и переданной нами выше со словъ «Экономическаго Указателя».

Какой урокъ извлекаютъ жители Багдада изъ перенесеннаго ими бѣдствія?—«Надобно улучшить дороги, и не надобно установлять таксъ». Какой бѣдный, неполный урокъ! Видно, что жители Багдада — люди, отставшіе отъ вѣка. Если бы между ними былъ человѣкъ, знакомый съ политическою экономіею не по одному Сэ, а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, онъ повелъ бы съ ними рѣчь слѣдующимъ образомъ.

Въ Багдадѣ былъ страшный голодъ. Какъ могло это случиться?—У насъ былъ неурожай.—Но вѣдь при жестокомъ неурожаѣ сборъ хлѣба все таки равняется двумъ-третямъ обыкновеннаго сбора. Развѣ вы имѣете въ обыкновенные годы такъ мало хлѣба, что едва достаетъ намъ на пропитаніе? иначе, если бы вы, напримѣръ, производили хлѣба въ обыкновенные годы полтора раза болѣе, нежели нужно для вашего пропитанія, вы не терпѣли бы голодъ, когда сборъ оказался одною третью менѣе обыкновеннаго. — «Да, дѣйствительно, мы и въ обыкновенные годы кушали хлѣба меньше, нежели бы хотѣлось намъ».—Почему же такъ? Развѣ у васъ мало земли?—«Нѣтъ, земли у насъ довольно». — Значитъ, она неплодо-

родна?—«Нѣтъ, земля у насъ хороша».—Стало быть, у васъ земледѣліе въ дурномъ состояніи?—«Правда».—Итакъ, друзья мои, старайтесь улучшить ваше земледѣліе. Это пригодится вамъ не только на случай неурожая (тогда и при неурожаѣ вы не будете слишкомъ голодны), но и въ обыкновенные годы; вы теперь едва кормитесь, а тогда будете жить въ избыткѣ. Такъ ли? Надобно вамъ улучшить ваше земледѣліе? — «Надобно». — Такъ подумаемъ же вмѣстѣ, какъ бы вамъ приняться за это. — И онъ объяснилъ бы жителямъ Багдадской области, какія экономическія отношенія должны быть измѣнены, чтобы земледѣліе могло улучшиться.

Это нравоученіе полезнѣе и ближе къ дѣлу, нежели рѣчь о таксахъ.

«Гарунъ-аль Рашидъ хотѣлъ купить для насъ хлѣба въ сосѣднихъ областяхъ, да перевезти его нельзя было бы скоро, потому что дороги у насъ плохи», говорятъ багдадскіе жители своему совѣтнику.—«Какъ! у васъ нѣтъ хорошихъ дорогъ? Значитъ, вы народъ безпечный, если не позаботились давно объ этомъ важномъ дѣлѣ. Какія же причины сдѣлали васъ такими безпечными людьми? Надобно изслѣдовать это».—И началось бы объясненіе экономическихъ отношеній, развивающихъ въ народѣ безпечность.

Это нравоученіе также полезнѣе и ближе къ дѣлу, нежели рѣчь о таксахъ.

«Мы очень бѣдствовали, и помочь было нельзя: таксы не помогли», продолжаютъ жители Багдадской области.—Но вѣдь, кромѣ таксъ, существуетъ множество способовъ помочь народу во время голода, замѣчаетъ ихъ собесѣдникъ:—укажу вамъ хотя одинъ: во время голода, объявляютъ хлѣбникамъ, что они должны продавать фунтъ хлѣба по прежней дешевой цѣнѣ; а разницу между дорогой цѣной и обыкновенной будетъ имъ приплачивать городъ,—для этой цѣли можно сдѣлать особенный заемъ. Это средство испытанное.

«А таксы дѣйствительно безполезны или даже вредны?» спрашиваютъ любопытные багдадцы.—Прежде такъ думали всѣ ученые, отвѣчаетъ имъ ихъ собесѣдникъ,—а теперь многіе, самые ученѣйшіе и глубокомысленнѣйшіе люди напротивъ доказываютъ, что разумная таксація—одинъ изъ лучшихъ способовъ значительно улучшить экономическій бытъ народа.—И онъ объяснилъ бы имъ теорію таксаціи, принимающей за основаніе цѣнности вещей стоимость ихъ производства.

Такимъ образомъ, онъ доказалъ бы имъ, что если Гарунъ-аль Рашидъ не могъ установить таксу на хлѣбъ, такъ это потому, что не умѣлъ приняться за дѣло какъ слѣдуетъ; да и безъ таксъ имѣлъ бы средства помочь народу, если бы зналъ открытія, сдѣланныя наукою.

Мы обратили вниманіе на эту сказку о Гарунѣ-аль-Рашидѣ потому, что она явилась въ № 1-мъ «Экономическаго Указателя», какъ бы предвѣстницею направленія, котораго будетъ держаться журналъ,—къ счастью, многія изъ послѣдующихъ статей не оправдываютъ этого предзнаменованія. Въ семи нумерахъ, которые мы прочли, находится не одно изслѣдованіе, касающееся предметовъ очень интересныхъ. Особенно мы замѣтимъ статьи о желѣзныхъ дорогахъ г. Вернадскаго, Гагемейстера, г. Д. Г.; «Теорія и практика г. Бабста и «Опытъ изложенія условій сельскаго хозяйства», г. Струкова.

«Умный купецъ, порядочный чиновникъ, чувствуютъ, ежели не «у насъ, то вездѣ по крайней мѣрѣ, что безъ науки, безъ образо«ванія каждый шагъ тяжелъ и труденъ (говоритъ г. Бабстъ).— «Необходимость экономическаго образованія сознаетъ въ настоя«щее время въ Европѣ каждый рабочій»—надобно желать, чтобы тоже самое было и у насъ. Но распространить охоту знакомиться съ политическою экономіею нельзя отвлеченными разсужденіями о банкирскихъ операціяхъ, необходимости безграничной конкурренціи и предоставленіи экономическимъ отношеніямъ полной воли развиваться подъ вліяніемъ односторонняго принципа конкурренціи, въ зависимости отъ банкирскихъ операцій. Чтобы возбудить интересъ къ себѣ, наука должна говорить преимущественно о вопросахъ, имѣющихъ для страны наибольшую важность. Если «Экономическій Указатель» будетъ держаться этого правила, онъ принесетъ очень большую пользу своему дѣлу,—дѣлу распространенія у насъ экономическихъ понятій. Статью г. Бабста нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы она не удовлетворяла этому требованію.

Тэма его — разъясненіе побужденій, по которымъ очень многіе возстаютъ у насъ противъ политической экономіи, — тэма очень живая, потому что, дѣйствительно, недостатокъ уваженія къ наукѣ—одинъ изъ главныхъ нашихъ недостатковъ. Коренною причиною вражды, чувствуемой многими къ наукѣ, онъ справедливо считаетъ то, что ея выводы противорѣчатъ эгоистическимъ и близо-

рукимъ желаніямъ невѣждъ. Но онъ такъ добросовѣстенъ, что не умалчиваетъ и о другой причинѣ недовѣрчивости къ теоріи, — «теоретики часто вредятъ себѣ и благому дѣлу народнаго развитія «своею исключительностью и неумолимостью». Иногда они воображаютъ, что сказавъ: «цѣна зависитъ отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ», — «конкурренція не должна быть ограничиваема ни подъ какимъ видомъ» — они уже высказали всю истину и дали рецептъ для излеченія всѣхъ экономическихъ болѣзней, — они часто забываютъ, что безграничная конкурренція (новѣйшая форма средневѣковаго кулачнаго права) ведетъ къ монополіи, противъ которой сами же они такъ сильно возстаютъ; и что такъ, какъ человѣкъ есть не экономическая машина, а живое существо, одаренное съ одной стороны различными потребностями, а съ другой—разумомъ, то и надъ слѣпымъ, неразумнымъ и безжалостнымъ принципомъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ, долженъ въ человѣческомъ обществѣ возвышаться, другой принципъ — законъ удовлетворенія естественнымъ потребностямъ человѣка и разумной организаціи экономическихъ силъ. Воображая, что все наилучшимъ образомъ устроивается безъ вмѣшательства разумной воли, однимъ инстинктомъ промышленниковъ, они тѣмъ самымъ отвергаютъ необходимость теоріи и признаютъ ненарушимость практики.

Г. Бабста нельзя упрекнуть въ такой односторонности. Онъ признаетъ, что наука должна принимать въ соображеніе жизненныя потребности человѣка, и прилагаетъ это правило къ дѣлу. Статья его наполнена не алгебраическими формулами, а живыми объясненіями фактовъ нашей экономической жизни. Онъ говоритъ о состояніи нашего земледѣльческаго производства, о монопольномъ характерѣ нашей промышленности и торговли и т. д. Такихъ живыхъ статей, какъ его «Теорія и практика», надобно желать больше.

Такого же вниманія заслуживаетъ статья г. Струкова: «Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства». Она написана не съ отвлеченной точки зрѣнія, говоритъ не о вредѣ таксъ и тому подобныхъ болѣе или менѣе безполезныхъ предположеніяхъ, а о томъ, до какой степени благопріятны для экономическаго развитія тѣ условія, въ которыхъ производится у насъ земледѣльческій трудъ. Такія изслѣдованія будутъ всегда чи-

таться съ интересомъ и только они могутъ дѣйствительно быть полезны дѣлу распространенія здравыхъ научныхъ понятій.

О желѣзныхъ дорогахъ въ первыхъ семи нумерахъ «Экономическаго Указателя» помѣщенъ уже цѣлый рядъ статей. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ — «Замѣтки о желѣзной дорогѣ», г. Д. Г. Кромѣ того, замѣтимъ «Письмо г. Редактору Экономическаго Указателя», г. Гагемейстера, и «Нѣчто о средствахъ сообщенія», г. Вернадскаго.

Изъ разныхъ проектовъ, имѣющихъ цѣлью дополнить второстепенными линіями ту сѣть желѣзныхъ дорогъ, о построеніи которой уже заключенъ правительствомъ контрактъ, г. Вернадскій наиболѣе важнымъ и наиболѣе исполнимымъ считаетъ три линіи: 1) отъ Рыбинска къ Верхнему Волочку; 2) отъ Кіева до Одессы; 3) отъ Москвы на Моршанскъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эти дороги очень важны; но чтобы доказать рѣшительное преимущество ихъ передъ всѣми другими линіями, необходимо подкрѣпить болѣе точными и подробными доводами общія соображенія, представляемыя въ ихъ пользу г. Вернадскимъ.

Г. Гагемейстеръ, въ «Письмѣ къ редактору», доказываетъ, что едва ли можно разсчитывать на доходъ много превышающій пять процентовъ въ первые годы по сооруженіи линій, нынѣ уступленныхъ компаніи барона Штиглица, а потому напрасны опасенія, что иностранные акціонеры этой компаніи будутъ вывозить изъ Россіи большія богатства, — мысль, совершенно справедливая. Онъ не считаетъ основательнымъ и того опасенія, что́ компанія можетъ наводнить Россію иноземными рабочими, — это было бы невыгодно для самой компаніи, — и этотъ разсчетъ его совершенно вѣренъ; наконецъ онъ не раздѣляетъ и того предположенія, что проценты, приносимые дорогами, будутъ очень незначительны, и правительству придется доплачивать имъ слишкомъ большія суммы. Дѣйствительно, по всей вѣроятности, средній доходъ будетъ не менѣе трехъ процентовъ, — черезъ нѣсколько лѣтъ, конечно, болѣе, такъ что скоро достигнетъ до пяти процентовъ. гарантируемыхъ правительствомъ.

Что касается значенія желѣзныхъ дорогъ для Россіи, г. Гагемейстеръ, подобно автору статьи, помѣщенной въ № 2 «Современника» за прошлый годъ, полагаетъ, что желѣзныя дороги въ Россіи

должны, по сравненію съ другими способами сообщенія, имѣть болѣе преимуществъ, нежели въ иныхъ земляхъ.

Вотъ его слова:

„По недостаткамъ естественныхъ путей въ Россіи, искусственные пути предназначены къ большему еще значенію, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Рѣки наши судоходны только въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, сколько отъ замерзанія ихъ зимою, столько отъ лѣтняго мелководія; а по мѣрѣ вырубки лѣсовъ—весеннія воды стекаютъ скорѣе, снѣга и дождя вообще выпадаетъ менѣе. Между прочимъ, уменьшившейся въ атмосферѣ влажности и меньшему затѣмъ приливу водъ въ Каспійское море должно отчасти приписать, что средній уровень Каспія отъ 1804 по 1853 годъ понизился на 12 футовъ. Съ этимъ сопряжено, разумѣется, соотвѣтственное пониженіе уровня всѣхъ притоковъ Каспійскаго моря, т. е. водной системы всей восточной полосы Россіи.

„Отъ этихъ климатическихъ причинъ сухопутныя сообщенія страдаютъ не менѣе водяныхъ. Снѣгъ, который часто будетъ затруднять движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ ихъ пользу болѣе ощутительною въ Россіи, чѣмъ въ странахъ, пользующихся климатомъ болѣе умѣреннымъ, ибо нынѣ сообщеніе юга съ сѣверомъ Россіи возможно только въ лѣтніе мѣсяцы, а пресловутая русская зима облегчаетъ перевозку только въ сѣверной полосѣ Имперіи. По этимъ причинамъ съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ все товарное движеніе перейдетъ къ онымъ, тѣмъ болѣе, что во время осени и зимы, когда нынѣ совершенно прекращается рѣчная и отчасти затруднена сухопутная перевозка, настоитъ наибольшая надобность въ перевозкѣ произведеній, составляющихъ главное богатство Россіи. Что касается пассажировъ, то число ихъ будетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ нынѣ полагаютъ, потому что нѣтъ народа, болѣе сохранившаго при осѣдлости наклонность къ кочевой жизни, какъ великороссіяне, промышляющіе во всѣхъ концахъ Имперіи. Одно уже число косарей, отправляющихся изъ сѣверныхъ губерній въ южныя для уборки хлѣба и сѣна, дастъ немало занятія Московско-Ѳеодосійской дорогѣ.“

Не совсѣмъ таково мнѣніе г. Д. Г. (въ статьѣ «Замѣтки о желѣзной дорогѣ»). Онъ, само собою разумѣется, увѣренъ что желѣзныя дороги дадутъ чрезвычайно сильное развитіе нашей экономической жизни, и, конечно, не менѣе другихъ сочуствуетъ великому дѣлу ихъ устроенія; но — говоритъ онъ — не должно увлекаться и преувеличенными ожиданіями, — надобно дать мѣсто безстрастному разсчету.

У насъ вошло въ обычай сравнивать результаты, ожидаемые отъ желѣзныхъ дорогъ для Россіи, съ движеніемъ, которое производится по желѣзнымъ дорогамъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Сходство тутъ заключается въ огромности разстояній и малой плотности населенія. Но есть и важныя различія, которыхъ не должно упускать изъ виду.

Въ ту эпоху, когда начали строиться желѣзныя дороги въ Сѣверной Америкѣ, промышленная дѣятельность имѣла уже громадные размѣры; огромныя пространства земли на Западѣ ждали только желѣзныхъ дорогъ, чтобы населиться колонистами: условія производительнаго труда были очень благопріятны, характеръ народа былъ дѣятеленъ и предпріимчивъ. У насъ этихъ условій нѣтъ. Потому не должно и ожидать, чтобы въ первые годы по открытіи желѣзныхъ дорогъ движеніе товаровъ и пассажировъ приняло такіе размѣры, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Притомъ, направленіе линій въ Сѣверной Америкѣ опредѣлялось исключительно экономическими потребностями, безъ всякаго вліянія административныхъ или стратегическихъ соображеній.

Но если справедливо, что желѣзныя дороги у насъ въ первые годы не будутъ перевозить столько товаровъ, какъ въ Америкѣ, то, по нашему мнѣнію, все-таки онѣ у насъ имѣютъ еще болѣе рѣшительное превосходство надъ прежними путями сообщенія, нежели въ Америкѣ. Факты, указываемые г. Гагемейстеромъ, столь же вѣрны, какъ и тѣ, на которые указываетъ г. Д. Г. Соображая тѣ и другіе, мы должны прійти къ такому выводу. Положимъ что промышленная дѣятельность въ Америкѣ до устроенія желѣзныхъ дорогъ была въ четыре раза больше, нежели у насъ. Если съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ она удвоилась, то у насъ должна утроиться, — но конечно и тогда еще не сравнится своими размѣрами съ сѣверо-американскою. Сѣверо-американцы посредствомъ желѣзныхъ дорогъ возвысили свое производство отъ 4 до 8; мы возвысимъ отъ 1 до 3, — перевѣсъ абсолютной величины производства останется за Сѣверною Америкою — въ этомъ правъ г. Д. Г.; но степень усиленія производства значительнѣе для насъ, нежели для сѣверо-американцевъ, — въ этомъ правъ г. Гагемейстеръ.

Конечно, мы говоримъ объ усиленіи экономической дѣятельности только въ тѣхъ полосахъ, по которымъ пролегаютъ желѣзныя дороги; области, не охватываемыя дѣйствіемъ желѣзныхъ дорогъ, конечно почти ничего не выиграютъ отъ нихъ, — и замѣчаніе г. Д. Г. о необходимости проведенія многочисленныхъ отраслей и соединительныхъ линій отъ главныхъ, длинныхъ путей, остается совершенно справедливымъ,

Отъ всей души желаемъ, чтобы въ «Экономическомъ Указателѣ»

сдѣлалось преобладающимъ то дѣловое, живое направленіе, которымъ отличаются статьи, нами указанныя вниманію читателей. Только тогда «Эвономическій Указатель» дѣйствительно будетъ удовлетворять настоятельной потребности нашего общества въ политико-экономическомъ журналѣ.

Настоятельная потребность политико-экономическаго журнала— какой шагъ впередъ въ развитіи нашей публики обнаруживается этимъ фактомъ! Десять лѣтъ тому назадъ, такой журналъ былъ бы явленіемъ почти совершенно излишнимъ; онъ не нашелъ бы десятой части тѣхъ читателей, которые теперь заинтересованы имъ; онъ былъ бы явленіемъ невозможнымъ. Да, что ни говорите, а мы таки развиваемся, и чтобы ни говорили мы о нашей литературѣ, все-таки въ ней замѣтнее всего отражается это развитіе.

Любопытно сравнить характеръ журналовъ нашихъ за послѣдніе тридцать лѣтъ, — постепенное развитіе нашей мысли очень отчетливо обнаруживается такимъ сравненіемъ.

До 1830 года, оригинальная повѣсть была въ нашихъ журналахъ рѣдкостью. Говоря: оригинальная, мы, конечно, разумѣемъ только «написанная русскимъ авторомъ», вовсе не разумѣя того, чтобъ въ ней было сколько нибудь самостоятельности. Нѣсколько времени спустя, «Телеграфъ» сталъ чаще прежняго украшаться оригинальными повѣстями, — но это было дѣломъ не столько времени, сколько случая: Н. А. Полевой вздумалъ быть беллетристомъ, другой причины тому не было. Какъ явленіе случайное, эта черта — частое помѣщеніе русскихъ повѣстей, — еще исключительно принадлежало одному журналу Полеваго. Другіе журналы оставались по прежнему безъ повѣстей. Въ 1834 году основалась «Библіотека для Чтенія», и однимъ изъ постоянныхъ отдѣловъ своей програмы сдѣлала Русскую Словесность», понимая подъ этимъ словомъ повѣсти, разсказы, комедіи въ прозѣ. Дѣйствительно, съ того времени постоянно въ каждой книжкѣ «Библіотеки» бывала русская повѣсть. Но это все-таки было еще не дѣломъ времени, а просто натяжкою со стороны редакціи, обязавшейся во что бы то не стало печатать что бы то ни было въ отдѣлѣ «Русской Словесности», — статьи, наполнявшія этотъ отдѣлъ, большею частью писались точно также, какъ статьи отдѣла «Сельское хозяйство» —фабричнымъ образомъ, и вовсе не претендовали на литературныя достоинства. Въ другихъ тогдашнихъ журналахъ, русская по-

вѣсть все еще была явленіемъ не совсѣмъ обыкновеннымъ, хотя съ каждымъ годомъ становилась явленіемъ менѣе рѣдкимъ.

Ученый отдѣлъ журналовъ былъ и того бѣднѣе оригинальными статьями.

Такъ продолжалось до основанія «Отечественныхъ Записокъ» (1839). Тутъ въ первый разъ русскія повѣсти, писанныя не фабричнымъ образомъ, какъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», стали явленіемъ обыкновеннымъ, хотя все-таки далеко не на каждую книжку доставало этихъ произведеній. Тутъ въ первый разъ и ученыя оригинальныя статьи довольно большаго объема и довольно важнаго достоинства перестали быть рѣдкостью, но все-таки ихъ было менѣе, нежели повѣстей.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, — и русская беллетристика достигла уже такого развитія, что каждая книжка журнала непремѣнно имѣла русскую повѣсть. Это началось около того времени, какъ основался нашъ журналъ (1847). Ученый отдѣлъ все еще гораздо чаще наполнялся во всѣхъ журналахъ переводами или компиляціями. Всего только пять-шесть лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ журналахъ оригинальныя статьи серьезнаго содержанія и положительнаго достоинства начали являться постоянно.

Но если мы сравнимъ нынѣшніе журналы съ журналами лѣтъ за десять по отношенію къ ученымъ статьямъ, мы замѣтимъ разницу не только въ количествѣ, но и въ содержаніи. Публика была такъ еще нетребовательна, что статьи самого сухаго содержанія не считались неудобными для журнала, имѣющаго читателями всю массу публики. Какъ то съ годъ тому назадъ, всѣ удивились, нашедши въ одномъ изъ хорошихъ журналовъ статью о Кириллицѣ или о Глаголицѣ, — помилуйте, да лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ такія ли статьи помѣщались лучшимъ тогдашнимъ журналомъ сплошь да рядомъ — припомните только, чего вы не видали въ журналахъ, издававшихся для всей массы публики! — статьи о музыкальныхъ гаммахъ, объ анатоміи, о русскихъ азбуковникахъ, о лѣченіи болѣзней искуствомъ и натурою, о тмутараканскомъ камнѣ и тому подобныхъ предметахъ.

До послѣдняго времени, не предполагалось возможнымъ, чтобы могъ существовать большой журналъ, исключительно благодаря статьямъ серьёзнаго содержанія. Теперь, это очевидно для всякаго. Есть даже многіе, которые думаютъ, что беллетристика становится

въ нашей литературѣ на второе мѣсто, — положимъ, это мнѣніе пока еще преждевременно; но каждый знаетъ, что пять-шесть лѣтъ тому назадъ статьи серьёзнаго содержанія не имѣли и половины той публики, какую имѣютъ нынѣ.

До сихъ поръ, единственными журналами, нужными массѣ публики, были журналы энциклопедическіе. Теперь, каждый видитъ, что начинается возможность существовать журналу, не только ограничивающемуся однѣми серьёзными статьями, но и статьями, принадлежащими къ одной опредѣленной области наукъ. Никто, конечно, не усомнится нынѣ, что, кромѣ журнала политико-экономическаго (существованіе котораго есть уже фактъ), могъ бы существовать журналъ историческій.

Люди, еще не старые, пережили на своемъ вѣку всѣ эти различныя эпохи нашей журналистики. Двадцать лѣтъ тому назадъ, почти не существовало въ нашихъ журналахъ русской беллетристики. Пятнадцать лѣтъ назадъ, были еще очень малочисленны въ нашихъ журналахъ самостоятельныя статьи серьёзнаго содержанія, имѣющія положительное достоинство или заслуживающія, по нынѣшнимъ понятіямъ, имя общеинтересныхъ статей. Еще менѣе лѣтъ прошло съ той поры, когда публика стала обращать на серьёзныя статьи столько же вниманія, сколько и на беллетристику, и пріучилась быть сколько нибудь разборчивою относительно этихъ статей. Критика, правда, явилась въ нашихъ журналахъ дѣйствительно заслуживающею вниманія раньше, нежели беллетристика или ученый отдѣлъ,—но и тому прошло только съ небольшимъ тридцать лѣтъ,—до «Телеграфа» она была ничтожна, какъ и самые журналы были незначительны.

А между тѣмъ, давно ужь публика наша читаетъ преимущественно журналы; за долго до «Телеграфа» слышались мнѣнія, что журналы—главная отрасль нашей литературы, и повторялись слова:

„И вижу наконецъ въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной."

Спрашивается теперь: съ давняго ли времени наша литература стала дѣйствительно замѣтнымъ элементомъ нашей народной жизни?

Часто жаловались у насъ на то, что въ прежнее время не заботились о сохраненіи матеріаловъ для біографіи нашихъ писателей,—эта небрежность, конечно, очень прискорбная для историка литературы, происходила отъ причины очень естественной и даже

основательной. Литература не была важнымъ явленіемъ народной жизни,—какая же могла представляться потребность собирать и сохранять свѣдѣнія, относящіяся до литературы и литераторовъ? Въ послѣднее время, небрежность эта стала мало по малу уступать мѣсто заботливости о собираніи біографическихъ данныхъ. Такую перемѣну приписывали различнымъ причинамъ, иногда великолѣпнымъ, иногда очень незавиднымъ. По нашему мнѣнію, проще и вѣрнѣе другихъ объясненій то, что собиратели фактовъ обратили вниманіе на нашу литературу (и, слѣдовательно, на ея дѣятелей) съ того времени, какъ важность ея стала очевидна. Послѣ Пушкина и во время Гоголя пріобрѣла она важность,—съ Пушкина и Гоголя и начинается рядъ писателей, жизнь которыхъ кажется ихъ современникамъ достойною того, чтобы современники и потомство знали о ней. И прежде, литераторы превозносили другъ друга,—даже гораздо усерднѣе превозносили, нежели нынѣ. Но до послѣдняго времени, общество не вѣрило въ важность ихъ дѣла,—и они сами невольно, инстинктивно сомнѣвались въ его важности. Въ Пушкинѣ общество въ первый разъ признало писателя великимъ историческимъ лицомъ,—очень натурально, что о немъ стали собирать біографическія данныя, какъ и о всякомъ важномъ лицѣ въ народной исторіи. Гоголемъ серьёзное вниманіе общества занялось еще сильнѣе,—о немъ пишутъ еще болѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, о Гоголѣ теперь собрано ужь едва ли не болѣе біографическихъ свѣдѣній, нежели о всѣхъ знаменитыхъ нашихъ писателяхъ до Пушкина. Г. Николай М*** издалъ два толстые тома «Записокъ» о его жизни,—публика не утомилась этими двумя томами,—напротивъ, въ ней только пробудилось ими желаніе узнать о его жизни еще болѣе, и люди, бывшіе къ нему близкими, спѣшатъ удовлетворить этому желанію,—за одною статьею о жизни Гоголя слѣдуетъ другая. Въ январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» г. Тарасенковъ разсказалъ намъ, какъ медикъ, исторію послѣднихъ дней великаго писателя,—въ февральской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія»— г. Анненковъ свои воспоминанія о Гоголѣ.

Г. Анненковъ былъ однимъ изъ близкихъ знакомыхъ Гоголя въ періодъ его петербургской жизни, до отъѣзда за границу въ 1836 г. Потомъ въ Римѣ, онъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ нимъ. Воспоминанія такого человѣка должны были быть очень интересны,—и дѣйствительно, они очень интересны. Статья, напеча-

танная въ февральской книжкѣ «Библіотеки», доводитъ разсказъ только до встрѣчи г. Анненкова съ Гоголемъ въ Римѣ въ 1841 и конечно будетъ имѣть продолженіе. Теперь, мы скажемъ только, что факты, сообщаемые г. Анненковымъ, значительно объясняютъ намъ Гоголя, какъ человѣка, и что вообще взглядъ г. Анненкова на его характеръ кажется едва ли не справедливѣйшимъ изъ всѣхъ, какіе только высказывались до сихъ поръ. Г. Анненковъ не усиливается, въ противность правдѣ и правдоподобію, воображать или изображать Гоголя человѣкомъ безъ всякихъ слабостей, безъ всякихъ недостатковъ, какъ то дѣлали другіе; онъ откровенно признается, что въ Гоголѣ была частица притворства, частица искательства, частица хитрости,—но, понимая эти недостатки, г. Анненковъ понимаетъ также, что они съ избыткомъ вознаграждались другими качествами его натуры, прекрасными и благородными. Онъ не дѣлаетъ нашего великаго писателя идеаломъ всевозможныхъ добродѣтелей, но видитъ въ немъ человѣка, котораго трудно было не полюбить, сошедшись съ нимъ, и нельзя было не уважать, понявъ его,—и читатель вѣритъ тому. Это не панегирикъ и не апологія,—это просто правдивый разсказъ, который для доброй славы человѣка бываетъ лучше всякихъ панегириковъ и апологій.

Г. Анненковъ, кажется, хочетъ представить намъ цѣлый рядъ воспоминаній и біографическихъ этюдовъ о замѣчательныхъ людяхъ русской литературы послѣднихъ десятилѣтій, — въ то самое время, какъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» печатаетъ онъ свой разсказъ о Гоголѣ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 3-й) является первая часть написанной имъ біографіи Н. В. Станкевича, этого юноши, объ очаровательно-возвышенной личности котораго не могутъ безъ умиленія вспоминать люди, имѣвшіе счастье знать его, о чрезвычайно сильномъ и благотворномъ вліяніи котораго на развитіе избраннѣйшихъ нашихъ писателей вѣчно будетъ съ признательностью говорить исторія нашей литературы.

Въ примѣчаніи къ этому этюду, г. Анненковъ увѣдомляетъ насъ, что письма Станкевича, послужившія ему главнымъ матеріаломъ, для составленія біографіи, приготовляются къ изданію. Этюдъ г. Анненкова, вмѣстѣ съ этими письмами, познакомитъ русскаго читателя съ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и самыхъ важныхъ эпизодовъ исторіи умственной жизни нашей родины. Мы надѣемся возвратиться къ этому предмету.

Нельзя не желать, чтобы г. Анненковъ, который болѣе, нежели кто нибудь, имѣетъ средствъ для обогащенія нашей литературы такими трудами, какъ его «Матеріалы для біографіи Пушкина», «Воспоминанія о Гоголѣ» и біографія Станкевича, неутомимо посвящалъ свои силы этой прекрасной дѣятельности, которая доставила ему уже столько правъ на благодарность русской публики. Послѣ славы быть Пушкинымъ или Гоголемъ, прочнѣйшая извѣстность — быть историкомъ такихъ людей.

Наши замѣтки о журналахъ за прошедшій мѣсяцъ были бы неполны, еслибъ мы не упомянули о прекрасной повѣсти г. Писемскаго «Старая барыня» («Библіотека для чтенія», № 2). Старая барыня—гофъ-интендантша Катерина Евграфовна Пасмурова, дѣйствительно барыня старыхъ временъ, и притомъ большая, богатая, для своей губерніи даже знатная барыня. Какимъ почетомъ пользуется она въ губерніи! Когда начальникъ губерніи поѣдетъ по своей области, онъ долгомъ своимъ считаетъ заѣхать къ ней засвидѣтельствовать свое уваженіе, — о мелюзгѣ и говорить нечего: исправники и засѣдатели говорятъ съ нею чуть не на колѣнахъ стоя. Она требуетъ и умѣетъ внушить почтеніе къ своей высокой особѣ. Зато, и сама она знаетъ, какъ съ кѣмъ должно обходиться. Ѣдетъ новый губернаторъ,—она шлетъ своего дворецкаго съ поклономъ къ нему, подноситъ дворецкій самолучшихъ мѣрныхъ стерлядей въ серебряной лохани и говоритъ, что «такъ и такъ, госпожа «его гофъ-интендантша, по слабости своего здоровья, сама пріѣхать «не можетъ, но за-очно дѣлаетъ ему поздравленіе съ пріѣздомъ, и «какъ обывательница здѣшняя кланяется ему, вмѣсто хлѣба—соли, «рыбой въ лохани».

Почетъ почетомъ, но и выгода въ почетѣ. Когда продается имѣнье съ торговъ, и пришелъ на торги ея повѣренный, никто ужъ изъ покупателей не сунется, всякъ знаетъ, что начальникъ губерніи того не желаетъ.

То ли она еще дѣлала! Разъ дворянина въ очередь вмѣсто своего мужика въ рекруты сдала,—конечно, не по неволѣ, волею пошелъ, таковъ ужъ былъ у нея повѣренный, Яковъ Ивановъ дворецкій,—всякое дѣло умѣлъ устроить.

Этотъ самый Яковъ Ивановъ, теперь уже девяносто-семилѣтній старикъ, обѣднѣвшій, слѣпой, ведетъ рѣчь о своей старой барынѣ, «которая была, можетъ, наипервая особа въ Россіи; только званіе

имѣла, что женщина была; а что супротивъ ихъ ни одинъ мужчина говорить не могъ. Какъ ими сказано, такъ и быть должно. Умнѣйшаго ума были дама».

Разсказъ ведется на постояломъ дворѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ женщинѣ, по женскому слабому понятію говорить приличнѣе, Яковъ Ивановъ позволяетъ или приказываетъ говорить женѣ; въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ Яковъ Ивановъ, лицемѣря не только передъ другими, но и передъ собою, но лицемѣря съ достоинствомъ человѣка, говорящаго правду (такъ привыкъ онъ чтить госпожу), хочетъ прикрыть все, что́ было не ладно, перебиваетъ его содержательница постоялаго двора, которая не раздѣляетъ благоговѣнія Якова Иванова къ его госпожѣ,—«каменнаго сердца госпожа была»,—и напрямки доказываетъ, какія безбожныя дѣла его госпожа дѣлала, какъ людей губила ради своей гордости,—да и сына-то, можетъ быть, черезъ это погубила—а онъ во всемъ ей слугою или еще и подъустителемъ былъ, точно Бога они съ госпожею не имѣли.

Сюжетъ повѣсти немногосложенъ. Любимая, единственная внука гофъ-интендантши, на которую не надышалась старуха, полюбила бѣднаго офицера, сына сосѣдки помѣщицы, которая велѣла ему выйти въ отставку,—можно себѣ представить, какъ приняла гофъ-интендантша сватовство: выгнала мать жениха, осмѣлившуюся говорить ей такія дерзкія рѣчи,—быть можетъ, что и внучку свою по щечкѣ ударить изволила, какъ полагаетъ жена Якова Иванова,—внука бѣжала и повѣнчалась съ офицеромъ,—страшную нужду терпѣли они; онъ искалъ мѣста, никто не давалъ мѣста, потому что гофъ-интендантша не желала. Мало того, когда началъ бѣднякъ съ горя выпивать, Яковъ Ивановъ устроилъ такъ, что жена убѣдилась въ измѣнѣ мужа (она не даромъ была внука гофъ-интендантши), бросила его и воротилась къ бабушкѣ, которая приняла ее, какъ будто и не было вражды между ними,—но съ мужемъ видѣться не позволила. Не выдержалъ мужъ, перерядился разбойникомъ и увезъ жену. Но измучившаяся женщина не перенесла страшнаго испуга. А бабушка надъ нею памятникъ поставила.

Разсказъ превосходенъ. Одинъ только недостатокъ можемъ мы замѣтить въ немъ—Грачиха, содержательница постоялаго двора, нѣсколько разъ вмѣшивается въ разсказъ, который по намѣренію Якова Иванова долженъ прекратиться,—вмѣшательство Грачихи каждый разъ поддерживаетъ его. Это связываніе обрывающейся нити не

всегда введено съ достаточною естественностью,—вмѣшательство Грачихи и возобновленіе рѣчи Якова Иванова иногда не мотивировано, и кажется, будто разсказъ продолжается не потому, чтобы могъ въ самомъ дѣлѣ продолжаться, а только по намѣренію автора дослушать его насильно натягивается его продолженіе,—да и авторъ не всегда скрываетъ, что онъ не столько слушаетъ разсказъ, сколько занятъ мыслью: «а вѣдь я перескажу его публикѣ». Писатель не довольно скрылся въ слушателѣ.

Еще замѣчаніе, соглашаться или несоглашаться съ которымъ мы уже готовы предоставить на произволъ автора, потому что оно основано на нашей догадкѣ, а угадали ль мы намѣреніе автора въ этомъ случаѣ, не знаемъ. Яковъ Ивановъ на постояломъ дворѣ за тѣмъ, что провожаетъ внука въ рекрутское присутствіе,—внукъ промотыжничался и нанялся въ рекруты; въ этой погибели виноватъ дѣдъ,—пропиталась его душа правилами интендантши, и на его любимцѣ отразились эти правила тою же судьбою, какъ на внукѣ гофъ-интендантши, и онъ на старости лѣтъ понесъ ту же кару, ту же скорбь, какъ она. Но отношенія дѣда къ внуку не выставлены съ достаточною опредѣленностью. Намъ кажется, должно было сдѣлать одно изъ двухъ: или хотя двумя-тремя словами опредѣлить характеръ участія Якова Иванова въ погибели внука, или измѣнить нѣсколько фразъ, заставляющихъ видѣть такое отношеніе, между тѣмъ какъ нельзя знать, въ чемъ же именно состояло оно.

Намъ кажется также, что характеръ мужа гофъ-индендантской внуки не обрисованъ съ такою отчетливостью, чтобы его развратъ и потомъ возвращеніе къ женѣ были достаточно мотивированы,—но это лицо второстепенное,—мы можемъ догадываться, что это былъ одинъ изъ тѣхъ «хорошихъ» людей, о которыхъ говорятъ «ни рыба, ни мясо»—потому, за этимъ недостаткомъ мы не гонимся.

За то какъ хороша гофъ-интендантша, какъ хорошъ вѣрный слуга Яковъ Ивановъ и въ какомъ эффектномъ свѣтѣ является онъ девяносто-семилѣтнимъ старикомъ, слѣпымъ, но совершенно крѣпкимъ душою, «каменнаго сердца человѣкомъ», съ однимъ старымъ чувствомъ,—фамильной гордостью родоваго слуги своею госпожею,—это фанатикъ челядинства; какъ хороша его жена, какъ эффектно его мужское владычество надъ бабою,—старость не смягчила суровости этого господства, какъ обыкновенно смягчаетъ его въ другихъ супружествахъ простолюдиновъ—она и не должна смягчить

его: таковъ закаленный правилами госпожи характеръ этого человѣка. А какая правда въ самомъ разсказѣ! Какъ соблюденъ характеръ старины и въ языкѣ и въ понятіяхъ!—«Старая барыня» принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ талантливаго автора, а по художественной отдѣлкѣ—эта повѣсть, безспорно, выше всего, что доселѣ издано г. Писемскимъ.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

МАРТЪ 1857.

Холодно, отчасти насмѣшливо, отчасти даже какъ-то непріязненно смотрѣла до сихъ поръ на «Русскую Бесѣду» почти вся наша публика. Почти всѣ наши журналы, когда говорили о ней, говорили съ ироніею или съ укоризнами. Едва ли не одинъ только «Современникъ» доказывалъ, что между славянофилами и огромнымъ большинствомъ образованныхъ людей, отвергающимъ славянофильскія идеи о русскомъ воззрѣніи, существуютъ, выше этого раздорнаго пункта, точки сходства во мнѣніяхъ, согласія въ желаніяхъ. Многимъ изъ уважаемыхъ нами людей такой взглядъ на славянофиловъ показался совершенно ошибочнымъ, чуть не преступнымъ передъ Европою и просвѣщеніемъ. Большинство продолжало смотрѣть на славянофиловъ не какъ на людей, которые, ошибаясь во многомъ и важномъ, о важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ вопросахъ жизни (потому что есть въ жизни нѣчто важнѣе отвлеченныхъ понятій) думаютъ правдиво и благородно, — нѣтъ, какъ на людей, которые, ради осуществленія своихъ туманныхъ и ошибочныхъ теорій о народности въ наукѣ, готовы пожертвовать и наукою, и благами цивилизованной жизни, и всѣмъ на свѣтѣ.

Наконецъ-то, послѣ напраснаго годичнаго ожиданія, дождались мы отъ публики болѣе благопріятныхъ отзывовъ о мнѣніяхъ, органомъ которыхъ служитъ «Русская Бесѣда». Не знаемъ, рѣшатся ли отказаться съ разу отъ своихъ предубѣжденій журналы, до сихъ поръ не видѣвшіе ничего хорошаго въ «Русской Бесѣдѣ», — рѣшатся ли они признаться, что славянофилы одушевляются не одною мечтою о небываломъ и невозможномъ спеціально-русскомъ построеніи науки на фантастическихъ основаніяхъ, но также,—и еще

больше, — стремленіями, свойственными каждому образованному и благородному человѣку, каковы бы ни были его теоретическія заблужденія. Быть можетъ, журналы, глумившіеся надъ славянофилами, почтутъ нужнымъ умолчать о впечатлѣніи, которое произвела на большинство мыслящихъ людей первая книга «Русской Бесѣды» за нынѣшній годъ. Но у насъ нѣтъ ни причины, ни желанія не сказать съ радостью, что впечатлѣніе это вообще было очень благопріятно для «Русской Бесѣды» и славянофиловъ. Публика наконецъ получила въ этой книгѣ доказательства, что для славянофильскаго журнала существуютъ интересы, болѣе дорогіе и живые, нежели мечты, которыя не могутъ встрѣтить въ большинствѣ ни сочувствія, потому что отвлеченны и неприложимы къ дѣлу, ни одобренія, потому что не вели бы ни къ чему хорошему, если бы были осуществимы.

Это благопріятное впечатлѣніе произведено преимущественно двумя превосходными статьями г. Самарина, помѣщенными въ критикѣ. Мы не будемъ подробно говорить о томъ, почему и какъ дѣйствуютъ онѣ на каждаго благомыслящаго человѣка самымъ выгоднымъ образомъ — мы надѣемся, что тѣ изъ нашихъ читателей, которые еще не знаютъ этихъ статей, познакомятся съ ними изъ самой «Русской Бесѣды». Ободряемые теперь благопріятнымъ расположеніемъ публики къ «Русской Бесѣдѣ», мы хотимъ сказать, съ какой точки зрѣнія образъ мыслей, называемый славянофильствомъ, заслуживаетъ, если не полнаго одобренія, то оправданія и даже сочувствія; не усомнимся указать даже тѣ частные вопросы, о которыхъ славянофилы думаютъ, какъ намъ кажется, справедливѣе, нежели многіе изъ такъ называемыхъ западниковъ. Читатели видятъ, что не всѣхъ западниковъ мы считаемъ одинаково безошибочными во мнѣніяхъ; точно также мы говоримъ не о всѣхъ безъ исключенія людяхъ, называющихъ себя славянофилами, что у нихъ есть нѣчто важнѣйшее и лучшее, нежели идеи о русскомъ воззрѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, обѣ партіи одинаково считаютъ въ своихъ рядахъ людей, не имѣющихъ почти ничего общаго между собою, кромѣ того или иного взгляда на отношеніе народности къ общей человѣческой наукѣ. А этотъ вопросъ, служащій основаніемъ для раздѣленія партій, далеко не имѣетъ, по нашему мнѣнію, той всепоглощающей важности, какую ему приписываютъ; и между людьми, согласными въ его рѣшеніи, могутъ быть разнорѣчія по другимъ,

гораздо существеннѣйшимъ вопросамъ. Какъ изъ западниковъ, такъ и изъ славянофиловъ, мы признаемъ достойными особеннаго сочувствія только тѣхъ, которые справедливо думаютъ объ этихъ важнѣйшихъ вопросахъ. Если бы, напримѣръ, между западниками нашлись люди, восхищающіеся всѣмъ, что нынѣ дѣлается во Франціи (а такіе есть между западниками), мы не назвали бы ихъ мнѣнія достойными особеннаго одобренія, какъ бы громко ни кричали они о своемъ сочувствіи къ западной цивилизаціи,—потому что и во Франціи, какъ повсюду, гораздо болѣе дурнаго, нежели хорошаго; съ другой стороны, какъ бы ни заблуждались въ своихъ понятіяхъ о допетровской Руси люди, въ настоящемъ одобряющіе только то, что дѣйствительно достойно одобренія, и желающіе всѣхъ тѣхъ улучшеній, какихъ долженъ желать образованный человѣкъ,—мы все-таки почли бы мнѣнія такихъ людей въ сущности добрыми, потому что дѣйствительныя стремленія относительно настоящихъ дѣлъ важнѣе всякихъ отвлеченныхъ мечтаній о достоинствахъ или недостаткахъ отдаленнаго прошедшаго. Только славянофилы послѣдняго рода придаютъ жизнь и смыслъ своей партіи, потому только о нихъ мы и будемъ говорить, оставляя безъ вниманія людей, которые, по недостатку умственнаго развитія, по отсталости или по увлеченію безплодными мечтами, были бы одинаково ничтожны или вредны, чтò бы ни говорили объ отношеніяхъ народности къ общечеловѣчности.

Лучшіе люди славянофильской партіи—люди съ горячею преданностью своимъ убѣжденіямъ; ужь этимъ однимъ они полезны въ нашемъ обществѣ, самый общій недостатокъ въ которомъ не какія нибудь ошибочныя понятія, а отсутствіе всякихъ понятій, не какія нибудь ложныя увлеченія, а слабость всякихъ умственныхъ и нравственныхъ влеченій. Прежде, нежели желать того, чтобы всѣ твердо держались образа мыслей, который кажется кому нибудь изъ насъ справедливѣйшимъ, надобно признавать настоятельнѣйшею потребностью русскаго общества пробужденіе въ немъ мысли и способности къ принятію какихъ либо умственныхъ убѣжденій, какихъ либо нравственныхъ влеченій, какихъ либо общественныхъ интересовъ. А исполненію этого дѣла славянофилы стараются содѣйствовать всѣми силами, и, какъ люди горячихъ убѣжденій, очень полезнымъ образомъ дѣйствуютъ на пробужденіе умовъ, доступныхъ ихъ вліянію.

Этого права ихъ считаться людьми полезными для общества никто, кажется, не отрицаетъ; но многіе думаютъ, что польза, приносимая ими дѣлу пробужденія мысли въ русскомъ обществѣ, далеко превышается вредомъ, какой они приносятъ успѣхамъ общества, наполняя мысль человѣка, ими пробуждающагося къ жизни, совершенно ложнымъ содержаніемъ, стремясь дать ей направленіе, совершенно превратное.

Не оправдывая всего того, что̀ говорятъ даже лучшіе представители славянофильства, человѣкъ, любящій родину и принимающій выводы науки на Западѣ, долженъ, однако же, сказать, что столь общее отрицаніе всякой справедливости въ славянофильствѣ неосновательно, долженъ признать, что изъ элементовъ, входящихъ въ систему этого образа мыслей, многіе положительно одинаковы съ идеями, до которыхъ достигла наука или къ которымъ привелъ лучшихъ людей историческій опытъ въ Западной Европѣ.

Начнемъ хотя съ тѣхъ враждебныхъ чувствъ къ нынѣшней Европѣ, въ которыхъ обыкновенно обвиняются славянофилы. Конечно, грубо понимаемое, такое обвиненіе будетъ совершенною клеветою на нихъ,—всему дѣйствительно великому и хорошему въ Западной Европѣ они сочувствуютъ не менѣе самыхъ заклятыхъ западниковъ, и конечно никому не уступятъ ни въ уваженіи къ такимъ людямъ, какъ Робертъ Пиль или Диккенсъ, Штейнъ или Гегель,—ни въ искренности желанія какъ можно ближе и полнѣе познакомить русскихъ съ благотворными плодами западнаго просвѣщенія. (Просимъ не забывать, что мы говоримъ о лучшихъ представителяхъ славянофильства, а не о тѣхъ людяхъ между ними, прегрѣшенія которыхъ противъ западной цивилизаціи легко прощаются, какъ грѣхи невѣдѣнія). Безпристрастный человѣкъ долженъ назвать предубѣжденіемъ мнѣніе, будто они враждебны европейскому просвѣщенію. Но то правда, и въ томъ признаются они сами, что они не считаютъ слишкомъ завиднымъ нынѣшнее положеніе народной жизни въ западной Европѣ. За эту строгость нельзя ихъ винить. Не даромъ путешественники, отправляющіеся въ западную Европу съ ожиданіемъ найти тамъ земной рай, возвращаются разочарованными, если ищутъ, напримѣръ, въ Парижѣ чего нибудь кромѣ пале-рояльскихъ удовольствій и модныхъ портныхъ. Масса народа и въ Западной Европѣ еще погрязаетъ въ невѣжествѣ и нищетѣ; потому, она еще не принимаетъ разумнаго и постоян-

наго участія ни въ успѣхахъ, дѣлаемыхъ жизнью достаточнаго класса людей, ни въ умственныхъ его интересахъ. Не опираясь на неизмѣнное сочувствіе народной массы, зажиточный и развитой классъ населенія, поставленный между страхомъ вулканическихъ силъ ея, и происками интригантовъ, пользующихся рутиною и невѣжествомъ, предается своекорыстнымъ стремленіямъ, по невозможности осуществить свой идеалъ, или бросается въ излишества всякаго рода, чтобы заглушить свою тоску. Многіе изъ лучшихъ людей въ Европѣ до того опечалены этимъ зломъ, что отказываются отъ всякихъ надеждъ на будущее; другіе доказываютъ, что, съ теченіемъ времени, зло не уменьшается, а возрастаетъ. Первые конечно не правы, но вторые говорятъ правду. Дѣйствительно, язва пролетаріата все расширяется, даже физическая организація племенъ слабѣетъ, такъ что, вообще говоря, даже средній ростъ уменьшается. Всего прискорбнѣе здѣсь то, что главнымъ источникомъ нищеты и бѣдствій въ Западной Европѣ надобно считать не недостаточность средствъ къ быстрому и коренному улучшенію народнаго быта, а дурное и несправедливое распредѣленіе этихъ средствъ или недоброжелательство къ улучшенію народнаго быта со стороны людей, держащихъ въ рукахъ эти средства, и, по своекорыстному разсчету, не примѣняющихъ ихъ къ дѣлу. Мы представимъ только одинъ случай, дли примѣра. Положительный разсчетъ показываетъ, что если бы во Франціи поля воздѣлывались при помощи средствъ, предлагаемыхъ естественными науками и механикою, и по системѣ, указываемой политическою экономіею (общинное воздѣлываніе земли при помощи улучшенныхъ машинъ), жатва болѣе, нежели удвоилась бы. А между тѣмъ, во Франціи недостаетъ хлѣба. Если бы земледѣлецъ во Франціи пользовался самъ плодами своихъ трудовъ, онъ жилъ бы безбѣдно, — а онъ терпитъ нужду. Еще безотраднѣе положеніе фабричныхъ и заводскихъ работниковъ, которымъ еще легче было бы имѣть изобиліе во всемъ, нужномъ для жизни. Но весь трудъ во французскомъ обществѣ производится подъ гнетомъ своекорыстныхъ эксплуататоровъ, которые могутъ быть прекрасными людьми, но которые, какъ всякій человѣкъ, заботятся о собственныхъ, а не о чужихъ выгодахъ, думаютъ объ увеличеніи своихъ доходовъ, а не объ улучшеніи участи зависимаго отъ нихъ рабочаго населенія. Точно таковъ же порядокъ экономическихъ отношеній и во всей остальной Западной Европѣ. Это фактъ, об-

наруженный лучшими людьми самой Западной Европы, и принуждающій ихъ негодовать на дѣйствительность, ихъ окружающую.

Таково же и положеніе умственной жизни на Западѣ. Правда, наука сдѣлала великіе успѣхи, но еще слишкомъ мало имѣетъ вліянія на жизнь. Большинство не только народа, но даже образованныхъ классовъ погружено еще въ дикія понятія, свойственныя скорѣе временамъ кулачнаго права, нежели вѣку цивилизаціи. Когда лучшіе люди въ Западной Европѣ сравниваютъ образъ мыслей огромнаго большинства своихъ согражданъ съ гуманными идеями современной науки, они приходятъ въ отчаяніе, видя, что несомнѣннѣйшія умственныя и нравственныя истины ея, достовѣрныя, какъ аксіомы геометріи, ясныя, кажется, какъ свѣтъ дневной, остаются еще невѣдомы или непоняты никѣмъ, кромѣ горсти немногихъ избранниковъ, еще безсильныхъ надъ нравами и стремленіями общества, по своей малочисленности. Приведемъ опять хотя одинъ примѣръ. При нынѣшнемъ развитіи государственнаго порядка, когда масса побѣждающаго народа уже не грабитъ и не обращаетъ въ личное рабство своимъ сочленамъ всю массу побѣжденнаго народа (какъ то было при завоеваніи германцами провинцій Римской Имперіи), разумна и полезна только та война, которая ведется народомъ для защиты своихъ границъ. Всякая война, имѣющая цѣлью завоеваніе или перевѣсъ надъ другими націями, не только безнравственна и безчеловѣчна, но также положительно невыгодна и вредна для народа, какими бы громкими успѣхами ни сопровождалась, къ какимъ выгоднымъ, повидимому, результатамъ ни приводила. Это достовѣрно, какъ $2 \times 2 = 4$. А между тѣмъ, и во Франціи, и въ Англіи люди, говорившіе это во время послѣдней войны съ Россіею, были предметомъ общаго посмѣянія или негодованія.

Злоупотребленія, недостатки и бѣдствія въ матеріальной и умственной жизни народовъ Западной Европы—это предметъ неистощимый. Изъ тысячи обвинительныхъ пунктовъ противъ западноевропейской дѣйствительности, мы коснулись, и то слегка, безъ всякихъ подробностей, лишь двухъ-трехъ. Страшную картину современнаго быта своей родины представляетъ каждый изъ западноевропейскихъ писателей, если только онъ добросовѣстенъ и стоитъ по мысли въ уровень съ гуманными идеями вѣка. Это прискорбное разнорѣчіе дѣйствительности съ потребностями и идеалами совре-

менной мысли съ-году на-годъ становится тяжеле въ Западной Европѣ.

Чтó удивительнаго, чтó преступнаго, если это самообличеніе Европы лучшими изъ ея дѣтей находитъ отголосокъ и у насъ? Всякая ложь вредна. Зачѣмъ намъ оставаться въ фантастической увѣренности, будто бы Западная Европа — земной рай, когда на самомъ дѣлѣ положеніе народовъ ея вовсе не таково? Не одни славянофилы стараются вывесть насъ изъ этого легкомысленнаго обольщенія,—немногіе, истинно серьёзные мыслители, которыхъ мы имѣли или имѣемъ, выставляли намъ недостатки западно-европейской дѣйствительности въ самомъ рѣзкомъ видѣ. Пусть славянофилы, когда говорятъ объ этомъ предметѣ, во многомъ ошибаются, принимая иное хорошее за дурное, или на-оборотъ,—эти частныя ошибки не мѣшаютъ справедливости общей идеи, повторяемой ими, но принадлежащей вовсе не имъ, а всѣмъ лучшимъ людямъ Запада, отъ которыхъ они и узнали о ней,—не мѣшаютъ справедливости этой общей идеи: Западная Европа вовсе не рай.

А когда мы подумаемъ о томъ, до какой степени у многихъ изъ такъ называемыхъ западниковъ темны еще понятія о томъ, чтó хорошо и чтó дурно въ Европѣ, и какъ до сихъ поръ очень многимъ кажется лучшимъ именно то самое, что есть худшаго въ Европѣ, то должны будемъ признаться, что критика европейскаго быта, которую славянофилы, прямо или черезъ вторыя руки, заимствуютъ изъ лучшихъ современныхъ мыслителей, далеко не безполезна для очищенія нашихъ понятій о Европѣ. Конечно, эта критика соединяется, проходя черезъ уста славянофиловъ, съ примѣсями, чуждыми, иногда прямо враждебными ея духу,—но мы на столько увѣрены въ здравомъ смыслѣ русскаго племени, мало расположеннаго къ отвлеченнымъ фантазіямъ, что эти примѣси внушаютъ намъ довольно мало опасенія. Здравый смыслъ и тактъ дѣйствительности, которымъ очень сильны русскіе, довольно легко отличатъ фантастическую примѣсь отъ фактовъ, Притомъ же, примѣси, особенно любимыя многими изъ славянофиловъ, выбраны ими изъ круга чувствъ, которыя очень антипатичны русскому характеру. Ни заоблачныя мечтанія, ни самохвальство не въ характерѣ у русскаго человѣка.

Мало вѣроятности, чтобы заблужденія, противныя племенному характеру, распространились въ націи. Но еслибъ это и было вѣ-

роятно, все-таки надобно было бы сказать, что опасности для народнаго развитія, представляемыя этими примѣсями, менѣе важны, нежели выгоды, соединенныя съ нѣкоторыми твердыми убѣжденіями славянофиловъ, о чемъ постараемся мы поговорить въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Однакоже, вмѣсто общихъ размышленій о славянофильствѣ, къ выраженію которыхъ были мы ободрены благопріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на публику первою книгою «Русской Бесѣды» за нынѣшній годъ, пора намъ заняться обозрѣніемъ содержанія этой книги, очень замѣчательной.

О статьяхъ г. Самарина, на которыя мы хотѣли бы особенно обратить вниманіе каждаго изъ нашихъ читателей, мы ничего не будемъ говорить; одна изъ нихъ, написанная по поводу книги графа Орлова «Очерки похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году», должна быть прочтена каждымъ живымъ человѣкомъ, и о ней ничего нельзя сказать, кромѣ похвалъ, которыя мы уже сказали. Другая—«Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина», конечно, оставляетъ мѣсто нѣкоторымъ очень серьезнымъ возраженіямъ, но самъ г. Чичеринъ, вѣроятно, не останется въ долгу у достойнаго противника, котораго наконецъ нашелъ себѣ. По нашему мнѣнію, замѣчанія г. Самарина таковы, что каждое изъ нихъ заслуживаетъ серьезнаго разсмотрѣнія, а нѣкоторыя должны быть признаны справедливыми,—напримѣръ, мысль о необходимости дополнить свидѣтельства, юридическихъ актовъ, собранныя у автора, фактами, встрѣчаемыми въ другихъ источникахъ исторіи (въ иноземныхъ писателяхъ о Россіи, въ лѣтописяхъ, народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ) и представляемыми изученіемъ современнаго быта; но мы сильно сомнѣваемся, чтобы отъ расширенія границъ картины просвѣтлѣли ея краски, какъ на то, повидимому, надѣется г. Самаринъ. Замѣтимъ также, что отвѣтомъ на параллели русской системѣ кормленія, находимыя г. Самаринымъ въ исторіи западныхъ государствъ, должно быть не отрицаніе сходства между сравниваемыми явленіями, а признаніе этихъ явленій одинаково невыгодными для государственнаго благоустройства; съ прибавленіемъ того, что въ исторіи западныхъ государствъ дѣйствіе принципа, сходнаго съ нашимъ кормленіемъ, до нѣкоторой степени уравновѣшивалось вліяніемъ другихъ началъ, чего у насъ почти не было.

Г. Чичеринъ, кажется, служитъ кошмаромъ «Русской Бесѣды», которая въ каждой изъ пяти, вышедшихъ до сихъ поръ, книгъ посвящала обширныя статьи опроверженію его мнѣній. И въ обозрѣваемой нами книгѣ, кромѣ статьи г. Самарина, занимается этимъ дѣломъ еще другая, болѣе обширная статья: «Критическія замѣчанія на сочиненіе г. Чичерина: «Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ», г. Н. И. Крылова. Конечно, эти замѣчанія написаны съ ученостью и умомъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ ученаго, имѣющаго громкую извѣстность. Но по мѣткости и силѣ возраженій, статью г. Самарина надобно поставить выше. Притомъ же, г. Крыловъ говоритъ слишкомъ докторальнымъ тономъ,—онъ слишкомъ проникнутъ мыслью, что имѣетъ дѣло съ бывшимъ своимъ студентомъ. Такъ нѣкогда поучалъ г. Погодинъ гг. Соловьева и Кавелина, которые, однако, справедливо говорили, что извлекаютъ очень мало пользы изъ его назидательныхъ бесѣдъ.

Чрезвычайно интересна по предмету, но суха и, отчасти темна по изложенію статья г. П. Р—на: «Объ устройствѣ земледѣльческаго сословія въ Австріи». Гораздо яснѣе, хотя и короче, изложено это дѣло г. Е. Ламанскимъ въ «Экономическомъ Указателѣ» (№ 13). Важно по множеству новыхъ фактовъ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ источниковъ сочиненіе г. А. Попова, «Исторія возмущенія Стеньки Разина». Сколько можно судить по первой части его, напечатанной въ обозрѣваемой нами книгѣ «Русской Бесѣды», авторъ хочетъ ограничиться изложеніемъ свѣдѣній, представляемыхъ его источниками; онъ избралъ себѣ цѣль скромную, но полезную, и за извлеченіе фактовъ изъ-подъ архивнаго спуда онъ заслуживаетъ полной признательности.

Вмѣстѣ съ замѣчательно прекрасными статьями г. Самарина привлекла къ «Русской Бесѣдѣ» вниманіе публики комедія г. Островскаго «Доходное мѣсто»,—сильнымъ и благороднымъ направленіемъ она напоминаетъ ту пьесу, которой онъ обязанъ большею частью своей извѣстности, — комедію «Свои люди, — сочтемся». Замѣчательна эта новая пьеса и въ томъ отношеніи, что тутъ г. Островскій изображаетъ кругъ, не имѣющій ничего общаго къ купеческимъ бытомъ, нравами котораго до сихъ поръ онъ почти исключительно занимался. Жадовъ, молодой человѣкъ, получившій университетское образованіе, и проникнутый строгими, высокими понятіями о жизни, вступаетъ въ жизнь при условіяхъ самыхъ

благопріятныхъ для того, чтобы составить себѣ карьеру; его дядя— высшій начальникъ того мѣста, при которомъ начинаетъ служить онъ. Онъ страстно любитъ дѣвушку, которая такъ еще молода, и кажется ему такою благородною, по натурѣ, что онъ надѣется воспитать ее. Но правила, которыхъ молодой человѣкъ держится, оказываются несовмѣстными съ человѣческимъ счастіемъ не только на службѣ, но даже и въ семействѣ. Дядя не долюбливаетъ его за «фанаберію», о которой такъ хорошо умѣютъ разсуждать люди, живущіе безгрѣшными доходами. Агентъ дяди по безгрѣшнымъ доходамъ, Юсовъ, управляющій дядею и непосредственный начальникъ Жадова, ненавидитъ молодаго человѣка за ту же «фанаберію». Жадовъ, рѣшившись жениться на любимой дѣвушкѣ, является къ дядѣ просить вакантную должность столоначальника, чтобъ имѣть возможность содержать жену. Онъ, конечно, достойнѣе всякаго другаго занять эту должность. Но дядя такъ недоволенъ «фанаберіею» племянника, и до того возстановленъ противъ него Юсовымъ, что отказываетъ Жадову, совѣтуетъ ему пріискать себѣ службу въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, и отдаетъ столоначальническую должность Бѣлогубову, истому приказному, который понятія не имѣетъ ни о какой фанаберіи. Тѣмъ кончается первый актъ. Во второмъ дѣйствіи мы знакомимся съ вдовою, коллежскою ассессоршею Кукушкиной, матерью той дѣвушки, на которой думаетъ жениться Жадовъ, и съ двумя ея дочерьми. Жадовъ сватаетъ Полину, Бѣлогубовъ другую сестру, Юлиньку. Почтенная мать прямо говоритъ дочерямъ, что онѣ такой товаръ, который она хочетъ, какъ можно поскорѣе, сбыть съ рукъ, что она тяготится ими, что чѣмъ скорѣе онѣ найдутъ себѣ мужей, тѣмъ лучше. Дѣвушки сами думаютъ также, что чѣмъ скорѣе разстаться съ матушкою, тѣмъ лучше, потому что житье подъ ея властью вовсе не масляница. Полинѣ нравится ея женихъ, Жадовъ,—конечно, это молодой человѣкъ съ прекраснымъ лицомъ, съ изящными манерами; Юлинька признается сестрѣ, что считаетъ своего жениха ужасной дрянью,—конечно такъ, Бѣлогубовъ долженъ быть плюгавый юноша, съ канцелярскими ухватками.—«Что же ты не скажешь матушкѣ?» говоритъ сестрѣ Полина.—«Вотъ еще! сохрани Господи! Я рада-радехонька хоть за него выйти, только бы изъ дому-то вырваться», отвѣчаетъ Юлинька.—«Да, правда твоя! замѣчаетъ Полина:—не попадись и мнѣ Василій Николаичъ, кажется, рада бы первому встрѣчному на

шею броситься: хоть бы плохенькій какой, только бы изъ бѣды выручилъ, изъ дому взялъ!» Боже мой, исторія сколькихъ замужествъ разсказана этими словами! Обыкновенно, романисты, скорбя объ участи тѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыхъ отдаютъ замужъ противъ воли, и негодуя на тѣхъ, которыя выходятъ замужъ, чтобы надѣть чепецъ и имѣть право выѣзжать безъ всякихъ надзирательницъ, тетушекъ и гувернантокъ,—забываютъ о тѣхъ дѣвицахъ, которыя, чтобы избавиться отъ несносныхъ притѣсненій, выходятъ за перваго встрѣтившагося жениха,—а число такихъ замужествъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе, нежели насильственныхъ отдачъ за мужъ. Но возвращаемся къ комедіи г. Островскаго. Сестры невѣсты толкуютъ между собою о томъ, каково имъ будетъ жить въ замужествѣ. Юлинька увѣрена въ своемъ Бѣлогубовѣ,—онъ доставитъ ей средства щеголять, онъ говорилъ, что купцы дарятъ ему много всякихъ матерій и даютъ много денегъ; Полина не слышала отъ своего жениха о такихъ доходахъ, и грустить. Но потомъ, ободренная сестрою, понимаетъ, что жена должна требовать и можетъ вытребовать у мужа и платья, и деньги;—мужъ обязанъ доставлять женѣ удовольствія; не кухаркой же ей жить, въ самомъ дѣлѣ.—Третье дѣйствіе. Жадовъ сидитъ въ гостинницѣ съ старымъ университетскимъ товарищемъ, и разсказываетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Онъ женатъ уже годъ, работаетъ съ утра до ночи. Живетъ довольно скудно. Жена его очень мила, но—вѣдь ей хочется же жить не хуже другихъ: имѣть шляпки, платья... словомъ сказать, исторія его коротка, какъ онъ самъ говоритъ пріятелю: «Исторія моя коротка; я женился по любви, какъ ты знаешь; взялъ дѣвушку неразвитую, воспитанную въ общественныхъ предразсудкахъ, какъ и почти всѣ наши барышни, мечталъ ее воспитать въ нашихъ убѣжденіяхъ и вотъ ужь годъ женатъ»...—«И что же?»—«Разумѣется, ничего; воспитывать ее мнѣ некогда, да и не умѣю я приняться за это дѣло. Она таки осталась при своихъ понятіяхъ; въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ уступать. Положеніе, какъ видишь, незавидное, а поправить нечѣмъ. Да она меня и не слушаетъ, она меня, просто, не считаетъ за человѣка умнаго. По ихъ понятію, умный человѣкъ непремѣнно долженъ быть богатъ»... Да, это случай очень и очень нерѣдкій,—вотъ вамъ и мечты о семейномъ счастіи, о перевоспитаніи, и тому подобныхъ химерахъ. «Ты говоришь, что ты умный человѣкъ. Да въ чемъ же твой умъ, если ты денегъ

достать не умѣешь, новаго платья подарить женѣ не можешь?»— Бѣлогубовъ—о, вотъ онъ, конечно, умный человѣкъ. Онъ является въ гостинницу съ Юсовымъ и двумя товарищами чиновниками,—онъ угощаетъ ихъ послѣ изряднаго полученія денегъ. У него довольно денегъ, имъ жена безъ сомнѣнія довольна. Бѣлогубовъ добрый и хорошій человѣкъ, — въ самомъ дѣлѣ, развѣ взяточникъ не можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ? — Онъ человѣкъ простой, и, увидѣвъ Жадова, проситъ «брата» закусить и выпить шампанскаго вмѣстѣ съ нимъ, хотя думаетъ, что Жадовъ на него сердится. Жадовъ отказывается,—человѣкъ не съ добрымъ сердцемъ обидѣлся бы, на мѣстѣ Бѣлогубова, но Бѣлогубовъ истинно хорошій родственникъ,—онъ все упрашиваетъ Жадова выпить шампанскаго и жить съ нимъ по родственному. Жадовъ, по прежнему проникнутый «фанаберіею», говоритъ: «нельзя намъ съ вами жить по родственному», разумѣя подъ этимъ, что не можетъ ужиться съ взяточникомъ, грязнымъ и низкимъ. Но Бѣлогубовъ не понимаетъ такихъ тонкостей.—«Отчего же-съ?» добродушно спрашиваетъ онъ.—«Не пара мы».—Бѣлогубовъ понимаетъ это по своему.—Да, конечно, какая кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братецъ, что вы нуждаетесь; можетъ быть, вамъ деньги нужны, не обидьтесь, сколько могу! Я даже и за одолженье не почту. Что за счеты между родными!»—«Съ чего вы вздумали предлагать мнѣ деньги?»—«Братецъ, я теперь въ довольствѣ, мнѣ долгъ велитъ помогать. Я, братецъ, вижу вашу бѣдность».—«Какой я вамъ братецъ! Оставьте меня!»— «Какъ угодно, я отъ души предлагалъ. Я, братецъ, зла не помню, не въ васъ. Мнѣ только жаль смотрѣть на васъ съ женою вашей», съ родственнымъ участіемъ говоритъ добрый Бѣлогубовъ, прощая обиды родственнику.—Дѣйствительно, Бѣлогубовъ добрый человѣкъ и не помнитъ зла. Онъ и его жена потихоньку отъ Жадова даютъ деньги и дарятъ наряды его женѣ. Юлинька счастлива своимъ мужемъ—домъ у нихъ полная чаша, нарядовъ у ней гибель. Полина любитъ мужа, но несчастлива съ нимъ,—у нея мало нарядовъ. Изъ желанія добра сестрѣ, Юлинька учитъ Полину требовать отъ Жадова, чтобъ онъ поступалъ по примѣру Бѣлогубова,—тогда у Полины будутъ и лошади, и наряды, и хорошая квартира. То же самое говоритъ и мать. Когда Жадовъ возвращается домой, Полинька пристаетъ къ нему съ своими требованіями. Мать, которая сидитъ

тутъ же, поддерживаетъ ее. Онъ глупецъ и безчестный человѣкъ, если не можетъ доставить женѣ средствъ жить, какъ прилично барынѣ. Жадовъ выходитъ изъ себя, ссорится съ тещей. Жена, однакоже, научена уже, какъ сломить его глупую «фанаберію». Она объявляетъ, что не хочетъ жить съ нимъ, если онъ заставляетъ ее терпѣть нужду, и уходитъ изъ дому. Сестра прокормитъ ее, не дастъ ей терпѣть нужды.—Жадовъ побѣжденъ. Онъ ворочаетъ жену, говоритъ, что готовъ на все. Онъ будетъ служить, какъ Бѣлогубовъ, и отправляется просить у дяди извиненія въ своей «фанаберіи», отказаться отъ своихъ глупыхъ правилъ, просить доходнаго мѣста.—Ну, и прекрасно. Полина, бѣдняжка, перестанетъ страдать—она много терпѣла: не говоря уже о томъ, что у ней не было столько нарядовъ, какъ у счастливой сестры, развѣ ей легко было ссориться съ мужемъ? вѣдь она его любитъ.

Комедія была бы, намъ кажется, цѣльнѣе и полнѣе въ художественномъ отношеніи, если бы оканчивалась этимъ кризисомъ,—пятый актъ прибавленъ авторомъ, чтобы спасти Жадова отъ нравственнаго паденія. Жадовъ съ женою являются къ Вышневскому, но ужь поздно, просить у него милостей. Его безгрѣшныя продѣлки для полученія безгрѣшныхъ доходовъ открылись, онъ падаетъ съ своего возвышеннаго и очень доходнаго мѣста. Катастрофа, при которой присутствуетъ Полина, вразумляетъ ее: она понимаетъ, что принуждала мужа сдѣлаться преступникомъ, покрыть себя безславіемъ въ глазахъ честныхъ людей. Она бросается въ объятія мужа,—она теперь достойная жена его, они останутся честными людьми.

По нашему изложенію, слишкомъ еще не полному, читатели уже могутъ видѣть, сколько правды и благородства въ новомъ произведеніи г. Островскаго, сколько въ пьесѣ драматическихъ положеній и сильныхъ мѣстъ. Прибавимъ, что многія сцены ведены превосходно и обнаруживаютъ какими богатыми силами и средствами владѣетъ авторъ и что лучшими характерами въ пьесѣ показались намъ Бѣлогубовъ и особенно его жена и теща, г-жа Кукушкина.

Очень много замѣчательнаго и прекраснаго нашли мы въ первой книгѣ «Русской Бесѣды»—если бы слѣдующія книги походили на первую, журналъ славянофиловъ очень много поднялся бы въ общемъ мнѣніи, которое и теперь уже значительно смягчено въ его пользу. Надобно желать только, чтобы тѣ люди, которые въ славя-

нофильской партіи должны считаться истинными представителями просвѣщенныхъ и достойныхъ сочувствія идей, были осторожны въ выборѣ сподвижниковъ и не принимали съ распростертыми объятіями каждаго, кто вопіетъ о русской народности, и о вредоносности западной цивилизаціи. Пусть только они помнятъ, что прежде всего писатель долженъ быть человѣкомъ просвѣщеннымъ и разумнымъ, и что ни какія, ни ультра-славянофильскія, ни ультра-западническія мнѣнія не могутъ вознаграждать въ писателѣ отсутствія этихъ необходимыхъ качествъ. Что хорошаго было бы, еслибъ журналы западниковъ стали помѣщать статьи г. Анаевскаго, за то, что онъ доселѣ держался мнѣній западнаго писателя аббата Миллота? Точно также не принесло бы особенной пользы и славянофильскому журналу помѣщеніе «Лимонаря», надъ которымъ, какъ слышно, нынѣ трудится г. Анаевскій, и который, судя по заглавію, будетъ протестомъ противъ западной цивилизаціи. Намъ казалось бы, что къ какой бы партіи ни принадлежали люди, подобные г. Анаевскому, все-таки ихъ сочиненій не долженъ печатать никакой журналъ.

Въ другихъ журналахъ мы замѣтимъ: комедію г. Львова «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей» (въ № 3 «Отечественныхъ Записокъ») и разсказъ г. Печерскаго «Поярковъ» (въ № 4 «Русскаго Вѣстника»).

Комедія г. Львова написана въ томъ духѣ, который сталъ входить въ моду съ тяжелой руки г. Щедрина. Намъ нѣтъ надобности много говорить о своемъ полномъ сочувствіи къ этому прекрасному, истинно дѣльному направленію, которое съ восторгомъ принято всею публикою. Очевидно также, что комедія г. Львова находится въ близкой связи съ комедіею графа Соллогуба «Чиновникъ»—она разоблачаетъ типъ праздныхъ, ни къ чему не способныхъ и однако же способныхъ на многое дурное людей, которые самодовольно твердятъ: «я оказываю честь и услугу моему отечеству тѣмъ, что служу. Я человѣкъ безкорыстный; я не нуждаюсь въ жалованьѣ; я служу затѣмъ, что, еслибъ я не служилъ, мое мѣсто занималъ бы взяточникъ» и т. д. и т. д. Михайло Васильичъ Лисицкій—это Надимовъ, сведенный съ своего пьедестала, показанный благосклонному зрителю въ собственной своей кожѣ, безъ прикрасъ, въ которыя рядится онъ собственнымъ краснорѣчіемъ. Лисицкій, подобно Надимову, жертвуетъ собою на пользу отечества: «Возьмите вы долгъ гражданина, говоритъ онъ: — человѣка, преданнаго вполнѣ своему отечеству, и скажите самъ, могъ ли я не служить? Я жертвую

всѣмъ затѣмъ, чтобы достигнуть того положенія, въ которомъ я буду въ состояніи приносить дѣйствительную пользу обществу, содѣйствіемъ моимъ къ искорененію подлаго взяточничества между чиновниками, водворенію правды въ судахъ, улучшенію быта крестьянъ»... Вы не подумайте, что онъ просто проматываетъ деньги въ Петербургѣ,—нѣтъ, онъ дѣйствительно жертвуетъ всѣмъ своей высокой цѣли: и крестьянами своими, которыхъ раззоряетъ, и честью своею, которую компрометируетъ разными продѣлками для полученія денегъ и обманываніемъ своихъ кредиторовъ. Въ служебныхъ дѣлахъ онъ ничего не смыслитъ, получаетъ награды за проекты, писанные для него бѣднякомъ, которому онъ не платитъ вознагражденія, обѣщаннаго ему за трудъ, и жену котораго хочетъ соблазнить, онъ обѣщаетъ хлопотать за негодяя, который далъ ему въ займы денегъ и т. д. и т. д.

«Поярковъ» по своему направленію также сходенъ съ разсказами г. Щедрина, но это не подражаніе «Губернскимъ Очеркамъ»,—напротивъ, г. Печерскій обладаетъ талантомъ, болѣе значительнымъ, нежели г. Щедринъ, и по всей справедливости долженъ быть причисленъ къ даровитѣйшимъ нашимъ разсказчикамъ. Его «Семейство Красильниковыхъ» произвело сильное впечатлѣніе своими чисто литературными достоинствами, независимо отъ направленія. Въ «Поярковѣ» талантъ его обнаружился не менѣе замѣчательнымъ образомъ. По художественному достоинству, этотъ разсказъ останется однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей литературы за настоящій годъ. Людей, которые могутъ писать очень дѣльные и благородные разсказы, довольно много; людей, которые могутъ писать произведенія, отличающіяся чисто литературными достоинствами, также довольно много. Но такихъ, которые бы соединяли значительный литературный талантъ съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такимъ энергическимъ направленіемъ, какъ г. Печерскій, очень мало. Надобно жалѣть о томъ, что онъ пять или шесть лѣтъ молчалъ, напечатавъ своихъ «Красильниковыхъ». Если онъ опять вздумаетъ поступить также послѣ «Пояркова», на немъ будетъ тяжкая вина, которой не проститъ ему никто изъ его почитателей, — онъ долженъ писать. Содержаніе «Пояркова» мы не разсказываемъ, предполагая, что каждому изъ читателей уже извѣстенъ этотъ превосходный очеркъ служебныхъ дѣлъ и скитскаго быта.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

АПРѢЛЬ 1857.

Просимъ гг. читателей и всѣхъ вообще гг. литераторовъ и ученыхъ обратить особенное вниманіе на записку В. И. Ламанскаго «О распространеніи знаній въ Россіи», напечатанную въ этой книжкѣ «Современника». Въ рукописи, этотъ проэктъ былъ прочитанъ многими изъ ученыхъ и литераторовъ обѣихъ нашихъ столицъ, и въ каждомъ изъ читавшихъ, основная мысль проэкта возбуждала живое участіе и полное одобреніе, какъ своею вѣрностью, такъ и полезностью.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, по поводу прекрасныхъ статей г. Самарина въ первой книгѣ «Русской Бесѣды» нынѣшняго года, заговоривъ о томъ, что можетъ быть одобрено въ славянофильствѣ, мы сказали только половину того, что хотѣли сказать. Мы слегка коснулись тѣхъ сторонъ западно-европейской жизни, которыя въ каждомъ благомыслящемъ человѣкѣ, какой бы странѣ онъ ни принадлежалъ, возбуждаютъ скорбное чувство и заставляютъ лучшихъ мыслителей Западной Европы признавать настоящую степень развитія западно-европейской жизни состояніемъ еще чрезвычайно неудовлетворительнымъ. Сотни такихъ сторонъ представляются въ настоящее время западно-европейскою жизнью; изъ нихъ, мы назвали только двѣ—три, и однако же, уже довольно было фактовъ, совершенно оправдывающихъ строгое сужденіе передовыхъ людей Западной Европы о нынѣшномъ бытѣ ихъ странъ. Мы говорили, что это мнѣніе, раздѣляемое и у насъ всѣми серьёзными людьми, составляетъ одну изъ справедливыхъ основъ такъ-называемаго сла-

вянофильства, и хотя облекается въ немъ различными произвольными туманами, значительно уменьшающими чистую его справедливость, но ни у кого изъ образованныхъ людей между славянофилами не искажается до того, чтобы эти любимыя туманныя примѣси совершенно искажали его цѣнность для развитія гуманныхъ идей. Мы говорили также, что даже со всѣми этими примѣсями, оно все-таки гуманнѣе и полезнѣе для нашего развитія, нежели мнѣнія многихъ изъ такъ-называемыхъ западниковъ, именно, всѣхъ тѣхъ, которые воображаютъ, что, напримѣръ, Англія или Франція въ настоящее время—очень счастливыя земли, и, восхищаясь ихъ благоденствіемъ, часто не въ попадъ превозносятъ именно то, чтó въ этихъ странахъ очень дурно, — напримѣръ, страшное развитіе искусственныхъ потребностей и роскоши. Этою зловредною мишурою ослѣпляются очень многіе,—и если ужь выбирать между ними и славянофилами, то, конечно, надобно отдать предпочтеніе славянофиламъ.

Тутъ мы противопоставляемъ славянофиловъ классу людей, хотя и очень многочисленному, но пустому; имѣть превосходство надъ нимъ не есть еще особенная заслуга, а качество, необходимо принадлежащее каждому человѣку серьёзнаго образа мыслей; и въ славянофилахъ, какъ мы сказали, достоинство этого качества даже уменьшается произвольными фантазіями, въ которыя слишкомъ многіе изъ нихъ облекаютъ здравыя сужденія о недостаткахъ современнаго западно-европейскаго быта, занятыя ими изъ западныхъ источниковъ. Особеннаго сочувствія къ нимъ питать тутъ еще не за что: выгодно отличаясь серьёзнымъ взглядомъ на западную Европу, отъ пустыхъ ея панегеристовъ, они отъ каждаго серьёзнаго западника отличаются въ этомъ отношеніи только тѣмъ, что, къ своей невыгодѣ, вмѣшиваютъ въ серьёзный взглядъ много фантазій, которыми навлекаютъ на себя насмѣшки отъ всѣхъ, и негодованіе отъ тѣхъ, которые опасаются, что эти фантазіи могутъ распространиться въ нашемъ обществѣ.

Но, говорили мы въ прошедшій разъ, есть въ славянофильствѣ другая сторона, которая ставитъ славянофиловъ выше многихъ изъ самыхъ серьёзныхъ западниковъ. Мы обѣщались поговорить о ней въ нынѣшній разъ, и постараемся выставить ее, какъ можно яснѣе на одномъ стремленіи, которое, появившись на Западѣ, до сихъ поръ остается тамъ теоріею; между тѣмъ искони существуетъ у

насъ въ сельскомъ бытѣ порядокъ, къ которому ведетъ оно, и благовременное усвоеніе здраваго понятія о немъ съ одной лучшей его стороны (общиннаго пользованія крестьянами землею) составляетъ для насъ дѣло великой важности. Во Франціи вопросъ о новомъ экономическомъ устройствѣ прошелъ уже нѣсколько кризисовъ: кто хочетъ убѣдиться, что тоже совершается и въ Англіи можетъ прочесть—хотя бы «Тяжелыя времена» Диккенса (романъ этотъ переведенъ и на русскій языкъ), если не хочетъ читать монографій о Хартизмѣ. Но въ будущемъ этимъ странамъ предстоятъ еще болѣе продолжительныя, еще болѣе тяжелыя страданія. Отечество наше въ сторонѣ, благодаря нашимъ кореннымъ экономическимъ началамъ, сохраненіе которыхъ необходимо для огражденія нашего національнаго благосостоянія отъ этихъ испытаній.

Обезпеченіе частныхъ правъ отдѣльной личности было существеннымъ содержаніемъ западно-европейской исторіи въ послѣднія столѣтія. Совершеннаго ничего нѣтъ на землѣ, но въ чрезвычайно высокой степени цѣль эта достигнута на Западѣ. Право собственности почти исключительно перешло тамъ въ руки отдѣльнаго лица и ограждено чрезвычайно прочными, неукоснительно соблюдаемыми гарантіями. Юридическая независимость и неприкосновенность отдѣльнаго лица повсюду освящены и законами и обычаями. Не только англичанинъ, гордый своею личною независимостью, но и нѣмецъ и французъ можетъ справедливо сказать, что пока не нарушаетъ законовъ, онъ не боится ничего на землѣ, что личность его недоступна никакимъ посягательствамъ (*). Но, какъ всякое одностороннее стремленіе, и этотъ идеалъ исключи-

(*) Вѣроятно, почти каждый изъ нашихъ читателей понимаетъ различіе частныхъ правъ отъ государственныхъ. Для избѣжанія всякой возможной ошибки, мы опредѣлимъ здѣсь это различіе. Во Франціи въ нынѣшнемъ вѣкѣ девять разъ измѣнялась форма правленія (консульство, первая имперія, Бурбоны, сто дней, снова Бурбоны, іюльская монархія, республика безъ президента, республика съ президентомъ, вторая имперія) и каждый разъ измѣнялись соотвѣтственно тому государственныя или политическія права гражданъ, то есть степень ихъ участія въ государственномъ управленіи и т. д. Но со времени изданія наполеоновыхъ кодексовъ, не измѣнялись частныя права, то есть законы объ отношеніяхъ между отдѣльными гражданами по собственности, по семейному праву и отношенія ихъ къ гражданскому и уголовному суду не измѣнялись ни въ чемъ существенномъ. Гражданскіе и уголовные законы во всей Западной Европѣ имѣютъ гораздо болѣе общаго, нежели государственное устройство.

тельныхъ правъ отдѣльнаго лица имѣетъ свои невыгоды, которыя стали обнаруживаться чрезвычайно тяжелымъ образомъ, едва онъ приблизился къ осуществленію съ забвеніемъ или сокрушеніемъ другихъ не менѣе важныхъ условій человѣческаго счастія, которыя казались несовмѣстны съ его безграничнымъ примѣненіемъ къ дѣлу. Одинаково тяжело для народнаго благоденствія легли эти вредныя слѣдствія наобоихъ великихъ источникахъ народнаго благосостоянія на земледѣліи и промышленности. Отдѣльный человѣкъ, ставши независимъ, оставленъ былъ безпомощнымъ. При переходѣ всей почти земли въ собственность частныхъ лицъ, явилось множество людей, не имѣющихъ недвижимой собственности; такимъ образомъ, возникло пролетаріатство. Владѣльцы мелкихъ участковъ, на которые распалась земля во Франціи, не имѣютъ возможности примѣнить къ дѣлу сильнѣйшихъ средствъ для улучшенія своихъ полей и увеличенія жатвъ, потому что эти средства требуютъ капиталовъ и примѣнимы только въ большихъ размѣрахъ. Они обременены долгами. Въ Англіи, фермеры имѣютъ капиталы, но за то безъ значительнаго капитала невозможно въ Англіи и думать о заведеніи фермы, а люди имѣющіе значительный запасъ наличныхъ денегъ, всегда немногочисленны пропорціонально массѣ народа, и потому большинство сельскаго населенія въ Англіи —батраки, положеніе которыхъ очень печально. Въ заводско-фабричной промышленности вся выгода сосредоточивается въ рукахъ капиталиста, и на каждаго капиталиста приходятся сотни работниковъ-пролетаріевъ, существованіе которыхъ бѣдственно. Наконецъ, и земледѣліе и заводско-фабричная промышленность находятся подъ властію безграничнаго соперничества отдѣльныхъ личностей: чѣмъ обширнѣе размѣры производства, тѣмъ дешевле стоимость произведеній, потому, большіе капиталисты подавляютъ мелкихъ, которые мало по малу уступаютъ имъ мѣсто, переходя въ разрядъ ихъ наемныхъ людей; а соперничествомъ между наемными работниками все болѣе и болѣе понижается заработная плата. Такимъ образомъ, съ одной стороны возникли въ Англіи и Франціи тысячи богачей, съ другой мильоны бѣдняковъ. По роковому закону безграничнаго соперничества, богатство первыхъ должно все возрастать, сосредоточиваясь все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, а положеніе бѣдняковъ должно становиться все тяжеле и тяжеле. Но и въ настоящемъ, положеніе дѣлъ такъ противоестественно и тяжело для

девяти десятыхъ частей англійскаго и французскаго населенія, что необходимо должны были явиться новыя стремленія, которыми отстранялись бы невыгоды прежняго односторонняго идеала. Подлѣ понятія о правахъ отдѣльной личности возникла идея о союзномъ пользованіи и производствѣ между людьми. Въ земледѣліи оно должно выразиться переходомъ земли въ общинное пользованіе.

Это новое стремленіе къ союзному пользованію и производству является продолженіемъ, расширеніемъ, дополненіемъ прежняго стремленія къ обезпеченію частныхъ правъ отдѣльной личности. Въ самомъ дѣлѣ, не надобно забывать, что человѣкъ не отвлеченная юридическая личность, но живое существо, въ жизни и счастіи котораго матеріальная сторона (экономическій бытъ) имѣетъ великую важность; и что потому, если должны быть для его счастія обезпечены его юридическія права, то не менѣе нужно обезпеченіе и матеріальной стороны его быта. Даже юридическія права на самомъ дѣлѣ обезпечиваются только исполненіемъ этого послѣдняго условія, потому что человѣкъ, зависимый въ матеріальныхъ средствахъ существованія, не можетъ быть независимымъ человѣкомъ на дѣлѣ, хотя бы по буквѣ закона и провозглашалась его независимость.

Но введеніе лучшаго порядка дѣлъ чрезвычайно затруднено въ Западной Европѣ безграничнымъ расширеніемъ юридическихъ правъ отдѣльной личности. Братья въ соединеніи живутъ гораздо съ большимъ благосостояніемъ, нежели могли бы жить раздѣлившись,—истина, извѣстная у насъ каждому поселянину («раздѣлъ семьи на отдѣльныя хозяйства раззоряетъ семью»—это знаетъ каждый у насъ), но живучи вмѣстѣ, каждый изъ братьевъ долженъ жертвовать частью своего полновластія родовому союзу, ограничивать свои капризы, противные общей (и въ томъ числѣ его собственной) пользѣ. Но не легко отказываться хотя бы даже отъ незначительной части того, чѣмъ уже привыкъ пользоваться, а на Западѣ отдѣльная личность привыкла уже къ безграничности частныхъ правъ. Пользѣ и необходимости взаимныхъ уступокъ можетъ научить только долгій горькій опытъ и продолжительное размышленіе. На Западѣ лучшій порядокъ экономическихъ отношеній соединенъ съ пожертвованіями, и потому его учрежденіе очень затруднено. Онъ противенъ привычкамъ англійскаго и французскаго поселянина.

У французскаго поселянина одно стремленіе въ жизни—прику-

пать побольше и побольше земли къ своему участку; у англійскаго фермера одно стремленіе—возвысивъ по возможности доходъ съ своей фермы, забирать и забирать сосѣдніе участки въ наемъ, для увеличенія своей фермы; у его работника одна мечта—сдѣлаться фермеромъ. Для нихъ всѣхъ мысль объ улучшеніи своего состоянія срослась съ мыслью о полной власти надъ землею, которую онъ обработываетъ. Нѣсколько иначе, но та же самая мысль о безотчетномъ распоряженіи своею дѣятельностью давно проникла англійскаго и французскаго фабричнаго работника. Для введенія союзнаго производства въ этихъ земляхъ, надобно въ цѣломъ народѣ, огромнѣйшая масса котораго еще погрязаетъ въ невѣжествѣ и не привыкла къ размышленію о своихъ обычаяхъ, вселить новое убѣжденіе, и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтобъ оно взяло верхъ надъ обычаями и привычками, которыя чрезвычайно сроднились со всѣмъ образомъ жизни тѣхъ племенъ,—надобно путемъ разумнаго убѣжденія перевоспитать цѣлые народы. Какой гигантскій трудъ для этого требуется—вполнѣ понимаетъ только тотъ, кто перевоспитывалъ себя.

То, что представляется утопіею въ одной странѣ, существуетъ въ другой какъ фактъ. Утопіею кажется для французскаго мыслителя необходимое условіе народнаго благоденствія во Франціи, какъ и повсюду—сознательное благоговѣніе народа передъ закономъ и его органами, отъ министерства до послѣдняго полицейскаго служителя, однимъ своимъ появленіемъ вводящаго въ границы закона безчисленную толпу, разгоряченную политическими страстями,—эта черта быта, кажущаяся утопіею во Франціи, существуетъ въ Англіи, какъ народный обычай. Точно такъ, тѣ привычки, проведеніе которыхъ въ народную жизнь кажется дѣломъ неизмѣримой трудности англичанину и французу, существуютъ у русскаго какъ фактъ его народной жизни. У насъ есть землевладѣльцы съ юридическимъ полновластіемъ англійскаго или французскаго землевладѣльца (помѣщики, купцы и разночинцы, купившіе себѣ землю, однодворцы, нѣсколько тысячъ крестьянъ, владѣющія собственною землею),—но они составляютъ, сравнительно съ массою народа, еще очень немногочисленный классъ, понятія котораго о полновластной собственности отдѣльнаго лица надъ землею еще не проникли въ сознаніе массы нашего племени. По праву полновластной собственности обработываются у насъ уже мильоны десятинъ (всѣ земли,

обработываемыя въ пользу людей, непринадлежащихъ къ сельской общинѣ,—именно земли купцовъ землевладѣльцевъ и разночинцевъ-землевладѣльцевъ; участки, оставляемые для собственнаго хозяйства помѣщиками, не могутъ быть причисляемы сюда, потому что и границы и различіе между этими и общинными участками не одинаковы,—различіе то возникаетъ, то исчезаетъ, смотря по тому, учреждается ли въ селѣ оброкъ, или барщина, да и при барщинѣ разграниченіе участка помѣщика и участка его крестьянъ измѣнчиво),—но всѣ эти мильоны десятинъ составляютъ еще незначительную, быть можетъ, пятнадцатую, быть можетъ, двадцатую часть въ общей массѣ обработываемыхъ земель, которыя или распредѣляются для обработки или пользованія по общинному началу (почти всѣ земли, воздѣлываемыя на себя помѣщичьими и государственными крестьянами, и всѣ земли, воздѣлываемыя на помѣщика барщиною, такъ же какъ и мірскія запашки въ казенныхъ селеніяхъ), или принадлежатъ государству, т. е. всей націи (оброчныя статьи). Масса народа до сихъ поръ понимаетъ землю, какъ общинное достояніе, и количество земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, или пользованіе ими подъ общинною обработкою, такъ велико, что масса участковъ, совершенно выдѣлившихся изъ него въ полновластную собственность отдѣльныхъ лицъ, по сравненію съ нимъ, незначительна. Порядокъ дѣлъ, къ которому столь труднымъ и долгимъ путемъ стремится теперь Западъ, еще существуетъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта. Существовалъ нѣкогда онъ и на Западѣ, по крайней мѣрѣ во многихъ странахъ Запада, но утраченъ тамъ въ одностороннемъ стремленіи къ полновластной собственности отдѣльнаго лица.

Мы видимъ, какія печальныя слѣдствія породила на Западѣ утрата общинной поземельной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату. Примѣръ Запада не долженъ быть потерянъ для насъ. Вопросъ о земледѣльческомъ бытѣ важнѣйшій для Россіи, которая очень надолго останется государствомъ по преимуществу земледѣльческимъ, такъ что судьба огромнаго большинства нашего племени долго еще—цѣлые вѣка—будетъ зависѣть, какъ зависитъ теперь, отъ сельско-хозяйственнаго производства.

Но того нельзя скрывать отъ себя, что Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ

него, и нашъ бытъ, доселѣ остававшійся почти чуждымъ вліянію тѣхъ экономическихъ законовъ, которые обнаруживаютъ свое могущество только при усиленіи экономической и торговой дѣятельности, начинаетъ быстро подчиняться ихъ силѣ. Скоро и мы, можетъ быть, вовлечемся въ сферу полнаго дѣйствія закона конкурренціи.

Въ настоящее время мы владѣемъ спасительнымъ учрежденіемъ, въ осуществленіи котораго западныя племена начинаютъ видѣть избавленіе своихъ земледѣльческихъ классовъ отъ бѣдности и бездомности. Но, при новой эпохѣ усиленнаго производства, въ которую вступаетъ Россія, многія изъ прежнихъ экономическихъ отношеній, конечно, измѣнятся сообразно потребностямъ времени. Вообще мы думаемъ, что менѣе всѣхъ подверженъ опасности ошибиться въ разсчетахъ тотъ, кто менѣе всѣхъ поддается надеждамъ, что чѣмъ скромнѣе воображать будущность, тѣмъ лучше. Возьмите самую скромную оцѣнку результатовъ начинающагося промышленнаго движенія въ Россіи для близкаго будущаго,— мы готовы для прочнѣйшей безопасности отъ преувеличенныхъ ожиданій сократить ее еще вдвое, втрое. Черезъ десять лѣтъ мы будемъ имѣть по крайней мѣрѣ четыре тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, черезъ тридцать лѣтъ, по самому скромному разсчету, тридцать тысячъ верстъ, мы спустимся на цифру вдвое меньшую, — положимъ, что мы будемъ имѣть черезъ тридцать лѣтъ только пятнадцать тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи. По самому скромному разсчету, сельская цѣна хлѣба въ замосковскихъ губерніяхъ, прорѣзываемыхъ желѣзными дорогами, возрастетъ вдвое,— мы согласны принять, для большей скромности разсчета, возвышеніе цѣны только на пятьдесятъ процентовъ. Самые скромные разсчеты предсказываютъ, что черезъ тридцать лѣтъ наша внѣшняя торговля утроится, — мы, вмѣсто двухсотъ процентовъ увеличенія, возьмемъ для большей осторожности только сто процентовъ, и будемъ полагать, что она только удвоится. Точно также будемъ умѣрять наши надежды и относительно всѣхъ другихъ измѣненій въ нашемъ экономическомъ бытѣ,—будемъ умѣрять ихъ ниже самыхъ осторожныхъ разсчетовъ. Все-таки величина измѣненій будетъ очень чувствительна. Удвоеніе капиталовъ, удвоеніе промышленной и торговой дѣятельности втеченіе очень немногихъ лѣтъ, прежде, чѣмъ наши дѣти смѣнятъ насъ, — это слишкомъ скромный разсчетъ, а удвоеніе капиталовъ, торговли и производства есть уже необык-

новенно важный переворотъ въ бытѣ, и многое въ нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ должно измѣниться вслѣдствіе его. Мы хотимъ всѣмъ этимъ сказать, что при самой величайшей наклонности вводить свои ожиданія и предположенія въ самую тѣсную мѣрку, нѣтъ возможности не сознаться, что мы живемъ въ эпоху значительныхъ экономическихъ преобразованій.

Достовѣрно, что развитіе экономическаго движенія, замѣтнымъ образомъ начинающееся у насъ пробужденіемъ духа торговой и промышленной предпріимчивости, построеніемъ желѣзныхъ дорогъ, учрежденіемъ компаній пароходства и т. д., необходимо измѣнитъ нашъ экономическій бытъ, до сихъ поръ довольствовавшійся простыми формами и средствами старины. Волею или неволею, мы должны будемъ въ матеріальномъ бытѣ жить, какъ живутъ другіе цивилизованные народы. До сихъ поръ, семейство нашихъ поселянъ покупало только соль, колеса, вино, сапоги, кушаки, серьги и пр. и пр.,—все остальное производилось домашнимъ хозяйствомъ: и сукно, и ткань для женскаго платья и для бѣлья, и обувь, мебель, и самая изба съ печью. Скоро будетъ не то: домашнее сукно смѣнится на поселянинѣ покупнымъ фабричнымъ (мы не знаемъ, будетъ ли онъ покупать фабричное сукно лучшаго сорта, нежели покупаетъ теперь, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что его жена разучится ткать сукно),—льняныя и посконныя ткани домашняго издѣлія смѣнятся хлопчатобумажными (которыя, очень можетъ быть, будутъ не выше ихъ добротою, но все-таки вытѣснятъ ихъ своею дешевизною) и т. д., и т. д. Все это совершится еще на глазахъ нашего поколѣнія въ селахъ, какъ до сихъ поръ совершилось только въ большихъ городахъ. Мы говоримъ это только для примѣра, чтобы разъяснить мысль о томъ, что неизбѣжны перемѣны въ экономическомъ нашемъ бытѣ, не рѣшая того, каковы именно будутъ онѣ. Но каковы бы ни были эти преобразованія, да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ,—да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями,—на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы. Ихъ примѣръ да будетъ намъ урокомъ.

Истина медленно распространяется не только въ убѣжденіяхъ массы, — она медленно принимается и учеными. Рутина сильна.

Араго долго отвергалъ и возможность и пользу желѣзныхъ дорогъ. Астрономы и математики отвергали законъ тяготѣнія, врачи—обращеніе крови въ жилахъ, долго послѣ того, какъ эти истины были провозглашены Ньютономъ и Гарвеемъ. Такъ до сихъ поръ большинство экономистовъ привыкло повторять слова, бывшія одностороннимъ девизомъ прежнихъ стремленій: «свобода торговли»,—«свобода труда», — «свободное установленіе цѣнъ»,—«свобода употребленія капиталовъ» и т. д. и т. д. Въ большей части экономическихъ сочиненій все еще повторяется, какъ единственная истина, рутинный, односторонній лозунгъ. Принять его намъ было бы вдвойнѣ пагубно: онъ не только помѣшалъ бы вѣрному направленію нашего собственнаго производства,—онъ возбудилъ бы насъ къ разрушенію благотворнаго учрежденія, завѣщаннаго намъ вѣками. А многіе изъ нашихъ экономистовъ, не принявъ этого въ соображеніе, или увлекшись тѣми временными и односторонними выгодами, какія принципъ безграничной поземельной собственности отдѣльнаго лица обѣщаетъ увеличенію производства, слишкомъ довѣрчиво повторяютъ мнѣнія объ этомъ предметѣ, находимыя въ большей части западно-европейскихъ экономическихъ сочиненій. Чтобы не оставить этого общаго сужденія безъ подтвержденій примѣрами, и чтобы показать, какія выгоды обѣщаетъ оно, мы обратимъ вниманіе читателей на нѣкоторыя мѣста въ статьѣ г. Струкова «Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства» («Экономич. Указ.» №№ 5, 7, 9 и 10), говорить о достоинствѣ которой мы ужь имѣли случай. Однимъ изъ препятствій успѣшному развитію сельскаго хозяйства авторъ считаетъ «общественное пользованіе землями». Авторъ, по примѣру очень многихъ экономистовъ Западной Европы, находитъ общинное владѣніе землями столь безнадежно вреднымъ, что даже о слабыхъ остаткахъ его во Франціи считаетъ нужнымъ упомянуть непріязненно: «Общественное пользованіе землями, безъ раздѣла на семейные участки «(говоритъ онъ), сохранилось еще мѣстами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ европейскаго материка и особенно восточной Европѣ. Во «Франціи и въ Бельгіи, между прочимъ, земли общественнаго пользованія были или естественно безплодныя или истощенныя безпорядочнымъ пользованіемъ, и оставленныя подъ общественный вы-«гонъ и рѣдко подъ пастбища; лучшія земли по различнымъ слу-«чаямъ перешли въ частную собственность. Во Франціи насчиты-

«ваютъ до 1,000,000 гектаровъ городскихъ и сельскихъ обществен-«ныхъ земель. Общины не знаютъ, что̀ съ ними дѣлать, ибо никто «не хочетъ брать ихъ въ оброкъ, а между тѣмъ общины не имѣютъ «права отчуждать ихъ въ частную собственность и должны пла-«тить за нихъ поземельную подать. Пользуются же ими только «бѣднѣйшіе жители безъ всякой платы, для пастбищъ».

Дѣло выставлено въ очень невыгодномъ видѣ. Кажется, этимъ примѣромъ безвозвратно осуждается общинное владѣніе — общины тяготятся своими землями, не знаютъ, что́ съ ними сдѣлать; но вникнемъ въ подробности этого очерка, и увидимъ, что одна изъ нихъ подрываетъ справедливость другой, и ни одна не относится къ самому принципу общиннаго владѣнія, а развѣ только къ мѣстнымъ злоупотребленіямъ городской и сельской администраціи во Франціи. «Въ общинномъ владѣніи сохранились только земли безплодныя или истощенныя»,—«лучшія земли», бывшія въ общинномъ владѣніи, «перешли въ частную собственность по разнымъ случаямъ»,—а между тѣмъ законъ воспрещаетъ «отчужденіе общинныхъ земель въ частную собственность» — какъ же могли лучшіе участки быть отчуждены? Ясное дѣло, въ противность закону, злоупотребленіемъ мѣстной администраціи. Можно ли ожидать, чтобы люди, которые нарушаютъ законъ до того, что продаютъ, или отдаютъ то, чего не имѣютъ права отдавать или продавать, хорошо управляли тѣмъ, чего не успѣли противозаконнымъ образомъ промотать? Ясно, что виноватъ во всемъ не принципъ общиннаго владѣнія, а дурная, злонамѣренная администрація, которая одинаково погубитъ и частное и общинное владѣніе. Идемъ далѣе, и находимъ новое доказательство тому: «земли эти истощены безпорядочнымъ пользованіемъ»—ясно ли, въ чемъ дѣло? Не въ общинности, а въ «безпорядкѣ», который бываетъ и въ частныхъ помѣстьяхъ. Или ужь въ общинѣ не можетъ быть порядка? «Общины не знаютъ, что́ дѣлать съ своими землями, ибо никто не хочетъ брать ихъ въ оброкъ»—это невѣроятно; у насъ землею не такъ дорожатъ, какъ во Франціи, однако же, городскія земли находятъ себѣ нанимателей, а во Франціи не находятъ; это невозможно; вѣрно, тутъ скрываются страшныя злоупотребленія. Вѣрно, люди, которые завѣдуютъ отдачею общинныхъ земель въ наймы, составляютъ фальшивые протоколы о томъ, что нанимателей не явилось, и потому земли остались пусты,—а сами въ тихомолку пользуются ими,—не это ли и есть

«безпорядочное пользованіе», о которомъ говорилось выше? Но не всѣ общинныя земли предназначены къ отдачѣ въ наймы—иныя «оставлены подъ общественный выгонъ» — что жь, эти земли въ тягость общинамъ?—Да, общины «не знаютъ, что́ съ ними дѣлать.»—Какъ? развѣ никому не приносятъ онѣ пользы?—Нѣтъ, ими «пользуются бѣднѣйшіе жители безъ всякой платы, для пастбищъ» — а, теперь понимаемъ: до бѣднѣйшихъ жителей никому нѣтъ дѣла во Франціи; притомъ же они пользуются выгономъ «безъ всякой платы»—стало быть, отъ общинныхъ выгоновъ не поступаетъ въ городскую или сельскую кассу доходовъ, которыми распорядились бы по своему люди, завѣдующіе кассою—скажите, какая имъ выгода оттого, что теперь у «бѣднѣйшихъ жителей» есть возможность содержать какую нибудь корову или козу? Какая польза Парижу отъ того, что тысячи старухъ кормятся, продавая молоко коровъ, которыхъ каждая изъ нихъ содержитъ по одной, благодаря общественному выгону?—Напротивъ, это положительный вредъ. Во-первыхъ, эти коровы дурной породы; у извѣстнаго сельскаго хозяина г. Пурсоньяка коровы даютъ молоко гораздо лучшаго качества; во-вторыхъ, эти старухи сами даромъ бременятъ землю—пора бы имъ и честь знать, пора бы костямъ на мѣсто, а то онѣ только безобразятъ парижскія улицы своими лохмотьями,—выгоды и чести отъ нихъ городу нѣтъ ни на сантимъ, а иная, пожалуй, поступитъ еще на городской счетъ въ богадѣльню, когда у ней падетъ ея дрянная корова,—ну, и содержитъ городъ старую вѣдьму—первое, тутъ прямой убытокъ; второе—увеличивается цифра нищихъ, что́ непріятно въ статистическихъ таблицахъ. То ли дѣло, еслибъ на мѣстѣ общественнаго выгона построилось пять великолѣпныхъ дачъ, именно дача г. Миреса, дача г. Фульда, дача доктора Верона, дача г-жи Армансъ (вы ее знаете, премилая женщина) и дача г. Мишеля Шевалье, бывшаго сенъ-симониста, а нынѣ, если не ошибаемся, сенатора. Они давно ужь пріискиваютъ подгородныхъ участковъ для дачъ. Проклятый законъ, не позволяющій продать общественнаго выгона!

Факты относительно общиннаго владѣнія излагаются экономистами старой школы пристрастнымъ образомъ, и довѣрчиво принимать составляемыя ими картины значитъ впадать въ постоянныя ошибки. Мы винимъ въ ошибкахъ, нами указанныхъ гораздо болѣе тѣхъ авторовъ, изъ которыхъ г. Струковъ почерпалъ свои свѣдѣнія о французскомъ общинномъ владѣніи, нежели г. Струкова,—

конечно, ему не было случая провѣрить на мѣстѣ ихъ показанія; но все-таки онъ могъ бы замѣтить внутреннюю несообразность этихъ показаній, если бы предостереженъ былъ относительно пристрастнаго взгляда старой экономической школы въ этомъ случаѣ. Онъ провѣрилъ бы ихъ другими источниками, и тогда вѣроятно пересталъ бы такъ рѣшительно утверждать, что общинныя земли не приносятъ пользы благосостоянію французскаго народа. Разберемъ же тотъ взглядъ на общинное владѣніе, который слишкомъ довѣрчиво принимается отъ экономистовъ старой школы многими изъ нашихъ ученыхъ, и въ томъ числѣ г. Струковымъ. Прежде всего посмотримъ, ясно ли понимаютъ они явленіе, противъ котораго возстаютъ,—какъ они опредѣляютъ его?

«Общинное пользованіе (говоритъ г. Струковъ, отчасти со словъ западныхъ экономистовъ старой школы, отчасти по фактамъ русскаго быта) существуетъ преимущественно въ двухъ видахъ: «одно, «въ которомъ луга и поля раздѣляются ежегодно или въ самые «краткіе сроки, съ общаго согласія, по числу наличныхъ и въ томъ «числѣ прибылыхъ хозяевъ, равномѣрно или соотвѣтственно повин«ностямъ и оброкамъ, при чемъ выгоны, пастбища, лѣса и неудоб«ныя земли остаются общими, нѣкоторыя же угодья или выгоды «обращаются въ мірскія оброчныя статьи; и другое, въ которомъ, «по взаимному согласію или распоряженію собственника, члены «общества раздѣляютъ полевыя земли между наличнымъ числомъ «хозяевъ на семейные участки безсрочно или на продолжительный «срокъ (по участку въ каждомъ полѣ, безъ участія въ полевыхъ «земляхъ прибылыхъ хозяевъ), продолжая затѣмъ дѣлить луга еже«годно, пользоваться выгонами и другими удобствами общественно «или образовать изъ нѣкоторыхъ угодій и удобствъ оброчныя статьи».

«Въ обоихъ случаяхъ ни земли правительства, ни земли вла«дѣльцевъ не могутъ переходить въ собственность постороннюю по «произволу членовъ общества или самой общины. Даже когда об«щина владѣетъ землею, какъ собственностью, случаи отчужденія, «если они не ограничены закономъ, бываютъ весьма рѣдки, завися «отъ общаго согласія, которое чаще дается на пріобрѣтеніе но«выхъ земель и иногда на обмѣнъ старыхъ, нежели на отчужденіе.»

О чемъ тутъ идетъ дѣло? — въ началѣ, очевидно, о способахъ общиннаго пользованія землею; въ концѣ, очевидно, о принципѣ общиннаго владѣнія,—это два понятія совершенно различныя; если

они смѣшиваются, доказательства противъ общиннаго владѣнія теряютъ всякую силу; положимъ, что способъ пользованія вещью дуренъ—слѣдуетъ ли изъ того, чтобы вещь была сама по себѣ дурна? Вовсе еще нѣтъ; докажите прежде, что не можетъ быть инаго, лучшаго способа пользованія ею. Положимъ, что доказательства, которыя представитъ г. Струковъ, будутъ рѣшительно доказывать вредъ обоихъ способовъ пользованія, имъ указанныхъ—изъ того слѣдуетъ только, что эти способы должны быть замѣнены другими, лучшими, но ни мало не слѣдуетъ, чтобы самъ принципъ былъ дуренъ. Иначе можно доказывать (и многіе уже доказывали) вредъ просвѣщенія, фабрикъ, машинъ, улучшенныхъ путей сообщенія, мира, благосостоянія,—словомъ, какого угодно благого принципа, потому что каждымъ принципомъ можно дурно пользоваться.

При такомъ смѣшеніи понятій, которое мы нашли въ самомъ опредѣленіи явленія, выставляемаго препятствіемъ къ развитію сельскаго хозяйства, едва ли можно ожидать такихъ возраженій противъ этого явленія, которыя выдержали бы критику. Просмотримъ однако ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они излагаются у г. Струкова.

»Общественная поземельная собственность или общественное поземельное пользованіе—говоритъ онъ—остатки кочеваго состоянія племенъ, когда нѣтъ побужденій для личной поземельной собственности; при развитіи сельскаго хозяйства и размноженіи населенія, являются въ этомъ порядкѣ дѣлъ неудобства, заставляющія желать его прекращенія. Но 1) при еще большемъ развитіи населенія и сельскаго хозяйства (когда прилагаются къ нему улучшенные способы производства, когда возникаютъ пароходы, паровозы и усиленная торговля) являются вновь необходимыя причины желать его возвращенія, какъ доказываетъ примѣръ Запада. Итакъ: первый періодъ развитія—удобнѣе общинное пользованіе; второй періодъ—оно имѣетъ свои неудобства; третій, совершеннѣйшій періодъ (въ который вступаетъ Западная Европа), общинное пользованіе вновь становится необходимостью. 2) Дѣйствительно ли даже во второмъ періодѣ благія слѣдствія общиннаго пользованія перевѣшиваются его невыгодами? Если и согласны, что при развитіи населенія и хозяйства являются не существовавшія прежде удобства на сторонѣ полновластной личной собственности, то исчезаютъ ли всѣ выгоды со стороны общиннаго пользованія? Ни мало. Оно обезпечиваетъ каждому члену общины право на участіе въ пользованіи;

оно обезпечиваетъ существованіе каждаго отдѣльнаго члена общины, доставляя ему право на землю. Безъ него, большинство населенія лишается недвижимой собственности и замѣняющаго ее права пользованія недвижимою собственностью, а положеніе массы пролетаріевъ всегда бѣдственно,—потому надобно еще взвѣсить, который изъ двухъ порядковъ болѣе благопріятенъ благосостоянію всего общества—степень этого благосостоянія зависитъ не только отъ массы производимыхъ цѣнностей, но и отъ ихъ распредѣленія. Беремъ два участка, каждый въ 5.000 десятинъ земли (одна квадратная миля). На каждый участокъ приходится по 2.000 человѣкъ населенія. Одинъ раздѣленъ на тридцать фермъ съ улучшеннымъ хозяйствомъ втораго періода; каждая десятина даетъ въ общей сложности 20 рублей дохода; изъ нихъ 5 рублей идутъ на арендную плату землевладѣльцу, 6 рублей на уплату и содержаніе работникамъ, 9 рублей остаются въ пользу фермера. На другомъ участкѣ, по причинѣ общиннаго пользованія, сельское хозяйство сдѣлало менѣе успѣховъ и десятина даетъ только по 12 рублей дохода, но этотъ доходъ весь остается въ пользу домохозяевъ, которые всѣ по общинному началу участвуютъ въ пользованіи землею. Сравнимъ же эти участки.

Общая цѣнность производства на первомъ
участкѣ . . . . 5,000×20=100,000 руб.
Общая цѣнность производства на второмъ
участкѣ . . . . 5,000×12= 60,000 »

По общей цѣнности производства, участокъ съ фермами гораздо выше участка съ общиннымъ пользованіемъ. Но отъ состоянія производства обратимся къ состоянію людей, населяющихъ эти участки. Считаемъ по семьямъ, полагая въ каждой семьѣ пять человѣкъ.

Участокъ съ фермами:

1 семья (землевладѣлецъ) получаетъ 5×5,000 . . 25,000 р.
30 семей (фермеры) получаютъ по 9×5,000=45,000
или каждая семья по . . . . 3,000 »
369 семей (наемные земледѣльцы получаютъ
6×5,000=30,000 или каждая семья по . . . 81 » 25 к.

Участокъ съ общимъ пользованіемъ:

4,000 семей получаютъ 12×5,000=60,000 или
семья по . . . . 150 » — »

Выводъ ясенъ: на второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое бо̀льшимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣнностей почти вдвое больше на первомъ участкѣ.

Что кому милѣе, тотъ тому и отдаетъ предпочтеніе; Мишелю Шевалье усиленіе производства—альфа и омега экономической мудрости; онъ пожелаетъ участокъ съ общиннымъ пользованіемъ обратить въ участокъ съ фермами. Намъ кажется, что это было бы раззорительно для огромнаго большинства населенія (для 369 семействъ, служа въ пользу только 31 семейству), потому общинное пользованіе мы считаемъ выгоднымъ для націи сохранить на второмъ участкѣ даже во время того періода, когда оно задерживаетъ успѣхи производства.

Мы сдѣлали старой школѣ экономистовъ уступку, предполагая, что общинное пользованіе дѣйствительно само по себѣ невыгодно для успѣховъ сельскаго хозяйства во второмъ періодѣ, который продолжался для Европы до конца наполеоновскихъ войнъ. Дѣлая эту уступку, мы положили въ своемъ примѣрномъ разсчетѣ, что общинное пользованіе само по себѣ значительно уменьшаетъ массу производства. Но дѣйствительно ли это такъ? Надобно внимательнѣе разсмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ такъ велики его невыгоды, какъ увѣряетъ старая школа экономистовъ, въ самомъ ли дѣлѣ эти невыгоды проистекаютъ изъ самого принципа общинности или даже хотя изъ тѣхъ способовъ общиннаго пользованія, которые употребительны у насъ, а не вообще отъ безпорядка и безпечности,—качествъ, равно встрѣчающихся и при пользованіи по принципу полновластной личной собственности. Просматривая статью г. Струкова, каждый не предубѣжденный читатель удивится тому, какимъ образомъ на общинное пользованіе складываетъ отъ всѣ злоупотребленія, происходящія равно въ тѣхъ участкахъ, пользованіе которыми подчинено принципу исключительной и полновластной личной собственности.

Такъ, напримѣръ, единственно общинному пользованію ставитъ онъ въ вину истребленіе лѣсовъ (какъ будто замлевладѣльцы не рубятъ безъ всякой предусмотрительности лично имъ принадлежащихъ лѣсовъ для чугунныхъ, свекло-сахарныхъ, винокуренныхъ и всякихъ другихъ заводовъ и фабрикъ, не продаютъ ихъ на срубъ, на сидку смолы и т. д. и т. д.)—ему исключительно въ вину ставитъ онъ деревянныя избы, неопрятность домашней жизни и т. д. и т. д.)—это невѣроятно, и потому приводимъ отрывокъ изъ его діатрибы. Оставалось сва-

лить на общинное пользованіе землею и безграмотность, и суевѣріе, и пьянство, и грубость нравовъ, и всѣ прочіе недостатки, встрѣчаемые въ быту поселянъ. Въ случаѣ нужды, мы ручаемся, что по той же методѣ, какъ у г. Струкова, можно вывести всѣ эти пороки и недостатки не изъ чего иного, какъ именно изъ общиннаго пользованія землею; и даже приписать исключительно общинному пользованію землею мозоли на рукахъ, частыя бѣльма на глазахъ и загорѣлый цвѣтъ шеи нашихъ поселянъ.

Намъ кажется, что истребленіе лѣсовъ и курныя избы надобно приписать не тому или другому способу пользованія, а просто безпечности о будущемъ, непредусмотрительности, привычкѣ къ безпорядочной жизни вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, и что во всемъ этомъ общинное пользованіе столько же виновато, сколько и въ безграмотности нашихъ поселянъ.

И такъ, представляемъ здѣсь два эпизода:

Эпизодъ первый, съ замѣчаніями.

«Общественное пользованіе землями, при обиліи свѣжихъ мало-«лѣсныхъ и безлѣсныхъ земель сопровождается, обыкновенно, безпорядочнымъ раздѣленіемъ земель на выгоны, сѣнокосы, пастбища и «поля и распашкою лучшихъ участковъ въ разбросъ». (Но развѣ общинность виновата въ безпорядкѣ?—нѣтъ, самъ авторъ упомянулъ истинную причину: «обиліе земель»—при изобиліи кому охота стѣсняться предусмотрительною экономіею? Кто знаетъ разсказы о порядкѣ земледѣлія лѣтъ семьдесятъ тому назадъ въ нижнихъ поволжскихъ губерніяхъ, знаетъ, что помѣщикъ свои запашки и проч. производилъ въ такой же разбросанности, какъ и община его крестьянъ; когда много земли, кто же не станетъ выбирать для распашки только лучшихъ участковъ? Полновластный собственникъ поступалъ бы и дѣйствительно поступалъ въ этомъ случаѣ точно также, какъ община. Общинное начало столь же виновато въ этой широкой непредусмотрительности, какъ и въ томъ, что не засѣвалось тогда кормовыхъ травъ, когда въ изобиліи находились естественные луга). «Лѣса, если есть, продолжаютъ рости безъ всякаго «надзора и нерѣдко служатъ пастбищемъ для скота». (Когда ихъ изобильно, ихъ не бережетъ ни общинникъ, ни полновластный собственникъ—примѣръ послѣдняго представляетъ исторія лѣсистыхъ странъ Западной Европы въ XVI—XVII столѣтіяхъ). «Въ мѣстахъ

«обильныхъ лѣсами, новое заселеніе земледѣльцевъ начинается съ «занятія полянъ и вырубки лѣса для усадебныхъ мѣстъ, потомъ для «выгона, и наконецъ для полей, которыя, при различныхъ удоб«ствахъ легчайшей распашки лѣсныхъ дачъ, являются въ разбросъ. «Постепенно однако же, съ умноженіемъ народонаселенія, лѣсныя «распашки увеличиваются, соединяясь въ общія поля и быстро «истребляя лѣсную растительность». (Да развѣ не точно также бываетъ и въ лѣсистыхъ областяхъ Америки при ихъ заселеніи по принципу личной полновластной собственности западно-европейскими колонистами и сѣверо-американцами? Лѣсъ въ изобиліи, мѣстъ для распашки мало, ну, и рубятъ или жгутъ лѣсъ, который кажется не богатствомъ, а помѣхою богатству). «Въ то же время скотъ, пасу«щійся въ лѣсахъ, съ своей стороны уничтожаетъ древесную по«росль и подготовляетъ окончательное истребленіе лѣса.» (Любопытно было бы узнать, существуютъ ли лѣсныя изгороди въ тѣхъ новозаселяемыхъ лѣсныхъ странахъ Америки, о которыхъ упомянуто выше? И тамъ скотъ «гуляетъ по лѣсу, уничтожая» и проч., хотя тамъ нѣтъ общиннаго пользованія). «Работы, въ томъ и дру«гомъ хозяйствѣ (то есть лѣсномъ и степномъ) производимыя, по«глощаютъ много тяжкаго труда; но къ сожалѣнію, представители «этого труда, возбуждаемые только необходимостью обезпечить себя «и семейство отъ враждебныхъ вліяній и недостатковъ въ предме«тахъ первой необходимости» (а чѣмъ же другимъ возбуждались бы они и безъ общиннаго принципа? или сѣверо-американскій колонистъ трудится для осуществленія теорій Жана Батиста Сэ, а не для обезпеченія себя и своего семейства?) «и, не просвѣтленные «понятіемъ объ исключительной собственности, не дорожатъ обще«ственною землею» (—да развѣ потому не дорожатъ, что «не просвѣтлены понятіемъ» и т. д.? Вѣдь и сѣверо-американскій колонистъ не дорожитъ землею, и часто три четыре раза въ свою жизнь переселяется все на новыя мѣста, хотя и «просвѣтленъ» и т. д. Не дорожатъ тѣмъ, что находятъ въ избыткѣ,—вотъ и все объясненіе дѣлу, а не общинность или исключительная собственность. Когда не остается избытка въ землѣ при увеличеніи населенія, община дорожитъ ею не меньше, нежели отдѣльный полновластный собственникъ,—напротивъ, даже гораздо больше,—вѣдь община почти никогда не продаетъ земли, какъ справедливо замѣтилъ самъ г. Струковъ при опредѣленіи понятія общинности, а отдѣльный собствен-

никъ часто и очень таки часто продаетъ ее) и пріучаются къ безпорядочному пользованію. (Опять прежняя исторія; повторимъ и мы: пріучаются къ безпорядочному пользованію потому, что не дорожатъ землею по избытку ея, все равно, будутъ ли они общинники или полновластные собственники), не заботясь ни о сохраненіи плодородія земли (а полновластный собственникъ развѣ удобряетъ истощенную землю, когда стоитъ ему перенести плугъ за версту, чтобы найти свѣжую землю?), ни о порядкѣ въ домашнемъ своемъ быту (ну вотъ, и въ безпорядкахъ по домашнему быту виновата общинность) и въ исправленіи нравственныхъ обязанностей. (О, да и въ безнравственности тоже! не она ли виновата и въ томъ, что сибирскіе инородцы ѣдятъ или курятъ ядовитый мухоморъ, а хивинцы и трухменцы разбойничаютъ? Не моетъ баба посуды—виновато общинное пользованіе землями; дѣти у ней ходятъ грязныя—виновато общинное пользованіе землями; подралась она съ мужемъ—виновато,—ну, вы ужь доскажете сами, читатель: разумѣется все тоже общинное пользованіе землями. Да въ томъ ли только оно виновато?—оно виновато и въ томъ, что у насъ по селамъ деревянныя избы, а не каменныя. Слушайте:) «Жилыя и хозяйственныя зданія возводятся изъ самыхъ «нецѣнныхъ матеріаловъ» (да кто же станетъ строить избу изъ дорогихъ матеріаловъ, когда есть для того дешевые или даровые подъ руками?), «находящихся подъ руками, и...»

и такъ далѣе. Но намъ кажется, что при всей многочисленности тяжкихъ обвиненій, взведенныхъ на общинную собственность г. Струковымъ, списокъ ихъ въ его статьѣ все еще не полонъ, и мы, какъ обѣщались, дополнимъ его по той же методѣ.

Эпизодъ второй, безъ замѣчаній.

Пріученные къ безпорядочной жизни общиннымъ пользованіемъ землею, поселяне не имѣютъ привычки мыть рукъ мыломъ и потому часто имѣютъ руки, покрытыя пылью и землей; принужденные общиннымъ пользованіемъ много трудиться, они пріобрѣтаютъ на рукахъ мозоли, и трудясь на солнцѣ вслѣдствіе общиннаго пользованія, безъ галстуха и притомъ въ наклоненномъ положеніи надъ плугомъ или сохою, чрезъ что задняя часть шеи прямо подвергается дѣйствію палящихъ лучей солнца, они имѣютъ шеи загорѣлыя, а

имѣя, вслѣдствіе того же общиннаго пользованія, въ избахъ своихъ печи изъ нецѣнныхъ матеріаловъ, о чемъ смотри въ концѣ перваго эпизода, именно, печи, сбитыя изъ глины, не удобной для возведенія трубъ и потому безъ трубъ, а также сидя во время полевыхъ работъ у огня, разводимаго вслѣдствіе общиннаго пользованія землею для свареніи кашицы или пустыхъ щей, они постоянно имѣютъ свои глаза подверженными ѣдкому и вредному дѣйствію дыма, отчего и подвергаются особенно часто болѣзнямъ глазъ, какъ-то куриной слѣпотѣ, бѣльмамъ и наконецъ совершенной слѣпотѣ. Во всемъ этомъ очевидно виновато общинное пользованіе землею.

Послѣ этихъ двухъ эпизодовъ, вы согласитесь, читатель, нельзя не сказать вмѣстѣ съ г. Струковымъ, что общинное пользованіе землею есть «зловредная язва», которая достойна всякихъ проклятій.

И, основываясь на такой логикѣ, рѣшаютъ вопросъ, отъ котораго зависитъ судьба нашего племени на много поколѣній!

Неужели же нѣтъ въ статьѣ г. Струкова и такихъ возраженій противъ общиннаго пользованія землями, которыя бы хотя сколько нибудь шли къ дѣлу? Есть, — но ихъ очень немного, и мы выберемъ всѣ ихъ изъ массы разсужденій, подобныхъ приведеннымъ выше. Вотъ они:

1) Когда земли настолько истощены, что нуждаются въ удобреніи, то при частомъ передѣлѣ участковъ поселянину нѣтъ охоты удобрять съ особеннымъ стараніемъ участокъ, могущій достаться другому черезъ годъ, черезъ два.—Это относится только къ первому способу пользованія, съ ежегоднымъ передѣломъ, а самъ г. Струковъ указываетъ другой, съ продолжительными сроками. И такъ: гдѣ не нужно еще удобренія, можетъ быть, безъ особенныхъ неудобствъ, ежегодный передѣлъ земли; гдѣ нужно удобреніе, сроки должны быть продолжительны. У насъ еще не Англія, мы не можемъ, при какомъ угодно хозяйствѣ, затрачивать сотни рублей на удобреніе одной десятины. Потому и сроки пользованія не имѣютъ надобности быть столь продолжительными, какъ въ Англіи. Но передѣлъ земли долженъ измѣнять расположеніе участковъ только по мѣрѣ нужды—такъ и дѣлается тамъ, гдѣ есть удобреніе. При перемежеваніи участка, вынуждаемомъ только крайнею необходимостью, община должна вознаграждать за потерю прежняго хозяина, если онъ получаетъ участокъ земли менѣе удобренный, нежели его прежній. Этимъ совершенно устраняется неудобство

передѣла для заботливости поселянина объ увеличеніи плодородія своего участка.

2) При общинномъ пользованіи, недопускающемъ заботливости объ удобреніи, расширеніе производства возможно только посредствомъ увеличенія запашекъ.—Мы видѣли, что причина легко устраняется; потому и слѣдствіе, изъ нея выводимое, устраняется также легко. Улучшеніе земли, а слѣдовательно и увеличеніе производства безъ увеличенія запашекъ очень возможно при общинномъ пользованіи.

3) При общинномъ пользованіи, не допускающемъ удобренія, возможна только трехъ-польная система хозяйства, основанная на отдыхѣ земли подъ паромъ, безъ удобренія. Отвѣтъ тотъ же: удобреніе земли возможно, и потому вмѣсто трехъ-польнаго хозяйства возможно плодоперемѣнное.

4) Привыкши подчиняться въ своихъ дѣлахъ общинѣ, поселянинъ отвыкаетъ отъ самостоятельности, теряетъ личность, теряетъ предпріимчивость и т. д., и т. д.—Ну, это ужь вопросъ не сельскохозяйственный, а нравственно-историческій. Исторія и нравственныя науки говорятъ не то: разъединенность обезсиливаетъ и деморализируетъ людей, союзъ укрѣпляетъ ихъ нравственныя и умственныя силы и ободряетъ ихъ волю. Русскій народъ, хотя и не знаетъ ни исторіи, ни психологіи, знаетъ эту истину изъ ежедневнаго опыта и выразилъ ее поговорками: «одинъ воинъ въ полѣ не рать», «одинъ умъ хорошо, а два лучше» и «на людяхъ и смерть красна».

Неужели только эти возраженія и имѣются въ статьѣ г. Струкова противъ общиннаго пользованія? Только. И не только другихъ нѣтъ, но и не можетъ быть. Все, что́ было говорено объ этомъ у западныхъ экономистовъ старой школы и ихъ русскихъ послѣдователей, сводится къ двумъ мыслямъ:

Общинное пользованіе не допускаетъ удобренія и улучшенія земли (на этой гипотезѣ основаны два другія возраженія г. Струкова).

Община убиваетъ энергію въ человѣкѣ.

Кромѣ этихъ двухъ избитыхъ и давно опровергнутыхъ мыслей, вы ничего не найдете сказать противъ принципа общиннаго пользованія землею, хотя насыпаны по этому поводу цѣлыя горы возраженій экономистами старой школы,— всѣ эти горы заключаютъ въ себѣ, кромѣ названныхъ нами двухъ мыслей, только болѣе или менѣе блестящій, болѣе или менѣе пыльный песокъ праздныхъ

словъ, не связанный никакою логикою, и не только легко отбрасываемый рукою, но разлетающійся отъ одного дуновенія.

Изъ двухъ мыслей, попавшихъ въ эти горы фразъ, одна:

«Общинное пользованіе не допускаетъ удобренія и улучшенія земли» —

касается только одного способа общиннаго пользованія съ ежегоднымъ передѣломъ земли, и ни мало не касается другаго способа—общиннаго пользованія съ продолжительными сроками.

Еще менѣе касается она самаго принципа общиннаго пользованія землею, допускающаго и третій способъ пользованія, кромѣ двухъ названныхъ, именно: общинное пользованіе землею безъ передѣла земли между членами общины.

Наконецъ, принципъ общинной собственности на землю не входитъ даже въ объемъ этой мысли, относящейся единственно къ понятію пользованія, а не къ существенно отличному отъ него понятію собственности.

Не говоримъ уже о томъ, что ей чуждо различіе между понятіями полновластной и ограниченной собственности.

Другая мысль:

«Община убиваетъ энергію въ человѣкѣ»—

относится не къ сферѣ экономическихъ, а къ сферѣ нравственно-историческихъ наукъ и рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ исторіи и психологіи, доказывающимъ, напротивъ, что въ союзѣ укрѣпляется умъ и воля человѣка.

Мы хвалили и хвалимъ статью г. Струкова, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя говорятъ объ отношеніяхъ общиннаго пользованія землею къ успѣхамъ сельскаго хозяйства. Потому именно и остановили мы на ней вниманіе, что она хороша. И если эта часть ея, которая говоритъ объ общинномъ пользованіи, не выдерживаетъ критики, вина въ томъ не за г. Струковымъ, а за теоріею, которой вздумалъ онъ держаться въ этомъ случаѣ,—за этой односторонней теоріей laissez faire, laissez passer, безусловно отдающей человѣка на жертву неразумнымъ принципамъ матеріальнаго производства и воспрещающей ему направлять ихъ дѣйствіе сообразно потребностямъ своей натуры и по законамъ своего разума. Въ частности, г. Струкова наши замѣчанія почти вовсе не касаются, они относятся только къ теоріи, изъ которой слишкомъ довѣрчиво взялъ онъ мнѣнія объ отношеніяхъ общиннаго пользованія къ успѣхамъ сельскаго хозяй-

ства; если въ чемъ можно упрекнуть его, то развѣ въ этой излишней довѣрчивости къ мнѣніямъ, которыя провозглашены многими авторитетами политической экономіи. Эти мнѣнія общи всей старой школѣ экономистовъ, и мы хотимъ предполагать, что эта излишняя довѣрчивость была дѣломъ случайнымъ со стороны г. Струкова, и источникомъ ея было только то, что онъ не имѣлъ случая вникнуть въ основанія системы, которой держится старая школа.

Но есть у насъ много людей, которые сознательно держатся основаній этой системы, и девизъ ея: laissez faire, laissez passer, считаютъ верховною, непреложною истиною экономической науки. Нашъ «Экономическій Указатель» объявляетъ себя приверженцемъ этой школы. Не всѣ статьи журнала написаны въ ея исключительномъ духѣ,—о, далеко не всѣ,—но общее направленіе журнала таково. Обыкновенно, послѣдователи системы laissez faire, laissez passer, бываютъ противниками общиннаго начала. Мы желали бы знать, что думаетъ о немъ «Экономическій Указатель, и потому просимъ его или признать справедливыми или опровергнуть научнымъ образомъ слѣдующія положенія, составляющія сущность вышеизложенныхъ замѣчаній.

1) Принципъ общиннаго пользованія землею самъ по себѣ не можетъ быть признанъ несовмѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства.

2) Напротивъ, по достиженіи государствомъ извѣстной степени экономическаго развитія, опредѣляемой сильнымъ развитіемъ торговли и устройствомъ улучшенныхъ путей сообщенія (пароходства и желѣзныхъ дорогъ), общинное пользованіе землею представляется единственнымъ средствомъ избавить огромное большинство земледѣльческаго населенія отъ бѣдствій, соединенныхъ съ батрачествомъ и нищетою, необходимымъ слѣдствіемъ батрачества.

3) Англія и Франція вступили уже въ этотъ періодъ.

4) Даже и въ предшествующее время, когда при слабомъ развитіи торговли и путей сообщенія, дѣйствія закона безграничной конкурренціи не были бы еще такъ ощутительны, мнимыя неудобства общиннаго пользованія землею для усиленія производства далеко превышаются выгодными слѣдствіями общиннаго пользованія для благосостоянія массы земледѣльческаго населенія.

5) Потому и въ настоящее время благо государства, тождествен-

ное съ благомъ большинства земледѣльческаго населенія, требуетъ сохраненія общиннаго пользованія землею.

6) Всѣ возраженія противъ общиннаго пользованія землею не касаются его принципа, а относятся только къ одному изъ способовъ этого пользованія (ежегодному передѣлу земель) и легко устраняются при другихъ способахъ, между прочимъ, при передѣлѣ на продолжительные сроки съ вознагражденіемъ, отъ общины, прежняго обработывателя за улучшеніе земли, если по передѣлу участокъ или клинъ участка переходитъ къ другому члену общины.

Послѣднее положеніе въ сущности является только развитіемъ перваго, и такимъ образомъ весь рядъ положеній представляется одною цѣльною системою, жизненное значеніе которой сосредоточивается въ пятомъ положеніи. Мы согласны признать всю систему опровергнутою, если будетъ научными доказательствами опровергнуто хотя одно изъ составляющихъ ея положеній.

Вопросъ такъ важенъ, что «Экономическій Указатель», служащій теперь главнымъ органомъ распространенія у насъ политико-экономическихъ понятій, долженъ опредѣлительно высказать свое мнѣніе. Повторять, кстати и не кстати, выходки противъ общиннаго начала, давно опровергнутыя наукою, легко. Но такой методъ несправедливъ и не ведетъ ни къ чему полезному. Кто хочетъ сказать, что принципъ общиннаго пользованія землями долженъ быть брошенъ нами, какъ невыгодный для государственнаго благосостоянія, тотъ долженъ серьезными научными доводами доказать, что ни при какомъ способѣ общинный принципъ не можетъ быть полезнѣйшимъ для государственнаго благосостоянія. Кто не можетъ доказать этого, тотъ не имѣетъ научнаго права говорить противъ общиннаго принципа пользованія землею. И потому, молчаніе со стороны «Экономическаго Указателя» мы должны будемъ принять или какъ выраженіе согласія съ высказаннымъ нами убѣжденіемъ относительно общиннаго пользованія землями, или какъ слѣдствіе безсилія опровергнуть научнымъ образомъ это убѣжденіе.

Читатель видитъ, что мы предлагаемъ людямъ, думающимъ не одинаково съ нами объ общинномъ принципѣ, или признаться въ своемъ безсиліи опровергнуть убѣжденіе, которое, намъ кажется, неоспоримо доказано наукою экономическаго быта, или начать пренія, какія постоянно ведутся въ Западной Европѣ. Читатель видитъ, что въ этомъ преніи мы уступаемъ всѣ выгоды тѣмъ, кото-

рымъ предлагаемъ преніе. Мы первые выставляемъ положенія, кажущіяся намъ справедливыми, и предлагаемъ опровергнуть ихъ,—такимъ образомъ, мы становимся въ положеніе оборонительное, которое вообще признается менѣе выгоднымъ, нежели наступательное. Мало того: мы такъ убѣждены въ непоколебимости научной истины, нами защищаемой, что согласны признать себя побѣжденными не только въ томъ случаѣ, когда будутъ опровергнуты всѣ основанія, на которыхъ опирается она, но даже если будетъ опровергнуто хотя одно изъ этихъ основаній. Всѣ возможныя выгоды пренія предоставляются нами противникамъ общиннаго пользованія землею,—и если при такихъ выгодахъ они откажутся принять предлагаемое преніе или не выдержатъ его, это будетъ очевиднымъ для всѣхъ свидѣтельствомъ безмѣрной слабости научныхъ возраженій противъ общиннаго начала, и равно очевиднымъ для всѣхъ свидѣтельствомъ научной непоколебимости его.

Но мы забыли о славянофилахъ, съ которыхъ начали рѣчь? — Напротивъ, теперь именно и дѣлается понятнымъ то, почему они заслуживаютъ симпатіи отъ людей, умѣющихъ ставить существенно важные вопросы жизни выше мелкихъ несогласій въ отвлеченныхъ теоріяхъ о Востокѣ и Западѣ. Мы старались представить во всей его важности одинъ изъ такихъ вопросовъ, стоящихъ выше мелочныхъ, или туманныхъ пунктовъ раздѣленія между славянофилами и неславянофилами. И если теперь мы скажемъ, что объ этомъ вопросѣ славянофилы, какъ намъ кажется, думаютъ основательнѣе, нежели большая часть людей, готовыхъ подсмѣиваться надъ промахами и пристрастіями славянофиловъ, то конечно читатели легко объяснятъ себѣ, почему мы, несмотря на частые промахи нѣкоторыхъ ея послѣдователей, — промахи, осуждаемые нами не менѣе, нежели кѣмъ нибудь другимъ,—несмотря на всѣ теоретическія заблужденія очень многихъ послѣдователей этой партіи, — заблужденія, несостоятельность которыхъ чувствительна для насъ не менѣе, нежели для кого нибудь другаго, — все-таки продолжаемъ считать эту дѣятельность полезною для нашего общества. Возвращаемся же къ вопросу, выставленному нами въ примѣръ превосходства, какое, по существеннымъ для жизни стремленіямъ, славянофилы имѣютъ надъ многими изъ тѣхъ людей, которыхъ имъ угодно сливать въ одну партію западниковъ, хотя между этими людьми нѣтъ ровно

ничего общаго, кромѣ недовольства спеціально славянофильскими особенностями.

Важность распространенія здравыхъ понятій о вопросѣ, касательно необходимости для національнаго благосостоянія сохранить господствующее у насъ общинное пользованіе землею, чрезвычайно велика. Но примѣръ западнаго населенія, бѣдствующаго отъ утраты этого принципа, не имѣетъ надъ большинствомъ нашихъ экономистовъ такой силы, какъ лишенныя всякихъ дѣльныхъ основаній изрѣченія тѣхъ политико-экономическихъ авторитетовъ, которыхъ они привыкли держаться. Славянофилы въ этомъ случаѣ не таковы. Они знаютъ смыслъ урока, представляемаго намъ участью англійскихъ и французскихъ земледѣльцевъ, и хотятъ, чтобы мы воспользовались этимъ урокомъ. Они считаютъ общинное пользованіе землями, существующее нынѣ, важнѣйшимъ залогомъ, необходимѣйшимъ условіемъ благоденствія земледѣльческаго класса. Въ этомъ случаѣ, они высоко стоятъ надъ многими изъ такъ называемыхъ западниковъ, которые почерпаютъ свои убѣжденія въ устарѣлыхъ системахъ, принадлежащихъ по духу своему минувшему періоду односторонняго увлеченія частными правами отдѣльной личности, и которые необдуманно готовы возставать противъ нашего драгоцѣннаго обычая, какъ несовмѣстнаго съ требованіями этихъ системъ, несостоятельность которыхъ уже обнаружена наукою и опытомъ западно-европейскихъ народовъ. Всѣ теоретическія заблужденія, всѣ фантастическія увлеченія славянофиловъ съ избыткомъ вознаграждаются уже однимъ убѣжденіемъ ихъ, что общинное устройство нашихъ селъ должно остаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ.

Мы представили одинъ примѣръ превосходства славянофиловъ надъ многими изъ такъ называемыхъ западниковъ. Число этихъ примѣровъ легко было бы умножить еще тремя, четырьмя очень важными. Но довольно и одного, по нашему мнѣнію, важнѣйшаго, который указали мы, чтобы съ уваженіемъ смотрѣть на нихъ, какъ на дѣятелей полезныхъ.

Читатели, зная нашъ образъ мыслей, не могутъ конечно предполагать въ насъ особеннаго расположенія къ тѣмъ примѣсямъ славянофильской системы, которыя находятся въ противорѣчіи и съ идеями, выработанными современною наукою, и съ характеромъ нашего племени. Но мы повторяемъ, что выше этихъ заблужденій

есть въ славянофильствѣ элементы здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія. И если уже должно дѣлать выборъ, то лучше славянофильство, нежели та умственная дремота, то отрицаніе современныхъ убѣжденій, которое часто прикрывается эгидою вѣрности западной цивилизаціи, причемъ подъ западною цивилизаціею понимаются чаще всего системы, уже отвергнутыя западною наукою, и факты, наиболѣе прискорбные въ западной дѣйствительности,—не говоря ужь о замѣненіи общинной поземельной собственности полновластною, личною.

Говоря о славянофилахъ, необходимо вспомнить, что въ Москвѣ явилась новая еженедѣльная газета «Молва», которая, какъ съ перваго взгляда видно, дѣйствительно есть органъ славянофиловъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части ихъ. Мы прочли до сихъ поръ три нумера этой газеты и желаемъ, чтобы слѣдующіе были лучше, чего и хотимъ надѣяться. Больше сказать о «Молвѣ» пока нечего; развѣ, какъ одно изъ необходимыхъ условій улучшенія, замѣтить ей, что защищать дѣла, безвозвратно проигранныя, безполезно, а если проигранное дѣло было притомъ еще дурно, то защищать его не только безполезно, но и вредно для собственной доброй славы. Дѣло г. В. Григорьева, написавшаго дурныя статьи о покойномъ Грановскомъ, было дурно; г. В. Григорьевъ былъ недавно наказанъ за то въ № 6-мъ «Русскаго Вѣстника». Наказаніе это жестоко, но совершенно справедливо. Защитить г. Григорьева никакимъ образомъ нельзя. А «Молва» пробуетъ защищать его. Это совершенно напрасное самопожертвованіе. Но что̀ же дѣлать славянофиламъ послѣ жестокаго урока, даннаго имъ за г. В. Григорьева? Остерегаться впредь помѣщенія статей, заслуживающихъ такіе жестокіе уроки. «Надобно быть осторожнѣе въ выборѣ друзей»—кромѣ этой мудрой сентенціи, славянофилы не могутъ ничего извлечь изъ дѣла о г. В. Григорьевѣ. Мы опасаемся, что защищеніе дѣла г. И. Крылова столь же напрасно.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

МАЙ 1857.

Съ того времени, какъ вновь оживилась русская литература, интересъ споровъ, возбуждавшихся въ ней, заключался преимущественно въ идеяхъ, о которыхъ различными партіями высказывались различныя мнѣнія. Вопросы о вредѣ, который приноситъ государственному организму взяточничество, и средствахъ къ искорененію этого дурнаго обычая, о преимуществахъ низкаго тарифа надъ высокимъ, о направленіи желѣзныхъ дорогъ, о выгодахъ, какихъ можно ожидать отъ нихъ, о различныхъ преобразованіяхъ въ нашемъ сельско-хозяйственномъ бытѣ, и множество другихъ подобныхъ тому вопросовъ,—всѣ они имѣли интересъ, совершенно независимый отъ вопроса о личномъ достоинствѣ людей, которыми велись эти споры. Кому, напримѣръ, была какая нибудь надобность знать степень учености г. Бланка, кому было любопытно узнать, по какимъ именно побужденіямъ написалъ онъ статейку, подавшую поводъ къ блистательнымъ возраженіямъ гг. Безобразова и Чичерина, обратившимъ на себя общее вниманіе? Личностью г. Бланка не интересовался ровно никто изъ читателей. Всѣ были заняты единственно идеями, о которыхъ шелъ споръ. Даже въ спорахъ «Русскаго Вѣстника» съ «Русскою Бесѣдою» о народномъ воззрѣніи, о достоинствахъ и недостаткахъ стариннаго русскаго быта, дѣло шло о научной достовѣрности того или другаго воззрѣнія, а не о качествахъ людей, защищавшихъ то или другое мнѣніе. Если тотъ или другой изъ людей, защищавшихъ извѣстное мнѣніе, подвергался порицанію отъ своихъ противниковъ, то единственно за неосновательность мнѣній или нелогичность тѣхъ выводовъ, которыхъ онъ держался вмѣстѣ съ своею партіею, но не за личные свои недостатки. Если

кому нибудь случалось дѣлать ошибку, принадлежащую лично ему, но не всей той партіи, представителемъ или защитникомъ которой онъ являлся, то эта ошибка легко забывалась, какъ неважная для сущности дѣла. Это понятно. Дѣло шло объ основательности мнѣній цѣлой партіи, а не о достоинствахъ или недостаткахъ отдѣльныхъ лицъ.

Съ нѣкотораго времени обнаружилось иное направленіе въ нашей полемикѣ: ведутся споры о томъ, каковы права на ученый авторитетъ у г. В. Григорьева (въ статьѣ г. Павлова, и слѣдовавшихъ за нею), у г. И. Крылова (въ письмахъ Байбороды, и слѣдовавшихъ за ними статьяхъ), у г. Лебедева (въ письмахъ Военнаго Байбороды). Въ послѣдніе полтора или два мѣсяца именно эти споры объ авторитетахъ отдѣльныхъ лицъ наиболѣе занимали публику, по крайней мѣрѣ здѣсь и въ Москвѣ. (Впечатлѣнія, произведеннаго этимъ новымъ родомъ полемики на читателей въ провинціяхъ, мы еще не знаемъ опредѣлительно. Но есть вѣроятность предполагать, что провинціи менѣе столицъ заинтересованы этими новыми спорами, и признавая литературное достоинство въ письмахъ Байбороды, Челышевскаго и Ярослава, не находятъ особенно любопытнымъ ихъ содержаніе, хотя и считаютъ его справедливымъ). Такое вниманіе, обращенное на полемику, имѣющую предметомъ лица, а не идеи, нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ читателей не совсѣмъ нравилось. Мы имѣли случай встрѣчаться съ людьми вполнѣ достойными уваженія, которые, признавая, напримѣръ (какъ и требуетъ справедливость), что въ спорахъ «Русскаго Вѣстника» съ гг. Григорьевымъ и Крыловымъ и ихъ партизанами, не только литературное и ученое превосходство, но и вся правда дѣла находится на сторонѣ «Русскаго Вѣстника», не совсѣмъ довольны однакожь были тѣмъ, что споры эти приняли довольно широкій размѣръ, ведутся съ большимъ одушевленіемъ, и растянулись уже на нѣсколько книжекъ журнала, высоко уважаемаго этими людьми, какъ и всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи. Не то, чтобы дѣло «Русскаго Вѣстника» казалось несправедливо людямъ, въ противность своему обыкновенію порицающимъ его въ этомъ случаѣ; но они жалѣютъ о томъ, что подобные личные споры развлекаютъ вниманіе журналистики и публики, отвлекаютъ вниманіе отъ вопросовъ болѣе серьёзныхъ, отъ споровъ болѣе полезныхъ по ихъ мнѣнію. «Какая польза доставлена обществу (говорятъ эти люди) тѣмъ, что мы узнали степень ува-

женія, какого заслуживаетъ ученый авторитетъ гг. В. Григорьева и И. Крылова,—авторитетъ, о которомъ немногіе изъ насъ и слыхивали до той поры, какъ немногіе изъ насъ слыхивали о какой нибудь Санунъ-горѣ, пріобрѣтшей извѣстность, единственно благодаря тѣмъ выстрѣламъ, которые были съ успѣхомъ на нее направлены? Какой изъ вопросовъ науки или жизни хотя на шагъ подвинулся впередъ всѣми этими «Изобличительными письмами», которыя впрочемъ написаны съ большимъ талантомъ? Мы узнали только, что г. И. Крыловъ, о которомъ мы прежде ровно ничего не знали, не долженъ быть признаваемъ нами за знатока римскихъ древностей и латинскаго языка. Нѣчего сказать, — важное пріобрѣтеніе для насъ такое новое свѣдѣніе! А между тѣмъ время, потраченное на это людьми, какъ видно дѣйствительно учеными и талантливыми, могло быть съ пользою употреблено на разъясненіе какого нибудь дѣйствительно важнаго вопроса науки или жизни. Жаль, что въ этихъ случаяхъ полемика наша по какому-то капризу уклонилась на дорогу, нимало не нужную, и ни къ чему, истинно полезному, не ведущую».

Такія порицанія намъ кажутся совершенно ошибочными. Наше мнѣніе объ этомъ предметѣ не можетъ ни кѣмъ быть заподозрѣно въ какой нибудь пристрастности. Мы не принимали никакого участія въ той полемикѣ новаго рода, о которой идетъ рѣчь, и до настоящаго времени не видимъ никакихъ причинъ, которыя могли бы побудить насъ принять участіе въ спорахъ «Русскаго Вѣстника» съ партизанами г. И. Крылова, г. В. Григорьева и прочихъ. Въ этихъ спорахъ мы до сихъ поръ оставались, и намѣрены остаться людьми, совершенно посторонними. Стало быть, и мнѣніе наше чуждо всякихъ личныхъ отношеній и основано только на сущности самого дѣла.

Прежде всего надобно замѣтить, что напрасно было бы считать новый оборотъ, принятый литературными спорами, дѣломъ случайности или прихоти со стороны «Русскаго Вѣстника». Таковъ неизбѣжный ходъ дѣла. Начинается споръ о какомъ нибудь ученомъ вопросѣ. Сначала онъ ведется съ той и другой стороны доказательствами чисто учеными; — одна изъ ведущихъ споръ партій скоро замѣчаетъ, что доказательства ея слабы; тогда она, по необходимости, должна искать другихъ пособій, чтобы поддержать свое дѣло. Ближайшимъ и совершенно законнымъ средствомъ защиты пред-

ставляется ей ссылка на авторитетъ. Не будучи въ состояніи доказать прямымъ образомъ, что наука свидѣтельствуетъ въ ея пользу, ослабѣвающая сторона старается доказывать, что вотъ такіе-то и такіе-то великіе ученые свидѣтельствуютъ въ ея пользу. Этотъ оборотъ, сказали мы, совершенно законенъ. Ничто не можетъ быть естественнѣе и справедливѣе желанія подтвердить свое мнѣніе мнѣніями ученыхъ. Спрашивается теперь: можетъ ли другая партія отказаться отъ необходимости слѣдовать за своими противниками на этотъ новый путь? Никакъ не можетъ, еслибъ и хотѣла того. Честь и совѣсть обязываютъ ее продолжать преніе на новыхъ основаніяхъ, выставленныхъ противниками. Наука не существуетъ въ отвлеченности. Она выражается въ произведеніяхъ людей, признаваемыхъ ея представителями. Истина въ наукѣ въ данное время есть то, что признается за истину передовыми людьми этой науки въ данное время. Огромное большинство публики, для пользы котораго всегда должна существовать литература, состоитъ не изъ спеціалистовъ, гордящихся самостоятельностію своихъ воззрѣній, а изъ людей, которые скромно говорятъ: «болѣе, нежели собственному суду мы довѣряемъ мнѣніямъ великихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ». И такъ, въ какое положеніе ставитъ своихъ противниковъ партія, начинающая ссылаться на авторитеты? Она говоритъ публикѣ: «Наши противники искажаютъ науку, заставляя ее говорить въ свою пользу. Наука говоритъ въ нашу пользу, потому что вотъ такіе-то и такіе-то великіе ученые говорятъ тоже самое, что и мы». Если бы эти слова были оставлены безъ возраженій, дѣло было бы проиграно во мнѣніи публики тѣми людьми, которые теперь обвиняются въ противорѣчіи съ авторитетами науки. Большинство публики, недовѣряя собственному сужденію, положилось бы на мнѣніе людей, выставляемыхъ ему какъ авторитеты науки и согласилось бы съ мнѣніемъ партіи, сославшейся на эти авторитеты. Между тѣмъ, противная партія убѣждена, что это мнѣніе есть заблужденіе. И такъ, она считала бы себя отступницею отъ дѣла истины, если бы не подвергла критикѣ передъ глазами публики тѣхъ основаній, по которымъ ея противники заставляютъ вѣрить себѣ публику. И такъ, выставленные авторитеты должны быть подвергнуты критикѣ, — и вотъ, по необходимости, начинается споръ о томъ, дѣйствительно ли такой-то ученый, выставляемый представителемъ науки, есть великій ученый и дѣйствительно ли онъ долженъ счи-

таться представителемъ науки? Вы видите, что отъ общихъ вопросовъ объ идеяхъ споръ перешелъ къ вопросу объ ученыхъ заслугахъ такого-то или такого-то человѣка. Вы видите, что это не могло быть иначе. Каждый шагъ, дѣлаемый преніемъ, необходимъ и совершенно законенъ. Кто говоритъ: «пусть ведутся споры объ ученыхъ предметахъ, но не переходятъ въ споры объ ученыхъ качествахъ отдѣльныхъ лицъ», тотъ говоритъ: «я не хочу, чтобы люди, ведущіе ученый споръ, пользовались совершенно законными и необходимыми средствами для защиты того мнѣнія, которое кажется имъ истиною. Я хочу, чтобы люди, желающіе защищать истину, соглашались безотвѣтно видѣть торжество заблужденія. Я хочу, чтобы всякая ревность къ защитѣ истины служила только для торжества заблужденій». По нашему мнѣнію, такой человѣкъ поступилъ бы лучше, если бы откровенно сказалъ: «я не хочу, чтобъ была защищаема истина. Я хочу, чтобы умъ публики дремалъ, чтобы ученые молчали». Такія слова были бы, по крайней мѣрѣ, искренни. Въ искренности есть что-то благородное и привлекательное. Признаемся, желаніе, столь откровенно выраженное, показалось бы намъ обольстительно по своей прямотѣ, и мы были бы расположены даже сочувствовать ему, если бы успѣли убѣдиться въ томъ, что оно удобоисполнимо. Въ самомъ дѣлѣ, какая пріятная перспектива открывается этимъ желаніемъ! Публика не тревожится никакими мыслями, безмятежно наслаждается своимъ житейскимъ, семейнымъ и общественнымъ счастіемъ. Солнце такъ кротко и ясно свѣтитъ на поля и города. Деревья зеленѣютъ, и подъ каждымъ деревомъ мирно сидитъ доброе и счастливое семейство, ведя пріятный и мирный разговоръ о томъ, какъ хороша погода, о томъ, каковъ будетъ нынѣ урожай хлѣбовъ и тому подобныхъ, пріятныхъ и безобидныхъ предметахъ. Мы любители всякихъ идиллій. Необходимымъ условіемъ каждой идилліи предполагается то, чтобы не было ни журнальной полемики, ни толковъ о журналахъ или книгахъ, ни даже мысли о нихъ. О, какъ были бы мы счастливы, если бы могли обратиться въ Меналковъ и Тирсисовъ! Мы играли бы на свирѣляхъ, мы пасли бы нашихъ овечекъ, и мы сами были бы похожи на кроткихъ овечекъ. Усладительная, обольстительная картина! Не только журнальной полемикой, всѣми журналами можно бы пожертвовать, если бы такой цѣной возможно было купить подобное счастіе.

Къ сожалѣнію нельзя его купить принесеньемъ въ жертву не только журнальной полемики или журналовъ, не только всѣхъ ученыхъ и литераторовъ, но даже и всѣхъ грамотныхъ людей. Люди, преданные литературѣ и наукѣ, слишкомъ преувеличиваютъ силу науки и литературы надъ народнымъ сознаніемъ. Ученые и литераторы вовсе не имѣютъ такой власти надъ развитіемъ общества, чтобы слова ихъ могли разбудить его, если оно спитъ, чтобы молчаніе ихъ могло усыпить его, если оно проснулось. Не книгами, не журналами, не газетами пробуждается духъ націи,—онъ пробуждается событіями. Не шумные толки французскихъ журналовъ погубили Наполеона, — при немъ и не было никакихъ толковъ. Его погубилъ походъ 1812 года. Не русскіе журналы пробудили къ новой жизни русскую націю, — ее пробудили славныя опасности 1812 года. О, если бы на землѣ былъ человѣкъ, который могъ бы управлять по произволу ходомъ историческихъ событій, тогда, быть можетъ, могла бы осуществиться наша идиллія о Тирсисахъ и Меналкахъ! Но этотъ человѣкъ долженъ былъ бы властвовать, по крайней мѣрѣ, надъ всею Европою и Америкою;—да и того мало: если бы оставался хотя гдѣ нибудь клочокъ земли неподвластный ему, на этомъ клочкѣ могли бы возникнуть столкновенія, которыя повели бы къ результатамъ и не предвидѣннымъ и неотвратимымъ. Думалъ ли лордъ Пальмерстонъ, столь гордо повелѣвающій морями, что какой нибудь ничтожный мандаринъ Ихъ, который не можетъ выслать на море эскадры, способной противиться хотя четверть часа, хотя одному слабѣйшему всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ кораблей, какими повелѣваетъ Пальмерстонъ,—думалъ ли, говоримъ мы, лордъ Пальмерстонъ, что этотъ ничтожный мандаринъ Ихъ принудитъ его измѣнить свою политику, принудитъ его соглашаться на законы, которымъ семьдесятъ лѣтъ противился Пальмерстонъ, принудитъ его кланяться своему врагу Росселю, лишитъ его, быть можетъ, его сана? Конечно, Пальмерстону и во снѣ не снилось того, однакожь такъ случилось. Вздумалъ Ихъ обидѣть какихъ-то англичанъ; вздумалъ Пальмерстонъ наказать за то Иха, и не могъ не наказывать его, потому что иначе осудила бы Пальмерстона вся Англія; вздумалъ Парламентъ разсмотрѣть, какія мѣры принялъ Пальмерстонъ для наказанія Иха, и вздумалъ выразить, что недоволенъ этими мѣрами. Силенъ былъ Пальмерстонъ; не покорился онъ Парламенту, а распустилъ его и созвалъ новый Парламентъ,—

и успѣшно, повидимому, было это дѣло для Пальмерстона. Много усилилось въ сравненіи съ прежнимъ число его приверженцевъ въ Парламентѣ, и одобрилъ новый Парламентъ мѣры, принятыя Пальмерстономъ противъ Иха. Только того и нужно было Пальмерстону; теперь онъ считалъ себя всемогущимъ; но не то вышло на дѣлѣ. Благопріятны были парламентскіе выборы для Пальмерстона, но уже черезъ чуръ благопріятны. Усилились люди, поддерживавшіе его политику, но усилились до того, что перестали опасаться своихъ противниковъ, перестали, слѣдовательно, и нуждаться въ Пальмерстонѣ и, безъ церемоніи, сказали ему: «если ты хочешь удержаться на своемъ мѣстѣ, то слушайся насъ и исполняй всѣ наши требованія; а мы требуемъ, между прочимъ, чтобы ты сталъ защитникомъ парламентской реформы, улучшеній въ судопроизводствѣ, улучшеній въ администраціи,—словомъ, чтобы ты защищалъ все то, противъ чего боролся ты цѣлыя семьдесятъ лѣтъ. До сихъ поръ былъ ты властелиномъ надъ Англіей, а теперь будь ты нашимъ покорнѣйшимъ слугой; а иначе прогонимъ мы тебя съ твоего мѣста и посадимъ на это мѣсто твоего врага, а нашего друга и предводителя лорда Джона Росселя, который намъ нравится гораздо болѣе нежели ты». А Джонъ Россель прибавилъ: «пока вы, милордъ Пальмерстонъ, будете служить мнѣ вѣрой и правдой, я, по своей снисходительности, не буду сгонять васъ съ вашего мѣста; а при первомъ ослушаніи вашемъ принужденъ буду, прогнавъ васъ, занять ваше мѣсто. Извольте же кланяться мнѣ, какъ можно пониже и исполнять мои приказанія». И пришлось Пальмерстону изъ господина сдѣлаться слугою. Такую штуку съигралъ надъ нимъ ничтожный мандаринъ Ихъ. Спрашивается теперь: много ли пользы принесло Пальмерстону то, что англійская журналистика была на его сторонѣ, и много ли вреда принесло Джону Росселю то, что англійская журналистика была на сторонѣ его врага? Спрашивается также: много ли выигралъ бы лордъ Пальмерстонъ, если бы не было въ Англіи ни одной газеты, пока остается на свѣтѣ мандаринъ Ихъ?

Въ послѣднее время, когда появилось въ нашихъ журналахъ нѣсколько дѣльныхъ мыслей, нѣсколько интересныхъ статей, появились также у насъ люди, вообразившіе, будто журналистика имѣетъ какую-то чрезвычайно огромную силу, такъ что развѣ только горъ не можетъ сдвигать съ мѣста, да и то развѣ только ужь слишкомъ

большихъ, а людьми и умами ихъ можетъ ворочать по своему произволу. Многіе простодушные люди очень обрадовались такому открытію, а иные еще болѣе простодушные сильно перепугались, сильнѣе, нежели при извѣстіи, что 13 іюля текущаго года наскочитъ на землю какая-то комета и перевернетъ всю землю вверхъ дномъ. «Если вся земля перевернется отъ кометы вверхъ дномъ, это еще ничего, думаютъ они:—будемъ какъ нибудь жить и на перевернутой землѣ; но вотъ бѣда, если въ самомъ дѣлѣ у каждаго изъ насъ въ головѣ все перевернется вверхъ дномъ отъ журналистики. Что тогда будетъ? Сумятица страшная. Взяточники сдѣлаются героями честности, трусы героями, герои трусами, бараны волками, волки баранами: что тогда будетъ? А вѣдь это все можетъ сдѣлать журналистика. Какъ бы намъ предотвратить такое Столпотвореніе Вавилонское?»

Добрые люди! успокойтесь. Не въ силахъ журналистика поднять или остановить новое Столпотвореніе Вавилонское, да и первое Столпотвореніе Вавилонское не отъ нея произошло. Вспомните: вѣдь Немвродъ съ своими товарищами не читали ни газетъ, ни журналовъ, да и читать-то вовсе не умѣли. Не въ силахъ журналистика возбуждать или удерживать движеніе народовъ. Оно возбуждается или останавливается силою событій, которыя не отъ васъ съ нами, добрые люди, зависятъ. Не всегда зависятъ даже, какъ вы видите, и отъ лорда Пальмерстона. Оставьте всѣ ваши золотыя мечты о чрезвычайной силѣ журналистики. Мечты эти столь же были бы пріятны и намъ, какъ онѣ пріятны вамъ; но,—увы!—мечты эти—совершенное самообольщеніе, предаваться которому, значитъ гусиное перо принимать за локомотивъ или за одинъ изъ тѣхъ кораблей, которыхъ такъ много у лорда Пальмерстона.

Иные изъ людей, преданныхъ интересамъ просвѣщенія, науки, литературы, могутъ сказать, что мы очень неудовлетворительно думаемъ о силѣ литературы. Но что же дѣлать? Истина, хотя бы и невыгодная, лучше самого пріятнаго самообольщенія. Къ сожалѣнію, надобно признаться, что типографскій станокъ не можетъ ни дѣятельностью своей пробудить народный духъ, ни бездѣйствіемъ своимъ усыпить его. То и другое зависитъ отъ событій. Печатный листъ имѣетъ совершенно другое значеніе. Онъ придаетъ мирный и разумный характеръ мысли, пробуждаемой событіями. Онъ не въ силахъ не только пробуждать ее, онъ не въ силахъ даже, когда

она пробудилась, сообщить ей то или другое направленіе, привлечь ее къ тѣмъ или другимъ стремленіямъ. Все это зависитъ отъ событій, надъ которыми не властенъ не только журнальный листъ или слабая рука, его писавшая, но не властны и сильнѣйшіе люди на землѣ. Одна только сила принадлежитъ литературѣ: сообщать разумный и мирный характеръ тѣмъ стремленіямъ, которыя и рождаются, и укрѣпляются, и исчезаютъ по власти событій. Зато въ этомъ дѣлѣ помощь литературы не замѣнима ничѣмъ. Представимъ себѣ хотя такой примѣръ. Вслѣдствіе справедливыхъ требованій Россіи, Западныя Державы соединились съ нею для наложенія на Турцію обязательства сравнять христіанскихъ подданныхъ султана въ правахъ съ его мусульманскими подданными. Это справедливое требованіе, во что бы то ни стало, должно быть исполнено турецкимъ правительствомъ. Могущество трехъ державъ, наложившихъ эту обязанность, ручается за непремѣнное ея выполненіе. Надобно прибавить, что только исполненіе этой обязанности можетъ спасти Турцію отъ внутренняго распаденія и совершенной погибели по внутреннимъ неурядицамъ. Но исполненіе этой обязанности соединено для турецкаго правительства съ затрудненіями очень тяжелыми. Мусульманскій фанатизмъ и османская національная надменность одинаково возстаютъ при мысли о дарованіи турецкимъ христіанамъ правъ, равныхъ съ правами мусульманъ. Читатели знаютъ изъ газетъ, сколько страшныхъ и гнусныхъ сценъ производится мусульманскимъ населеніемъ при обнародованіи и исполненіи мѣръ, ведущихъ къ этой цѣли. Само собою разумѣется, что всѣ эти звѣрскія сцены, производимыя мусульманами, не доставятъ имъ успѣха. Турція не можетъ не исполнить договора, исполненіе котораго требуется тремя державами, изъ которыхъ каждая въ десять разъ сильнѣе Турціи. Многимъ обидамъ подвергаются и будутъ подвергаться турецкіе христіане, но за каждую изъ этихъ обидъ налагается турецкимъ правительствомъ тяжелое мщеніе на преступниковъ мусульманъ. Какъ ни упорно сопротивленіе съ ихъ стороны, но дѣло, которому они противятся, совершается и будетъ совершено, хотя бы тысячи христіанъ были побиты фанатическими османами, хотя бы десятки и сотни тысячъ этихъ фанатиковъ, въ наказаніе за свои мятежи противъ христіанъ, погибли. Таково положеніе страны, въ которой народъ не привыкъ совѣтоваться съ печатнымъ листомъ о своихъ мнѣніяхъ и поступкахъ. Предположимъ

теперь, что въ Турціи въ настоящее время существовала бы журналистика, какъ у насъ, и турецкіе мусульмане имѣли бы привычку читать журналы, — что было бы тогда? Люди, приписывающіе печатному листу ту силу, какой онъ не имѣетъ, воображающіе, что онъ можетъ поднимать или заглушать народныя стремленія, скажутъ, пожалуй, что литература истребила бы въ турецкихъ мусульманахъ ихъ мусульманскій фанатизмъ и ихъ нелѣпую османскую національную гордость, и что османы съ радостію приняли бы издаваемые теперь ихъ правительствомъ законы о вѣротерпимости и уравненіи христіанъ въ правахъ съ ними, османами.

Мы уже сказали, что вовсе не раздѣляемъ подобныхъ мечтаній, кажущихся намъ грустными или забавными, смотря по тому, пагубны или только смѣшны бываютъ послѣдствія ошибокъ, въ которыя вовлекаются люди этими мечтаніями, но во всякомъ случаѣ кажущихся намъ одинаково нелѣпыми. Нѣтъ, ни фанатизма мусульманскаго, ни нелѣпыхъ мусульманскихъ предразсудковъ не истребила бы турецкая журналистика. Народныя привычки измѣняются только событіями народной жизни. Турецкіе журналы, защищающіе вѣротерпимость и уваженіе къ національностямъ, стали бы читаться только тѣми немногими изъ османовъ, которые и безъ того уже расположены къ вѣротерпимости и уваженію національностей. Все остальное безчисленное османское населеніе читало бы журналы согласные съ его убѣжденіями, то-есть журналы, проникнутые духомъ мусульманскаго фанатизма и османской исключительной національности. Но дѣло въ томъ, что каждый изъ фанатиковъ османской журналистики былъ бы знакомъ съ содержаніемъ Парижскаго трактата, имѣлъ бы нѣкоторое понятіе о силахъ Россіи, Англіи и Франціи и потому видѣлъ бы неизбѣжность того дѣла, которое ненавистно его сердцу. Потому, при всемъ своемъ фанатизмѣ, онъ убѣждалъ бы своихъ читателей согласиться, что султанъ дѣйствуетъ не по капризу, давая права христіанамъ, что сопротивленіе волѣ султана совершенно напрасно, потому что воля эта никакъ не можетъ измѣниться, что сопротивленіе законамъ султана, по необходимости, навлечетъ погибель на сопротивляющихся, и что потому благоразуміе требуетъ покорности предъ силою неизбѣжной необходимости. Для всякаго очевидно, что этими совѣтами со стороны турецкой журналистики значительно, чрезвычайно значительно облегчилось бы дѣло, предпринятое теперь турецкимъ правительствомъ.

По всей вѣроятности, не произошло бы тогда и сотой части тѣхъ мятежей, какіе нынѣ совершенно безполезно волнуютъ османское населеніе, сохранилась бы жизнь сотнямъ несчастныхъ христіанъ, убиваемыхъ нынѣ мусульманами, и десяткамъ тысячъ мусульманъ, казнимыхъ нынѣ за эти убійства.

Стремленія человѣка и потребности человѣка существуютъ независимо отъ литературы. Ни возбудить, ни усыпить, ни усилить, ни ослабить ихъ она не можетъ. Не можетъ она поставить человѣку новыхъ цѣлей, къ которымъ бы не стремился онъ и безъ нея. Надъ всѣмъ этимъ безсильна ея власть, надъ всѣмъ этимъ исключительно владычествуетъ сила событій, одинаково дѣйствующихъ на молчаливаго и разговорчиваго, на читающаго и не читающаго журналы. Но внести въ эти, независимыя отъ литературы, стремленія осмотрительность и благоразумie—это сдѣлать можетъ только литература. Только привычка совѣтоваться съ печатнымъ листомъ можетъ предохранить общество отъ опрометчивости. Итакъ, весь вопросъ состоитъ въ томъ, что лучше, опрометчивость или разсудительность при одномъ и томъ же стремленіи? При одинаковости событій не можетъ быть произведено никакого различія въ силѣ или направленіи мыслей общества тѣмъ обстоятельствомъ, будетъ или не будетъ имѣть оно литературу. Отъ этого обстоятельства зависитъ только то, опрометчива или благоразумна, тревожна или спокойна будетъ эта мысль.

Все это было сказано нами для того, чтобы объяснить, какимъ образомъ надобно смотрѣть на вопросъ о журналистикѣ и журнальной полемикѣ. Кто дорожитъ спокойствіемъ, благоразуміемъ въ мысляхъ общества, только тотъ долженъ желать успѣховъ литературѣ; всѣ другія надежды на нее, всѣ другія опасенія отъ нея совершенно неосновательны. Если вы желаете сохраненія въ обществѣ прежнихъ обычаевъ, не бойтесь литературы,—она не внесетъ въ общество никакихъ желаній, которыхъ бы и безъ нея не было въ обществѣ. Если вы желаете возбудить въ обществѣ какія нибудь новыя стремленія или измѣнить прежніе обычаи, не надѣйтесь на литературу,—она ни на волосъ не поможетъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Всѣ фразы о томъ, что литература служитъ распространительницею новыхъ стремленій въ обществѣ, фразы столь отрадныя, столь громкія—всѣ эти фразы, къ сожалѣнію, пустая мечта.

Многіе изъ нашихъ собратовъ готовы будутъ упрекнуть насъ

за невѣріе въ литературу ради этихъ послѣднихъ словъ, высказываемыхъ нами не безъ горькаго сожалѣнія о безсиліи печатнаго листа надъ направленіемъ общественныхъ стремленій, и высказываемыхъ только по глубокому убѣжденію въ несомнѣнности этой прискорбной правды. Да; къ сожалѣнію, литература безсильна возбуждать, ослаблять или измѣнять народныя стремленія. Посмотрите на Англію. Со временъ Мильтона всѣ великіе поэты и мыслители, которыми такъ богата была Англія, говорили въ пользу вѣротерпимости; а давно ли было въ Англіи гоненіе со стороны всего общества противъ католиковъ? Давно ли кардиналъ Уайзмэнъ долженъ былъ искать за границею спасенія отъ ненависти англійской націи за то, что онъ католическій архіепископъ? Двѣсти лѣтъ постоянныхъ усилій со стороны журналистики и литературы, могущественнѣйшей въ мірѣ,—и въ результатѣ этихъ усилій—преслѣдованіе всею англійскою націею католическаго архіепископа! Хотите ли другой примѣръ? Съ той поры, какъ Шекспиръ высочайшею въ мірѣ похвалою могущественнѣйшему и лучшему изъ людей призналъ слова: «человѣкъ былъ онъ», вся литература Англіи неумолкаемо твердила о неприкосновенныхъ правахъ, врожденныхъ человѣку; и однакоже до сихъ поръ во всей силѣ сохраняется въ Англіи безчеловѣчный обычай, по которому въ противность родительской любви, въ противность братской любви, всѣ дѣти приносятся въ жертву старшему сыну. Изъ человѣческихъ правъ, какое можетъ быть священнѣе, нежели право дѣтей на равенство передъ отцомъ, право отца равно желать добра всѣмъ своимъ дѣтямъ? Оно не признается обычаемъ Англіи ни относительно дочерей, ни относительно всѣхъ младшихъ сыновей. Двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ неумолкаемой проповѣди о достоинствѣ человѣка, и въ результатѣ—ничтожество человѣка сравнительно съ преимуществами старшаго сына!

Говорите послѣ этого о силѣ литературы надъ народными стремленіями,—ваши слова будутъ прекрасны, возвышенны, но къ сожалѣнію они—пустыя слова. Не даетъ литература народу новыхъ стремленій; безсильна она въ этомъ дѣлѣ, надъ которымъ владычествуетъ могущество событій.

Но какъ безсильна литература въ томъ дѣлѣ, относительно котораго существуетъ различіе партій и интересовъ, котораго желаютъ одни, которому противятся другіе, въ дѣлѣ измѣненія народ-

ныхъ обычаевъ и стремленій; точно также сильно и незамѣнимо ничѣмъ ея вліяніе въ томъ дѣлѣ, относительно котораго никогда не бываетъ разнорѣчія между благоразумными и благонамѣренными людьми,—въ дѣлѣ сообщенія національному характеру и національнымъ стремленіямъ хода благоразумнаго и осмотрительнаго. Потому вопросъ о литературѣ не есть дѣло партій; подобно вопросу о національной чести, о національномъ могуществѣ, о національномъ благосостояніи, это дѣло патріотизма вообще. Можно спорить о томъ, какія именно стремленія въ данное время наиболѣе полезны для націи, какія изъ потребностей ея требуютъ удовлетворенія и какими способами могутъ быть удовлетворены онѣ. Но невозможно для каждаго благоразумнаго человѣка, каковы бы ни были его мнѣнія объ этихъ частныхъ вопросахъ, не соглашаться со всѣми остальными благоразумными людьми въ желаніи успѣховъ литературѣ — это значило бы сомнѣваться въ необходимости благоразумія и осмотрительности. Невозможно ему, каковы бы ни были остальныя его цѣли, не помогать всѣмъ другимъ благоразумнымъ людямъ во всяческомъ содѣйствіи развитію литературы, — поступать иначе могъ бы только безумецъ, желающій преобладанія безразсудства и опрометчивости въ національномъ характерѣ. Степень благоразумія въ націи соразмѣряется съ степенью развитія литературы, потому что совершенно и исключительно зависитъ отъ нея.

Надобно ли теперь говорить о томъ, въ чемъ состоитъ необходимая и неизбѣжная сущность всякой литературы? Въ томъ, что она служитъ выразительницею различныхъ мыслей о тѣхъ вопросахъ, которые и безъ нея уже сильно занимаютъ націю и которые различными людьми разрѣшаются различно. Это понятіе о литературѣ такъ просто, и такъ необходимо принимается каждымъ хотя сколько нибудь знакомымъ, хотя съ какими нибудь литературными явленіями, что казалось бы не нужно и говорить о немъ. Но тѣ замѣчанія, изложеніемъ которыхъ началась наша статья, замѣчанія, слышанныя нами отъ людей совершенно благонамѣренныхъ и искреннихъ, доказываютъ къ сожалѣнію, что не всѣмъ еще благонамѣреннымъ людямъ, разсуждающимъ у насъ о литературѣ, знакомо само понятіе литературы. Остановимся же на немъ и разъяснимъ необходимость каждаго его термина.

«Вопросы, о которыхъ разсуждаетъ литература, и безъ литературы уже сильно занимаютъ національное сознаніе».—Еслибъ они

еще не занимали націю въ то время, когда литература только еще начинаетъ говорить о нихъ, то въ такомъ случаѣ ни у кого не было бы охоты читать эти разсужденія, и литература исчезла бы отъ равнодушія и пренебреженія публики. Кому охота слушать о томъ, что его не интересовало уже въ то время, когда начинался разсказъ? Съ первыхъ же словъ понявъ, что дѣло идетъ о предметѣ для него не интересномъ, онъ отвернулся бы и ушелъ.

«Вопросы эти занимаютъ націю не потому, что литература говоритъ о нихъ, напротивъ, литература говоритъ о нихъ только потому, что они безъ нея и прежде нея уже занимали народную мысль». Таково отношеніе всякихъ бесѣдъ: изустныхъ, письменныхъ и печатныхъ, къ предметамъ ихъ. Не потому собесѣдники заняты предметомъ, что бесѣдуютъ о немъ, напротивъ бесѣдуютъ о немъ только потому, что уже заняты имъ. Думать иначе можетъ только идіотъ, надъ тупоуміемъ котораго обязанъ отъ души посмѣяться или отъ души пожалѣть каждый человѣкъ, въ которомъ есть хотя искра здраваго смысла. Предположимъ: я вхожу въ общество и слышу, что бесѣда идетъ о псовой охотѣ. Я долженъ понять, если я не совершенный идіотъ, что собесѣдники—люди очень любящіе псовую охоту, что каждый изъ нихъ или имѣетъ, или желаетъ имѣть стаю гончихъ, что каждый изъ нихъ много разъ побывалъ уже и много разъ желалъ побывать въ отъѣзжемъ полѣ, преслѣдуя несчастныхъ зайцевъ. Если же я предположу, что собесѣдники до начала своей бесѣды не имѣли ни понятія о псовой охотѣ, ни расположенія къ ней, то я окажусь человѣкомъ совершенно лишеннымъ здраваго смысла, человѣкомъ, въ которомъ разсудка меньше, нежели въ самомъ трусливомъ и глупомъ зайцѣ. Идемъ далѣе, и предполагаемъ, что я узнаю о существованіи періодическаго изданія, называющагося «Журналъ Коннозаводства и Охоты». По прежнему, если есть во мнѣ хотя искра здраваго смысла, я долженъ понять, что люди, начинающіе читать этотъ журналъ, уже прежде, нежели начнутъ его читать, сильно заняты мыслями о коннозаводствѣ и охотѣ.

«Литература разсуждаетъ, изъ предметовъ, сильно занимающихъ общественную мысль, только о такихъ предметахъ, о которыхъ уже существуютъ и безъ литературы различныя мнѣнія». Общее и необходимое качество всякихъ бесѣдъ: печатныхъ, письменныхъ или изустныхъ, состоитъ въ томъ, что онѣ ведутся о такихъ вопросахъ, относительно которыхъ существуютъ между собесѣдниками различ-

ныя мнѣнія. Возьмемъ опять прежній нашъ примѣръ. Разсуждаютъ ли охотники между собою о томъ, что у каждой лошади и у каждаго зайца бываетъ по четыре ноги? Въ этихъ вопросахъ всѣ согласны, и потому говорить о нихъ есть признакъ идіотства. Всякая бесѣда необходимо имѣетъ своимъ источникомъ желаніе разъяснить предметъ. Если предметъ ясенъ для всѣхъ собесѣдниковъ до начала бесѣды, то начинать бесѣду или слушать ее есть оскорбленіе для человѣческаго разума. Такихъ бесѣдъ никогда, никто не начинаетъ и не слушаетъ; онѣ противны человѣческой натурѣ и если бы когда нибудь, кто нибудь вздумалъ бесѣдовать или слушать бесѣду о предметѣ для всѣхъ совершенно ясномъ, то былъ бы наказанъ за такое оскорбленіе законовъ человѣческой природы невыносимою скукою и получилъ бы неотъемлемое право носить имя идіота.

Опасаясь подвергнуться такой горькой и обидной участи, мы никакъ не отважились бы вести бесѣду о такомъ, повидимому, ясномъ и простомъ предметѣ, какъ понятіе о неизбѣжныхъ качествахъ литературы, если бы тѣ порицанія, о которыхъ упомянули мы въ началѣ статьи, не давали намъ прискорбнаго основанія предполагать совершенное незнакомство порицателей съ первыми понятіями о предметѣ, о которомъ они судятъ такъ ошибочно, хотя мы увѣрены, и благонамѣренно. Мало того, что желаешь добра, нужно также хотя нѣсколько знать сущность того дѣла, о которомъ принимаешься судить.

Теперь, мы надѣемся, довольно легко будетъ каждому изъ людей, порицавшихъ «Русскій Вѣстникъ» за полемическій тонъ нѣкоторыхъ статей его, разсудить, до какой степени справедливо было это порицаніе? Сущность литературы, какъ мы видѣли, заключается въ изложеніи различныхъ мыслей о предметахъ, относительно которыхъ уже существуетъ разнорѣчіе въ обществѣ. Отвергать это, значитъ быть идіотомъ. Если же мы допустимъ, что въ литературѣ не только могутъ, но и по необходимости должны выражаться различныя мнѣнія *объ* одномъ и томъ же вопросѣ, то уже мы допустили тѣмъ самымъ необходимость всѣхъ тѣхъ статей «Русскаго Вѣстника», о полемическомъ характерѣ которыхъ завели мы рѣчь. Какъ скоро излагаются *объ* одномъ и томъ же вопросѣ различныя мнѣнія, то само *собою* разумѣется, что эти мнѣнія различны, и вотъ мы уже имѣемъ полемику. Сказать: «вы можете держаться различ-

ныхъ мнѣній и можете излагать ихъ, но эти различныя мнѣнія не должны противорѣчить одно другому»,—сказать такую вопіющую несообразность было бы посрамленіемъ разсудку и здравому смыслу. Точно также, сказать: мы допускаемъ полемику, но не хотимъ, чтобы въ эту полемику были замѣшаны люди; мы допускаемъ, чтобы былъ споръ, но не хотимъ того, чтобы были люди, спорящіе другъ противъ друга, значило бы сказать нелѣпость, точно также унизительную для здраваго смысла. Кому не нравится литературный споръ однихъ людей противъ другихъ, тотъ можетъ найти только одинъ способъ выраженія, неунизительный для его собственнаго разсудка. Онъ долженъ откровенно сказать: «мнѣ не нравится, что существуетъ литература». Выше мы уже признались, что прямота и откровенность этой мысли очаровываетъ насъ; но къ величайшему нашему прискорбію должны были признаться, что эта идиллическая мысль неудобоисполнима, какъ неудобоисполнимо многое прекрасное на землѣ. Не будемъ утопистами, мечтателями и прежде, нежели обольстимся какою нибудь прекрасною мыслью, подумаемъ хорошенько о томъ, допускается ли исполненіе ея силой событій, ни возвратить, ни измѣнить которыхъ не властенъ человѣкъ. Покоримся горькой необходимости, признаемъ въ нашихъ согражданахъ совершенную неспособность быть аркадскими пастушками въ такомъ вѣкѣ, когда уже и потомки аркадскихъ пастушковъ не могутъ жить безъ литературы.

Довольно разсуждали мы о первомъ изъ основаній, выставляемыхъ людьми, порицающими «Русскій Вѣстникъ» за его полемическія статьи. Мы убѣдились, что въ нашъ вѣкъ литература, къ сожалѣнію, необходима. Убѣдившись въ этой прискорбной истинѣ, мы уже легко и безъ всякаго огорченія должны были признаться, что какъ скоро существуетъ литература, то необходимы и неизбѣжны въ ней споры людей другъ противъ друга. Мы убѣдились, что статьи, подобныя тѣмъ, по случаю которыхъ завели мы рѣчь о «Русскомъ Вѣстникѣ», являются въ литературѣ не вслѣдствіе человѣческаго произвола, а вслѣдствіе неизбѣжной необходимости, и что потому осуждать «Русскій Вѣстникъ» за помѣщеніе такихъ статей, также несправедливо и нелѣпо, какъ осуждать его зато, что онъ печатается на типографскомъ станкѣ, зато, что книжки его сшиваются переплетчикомъ и имѣютъ обертку и т. д., и т. д. Всѣ эти вещи ни мало не зависятъ отъ чьего бы то ни было произ-

вола, и быть иначе не можетъ. Теперь разсмотримъ вторую мысль, находимую нами въ тѣхъ порицаніяхъ, которыя приведены въ началѣ статьи,—мысль о безполезности полемики, относящейся не къ идеямъ, а къ лицамъ. Положимъ, говорили намъ порицатели «Русскаго Вѣстника», что «Русскій Вѣстникъ» не могъ избѣжать этой полемики, положимъ, что она необходима и совершенно законна; но все-таки надобно согласиться, что она безполезна». Нѣтъ; не только надобно согласиться, что она справедлива, необходимость и очевидность не позволяютъ усомниться также и въ томъ, что такого рода полемика положительно полезна. Мы уже должны были признать, что литература не только необходима, но и полезна. Одно изъ условій существованія литературы есть существованіе такой полемики, которая относится къ лицамъ; здравый разсудокъ говоритъ, что вещи, необходимыя для существованія какого нибудь полезнаго дѣла, должны быть признаваемы полезными. Поясвимъ эту мысль примѣромъ. Хлѣбопашество есть дѣло полезное. Хлѣбопашество не можетъ существовать безъ кузницъ. Лично вамъ или мнѣ кузница можетъ казаться вещью непріятною или даже дурною. Намъ можетъ не нравится то, что на кузницѣ очень много стуку, очень много дыму, и что вообще кузница—вещь довольно безпокойная и черная. Если мы будемъ разсуждать, какъ аркадскіе пастухи, мы можемъ даже сочинить идиллію, въ которой безпокойную кузницу противопоставимъ мирному хлѣбопашеству, и будемъ говорить своимъ согражданамъ, напримѣръ, слѣдующую рѣчь: «О, милые сограждане! занимайтесь хлѣбопашествомъ, дѣломъ мирнымъ и спокойнымъ, и уничтожьте ненавистныя каждому мирному гражданину, оскорбляющія слухъ его, оскорбляющія глазъ его, шумныя и черныя кузницы». Рѣчь наша будетъ чрезвычайно трогательна и благонамѣренна; но, къ сожалѣнію, она будетъ очень наивна и тупоумна. Наши сограждане-хлѣбопашцы, люди мирные и нелюбящіе шуму, будутъ отвѣчать намъ: «о добродушный Меналкъ! вы забываете, что въ кузницахъ приготовляются необходимыя орудія хлѣбопашества. Если бы мы, по вашему совѣту, уничтожили кузницы, мы остались бы безъ плуговъ и сохъ, безъ телѣгъ и упряжи, и не могли бы распахать ни одной десятины нашихъ полей и умерли бы съ голода. Къ сожалѣнію, любезный Меналкъ, кузницы для насъ совершенно необходимы. Эти закопченныя дымомъ, наполненныя стукомъ зданія, приносятъ намъ неоцѣненную

пользу. О, любезный Меналкъ! ваша идиллія свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ благородствѣ души вашей, но къ сожалѣнію, вы совершенно не понимаете дѣла, о которомъ судите».

Но мало сказать того, что статьи, подобныя полемическимъ статьямъ «Русскаго Вѣстника», неизбѣжны въ литературѣ и полезны, какъ одна изъ необходимыхъ принадлежностей литературы, которая не имѣетъ такихъ статей только тогда, когда доведена до совершеннаго изнеможенія. Само по себѣ, независимо отъ своей неизбѣжности въ литературѣ, полемика о лицахъ почтенна и полезна потому, что имѣетъ своею цѣлью разъясненіе истины. Для человѣка, желающаго знать истину, важенъ вопросъ не только о томъ, что говорится, но и вопросъ о томъ, кѣмъ говорится. Истины и вообще мысли, отвлеченной отъ людей, нѣтъ. Мысль неразлучно связана съ человѣкомъ и качества мысли неразлучно связаны съ его качествами. Кто не хочетъ знать людей, тотъ не хочетъ знать истины, тотъ не хочетъ мыслить. Было бы нелѣпо сказать: «Мнѣ нравится, когда говорятъ о Коперниковой системѣ, но ненравится когда говорятъ о Коперникѣ. Я желаю, чтобы вы изложили свое мнѣніе о системѣ іезуитовъ, но я не хочу, чтобы при этомъ вы касались Игнатія Лойолы, основателя іезуитской системы. Вы можете говорить о Политической Экономіи, но я не желаю, чтобы вы разсматривали степень учености и добросовѣстности Адама Смита, основателя Политической Экономіи». Вопросъ о мысляхъ не можетъ быть проясненъ безъ разъясненія вопроса о людяхъ, излагающихъ эти мысли. Знаніе людей составляетъ одну изъ важныхъ сторонъ истины. Утверждать противное можетъ только человѣкъ, не имѣющій понятія ни о качествахъ истины, ни о томъ, что истину нельзя дѣлить и обрѣзывать по произволу. Кому непріятна какая нибудь сторона истины, тотъ пусть не унижаетъ своего разсудка нелѣпымъ раздѣломъ истины на полезную и безполезную. Пусть онъ прямо скажетъ, что истина вся безъ исключенія кажется ему безполезна или вредна. Читатель ожидаетъ, быть можетъ, что мы прибавимъ: отвергать пользу истины не рѣшится никто. Нѣтъ, мы не скажемъ этого. Кому угодно, почему же и неотвергать тому пользу истины? Кому истина кажется вредною, почемужъ не можетъ тотъ и сказать, что истина кажется ему вредною? Мы такъ умѣренны, что не требуемъ даже и уваженія къ истинѣ отъ тѣхъ людей, которые не захотѣли бы уважать ее; мы

требуемъ отъ нихъ только здраваго смысла. Пусть кому угодно отвергаетъ истину; пусть только сообразитъ онъ, къ чему приведетъ его такое желаніе? Оно приводитъ къ требованію идіотства. Какимъ путемъ? Очень простымъ и короткимъ.

Натура мысли состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ истинѣ. При ограниченности человѣческихъ силъ, мысль не всегда достигаетъ этой цѣли, останавливается иногда на односторонностяхъ, но всегда стремится она къ истинѣ. Кто хочетъ отнять у мысли это стремленіе, тотъ хочетъ убить ея дѣятельность. Человѣкъ, въ которомъ убита дѣятельность мысли, можетъ сдѣлаться хитрецомъ, плутомъ, но во всякомъ случаѣ остается тупоумнымъ. Хитрость къ сожалѣнію никакъ не можетъ замѣнить собою ума. Часто встрѣчаются хитрецы не только между идіотами, даже между съумасшедшими. Нѣкоторыя породы четвероногихъ животныхъ также отличаются значительною степенью хитрости. Если бы они могли замѣнить собою человѣка, обладающаго разсудкомъ, очень легко бы обойтись безъ людей съ разсудкомъ, который укрѣпляется только дѣятельностію мысли, иначе сказать, только стремленіемъ къ истинѣ. Тогда легко можно было бы и отрицать необходимость истины. Но къ сожалѣнію лисица точно также неспособна къ отправленію человѣческихъ дѣлъ, какъ и оселъ, хотя она гораздо хитрѣе осла. Къ сожалѣнію, хитрый идіотъ точно также неспособенъ къ разсудительнымъ поступкамъ, какъ и просто добродушный идіотъ. Потому горькая необходимость принуждаетъ сказать, что разсудокъ въ человѣкѣ необходимъ для существованія гражданскаго общества, которое очень быстро разрушается, какъ скоро въ націи ослабѣваетъ сила разсудка. Быть противникомъ разсудка, иначе сказать, желать ослабить дѣятельность мысли, иначе сказать, мѣшать ея стремленію къ истинѣ,—стремленію, безъ котораго нѣтъ дѣятельности мысли, нѣтъ и разсудка, можетъ только человѣкъ или самъ не понимающій чего онъ желаетъ или желающій разрушенія гражданскаго общества и превращенія своей страны въ землю Троглодитовъ — Пигмеевъ, которыхъ били не только люди, но и журавли.

Но довольно о томъ, можно ли отдѣлять вопросъ о мысляхъ отъ вопроса о людяхъ, и полезны ли споры между людьми. Остается намъ разсмотрѣть третье и послѣднее изъ тѣхъ основаній, которыя выставляются людьми, порицающими оборотъ, принятый въ послѣд-

нее время полемикою «Русскаго Вѣстника» и его противниковъ. Намъ говорятъ: «полемика, относящаяся къ лицамъ, заслуживаетъ порицанія потому, что отвлекаетъ вниманіе публики и литераторовъ отъ вопросовъ объ идеяхъ,—вопросовъ, гораздо важнѣйшихъ». Это возраженіе, по всей справедливости, могли бы мы оставить безъ всякаго вниманія, какъ совершенно неумѣстное. Каждый самъ лучше другихъ чувствуетъ, что для него важно, и если бываютъ случаи, въ которыхъ основательные писатели считаютъ дѣломъ нужнымъ, а образованные читатели — дѣломъ для себя интереснымъ споръ о лицахъ, то, по всей вѣроятности, можемъ мы предположить, что не совершенно безразсудно думаютъ въ этихъ случаяхъ люди, которые во всѣхъ другихъ случаяхъ оказываются людьми умными и основательными. У насъ, къ сожалѣнію, очень сильна несчастная привычка предполагать, не разобравъ хорошенько дѣла, что человѣкъ, который поступаетъ не совсѣмъ такъ, какъ именно мнѣ нравилось бы, непремѣнно ошибается; а того не хочу я подумать, что дѣло, которымъ этотъ человѣкъ занимается, ему, быть можетъ, знакомѣе, нежели мнѣ, да и самъ онъ, быть можетъ, умнѣе, и быть можетъ, даже и честнѣе меня. Не приходитъ обыкновенно мнѣ въ голову подумать, что прежде, нежели порицать его, я могъ бы посовѣтоваться съ нимъ, и быть можетъ совѣтъ его не только удержалъ бы меня отъ порицанія, направленнаго противъ него,—порицанія, которымъ обнаруживается лишь мое собственное невѣжество, но и помогъ бы мнѣ въ собственныхъ моихъ дѣлахъ, быть можетъ, довольно запутанныхъ, и быть можетъ, нуждающихся въ пособіи добрымъ совѣтомъ со стороны людей умныхъ. Всѣ эти соображенія, говоримъ мы, могли бы служить достаточною причиною оставить безъ всякаго отвѣта тотъ упрекъ, на которомъ мы остановились. Но такъ какъ мы уже приняли на себя обязанность доказать порицателямъ новаго оборота, принятаго полемикою «Русскаго Вѣстника» и его противниковъ, что сомнѣнія, ими питаемыя объ этомъ дѣлѣ, возникли у нихъ единственно отъ незнанія дѣла, то скажемъ два, три слова о томъ, почему личные споры не могутъ отвлечь вниманія отъ споровъ за идеи. Для этого довольно будетъ вспомнить, какимъ образомъ обыкновенно возникаютъ споры о лицахъ. Они возникаютъ, какъ мы сказали, и притомъ возникаютъ необходимо, изъ споровъ за идеи, какъ дополненіе споровъ за идеи, имѣющее цѣлью окончательно разъяснить и утвердить резуль-

таты, доставленные предшествующимъ споромъ объ идеяхъ. Служа такимъ образомъ только необходимымъ средствомъ для достиженія цѣли, споръ о лицахъ прекращается самъ собою, какъ скоро цѣль достигнута, и во все то время, пока продолжается, не ослабляетъ, а поддерживаетъ вниманіе, обращенное на источникъ и главный предметъ спора, именно, на первоначальный вопросъ объ идеяхъ. Обыкновенно, изслѣдованіе идеи принимаетъ въ это время даже особенную глубину, потому что не всѣ же силы партіи заняты бываютъ споромъ противъ лицъ, и такъ какъ интересъ къ предмету спора достигаетъ въ это время особеннаго развитія, то силы, остающіяся свободными, съ удвоенною ревностію обращаются къ изслѣдованію идеи.

Такъ, напримѣръ, въ то самое время, когда одна часть сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника» занята была споромъ противъ лицъ, другая часть сотрудниковъ этого журнала съ большею ревностію, нежели когда нибудь, занималась разъясненіемъ основныхъ идей, подавшихъ поводъ къ спору,—и результатомъ такихъ изслѣдованій явились двѣ превосходныя статьи гг. Соловьева и Забѣлина, — статьи, которыя, по своему ученому достоинству, имѣютъ высокую цѣну и независимо отъ своихъ полемическихъ отношеній. Онѣ могутъ, кажется, послужить очень достаточнымъ доказательствомъ, что споръ о лицахъ ни мало не повредилъ изслѣдованію идей, а напротивъ усилилъ его энергію и добросовѣстность.

Статья г. Соловьева «Шлёцеръ и анти-историческое направленіе», разсматривая сужденія нѣкоторыхъ славянофильскихъ писателей о замѣчательнѣйшихъ людяхъ допетровской руси, доказываетъ, что всѣ эти люди должны быть названы представителями того же самого направленія, которое нынѣ славянофилы называютъ западническимъ и отрицательнымъ, что Посошковъ, митрополитъ Макарій, Геннадій, Максимъ Грекъ, бояринъ Матвѣевъ, Нащокинъ, митрополитъ Кипріанъ, и наконецъ тѣ новгородцы, которые призвали Рюрика, должны быть названы людьми отрицательнаго направленія въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ понимается отрицательность славянофилами, потому что всѣ они или жаловались на чрезвычайную неудовлетворительность той степени развитія, на которой стояла Русь въ ихъ время, или своею дѣятельностію обнаруживали недостатки тогдашняго быта. — Г. Забѣлинъ въ статьѣ «Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ» чрезвычайно

основательно раскрываетъ понятія, которыми опредѣлялось въ старинной русской жизни общественное положеніе человѣка, и доказываетъ, что единственнымъ правомъ на уваженіе считалась тогда порода, передъ которою совершенно ничтожны казались личныя достоинства или недостатки человѣка. Находя повтореніе тѣхъ же самыхъ понятій въ семейственныхъ отношеніяхъ, онъ показываетъ, какъ жалко и грубо было мнѣніе старинной Руси о женщинѣ, и какъ унизительна и тяжела была судьба женщины въ тѣ времена. Старинный русскій человѣкъ, подъ вліяніемъ фальшивыхъ понятій, опредѣлявшихъ его развитіе, дошелъ до того, что считалъ женщину существомъ по натурѣ своей злымъ, назначеннымъ отъ природы быть вмѣстилищемъ всѣхъ низкихъ пороковъ и преступленій, считалъ обязанностію своею презирать отъ глубины души, и всячески стѣснять женщину. Множество интересныхъ выписокъ изъ неизданныхъ старинныхъ рукописей придаетъ новую важность прекрасной статьѣ, которая, между прочимъ, знакомитъ насъ съ содержаніемъ знаменитой старинной «Книги о злыхъ женахъ». Какъ всѣ превосходныя изслѣдованія г. Забѣлина, его новая статья отличается рѣдкимъ у насъ достоинствомъ изложенія. Нѣтъ надобности говорить, что подобно всѣмъ другимъ изслѣдованіямъ г. Забѣлина, эта новая статья останется капитальнѣйшимъ трудомъ по своему предмету. Новая статья г. Соловьева о Шлёцерѣ также принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ между его небольшими трактатами о частныхъ вопросахъ Русской Исторіи.—Такія важныя пріобрѣтенія для науки, обязанныя своимъ возникновеніемъ полемикѣ «Русскаго Вѣстника» съ славянофилами, и появившіяся именно въ то самое время, когда къ спору объ идеяхъ присоединился и споръ объ лицахъ, должны, кажется, быть почтены совершенно убѣдительными доказательствами того, что споръ объ именахъ ни мало не мѣшаетъ изслѣдованію идей, напротивъ придаетъ ему особенную живость и основательность.

Само собою разумѣется, что всѣ тѣ права спора и защиты, которыя мы признаемъ совершенно законно и несомнѣнно принадлежащими «Русскому Вѣстнику», точно въ такой же степени мы считаемъ неотъемлемо принадлежащими и той партіи, которая ведетъ споры съ «Русскимъ Вѣстникомъ». Мы думаемъ, что какъ «Русскій Вѣстникъ» имѣетъ полное право и находится въ совершенной необходимости разсматривать степень ученыхъ заслугъ, степень по-

знаній и степень добросовѣстности, какія обнаруживаются статьями г. В. Григорьева, г. И. Крылова и проч., точно также и точно въ такой же полной мѣрѣ должно быть признано и за писателями противной партіи право разсматривать степень ученыхъ заслугъ, степень познаній и степень добросовѣстности, какія обнаруживаются статьями г. Павлова, г. Соловьева, г. Забѣлина и проч. Мы желали бы сказать, что партизаны г. В. Григорьева и г. И. Крылова пользуются этимъ своимъ несомнѣннымъ правомъ съ такимъ же мастерствомъ и такою же основательностію, какъ ихъ противники; но, къ сожалѣнію, этого не только не можемъ сказать мы, этого не рѣшаются сказать о партизанахъ гг. В. Григорьева и И. Крылова даже тѣ люди, которые совершенно раздѣляютъ ихъ образъ мыслей. Имѣть право и имѣть способность пользоваться своимъ правомъ съ выгодою для себя—двѣ вещи, совершенно различныя. Всѣ сознаются, что «Русскій Вѣстникъ» обнаруживаетъ въ своей полемикѣ очень замѣчательную основательность знаній, замѣчательный тактъ, и что полемическія статьи его отличаются прекрасными достоинствами мастерскаго изложенія. Въ полемическихъ статьяхъ, написанныхъ противниками «Русскаго Вѣстника», до сихъ поръ, къ прискорбію всѣхъ, замѣтно было только отсутствіе этихъ качествъ. Складочное мѣсто полемическихъ статей и замѣтокъ противъ «Русскаго Вѣстника», «Молва» до сихъ поръ доказала несомнѣнную способность только къ одному роду полемики, роду, болѣе свойственному изустнымъ бесѣдамъ между праздными и малообразованными людьми, нежели литературной полемикѣ, именно «Молва» до сихъ поръ съ похвальнымъ усердіемъ и замѣчательнымъ талантомъ занималась только сплетнями, а во всемъ остальномъ была слаба. Своею безтактностію довела она себя до того, что «Русскій Вѣстникъ» справедливо не хочетъ находить въ ней ничего общаго съ «Русскою Бесѣдою», которую признаетъ журналомъ, заслуживающимъ уваженія.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

ІЮНЬ 1857.

По поводу статьи г. Ламанскаго «О распространеніи Знаній въ Россіи», мы получили нѣсколько писемъ отъ нашихъ читателей. Всѣ отдаютъ полную справедливость прекрасной основной мысли г. Ламанскаго и выражаютъ сочувствіе къ дѣлу, необходимость и великую пользу котораго онъ доказываетъ. Въ нѣкоторыхъ изъ писемъ дѣлаются, болѣе или менѣе основательныя, замѣчанія о подробностяхъ проэкта, составленнаго г. Ламанскимъ, который, сообразивъ эти мысли съ замѣчаніями, выраженными въ журналахъ, намѣренъ сказать свое мнѣніе о томъ, какія изъ предлагаемыхъ дополненій его проэкта кажутся ему дѣйствительно полезными и возможными. А между тѣмъ, мы печатаемъ одно изъ присланныхъ намъ писемъ.

Сказавъ въ началѣ, что дѣло, указываемое г. Ламанскимъ, чрезвычайно важно и благотворно, авторъ письма продолжаетъ:

«Г. Ламанскій не коснулся тѣхъ отношеній, въ которыя, для пользы литературы, Общество Распространенія Знаній должно поставить себя къ изданіямъ, предпринимаемымъ частными людьми,— конечно, онъ не говорилъ объ этихъ отношеніяхъ потому только, что считалъ ихъ слишкомъ ясными. Но, вѣроятно, полезно было бы съ самого начала опредѣлить ихъ положительнымъ образомъ.

«Если устроится Общество Распространенія Знаній, то во всякомъ случаѣ дѣятельность его будетъ гораздо обширнѣе, а средства его гораздо значительнѣе, нежели средства и дѣятельность частныхъ лицъ, занимающихся нынѣ изданіемъ книгъ въ томъ родѣ, какія будетъ издавать Общество. Если бы оно при своихъ дѣйствіяхъ не обращало вниманія на предпріятія частныхъ людей, то конечно

могло бы своимъ соперничествомъ ослабить ихъ дѣятельность. А частная предпріимчивость по литературному дѣлу до сихъ поръ еще такъ слаба у насъ, что легко повредить ей. И такъ какъ дѣятельность Общества не можетъ избѣжать соприкосновеній съ частными изданіями, то и необходимо для пользы литературы, чтобы со стороны сильнѣйшаго дѣятеля, каково Общество, эти соприкосновенія были оживлены духомъ всевозможной готовности помогать и содѣйствовать, — только въ такомъ случаѣ дѣятельностью Общества не ослабится, а усилится и ободрится частная предпріимчивость и охота къ труду.

«Нельзя сказать, что у насъ слишкомъ мало людей, желающихъ трудиться или уже трудящихся надъ переводами ученыхъ или популярныхъ иностранныхъ сочиненій, или надъ оригинальными сочиненіями по разнымъ отраслямъ науки: г. Ламанскій справедливо указываетъ на то, что много трудовъ въ этомъ родѣ совершается гораздо болѣе, нежели издается: по недостатку средствъ къ изданію у автора, или по недостатку предпріимчивыхъ издателей, гораздо болѣе такихъ трудовъ безплодно остается въ рукописи, нежели появляется въ печати. Изъ людей, трудящихся такимъ образомъ, многіе бываютъ готовы даже безъ всякаго вознагражденія отдать свою рукопись издателю, лишь бы только принести публикѣ пользу своимъ трудомъ, но и на такомъ слишкомъ выгодномъ для издателя условіи часто не находятъ издателя. Частная предпріимчивость у насъ слишкомъ робка, по недостатку увѣренности въ томъ, что распродажею изданія окупятся издержки печати.

«Общество должно отвратить это препятствіе, принимая на себя или обезпеченіе распродажи извѣстнаго количества экземпляровъ тѣхъ частныхъ изданій, которыя найдетъ полезными для публики, или даже услуги по издательству.

«Конечно, многіе изъ писателей найдутъ удобнѣйшимъ для себя или трудиться по порученію Общества, или прямо уступать ему свои рукописи за приличное вознагражденіе. Но многіе, вѣроятно, предпочтутъ сами быть издателями своихъ переводовъ или сочиненій — и Общество должно оказывать имъ всевозможную помощь.

«Изданіе рукописи авторомъ, переводчикомъ или книгопродавцемъ обыкновенно затрудняется сомнѣніями въ томъ, будутъ ли въ скоромъ времени покрыты издержки печатанія распродажею книги — Общество должно въ этомъ случаѣ принимать на себя такое обез-

печеніе. Нужно только, чтобы книга, предполагаемая къ изданію, была полезна, а писатель или книгопродавецъ, желающій напечатать ее, внушалъ Обществу довѣріе, что удовлетворительнымъ образомъ исполнитъ предпріятіе, за которое берется. Удостовѣриться въ первомъ очень легко—программа книги уже достаточно обнаруживаетъ, какой пользы можно ожидать отъ книги; во второмъ удостовѣриться можно также легко: имя писателя, пользующагося извѣстностью дѣльнаго человѣка по тому предмету, за который онъ берется, и извѣстность книгопродавца, какъ издателя частнаго и аккуратнаго, уже достаточно обезпечиваетъ Общество.

«Итакъ, когда какой либо писатель или переводчикъ, обладающій, по общему мнѣнію публики, качествами, нужными для удовлетворительности предпринимаемаго имъ полезнаго труда, объявляетъ Обществу, что желаетъ предпринять такой-то трудъ, если Общество возьметъ у него извѣстное число экземпляровъ издаваемой имъ книги.—Общество со всею готовностью приметъ на себя это обязательство. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло, по своей особенной полезности, заслуживаетъ особеннаго одобренія, Общество можетъ даже впередъ выдавать заимообразно писателю или переводчику часть суммы, нужной для напечатанія книги, или принимать на себя передъ типографщикомъ обязательство въ уплатѣ этой суммы по напечатаніи книги.

«Можетъ быть отношеніе еще болѣе тѣсное. Только для людей, живущихъ въ столицахъ, да и то для немногихъ, только уже привыкшихъ имѣть сношенія съ типографіями и книгопродавцами, удобно бываетъ печатать книгу на свой счетъ. Люди, живущіе въ провинціяхъ, вовсе лишены удобства сами заняться изданіемъ своихъ книгъ. Общество можетъ принимать на себя эту обязанность.

«Въ томъ и другомъ случаѣ, беретъ ли на себя Общество извѣстное число экземпляровъ книги издаваемой частнымъ лицомъ, или беретъ на себя самое изданіе книги, авторъ или переводчикъ которой желаетъ удержать за собою полную собственность на это изданіе;—въ томъ и другомъ случаѣ условія, на которыхъ Общество оказываетъ содѣйствіе этому частному предпріятію, должны быть таковы, чтобы человѣку, пользующемуся содѣйствіемъ Общества, вполнѣ предоставлялись всѣ тѣ выгоды, какія можетъ принести изданіе; Общество въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ въ виду единственно содѣйствіе развитію литературы и не ищетъ въ нихъ ни-

какой денежной прибыли для себя, такъ что при своихъ разсчетахъ не полагаетъ даже никакого процента на затрачиваемый капиталъ. При покупкѣ экземпляровъ оно уплачиваетъ автору или переводчику ту самую цѣну, по которой должна продаваться его книга (то есть не беретъ такъ называемыхъ книгопродавческихъ процентовъ за коммиссію); при выдачѣ заимообразно денегъ на напечатаніе книги, принимаетъ уплату по произволу автора или деньгами безъ всякихъ процентовъ, или экземплярами изданной книги по продажной ихъ цѣнѣ; наконецъ, при напечатаніи книги на счетъ Общества, Общество полагаетъ тѣ самыя цѣны, какія авторъ долженъ былъ бы заплатить въ типографію, если бы печаталъ книгу не въ долгъ, а на наличныя деньги.

«Конечно, слѣдуя такому принципу, Общество терпитъ нѣкоторый убытокъ (отчасти на расходы по веденію того дѣла, въ которомъ становится посредникомъ, отчасти на процентахъ съ затрачиваемаго капитала); но эти убытки незначительны: они по приблизительному разчисленію не могутъ простираться и до 5 процентовъ съ употребленныхъ Обществомъ на эти дѣла суммъ. Такая незначительная потеря въ общемъ движеніи суммъ Общества покрывается выгодами, которыя приносятъ ему собственныя его изданія, и въ тысячу разъ вознаграждается тою пользою, какую приноситъ это совершенно безкорыстное участіе въ частныхъ предпріятіяхъ развитію литературы, ободряя и вызывая частную предпріимчивость.

«Такъ какъ экземпляры принимаются Обществомъ по ихъ продажной цѣнѣ безъ всякихъ процентовъ за коммиссію, то автору не приноситъ ни малѣйшаго стѣсненія единственное условіе, которое нужно для возвращенія Обществу денегъ, выданныхъ въ заемъ или заплаченныхъ въ типографіи, именно то условіе, что экземпляры, купленные или взятые въ уплату долга Обществомъ, первые поступаютъ въ продажу, и экземпляры, остающіеся у автора, поступаютъ въ продажу уже тогда, когда распроданы экземпляры, взятые Обществомъ. Это условіе, принимаемое основаніемъ всякой продажи значительнаго числа экземпляровъ при сдѣлкахъ между авторомъ и частнымъ книгопродавцемъ, не будетъ служить ни малѣйшимъ стѣсненіемъ, а напротивъ, будетъ приносить прямую выгоду автору, потому что Общество беретъ у него экземпляры безъ

18

вычета процентовъ, и слѣдовательно платитъ ему дороже, нежели книгопродавцы.

«Но какъ велики суммы, нужныя Обществу для такого содѣйствія частнымъ предпріятіямъ? — Публикѣ вообще мало извѣстны цѣны, которыхъ стоитъ самое изданіе книги, и многіе быть можетъ вообразятъ, что пособіе изданію частныхъ трудовъ потребуетъ слишкомъ большихъ затратъ со стороны Общества. Изъ слѣдующаго приблизительнаго разсчета можно видѣть, что капиталъ, достаточный для очень сильнаго содѣйствія издательству книгъ частными лицами, вовсе не такъ значителенъ, какъ можетъ казаться людямъ, незнакомымъ съ типографскими цѣнами. Вотъ приблизительная смѣта расходовъ на изданіе одного тома въ 25 печатныхъ листовъ (400 страницъ) въ форматѣ «Отечественныхъ Записокъ», «Русскаго Вѣстника» или «Современника», по петербургскимъ цѣнамъ, въ количествѣ A) 1,200 экземпляровъ, B) 2,400 экземпляровъ и C) 9,600 экземпляровъ.

A) *Изданіе въ 1,200 экземпляровъ.*

1) Наборъ и печатаніе по 12 руб. за листъ	300 р. — к.
2) Бумага по 3 руб. за стопу (эта бумага достоинствомъ своимъ близка къ бумагѣ, на которой печатаются журналы) всего 62½ стопы	187 » 50 »
3) Чтеніе корректуры по 1 руб. за листъ	25 » — »
4) Обертка для 1,200 экз. около	7 » 50 »
5) Брошюровка по 2½ коп.	30 » — »
Итого . . .	550 р. — к.

B) *Изданіе въ 2,400 экземпляровъ.*

1) Наборъ и печатаніе по 16 руб. за листъ.	400 р.
2) Бумага 125 стопъ	375 »
3) Чтеніе корректуры	25 »
4) Обертка	10 »
5) Брошюровка	60 »
Итого . . .	870 р.

С) *Изданіе въ 9,600 экземпляровъ.*

1) Наборъ и печатаніе по 35 р.	875 р.
2) Бумага 500 стопъ	1,500 »
3) Чтеніе корректуры	25 »
4) Обертка	33 »
5) Брошюровка	192 »
Итого . . .	2,625 р.

«Московскія цѣны нѣсколько дешевле петербургскихъ.

«Въ числѣ 2,400 экземпляровъ печатаются уже только такія книги, которыя, какъ говорится, расходятся очень сильно; изданіе въ 9,600 экземпляровъ дѣлается только для учебныхъ книгъ, принимаемыхъ не только въ гимназіи, но и въ уѣздныя училища, или для книгъ въ родѣ «Сельскаго чтенія». Ни Гоголь, ни Пушкинъ, не издавались въ такомъ числѣ экземпляровъ, тѣмъ менѣе достигало его какая нибудь ученая книга. И такъ, предположивъ, что Общество издастъ или дастъ деньги на изданіе втеченіе года 50 томовъ по 400 страницъ (или бо́льшаго числа книгъ ме́ньшаго объема), мы должны считать, что изъ нихъ развѣ 13 нужно будетъ печатать въ 2,400 экземплярахъ и развѣ 2 въ 9,600 экземплярахъ, а остальныя 35 не понадобится на первый разъ издавать болѣе, нежели въ 1,200 экземплярахъ, и общая сумма расходовъ будетъ такова:

1) 35 томовъ въ 1,200 экземпляровъ . . .	19,250 р.
2) 13 томовъ въ 2,400 экземпляровъ . . .	11,310 »
3) 2 тома въ 9,600 экземпляровъ.	5,250 »
Итого . . .	36,810 р.

Предположивъ, что уплата денегъ со стороны Общества потребуется въ пропорціи двухъ третей этой суммы, и что Общество будетъ дѣйствовать на половину наличными деньгами и на половину кредитомъ, мы увидимъ, что содѣйствовать изданію 50 томовъ довольно толстыхъ и большаго формата, Общество можетъ, употребивъ отъ 12 до 13 тысячъ рублей, которые возвратятся ему втеченіи того же года съ потерею никакъ не болѣе 5%, т. е. 650 руб.

«Если форматъ книги менѣе журнальнаго (какъ обыкновенно бываетъ), расходы изданія конечно менѣе.

«Но для такой операціи необходимо, чтобы книги, издаваемыя Обществомъ, имѣли быстрый и вѣрный расходъ. Да и вообще польза, приносимая Обществомъ, зависитъ не только отъ количества и достоинства издаваемыхъ имъ книгъ, но также и отъ быстраго и обширнаго ихъ распространенія въ публикѣ. Каждый знакомый съ положеніемъ нашей книжной торговли очень хорошо знаетъ, что въ настоящее время, тѣ средства, которыми она располагаетъ, ни мало не соотвѣтствуютъ обширности нашего государства и распредѣленію по его пространству людей, читающихъ или желающихъ читать. Только столицы и очень немногіе изъ другихъ губернскихъ городовъ имѣютъ въ настоящее время такіе книжные магазины, въ которыхъ мѣстные жители могли бы безъ замедленія видѣть и покупать вновь выходящія порядочныя книги. Жители всѣхъ остальныхъ провинцій принуждены съ большими издержками и съ большимъ промедленіемъ выписывать для себя книги изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ; потому, число книгъ, расходящихся въ провинціи, далеко не соотвѣтствуютъ числу людей, которые охотно стали бы покупать книги, еслибъ имѣли ихъ подъ руками. Судя по пропорціи, какая замѣчается между числомъ экземпляровъ журналовъ, получаемыхъ въ столицахъ, и тѣмъ числомъ, какое расходится по провинціямъ, надобно считать, что болѣе нежели двѣ трети людей, для которыхъ чтеніе стало уже потребностію, живутъ въ провинціяхъ. Но пропорція книгъ, расходящихся по провинціямъ, гораздо менѣе, нежели двѣ трети всего числа продаваемыхъ книгъ,—конечно потому, что для жителей провинцій затруднительно знакомиться съ новыми книгами и покупать ихъ.

«Г. К. Аксаковъ въ замѣчаніяхъ на статью г. Ламанскаго говоритъ: «Если дѣло пойдетъ,—чего надобно ожидать, то количество членовъ будетъ огромно и распространено по всей Россіи. Въ такомъ случаѣ, какъ будутъ рѣшать они о достоинствѣ сочиненій?— Съѣзжаться для этого будетъ невозможно, а между тѣмъ, члены, находящіеся внѣ Москвы, могутъ имѣть и желаніе и право рѣшать о достоинствѣ сочиненій. Итакъ, намъ кажется всего лучшимъ, чтобы въ каждомъ русскомъ городѣ, гдѣ только будутъ находиться члены, они могли назначать отъ себя выборнаго, одного или двухъ (безъ ограниченія числа), избраннаго изъ ихъ среды, или изъ лю-

дей, находящихся въ Москвѣ». Въ этихъ словахъ несомнѣнно то, что если образуется Общество Распространенія Знаній, то дѣйствительно въ каждомъ губернскомъ и въ каждомъ значительномъ уѣздномъ городѣ будетъ находиться по нѣскольку членовъ или даже по нѣскольку десятковъ членовъ Общества. При каждомъ изъ такихъ отдѣловъ очень легко будетъ устроить агентство для продажи книгъ, издаваемыхъ или купленныхъ Обществомъ. Расходовъ не повлечетъ это за собою никакихъ (кромѣ транспортныхъ расходовъ), потому что между торговыми людьми въ каждомъ городѣ можно найти честнаго и вмѣстѣ разсчетливаго человѣка, который сообразитъ, что помѣстить въ своей лавкѣ шкапъ съ книгами будетъ для него выгодно. Само собою разумѣется, что Общество, имѣя одною изъ прямыхъ своихъ цѣлей всяческое содѣйствіе развитію книжной торговли, съ готовностію сдѣлаетъ своимъ агентомъ каждаго, кто уже имѣетъ или найдетъ возможнымъ имѣть книжную лавку въ провинціальномъ городѣ. И конечно, этимъ покровительствомъ значительно облегчится появленіе книжныхъ лавокъ въ такихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ не представлялось къ тому выгодъ.

Считая 60 губернскихъ и областныхъ и кромѣ того 40 значительныхъ уѣздныхъ городовъ, мы получимъ 100 такихъ пунктовъ, гдѣ будетъ производиться по провинціямъ продажа книгъ, которыми располагаетъ Общество. Полагая среднимъ числомъ расходъ по 5 экземпляровъ въ каждомъ изъ такихъ агентствъ или магазиновъ втеченіе года, мы получимъ, что Общество будетъ имѣть въ провинціяхъ вѣрный сбытъ до 500 экземпляровъ каждой изданной или продаваемой имъ книги. Конечно, въ нѣкоторыхъ агентствахъ продажа будетъ менѣе принимаемой нами средней цифры, но за то въ 30 или 40 значительныхъ провинціальныхъ городахъ, имѣющихъ болѣе 20,000 жителей, продажа будетъ въ пять и болѣе разъ значительнѣе принимаемой нами цифры. Полагая для столицъ расходъ въ половину противъ сбыта въ провинціяхъ, мы найдемъ, что Общество можетъ навѣрное разсчитывать на распродажу втеченіе года 750 экземпляровъ каждой изданной или пріобрѣтенной имъ книги. Эта цифра есть minimum распродажи. Даже и въ настоящее время, при всей недостаточности средствъ нашей книжной торговли, продажа 1000 экземпляровъ втеченіе года не считается продажей сильною. При увеличеніи же удобствъ къ пріобрѣтенію книгъ для жителей провинцій, такая распродажа конечно будетъ относиться

только къ книгамъ наименѣе интереснымъ для большинства публики; а каждая книга, имѣющая хотя сколько нибудь общаго интереса, будетъ расходиться менѣе, нежели въ годъ, въ количествѣ болѣе значительномъ.

«Положимъ теперь, что Общество будетъ помогать изданію книгъ, назначенныхъ въ продажу по цѣнѣ самой умѣренной, именно: за томъ оригинальнаго сочиненія въ 25 листовъ журнальнаго формата (или 30 листовъ—480 страницъ—обыкновеннаго книжнаго формата въ 8-ую долю листа)—1 руб. 50 коп. сер., а за переводный томъ, такой же величины, 1 руб. сер. Въ такомъ случаѣ для возвращенія Обществу всѣхъ издержекъ на изданіе потребуется продать: 550 экземпляровъ переводной книги, изданной въ числѣ 1200 экземпляровъ, и 870 экземпляровъ переводной книги, напечатанной въ числѣ 2400 экземпляровъ; 370 экземпляровъ оригинальнаго сочиненія, изданнаго въ количествѣ 1200 экземпляровъ, и 580 экземпляровъ, если сочиненіе издано въ числѣ 2400 экземпляровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что годичная продажа будетъ гораздо значительнѣе этой цифры, и такимъ образомъ до истеченія года Общество не только возвратитъ всю сумму, затраченную на изданіе, но и можетъ, если то будетъ угодно автору или переводчику, купить у него по распродажѣ долговыхъ экземпляровъ значительное количество экземпляровъ съ уплатою ему наличными деньгами полной продажной цѣны.

«Отъ этихъ коммерческихъ разсчетовъ, къ которымъ привела насъ мысль о необходимости, чтобы Общество Распространенія Знаній помогало развитію частной, независимой отъ него литературной дѣятельности, обратимся къ предположеніямъ о дѣйствіяхъ самого Общества.

«Едва ли нужно говорить, что всевозможнымъ содѣйствіемъ и ободреніемъ развитія независимой отъ Общества литературной дѣятельности, нимало не стѣснится кругъ дѣйствій самого Общества. Задача, предстоящая ему, такъ велика, что всякое новое содѣйствіе со стороны независимыхъ частныхъ лицъ можетъ только усилить Общество и увеличить пользу, имъ приносимую.

«Нѣкоторые думаютъ даже, что задача, поставляемая Обществу г. Ламанскимъ, слишкомъ широка, что можно было бы ограничить кругъ дѣятельности его или однимъ изданіемъ оригинальныхъ популярныхъ руководствъ, или однимъ переводомъ иностранныхъ

классическихъ сочиненій; но то и другое дѣло такъ тѣсно между собою связаны, что раздѣленіе ихъ послужило бы только источникомъ неудобствъ и затрудненій. Предположимъ, что Общество хотѣло бы издать хорошее популярное сочиненіе, напримѣръ, объ исторіи Рима или Англіи; русскихъ сочиненій такого рода по всей вѣроятности не найдется готовыхъ, между тѣмъ какъ въ иностранныхъ литературахъ есть уже много книгъ, удовлетворяющихъ этой потребности. такъ что нужно только выбрать лучшія изъ нихъ. И такъ, если Общество дѣйствительно имѣетъ своею цѣлію распространеніе знаній, то главнымъ средствомъ для того, оно необходимо должно почесть переводъ иностранныхъ произведеній. Если бы оно отказалось отъ переводовъ, то чрезвычайно затруднило и замедлило бы свою дѣятельность. Но если представляется Обществу русская рукопись, хорошо излагающая предметъ, о которомъ обществу нужно издать сочиненіе, то неужели Обществу надобно было бы отвергать эту рукопись только потому, что она есть оригинальное сочиненіе, а не переводъ? Цѣль Общества—распространеніе знаній, а потому для него должны быть равно драгоцѣнны всѣ средства, ведущія къ этой цѣли и ни одно изъ этихъ средствъ не должно быть имъ исключено изъ своей программы.

«Задача Общества многосложна и потому дѣйствительно необходима организація Общества по отдѣламъ. Мнѣ кажется, что главная черта раздѣленія, принятая г. Ламанскимъ, проведена вѣрно: науки физико-математическія и науки нравственныя дѣйствительно составляютъ двѣ главныя группы знаній: но, кажется мнѣ, внутренняя организація каждаго изъ этихъ двухъ отдѣловъ должна быть опредѣлена съ бóльшею точностію, нежели у г. Ламанскаго. Я не берусь судить объ отдѣлѣ физико-математическомъ, но скажу нѣсколько словъ объ отдѣлѣ наукъ нравственныхъ. Г. Ламанскій предлагаетъ раздѣленіе его на два разряда: философскій и историческій. Историческій дѣлится у него на четыре класса; конечно такое раздѣленіе необходимо и въ разрядѣ философскомъ. Законовѣденіе, о которомъ упоминаетъ г. Ламанскій при исчисленіи занятій этого разряда, различается отъ собственной философіи не менѣе, нежели древняя исторія отъ славянской; кромѣ того, г. Ламанскій не назвалъ нѣкоторыхъ другихъ наукъ, имѣющихъ для нашего времени не меньше значенія, нежели логика или психологія; таковы, напримѣръ, статистика, политическая экономія,—онѣ долж-

ми составить особый классъ. Нѣкоторыя находятъ, что въ разрядѣ наукъ историческихъ г. Ламанскій напрасно отдѣлилъ русскую исторію отъ западно-европейской, но съ этимъ порицаніемъ, конечно, не должно соглашаться Можно только замѣтить, что исторія другихъ славянскихъ племенъ далеко не имѣетъ для нашей публики той важности, какъ исторія Западной Европы и Сѣверной Америки; она должна оставаться не болѣе какъ вспомогательнымъ средствомъ для разъясненія русской исторіи. Видно, впрочемъ, что авторъ спеціально занимается исторіею славянскихъ племенъ и его пристрастіе къ этому предмету, объясняемое такимъ образомъ, представляется совершенно естественнымъ. Излишняго увлеченія по этому направленію едва ли можно ожидать отъ Общества: кромѣ славянистовъ въ немъ будутъ и другіе ученые по всѣмъ возможнымъ отраслямъ наукъ и ихъ спеціальныя увлеченія, конечно, будутъ уравновѣшиваться одно другимъ; а большинство членовъ Общества будетъ, конечно, свободно отъ всякихъ излишнихъ пристрастій къ той или другой спеціальности и во всякомъ случаѣ не дастъ дѣятельности Общества уклониться отъ прямой своей цѣли. Общество не будетъ служителемъ какого нибудь частнаго увлеченія, но останется органомъ потребностей нашихъ, и дѣятельность свою будетъ сосредоточивать на тѣхъ отрасляхъ знаній, которыя имѣютъ для всей публики наибольшую важность. Такими предметами вообще представляются нынѣ русская исторія, исторія Западной Европы, изученіе русскаго быта и изученіе современнаго западно-европейскаго быта во всѣхъ его проявленіяхъ, политическая экономія и вообще государственныя науки.

«Г. Ламанскій предполагаетъ, что Общество Распространенія Знаній должно быть образовано непремѣнно въ Москвѣ. Если подъ этимъ надобно разумѣть то, что центральный комитетъ Общества долженъ быть въ Москвѣ, то противъ мысли г. Ламанскаго нельзя сказать ничего основательнаго. Независимо отъ соображеній, изложенныхъ г. Ламанскимъ, важно уже то обстоятельство, что Москва находится приблизительно въ центрѣ Европейской Россіи, потому, для большей части провинцій, сношенія съ Москвою удобнѣе нежели съ Петербургомъ, и разсылка изданій Общества по провинціямъ изъ Москвы легче и короче, нежели изъ Петербурга.

«Но если Географическое Общество, кромѣ центральнаго пункта своихъ собраній, имѣетъ еще два мѣстныхъ комитета, то въ Обще-

ствѣ Распространенія Знаній число такихъ филіальныхъ учрежденій должно быть еще гораздо значительнѣе. Г. К. Аксаковъ совершенно правъ въ этомъ случаѣ. Въ каждомъ городѣ, имѣющемъ значительное число членовъ Общества, удобно быть мѣстному отдѣленію Общества. Кромѣ Петербурга, всѣ университетскіе города и нѣкоторые изъ другихъ губернскихъ городовъ будутъ имѣть очень важное участіе въ трудахъ Общества.

«Но соглашаясь въ этомъ случаемъ съ господиномъ К. Аксаковымъ, можно кажется оспорить ту его мысль, что члены Общества не должны получать никакого вознагражденія за деньги уплачиваемыя ими въ кассу Общества. Почему бы не имѣли они права получать на такую же сумму книгъ, издаваемыхъ Обществомъ (по собственному выбору?) При этомъ условіи, я увѣренъ, что число членовъ будетъ въ пять разъ болѣе. Общество не останется отъ того въ убыткѣ: продажная цѣна книги по необходимости всегда бываетъ гораздо выше, нежели издержки на печатаніе лишняго экземпляра книги. Если напечатается 3000 лишнихъ экземпляровъ книги цѣною въ 1 рубль за экземпляръ, то издержки на эту прибавку не будутъ превышать 15—20 коп. на экземпляръ. Такимъ образомъ вознагражденіе членовъ изданіями Общества на сумму равную платѣ, вносимой каждымъ членомъ, значительно увеличивая число людей, дѣлающихся членами Общества, и съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличивая число книгъ, обращающихся въ рукахъ публики, увеличитъ также и денежныя средства Общества, и даже чистый доходъ его, который, конечно, будетъ оно постоянно употреблять на расширеніе своей дѣятельности, а отчасти можетъ употреблять и на безденежную раздачу учебныхъ руководствъ бѣднымъ ученикамъ общественныхъ школъ, а также различныхъ элементарныхъ книгъ грамотнымъ и недостаточнымъ простолюдинамъ.

«Г. К. Аксаковъ думаетъ, что сумма, вносимая членами Общества, должна быть положена самая умѣренная, и опредѣляетъ ее въ три рубля серебромъ ежегодно. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ умѣреннѣе эта сумма, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ больше будетъ число членовъ Общества.

«Нѣкоторымъ не нравится слово «матица». Въ самомъ дѣлѣ, на русскомъ языкѣ оно не имѣетъ того смысла, какъ на другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и я не вижу особенной надобности употреблять его. Но пусть это учрежденіе называется «Матицею», или какимъ

нибудь другимъ именемъ болѣе понятнымъ, — изъ-за имени можно и не спорить, лишь бы только учрежденіе было основано на разумныхъ принципахъ и приносило пользу.

«Для печатанія своихъ книгъ Общество, вѣроятно, найдетъ выгоднымъ имѣть собственную типографію, когда расширеніе его средствъ позволитъ обратить часть капитала на устройство этого заведенія.

«Для распродажи книгъ оно, конечно, учредитъ въ Москвѣ центральное депо, чтобы по возможности избѣжать потерь отъ уступки процентовъ за коммиссію».

Очень часто книга производитъ впечатлѣніе нимало не соразмѣрное своимъ ученымъ достоинствамъ, благодаря тому, что въ ней разсматривается вопросъ, близкій къ интересамъ публики; въ прошедшемъ году, таковъ былъ успѣхъ сочиненій Токвиля «L'ancien régime» и Монталамбера «De l'avenir politique de l'Angleterre». Князь Черкасскій, написавшій объ этихъ книгахъ замѣчательную статью (Р. Бесѣда, томъ 2-й), смотритъ на нихъ именно съ этой точки зрѣнія.

Статья начинается замѣчаніями о современномъ положеніи Франціи, тѣмъ болѣе необходимыми, что у насъ многіе имѣютъ объ этомъ предметѣ понятіе не совсѣмъ правильное.

„Читая обѣ книги и говоря о нихъ (замѣчаетъ князь Черкасскій), невозможно не предпослать всякому о нихъ разсужденію нѣкоторыхъ первоначальныхъ общихъ замѣчаній, касающихся современнаго состоянія Франціи. Прежде всего насъ поражаетъ свободное, безпрепятственное появленіе и печатаніе во Франціи двухъ такихъ капитальныхъ сочиненій, явно направленныхъ противъ существующаго въ ней нынѣ порядка вещей... Такъ велика уже во Франціи и такъ укрѣпилась въ ней свобода мысли и свобода жизни, которую она добыла себѣ тридцатилѣтнимъ періодомъ правленія Бурбоновъ и Орлеанскаго Дома, что подобное литературное явленіе, даже въ эпоху настоящей диктатуры, проходитъ какъ бы незамѣченнымъ внѣшнею властью, не возбуждая особеннаго полицейскаго ея вниманія. Это явленіе можетъ конечно служить замѣчательнымъ признакомъ созрѣвающей общественной жизни во Франціи, каковы бы впрочемъ ни были судьбы ея въ невѣдомомъ для насъ грядущемъ. Скажемъ болѣе. Этими первоначальными пріобрѣтеніями своими, общественная жизнь Франціи не можетъ уже удовлетвориться: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно намъ будетъ привести незаподозримое свидѣтельство одного изъ замѣчательныхъ первоначальныхъ дѣятелей настоящаго наполеоновскаго періода, доктора

Верона, въ томъ видѣ, какъ передается намъ оно газетою Le Nord, раскрывшей столбцы свои отрывкамъ изъ одного новаго его произведенія: „Четыре года правленія Наполеона III“. Вотъ подлинныя слова доктора Верона: „Добровольно отказавшись отъ мнимой поддержки, находимой будто бы во всеобщемъ онѣмѣніи, императоръ (т. е. Наполеонъ III) ясно докажетъ и внутреннимъ политическимъ партіямъ и въ особенности иностранцамъ, какъ велика его сила и увѣренность въ ней. Гдѣ недопускается свободное обсужденіе, гдѣ не позволенъ споръ, тамъ и похвала теряетъ все значеніе свое, а между дѣйствіями четырехлѣтняго правленія императора встрѣчается многое, что по совѣсти можно бы похвалить. Къ тому же этотъ строгій законъ молчанія, наложенный на печать туземную, порождаетъ въ публикѣ лишь живѣйшее сочувствіе и любопытство къ газетамъ иностраннымъ, въ которыхъ духъ злобы и непріязни доходитъ до клеветы. Я понимаю, что критика, даже благоразумная и умѣренная, можетъ казаться непріятною нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые окружаютъ престолъ, и, утопая въ спокойствіи власти безотчетной, крѣпко стоятъ за то, чтобы никакой шумъ, никакой свободный звукъ извнѣ, не пришелъ бы ихъ смутить. Но во всякомъ случаѣ налагаемое на журналы и газеты молчаніе, къ сожалѣнію, всегда кидаетъ нравственную тѣнь на личность самого государственнаго вождя.“ (Р. Бесѣда, Крит. стр 24).

Въ словахъ Верона есть много справедливаго, хотя самъ Веронъ не принадлежитъ къ людямъ особенно правдивымъ. Дѣйствительно путь, избранный Наполеономъ III, не совершенно выгоденъ для блеска его имени во Франціи: похваламъ, какія читаютъ ему въ своихъ нынѣшнихъ газетахъ, французы вовсе не вѣрятъ, напротивъ охотно вѣрятъ всѣмъ дурнымъ слухамъ, которые съ чрезвычайною быстротою расходятся изустно по Франціи, увеличиваясь при переходѣ изъ департамента въ департаментъ, изъ города въ городъ; изъ этихъ слуховъ очень многіе совершенная клевета—но кто опровергнетъ эту клевету, когда она, хотя всѣмъ извѣстная, укрывается однако отъ гласности? А когда французскія газеты и опровергаютъ тотъ или другой невыгодный для Наполеона III разсказъ, никто имъ не вѣритъ, зная, что онѣ не могли бы назвать этой молвы справедливою, еслибъ она была справедлива. Такимъ образомъ, во французскомъ обществѣ все увеличивается и усиливается невыгодное мнѣніе о Наполеонѣ III, и онъ, хотя имѣетъ на своей сторонѣ справедливость во многихъ случаяхъ, не можетъ разрушить ни одного изъ предубѣжденій, образовавшихся противъ него, потому что лишилъ себя единственнаго средства къ защитѣ своей чести, стѣснивъ гласность во Франція. Этимъ не ограничивается вредъ, который терпитъ отъ того его имя. Слухи, изустно распро-

страняющіеся во Франціи, переходятъ за границу, и появляются въ иностранныхъ газетахъ съ печатью неопровержимой истины: «во Франціи всѣмъ это извѣстно»,—говорятъ иностранныя газеты— онѣ проникаютъ во Францію, и служатъ для француза новымъ доказательствомъ неоспоримой справедливости того, о чемъ онъ самъ прежде слышалъ и разсказывалъ знакомымъ: «ну вотъ, объ этомъ говорятъ ужь и за границею, какъ о дѣлѣ извѣстномъ каждому во Франціи; стало быть, это правда». Наполеонъ III очень хорошо знаетъ, какъ много проигралъ онъ относительно добраго мнѣнія, о себѣ у каждаго француза, стѣснивъ газеты; онъ знаетъ, что теперь французы считаютъ его человѣкомъ въ десять разъ худшимъ, нежели каковъ онъ на самомъ дѣлѣ и какимъ считали бы его, еслибы газеты могли говорить о немъ также свободно, какъ къ свое время говорили о Людовикѣ Филиппѣ, — но ему гораздо интереснѣе имѣть власть, нежели пользоваться выгоднымъ мнѣніемъ о себѣ; ему кажется, что газетныя и парламентскія пренія стѣснили бы его власть или даже подвергли бы его опасности, и потому онъ по возможности стѣснилъ ихъ. Но въ этомъ случаѣ онъ ошибается: его власть вовсе не расширилась отъ того, что онъ стѣснилъ газетныя и парламентскія пренія, и если что сохраняетъ прочность занятаго имъ положенія, такъ именно то, что въ сущности личность его имѣетъ вовсе не такъ много власти во Франціи, какъ можетъ казаться ему и кажется всѣмъ, судящимъ о ходѣ событій по формамъ, посредствомъ которыхъ рѣшаются вопросы, а не по духу, въ которомъ они рѣшаются. Въ сбоихъ этихъ мнѣніяхъ мы противорѣчимъ обыкновенному взгляду, но, быть можетъ, читатель согласится, что мы правы, когда прочтетъ слѣдующія строки.

Людовикъ Филиппъ управлялъ Франціею при безграничномъ просторѣ газетныхъ и парламентскихъ преній, и однако же, если хорошенько всмотрѣться въ событія его правленія, мы увидимъ, что его личная воля имѣла больше вліянія на ходъ, французскихъ государственныхъ дѣлъ, нежели воля Наполеона III. При Людовикѣ Филиппѣ, французы нѣсколько разъ сильно желали войны съ Англіею,—Людовикъ Филиппъ не хотѣлъ войны, и войны не было. Французы не хотѣли подчиненія французской политики въ иностранныхъ дѣлахъ англійскому вліянію, — Людовикъ Филиппъ хотѣлъ того, и дѣйствительно, французская политика въ иностранныхъ

дѣлахъ подчинялась вліянію англійской. Французы хотѣли расширенія права избирательства въ Палату Депутатовъ, — Людовикъ Филиппъ не хотѣлъ того, и право избирательства не расширялось. Словомъ сказать, какой бы важный государственный вопросъ мы ни взяли изъ французской исторіи въ правленіе Людовика Филиппа, мы увидимъ, что желаніе французовъ было противоположно мнѣнію Людовика Филиппа, и что дѣло всегда было ведено и разрѣшалось именно такъ, какъ хотѣлъ Людовикъ Филиппъ. До сихъ поръ, ни въ одномъ важномъ случаѣ, Наполеонъ III не рѣшался и не могъ поступить такъ противно общему желанію французской націи, какъ Людовикъ Филиппъ. Людовикъ Филиппъ проводилъ всегда свою волю наперекоръ мнѣнію націи, Наполеонъ III до сихъ поръ постоянно долженъ былъ подчиняться этому мнѣнію, и всѣ важныя событія его правленія сообразны съ мнѣніемъ націи. Нація имѣла вражду противъ Англіи за господство Англіи надъ Франціею при Людовикѣ Филиппѣ, и Наполеонъ III первымъ дѣломъ своимъ почелъ грозить войною Англіи. Французская нація имѣла желаніе прославиться на войнѣ и возстановить свое вліяніе на Востокѣ— Наполеонъ III поспѣшилъ, въ союзѣ съ Англіею (которую лично онъ не любитъ), начать войну противъ Россія (которой лично онъ сочувствуетъ). Точно такъ онъ былъ слугою національной воли во всѣхъ важныхъ событіяхъ своего правленія, между тѣмъ какъ во всѣхъ случаяхъ Людовикъ Филиппъ поступалъ наперекоръ этой волѣ. «Но, быть можетъ, Наполеонъ III самъ лично былъ во всемъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ и не желалъ никогда идти наперекоръ ему?»—Вовсе нѣтъ; во многихъ случаяхъ его личное мнѣніе было противно общему мнѣнію, и въ каждомъ изъ такихъ случаевъ онъ уступалъ, и дѣлалъ наперекоръ себѣ. Напримѣръ, Наполеонъ III—приверженецъ системы свободной торговли; но во Франціи до сихъ поръ господствуютъ протекціонисты—и Наполеонъ III принужденъ былъ отступиться отъ своего желанія значительнымъ образомъ понизить французскій тарифъ. Такихъ случаевъ было много, и ни въ одномъ изъ нихъ личная воля Наполеона III не исполнялась, между тѣмъ какъ личная воля Людовика Филиппа постоянно торжествовала. Итакъ, хотя по формѣ Наполеонъ III имѣетъ гораздо больше власти, нежели Людовикъ Филиппъ, но въ сущности онъ имѣетъ гораздо меньше власти, нежели Людовикъ Филиппъ. Уступая націи конституціонную форму, Людовикъ Филиппъ

на самомъ дѣлѣ совершенно самовластно управлялъ Франціею; отнявъ у Франціи эту форму, Наполеонъ III поставилъ себя въ такое шаткое положеніе; что ни въ чемъ важномъ не отваживается поступить самовластно и во всемъ подчиняется власти націи. Одинъ имѣлъ сущность неограниченной власти безъ формы неограниченной власти, другой погнавшись за формою, утратилъ существенную власть надъ дѣлами.

Такимъ образомъ, если Наполеонъ III, стѣсняя газетныя и парламентскія пренія во Франціи, хотѣлъ пріобрѣсти болѣе сильное личное вліяніе на государственныя дѣла, онъ обманулся и остался въ проигрышѣ: сравнительно съ Людовикомъ Филиппомъ, конституціоннымъ королемъ, Наполеонъ III пользуется лишь незначительнымъ вліяніемъ на дѣла своего государства. «Но по крайней мѣрѣ ему въ самомъ дѣлѣ удалось стѣснить парламентскія и газетныя пренія?» Нѣтъ; болѣе кажется, что удалось, нежели въ самомъ дѣлѣ удалось: по формѣ, онъ стѣснилъ ихъ, въ сущности — вовсе не могъ стѣснить. Его Законодательное Собраніе кажется просто безмолвнымъ орудіемъ для внесенія въ протоколы засѣданій тѣхъ законовъ, какіе предлагаются этому собранію,—на самомъ же дѣлѣ, это по видимому безмолвное орудіе воли Наполеона ни мало не уступаетъ своею силою шумной Палатѣ Депутатовъ, при Людовикѣ Филиппѣ; что мы говоримъ, не уступаетъ?—мало того, оно на дѣлѣ сильнѣе, нежели Палата Депутатовъ. Когда при Людовикѣ Филиппѣ министерство вносило въ Палату Депутатовъ проэктъ какого нибудь важнаго закона, почти не бывало примѣра, чтобы Палата отвергла этотъ проэктъ; а между тѣмъ министровъ, составлявшихъ проэктъ, Людовикъ Филиппъ назначалъ въ сущности по своему выбору, они во всемъ подчинялись его волѣ и составляли проэкты въ томъ духѣ, какъ угодно было Людовику Филиппу. А при Наполеона III Законодательное Собраніе безъ всякихъ шумныхъ преній отвергло довольно много важныхъ проэктовъ, составленныхъ министрами. Да и въ выборѣ министровъ онъ стѣсненъ гораздо больше, нежели Людовикъ Филиппъ. Онъ имѣетъ всю внѣшность власти, но въ сущности власть его ограниченнѣе, нежели власть Людовика Филиппа. Это относительно парламентской силы; а что касается газетныхъ преній, тоже нельзя не видѣть, что газеты, подвергаясь всевозможнымъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, умѣютъ однакоже говорить все то, что хотятъ сказать: если не могутъ ска-

зать прямо, онѣ объясняютъ свою мысль примѣромъ, историческимъ обзоромъ, сличеніемъ цифръ, намекомъ, наконецъ молчаніемъ,—и читатель очень хорошо понимаетъ все, что хотятъ ему объяснить, и въ большей части французскихъ газетъ на каждой страницѣ видимъ осужденіе Наполеона III. А если мы вспомнимъ, что въ послѣднее время начали издаваться французскія газеты за границами Франціи, что эти заграничныя газеты читаются во Франціи съ бо́льшею жадностью, нежели парижскія, и что онѣ пишутся съ бо́льшею прямотою, нежели когда нибудь писались парижскія газеты при Людовикѣ Филиппѣ, то мы совершенно убѣдимся, что Наполеонъ III, всячески стараясь стѣснить газеты, могъ нѣсколько стѣснить ихъ только по формѣ, а въ сущности опять-таки вовсе не успѣлъ прекратить въ нихъ постояннаго порицанія противъ своей политики и своего лица,—напротивъ, только раздражалъ, усилилъ это порицаніе и сдѣлалъ его привлекательнѣйшимъ для французской публики, принудивъ его быть хитрымъ, остроумнымъ или принудивъ его перенестись за границу, гдѣ отбрасываетъ оно всѣ тѣ условія, которыя должно было соблюдать при Людовикѣ Филиппѣ.

Да, когда всмотришься въ сущность дѣла, то видишь, что Наполеонъ III, стремясь къ тому, чтобы стѣснить парламентскія и газетныя пренія во Франціи, достигъ этой цѣли только по формѣ, а вовсе не на дѣлѣ,—а между тѣмъ, стремясь къ ней, упустилъ изъ рукъ сущность власти, которою пользовался Людовикъ Филиппъ.

Конечно, Наполеону III непріятно то, что стѣсненіе парламентскихъ и газетныхъ преній не расширило его власти; непріятно и то, что даже формальное стѣсненіе этихъ независимыхъ силъ не могло быть имъ доведено до такой степени, какъ ему хотѣлось бы: ему хотѣлось бы совершенно уничтожить формы, напоминающія о временахъ Орлеанской династіи; но въ этомъ случаѣ, онъ ошибается, изъ пристрастія къ формамъ забывая объ условіяхъ прочности власти. Ненавистные ему остатки учрежденій, существовавшихъ при Людовикѣ Филиппѣ, служатъ единственнымъ надежнымъ огражденіемъ прочности правленія даже Наполеона III, который преслѣдуетъ ихъ. Возьмемъ хотя бы недавній случай—выборы въ Законодательное Собраніе. Около половины избирателей не захотѣли подавать голоса и тѣмъ протестовали противъ формъ управленія, введенныхъ Наполеономъ; изъ остальныхъ, почти столько же голосовъ оказалось въ пользу оппозиціонныхъ кандидатовъ, сколько

и въ пользу кандидатовъ правительства,—итакъ, немногимъ болѣе нежели одна четвертая часть французскаго населенія поддерживаетъ форму правленія, введенную Наполеономъ III, и почти три четверти населенія враждебно смотрятъ на эту форму. Кажется, такой результатъ не очень благопріятенъ,—и однако же, Наполеонъ III получилъ значительную нравственную поддержку своей власти даже отъ такого результата: до выборовъ, всѣ готовы были предполагать, что не изъ четырехъ человѣкъ, а развѣ изъ ста человѣкъ во Франціи одинъ одобряетъ Наполеона, что правительство Наполеона вовсе не имѣетъ искренних приверженцевъ и держится единственно насиліемъ,—для него очень выгодно уже и то, что хотя четвертая часть населенія оказалась въ его пользу; и такимъ образомъ выборы, повидимому чрезвычайно неблагопріятные для Наполеона, на самомъ дѣлѣ значительно утвердили его власть. Безъ выборовъ она была бы гораздо слабѣе и гораздо болѣе подвержена опаснымъ случайностямъ, нежели въ настоящее время. Точно то же надобно сказать и о другихъ остаткахъ системы, существовавшей при Людовикѣ Филиппѣ, уцѣлѣвшихъ при Наполеонѣ: каждая изъ этихъ формъ служитъ опорою для Наполеона; и если проницательные люди полагаютъ, что власть его не совсѣмъ прочна, то именно потому только, что онъ слишкомъ стѣснилъ эти формы, увлекшись своею антипатіею къ нимъ.

Онъ слишкомъ стѣснилъ эти формы, сравнительно съ тою широтою, въ какой дѣйствовали онѣ при Людовикѣ Филиппѣ; но совершенною ошибкою было бы думать, что стѣсненіе, даже видимое, такъ велико, какъ увѣряютъ въ томъ французы, недовольные Наполеономъ III. Человѣкъ жалующійся всегда расположенъ преувеличивать важность фактовъ, приводящихъ его въ нетерпѣніе. Появленіе такихъ книгъ, какъ сочиненія Токвилля и Монталамбера вовсе не есть дѣло рѣдкое или случайное: можно сказать, что большая часть сочиненій, выходящихъ во Франціи по историческимъ, юридическимъ и тѣмъ болѣе по политическимъ наукамъ написаны также въ духѣ, противномъ системѣ управленія, введенной Наполеономъ III, и никто не думаетъ, что эти сочиненія могутъ подвергнуться какому нибудь преслѣдованію отъ его правительства, Но книги во всѣхъ странахъ Западной Европы менѣе подлежатъ стѣсненію, нежели газеты,—посмотримъ же, каково нынѣ положеніе газетъ во Франціи. «Journal des Debats» прямо называетъ себя

органомъ Орлеанской партіи и конституціонной монархіи; «Siècle» столь же прямо и рѣшительно называетъ себя органомъ республиканцевъ, — и каждая изъ этихъ газетъ въ каждой статьѣ доказываетъ превосходство того принципа, котораго держится. — «Въ чемъ же послѣ того стѣсненіе, на которое жалуются онѣ?» — Просто въ томъ, что онѣ не имѣютъ права прямо отрицать добросовѣстность французскаго правительства или прямо порицать личныя качества Наполеона III; онѣ могутъ какъ угодно судить о каждомъ въ отдѣльности поступкѣ правительства или о каждомъ законѣ, предлагаемомъ правительствомъ; могутъ доказывать, что законъ этотъ несправедливъ или не соотвѣтствуетъ своей цѣли, — и дѣйствительно, онѣ каждый день пользуются этимъ правомъ; но онѣ не могутъ прибавлять положительнаго увѣренія, что Наполеонъ III имѣетъ въ виду дурныя цѣли, предлагая или одобряя этотъ законъ; онѣ не должны оскорблять личности Наполеона III, приписывая ему намѣренія, гибельныя для Франціи; онѣ могутъ только доказывать, что онъ ошибается. Для бóльшей опредѣлительности, возьмемъ какое нибудь опредѣленное дѣло. Въ концѣ 1855 года разносится слухъ, что Франція начала переговоры съ Россіею, въ началѣ 1856 года извѣстно становится, что въ Парижѣ собирается конгрессъ для заключенія мира. Французскія газеты могли доказывать, что миръ этотъ преждевременenъ и невыгоденъ для Франціи, что надобно продолжать войну; онѣ могли также доказывать, что войны противъ Россіи вовсе не слѣдовало и начинать, что она была невыгодна для Франціи. Онѣ не могли только говорить, что Наполеонъ III началъ эту войну или прекращаетъ ее по какимъ нибудь личнымъ видамъ, противнымъ интересу Франціи, — онѣ должны были предполагать, что его дѣйствія, невыгодныя для Франціи, происходятъ не отъ злаго умысла а просто отъ ошибки. Другой случай: Законодательному Собранію предложенъ государственный бюджетъ. Газеты могутъ находить, что армія во Франціи слишкомъ многочисленна и содержаніе ея слишкомъ обременительно для націи, могутъ говорить, что полезно было бы сократить ее, и сократить именно въ такой-то пропорціи, такими-то средствами; онѣ могутъ доказывать также такимъ образомъ, что каждая другая отрасль французскаго управленія организована неудовлетворительнымъ образомъ, и что расходы на нее слишкомъ велики или слишкомъ малы. Могутъ также доказывать, если угодно, что каждый изъ существующихъ нало-

говъ дуренъ и долженъ быть измѣненъ или замѣненъ другимъ. Когда такимъ образомъ обсуждаютъ французскія газеты государственный бюджетъ, то нѣтъ надобности говорить, могутъ ли онѣ прямо выражать свое мнѣніе о другихъ законахъ: бюджетъ есть важнѣйшее дѣло между всѣми вопросами внутренней политики, и когда о немъ французскія газеты могутъ судить свободно, то тѣмъ болѣе могутъ судить о каждомъ другомъ законѣ. Газеты не должны говорить только одного: не приписывать недостатковъ закона злому умыслу со стороны правительства, не приписывать злоупотребленій личному желанію Наполеона III, — все остальное подлежитъ ихъ критикѣ: и всѣ законы, и всѣ дѣйствія правительственныхъ лицъ, отъ министровъ до архіепископовъ. И такое положеніе газетъ называется во Франціи стѣснительнымъ, и англійскія газеты увѣряютъ, что французы живутъ подъ тяжелымъ и гибельнымъ игомъ,— какое странное преувеличеніе! Надобно ли послѣ такихъ фактовъ удивляться тому, что безпрепятственно появляются во Франціи книги, подобныя сочиненіямъ. Токвилля и Монталамбера? Тутъ вовсе нечему удивляться; во французскихъ газетахъ ежедневно печатаются совершенно подобныя статьи.

Монталамберъ менѣе всѣхъ другихъ французовъ имѣлъ бы права возвышать свой голосъ противъ порядка дѣлъ, введеннаго во Франціи Наполеономъ III: знаменитый предводитель умѣренныхъ іезуитовъ напрягалъ нѣкогда всѣ свои силы къ тому, чтобы дать Наполеону III возможность ввести этотъ порядокъ. Когда французы отправили свою экспедицію для взятія Рима и былъ положенъ желанный конецъ отвратительной анархіи и гнусному возстанію противъ Папы, начатому по наущеніямъ злодѣя Мадзини, Монталамберъ съ восторгомъ доказывалъ необходимость совершить подобное же дѣло въ самой Франціи, принять всевозможныя, насильственныя и ненасильственныя, законныя и незаконныя мѣры для подавленія французскихъ республиканцевъ и либераловъ: «надобно, говорилъ онъ. сдѣлать второй римскій походъ въ самой Франціи для возстановленія порядка». Его желаніе было исполнено Наполеономъ III, — и вотъ, Монталамберъ уже недоволенъ, вотъ онъ ужь самъ либеральничаетъ и возстаетъ противъ законнаго порядка—это очень дурно, это совершенно неизвинительно ему, это едва ли даже честно съ его стороны. Но среди различныхъ неосновательныхъ выходокъ, среди умышленнаго и не умышленнаго искаженія фактовъ, встрѣ-

чаются иногда въ его книгѣ страницы, не лишенныя нѣкоторой справедливости. Такъ, напримѣръ, онъ доказываетъ, что въ Англіи гораздо болѣе порядка, нежели во Франціи, и доказываетъ, что англичане умѣютъ извлекать выгоды и для своего государства и для частныхъ лицъ изъ своихъ учрежденій, которыя могутъ казаться слишкомъ шумными для человѣка,

„издавна пріобыкшаго къ однообразному томленію родной страны (Монталамберъ намекаетъ на Францію) гдѣ нѣтъ ни борьбы, ни упорнаго труда, ни самородной и самобытной дѣятельности, гдѣ все и всегда носитъ оффиціальный ярлыкъ, имѣетъ себѣ неизмѣнное мѣсто, разставлено по угламъ, согласно щепетильной попечительности внѣшней власти, всегда готовой избавить гражданина отъ всякаго безпокойства и снять съ него всякую отвѣтственность въ общемъ дѣлѣ, но тѣмъ самымъ нещадно умерщвляющей въ немъ духъ отчизнолюбія и самопожертвованія, разслабляющей людскую породу и осуждающей народъ на безъисходное несовершеннолѣтіе“ (Р. В. Крит. стр. 30.)

Конечно, на это можно возразить: на какомъ же основаніи Монталамберъ помогалъ Наполеону III, когда Наполеонъ III стремился къ введенію во Франціи тѣхъ формъ, которыя теперь такъ мало нравятся Монталамберу? Или Монталамберъ тогда не зналъ, чего самъ хочетъ? Въ другомъ мѣстѣ, онъ разсуждаетъ о причинахъ, по которымъ до сихъ поръ удержалась въ Англіи сильное вліяніе аристократіи.

„Пусть другіе, говоритъ Монталамберъ, восхваляютъ ея великолѣпіе, мужество, краснорѣчіе и политическую мудрость: они будутъ вполнѣ правы. Но я хвалю, благословляю ее выше всего за то, что она умѣла, прежде всей остальной Европы, внять голосу справедливости въ установленіи отношеній своихъ къ своимъ подданнымъ, что она вступила въ правомѣрный союзъ съ ними, не будучи къ тому вынуждена ни внѣшнею властью ни возстаніями. Тотъ, кто возьмется прослѣдить сквозь теченіе многихъ вѣковъ отношенія крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ къ ихъ фермерамъ, и сравнить ихъ съ пагубными раздорами дворянства и земледѣльческаго народонаселенія на материкѣ Западной Европы, тотъ конечно напишетъ одну изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ страницъ исторіи всемірной. Достовѣрно только то, что еще за два столѣтія до того времени, какъ дворянство французское, принесши въ жертву Людовику XIV свое достоинство и независимость, упорно старалась еще поддержать обветшалое и возмутительное зданіе своихъ ѳеодальныхъ правъ, которому суждено было вдругъ съ шумомъ обрушиться въ памятную ночь 4-го августа 1789 года, дворянство англійское уже освободило своихъ крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавило себя отъ смертоноснаго ига этихъ историческихъ анахронизмовъ“ (Р. В. Крит. стр. 42).

Монталамберъ восхищается устройствомъ англійскихъ универ-

ситетовъ; князь Черкасскій справедливо замѣчаетъ, что такое устройство непримѣнимо ни къ какой другой странѣ, —

„Но (прибавляетъ онъ) вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сказать, что только цѣною предоставленія университетамъ полной свободы развитія, значительной степени независимости отъ внѣшней власти и прочнаго усвоенія ихъ управленію начала избирательнаго, могутъ быть сообщены имъ тѣ необходимыя условія внутренней энергіи, жизненной упругости и серьёзнаго корпоративнаго характера, внѣ которыхъ нѣтъ искренняго уваженія общества къ учрежденію, нѣтъ прочнаго воздѣйствія образовательной среды на юношество, нѣтъ наконецъ для нея возможности воспитать для отечества своего гражданина съ привычкою равно уважать и себя и существующій законъ“ (Р. В. Крит. стр. 55).

У Монталамбера встрѣчаются отдѣльныя справедливыя мысли, но совершенно ложна основная тенденція его книги: внушить французамъ необходимость введенія во Францію тѣхъ аристократическихъ учрежденій, которыя потеряли свое могущество и въ Англіи, сохраняя только старинный блескъ безъ старинной силы. У Токвилля, напротивъ и основная мысль книги не лишена справедливости, хотя выражена нѣсколько одностороннимъ образомъ и доведена до чрезвычайнаго преувеличенія.

Причиною всѣхъ политическихъ волненій, постигшихъ Францію въ концѣ прошедшаго вѣка и продолжающихъ доселѣ господствовать въ этой странѣ, Токвилль считаетъ централизацію, доведенную до чрезвычайной крайности со временъ Ришельё и Людовика XIV. Онъ такъ увлекается этою мыслью, что упускаетъ изъ виду всѣ другія причины къ общему неудовольствію, постепенно все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшему французскою націею втеченіе XVIII вѣка,—а причинъ этихъ было много и кромѣ централизаціи. Надобно также замѣтить, что едва ли правильно употребляетъ онъ слово «централизація» для обозначенія того порядка вещей, которому приписываетъ всѣ бѣдствія Франціи. «Централизація» предполагаетъ одинаковость учрежденій во всѣхъ областяхъ государства и очень малую степень власти областныхъ правителей,— этого не было во Франціи до 1789 года. Въ каждой провинціи существовала какая нибудь особенность, подати и налоги между ними распредѣлены были неуравнительно, отношенія сословій были неодинаковы и т. д. Такой порядокъ дѣлъ вовсе не централизація, и сходенъ съ нею былъ онъ только тѣмъ, что вообще французская администрація и фискъ совершенно самовластно управляли всею об-

щественною жизнью и самовластно распоряжались частною жизнью, не признавая никакихъ преградъ и ограниченій своему произволу ни въ чьихъ правахъ. Это не централизація, это просто система произвольнаго управленія,—та самая система, которая возобновлена Наполеономъ III; страданія и бѣдствія, нанесенныя ею Франціи втеченіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ, были неимовѣрно велики, и этимъ объясняется увлеченіе Токвилля. Только немногія провинціи, такъ-называвшіяся pays d'états, находили хотя слабую защиту отъ произвола интендантовъ (областныхъ привителей) и министровъ въ своихъ областныхъ учрежденіяхъ, случайно сохранившихся до нѣкоторой степени. Изъ всѣхъ французскихъ областей, наибольшимъ благосостояніемъ пользовался Латедокъ: обременительное отправленіе феодальныхъ обязанностей натурою, существовавшее въ въ другихъ провинціяхъ, было тамъ замѣнено денежною платою; дороги и каналы находились въ отличномъ состояніи; финансы области были въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что она могла дѣлать государству очень значительныя ссуды.

„Чѣмъ объяснить такое неслыханное въ древней Франціи процвѣтаніе отдѣльной области (продолжаетъ князь Черкасскій)? Токвилль видитъ въ немъ естественное и необходимое послѣдствіе существованія въ Лангедокѣ независимыхъ провинціальныхъ учрежденій и предоставленія центральною властью всѣхъ дѣлъ мѣстнаго управленія, всей внутренней раскладки податей и надзора за общественными предпріятіями областнымъ лангедокскимъ штатамъ, состоявшимъ изъ 92 членовъ, изъ которыхъ 46 депутатовъ средняго сословія, 23 епископа и 23 депутата отъ дворянства. Способъ собиранія ихъ и дѣлопроизводство, даже самый ихъ составъ—все было въ нихъ далеко неудовлетворительно, и должно признаться, королевская власть мало заботилась объ совершенствованіи ихъ, всегда видя въ областныхъ учрежденіяхъ орудіе докучливое и недовольно гибкое въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Но уже и этого несовершеннаго учрежденія, этого всегда присущаго и озаряющаго пути мѣстнаго интенданта—*свѣтоноснаго фокуса*, какъ называетъ его Токвилль, было достаточно, чтобы спасти Лангедокъ отъ многихъ невольныхъ промаховъ и предотвратить или исправить многія ошибочныя дѣйствія центральной французской администраціи.“ (Р. Б. Крит. стр. 79).

„Областныя учрежденія (прекрасно заключаетъ свою статью князь Черкасскій говоря о формахъ, которыхъ не можетъ ввести Наполеонъ по всему не нормальному положенію являются въ настоящее время лучшею точкою опоры для правительства во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ еще сохранились для воззданія ихъ какіе либо живые элементы. Только съ ихъ помощью, при благотворномъ ихъ воздѣйствіи и вліяніи на мѣстное управленіе, можетъ принести какую либо пользу сознательно и безсознательно нынѣ требуемое вездѣ и всѣми

отмѣненіе административной централизаціи. Но подобный подвигъ возвышенной и безкорыстной политики можетъ совершить лишь Государь, рожденный на престолѣ, отъ самой колыбели окруженный любовью своего народа, и столько же увѣренный въ немъ, сколько искренно и горячо его любящій. Возможность совершить подобный подвигъ, сберегается скупою рукою Исторіи лишь для немногихъ ей особенно сочувственныхъ любимцевъ" (Р. Б. Крит., стр. 28).

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 11) надобно замѣтить статью г. Безобразова «Физіологія Общества», объясняющую современный взглядъ на отношеніе политическихъ вопросовъ къ общественнымъ: г. Безобразовъ справедливо говоритъ, что нынѣ политическіе вопросы разсматриваются преимущественно только какъ одежда общественныхъ вопросовъ, или какъ пути для удовлетворенія общественныхъ потребностей:

„Смотря на государство (говоритъ г. Безобразовъ) какъ на внѣшнее, необходимое обезпеченіе органическаго развитія общества, общественная физіологія не налагаетъ на государственную дѣятельность никакихъ произвольныхъ обязанностей, не исходящихъ изъ внутреннихъ потребностей того общества, которое государство призвано защищать отъ внутренняго и внѣшняго насилія, не предпосылаетъ ему никакихъ заранѣе приготовленныхъ формъ, не обусловленныхъ самими интересами народной жизни. Безъ защиты государства, никакое общество не можетъ достигнуть свободнаго развитія силъ своихъ; но и безъ общества, свободно развивающагося подъ защитою государства, послѣднее не имѣетъ никакого значенія. Государственная форма, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, даетъ гарантіи тѣмъ сдѣлкамъ, въ которыя вступаютъ общественные интересы между собою. Задача его не болѣе, но и не менѣе. Какъ только государство при охраненіи общественныхъ интересовъ задумываетъ устраивать при этомъ свои собственныя дѣла, такъ тотчасъ оно выходитъ изъ предѣловъ своего естественнаго назначенія; общественные интересы рано или поздно выходятъ изъ-подъ опеки, съ помощью которой хотѣли усыпить ихъ, и государственныя дѣла, не разрѣшающія никакого общественнаго дѣла, теряютъ всякое значеніе, всякій кредитъ для общества. Искусственный государственный порядокъ поражается всеобщею парализіею. Понятно, что съ этой точки зрѣнія государственныя формы не могутъ быть построены по какимъ нибудь отвлеченнымъ принципамъ: онѣ всегда должны обусловливаться положеніемъ того общества, которое ими охраняется. Потому-то и характеръ и идея государственной дѣятельности разныхъ временъ и народовъ различны, что̀ мы дѣйствительно и видимъ въ исторіи. Такъ начинаютъ смотрѣть на государство всѣ новѣйшіе изслѣдователи, совершенно оставившіе ту почву, на которой возникали политическія воззрѣнія прежняго времени и еще возникаютъ отсталыя воззрѣнія нѣкоторыхъ современныхъ писателей; въ мнѣніи послѣднихъ, всякое государство должно осуществлять одну идею, стремиться къ одной цѣли. Если можно найти эту одну общую идею и цѣль, то можно выразить ихъ развѣ только такъ, что государство обязано обезпечивать свободное раз-

витіе общественныхъ интересовъ. Такой общій смыслъ для государства можно принять. Въ этомъ смыслѣ государственная дѣятельность получаетъ свой особенный характеръ, отличный отъ всѣхъ другихъ отраслей дѣятельности. Оно охраняетъ, даетъ опредѣленную прочную форму сдѣлкамъ, въ которыя безпрестанно вступаютъ между собою разные противоположные интересы въ обществѣ. Но эта форма должна быть такова, чтобы въ ней были всегда открыты двери къ новымъ компромиссамъ, безпрестанно разнообразящимся въ безконечномъ развитіи общества. Существующіе въ обществѣ интересы безконечно разнообразны: интересы собственности и нищеты, капиталовъ, земли и работы, религіи и нравственности, труда и нищеты, образованности и невѣжества, движенія и застоя; но всѣ эти интересы, каковы бы они ни были, въ силу исторической давности, въ силу времени и общества, давшихъ имъ разъ жизнь, имѣютъ неотъемлемое право на уваженіе, на защиту отъ всякаго насилія. Общество дало жизнь тому или другому интересу, питало его иногда очень долго, но оно не можетъ уничтожить его однимъ ударомъ, какъ бы ни были священны новые интересы, выступившіе въ антагонизмъ съ старыми. Общество обязано дать движеніе новымъ интересамъ, но также обязано дать вознагражденіе старымъ. Государство и опредѣляетъ мѣру этого вознагражденія, равно какъ и мѣсто, уступаемое новымъ интересамъ. Этимъ только путемъ могутъ быть обезпечены въ обществѣ порядокъ и движеніе." („Р. Вѣстникъ", № 11, стр. 344.)

Конечно, послѣднія строки имѣютъ слишкомъ безусловный смыслъ: неужели общество, развивающееся не всегда въ нормальныхъ обстоятельствахъ, не порождаетъ иногда интересовъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго снисхожденія и долженствующихъ считать себя счастливыми уже тогда, когда при первой возможности уничтожаются безнаказанно? Когда въ XIII вѣкѣ Рудольфъ Габсбургскій уничтожалъ разбойничьи феодальные замки на берегахъ Рейна и въ Швабіи, разбойники, втеченіи ста или двухъ сотъ лѣтъ потомственно грабившіе всѣхъ проѣзжихъ и всѣхъ сосѣдовъ, неужели могли требовать вознагражденія, ссылаясь на право давности? Вѣдь они лишались части своихъ доходовъ. Но какое дѣло было до того Рудольфу Габсбургскому? Вотъ, иное дѣло, еслибъ эти люди не дожидаясь, пока общее чувство возстанетъ противъ нихъ и смиритъ ихъ противъ ихъ воли, прежде того времени и добровольно выразили готовность отказаться отъ привычки жить чужимъ добромъ, насильственно отнимаемымъ,—ну, тогда швабы и жители рейнскихъ береговъ подумали бы, не требуетъ ли благоразуміе купить у этихъ грабителей добровольное оставленіе прежняго обычая; по юридическому же правилу, грабитель не заслуживаетъ ровно никакого вознагражденія за то, что отказывается отъ грабежа—онъ счастливъ долженъ быть уже тѣмъ, когда не взыскиваютъ съ него денегъ, за-

грабленныхъ имъ. Надобно также прибавить, что общественные компромиссы только тогда производятся на справедливыхъ основаніяхъ, когда дѣло рѣшается вмѣстѣ представителями обѣихъ сторонъ,—иначе, если оно рѣшается людьми, принадлежащими къ одной только изъ двухъ партій, интересы которыхъ должны быть соглашены компромиссомъ, другая партія непремѣнно будетъ обижена. Такъ напримѣръ, англійскій Парламентъ могъ очень справедливо и (какъ показали послѣдствія) очень выгодно для обѣихъ сторонъ рѣшить вопросъ о хлѣбной торговлѣ, потому что въ Парламентѣ были представители какъ протекціонистовъ (тори), такъ и приверженцевъ свободной торговли (виги); но онъ не можетъ при настоящемъ своемъ составѣ справедливо рѣшить вопросъ, напримѣръ о такъ называемыхъ Strike'ахъ или взаимныхъ отношеніяхъ фабриканта къ работникамъ, потому что въ англійскомъ парламентѣ находятся представители только одной изъ этихъ двухъ сторонъ. Въ такихъ случаяхъ дѣла рѣшались гораздо основательнѣе и справедливѣе такъ называемыми французскими промышленными третейскими совѣтами (conseil des prudhommes), въ которыхъ было равное число членовъ изъ обѣихъ партій: при такомъ составѣ, самые затруднительные случаи распутывались очень легко, ко взаимной выгодѣ и къ общему удовольствію всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Въ русскомъ законодательствѣ находятся постановленія, истекшія изъ этого благотворнаго принципа. Такъ напримѣръ, если къ дѣлу прикосновененъ купецъ, дѣло производится не иначе, какъ при депутатѣ купеческаго званія; если къ дѣлу прикосновенно лицо изъ военнаго званія—не иначе какъ при депутатѣ изъ военнаго званія и т. д. Этотъ прекрасный и справедливый принципъ поставляется нашимъ законодательствомъ, какъ необходимое условіе всякаго слѣдствія, всякой тяжбы и, при случаѣ компромиссовъ между тяжущимися партіями онъ долженъ по духу нашего законодательства обезпечивать справедливость размѣра, какой дается присуждаемому вознагражденію.

Въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ помѣщено очень важное и отрадное извѣстіе объ учрежденіи въ Петербургѣ Общества для доставленія дешевыхъ и удобныхъ квартиръ людямъ рабочаго сословія. Согласно высокому желанію, выраженному Его Высочествомъ Герцогомъ Георгіемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ, благоволившимъ принять на себя главное попечительство надъ Обще-

ствомъ, мы помѣщаемъ здѣсь это объявленіе, радуясь начинающемуся осуществленію столь прекрасной и благотворной мысли.

Объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Общества для улучшенія помѣщеній рабочаго населенія.

«Мысль объ улучшеніи помѣщеній рабочаго населенія обратила на себя въ послѣднее десятилѣтіе вниманіе многихъ Правительствъ, въ томъ числѣ и нашего. О состояніи сихъ помѣщеній въ С.-Петербургѣ собраны уже въ разное время весьма любопытныя свѣдѣнія. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ обширныя изысканія, произведенныя двумя Коммиссіями, въ 1840 и 1847 годахъ, и обнаружившія во всей подробности, въ какихъ неопрятныхъ, сырыхъ и холодныхъ квартирахъ размѣщаются здѣшніе рабочіе. При незначительномъ числѣ домовъ, приспособленныхъ, и то весьма дурно, для жилья сихъ людей, они должны поневолѣ довольствоваться квартирами, какія попадутся, приплачиваясь нерѣдко за то здоровьемъ. Какъ мало соотвѣтствуетъ число подобныхъ помѣщеній настоящей въ оныхъ потребности, это показываютъ слѣдующія цифры, извлеченныя изъ дѣлъ Министерства, и которыя отчасти были уже напечатаны въ прежнее время въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества *).

Рабочее населеніе С.-Петербурга составляетъ до . .	250,000 чел.
Изъ нихъ: проживающихъ въ городѣ *постоянно* . .	150,000 »
Приходящихъ на *лѣто*, для заработковъ	100,000 »

Конечно не вся эта масса населенія нуждается въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Изъ числа рабочихъ *постоянно* проживающихъ въ С.-Петербургѣ, надобно исключить тѣхъ, кои, находясь въ домашнемъ услуженіи, или при торговыхъ заведеніяхъ, или на работѣ у цеховыхъ мастеровъ и т. п., помѣщаются у самихъ же хозяевъ. Людей сего рода считается круглыми цифрами:

*) Книжка III. Статистика недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ.

Купеческихъ приказчиковъ до	1,500
Лавочныхъ сидѣльцевъ и разныхъ служителей по торговлѣ до	5,000
Рабочихъ по цехамъ до	26,000
Собственно домашней прислуги разныхъ родовъ и чернорабочихъ при домахъ до	100,000
Итого . .	132,500

«Если изъ числа приходящихъ на лѣто исключить даже ³/₄, кои могутъ помѣщаться въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся работы, то останется: *постоянно* живущихъ до 18,000 и *временно* прибывающихъ до 25,000, а всего до 43,000 человѣкъ, нуждающихся въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Какое же имѣется число помѣщеній для сего населенія? При оцѣнкѣ всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ, произведенной въ сороковыхъ годахъ, описывались въ каждомъ домѣ всѣ отдѣльныя помѣщенія, т. е. каждая квартира, имѣющая особый входъ, хотя бы она не отдавалась въ наемъ, а употреблялась самимъ домовладѣльцемъ для людей, находящихся въ услуженіи при домѣ. Изъ описей этихъ видно, что подобныхъ, особыхъ квартиръ, за которыя кажется плата могла бы составлять до 30 р. въ годъ, считается въ С.-Петербургѣ не болѣе 2,000, и изъ нихъ большая часть даже не отдается въ наемъ, а, какъ сказано, предназначается для дворниковъ и другихъ служителей при домахъ. Собственно для найма рабочихъ остается какихъ-нибудь двѣ, три сотни подваловъ, да не большое число домовъ, исключительно предназначенныхъ владѣльцами для впуска чернаго народа и то преимущественно *на ночлеги*. Дома сего рода доставляютъ, какъ извѣстно, значительные доходы, но тѣмъ не менѣе, при недостаткѣ совмѣстничества, содержатся весьма дурно. Между тѣмъ, при такой значительной массѣ жильцевъ, нуждающихся въ помѣщеніи, еслибы употребить нѣсколько заботливости для содержанія подобныхъ домовъ, можно было бы получать съ нихъ весьма порядочную прибыль, не разстроивая здоровья рабочихъ. Но, чтобы была заботливость, нужно соперничество. Этого невозможно достигнуть иначе, какъ при содѣйствіи частной предпріимчивости, которая, стремясь съ одной стороны къ справедливому извлеченію денежныхъ для себя выгодъ, съ другой стороны заботилась бы о доставленіи жильцамъ наибольшихъ по возможности удобствъ; однимъ

словомъ, не имѣла бы цѣлью наживаться на счетъ рабочихъ и ко вреду ихъ здоровья, а согласовать ихъ пользу съ собственными выгодами, увеличивая сіи послѣднія бережливостью, благоразумною распорядительностью, привлеченіемъ наибольшаго числа жильцовъ и другими тому подобными средствами, обезпечивающими во всѣхъ промышленныхъ дѣлахъ самые блистательные успѣхи и прочные барыши. На эти средства указали, между прочимъ, и Коммиссіи, наряженныя правительствомъ въ разное время для осмотра жилищъ рабочихъ въ здѣшней столицѣ.

«Какой пользы можно достигнуть въ семъ отношеніи, дѣйствуя посредствомъ частныхъ обществъ, это показываютъ наилучше примѣры подобныхъ предпріятій въ Англіи, Франціи и Пруссіи. Все, что представляло почти неопредолимыя препятствія для дѣйствій *исключительно правительственныхъ*, удалось тамъ исполнить легко и скоро, при совокупномъ дѣйствіи правительствъ и частной предпріимчивости. Частныя общества собирали необходимыя средства посредствомъ подписокъ, акцій, иногда даже пожертвованій; имена высокихъ покровителей,—королевы Викторіи, принца Альберта, императора французовъ, принца Прусскаго, служили залогомъ ихъ успѣха, такъ что весьма рѣдко оказывалась необходимость въ непосредственномъ денежномъ вспомоществованіи симъ обществамъ со стороны правительства. Впрочемъ, сими обществами нигдѣ не руководили виды частной спекуляціи. Напротивъ, при учрежденіи каждаго общества принято въ основаніе, что участники ограничиваются нѣкоторымъ, впрочемъ, достаточнымъ процентомъ дохода, прибыли же свыше онаго обращались на пониженіе цѣнъ за квартиры рабочихъ. Несмотря на то, учрежденіе обществъ, не только не остановилось нигдѣ, за недостаткомъ участниковъ, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивается и кругъ ихъ дѣйствій распространяется. Въ Англіи число подобныхъ обществъ доходитъ нынѣ до невѣроятной почти цифры, 12,000, паи коихъ, доставляющіе небольшіе, но постоянные и вѣрные дивиденды, предпочитаются многими акціямъ болѣе блистательныхъ, но и болѣе измѣнчивыхъ въ своихъ результатахъ предпріятій. Основываясь на этихъ фактахъ, легко дать себѣ отчетъ въ побудительныхъ причинахъ къ учрежденію помянутыхъ обществъ. Если въ числѣ ихъ была съ одной стороны нѣкоторая весьма справедливая и благоразумная разсчетливость капиталистовъ,—то съ другой нельзя

не указать и на болѣе возвышенныя чувства истиннаго патріотизма и глубокой любви къ ближнему, понимающей, какое вліяніе имѣетъ помѣщеніе, не только на здоровье, но и на нравственность рабочаго.

«Въ странахъ, гдѣ статистическія данныя собираются съ особенною тщательностью, дознано, что смертность въ дурныхъ помѣщеніяхъ 66 процентами больше той, какая существуетъ въ жильяхъ, удовлетворяющихъ необходимымъ гигіеническимъ условіямъ. Нѣтъ словъ выразительнѣе этой цифры. Столь же поразительные факты обнаруживаетъ повсюду вліяніе подобныхъ помѣщеній и на нравственность. «Откройте списки рожденій въ г. Брюсселѣ»—говоритъ Дюкпесьё (Ducpetiaux) въ одномъ изъ многочисленныхъ сочиненій своихъ, посвященныхъ сему предмету *)—«откройте эти списки и «увидите, что въ общей массѣ, на 100 рожденій приходится около «36 незаконнорожденныхъ; въ частности же, между поденщиками и «поденщицами, ихъ 88, — число почти невѣроятное». — Слишкомъ далеко увлекло бы насъ исчисленіе подобныхъ результатовъ по другимъ многолюднымъ городамъ; да и не принесло бы оно особенной пользы, тахъ какъ приведенныя пропорціи повторяются повсюду съ небольшими измѣненіями. Въ замѣнъ сего, приведемъ изъ того же сочиненія еще нѣсколько строкъ, отличающихся столько же живымъ сочувствіемъ къ положенію бѣднаго работника, сколько и правдивостію изображенія, которое, по этому самому, можетъ быть примѣнено, болѣе или менѣе, къ каждой странѣ, къ каждой многолюдной мѣстности.—«Тѣснота въ размѣщеніи столь же вредна для «здоровья, какъ и для нравственности народа. Дѣйствительно, пред«ставимъ себѣ комнату въ нѣсколько квадратныхъ футовъ, которая «служитъ, въ одно и тоже время, мастерской, кухней, столовой и «спальней. Какой спертый воздухъ, какіе міазмы должны наполнять «ее! Вообразимъ себѣ ночью стоящія одна подлѣ другой койки, на «которыхъ дѣти лежатъ возлѣ взрослыхъ, молодая дѣвушка подлѣ «мальчика. Можно ли надѣяться, чтобы чувство стыдливости долго «противостояло соблазну? Понятно, что при такомъ сближеніи лю«дей разныхъ половъ, порокъ и безпорядочное поведеніе развива«ются съ самаго ранняго дѣтства. Болѣзни и общее разслабленіе

*) Projet d'association financière pour l'amélioration des habitations et l'assainissement des quartiers habités par la classe ouvrière à Bruxelles. 1846.

«еще болѣе увеличиваютъ. Но и когда смерть посѣщаетъ жилище «бѣднаго работника, картина, представляемая этимъ жилищемъ, «превосходитъ все, что воображеніе могло бы создать самаго груст-«наго и ужаснаго. До погребенія мертвое тѣло по необходимости «стоитъ возлѣ стола, на которомъ ѣдятъ, и возлѣ кровати, на ко-«торой спятъ. И это не отдѣльный, не исключительный примѣръ; «это фактъ, постоянно повторяющійся, которому мы не разъ быва-«ли свидѣтелями, и который каждый можетъ провѣрить. Жалкое по-«ложеніе, въ коемъ находится большая часть работниковъ и неиму-«щихъ, самая безпорядочная ихъ жизнь и невоздержаніе не проис-«ходитъ ли частію отъ дурнаго состоянія помѣщеній, ими занимае-«мыхъ? Послѣ трудоваго дня, что̀ находитъ работникъ въ своей «темной, сырой, пустой и грязной комнатѣ? Такое жилище не мо-«жетъ удерживать его дома, и онъ въ кабакѣ ищетъ, если не на-«слажденія, то, по крайней мѣрѣ, самозабвенія. Жена и дѣти напо-«минаютъ ему, по большей части, лишь тѣ лишенія, которыя его «угнетаютъ. Онъ старается укрыться отъ ихъ жалобъ и упрековъ, «и чтобы избѣжать угрызеній совѣсти, не знаетъ другаго средства, «кромѣ минутнаго одуренія, производимаго крѣпкими напитками».

«Какіе возгласы несутся изъ грязныхъ и вонючихъ закоулковъ, «гдѣ гнѣздятся маленькія существа, покрытыя лохмотьями? Это ди-кіе крики, грубыя пѣсни, подъ-часъ — стенанія. А гдѣ же семья? «Она въ разбродѣ; отецъ въ кабакѣ, мать у сосѣдки, ребенокъ на «улицѣ. Семья существуеуъ лишь на случай лишеній и страданій; «для труда, для удовольствія ея нѣтъ. Хотите ли возстановить и «соединить эту разрозненную семью? Дайте ей жилище, которое бы «оправдывало свое назначеніе, дайте ей воздуха, свѣта, солнца! «Возбудите въ работникѣ привязанность къ его жилищу, чтобъ «облагородить его и улучшить положеніе. Время настало, потому «что домашній очагъ, въ смыслѣ мирнаго семейнаго пріюта, стано-«вится рѣже и рѣже. Союзъ между мужчиной и женщиной не при-«знается союзомъ священнымъ, и еслибы младенецъ умѣлъ произ-«носить проклятія, онъ сталъ бы часто проклинать, и тотъ день, «въ который родился».

Конечно, положеніе нашего рабочаго не представляется еще въ столь мрачномъ свѣтѣ. Основанія семейной жизни не потрясены такъ глубоко въ нашемъ простомъ народѣ, и должно стараться не допустить его до сей крайности. Но, отбросивъ нѣкоторыя подро-

бности, нельзя не признать, къ несчастію, что нѣкоторыя изъ описанныхъ недостатковъ существуютъ и у насъ. Сличая содержаніе ихъ съ данными, обнаруженными Коммиссіями, бывшими въ нашей столицѣ въ 1840 и 1847 годахъ, окажется нѣчто похожее:

«Квартиры, предназначенныя для простаго народа, — говоритъ «первая изъ сихъ Коммиссій, — отдаются домовладѣльцами въ на«емъ особымъ промышленникамъ, которые отъ себя уже пускаютъ «въ нихъ рабочихъ, на разные сроки, а всего чаще на *ночлегъ*. На«родонаселеніе, пользующееся сими квартирами, состоитъ изъ по«денщиковъ небольшихъ артелей, прибывающихъ въ столицу для «пріисканія работъ, и другаго класса людей (между прочимъ даже «чиновниковъ). За *мѣсто* платится отъ 2 до 5 руб. асс. въ мѣсяцъ, «или отъ 7 до 10 коп. асс. за ночлегъ. Большая часть сихъ квар«тиръ содержится чрезвычайно дурно; въ нѣкоторыхъ зимою не «было двойныхъ оконныхъ рамъ; отопленіе самое недостаточное и, «сколько можно было замѣтить, квартиры сего рода *нагрѣваются «однимъ скопищемъ людей*; стѣны напитаны сыростію, форточекъ «для очищенія воздуха нѣтъ и *неопрятность превышаетъ всякое «вѣроятіе*; помойныя ямы усторены внутри жилья: иногда изъ пя«таго этажа всякія нечистоты протекаютъ чрезъ всѣ нижніе этажи «и даже по корридору; въ одномъ домѣ, въ которомъ помѣщается «до 700 рабочихъ (а лѣтомъ еще болѣе), найдено, что болѣе 7 «лѣтъ не очищали и не перекрашивали стѣнъ, а полы совершенно «сгнили. Хозяева, нанимающіе эти квартиры отъ домовладѣльцевъ, «желая извлечь наибольшія выгоды, пускаютъ для ночлега такое «число людей, сколько можетъ вмѣститься, для чего дѣлаютъ нары «въ три и болѣе ярусовъ, *почти до потолка*, люди мѣстятся еще «сверхъ наръ на полу, на скамейкахъ, однимъ словомъ, гдѣ есть «только мѣсто, такъ, что въ квартирахъ, имѣющихъ неболѣе 3 саж. «въ длину и ширину, найдено было, при осмотрѣ, ночующихъ и «постоянно живущихъ до 50 человѣкъ обоего пола; тамъ же мало«лѣтныя дѣти и, среди сего скопища людей, нѣсколько человѣкъ «одержанныхъ прилипчивыми болѣзнями». Подобныхъ примѣровъ приведено въ изысканіяхъ Коммиссіи множество. Покойный Генералъ-Адъютантъ Графъ Бенкендорфъ, сводя всѣ эти факты, выразилъ убѣжденіе, что открытые безпорядки происходятъ наиболѣе отъ промышленниковъ, кои, получая за ежегодныя квартиры выгодную плату, ни мало не заботятся объ ихъ содержаніи.

«Въ 1847 году, новая Коммиссія осмотрѣла до пяти сотъ по-«мѣщеній рабочихъ и описала ихъ съ особенною подробностью.

«Рабочій народъ, объясняетъ Коммиссія, помѣщается въ тѣхъ «самыхъ фабрикахъ и заведеніяхъ, гдѣ работаетъ, или въ особыхъ «квартирахъ, нанимаемыхъ подрядчиками, артелями или самыми «рабочими, по-одиночно. Наиболѣе выгодъ для рабочаго предста-«вляетъ размѣщеніе перваго рода, за исключеніемъ болѣе бѣдныхъ «ремесленниковъ, кои, кромѣ мастерскихъ, не имѣютъ особыхъ «помѣщеній для своихъ работниковъ. Въ мастерскихъ сего по-«слѣдняго рода, или отгораживается для кроватей какой нибудь «темный, душный уголъ, или рабочіе спятъ на полу и верстакахъ, «даже на столахъ, на которыхъ днемъ валяютъ тѣсто. Обыкновен-«ною подстилкою служитъ дрянной, тонкій войлокъ, или еще чаще, «простая рогожка; часто даже не бываетъ и вовсе никакой под-«стилки: спятъ прямо на доскахъ. Но надобно войти въ квартиры «собственно *наемныя*, и въ особенности въ такія, гдѣ хозяинъ «имѣетъ дѣло не съ подрядчикомъ, а прямо съ артелью, или ра-«бочими по-одиночно, чтобы узнать, до какой степени можетъ дойти «тѣснота, духота, сырость, однимъ словомъ, все, что разрушаетъ «здоровье человѣка».

Послѣ фактовъ, приведенныхъ выше изъ отчетовъ первой Коммиссіи, мы вошли бы лишь въ излишнія повторенія, еслибы захотѣли прописывать здѣсь и замѣчанія послѣдней. Какъ въ 1840, такъ и въ 1847 году обнаружено совершенно одно и тоже. Обѣ Коммиссіи пришли къ убѣжденію, что въ видахъ народнаго здравія, общественной нравственности и даже полицейскаго порядка, не говоря о человѣколюбіи, необходимо принять рѣшительныя мѣры къ улучшенію означенныхъ помѣщеній, и вторая Коммиссія выразила при этомъ твердое убѣжденіе, что всѣ въ этомъ отношеніи мѣры правительства могутъ привести къ положительнымъ послѣдствіямъ лишь при содѣйствіи частныхъ благотворительныхъ и другихъ обществъ.

«Убѣжденіе это наконецъ нынѣ осуществляется. Лица, пользующіяся извѣстностью, общественнымъ положеніемъ, одушевленныя просвѣщеннымъ усердіемъ ко благу человѣчества, располагающія и благодѣтельнымъ вліяніемъ и матеріальными средствами, предположили составить общество, на акціяхъ для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній рабочаго населенія и вообще людей недоста-

точнаго состоянія. Лица сіи суть: вдова полковника А. К. Карамзина, гофмейстеръ сенаторъ Хрущовъ, С.-Петербургскій губернскій предводитель дворянства графъ Шуваловъ, членъ Совѣта Общества желѣзныхъ дорогъ въ Россіи Абаза, флигель-адъютантъ графъ Бобринскій, придворный банкиръ баронъ Штиглицъ и инженеръ-полковникъ Палибинъ.

«Главное попечительство надъ будущимъ обществомъ принялъ на себя Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Георгій Мекленбургъ-Стрелицкій, Супругъ Государыни Великой Княгини Екатерины Михаиловны.

«Государь Императоръ, по докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ о семъ предположеніи, изволилъ вполнѣ оное одобрить и Высочайше повелѣть, согласно ходатайству Его Великогерцогскаго Высочества, предоставить учредителямъ произвести необходимыя предварительныя изысканія и, составивъ для общества проектъ подробнаго устава, представить оный въ свое время на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ.

«О таковомъ Высочайшемъ соизволеніи, со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомленъ С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, съ тѣмъ, чтобы со стороны городскаго, какъ общественнаго, такъ и полицейскаго управленія, оказываемо было учредителямъ, въ случаѣ надобности, всевозможное содѣйствіе.

«Учредители намѣреваются прежде всего предложить конкурсъ для составленія возможно совершеннаго плана такого дома, который соединялъ бы въ себѣ и всѣ удобства будущихъ жильцовъ и выгоды акціонеровъ, возможную дешевизну постройки со всѣми условіями помѣщенія теплаго, чистаго, свѣтлаго, словомъ, снабженнаго всѣмъ, что для человѣка трудоваго составляетъ не роскошь, но лишь справедливую потребность.

«Объ условіяхъ и требованіяхъ конкурса будетъ объявлено особо въ публичныхъ вѣдомостяхъ.

«Въ этомъ важномъ для общественнаго блага дѣлѣ, Правительству остается желать полнаго и скораго успѣха просвѣщеннымъ учредителямъ столь полезнаго и давно ожидаемаго предпріятія».

«ВРЕМЯ», журналъ политическій и литературный, № 1.

Изъ новыхъ періодическихъ изданій, которыя должны были возникнуть съ начала нынѣшняго года, особенное ожиданіе возбуждалось тремя: «Русскою Рѣчью», «Вѣкомъ» и «Временемъ». «Вѣкъ» и «Русская Рѣчь»—еженедѣльныя газеты; чтобы оцѣнить ихъ надлежащимъ образомъ, надобно подождать, пока дадутъ они по нѣскольку нумеровъ, судить о нихъ теперь было бы слишкомъ опрометчиво. Можно сказать съ увѣренностію лишь одно (что̀ было впрочемъ извѣстно и до появленія первыхъ нумеровъ): обѣ газеты должны быть гораздо лучше тѣхъ изданій, которыя были прежде распространены въ обширномъ кругу читателей, находящемъ толстые наши журналы слишкомъ тяжелыми или по цѣнѣ, или по содержанію. Обѣ онѣ принадлежатъ къ той части нашей литературы, которая имѣетъ своею цѣлью облагороженіе, а не опошленіе понятій общества. Въ дешевыхъ изданіяхъ такого рода былъ у насъ до нынѣшняго года недостатокъ. Правда, существовалъ уже почти два года «Московскій Вѣстникъ», достойный полной похвалы по своему направленію; но онъ былъ слишкомъ мало распространенъ въ публикѣ, конечно по собственной винѣ: онъ не умѣлъ привлечь къ себѣ разнообразіемъ, не умѣлъ придать себѣ газетную живость. Съ новаго года онъ, какъ мы слышали, пріобрѣлъ больше средствъ. Отлагая до одной изъ слѣдующихъ книжекъ рѣчь о преобразованномъ «Московскомъ Вѣстникѣ» и новыхъ еженедѣльныхъ газетахъ, мы надѣемся, что будемъ имѣть тогда достаточные матеріалы сказать, что русская публика получила три хорошія еженедѣльныя газеты.

Но о «Времени» можемъ сказать мы уже и теперь, что это изданіе заслуживаетъ вниманія публики. Толстая книга журнала,

выходящаго разъ въ мѣсяцъ, представляетъ столько матеріала, что по одному нумеру новаго журнала не трудно бываетъ опредѣлить его направленіе и количество силъ, какимъ онъ располагаетъ для исполненія своей задачи. «Время» ставитъ однимъ изъ главныхъ своихъ достоинствъ—независимость отъ литературнаго кумовства, дающую ему просторъ прямо и рѣзко высказывать свои мнѣнія о другихъ періодическихъ изданіяхъ и тѣхъ писателяхъ, откровенно разсуждать о которыхъ часто стѣснялись другіе журналы. Нельзя не сознаться, что у каждаго изъ старыхъ журналовъ, пользующихся хорошею репутаціею, дѣйствительно образовались самою силою времени тѣсныя отношенія къ тѣмъ или другимъ писателямъ, такъ что новый журналъ не совсѣмъ несправедливо присваиваетъ себѣ въ этомъ случаѣ преимущество. Но мы надѣемся доказать «Времени» этою статьею, что и для насъ литературное кумовство не имѣетъ особенной драгоцѣнности и уже никакъ не мѣшаетъ намъ хвалить то, что заслуживаетъ похвалы,—не мѣшаетъ намъ ставить прямодушную правду выше всякихъ авторитетовъ.

Въ объявленіи о своемъ журналѣ редакція «Времени» говорила довольно безцеремоннымъ образомъ, что не намѣрена церемониться съ авторитетами. Этимъ обѣщаніемъ она возбуждала хорошія надежды, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждала во многихъ и нѣкоторое сомнѣніе. Что такое «авторитетъ?» Если «авторитетомъ» называть тѣхъ писателей, превосходство которыхъ признано всѣми, до того, что трудно и прочесть этимъ писателямъ въ порядочныхъ изданіяхъ рѣзкую правду о своихъ произведеніяхъ,—въ нашей литературѣ только два авторитета; г. Тургеневъ и г. Гончаровъ. Всѣмъ другимъ очень часто приходится читать о себѣ не только голую, а даже и разукрашенную браннымъ тономъ правду. Основывать журналъ для безпристрастной оцѣнки повѣстей и романовъ гг. Тургенева и Гончарова конечно было бы ужь слишкомъ много. Очевидно было, что слова редакціи «Времени» слѣдуетъ понимать въ другомъ смыслѣ; подъ «авторитетами» разумѣла она вообще всѣхъ писателей, пользующихся извѣстностью,—отъ г. Авдѣева до г. Фета. А въ такомъ случаѣ будетъ ли она имѣть столько литературныхъ силъ, чтобы порядочно вести журналъ? Вѣдь извѣстно, какъ обидчивы у насъ писатели; вотъ, напримѣръ, мы кажется всего два-три слова сказали какъ-то о г. Ржевскомъ, авторѣ знаменитаго трактата о средствахъ къ увеличенію числа пролетаріевъ, да

и то сказали вскользь,—а теперь мы увѣрены, вздумай мы просить у г. Ржевскаго для своего журнала статьи, онъ ни за что не дастъ. «Время» какъ будто отрекалось отъ сотрудничества писателей, пользующихся извѣстностью. Это подтверждалось и тѣмъ, что не было въ объявленіи списка сотрудниковъ съ громкими именами,—ничего, подобнаго извлеченію изъ блистательнаго сонма знаменитыхъ рукоприкладчиковъ великаго гражданскаго подвига въ защиту евреевъ: не хвалилось «Время» именами, равносильными именамъ гг. Безобразова, Галахова, Громеко, Розенгейма и т. д. и т. д.,—именами, составлявшими такія великолѣпныя созвѣздія въ другихъ объявленіяхъ.

Не знаемъ, сходится ли публика съ мнѣніемъ литературныхъ кружковъ, но въ литературныхъ кругахъ близкія связи редакціи съ сонмомъ свѣтилъ, яркихъ въ глазахъ этихъ кружковъ, считаются необходимыми для хорошаго веденія журнала. Правда, сами литературные круги какъ будто замѣчаютъ, что самыми скучными статьями въ журналахъ бываютъ статьи, украшенныя именами многихъ очень уважаемыхъ писателей. Но все-таки какъ-то лучше съ ними. Что будетъ дѣлать «Время» безъ нихъ?

Судя по первому нумеру никакого особеннаго ущерба не принесла «Времени» слабость его хлопотъ о пріобрѣтеніи именитыхъ сотрудниковъ. Противъ нашего ожиданія мы даже увидѣли на обертке одинъ ингредіентъ съ именитою подписью: «Легенда объ испанской инквизиціи. Поэма. Часть первая. Исповѣдь королевы. А. Н. Майкова». Выражать свое мнѣніе о степени драгоцѣнности этого ингредіента было бы противно правиламъ «Современника», который преклоняется предъ «авторитетами», да и не деликатно относительно публики, которая въ прошлую и нынѣшнюю зиму изорвала не одну дюжину перчатокъ, френетически апплодируя г. Майкову на чтеніяхъ въ Пассажѣ и другихъ публичныхъ залахъ. Г. Плещеева, который далъ въ первую книжку «Времени» очень милое стихотвореніе «Облака», мы не причисляемъ къ авторитетамъ; онъ не болѣе, какъ писатель, дѣятельность котораго безукоризненна и полезна; онъ лишенъ качества, необходимаго для авторитетности, — онъ не зараженъ литературнымъ тщеславіемъ. «Солимская Гетера»—стихотвореніе В. Крестовскаго, должно назваться превосходнымъ, потому что оно ни мало не уступаетъ лучшимъ стихотвореніямъ въ подобномъ родѣ г. Майкова, которыя мы всегда призна-

вали превосходными по нашему принципу преклоненія предъ авторитетами. Въ прозѣ мы находимъ статью г. Страхова «о жителяхъ планетъ», написанную очень популярно; переводъ трехъ разсказовъ Эдгара Поэ, разсказъ г. В. Крестовскаго «Погибшее, но милое созданіе»; эпизодъ изъ мемуаровъ Казановы,—отрывокъ, въ которомъ онъ разсказываетъ свое знаменитое бѣгство изъ венеціанской тюрьмы,—выборъ очень удачный: исторія этого дѣйствительнаго событія имѣетъ всю занимательность эффектнѣйшаго романа. Но изъ всѣхъ статей, находящихся въ первомъ отдѣлѣ журнала, самая важная по своему достоинству конечно романъ г. Ѳ. Достоевскаго «Униженные и Оскорбленные». Романъ будетъ имѣть четыре части; изъ нихъ въ первой книжкѣ помѣщена только одна. Нельзя угадать, какъ разовьется содержаніе въ слѣдующихъ частяхъ, потому скажемъ теперь только, что первая часть возбуждаетъ сильный интересъ ознакомиться съ дальнѣйшимъ ходомъ отношеній между тремя главными дѣйствующими лицами: юношею, отъ имени котораго ведется разсказъ (романъ имѣетъ форму автобіографіи), дѣвушкою, которую онъ горячо любилъ, которая и сама цѣнитъ его благородство, но отдалась другому, очаровательному и безхарактерному человѣку. Личность этого счастливаго любовника задумана очень хорошо и если авторъ успѣетъ выдержать психологическую вѣрность въ отношеніяхъ между нимъ и отдавшеюся ему дѣвушкою, романъ его будетъ однимъ изъ лучшихъ, какіе являлись у насъ въ послѣдніе годы. Въ первой части, по нашему мнѣнію, разсказъ имѣетъ правдивость; это соединеніе гордости и силы въ женщинѣ съ готовностію переносить отъ любимаго человѣка жесточайшія оскорбленія, одного изъ которыхъ было бы, кажется, достаточно, чтобы замѣнить прежнюю любовь презрительною ненавистью,—это странное соединеніе въ дѣйствительности встрѣчается у женщинъ очень часто. Наташа съ самаго начала предчувствуетъ, что человѣкъ, которому отдается она, не стоитъ ея; предчувствуетъ, что онъ готовъ бросить ее,—и все-таки не отталкиваетъ его, — напротивъ, бросаетъ для него свою семью, чтобы удержать его любовь къ себѣ, поселившись вмѣстѣ съ нимъ. Она очень ревнива, а онъ, пользуясь любовью милой дѣвушки, находитъ еще въ себѣ охоту кутить съ разными камеліями,—она знаетъ это и все-таки продолжаетъ любить его. Наконецъ у него является невѣста, на которой онъ уже почти рѣшился жениться,—и Наташа все еще не отталкиваетъ этого дряннаго чело-

вѣка. Тѣ изъ мужчинъ, которымъ не случалось всматриваться въ драмы, происходящія около нихъ, или которые слишкомъ рано загрубѣли, назовутъ такую исторію невозможной или цинически скажутъ, что у Наташи были свои расчеты, что загадка разъясняется вовсе не къ чести Наташи. Къ несчастію слишкомъ многія изъ благороднѣйшихъ женщинъ могутъ припомнить въ собственной жизни подобные случаи, и хорошо, если только припомнить какъ минувшую, уже чуждую ихъ настоящаго исторію.

Мы заговорились о первомъ отдѣлѣ журнала, между тѣмъ какъ вовсе не думали останавливаться на немъ, начавъ нашу статью съ намѣреніемъ обратить вниманіе только на второй отдѣлъ книжки, только на статьи, собственно такъ называемыя журнальныя,—критическія, библіографическія и т. д. Преимущественно ими опредѣляется направленіе журнала, и судя по всему, преимущественно ими должно держаться «Время». Въ первой книжкѣ оно выдерживаетъ свою программу: тутъ полная независимость отъ всѣхъ прежнихъ литературныхъ кружковъ, одинаковая прямота мнѣній о всѣхъ и обо всемъ. Въ числѣ другихъ порядкомъ достается и намъ; еслибы была у насъ наклонность претендовать, когда кто судитъ о насъ такъ же рѣзко, какъ мы часто судимъ о другихъ, мы могли бы обидѣться (какъ безъ всякаго сомнѣнія уже обидѣлись многіе иные). Но это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ нашей наклонности поддержать «Время» на томъ пути прямыхъ и смѣлыхъ сужденій, которымъ думаетъ оно идти. Еслибы вздумалось намъ поспорить съ «Временемъ», мы замѣтили бы, что ошибается оно, когда говоритъ о статьяхъ, подписанныхъ буквами—*бовъ*, какъ будто объ имѣющихъ притязаніе на авторитетность. Каждому кажется, что его взглядъ справедливъ; разумѣется, такъ думаетъ о своемъ взглядѣ и—*бовъ*; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думаетъ, что въ его взглядѣ нѣтъ ничего особенно головоломнаго, что подобнымъ образомъ смотрятъ на вещи сотни и тысячи людей, быть можетъ и не подозрѣвающихъ, что существуетъ на свѣтѣ не только—*бовъ*, но и самый журналъ, печатающій статьи—*бова*. Взглядъ этотъ развивается въ людяхъ самою жизнью, независимо отъ какихъ нибудь статей, и навязать его своими статьями—*бовъ* никому не надѣется: кто самъ по себѣ не дошелъ до такого взгляда, даже и не понимаетъ статей — *бова*, какъ доказано было знаменитымъ примѣромъ человѣколюбиваго назиданія, даннаго—*бову* газетою, чрезвычайно авторитетною. Куда же тутъ имѣть

притязаніе на авторитетность! Довольно того, если—*бову* удается высказать иногда то, что думалось и безъ него очень многими, только не высказывалось въ печати нашими критическими авторитетами.

Впрочемъ, это все еще нейдетъ къ дѣлу,—а дѣло наше въ томъ, чтобы нѣсколько познакомить читателя съ направленіемъ «Времени». Достигнуть этой цѣли можно бы двумя способами: во-первыхъ, можно было бы пересмотрѣть все содержаніе втораго отдѣла книжки, коснуться всѣхъ главныхъ мыслей, развиваемыхъ въ немъ; но это было бы слишкомъ длинно. Лучше будетъ взять въ примѣръ одинъ вопросъ, по взгляду на который легко будетъ отгадать характеръ «Времени». Мы беремъ для этой пробы — понятіе о гласности. Ее, несчастную, стараются колотить (по обычаю г. Козляинова въ обращеніи съ слабыми существами), не только посторонніе, а даже близкіе къ ней люди, журналисты и публицисты (вѣдь извѣстно, что у насъ есть даже публицисты, не только всякіе другіе хорошіе писатели). Мы не хотимъ приводить примѣровъ; но лишь о немногихъ журналахъ можно сказать, что они никогда не нарушали своей обязанности въ этомъ отношеніи, ни разу не поддавались желанію обратить то или другое литературное дѣло въ нарушеніе полицейскихъ или уголовныхъ законовъ. Бывали случаи еще гораздо хуже частныхъ обвиненій того или другаго изданія, того или другаго писателя въ чрезмѣрной вольности сужденій по какому нибудь частному случаю: увлекаемые личною досадою, авторы подобныхъ статей изливались даже въ общихъ порицаніяхъ всей литературы за мнимое злоупотребленіе гласностью. «Время» думаетъ объ этихъ мнимыхъ злоупотребленіяхъ иначе: оно доказываетъ, что если какая нибудь статья или строка непріятны для насъ, то мы еще не имѣемъ права кричать будто бы она — злоупотребленіе и преступленіе; а еслибъ и встрѣчались нѣкоторыя ошибки, то изъ-за этихъ малочисленныхъ и ничтожныхъ ошибокъ не слѣдуетъ набрасывать тѣнь на дѣло, требующее дружеской поддержки отъ всѣхъ насъ, пишущихъ людей.

„Стало возможнымъ осмѣивать нѣкоторыя лица или всѣмъ надоѣвшія или злоупотребившія законъ и власть имъ предоставленную или наконецъ такія, какъ напримѣръ господинъ Козляиновъ, которые нѣтъ-нѣтъ да и отдуютъ нѣмку. Вмѣстѣ съ куплетами на этихъ господъ, вѣроятно по ошибкѣ написали нѣсколько куплетовъ и на васъ. Ну, чтожь что написали—велика важность! Неужели жь изъ этого, что гласность разъ ошиблась,—долой ее? Нѣтъ, милостивый госу-

дарь, если вы любите гласность, извиняйте и уклоненія ея. Вы конечно не оскорбитесь, если я поставлю лорда Пальмерстона на одну доску съ вами — онъ человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ—что жъ? онъ не обижается, когда его *продернутъ* иногда въ двадцати или тридцати оппозиціонныхъ журналахъ, да осмѣютъ въ десяткахъ шуточныхъ, да обругаютъ на чѣмъ свѣтъ стоитъ въ сотняхъ иностранныхъ—французскихъ, нѣмецкихъ, американскихъ. Повѣрьте, что послѣ всего этого продергиванія онъ кушаетъ съ своимъ обыкновеннымъ аппетитомъ, и ночью, когда говоритъ въ палатѣ, голосъ его не дрожитъ и не взволнованъ нисколько. И никогда на умъ ему не вспадетъ желать уничтоженія гласности. И за кого вы стоите, за кого вы ратуете, милостивый государь? За господъ Гусиныхъ, Сорокиныхъ, Козлянновыхъ, Аскоченскихъ, потому что если не считать васъ, милостивый государь, васъ, котораго задѣли можетъ быть по недоразумѣнію, вѣдь куплеты писались только на подобныя лица. Стало быть все, что вы писали о гласности, всѣ ваши воззванія къ ней вся ваша жажда ея—все это были слова, слова и слова?... Стало быть пусть пишутъ про другихъ, мы будемъ молчать и посмѣемся еще съ пріятелями надъ осмѣянными лицами, только бы насъ-то не трогали? Нѣтъ, милостивый государь, ваше поколѣніе (я старикъ, совсѣмъ старикъ, у меня и ноги ужь не ходятъ, и потому я не принадлежу къ вашему поколѣнію) и безъ того ужь много играло словами. Можетъ быть историческая роль его была играть словами, но изъ этихъ словъ ростетъ теперь новое поколѣніе, для котораго слово и дѣло, можетъ быть, будутъ синонимами и которое понимаетъ гласность нѣсколько шире, чѣмъ вы понимаете ее. Я согласенъ, что вамъ все это крайне непріятно; понимаю, еще разъ понимаю, какъ вамъ все это непріятно, но что жь дѣлать? укрѣпитесь. Нельзя же вдругъ вычеркнуть изъ жизни прежніе либеральные годы, прежнія вѣрованія.“

Мы выбросили изъ этого отрывка нѣсколько строкъ, прямо относящихся къ дѣлу и лицу, по поводу которыхъ высказываются «Временемъ» общія замѣчанія: мы не хотимъ, чтобы наша статья могла показаться направленною противъ кого нибудь, или для кого нибудь обидной. Мы собственно желаемъ только показать читателю взглядъ «Времени» на вопросъ, въ которомъ такъ часто сбивались съ добраго пути столь многіе. Вотъ еще небольшой отрывокъ изъ другой статьи.

«Можетъ быть, не возникло бы и половины тѣхъ общихъ и частныхъ, спеціальнымъ вопросовъ, которыхъ теперь и не перечесть съ разу, если бы не явилась къ намъ, способствовать нашему пробужденію, дорогая и прежде незнакомая намъ гостья, прозванная «благодѣтельной» гласностью. Ни одна новизна, кажется, не потерпѣла у насъ такихъ перемѣнъ въ положеніи, какъ эта желанная гостья. Сначала она вступила къ намъ какъ-то робко, заговорила заикаясь и съѣдая половину словъ. Съ перваго взгляда заинтересовались ею, по причинѣ той же юношеской пылкости; но скоро замѣтивъ ея робость и не-

ловкость, подняли бѣдную, какъ говорится, на зубокъ; насмѣшка не пощадила ея новаго положенія въ обществѣ; стали ловить ее на каждомъ шагу, гдѣ случалось ей обмолвиться; особенно же въ этомъ глотаньѣ словъ нашли что-то очень смѣшное. Она разсказываетъ намъ, говорили насмѣшники, что-то и про кого-то; но о какихъ именно странахъ, и о какихъ существахъ лепечетъ она— понять невозможно. Что *какой нибудь* чиновникъ беретъ взятки, это мы и безъ нея знаемъ; что *какой нибудь* смотритель заведенія чинитъ въ свою пользу безгрѣшную экономію,—тоже очень хорошо знаемъ; зачѣмъ же говоритъ она намъ это? Цѣли нѣтъ! Изъ ея рѣчей мы не можемъ сдѣлать никакого употребленія: мы хотѣли бы знать, на кого она жалуется, чтобы поразить того нашимъ отлученіемъ; но вѣдь нельзя же отлучать поголовно всѣхъ чиновниковъ и всѣхъ смотрителей; мы бы и безъ нея это сдѣлали, если бы тутъ была какая нибудь справедливость. Произнеси она намъ имя,—мы бы предали это имя стыду и общему презрѣнію, и вышло бы то, что со временемъ существованіе подобныхъ именъ сдѣлалось бы у насъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ крайне неудобнымъ; потому что нельзя спокойно существовать въ обществѣ подъ карою стыда и общаго презрѣнія... Вотъ тогда была бы цѣль!

«Такъ говорили насмѣшники и недовольные. Гостья прислушалась, поняла въ чемъ дѣло, оправилась и вотъ — оставляетъ она свои робкія движенія и замѣняетъ ихъ смѣлою осанкой, становится сама насмѣшницею. Послышались въ устахъ ея и имена собственныя, и уже немалое число ихъ произнесла она...

«Но... и тутъ бѣда! Нашлись щекотливые господа, которые стали обижаться; стали говорить, что наша «благодѣтельная» гостья слишкомъ вдается *въ частности*, заглядываетъ туда, гдѣ ея не спрашиваютъ,—не уважаетъ, дескать, человѣческаго достоинства!..»

Мы и здѣсь выбросили выраженія, которыя могли бы показаться особенною укоризною для какого нибудь изданія. Мы хотѣли этими выписками не выставлять на видъ чужіе промахи, а только познакомить читателя съ мнѣніемъ «Времени» о томъ, что такое гласность, и можно ли у насъ порицать ее за какую-то мнимую неумѣренность. «Время» справедливо находитъ, что разоблачать передъ публикою общія черты нашихъ общественныхъ недостатковъ литература не можетъ, если не станетъ указывать на частные факты, которыми обнаруживаются общіе недостатки; а касаясь частныхъ фактовъ, она по необходимости должна выставлять и лица, въ нихъ участвовавшія; что съ каждымъ дѣломъ не разлучны нѣкоторыя случайныя ошибки; но что неприлично благородному человѣку или разсудительному изданію дѣлать возгласы противъ самаго дѣла по неудовольствію на мелкія частности его; что если бы когда и подверглось неосновательному порицанію лицо, бывшее правымъ, то

сама литература не замедлила бы показать фактъ въ истинномъ видѣ и дать несправедливо оскорбленному кѣмъ нибудь полнѣйшее удовлетвореніе, и т. д. Этотъ благородный и справедливый взглядъ проведенъ черезъ всю собственно журнальную часть перваго нумера «Времени» съ послѣдовательностію, которой не слишкомъ много примѣровъ представляютъ наши изданія и которая тѣмъ больше чести приноситъ новому журналу.

Сколько мы можемъ судить по первому нумеру, «Время» расходится съ «Современникомъ» въ понятіяхъ о многихъ изъ числа тѣхъ вопросовъ, по которымъ можетъ быть разница мнѣній въ хорошей части общества. Если мы не ошибаемся, «Время» такъ же мало намѣрено быть сколкомъ съ «Современника», какъ и съ «Русскаго Вѣстника». Стало быть, нашъ отзывъ о немъ не продиктованъ пристрастіемъ. Мы желаемъ ему успѣха потому, что всегда съ радостію привѣтствовали появленіе каждаго новаго журнала, который обѣщалъ быть представителемъ честнаго и независимаго мнѣнія, какъ бы ни различествовало оно отъ нашего образа мыслей. Читатель вспомнитъ, какъ радовались мы появленію «Русской Бесѣды», хотя впередъ знали, что почти на всѣ спорные вопросы она будетъ, имѣть воззрѣніе, прямо противоположное нашему; читатель вспомнитъ, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчали мы появленіе «Русскаго Вѣстника», съ которымъ въ спорныхъ вопросахъ сходимся развѣ немногимъ больше, чѣмъ съ «Русскою Бесѣдою». Ничѣмъ инымъ, кромѣ чувства, заставлявшаго насъ желать «Русской Бесѣдѣ» того успѣха, котораго достигла бы она при меньшемъ пристрастіи къ разнымъ слишкомъ непопулярнымъ элементамъ, и желать «Русскому Вѣстнику» того же успѣха, котораго онъ достигъ совершенно заслуженно и съ большою пользою для нашего общественнаго развитія, — ничѣмъ инымъ, кромѣ этого чувства, не будетъ объяснять публика и въ нынѣшній разъ нашего желанія, чтобы успѣлъ привлечь къ себѣ ея вниманіе журналъ, имѣющій направленіе, достойное симпатіи.

НОВЫЯ ПОВѢСТИ. *Разсказы для дѣтей, Москва. 1854* *).

Книжка эта сама по себѣ не интересна. «Новыя повѣсти» едва ли не хуже всѣхъ старыхъ и разсказаны самымъ неправильнымъ языкомъ. Но—какія странныя событія могутъ иногда возникать отъ самыхъ незначительныхъ причинъ!—книжка эта послужила поводомъ къ слѣдующему случаю.

Одна почтенная тетушка, имѣвшая пятерыхъ племянниковъ и племянницъ—если угодно, я даже могу ихъ назвать по именамъ: старшаго племянника звали Петруша, ему было тринадцать лѣтъ; двухъ младшихъ братьевъ звали Боринькою и Ваничкою; сестрицъ ихъ—старшую Анетою, младшую Полиною—эта почтенная тетушка купила «Новыя повѣсти» и начала читать ихъ съ дѣтьми. Много было прекрасныхъ нравоученій въ книжкѣ; но всего болѣе обратило на себя вниманіе тетушки правило, высказанное въ концѣ одной изъ повѣстей: «Не должно быть неблагодарнымъ; ибо неблагодарность есть порокъ».—слышите, mes enfants, прибавила тетушка: нехорошо быть неблагодарнымъ; это очень нехорошо.

— А чтожъ это называется: неблагодарный? спросилъ Ваничка.

— Неблагодарнымъ называютъ, мой другъ, того человѣка, которому сдѣлали какую нибудь услугу, а онъ самъ потомъ не хочетъ сдѣлать такой же услуги своему благодѣтелю.

— А благодарные люди какъ же дѣлаютъ? спросила Полина.

---

*) Эта рецензія, гдѣ авторъ въ шутливой формѣ указываетъ дѣтскую мелочность многихъ явленій тогдашней литературы-беллетристики и „художественной“ критики, въ свое время очень раздражила противъ автора нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ писателей-беллетристовъ, которые почувствовали себя задѣтыми. Статья любопытна какъ одинъ изъ первыхъ признаковъ приближавшагося оживленія литературы—со второй половины пятидесятыхъ годовъ.

Примѣчаніе издателя.

— Они дѣлаютъ такъ: положимъ, я тебѣ доставила удовольствіе; и ты мнѣ старайся сдѣлать удовольствіе; тогда и будешь благодарна. Ты видишь, что я стараюсь вамъ доставить удовольствіе; и ты дѣлай такъ же.

— Ma tante, вѣдь вы доставляете намъ удовольствіе, когда читаете намъ эту книжку? спросилъ опять Ваничка.

— Конечно, мой дружокъ.

Этотъ разговоръ происходилъ послѣ обѣда. Вечеромъ пріѣхали гости; сѣли играть въ карты, дѣти остались одни въ своей комнатѣ.

— Messieurs et mesdames, знаете ли, что я вамъ скажу—закричалъ Петруша, вскочивъ со стула:—тетушка говорила, что надобно платить услугою за услугу. Такъ ли?

— Разумѣется, такъ; нечего и спрашивать, отвѣчали ему всѣ въ одинъ голосъ.

— Я вздумалъ, что мы неблагодарные.

— Отчего жь это? спросила Анета.

— Какъ отчего? Ты ужь большая (Анетѣ было 11 лѣтъ); тебѣ пора понимать; ты не такая маленькая, какъ Полина.

— Я прежде была маленькая, а теперь я все понимаю, обидѣвшись возразила осьмилѣтняя Полина.

— Слушай же, если понимаешь. Большіе пишутъ намъ, дѣтямъ, повѣсти для нашего удовольствія; стало быть и мы должны писать для большихъ повѣсти. А если не пишемъ, значитъ мы неблагодарные.

Петруша былъ одаренъ замѣчательною силою ума, какъ вы, читатель, видите изъ этого. Уличенные въ неблагодарности, слушатели его готовились ужь заплакать—но онъ, не останавливаясь, продолжалъ свои умозаключенія:

— Messieurs et mesdames, давайте же писать повѣсти.

— Давайте писать, давайте писать, подтвердили хоромъ убѣжденные логичностью его выводовъ Messieurs и Mesdames. Побѣжали въ классную комнату, вынули свои тетрадки, и принялись писать. Черезъ полтора часа, когда добрая тетушка пришла напомнить дѣтямъ, что пора ложиться спать, птенцы бросились обнимать ее, крича: «мы благодарные! мы благодарные!» и поднимали какъ можно выше, стараясь приблизить къ ея глазамъ, свои тетрадки. Сначала тетушка не могла понять ничего; но скоро Пе-

труша, отличавшійся, какъ ужь извѣстно, даромъ слова, объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и восторгнувшись душою, тетушка повела писателей и писательницъ въ гостиную, разсказала всѣмъ присутствующимъ свою радость и просила послушать повѣсти ея питомцевъ. Иные гости поморщились; другіе выказали непритворное вниманіе—они, по своему добродушію, и не подозрѣвали, что повѣсть—не дѣтская игрушка.

Чтеніе началось, по очереди, съ произведенія младшей писательницы, Полины. Повѣсть Полины называлась

«ПЯТЬ ЛѢТЪ».

Надежда Владиміровна Бронская, когда была еще Nadine Иванишева, возбуждала общій восторгъ своею красотою. У ней были сотни поклонниковъ; она отличала между ними блестящаго барона Гаугвица. Онъ являлся повсюду, гдѣ ни была она. Онъ былъ ея тѣнью. Они знали, что любятъ другъ друга. Однажды—этотъ вечеръ былъ восхитителенъ: ярко освѣщенная зала Большаго Театра была наполнена избраннѣйшимъ обществомъ Петербурга, Надина въ упоеніи внимала дивнымъ звукамъ Россини. Она была чудно хороша въ ту минуту. Съ восторгомъ смотрѣлъ Гаугвицъ на ея одушевленное лицо, и безвозвратное слово любви трепетало на его губахъ.—«Баронъ, Приклонская справедливо ревнуетъ васъ къ этой дѣвочкѣ», шепнула ему на ухо кузина Надины, и баронъ вздрогнулъ. Онъ боялся насмѣшекъ Приклонской, его какъ молнія поразила мысль: «Неужели Приклонская, эта неприступная, непобѣдимая красавица, можетъ ревновать меня?» Мужчины любятъ суетно; ихъ любовь—тщеславіе, по крайней мѣрѣ любовь такихъ мужчинъ, какъ баронъ. Мысль о томъ, что Приклонская интересуется имъ, не давала ему покоя. На другой день, на балѣ у графини Z***, баронъ былъ, хотя тамъ не было Надины: онъ зналъ, что встрѣтитъ тамъ Приклонскую.

Пропускаемъ нѣсколько главъ изъ повѣсти Полины; конецъ, какъ читатели догадываются, слѣдующій:

Надина уже Надежда Владиміровна Бронская: она три года замужемъ; она говоритъ барону: «Теперь я могу сказать, что я васъ любила, потому что теперь я увѣрена въ себѣ. Я не жалѣю о прошломъ, я люблю своего мужа, который и т. д. Прощайте же; помните или забудьте меня, для меня все равно. Но для васъ лучше забыть меня, потому что я искренно жалѣю васъ. Ахъ, зачѣмъ не любятъ насъ тогда, когда мы такъ готовы любить!»

— Какой прекрасный слогъ! Какіе нѣжные, тонкіе штрихи! Какъ вѣрно понятъ, какъ художественно воспроизведенъ характеръ Надины! Послѣдняя сцена безукоризненно художественна! — Таковъ былъ общій голосъ гостей. Нѣкоторые прибавляли однако, что въ повѣсти мало непосредственности; что рефлексія вредитъ

таланту, и что даровитая Полина должна болѣе заботиться о непосредственности и—если можно такъ выразиться, — дѣйственной свѣжести образовъ; что иначе рефлексія сгубитъ ея талантъ. Одна дама даже находила въ повѣсти Полины тенденцію, натянутую мысль, и была этимъ очень недовольна. Другая соглашалась съ нею, что въ повѣсти есть мысль, но была въ восторгѣ отъ этой мысли. Многіе мужчины увѣряли, что характеръ барона невѣренъ природѣ или исключителенъ; потому что мужчина способенъ также самоотверженно любить, какъ и женщина; утрировку характера барона многіе изъ нихъ объясняли личною антипатіею Полины къ мужчинамъ; другіе возражали: нѣтъ, это просто слѣдствіе того, что авторъ — женщина; есть мужскіе характеры, которыхъ не можетъ понять женщина: но видѣть въ повѣсти Полины филиппику противъ мужчинъ — верхъ нелѣпости; талантъ Полины отличается объективностью; въ ея произведеніяхъ нѣтъ и слѣда субъективныхъ симпатій и антипатій; лучшее доказательство того — прекрасная благородная роль, какую даетъ она мужу своей Надины. Несмотря на эти разнорѣчія, всѣ были согласны, что у Полины много рефлексіи, еще согласнѣе были въ томъ, что она одарена замѣчательнымъ талантомъ. Я, также присутствовавшій на этотъ разъ въ числѣ гостей, не могъ не сказать, что «Пять лѣтъ» — прекрасная повѣсть. Слѣдовательно, это дѣло рѣшеное, и вамъ, читатель, не принесетъ пользы никакое упорство. Лучше соглашайтесь съ нами.

За восьмилѣтнею Полиною началъ читать [illegible] Ваничка, «разсказъ»:

СТАРЫЙ [illegible].

Сюжетъ [illegible] «Пяти лѣтъ».

[illegible]

Всѣ нашли, что характеръ Свирцова нарисованъ мастерскою рукою; нѣкоторые даже прибавили: «вотъ истинный *герой нашего времени*, разоблаченный отъ фальшивой Лермонтовской драпировки». Нашлись даже господа, которые рѣшили, что по развитію мысли — въ художественномъ отношеніи они не сравниваютъ, обращая вниманіе преимущественно на мысль, которая душа повѣсти — что по развитію мысли Ваничка стоитъ выше Лермонтова; они хотѣли было прибавить, что это не доказываетъ еще превосходства Ваничкина таланта надъ талантомъ Лермонтова, а только то, что наше время далеко ушло впередъ отъ Лермонтовской эпохи; но этихъ словъ ужь почти нельзя было разслушать: едва послышалось выраженіе «мысль есть душа произведенія», какъ двадцать голосовъ закричали: «а художественность? Она главное. Вы забываете художественность; мысль безъ художественности ничего не значитъ. Художественностью произведенія дается ему мысль» и т. д; въ азартѣ даже не замѣтили защитники художественности, что та мысль, о которой дерзнули заикнуться ихъ противники, чрезвычайно пустовата, такъ что обращать вниманіе на ея присутствіе или ея отсутствіе рѣшительно не стóитъ. Защита художественности не могла умолкнуть въ теченіе десяти минутъ, и потому повѣсть Ванички осталась не обсужденною; только вообще было высказано, что у Ванички нѣсколько утомленный взглядъ на жизнь и что онъ, конечно, много испыталъ, или по выраженію одного изъ гостей, «его талантъ возмужалъ въ испытаніяхъ жизни». Теперь была очередь Бориньки, и онъ прочиталъ:

ЧЕРНАЯ ДОЛИНА (LA VALLÉE NOIRE).

Oh! que j'aime cette vie calme et douce. *George Sand.*

У пастуха Ивана есть падчерица Марья. Однажды вечеромъ, стирая бѣлье на живописной рѣчкѣ (см. «Jeanne» романъ Жоржа Занда), слышитъ подлѣ себя вздохъ—это Ѳедоръ, который служитъ батракомъ на сосѣднемъ пчельникѣ; Ѳедоръ подходитъ къ ней, и почесывая въ затылкѣ, изподлобья смотритъ на нее.

— Чаво ня видалъ, глаза-те уставилъ? не безъ наивнаго кокетства спрашиваетъ Марья, слегка краснѣя.

— Эхъ, Машутка, больно тея полюбилъ-то! Ужь во-какъ оно легко, ажно вотъ какъ коломъ стоитъ въ сердцѣ-то!

— Исправды? Не пустое ли башь, Ѳедька?

— Эхъ, ка-бы въ душу-то мнѣ заглянула! Вотъ бы все на чистоту уви-

дала, безъ прилыгу! Да чаво теѣ сказать? Во, бывало сяжу на пчельникѣ ти пчелокъ слушаю, какъ жужжатъ-то: больно хорошо таково, гармоніи бы не слушалъ (см. Maitres Sonneurs, par George Sand). Таперча и къ пчеламъ охота отпала, а вѣдь пчелка наша кормилица! Все сяжу, да плачу; во оно каково, мнѣ-то; а ты башь, обманываю!

— А коли любишь, что сватовъ не засылаешь? говоритъ насмѣшливо Марья.

— Али не знашь? Бѣдность одолѣла; во, постой полтинникъ вашибу сватьбу справимъ, и т. д.

Дѣло кончается тѣмъ, что Ѳедотъ, хозяинъ пчельника, узнавъ причину тоски своего батрака, даетъ ему впередъ три цѣлковыхъ жалованья, на которыя справляется богатая свадьба. Ѳедоръ благодаритъ Ѳедота:

— Ужь такъ возблагодѣтельствовалъ меня, пуще отца родимаго.

— Это что, ничаво; всѣ люди должны суть пособлять дружка дружкѣ, чтобы, знашь, рука руку мыла, какъ стары люди говаривали, отвѣчаетъ Ѳедотъ, разчувствовавшись: — у меня на душѣ таково сладимо: вотъ, значитъ, чувство есть; потому: человѣкъ есть: добро дѣло сдѣлалъ, съ меня и довольно».

По окончаніи Боринькиной повѣсти былъ довольно жаркій споръ о томъ, можетъ ли простонародный бытъ дать содержаніе для художественнаго произведенія. Нѣкоторые говорили: не можетъ; имъ возражали: можетъ, и представляли, какъ неопровержимый примѣръ, только-что прочитанную повѣсть; но, прибавляли почти всѣ защитники, только высокая художественность, до которой возвышается Боринька, только она и маскируетъ внутреннюю бѣдность содержанія. Иные, впрочемъ, не допускали «такихъ узкихъ понятій» и предполагали, что для двухъ-трехъ повѣстей простонародная жизнь можетъ дать содержаніе, не смотря на свое однообразіе и даже пустоту. Одинъ голосъ, напротивъ того, утверждалъ, что только простонародный бытъ и можетъ дать истинное содержаніе для русскаго таланта, потому что только въ оренбургскомъ краѣ сохранились русскіе элементы въ неподдѣльномъ видѣ. Но всѣ были согласны въ высокомъ, художественномъ достоинствѣ Боринькиной повѣсти и до чрезвычайности восхищались удивительно глубокому знакомству Бориньки съ простонародной жизнью и дивному его искусству владѣть народнымъ языкомъ. Послѣднее не подлежало спору, потому что многія фразы его героевъ были непоняты слушателями, и Боринька долженъ былъ объяснять, что «ня, бáшь, теѣ, безъ прилыгу», значитъ: «не, баешь или говоришь,

тебя, безъ всякой лжи». Находили одинъ только недостатокъ: Боринька позабылъ украсить свою повѣсть многими въ высшей степени характеристичными народными словами: «малышь, касатка и махонькій». За то, говорили, съ какой вѣрностью воспроизвелъ онъ характеры и бытъ! Ѳедоръ, почесывающій въ затылкѣ, объясняясь въ любви — несравненный типъ; еще вѣрнѣе подмѣчена черта наивнаго кокетства въ Марьѣ, говорящей: «а коли любишь, чаво же сватовъ не засылаешь» и съ скромно-насмѣшливымъ кокетствомъ спрашивающей: «чаво не видалъ, глаза-те уставилъ». Высокая самобытность таланта Бориньки, его неподдѣльная народность были признаны неоспоримыми.

Теперь была очередь читать одиннадцатилѣтней Анетѣ; но скромная дѣвочка стыдилась, чувствуя, что ея повѣсть слаба сравнительно съ прочитанными, а быть можетъ и понявъ, что дѣти вообще едва ли могутъ писать повѣсти. Петруша, досадуя на замедленіе, нетерпѣливо желая похвастаться своимъ произведеніемъ, закричалъ: «если не хочешь читать, ma soeur, и не читай; не заставляйте ее, позвольте читать мнѣ». Слушатели согласились, и Петруша началъ:

Мой знакомецъ.

Иванъ Андреевичъ Загибинъ, котораго Петруша саркастически называлъ своимъ знакомцемъ, намекая на многочисленность людей подобнаго рода, былъ тщеславенъ, любилъ прилгнуть, любилъ порою поиграть въ карты, порою поволочиться или покутить. Эти пороки выставлялись Петрушею въ самомъ яркомъ свѣтѣ и вся повѣсть была пропитана самою ѣдкою ироніею. Вокругъ Загибина группировались его пріятели,—франтъ, любившій выказывать свое умѣнье говорить по французски, другой молодой человѣкъ, щеголявшій своею любовью къ итальянской оперѣ и тонкимъ знаніемъ музыки, но смѣшивавшій Донизетти съ Беллини; наконецъ, третій молодой человѣкъ, любившій блеснуть своею начитанностью, высшими взглядами и остроуміемъ. Петруша неумолимо разилъ и эти важные пороки. Другія лица были менѣе замѣтны, но столь же ѣдко осмѣяны, напримѣръ, Иванъ Ѳедосѣевичъ, хваставшійся своими знатными друзьями.

Повѣсть Петруши нашла восторженныхъ поклонниковъ, хвалившихъ автора за то, что онъ «нелицепріятно разоблачаетъ недо-

статки общества»; нашлись, однако, многіе, порицавшіе Петрушу за эту безпощадность, и говорившіе, что сатира должна быть осторожна и что не на все должно смотрѣть съ такой мрачной стороны, что жизнь представляетъ много отрадныхъ явленій и что направленіе Петруши слишкомъ ѣдко. Впрочемъ, о повѣсти Петруши говорили не такъ много, какъ о предъидущихъ. Согласны были всѣ только въ томъ, что юморъ Петруши глубокъ и бичуетъ самыя мрачныя явленія современности, потому имѣетъ необыкновенно важное значеніе. Согласились также, что не должно слишкомъ распространяться объ этомъ, и что лучше обратиться къ другимъ предметамъ разговора, которые безъ сомнѣнія будутъ доставлены кроткимъ, примирительнымъ міросозерцаніемъ Анеты; потому всѣ снова стали упрашивать ее, чтобы она прочитала свою повѣсть. Анета продолжала отказываться; но тетушка сказала строгимъ тономъ: Lisez, Annette; и Анета начала читать:

ѲЕДИНЬКА И ПЕТИНЬКА.

Ѳединька не любилъ учиться, а Петинька любилъ учиться; Ѳединька говорилъ: я самъ все знаю; а Петинька говорилъ: ежели я не стану учиться, то ничего не буду знать. Когда они выросли большіе, Ѳединька ничего не зналъ, а Петинька сталъ умнымъ человѣкомъ.

Всѣ нашли, что повѣсть Анеты слишкомъ суха и тривіальна, и что едва ли даже не переведена она съ нѣмецкаго или какого нибудь другого языка; потому не стали о ней говорить и разошлись въ пріятной увѣренности, что слышали четыре замѣчательныя произведенія и что были свидѣтелями возникновенія четырехъ литературныхъ направленій. Кромѣ того, всѣ гости были увѣрены, что вечеръ былъ проведенъ очень поучительно, и что если съ одной стороны было прочитано четыре прекрасныя и глубокія произведенія, то съ другой стороны было высказано очень много дѣльныхъ замѣчаній и очень важныхъ мыслей. Двѣ или три изъ этихъ мыслей были даже сказаны мною; потому и я остался въ пріятномъ убѣжденіи, что вечеръ былъ пріятенъ, занимателенъ и вообще прошелъ не безполезно.

Z.

Но одинъ изъ гостей, не участвовавшій въ нашихъ разсужденіяхъ, идя со мною по дорогѣ, сказалъ, будто бы мы сами себя обманываемъ; будто бы прекрасныя повѣсти, нами слышанныя, были совершенно ничтожны и будто бы о нихъ не стоило говорить.—Почему же онѣ ничтожны? — спросилъ я его обидѣвшись. Но онъ, по какому-то странному капризу, заговорилъ о погодѣ, не отвѣчая на вопросъ, что мнѣ показалось вовсе неучтиво.

СОЧИНЕНІЯ Т. Н. ГРАНОВСКАГО. *Томъ первый.*

Москва. 1856.

Когда, по смерти замѣчательнаго ученаго или поэта, даются его друзьями и почитателями обѣщанія издать полное собраніе его сочиненій, публика не обольщается надеждою, что слова эти непремѣнно будутъ исполнены; а тому, чтобы обѣщанія исполнились скоро и удовлетворительно, она рѣшительно не вѣритъ. И нельзя не сказать, что такая недовѣрчивость основательна: публика была слишкомъ часто обманываема подобными обѣщаніями. Лѣтъ пять заставили ее ждать дополнительныхъ томовъ къ первому посмертному изданію твореній Пушкина (1841 года), и—Боже!—каково было это изданіе! Любители курьезныхъ книгъ должны дорожить имъ, какъ дивомъ небрежности и неряшества внѣшняго и внутренняго, какъ рѣдкостью, достойною занимать мѣсто на ряду съ тѣмъ знаменитымъ изданіемъ Виргилія, въ которомъ списокъ типографскихъ и другихъ погрѣшностей наполнилъ въ полтора раза болѣе страницъ, нежели самый текстъ. Относительно русской поэзіи довольно этого примѣра. Наука наша еще несчастнѣе на посмертныя изданія. Укажемъ одинъ случай: Прейсъ, одинъ изъ первыхъ славянистовъ Европы, оставилъ много сочиненій; но почти всѣ они хранились еще въ рукописи, когда постигла его слишкомъ ранняя смерть. Напечатаны имъ при жизни были только немногія и небольшія по объему статьи, удивляющія ученостью и глубокомысліемъ. Важность оставшихся въ рукописи трудовъ его была несомнѣнна. Нѣсколько лѣтъ мы постоянно слышали, что рукописи

Прейса приготовляются къ изданію... вотъ прошло десять лѣтъ, а еще ни одна строка изъ нихъ не явилась въ печати, да и самые слухи объ изданіи совершенно замолкли: довольно, должно быть того, что поговорили о немъ. Такихъ фактовъ можно было бы припомнить десятки. Не удивительно послѣ того, что публика мало надѣется на посмертныя изданія.

Тѣмъ болѣе чести друзьямъ покойнаго Грановскаго, которые принятую ими на себя священную обязанность исполняютъ, какъ видимъ, ревностно и честно. Первый томъ обѣщаннаго изданія уже въ рукахъ публики; второй явится черезъ два или три мѣсяца, и такимъ образомъ, еще до истеченія года со времени тяжелой потери, нанесенной не только нашей наукѣ, но и обществу русскому смертью автора, друзья его исполнятъ ту часть своего долга, совершеніе которой зависитъ исключительно отъ ихъ усердія: два тома эти соединяютъ въ себѣ все, что было напечатано Грановскимъ при жизни. Остается другая, еще болѣе важная половина дѣла: напечатать по рукописи Грановскаго составленную имъ часть учебника всеобщей исторіи, и, по запискамъ его слушателей, знаменитые его университетскіе курсы. Ревность, уже доказанная издателями, ручается за то, что и тутъ они сдѣлаютъ все, зависящее отъ нихъ, для удовлетворенія ожиданіямъ публики. Надобно надѣяться, что имъ удастся дать намъ полные курсы Грановскаго.

Внѣшній видъ изданія совершенно удовлетворителенъ. Цѣна назначена очень умѣренная—три рубля за два большіе тома: очевидно, издатели заботятся о томъ, чтобы дешевизна книги позволяла большинству небогатыхъ читателей пріобрѣтать изданіе. Прекрасный примѣръ, котораго не должны были бы дожидаться другіе издатели, возбуждающіе противъ себя справедливый ропотъ за то, что слишкомъ высокою цѣною препятствуютъ должному распространенію въ массѣ публики книгъ наиболѣе любимыхъ, и необходимыхъ каждому образованному человѣку. Г. Кудрявцевъ, на которомъ лежатъ главные труды по изданію, какъ видно изъ предисловія, и г. Соловьевъ, раздѣлявшій съ нимъ заботы по редакціи, пріобрѣтаютъ этимъ прекраснымъ дѣломъ новое право на признательность публики.

Характеръ предисловія, приложеннаго къ первому тому, заставляетъ насъ сдѣлать догадку, въ справедливости которой нельзя сомнѣваться, принимая во вниманіе энергію, съ какою друзья Грანов-

скаго заботятся о его памяти. «Извѣстіе о литературныхъ трудахъ Грановскаго», написанное г. Кудрявцевымъ, занимается исключительно характеристикою литературныхъ пріемовъ и привычекъ покойнаго историка, нисколько не касаясь его біографіи. Это заставляетъ думать, что жизнеописаніе его составляетъ предметъ отдѣльнаго и обширнаго труда. Въ планѣ изданія, объясняемомъ г. Кудрявцевымъ, не упоминается о выборѣ изъ корреспонденціи Грановскаго, безъ сомнѣнія, очень важной для его біографіи, да и вообще для исторіи нашей литературы: это служитъ новымъ подтвержденіемъ выраженной выше догадки. Итакъ, есть основанія думать, что жизнь Грановскаго будетъ намъ разсказана со всею возможною въ настоящее время полнотою. Съ живѣйшимъ интересомъ будемъ ожидать этой біографіи, а пока воспользуемся тѣми свѣдѣніями, какія сообщаетъ предисловіе, для характеристики привычекъ Грановскаго, какъ литератора.

Грановскій писалъ гораздо менѣе, нежели должно было желать. Чѣмъ объяснить это? Ужели только нелюбовью къ механическому труду, соединенному съ изложеніемъ мыслей на бумагѣ? Такъ думали иные. Г. Кудрявцевъ находитъ это слишкомъ поверхностное объясненіе неудовлетворительнымъ и приводитъ другія, гораздо вѣрнѣйшія.

«Въ Грановскомъ (говоритъ онъ) соединялись два качества, которыя не часто встрѣчаются вмѣстѣ: умъ его былъ столько же ясный и живой, сколько и основательный. Его не удовлетворяло поверхностное знаніе предмета, первое знакомство съ нимъ. Его не пугали самыя трудныя задачи науки: онъ любилъ брать ихъ «съ боя» (какъ самъ же онъ выразился въ одной своей статьѣ), но не довольствовался своею первою побѣдою. Не останавливаясь на первомъ полученномъ успѣхѣ, онъ находилъ въ немъ лишь новыя побужденія къ тому, чтобы усилить занятія предметомъ. Чѣмъ больше знакомился онъ съ вопросомъ, тѣмъ больше любилъ углубляться въ него. Однажды выработанная мысль не принимала въ немъ навсегда неподвижную форму, закрытую для всякаго дальнѣйшаго развитія. Каждое новое изслѣдованіе, соприкасающееся съ предметомъ его занятій, наводило его на новыя соображенія. Оттого нерѣдко случалось, что Грановскій, уже обдумавши свой собственный планъ, или отказывался отъ него, или отлагалъ на неопредѣленное время его исполненіе, находя, что онъ еще не довольно соотвѣтствовалъ современнымъ требованіямъ науки. Время, между тѣмъ, наводило нашего ученаго на другія вопросы и возбужденная ими любознательность вызывала его на новыя занятія. Такимъ образомъ, нѣсколько обширныхъ плановъ, задуманныхъ имъ еще во время пребыванія за границею, остались неисполненными, хотя для нихъ уже за-

готовлено было много матеріала...... Съ необыкновенною живостью переходя отъ одного вопроса науки къ другому, Грановскій никогда, впрочемъ, не терялъ изъ виду прежнихъ задачъ: напротивъ, онъ часто возвращался къ нимъ съ новымъ воодушевленіемъ,—но за то и съ бо́льшею взыскательностью къ самому себѣ. Не довольно было, чтобы мысль много занимала его: онъ не прежде приступалъ къ литературной обработкѣ ея, какъ давши ей созрѣть въ себѣ, и достигнувъ яснаго пониманія ея въ самыхъ подробностяхъ.... Грановскій былъ вовсе чуждъ того литературнаго легкомыслія, которое спѣшитъ всякую случайно навернувшуюся мысль тотчасъ передать публикѣ.... Говоря о Грановскомъ, какъ о писателѣ, не надобно также забывать его въ высокой степени симпатическую природу, постоянно обращенную ко всѣмъ живымъ явленіямъ въ современности. Можно сказать, что ни одно замѣчательное явленіе въ умственномъ мірѣ и въ общественномъ быту не ускользало отъ его вниманія. Мысль его устремлялась всюду, гдѣ только находила слѣдъ человѣческой дѣятельности.... Нѣкоторые читатели были очень изумлены, увидѣвъ напечатанное въ одномъ журналѣ, съ именемъ Грановскаго, чтеніе «Объ Океаніи и ея жителяхъ»: съ какой стати было ему говорить объ Океаніи? Какимъ образомъ мысль историка могла быть завлечена въ такую неисторическую страну? Дѣло, однако, объясняется очень просто. Гдѣ только находилось какое нибудь людское общество, тамъ непремѣнно хотѣла присутствовать и неутомимая мысль нашего ученаго... До насъ дошло лишь одно такое чтеніе; но читатель можетъ судить по немъ, какое обширное изученіе предмета авторъ обыкновенно полагалъ въ основаніе своихъ выводовъ.—Если дальній и малоизвѣстный свѣтъ такъ много занималъ нашего ученаго, то можно себѣ представить, съ какимъ живымъ интересомъ слѣдилъ онъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось и происходило вокругъ него. Современныя общественныя явленія не имѣли между нами болѣе воспріимчиваго органа для себя. Все, что было въ нихъ отраднаго, такъ и горькаго,—все это находило самый искренній и горячій отзывъ въ его душѣ... Понятно, что, при такой чувствительности къ современному, вопросы, предлагаемые наукою о прошлой жизни, нерѣдко уходили на задній планъ. Это не значитъ, конечно, чтобы Грановскій терялъ ихъ изъ виду; но передъ лицомъ великихъ современныхъ событій они нерѣдко теряли тотъ животрепещущій интересъ, который тотчасъ ищетъ себѣ выхода въ литературу.... Къ тому же, сообщительный отъ природы, любя болѣе всего живое, свободное слово, онъ часто довольствовался этимъ средствомъ сообщенія своихъ мыслей... Оттого-то, между прочимъ, Грановскій предпочиталъ столько любимую имъ форму публичныхъ чтеній всякому другому способу изложенія своихъ мыслей».

Прибавимъ къ этому другія обстоятельства, на которыя намекаетъ г. Кудрявцевъ,—между прочимъ, что литературная форма у насъ очень узка, если можно такъ выразиться; что Грановскій былъ доволенъ своимъ сочиненіемъ только тогда, когда успѣвалъ сообщить мысли совершенно художественную форму, подъ которою, конечно, надобно понимать не только внѣшнюю обработку слога,

но также полноту и ясность развитія мысли,—и намъ не будетъ казаться страннымъ, что Грановскій писалъ мало. Это было слѣдствіемъ того, что онъ вѣрно понималъ свое положеніе и обязанности. У насъ въ дѣлѣ науки почти совершенно нѣтъ раздѣленія работъ, потому что мало людей, приготовленныхъ къ ученому труду. Ученый, одаренный способностями, которыя ставятъ его выше толпы, до сихъ поръ еще находится въ положеніи, отчасти сходномъ съ положеніемъ Ломоносова: не одно дѣло, а десять, двадцать дѣлъ долженъ брать онъ въ свои руки, если хочетъ быть истинно полезенъ. Въ Германіи, въ Англіи историкъ можетъ спокойно обработывать избранный предметъ, не развлекаясь ничѣмъ—онъ служитель науки, и только; весь долгъ его ограничивается тѣмъ, чтобы быть трудолюбивымъ спеціалистомъ—остальнымъ потребностямъ общества удовлетворяютъ другіе люди. У насъ положеніе истиннаго ученаго, какимъ былъ Грановскій, еще не таково. До сихъ поръ онъ служитель не столько своей частной науки, сколько просвѣщенія вообще—задача, несравненно болѣе обширная. Извѣстно, что западные ученые почти всегда избираютъ предпочтительнымъ предметомъ своихъ занятій одну какую нибудь часть исторіи: иной трудится почти исключительно надъ разработкою греческой исторіи, другой римской, третій—исторіи Италіи или Германіи, да и то не во всемъ ея объемѣ, а преимущественно или въ средніе вѣка, или въ эпоху возрожденія, или въ новое время. Кромѣ этого небольшаго участка, всѣ остальные народы и времена уже не развлекаютъ его силъ и вниманія: то особенные участки, о которыхъ нечего заботиться, потому что они обработываются другими дѣятелями. У насъ не то: дѣятелей такъ мало, что они еще не могутъ ограничиваться разработкою отдѣльныхъ частей науки—иначе бо́льшая часть ея останется еще совершенно чуждою, невѣдомою нашему обществу; они даже не могутъ сосредоточить своего вниманія на избранной ими спеціальной наукѣ,—потому что другія, сродныя съ нею, необходимыя для ея успѣховъ, отрасли знанія не находятъ еще себѣ возделывателей; ученый, понимающій свое отношеніе къ потребностямъ публики, все еще чувствуетъ у насъ слишкомъ сильную потребность быть не столько спеціалистомъ, сколько энциклопедистомъ. Не трудное и почетное въ ученомъ смыслѣ дѣло—заняться разработкою эпохи феодализма или реформаціи, греческой или нѣмецкой исторіи—тутъ можно

создать творенія капитальныя, которыми данный вопросъ двинется впередъ для науки, и ученая слава наградитъ труженика. Но то ли у насъ нужно? Прежде, нежели заботиться о движеніи впередъ науки, надобно позаботиться о томъ, чтобы усвоить ее нашему обществу—подвигъ вовсе не блестящій, въ научномъ смыслѣ, подвигъ не спеціалиста, увѣнчиваемаго музою Кліо, а просвѣтителя своей націи, за отреченіе отъ обольщеній личной славы вознаграждаемаго только сознаніемъ, что онъ дѣлаетъ полезное для общества дѣло. Есть люди, которые думаютъ, будто наше общество уже достаточно ознакомилось съ наукою въ современномъ ея состояніи, которые даже удивляются богатству и основательности знаній въ нашемъ обществѣ. «Познанія у насъ, русскихъ, такъ разнообразны и обширны (восклицаютъ эти люди, слишкомъ довѣрчивые къ своему), умственныя способности такъ развиты, ясность и быстрота понятій доведены до такой высокой степени, что изумишься поневолѣ!» («Моск. Сборн.» 1846 г., статья г. Хомякова: «Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ» стр. 151). Но въ этомъ изумленіи отъ нашихъ чрезвычайныхъ умственныхъ богатствъ гораздо больше субъективныхъ, нежели объективныхъ основаній, или, пожалуй, больше доброй воли, нежели основательности. На самомъ дѣлѣ, у насъ очень мало людей, которые слѣдили бы за наукою,—тѣмъ больше, разумѣется, чести немногимъ, дѣйствительно слѣдящимъ за нею. Но обязанность ихъ совершенно не та у насъ, какъ на Западѣ, потому что они должны дѣйствовать въ обществѣ, находящемся не на той степени умственнаго развитія, какъ западное общество. Тамъ прогрессъ состоитъ въ дальнѣйшей разработкѣ самой науки, у насъ до сихъ поръ еще въ томъ, чтобы полнѣе усвоивать результаты, которыхъ уже достигла наука; тамъ на первомъ планѣ стоятъ потребности науки, у насъ—потребности просвѣщенія.

Грановскій понималъ это и служилъ не личной своей ученой славѣ, а обществу. Этимъ объясняется весь характеръ его дѣятельности. Спеціальная наука его была исторія. Чего недостаетъ намъ въ настоящее время по этой важной отрасли знанія? Чѣмъ мучится наше общество? Тѣмъ ли, что многіе очень важные вопросы въ этой наукѣ еще не разрѣшены? Нимало; оно даже не предчувствуетъ существованія этихъ неразрѣшенныхъ вопросовъ и если слышитъ, что въ наукѣ еще не все сдѣлано, то наивно предпола-

...аетъ нерѣшенными именно тѣ вопросы, которые уже давно объяснены *).

Возможность подобныхъ недоразумѣній ясно указываетъ на то,

*) До какой степени простирается эта ошибка, можно видѣть, напримѣръ изъ статьи „Московскаго Сборника", о которой упомянули мы выше. Авторъ, безспорно принадлежащій къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей у насъ, говоритъ, между прочимъ, что наши ученые должны рѣшить тѣ важнѣйшіе вопросы въ исторіи, которые не рѣшены западною наукою, и сѣтуетъ на нашихъ историковъ за то, что не двинули этихъ вопросовъ впередъ, не сказали о нихъ ничего новаго. Каковы же задачи, неразъясненныя, по мнѣнію автора, наукою? Вотъ онѣ: „Догадались ли мы, что каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человѣкъ, и что внутренняя его жизнь есть ничто иное, какъ развитіе какого нибудь нравственнаго или умственнаго начала, осуществляемаго обществомъ?" (Объ этомъ давно всѣ твердятъ съ голоса Гегеля; трудно найти историческую книгу за послѣднія двадцать лѣтъ, въ которой бы дѣло это излагалось неудовлетворительно; въ настоящее время скучно уже и говорить о подобныхъ вещахъ). „Самыя важныя явленія въ жизни человѣчества остались незамѣченными. Такъ, напримѣръ, критика историческая не замѣтила, что многое утратилось и обмелѣло въ мысляхъ и познаніяхъ человѣческихъ, при переходѣ изъ Эллады въ Римъ и отъ Рима къ романизированнымъ племенамъ Запада". (Съ того времени, какъ принялись за изученіе греческихъ классиковъ, каждому извѣстно, что греки въ наукѣ и поэзіи были выше римлянъ, что Гомеръ выше Виргилія, передъ Платономъ и Аристотелемъ ничтоженъ Цицеронъ, какъ философъ, и т. д.; а то, что латинскіе классики неизмѣримо выше средневѣковыхъ писателей, было всѣмъ извѣстно даже въ средніе вѣка). „Такъ раздѣленіе Имперіи на двѣ половины послѣ Діоклетіана, и Константина является постоянно дѣломъ грубой случайности, между тѣмъ, какъ очевидно оно происходило отъ разницы между просвѣщеніемъ эллинскимъ и римскимъ". (Да у какого же историка представляется оно дѣломъ грубой случайности? И какой историкъ не понимаетъ и не объясняетъ, что дѣленіе произошло отъ разности между цивилизаціей греческаго и римскаго міра, Восточной и Западной имперіи? и т. д., смотр. „Московскій Сборникъ" 1846 г., статья г. Хомякова, стр. 157 — 160). Въ исторіи очень много неразрѣшенныхъ вопросовъ; но къ нимъ нимало не принадлежатъ задачи, на которыя указываетъ русскому историку авторъ: о предметахъ, имъ исчисляемыхъ, ни русскій, ни нѣмецкій, ни французскій историкъ не можетъ сказать ничего существенно новаго, потому что они объяснены очень удовлетворительно. Говоря о нихъ что нибудь различное отъ настоящихъ рѣшеній, давно данныхъ наукою, можно развѣ только повторять контраверсистовъ и схоластиковъ, — напримѣръ, въ вопросахъ о Византіи Адама Церникава (Zernikaw—Зерниковъ? Жернаковъ?)—тутъ будетъ еще меньше новаго и самостоятельнаго, нежели въ согласіи съ основательными рѣшеніями современной науки.

въ чемъ состоитъ истинная потребность нашего общества: въ настоящее время, ему нужно заботиться о томъ, чтобы короче познакомиться съ наукою въ ея современномъ положеніи. Оно и само требуетъ отъ своихъ ученыхъ именно этой, а не какой нибудь другой услуги; они должны быть посредниками между наукою и обществомъ. Таковъ и былъ Грановскій. Но если мы до сихъ поръ еще слишкомъ мало усвоили себѣ науку, то главною виною этому въ настоящее время должны считаться не какія нибудь внѣшнія препятствія, какъ то было до Петра Великаго, а равнодушіе самого общества ко всѣмъ высшимъ интересамъ общественной, умственной и нравственной жизни, ко всему, что выходитъ изъ круга личныхъ житейскихъ заботъ и личныхъ развлеченій. Это наслѣдство котошихинскихъ временъ, временъ страшной апатіи. Привычки не скоро и не легко отбрасываются и отдѣльнымъ лицомъ; тѣмъ медленнѣе покидаются онѣ цѣлымъ обществомъ. Мы еще очень мало знаемъ не потому, чтобъ у насъ не было дарованій—въ нихъ никто не сомнѣвается,—не потому, чтобъ у насъ было мало средствъ—великій народъ имѣетъ силу дать себѣ все, чего серьёзно захочетъ,—но потому, что мы до сихъ поръ все еще дремлемъ, отъ слишкомъ долгаго навыка къ сну. Оттого-то существеннѣйшая польза, какую можетъ принести у насъ обществу отдѣльный подвижникъ просвѣщенія, посредствомъ своей публичной дѣятельности, состоитъ не только въ томъ, что онъ непосредственно сообщаетъ знаніе — такой даровитый народъ, какъ нашъ, легко пріобрѣтаетъ знаніе, лишь бы захотѣлъ — но еще болѣе въ томъ, что онъ пробуждаетъ любознательность, которая у насъ еще не достаточно распространена. Въ этомъ смыслѣ, лозунгомъ у насъ должны быть слова поэта:

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!

Наконецъ, на людяхъ, щедро надѣленныхъ природою и высоко развитыхъ наукою, есть у насъ еще обязанность, мало развлекающая силы западныхъ ученыхъ. Общество даетъ у насъ мало опоры научнымъ и человѣчнымъ стремленіямъ; воспитаніе наше обыкновенно бываетъ неудовлетворительно: оно не полагаетъ твердыхъ основаній нашей будущей дѣятельности, не влагаетъ въ насъ никакого сильнаго стремленія, никакого опредѣленнаго взгляда на самые простые житейскіе и умственные вопросы. Потому, даже въ лю-

Для [illegible]хъ наиболѣе даровитыхъ и развитыхъ, по уму, знанію и положенію имѣющихъ призваніе быть дѣятелями просвѣщенія, по большей части не бываетъ никакихъ бодрыхъ и рѣшительныхъ стремленій; мысли ихъ колеблются, перепутываются, дѣятельность не имѣетъ никакой опредѣленной цѣли; они часто готовы бываютъ блуждать сами въ смутномъ хаосѣ недоумѣній, по волѣ случая направляясь то туда, то сюда, не приходя и сами ни къ чему достойному вниманія, не только не проводя за собою другихъ къ какой нибудь возвышенной цѣли. Для нихъ бываетъ нуженъ человѣкъ, который постоянно возбуждалъ бы въ нихъ желаніе искать истинный путь, постоянно указывалъ бы направленіе ихъ дѣятельности, рѣшалъ бы ихъ недоумѣнія, который былъ бы для нихъ авторитетомъ и оракуломъ. Вообще, часто бываетъ нужно возставать противъ слѣпаго увлеченія авторитетами; быть можетъ, настанетъ время, когда люди найдутъ, что могутъ обходиться и безъ авторитетовъ: тогда люди будутъ гораздо счастливѣе, нежели были до сихъ поръ. Но пока—и это «пока» продолжится еще цѣлые вѣка—сила привычки и апатіи такъ еще сильна, что большинство чувствуетъ себя спокойнымъ и увѣреннымъ только тогда, когда встрѣчаетъ объясненіе стремленіямъ вѣка и ободреніе своимъ мыслямъ въ какомъ нибудь авторитетѣ. Особенно должно сказать это о нашемъ молодомъ обществѣ. Оно не можетъ, кажется, шагу ступить безъ поддержки какой нибудь сильной отдѣльной личности. Явленіе, если говорить правду, само по себѣ прискорбное; но что жь дѣлать, когда иначе не бываетъ въ извѣстныхъ періодахъ развитія? Поневолѣ надобно признать, что люди, которые были авторитетами добра и истины, заслуживаютъ глубокой благодарности за пользу, которую принесли, за успѣхи, совершенные подъ ихъ вліяніемъ и пока невозможные безъ нихъ.

Такова была доля Грановскаго въ дѣлѣ нашего развитія. Онъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ посредниковъ между наукою и нашимъ обществомъ; очень немногія лица въ нашей исторіи имѣли такое могущественное вліяніе на пробужденіе у насъ сочувствія къ высшимъ человѣческимъ интересамъ; наконецъ, для очень многихъ людей, которые, отчасти благодаря его вліянію, пріобрѣли право на признательность общества, онъ былъ авторитетомъ добра и истины. Все это, какъ видимъ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ спеціальныхъ заслугъ, на которыхъ зиждется слава ученаго. А,

между тѣмъ, въ нихъ-то именно и должно состоять истинное значеніе ученаго въ нашемъ обществѣ. То, что стало уже второстепеннымъ дѣломъ на Западѣ, у насъ еще составляетъ существеннѣйшій вопросъ жизни; то, чего требуетъ отъ своихъ людей Западъ, еще не требуется нашимъ обществомъ. Люди, которые скорбятъ о томъ, что наше общество, наше просвѣщеніе и т. д. какъ двѣ капли воды походятъ на западное общество, западное просвѣщеніе и т. д., оскорбляются фактами, рѣшительно созданными ихъ воображеніемъ. Еслибъ мы раздѣляли ихъ понятія, мы, напротивъ, повсюду видѣли бы поводъ къ радости: сходства между нами и Западомъ пока еще не замѣтно ни въ чемъ, если хорошенько вникнемъ въ сущность дѣла.

Такъ, напримѣръ, и Грановскій былъ возможенъ только у насъ. Человѣкъ, по природѣ и образованію призванный быть великимъ ученымъ и шедшій во всю жизнь неуклонно и неутомимо по ученой дорогѣ, не оставилъ, однако, по себѣ сочиненій, которыми наука двигалась бы впередъ (единственное средство къ пріобрѣтенію имени великаго ученаго на Западѣ,—и, между тѣмъ, каждый изъ насъ говоритъ, что онъ несомнѣнно былъ великимъ ученымъ и исполнилъ все, къ чему призывалъ его долгъ ученаго. Кажется, такого сужденія нельзя обвинять въ подражательности западнымъ примѣрамъ; мы не знаемъ даже, можно ли его сдѣлать вразумительнымъ для нѣмца или англичанина, не обрусѣвшаго въ значительной степени. Такъ и во всемъ: наше общество все мѣритъ своимъ аршиномъ, а вовсе не французскимъ метромъ (хотя онъ гораздо удобнѣе) и не англійскимъ футомъ (хотя онъ и введенъ у насъ, на словахъ). За оригинальность нашу нечего опасаться: сильнѣе обстоятельствъ времени не будетъ никто, подчиняется имъ всякій.

Однако, почему же Грановскій писалъ мало и не оставилъ сочиненій, двигающихъ науку впередъ? Потому, что онъ былъ истинный сынъ своей родины, служившій потребностямъ ея, а не себѣ. Не знаемъ, сознавалъ ли онъ, на какую высоту становится, какую блестящую славу снискиваетъ, отказываясь отъ своей личной ученой славы. По всей вѣроятности, онъ и не думалъ объ этомъ: онъ былъ человѣкъ простой и скромный, не мечтавшій о себѣ, не знавшій самолюбія; надобно даже предполагать, что онъ и не приносилъ тяжкой для гордости жертвы, отказываясь отъ легко испол-

…имаго при его силахъ стремленія занять почетное мѣсто въ наукѣ капитальными трудами. Онъ просто исполнялъ свой долгъ, употребляя свои силы сообразно требованіямъ занимаемаго имъ положенія въ русскомъ обществѣ. Положеніе было таково, что всѣ лежавшія на немъ требованія общества и науки существенно исполнялись живымъ словомъ, — и литературная дѣятельность была для него только повтореніемъ, только дѣломъ досуга и личной, случайной охоты повторить на бумагѣ то, что уже достигло своей цѣли посредствомъ живаго слова. Какъ профессоръ Московскаго Университета, безъ всякихъ сравненій значительнѣйшаго изъ ученыхъ учрежденій Россіи по вліянію на жизнь общества и развитіе нашего просвѣщенія, Грановскій имѣлъ кругъ дѣятельности, едва ли менѣе обширный, нежели кругъ дѣйствія литературы. Непринужденность положенія, полнота выраженія мысли, какая давалась ему живымъ словомъ, не существуетъ въ литературѣ. Какое же побужденіе могъ онъ имѣть для повторенія въ искаженномъ видѣ того, что уже было сообщено публикѣ? Онъ не нуждался въ литературѣ, какъ посредницѣ между нимъ и публикою. Но, однакожъ, онъ долженъ былъ чувствовать важность литературы, долженъ былъ и на нее простирать свое вліяніе? И для этого точно также не имѣлъ онъ надобности писать. Его высокій умъ, обширныя и глубокія познанія, удивительная привлекательность характера сдѣлали его центромъ и душою нашего литературнаго кружка. Всѣ замѣчательные ученые и писатели нашего времени были или друзьями, или послѣдователями его. Вліяніе Грановскаго на литературу въ этомъ отношеніи было огромно. Конечно, возможность такого дѣйствія чрезъ бесѣду, чрезъ личныя отношенія, связывающія людей въ одинъ кружокъ, обусловливается малочисленностью нашего литературнаго сословія. Вѣдь если разобрать хорошенько, у насъ въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ существуетъ порядокъ вещей, мало чѣмъ отличный отъ того, что было во времена «Бесѣды любителей Русскаго Слова» и «Арзамаса»: всѣ наши литераторы и ученые наперечетъ, каждый изъ нихъ лично знакомъ со всѣми остальными; это совершенно не то, что въ Германіи, Франціи, Англіи, гдѣ они считаются сотнями и тысячами, гдѣ всеобщее знакомство — вещь невозможная. У насъ, если хотите, и вообще наука и литература отчасти семейное дѣло, и, по патріархальному обычаю, въ ней устными разговорами и тому подобными до-гуттенберговскими сред-

ствами ведется многое, что въ какой нибудь Германіи можетъ существовать и обнаружить дѣйствіе только при помощи типографскихъ чернилъ.

Такимъ образомъ, Грановскій удовлетворялъ всѣмъ условіямъ своего положенія, обнаруживалъ все свое вліяніе, не нуждаясь въ посредствѣ литературныхъ трудовъ, которые были для него дѣломъ второстепеннымъ. Тѣмъ не менѣе, литературная его дѣятельность вовсе не такъ незначительна по объему, какъ полагали нѣкоторые, не думавшіе, чтобъ изъ напечатаннаго Грановскимъ при жизни составились два большіе тома. Что касается важности его сочинененій и особенно духа, проникающаго всѣ ихъ, тутъ едва ли можетъ быть мѣсто спору. Конечно, какъ и о всемъ на свѣтѣ, объ ученомъ достоинствѣ сочиненій Грановскаго существуютъ мнѣнія, не совершенно согласныя. Одни, изъ благоговѣнія къ автору, благородная личность и чрезвычайно плодотворная дѣятельность котораго дѣйствительно заслуживаютъ всевозможнаго уваженія, готовы поставить его произведенія во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ высоко; другіе, не принимая въ уваженіе особенныхъ требованій русскаго общества отъ науки, находятъ, что сочиненія Грановскаго не имѣютъ качествъ, необходимо требуемыхъ отъ капитальнаго ученаго труда въ Германіи или Франціи. Но дѣло въ томъ, что разнорѣчіе этихъ, повидимому, противоположныхъ сужденій существуетъ преимущественно только въ тонѣ, а не въ самой мысли. Одни, по личнымъ чувствамъ своимъ къ автору, говорятъ о его сочиненіяхъ голосомъ любви, другіе, также по своимъ чувствамъ къ личности автора, голосомъ недовольства. Но и самые жаркіе поклонники Грановскаго хорошо понимаютъ, что собственно въ европейской наукѣ его сочиненія не могутъ произвести эпохи, потому что не таково въ настоящее время призваніе русскихъ ученыхъ; и самые смѣлые изъ возстававшихъ противъ Грановскаго признавали въ его сочиненіяхъ, кромѣ мастерскаго изложенія и другихъ литературныхъ достоинствъ, чрезвычайно замѣчательную ученость и глубокомысліе *).

Дѣйствительно, сочиненія Грановскаго, напечатанныя при его жизни (сужденіе о его университетскихъ курсахъ мы должны от-

*) Мы говоримъ, конечно, о мнѣніи людей знающихъ въ той и другой партіи, не обращая вниманія на выходки нѣкоторыхъ несвѣдущихъ людей, невѣжество которыхъ было тогда же и изобличаемо.

ложить до того времени, когда они будутъ обнародованы), не будучи таковы, чтобъ ими производился переворотъ въ наукѣ, какъ производился онъ трудами Гизо, Шлоссера или Нибура, показываютъ, однако же, въ авторѣ такія качества ума и такое обширное знаніе, что нельзя не признать его однимъ изъ первыхъ историковъ нашего вѣка, ученымъ, который былъ не ниже знаменитѣйшихъ европейскихъ историковъ; что въ Россіи не имѣлъ онъ соперниковъ, это всегда было очевидно для каждаго. Внимательное и строгое разсмотрѣніе собранныхъ нынѣ его статей убѣждаетъ въ томъ. Панегириковъ Грановскому не нужно, и потому разборъ нашъ будетъ совершенно чуждъ хвалебнаго элемента; но чѣмъ онъ безпристрастнѣе, тѣмъ несомнѣннѣе общій выводъ, теперь высказанный.

Издатели распредѣлили сочиненія Грановскаго на три отдѣла: 1) сочиненія общаго историческаго содержанія: «О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи»; «О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ»; «О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ». 2) Частныя изслѣдованія: «Судьбы еврейскаго народа»; «Волинъ, Іомсбургъ и Винета»; «Аббатъ Сугерій»; «Четыре историческія характеристики: Тимуръ, Александръ Великій, Людовикъ IX и Бэконъ», «Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ» (оба эти отдѣла вошли въ составъ перваго тома). 3) Критическія статьи, изъ которыхъ составится второй томъ. Мы не находимъ причинъ отступать отъ этого порядка въ своемъ обозрѣніи.

Рѣчь «О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи» была произнесена въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, въ 1852 году. Издатели справедливо почли нужнымъ дать ей первое мѣсто въ первомъ отдѣлѣ, «потому, что въ ней изложены самыя зрѣлыя понятія автора о наукѣ, которая составляла главный предметъ его занятій».

Исторія принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, быстрымъ усовершенствованіемъ которыхъ гордятся новѣйшія времена. Надобно даже сказать, что исторія, какъ мы нынѣ понимаемъ ее, какъ «изображеніе постепеннаго развитія жизни рода человѣческаго», возникла только въ послѣднія времена. Ни классическій міръ, ни средніе вѣка не знали ее въ этомъ смыслѣ. Тѣ ученые, которые назначаютъ самый древній срокъ возникновенію настоящаго понятія объ исторіи, называютъ отцомъ ея великаго Вико (въ началѣ

прошедшаго вѣка), потому что книга Боссюэта (въ концѣ XVII столѣтія), «Трактатъ о всеобщей исторіи», не имѣетъ значенія, которое хотѣли придать ей нѣкоторые французскіе историки. Другіе, съ бо́льшею основательностью, относятъ начало всеобщей исторіи къ заслугамъ Монтескьё и Гердера. Еще справедливѣе судятъ тѣ, которые говорятъ, что истинное понятіе о всеобщей исторіи развито преимущественно Кантомъ, его учениками и послѣдователями; но едва ли не ближе всѣхъ къ истинѣ то мнѣніе, что только нашему вѣку удалось ясно постичь идею всеобщей исторіи, потому, что только съ Гегеля, Гизо, Нибура, Шлоссера начинается дѣятельная разработка этой идеи; только въ твореніяхъ этихъ великихъ ученыхъ и ихъ послѣдователей мы находимъ первые значительные опыты дать человѣчеству полный и точный разсказъ о его жизни. Но и эти труды, какъ ни колоссальны по своему значенію, все еще далеко не удовлетворительны. Недостатки ихъ заключаются не въ однихъ частныхъ несовершенствахъ исполненія, но еще болѣе въ недостаточности общаго плана, односторонности и неполнотѣ воззрѣнія на жизнь человѣчества. Жизнь рода человѣческаго, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка, слагается изъ взаимнаго проникновенія очень многихъ элементовъ: кромѣ внѣшнихъ эффектныхъ событій, кромѣ общественныхъ отношеній, кромѣ науки и искусства, не менѣе важны нравы, обычаи, семейныя отношенія, наконецъ матеріальный бытъ: жилище, пища, средства добыванія всѣхъ тѣхъ вещей и условій, которыми поддерживается существованіе, которыми доставляются житейскія радости или скорби. Изъ этихъ элементовъ только немногіе до сихъ поръ введены въ составъ разсказа о жизни человѣчества. Такъ называемая политическая исторія, то есть разсказъ о войнахъ и другихъ громкихъ событіяхъ, до сихъ поръ преобладаетъ въ разсказѣ историковъ, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ она имѣетъ для жизни рода человѣческаго только второстепенную важность. Исторія умственной жизни, да и то только въ тѣсномъ кругу немногозначительныхъ классовъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ развитіи наукъ и литературы, одна только раздѣляетъ съ политическою исторіею право на вниманіе автора, — да и только въ немногихъ сочиненіяхъ, до сихъ поръ остающихся рѣдкими исключеніями въ массѣ историческихъ книгъ: да и тутъ она играетъ второстепенную роль. Исторіи нравовъ обращаетъ на себя еще гораздо менѣе вниманія. О матеріаль-

ныхъ условіяхъ быта, играющихъ едва ли не первую роль въ жизни, составляющихъ коренную причину почти всѣхъ явленій, и въ другихъ высшихъ сферахъ жизни, едва упоминается, да и то самымъ слабымъ и неудовлетворительнымъ образомъ, такъ что лучше было бы, еслибъ вовсе не упоминалось. Не говоримъ уже о томъ, что въ сущности вся исторія продолжаетъ быть по преимуществу сборникомъ отдѣльныхъ біографій, а не разсказомъ о судьбѣ цѣлаго населенія, то есть скорѣе похожа на сборникъ анекдотовъ, прикрываемыхъ научною формою, нежели на науку въ истинномъ смыслѣ слова *).

Чѣмъ ближе вникаемъ мы въ труды, совершенные понынѣ для исторіи, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что нынѣ мы имѣемъ только идею о томъ, чѣмъ должна быть эта наука, но едва еще видимъ первые, односторонніе опыты осуществить эту идею. Не будемъ разсматривать причинъ, по которымъ практика такъ отстала въ этомъ случаѣ отъ теоріи: это завлекло бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ только, что, съ одной стороны, затрудненіемъ служатъ скудость и необработанность матеріаловъ для исторіи тѣхъ элементовъ жизни, которые до сихъ поръ упускались изъ виду. Съ другой стороны, едвали не важнѣйшимъ еще препятствіемъ надобно считать узкость и отвлеченность обыкновеннаго взгляда на человѣческую жизнь.

*) Чтобы указать примѣръ того, какъ тѣсенъ еще горизонтъ всеобщей исторіи въ лучшихъ сочиненіяхъ, приводимъ планъ сочиненія Гизо, который понялъ науку шире, нежели кто нибудь изъ другихъ великихъ историковъ. Заключая первый годъ своихъ чтеній объ „Исторіи цивилизаціи", онъ дѣлаетъ общій обзоръ содержанія своихъ лекцій, и говоритъ, что предметомъ ихъ была „политическая и церковная исторія, исторія законодательства, философіи и литературы". Очевидно, что этою программою, кромѣ политической исторіи, занимающей первое мѣсто, обнимается только часть умственной жизни народа, многія сферы которой остались нетронутыми. О матеріальной сторонѣ жизни программа и не упоминаетъ. Вообще, Гизо часто повторяетъ, что излагаетъ исторію „внутренней жизни человѣка и его отношеній къ другимъ людямъ": объ исторіи отношеній человѣка къ природѣ и не упоминается, а между тѣмъ, въ природѣ источники человѣческой жизни и вся жизнь коренными образомъ опредѣляется отношеніями къ природѣ. Само собою разумѣется, что мы указываемъ на Гизо не за тѣмъ, чтобы укорять его за односторонность, а, напротивъ, потому, что онъ въ смыслѣ, занимающемъ теперь насъ, стоитъ выше другихъ историковъ нашего времени. Программа Шлоссера, другаго замѣчательнѣйшаго историка по обширности взгляда на содержаніе своей науки, немногимъ отличается отъ програмы Гизо.

Антропологія только еще начинаетъ утверждать свое господство надъ отвлеченною моралью и одностороннею психологіею.

Какъ всѣ еще не установившіяся науки, исторія часто испытываетъ измѣненія, состоящія въ томъ, что вниманіе изслѣдователей постепенно обращается то на одинъ, то на другой изъ элементовъ науки, которые прежде были забываемы. Рѣчь Грановскаго имѣетъ своимъ главнымъ предметомъ одно изъ значительнѣйшихъ пріобрѣтеній, доставленныхъ исторіи союзомъ съ естественными науками, которыхъ прежде не хотѣла она знать. При той чрезвычайной важности, какую играетъ въ жизни и должна пріобрѣсть въ исторіи натуральная сторона человѣческаго быта, понятно, что вліяніе естественныхъ наукъ на исторію должно современемъ сдѣлаться неизмѣримо сильнымъ. Въ настоящее время еще очень немногіе историки предчувствуютъ это. Грановскій принадлежалъ къ числу ихъ. Въ очеркѣ, который могъ быть только плодомъ глубокаго изученія, соединеннаго съ рѣдкою проницательностью, изобразивъ развитіе идеи всеобщей исторіи до великаго Нибура, давшаго въ первый разъ прочныя основанія исторической критикѣ, Грановскій сосредоточиваетъ мысль на новой эрѣ, возникающей для науки отъ приложенія къ ней великихъ результатовъ, достигаемыхъ естествознаніемъ. Поводомъ къ этому эпизоду послужилъ ему вопросъ о значеніи человѣческихъ породъ, который раньше другихъ разрѣшенъ теперь съ нѣкоторою степенью удовлетворительности.

«Заслуга Нибура—говоритъ Грановскій—не ограничилась введеніемъ новыхъ и точныхъ пріемовъ критики. Еще будучи юношею, въ частной переписке своей, онъ высказалъ нѣсколько смѣлыхъ и плодотворныхъ мыслей о необходимости дать исторіи новыя, заимствованныя изъ естествознанія основы. Историческое значеніе человѣческихъ породъ не ускользнуло отъ его вниманія; но ему не привелось развить вполнѣ и приложить къ дѣлу свои предположенія объ этомъ столь важномъ предметѣ.... Около того же времени, вопросъ о породахъ началъ занимать пытливые умы внѣ Германіи. Форіель, братья Тьерри и другіе ученые старались объяснить отношенія различныхъ народностей, преемственно господствовавшихъ на почвѣ Франціи и Англіи. Они озарили яркимъ свѣтомъ начало средневѣковыхъ народовъ и обществъ, но не рѣшились переступить чрезъ обычныя грани историческихъ изслѣдованій и оставили въ сторонѣ физіологическія признаки тѣхъ породъ, которыхъ историческія особенности были ими тщательно опредѣлены. Надобно было, чтобы натуралистъ подалъ наконецъ голосъ противъ такого стѣсненія нашей науки и указалъ на связь ее съ физіологіею. Въ 1829 году Эдвардсъ издалъ письмо свое къ Амедею Тьерри о физіологическихъ признакахъ человѣческихъ по-

родъ и отношеній ихъ къ исторіи. Высказанныя имъ по этому поводу мысли были приняты съ общимъ одобреніемъ, но до сихъ поръ еще не принесли желаемой пользы.... Уступки, сдѣланныя историками новымъ требованіямъ, были большею частью внѣшнія. Дальнѣйшее упрямство, впрочемъ, невозможно, и исторія, по необходимости, должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ.... Дѣйствуя за одно съ антропологіею, она должна обозначить границы, до которыхъ достигали въ развитіи своемъ великія породы человѣчества, и показать намъ ихъ отличительныя, данныя природою и проявленныя въ движеніи событій, свойства.... Но не одною этою только стороною граничитъ исторія съ естествознаніемъ. Еще древніе замѣтили рѣшительное вліяніе географическихъ условій, климата и природныхъ опредѣленій вообще на судьбу народовъ. Монтескьё довелъ эту мысль до такой крайности, что принесъ ей въ жертву самостоятельную дѣятельность человѣческаго духа. Несмотря на то, отношеніе человѣка къ занимаемой имъ почвѣ и ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга еще никогда не были удовлетворительнымъ образомъ объяснены. Великое твореніе Карла Риттера, принимающаго землю за «храмину, устроенную Провидѣніемъ для воспитанія рода человѣческаго», проложило, конечно, новые пути историкамъ нашего времени; но многіе ли воспользовались этими трудными путями и предпочли ихъ прежнимъ, пробитымъ безчисленными предшественниками тропинкамъ? Вошедшій теперь въ употребленіе обычай снабжать историческія сочиненія географическими введеніями, заключающими въ себѣ характеристику театра событій, показываетъ только, что значеніе и успѣхи сравнительнаго землевѣдѣнія обратили на себя вниманіе историковъ и заставили ихъ измѣнить нѣсколько форму своихъ произведеній. Самое содержаніе немного выиграло отъ этого нововведенія. Географическіе обзоры, о которыхъ мы упомянули, рѣдко соединены органически съ дальнѣйшимъ изложеніемъ. Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойною совѣстью переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему предметамъ и думаетъ, что вполнѣ удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки. Какъ будто дѣйствіе природы на человѣка не есть постоянное, какъ будто оно не видоизмѣняется съ каждымъ великимъ шагомъ его на пути образованности? Намъ еще далеко не извѣстны всѣ таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой заимствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ. Распредѣленіе произведеній природы на поверхности земнаго шара находится въ тѣснѣйшей связи съ судьбою гражданскихъ обществъ. Одно растеніе условливаетъ иногда цѣлый бытъ народа. Исторія Ирландіи была бы, безспорно, иная, если бы картофель не составлялъ главнаго пропитанія для ея жителей...»

Вслѣдъ затѣмъ Грановскій указываетъ на важнѣйшія мѣста статьи г. Бэра, одного изъ тѣхъ ученыхъ, которыми можемъ мы гордиться, «О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества». Это сочиненіе не

обратило у насъ на себя того вниманія, какого заслуживаетъ. Грановскій и въ этомъ случаѣ, какъ въ очень многихъ другихъ, показалъ себя человѣкомъ, который далеко превышаетъ другихъ знаніемъ всего, что совершается въ наукѣ, и способностью оцѣнивать по достоинству фазисы ея современнаго развитія. Вообще, даже большая часть людей, стоящихъ у насъ во главѣ умственнаго движенія, живутъ, по мѣткому житейскому выраженію, еще «заднимъ числомъ» и считаютъ новѣйшимъ то, что въ движеніи науки было новымъ десять или двадцать лѣтъ тому назадъ. Слова Пушкина о русскихъ книгахъ, что въ нихъ «русскій умъ зады твердитъ», остаются справедливыми до сихъ поръ, и сочиненія Грановскаго принадлежатъ къ небольшому числу исключеній изъ этого правила: изъ его словъ дѣйствительно можно «узнавать судьбу земли» *).

Переходя отъ фактовъ, долженствующихъ служить содержаніемъ исторіи, къ основаніямъ общаго воззрѣнія на эти факты или методу науки, Грановскій опять показываетъ, что въ новѣйшее время понятіе объ этомъ вопросѣ также уяснились. Попытки спекулятивнаго построенія исторіи, фаталистическое воззрѣніе и, съ другой стороны, стремленіе ограничиться простымъ переложеніемъ лѣтописныхъ сказаній на современный языкъ обнаружили свою неудовлетворительность. Какой же методъ должна принять исторія? Союзъ

---

*) Сокровища роднаго слова
(Замѣтятъ важные умы)
Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жь онѣ? давайте ихъ!
. . . .
И гдѣ жь мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.
(Отрывки изъ альбома Онѣгина).

съ точными науками долженъ помочь ей и въ этомъ дѣлѣ говоритъ Грановскій:

«Ни одно изъ исчисленныхъ нами воззрѣній на исторію не могло привести къ точному методу, недостатокъ котораго въ ней такъ очевиденъ. Усовершенствованный, или лучше сказать, созданный Нибуромъ способъ критики приноситъ величайшую пользу при разработкѣ источниковъ извѣстнаго рода, но отнюдь не удовлетворяетъ потребности въ приложимомъ къ полному составу науки методѣ. Въ этомъ случаѣ, исторія опять должна обратиться къ естествовѣдѣнію и заимствовать у него свойственный ему способъ изслѣдованія. Начало уже сдѣлано въ открытыхъ законахъ исторической аналогіи. Остается идти далѣе на этомъ пути, раздвигая, по возможности, тѣсные предѣлы, въ которыхъ до настоящаго времени заключена была наша наука. У исторіи двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣческаго, въ другой—независимость отъ него. Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодѣйствіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ основныхъ началъ, т. е. до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій. Можетъ быть, мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вниманія. Въ разсматриваемомъ нами вопросѣ статистика опередила исторію. «Въ противоположность принятымъ мнѣніямъ—говоритъ Кетле—факты общественные, опредѣляемые свободнымъ произволомъ человѣка, совершаются съ большею правильностью, нежели факты, подверженные простому дѣйствію физическихъ «причинъ. Исходя изъ этого основнаго начала, можно сказать, что нравственная статистика должна отнынѣ занять мѣсто въ ряду опытныхъ наукъ». Мы не въ правѣ сказать того же объ исторіи. Пока она не усвоитъ себѣ надлежащаго метода, ее нельзя будетъ назвать опытною наукою».

Но къ чему же должна вести человѣка исторія? Конечно, наука не можетъ быть подчиняема внѣшнимъ требованіямъ, ея истины не должны быть искажаемы въ угодность частнымъ и временнымъ интересамъ. Въ этомъ заключается справедливость аксіомы—«цѣль науки есть самая наука». Но каждое знаніе обращается во благо человѣку, и рвеніе, съ которымъ разработывается та или другая отрасль науки, зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ она той или другой, нравственной или житейской, умственной или матеріальной потребности человѣка. Каждое знаніе оказываетъ вліяніе на жизнь, и исторія, наука о жизни человѣчества, не должна остаться безъ вліянія на его жизнь; и кто захочетъ нынѣ трудиться надъ безполезнымъ для человѣка?

«Современный намъ историкъ не можетъ отказаться отъ законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ читателей. Вопросъ о томъ, какого

обратило у насъ на себя того вниманія, какого заслуживаетъ. Грановскій и въ этомъ случаѣ, какъ въ очень многихъ другихъ, показалъ себя человѣкомъ, который далеко превышаетъ другихъ знаніемъ всего, что совершается въ наукѣ, и способностью оцѣнивать по достоинству фазисы ея современнаго развитія. Вообще, даже большая часть людей, стоящихъ у насъ во главѣ умственнаго движенія, живутъ, по мѣткому житейскому выраженію, еще «заднимъ числомъ» и считаютъ новѣйшимъ то, что въ движеніи науки было новымъ десять или двадцать лѣтъ тому назадъ. Слова Пушкина о русскихъ книгахъ, что въ нихъ «русскій умъ зады твердитъ», остаются справедливыми до сихъ поръ, и сочиненія Грановскаго принадлежатъ къ небольшому числу исключеній изъ этого правила: изъ его словъ дѣйствительно можно «узнавать судьбу земли» *).

Переходя отъ фактовъ, долженствующихъ служить содержаніемъ исторіи, къ основаніямъ общаго воззрѣнія на эти факты или методу науки, Грановскій опять показываетъ, что въ новѣйшее время понятіе объ этомъ вопросѣ также уяснились. Попытки спекулативнаго построенія исторіи, фаталистическое воззрѣніе и, съ другой стороны, стремленіе ограничиться простымъ переложеніемъ лѣтописныхъ сказаній на современный языкъ обнаружили свою неудовлетворительность. Какой же методъ должна принять исторія? Союзъ

*) Сокровища роднаго слова
(Замѣтятъ важные умы)
Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жь онѣ? давайте ихъ!
. . . .
И гдѣ жь мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.
(Отрывки изъ альбома Онѣгина).

съ точными науками долженъ помочь ей и въ этомъ дѣлѣ говоритъ Грановскій:

«Ни одно изъ исчисленныхъ нами воззрѣній на исторію не могло привести къ точному методу, недостатокъ котораго въ ней такъ очевиденъ. Усовершенствованный, или лучше сказать, созданный Нибуромъ способъ критики приноситъ величайшую пользу при разработкѣ источниковъ извѣстнаго рода, но отнюдь не удовлетворяетъ потребности въ приложимомъ къ полному составу науки методѣ. Въ этомъ случаѣ, исторія опять должна обратиться къ естествовѣдѣнію и заимствовать у него свойственный ему способъ изслѣдованія. Начало уже сдѣлано въ открытыхъ законахъ исторической аналогіи. Остается идти далѣе на этомъ пути, раздвигая, по возможности, тѣсные предѣлы, въ которыхъ до настоящаго времени заключена была наша наука. У исторіи двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣческаго, въ другой—независимость отъ него. Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодѣйствіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ основныхъ началъ, т. е. до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій. Можетъ быть, мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вниманія. Въ разсматриваемомъ нами вопросѣ статистика опередила исторію. «Въ противоположность принятымъ мнѣніямъ—говоритъ Кетле—факты общественные, опредѣляемые свободнымъ произволомъ человѣка, совершаются съ большею правильностью, нежели факты, подверженные простому дѣйствію физическихъ причинъ. Исходя изъ этого основнаго начала, можно сказать, что нравственная статистика должна отнынѣ занять мѣсто въ ряду опытныхъ наукъ». Мы не въ правѣ сказать того же объ исторіи. Пока она не усвоитъ себѣ надлежащаго метода, ее нельзя будетъ назвать опытною наукою».

Но къ чему же должна вести человѣка исторія? Конечно, наука не можетъ быть подчиняема внѣшнимъ требованіямъ, ея истины не должны быть искажаемы въ угодность частнымъ и временнымъ интересамъ. Въ этомъ заключается справедливость аксіомы—«цѣль науки есть самая наука». Но каждое знаніе обращается во благо человѣку, и рвеніе, съ которымъ разработывается та или другая отрасль науки, зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ она той или другой, нравственной или житейской, умственной или матеріальной потребности челевѣка. Каждое знаніе оказываетъ вліяніе на жизнь, и исторія, наука о жизни человѣчества, не должна остаться безъ вліянія на его жизнь; и кто захочетъ нынѣ трудиться надъ безполезнымъ для человѣка?

«Современный намъ историкъ не можетъ отказаться отъ законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ читателей. Вопросъ о томъ, какого

рода должно быть это вліяніе, тѣсно связанъ съ вопросомъ о пользѣ исторіи вообще.... Очевидно, что практическое значеніе исторіи у древнихъ, основанное на возможности непосредственнаго примѣненія ея уроковъ къ жизни, не можетъ имѣть мѣста при сложномъ организмѣ новыхъ обществъ. Къ тому же, однообразная игра страстей и заблужденій, искажающихъ судьбу народовъ, привела многихъ къ заключенію, что историческіе опыты проходятъ безплодно, не оставляя поучительнаго слѣда въ памяти человѣческой.... Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать въ массахъ извѣстнаго историческаго смысла, болѣе или менѣе развитаго на основаніи сохранившихся преданій о прошедшемъ.... Приведенныя нами выше слова Кетле о статистикѣ со временемъ получатъ приложеніе и къ нашей наукѣ. Ей предстоитъ совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ же подвигъ, какой совершенъ естествовѣдѣніемъ въ принадлежащей ему области. Открытія натуралистовъ разсѣяли вѣковые и вредные предразсудки, затмѣвавшіе взглядъ человѣка на природу: знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуетъ отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе историческихъ законовъ приведетъ къ результатамъ такого же рода. Оно положитъ конецъ несбыточнымъ теоріямъ и стремленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни, ибо обличитъ ихъ противорѣчіе съ вѣчными цѣлями, поставленными человѣку Провидѣніемъ. Исторія сдѣлается, въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ, наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ, не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но какъ цѣльный организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, настоящее и будущее находятся въ постоянномъ между собою взаимодѣйствіи: «Исторія—говоритъ американецъ Эмерсонъ—не долго «будетъ безплодною книгою. Она воплотится въ каждомъ разумномъ и правди«вомъ человѣкѣ. Вы не станете болѣе исчислять заглавія и каталоги прочи«танныхъ вами книгъ, а дадите мнѣ почувствовать, какіе періоды пережиты «вами. Каждый изъ насъ долженъ обратиться въ полный храмъ славы. Онъ «долженъ носить въ себѣ допотопный міръ, золотой вѣкъ, яблоко знанія, по«ходъ Аргонавтовъ, призваніе Авраама, построеніе храма, начало христіан«ства, средній вѣкъ, возрожденіе наукъ, Реформацію, открытіе новыхъ земель, «возникновеніе новыхъ знаній и новыхъ народовъ. Надобно, однимъ словомъ, чтобы исторія слилась съ біографіею самого читателя, превратилось въ личное «его воспоминаніе....»

И за этимъ воззрѣніемъ, постигаемомъ еще немногими, но равно принадлежащемъ всякому истинно современному историку, Грановскій тотчасъ же выражаетъ самъ себя,—быть можетъ, вовсе не сознавая, что говоритъ уже о себѣ, характеризуетъ оттѣнокъ воззрѣнія, возводимый до просвѣтленія грустной науки его кроткою и любящею личностью:

«Даже въ настоящемъ, далеко не совершенномъ видѣ своемъ, всеобщая исторія, болѣе чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной

оцѣнки людей. Она показываетъ различіе, существующее между вѣчными, безусловными началами нравственности и ограниченнымъ пониманіемъ этихъ началъ въ данный періодъ времени. Только такою мѣрою должны мы мѣрять дѣла отжившихъ поколѣній. Шиллеръ сказалъ, что смерть есть великій примиритель. Эти слова могутъ быть отнесены къ нашей наукѣ. При каждомъ историческомъ проступкѣ, она приводитъ обстоятельства, смягчающія вину преступника, кто бы ни былъ онъ—цѣлый народъ или отдѣльное лицо. Да будетъ намъ позволено сказать, что тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ. Тотъ не историкъ, кто не съумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣства есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится одно какое нибудь лучшее и чистое чувство...»

Мы такъ долго останавливались на этой рѣчи, приводили изъ нея столько отрывковъ не потому только, что она дѣйствительно принадлежитъ къ числу произведеній, какихъ немного въ цѣлой нашей литературѣ: мы считали также нужнымъ, чтобы читатель имѣлъ передъ глазами примѣръ, на которомъ могъ бы провѣрять справедливость сужденія, которое необходимо высказать прямымъ образомъ о собственно ученой сторонѣ сочиненій Грановскаго. Мы упоминали, что нѣкоторые смотрѣли на нее съ недовѣрчивостью и если не рѣшались, по инстинктивному сознанію своей слабости въ научномъ дѣлѣ и своей неправоты, высказывать сомнѣній открыто, то не упускали случаевъ ввернуть какой нибудь таинственный намекъ объ этомъ предметѣ. Мы помнимъ даже, что одинъ полубездарный компиляторъ, открывшій,

Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ,

что Англія обширнѣе Россіи, и тѣмъ заставившій иныхъ возъимѣть выгодное мнѣніе о его знаніяхъ,—помнимъ, что онъ въ какой-то географической или статистической статейкѣ дерзнулъ вставить замѣчаніе, что Тамерланъ былъ ничтожный человѣкъ, котораго могутъ считать достойнымъ вниманія исторіи только тупоумные и безнравственные люди. Вы можетъ быть, и не догадались, что это былъ смертный приговоръ Грановскому, избравшему Тимура предметомъ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1851 году. Возражать подобнымъ приговорщикамъ, конечно, не стоитъ; но нравственное уродство доходитъ иногда до такой нелѣпости,

что интересно бываетъ разсмотрѣть причины, его образованія. Цѣнители литературныхъ произведеній раздѣляются на два класса: одни имѣютъ настолько ума и знанія, что могутъ судить о предметѣ по его внутреннимъ качествамъ, понимать сущность дѣла, другіе неспособны къ этому, по недостаточному знакомству съ дѣломъ или по непроницательности взгляда. Что-жь остается дѣлать послѣднимъ, когда они одарены такимъ самолюбіемъ, что непремѣнно хотятъ дѣлать приговоры о вещахъ, сущность которыхъ не доступна ихъ пониманію? Они хватаются за внѣшніе признаки и, напримѣръ, если дѣло идетъ о поэтическомъ произведеніи, руководятся именемъ автора: прочтите имъ «Бориса Годунова», сказавъ, что эту драму написалъ бездарный человѣкъ, они рѣшатъ, что драма плоха; прочтите «Таньку, разбойницу Ростокинскую», сказавъ, что романъ этотъ написалъ г. Лажечниковъ, и они скажутъ, что романъ хорошъ. Это люди простые и невзыскательные. Когда рѣчь пойдетъ объ ученыхъ предметахъ, иные судьи руководствуются болѣе замысловатыми основаніями: вѣдь ученость дѣло мудреное. За то примѣты, по которымъ она узнается непонимающими ее людьми, очень ясны, такъ что ошибка невозможна: непонятный языкъ, тяжелое изложеніе, множество безполезныхъ ссылокъ, заносчивость автора, присвояющаго себѣ все, что сдѣлано другими. Особенно послѣднее качество полезно: есть люди, которые повѣрятъ вамъ на слово, если вы скажете, что вы первый открыли, что Александръ Македонскій побѣдилъ персовъ, и жестоко будете изобличать вашихъ предшественниковъ, которые всѣ ошибались и и не понимали, что Александръ Македонскій былъ герой. Вы можете иныхъ увѣрить даже въ томъ, что не Колумбъ, а вы открыли Америку: вѣдь увѣрилъ же въ этомъ очень многихъ Америкъ Веспуцій. Но горе вамъ во мнѣніи этихъ знатоковъ, если вы не хотите окружать себя ореоломъ педантизма, если вы съ уваженіемъ отзываетесь о другихъ ученыхъ, занимавшихся однимъ съ вами предметомъ, говорите, что истина, ими открытая, дѣйствительно есть истина, если вы не выставляете заботливо различія между тѣмъ, что въ вашемъ сочиненіи принадлежитъ къ прежнимъ пріобрѣтеніямъ науки и что принадлежитъ собственно вамъ,—тогда знатоки, о которыхъ мы говоримъ, съ перваго же разу поймутъ, въ чемъ дѣло, и догадаются, что вы человѣкъ неученый, поверхностный, что вы только переписываете чужіе труды, что у васъ нѣтъ само-

стоятельнаго взгляда, и т. д. и т. д., Очень жаль что такимъ знатокамъ не вздумалось оцѣнить творенія Гизо, Августина Тьерри, Маколея: мы узнали бы, что всѣ эти писатели были люди маловѣдущіе, поверхностные компиляторы. Да и Шлоссеръ не ушелъ бы отъ этого строгаго, но справедливаго приговора: вѣдь у него на каждой страницѣ встрѣчается фраза «въ этомъ случаѣ я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ такого-то и лучшаго ничего не умѣю сказать, какъ повторить его слова», послѣ чего слѣдуетъ длинная выписка.

Грановскій не напечаталъ при жизни такихъ обширныхъ и капитальныхъ сочиненій, которыя могли бы, по своему значенію для науки, быть сравниваемы съ твореніями великихъ писателей, нами названныхъ. Надобно думать, что изданіе его университетскихъ курсовъ значительно измѣнитъ это отношеніе. Но нѣтъ надобности ждать, пока его лекціи будутъ напечатаны чтобы имѣть полное право признать въ немъ не только ученаго, имѣвшаго огромное значеніе для Московскаго Университета, русской литературы, русскаго просвѣщенія вообще, признать въ немъ не только перваго изъ немногочисленнаго круга ученыхъ, занимающихся у насъ всеобщею исторіею, но и одного изъ замѣчательнѣйшихъ между современными европейскими учеными по обширности и современности знанія, по широтѣ и вѣрности взгляда и по самобытности воззрѣнія. Та небольшая статья, обзоръ которой такъ долго занималъ насъ, одна можетъ доставить достаточныя доказательства тому. Мы нарочно выбрали не другое какое нибудь сочиненіе, имѣющее болѣе серьёзную внѣшность, а именно эту рѣчь, написанную очень легко и популярно, безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ учености и глубокомыслія, чтобы примѣръ былъ тѣмъ убѣдительнѣе. Если въ форму академической рѣчи, которая почти всегда остается наборомъ незначительныхъ общихъ фразъ, Грановскій внесъ глубокое и новое содержаніе и самостоятельную идею, то тѣмъ скорѣе можно убѣдиться, что въ его трудахъ болѣе спеціальныхъ эти достоинства были всегда неотъемлемыми качествами. Взглянемъ же на ученое достоинство рѣчи, съ содержаніемъ которой тотъ, кто не имѣлъ случая прочесть ее прежде, могъ ознакомиться чрезъ наши извлеченія.

Читателю, знакомому съ современною историческою литературою, хорошо извѣстно, какъ немногіе изъ нынѣшнихъ историковъ

успѣли понять необходимость того широкаго взгляда, который внесенъ въ науку Шлоссеромъ и Гизо. Творенія Ранке, Прескотта, Маколея отличаются великими достоинствами; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, эти писатели должны быть поставлены выше Гизо и самого Шлоссера. Но по той тѣсной программѣ, которою они считаютъ возможнымъ ограничивать науку, они принадлежатъ прежнему направленію, обращавшему вниманіе почти исключительно на политическую исторію. Самъ Гегель, этотъ столь широкій умъ, въ сущности еще не выходилъ изъ ея тѣсныхъ границъ. Послѣ такихъ примѣровъ, надобно ли говорить о второстепенныхъ ученыхъ? Почти всѣ они продолжаютъ держаться рутины. Слабые признаки того, что програма Гизо и Шлоссера сдѣлается общею программою историческихъ трудовъ, видимъ въ томъ, что уже довольно часто одинъ и тотъ же человѣкъ пишетъ равно основательныя сочиненія по политической исторіи и по исторіи литературы: въ примѣръ, укажемъ на Маколея и Гервинуса. Но эти двѣ отрасли одной науки продолжаютъ оставаться для него различными науками, изъ которыхъ одной такъ же мало дѣла до другой, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ физіологіи мало было дѣла до химіи. И замѣтимъ, что такая раздѣленность, такъ стѣсняющая горизонтъ исторіи, не есть только недостатокъ выполненія, допускаемый этими историками по трудности въ одно время обнять своими изслѣдованіями съ равною полнотою ту и другую отрасль историческихъ матеріаловъ: нѣтъ, она допускается не слабостью исполнительныхъ силъ автора, а преднамѣренно принимается его мыслью, какъ граница полагаемая идеею самой науки: историкъ не то, чтобы не могъ — онъ просто не находитъ побужденія, не хочетъ дать своимъ изслѣдованіямъ болѣе широкій объемъ. Рутина еще очень сильна. Грановскій, напротивъ того, видитъ, что даже и та болѣе широкая программа науки, которая у Шлоссера и Гизо до сихъ поръ остается смѣлымъ нововведеніемъ, должна быть еще расширена присоединеніемъ къ политическому и умственному элементамъ народной жизни натурнаго элемента; мало того, что онъ требуетъ расширенія границъ науки, нынѣшняя односторонность которой чувствуется очень немногими, онъ видитъ, что она должна стать на новомъ, прочномъ основаніи строгаго метода, котораго ей до сихъ поръ недостаетъ. Надобно ли говорить, что этимъ предсказаніемъ обозначается начало совершенно новой эпохи въ наукѣ?

Не должно обманываться тѣмъ, что Грановскій ссылается въ этихъ случаяхъ на г. Бэра, Кетле, Эмерсона: надобно только присмотрѣться къ его рѣчи, чтобы увидѣть тутъ нѣчто совершенно другое, нежели простое заимствованіе мыслей у того или другаго ученаго. Видно, что мысль крѣпко принадлежитъ самому Грановскому, и цитаты имѣютъ цѣлью только доказать, что не онъ одинъ такъ думаетъ, что мысль, имъ высказанная, не его личная выдумка, а выводъ изъ нынѣшняго положенія науки, дѣлаемый каждымъ проницательнымъ человѣкомъ. Только у людей, которымъ инстинктъ говоритъ, что, во всякомъ случаѣ, несмотря на всѣ видимыя уступки своей собственности другимъ, они останутся довольно богаты, бываетъ это стремленіе указывать на людей, высказывавшихъ ту же самую мысль, которая кажется имъ справедливою. И, дѣйствительно, кто вникнетъ въ понятія Грановскаго, тотъ увидитъ, что они глубоко самостоятельны и прочувствованы имъ часто гораздо полнѣе и глубже, нежели тѣми людьми, на которыхъ онъ ссылается. Примѣръ у насъ передъ глазами: для Эмерсона мысль о значеніи исторіи далеко не имѣетъ той важности, какую придаетъ ей Грановскій. Надобно еще замѣтить, что существенныя пріобрѣтенія наукою дѣлаются не другимъ какимъ либо способомъ, какъ тѣмъ, что къ данной наукѣ прилагаются истины, выработанныя другою наукою. Такъ, химія обязана своими успѣхами введенію количественнаго метода, заимствованнаго изъ математики; нравственныя науки нынѣ подчиняются историческому методу и, безъ сомнѣнія, много отъ него выиграютъ. Это до такой степени справедливо, что новая эпоха въ наукѣ создается чаще всего не спеціалистомъ, который слишкомъ привыкъ къ рутинѣ и обыкновенно отличается отъ своихъ сотоварищей только бо́льшимъ или ме́ньшимъ объемомъ, но не существеннымъ различіемъ въ содержаніи знанія,—преобразователями науки бываютъ обыкновенно люди, первоначально занимавшіеся другою отраслью знанія; такъ, напримѣръ, Декартъ, Лейбницъ, Кантъ были математики, Адамъ Смитъ профессоръ словесности и логики, и т. д. Причина тому очень проста: человѣкъ, приступающій къ глубокому изслѣдованію съ запасомъ знаній, чуждыхъ другимъ ученымъ, легче замѣчаетъ въ новомъ предметѣ стороны, ускользающія отъ ихъ вниманія. Свобода отъ рутины также много значитъ.

Изъ спеціалистовъ обыкновенно только немногіе обладаютъ этими

качествами, необходимыми для того, чтобы пролагать въ наукѣ новые пути: солидными знаніями въ наукахъ, которыя не поставлены обычаемъ въ число такъ называемыхъ вспомогательныхъ наукъ, и отсутствіемъ рутины. Грановскій принадлежалъ къ этимъ немногимъ избранникамъ, и кто внимательно всмотрится въ его сочиненія, которыя, по свидѣтельству всѣхъ знавшихъ его, далеко не могутъ еще назваться полнымъ отраженіемъ его богато одаренной личности,—тотъ убѣдится, что и эти немногіе и небольшіе трактаты даютъ уже несомнѣнное доказательство того, что Грановскій, если бы цѣлью его дѣятельности была личная слава, могъ бы стать на ряду съ такими людьми, какъ Нибуръ, Гизо, Шлоссеръ. Но у него была другая цѣль болѣе близкая къ потребностямъ его родины: служеніе отечественному просвѣщенію, — и благословенна память его, какъ одного изъ могущественнѣйшихъ и благороднѣйшихъ дѣятелей на этомъ священномъ поприщѣ.

Мы не будемъ теперь подробно разбирать остальныхъ сочиненій Грановскаго, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ: каждое изъ нихъ было въ свое время основательно разсмотрѣно нашею ученою критикою, и развѣ немногія замѣчанія должно было бы прибавить относительно того или другаго въ отдѣльности къ сказанному уже въ нашихъ журналахъ. Конечно, теперь, когда эти сочиненія возможно обозрѣвать въ ихъ связи, яснѣе прежняго становятся идеи, одушевлявшія Грановскаго, какъ ученаго писателя; но для того, чтобы характеристика ихъ духовнаго единства была полна и всестороння, надобно дождаться появленія втораго тома, или, что будетъ еще лучше, изданія его университетскихъ курсовъ. Мы такъ и сдѣлаемъ: если, давая намъ второй томъ, издатели выскажутъ, какъ мы ожидаемъ, надежду, что печатаніе университетскихъ курсовъ не замедлится, мы будемъ ждать этихъ курсовъ; если же не выскажется эта увѣренность, что за вторымъ томомъ скоро явятся третій и слѣдующіе, мы должны будемъ ограничиться разсмотрѣніемъ двухъ изданныхъ томовъ, какъ отдѣльнаго цѣлаго. Тогда все-таки нашъ обзоръ будетъ полнѣе, нежели могъ бы быть въ настоящее время. Итакъ, теперь мы должны сказать только по нѣскольку словъ объ отдѣльныхъ статьяхъ, вошедшихъ въ составъ изданнаго тома.

За «Рѣчью о значеніи исторіи» слѣдуетъ переводъ письма извѣстнаго натуралиста Эдвардса къ Августину Тьерри «О физіоло-

гическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношенія къ исторіи», съ довольно обширными примѣчаніями и предисловіемъ самого Грановскаго. Въ настоящемъ изданіи, эта статья представляется какъ бы приложеніемъ къ «Рѣчи объ исторіи», говорящей, между прочимъ, объ ученомъ значеніи письма Эдвардса. Прекрасный разборъ этого труда и вмѣстѣ «Рѣчи» Грановскаго былъ помѣщенъ г. Кудрявцевымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1853 г., томъ LXXXVII).

Статью «О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ» мы недавно имѣли случай разсматривать, говоря о III-мъ томѣ «Историко-юридическаго Архива», въ которомъ она была помѣщена. Здѣсь прибавимъ только, что она дѣйствительно составила эпоху въ преніяхъ о родовомъ и общинномъ бытѣ. Изслѣдователи наши увидѣли необходимость придать болѣе точности своимъ понятіямъ объ этомъ важномъ вопросѣ нашей исторіи и заняться ближайшимъ сравненіемъ формъ нашей общины съ подобными явленіями у другихъ славянскихъ племенъ и другихъ европейскихъ народовъ: тогда только рѣшится, до какой степени надобно считать явленія такъ называемаго родоваго быта свойственными исключительно нашей исторіи, и на сколько въ нихъ общаго съ тѣмъ, что представляетъ исторія другихъ народовъ; рѣшится также, которое изъ двухъ различныхъ воззрѣній на эти явленія ближе къ истинѣ: то ли, которое существованіе родоваго быта признаетъ продолжающимся до Владиміра и Ярослава и даже далѣе, или то, которое утверждаетъ, что во времена, съ которыхъ начинаются наши историческія преданія, родовой бытъ уже распался, выдѣливъ изъ себя семью и превратясь въ союзъ отдѣльныхъ семей, общину. Факты, указанные Грановскимъ, пролили много свѣта на это дѣло и полагаютъ конецъ многимъ ошибочнымъ мнѣніямъ о совершенномъ, будто бы, различіи славянской общины отъ общинъ, какія застаетъ исторія у германскихъ и кельтскихъ племенъ.

До опредѣленія своего профессоромъ исторіи при Московскомъ Университетѣ, покойный Грановскій, тогда еще ничѣмъ неизвѣстный молодой человѣкъ, написалъ нѣсколько статей для «Библіотеки для Чтенія». Каждый знаетъ, какимъ передѣлкамъ редакція этого журнала подвергала печатаемыя въ немъ сочиненія, и издатели поступили очень благоразумно, рѣшившись не вносить въ собраніе сочиненій Грановскаго его статей, помѣщенныхъ въ «Библіо-

текѣ для Чтенія», «не будучи въ состояніи отдѣлить отъ нихъ чужаго нароста и отличить тѣ измѣненія, которыя сдѣланы въ нихъ самою редакціею журнала». Они перепечатали только первую изъ нихъ: «Судьбы еврейскаго народа», чтобы дать примѣръ начальныхъ трудовъ Грановскаго по наукѣ, лучшимъ представителемъ которой былъ онъ у насъ впослѣдствіи времени.

Два изслѣдованія: «Волинъ, Іомсбургъ и Винета» и «Аббатъ Сугерій», писанныя для полученія ученыхъ степеней, имѣютъ много общаго: оба они, въ угодность обычаю, облечены формою спеціализма, которой не любилъ Грановскій, и могутъ совершенно удовлетворить строгихъ цѣнителей внѣшнихъ признаковъ учености. Оба одинаково имѣютъ предметомъ спеціальные вопросы всеобщей исторіи, обработку которыхъ Грановскій вообще не считалъ дѣломъ, долженствующимъ лежать на русскомъ ученомъ, занимающемся всеобщею исторіею. Онъ выражался объ этомъ такъ: «Одно изъ «главныхъ препятствій, мѣшающихъ благотворному дѣйствію исто«ріи, заключается въ пренебреженіи, какое историки оказываютъ «обыкновенно къ большинству читателей. Они, повидимому, пишутъ «только для ученыхъ, какъ будто исторія можетъ допустить такое «ограниченіе, какъ будто она по самому существу своему не есть «самая популярная изъ всѣхъ наукъ, призывающая къ себѣ «всѣхъ и каждаго. Къ счастію, узкія понятія о мнимомъ достоин«ствѣ науки, унижающей себя исканіемъ изящной формы и обще«доступнаго изложенія, возникшія въ удушливой атмосферѣ нѣ«мецкихъ ученыхъ кабинетовъ, несвойственны русскому уму, лю«бящему свѣтъ и просторъ. Цѣховая, гордая своею исключительностью наука не вправѣ разсчитывать на его сочувствіе». Оффиціальная цѣль, съ которою написаны оба изслѣдованія, поставила Грановскаго въ необходимость сдѣлать уступку обычнымъ требованіямъ, и, сохранивъ общедоступность и интересность въ изложеніи, давъ своимъ частнымъ темамъ такое значеніе, что онѣ получили непосредственное отношеніе къ историческимъ вопросамъ дѣйствительной важности, онъ снабдилъ ихъ аппаратомъ спеціальной учености въ разныхъ эпизодическихъ отступленіяхъ и многочисленныхъ примѣчаніяхъ. Рутинисты не могли указать никакого недостатка въ этомъ отношеніи, хотя и старались найти его, зная мнѣніе Грановскаго о рутинѣ. Они были побѣждены собственнымъ оружіемъ, и когда одинъ изъ ихъ аколитовъ отважился было—вѣ-

роятно, безъ совѣта старѣйшинъ—выступить гверильясомъ противъ «Аббата Сугерія», воображая, что разбирать ученыя сочиненія такъ же легко, какъ переписывать чужія лекціи, г. Бабстъ обнаружилъ крайнюю несостоятельность внушеній, которымъ поддался этотъ отважный ученый.

«Четыре историческія характеристики», публичныя лекціи, читанныя въ 1851 году, были приняты публикою съ обычнымъ восторгомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ соединяютъ вѣрность ученаго пониманія съ увлекательнымъ изложеніемъ; особенно лекція объ Александрѣ Македонскомъ возвышается до истинной поэзіи: едва ли кто нибудь изобразилъ личность геніальнаго юноши съ такою вѣрностью и такимъ блескомъ, какъ Грановскій.

Лекціямъ о Тимурѣ, Александрѣ Македонскомъ, Людовикѣ IX и Бэконѣ не уступаетъ достоинствомъ статья, заключающая первый томъ: «Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ». Г. Кудрявцевъ справедливо называетъ этотъ очеркъ «мастерскимъ» и указываетъ на него, какъ на «образчикъ того, съ какою любовью и съ какимъ знаніемъ дѣла занимался профессоръ изученіемъ литературныхъ памятниковъ въ связи съ исторіею».

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ КРАСОТЫ.

КОЛЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

КРАСОТЫ, СОБРАННЫЯ ИЗЪ

„РУССКАГО ВѢСТНИКА".

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса.
Иліада, переводъ Гнѣдича.
Пѣсня I, ст. 1.

I.

«Современникъ» распался на партіи, несогласныя между собою почти что ни въ чемъ. Наши собратья по литературѣ давно намекали объ этомъ, уличая одну статью нашего журнала въ противорѣчіи съ другою. Недоставало только собственнаго признанья. Явилось и оно. Безъименный авторъ статей, занявшійся съ нынѣшняго года отдѣломъ «Внутренняго Обозрѣнія» въ нашемъ журналѣ, публично объявилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до мнѣній другихъ сотрудниковъ «Современника», что они пусть противорѣчатъ ему, сколько хотятъ, въ своихъ статьяхъ, а онъ, не стѣсняясь, станетъ противорѣчить имъ въ своихъ. Фактъ прискорбный, но должны мы сознаться, естественный въ журналѣ, нестыдящемся являться въ одной оберткѣ съ «Свисткомъ». (Кстати мы имѣемъ надежду, что «Свистокъ» скоро возвратится къ «Современнику» изъ заграничной отлучки: нигдѣ не нашелъ онъ климата лучше петербургскаго, тишины и довольства, отраднѣйшихъ, чѣмъ въ любезномъ отечествѣ, и спѣшитъ онъ снова наслаждаться сладкимъ и пріят-

нымъ дымомъ его). Да, говоримъ мы, какъ ни прискорбно это признаніе, но воротить его нельзя. Всѣмъ теперь извѣстно, что между сотрудниками «Современника» нѣтъ никакого согласія въ образѣ мыслей. Мы можемъ только негодовать на сотоварища нашего по журналу, столь неосторожно разоблачившаго наши домашнія слабости (это негодованіе и выразилось язвительнымъ эпитетомъ «безъименный»). Но если ужь признаніе сдѣлано, то и будемъ поступать сообразно тому. Пусть каждый изъ насъ пишетъ, нимало не справляясь съ тѣмъ, одобрится ли его взглядъ и тонъ другими сотрудниками и редакціею.

Эта рѣшимость, овладѣвшая мною, однимъ изъ сотрудниковъ «Современника», и открыла мнѣ возможность заняться подборомъ полемическихъ красотъ изъ многочисленныхъ статей и статеекъ, глубокомысленныхъ изобличеній и милыхъ выходокъ, печатающихся противъ «Современника». До сихъ поръ никакъ нельзя мнѣ было этимъ заняться по самой простой причинѣ: я не читалъ, кромѣ «Современника» (да и то въ корректурахъ), рѣшительно никакихъ русскихъ журналовъ вотъ уже болѣе четырехъ лѣтъ. Почему не читалъ? Между прочимъ вотъ почему: у меня чрезвычайно нетвердый умъ (какъ и было доказано много разъ въ разныхъ журналахъ въ то время когда еще я читалъ ихъ; доказывается и теперь, какъ вижу по журналамъ нынѣшняго года; отсюда по аналогіи заключаю, что доказывалось и въ длинный промежутокъ, когда я не читалъ журналовъ). При такой шаткости ума, какъ только что̀ я прочитаю, съ тѣмъ и соглашаюсь. А сверхъ всѣхъ другихъ недостатковъ ума и характера, одаренъ я еще болтливостью: рѣшительно ни о чемъ не могу смолчать. Представьте же, какое было бы мое положеніе, еслибъ я совершенно не бросилъ лѣтъ пять тому назадъ читать всѣ журналы, кромѣ «Современника». Встрѣчается мнѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» или «Отеч. Запискахъ», «Московск. Вѣдомостяхъ» или «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» какая-нибудь статья противъ «Современника» Прочелъ я ее и, по шаткости своего ума, соглашаюсь, что она вполнѣ справедлива. Сажусь къ рабочему столу—такъ и тянетъ меня написать: «въ такомъ-то нумерѣ такого-то журнала или газеты прочли мы статью, уличающую нашъ журналъ за то-то и за то-то въ невѣжественности или легкомысліи, въ злонамѣренности или безвкусіи. Мы находимъ это обвиненіе совершенно справедливымъ и «Современникъ» кругомъ виноватъ». Но

какъ я могъ напечатать это? Вѣдь я считалъ нужнымъ, чтобы журналъ сохранялъ единство направленія; а я противорѣчилъ бы ему на каждомъ шагу. Согласитесь, непріятно возбуждаться къ мыслямъ, которыя не можешь высказывать. Такъ я и бросилъ читать журналы.

Теперь дѣло другое. Даровитый писатель, взявшій въ нынѣшнемъ году на себя отдѣлъ «Внутренняго Обозрѣнія» въ «Современникѣ», вывелъ меня изъ затрудненія, погружавшаго меня столь долго въ такое прискорбное незнаніе о дѣяніяхъ русской журналистики, ея успѣхахъ въ сильномъ и прямомъ обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ общественной и государственной жизни нашего отечества, и въ прочемъ всемъ остальномъ. (Замѣчаете, шаткость моя уже и высказалась: я уязвилъ сотоварища эпитетомъ «безъименный», а вотъ и льщу ему эпитетомъ «даровитый»), Теперь я не связанъ никакими соображеніями о соблюденіи единства въ направленіи и тонѣ журнала. Когда мнѣ покажется, что другіе бранятъ «Современникъ» справедливо, умно, остроумно, мило (а мнѣ рѣшительно каждый разъ будетъ это казаться), я могу въ «Современникѣ» же и печатать, что вотъ какъ хорошо и дѣльно изобличенъ «Современникъ» такимъ-то журналомъ, такою-то газетою. Недѣли двѣ тому назадъ, я дошелъ до этого рѣшенія,—и, о восторгъ наслажденія, котораго лишалъ себя столь много лѣтъ!—я принялся читать русскіе журналы.

Я пропустилъ безъ чтенія журналы эти за столько лѣтъ, что не могъ и помыслить о прочтеніи или хотя бы легкомъ пересмотрѣ всей невѣдомой мнѣ массы ихъ за эти годы. Надобно было опредѣлить какую-нибудь достижимую человѣческимъ силамъ границу возвращенія моего назадъ къ сокровищамъ прошлой нашей журналистики. Я поставилъ себѣ этою границею 1 января настоящаго года. Только при крайней надобности, когда попадется въ этомъ моемъ чтеніи развѣ ужь очень интересная ссылка на какую-нибудь статью прежнихъ годовъ, я доставлю себѣ роскошное наслажденіе прочесть эту драгоцѣнность.

Уже и за одинъ нынѣшній годъ какую груду приходится мнѣ пересматривать! Вѣдь мое рѣшеніе было принято 7 іюня (день—присноламятный для меня, день моего возвращенія въ сладчайшую жизнь читателя русскихъ журналовъ)!—я пропустилъ болѣе пяти

мѣсяцевъ, и сколько прекраснѣйшаго чтенія приготовила для меня русская журналистика въ эти пять мѣсяцевъ!

Какъ голодный, прямо бросающійся на самое сытное блюдо, я началъ свое чтеніе, разумѣется, съ «Русскаго Вѣстника», лучшаго изъ нашихъ журналовъ. Общая молва о его достоинствахъ не обманула меня. Много, много замѣчательнаго нашелъ я въ немъ,— напр., въ 1-мъ же нумерѣ превосходную, утыканную шпильками статью г. Леонтьева «О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ» и восхитительную по своей невинной наивности статью г. Сухомлинова «Ломоносовъ—студентъ марбургскаго университета», а въ «Современной Лѣтописи» несравненныя статьи г. Ржевскаго, равно замѣчательнаго ученостью, скромностью и глубокомысліемъ. Но болѣе всего заняли меня полемическія статьи (по шаткости ума и слабости характера, при первомъ соприкосновеніи съ полемикою пробудилась во мнѣ страстишка къ полемикѣ, спавшая непробуднымъ сномъ нѣсколько лѣтъ). По естественной слабости къ журналу, въ которомъ участвуешь, разумѣется, больше всего заинтересовался я полемикою противъ «Современника» и она такъ очаровала меня, что на этотъ разъ не могу я говорить ни о чемъ, кромѣ нея. Какъ измѣнила она мой взглядъ на многое въ «Современникѣ», сколько недостатковъ его раскрыла, сколько промаховъ разоблачило! Они такъ грубы, неприличны, что прежде всего я долженъ назвать совершенно заслуженнымъ со стороны «Современника» тонъ этой полемики. Вотъ образцы его. Первымъ образцомъ можетъ служить первая полемическая статья нынѣшняго года: «Нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи». Она такъ хороша, что мы представимъ довольно большія извлеченія изъ нея. Статья начинается тѣмъ, что съ нынѣшняго года открывается въ «Русскомъ Вѣстникѣ» постоянный отдѣлъ «Литературное обозрѣніе и замѣтки». Въ другихъ журналахъ соотвѣтствующій тому отдѣлъ давно существуетъ, но ведется совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

«Читатели, вѣроятно, еще помнятъ, какъ лѣтъ пять или шесть тому назадъ, ежегодно передъ открытіемъ подписки возгоралась литературная брань между журналами: *Современникъ* доказывалъ, что *Отечественныя Записки* никуда не годятся; *Отечественныя Записки* съ неменьшею убѣдительностью доказывали то же самое о *Современникѣ*. Въ первый годъ существованія *Русскаго Вѣстника* мы указывали на эту черту нашихъ литературныхъ нравовъ, на этотъ процвѣтавшій тогда въ журналахъ обычай, подъ видомъ литературныхъ обозрѣній

зазывать къ себѣ публику. Обычай этотъ тогда же прекратился; но не надолго: натура взяла свое. Брань возвратилась, только уже не литературная: сброшенную маску литературныхъ объясненій поднять было совѣстно, и раздались объясненія болѣе обыкновенныя, прямѣе идущія къ дѣлу, открылись балаганы съ пѣснями и безъ пѣсенъ, со свистомъ и даже съ визгомъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ».

Это я называю скромностью: до «Русскаго Вѣстника» журналы держали себя неприлично; явился «Русскій Вѣстникъ», указалъ имъ, что это дурно, и неприличный «обычай тогда же прекратился». Со стороны другихъ журналовъ похвально такое послушаніе справедливымъ внушеніямъ «Русскаго Вѣстника»: если сами они дурны, хорошо уже хоть то, что слушаются указаній отъ лучшаго журнала. Но, — но очень они уже дурны: и желали исправиться, да не могутъ: «обычай прекратился, но не надолго, натура взяла свое: брань возвратилась». Какая дурная натура! Самая площадная натура. Нравится мнѣ ѣдкость выраженія: «открылись балаганы съ пѣснями и безъ пѣсенъ, со свистомъ и даже съ визгомъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ». Чтобы не оставить читателя въ недоразумѣніи, сдѣлана при этихъ словахъ выноска, указывающая на № 1-й «Современника» за нынѣшній годъ. Острота—очень хорошая; ея пріятности не мѣшаетъ даже то, что она повторена изъ статейки «Московскихъ Вѣдомостей» и со словъ почтеннаго нашего публициста г. Погодина, достойно завершившаго свою громкую славу недавними статьями по крестьянскому вопросу. Такъ вотъ, критическій отдѣлъ въ другихъ журналахъ неприличенъ; конечно въ «Русскомъ Вѣстникѣ» онъ будетъ несравненно приличнѣе. Но къ счастію мы видимъ, что это не мѣшаетъ ему употреблять, какъ и слѣдуетъ, сильныя выраженія противъ журналовъ и писателей дряннаго сорта. Вотъ, напримѣръ, выдержки со слѣдующей страницы.

„Мы не будемъ заниматься *искусствомъ для искусства*, какъ занимаются имъ именно тѣ изъ нашихъ литературныхъ критиковъ, которые съ свирѣпымъ безсмысліемъ протестуютъ противъ *искусства для искусства*. Только праздные и больные умы занимаются сами собой; только хилое искусство превращается въ эстетическіе курсы; только лишенная производительности, безжизненная и безсильная литература роется въ собственныхъ дрязгахъ, не видя передъ собою Божьяго міра, и вмѣсто живаго дѣла занимается толченіемъ воды или домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями. Намъ ставили въ укоръ отсутствіе литературныхъ разсужденій въ нашемъ изданіи именно тѣ журналы, гдѣ съ тупымъ доктринерствомъ или съ мальчишескимъ забіячествомъ про-

повѣдывалась теорія, лишающая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью всѣ литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на названіе національнаго поэта, а Гоголю оказывалось снисхожденіе только за его сомнительное свойство обличителя; гдѣ современные писатели, отличающіеся какимъ-либо художественнымъ достоинствомъ, потому только осыпались льстивыми похвалами, что успѣхъ ихъ въ публикѣ былъ выгоденъ для этихъ журналовъ, помѣщавшихъ у себя ихъ произведенія, но гдѣ немедленно измѣнялся тонъ отзывовъ, съ прекращеніемъ разсчета на сотрудничество".

Какая благопристойность тона, не лишеннаго однакожь рѣзкой силы: «балаганы», «свистуны», «свирѣпое безсмысліе», «мальчишеское забіячество», упрекъ за «забрасываніе грязью всѣхъ литературныхъ авторитетовъ», наконецъ, что́ лучше всего, указаніе на «льстивыя похвалы» писателямъ, успѣхъ которыхъ выгоденъ для журнала, пока эти писатели помѣщаютъ въ немъ свои произведенія, и прибавка, что «тонъ отзывовъ немедленно измѣнялся съ прекращеніемъ разсчета на сотрудничество». Чтобы читатель не оставался въ недоразумѣніи, къ этимъ же словамъ сдѣлана и выноска слѣдующаго содержанія:

„Такъ измѣнялся тонъ *Современника* о нѣкоторыхъ писателяхъ, въ честь которыхъ еще такъ недавно пламенѣли жертвенники въ этомъ журналѣ. Въ послѣднемъ нумерѣ его напечатано между прочимъ элегическое стихотвореніе, въ которомъ изливаются скорбныя сѣтованія на дороговизну произведеній г. Тургенева".

Я никакъ не нахожу, что этотъ оборотъ изложенія имѣетъ нѣкоторое сходство съ «домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями». Я прочелъ, что «Русскій Вѣстникъ» порицаетъ ихъ, и знаю, что онъ никогда до нихъ не унизится. Выписанныя мною слова я называю просто благороднымъ изобличеніемъ низости «Современника». Какъ я благодаренъ «Русскому Вѣстнику», что раскрылись у меня теперь глаза на эту низость. Прежде дѣло представлялось мнѣ въ иномъ видѣ. Послушайте, какъ грубо я ошибался.

Мнѣ казалось, что было время, когда не замѣчали между собой разницы во взглядахъ люди, далеко разошедшіеся нынѣ. Было время, когда г. Катковъ писалъ въ «Отечественн. Запискахъ» вмѣстѣ съ авторомъ «Писемъ объ изученіи природы». Нѣкоторыя статьи г. Каткова приписывались Бѣлинскому (мы не полагаемъ, чтобы сказали этимъ что нибудь оскорбительное для г. Каткова). Теперь на сколько партій раздѣлились эти люди, составлявшіе нѣкогда одну партію, въ которой рядомъ стояли г. Катковъ и покойный К. Акса-

ковъ? Отчего же разошлись эти люди? Отчего многіе изъ нихъ стали даже враждебны другъ-другу по образу мыслей? Намъ казалось, что низкими разсчетами не слѣдуетъ объяснять ни этого прежняго союза, ни этого послѣдующаго разрыва. Намъ казалось, что какъ ни жалко состояніе нашей литературы, но все-таки управляли въ ней симпатіями и антипатіями силы болѣе широкія и болѣе благородныя, чѣмъ денежный разсчетъ. Намъ казалось, что развивалась національная мысль, опредѣленнѣе становились убѣжденія, и отъ этого оказывалась надобность разойтись людямъ, стоявшимъ рука объ руку, поселялось несогласіе въ понятіяхъ, а вслѣдъ за нимъ возникала и борьба между людьми, думавшими и дѣйствовавшими за-одно, когда вопросовъ было не такъ много, вопросы были поставлены не такъ опредѣленно и отвѣты на нихъ не могли быть такъ разнородны, какъ сдѣлались при дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни. Эти разлуки бывали иногда тяжелы для сердца разстающихся,—по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сошлемся на опытъ каждаго, кто дѣйствовалъ въ литературѣ благородно: кому изъ нихъ не случалось нѣсколько разъ говорить себѣ то о томъ, то о другомъ, близкомъ прежде, соучастникѣ трудовъ и стремленій: «Мы перестаемъ понимать другъ-друга; мы стали чужды другъ-другу по убѣжденію, мы должны покинуть другъ-друга во имя чувствъ, еще болѣе чистыхъ и дорогихъ намъ, чѣмъ наши взаимныя чувства». Тотъ, кто пишетъ эти строки, началъ свою литературную дѣятельность позднѣе почтеннаго редактора «Русскаго Вѣстника»; но и ему пришлось уже испытать не одну такую потерю. Онъ можетъ сказать не шутя, что не совсѣмъ легко было ему убѣдиться нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ и редакція «Русскаго Вѣстника» по мнѣніямъ своимъ о нѣкоторыхъ слишкомъ важныхъ вопросахъ не могутъ сочувствовать другъ-другу. Чтó мнѣ былъ г. Катковъ? Я его тогда не зналъ въ лицо, онъ меня такъ же. Я никогда не разсчитывалъ быть его сотрудникомъ; онъ вѣроятно еще меньше могъ бы согласиться принять меня въ свои сотрудники. Ничего подобнаго личнымъ отношеніямъ или интригамъ тутъ быть не могло, Но было время, когда мнѣ пріятно было думать: «а мы можемъ дѣйствовать за-одно»; разсчетъ ли денежнаго выигрыша былъ тутъ? И пришло потомъ время, когда мнѣ тяжело было думать: «по вопросу, который теперь стоитъ впереди всего, мы не можемъ дѣйствовать за-одно»,—что же въ самомъ дѣлѣ, денежную ли потерю я чувствовалъ такъ горько? И если я *теперь думаю*: «можетъ придти очередь другихъ вопросовъ, въ ко-

торыхъ мы можемъ сойдтись»,—развѣ денежныя выгоды или другія дрязги заставляютъ меня желать этого? Пусть судьей будетъ самъ «Русскій Вѣстникъ».

Нѣтъ, я не умѣю писать. Къ чему этотъ искренній тонъ, этотъ порывъ чувства, которое сильнѣе и выше всѣхъ журнальныхъ дрязгъ? Къ чему этотъ неумѣстный паѳосъ въ статьѣ, начатой съ насмѣшливой мыслью и, правду сказать, съ презрительной мыслью? И какъ теперь изъ этой сферы мыслей, хоть нѣсколько достойныхъ честнаго гражданина, перейдти къ журнальной полемикѣ? Нѣтъ, лучше остановлюсь здѣсь; полемика пусть будетъ отложена до другого раза. А первый отрывокъ пусть и будетъ закончен надеждой на близость лучшаго развитія нашей литературной дѣятельности.

Но эта пора еще не наступила, и уже шевелится въ моей головѣ мелкій вопросъ о дрязгахъ: «что же подумаетъ «Русскій Вѣстникъ», что же подумаетъ публика? Вызовъ ли это на литературное примиреніе? не робость ли это? не подобострастіе ли?» Нѣтъ; въ чемъ другомъ, а въ литературной трусости едва ли самый «Русскій Вѣстникъ» заподозритъ пишущаго эти строки. Въ чемъ другомъ еще какъ случится, а въ литературной полемикѣ онъ не слишкомъ боится за себя. И примиренія по вопросамъ, о которыхъ можетъ она идти, онъ не ждетъ ни у «Русскаго Вѣстника» съ «Современникомъ», ни у какого журнала съ «Русскимъ Вѣстникомъ» или «Современникомъ». Да-съ, послѣ отъ нечего дѣлать пошутимъ, посмѣемся, изобличимъ, вознегодуемъ, «втопчемъ въ грязь» «завизжимъ», а теперь—какъ-то случилось разговориться такъ, что не то на умѣ.

Думалъ я подписывать эти статьи какимъ-нибудь задорно-шуточнымъ псевдонимомъ; но судя по нынѣшнему, не одно шутовство въ нихъ будетъ, и потому стану подписывать подъ ними свою фамилію.

. . . .

II.

А вотъ пришло и другое расположеніе духа.

Такъ какъ же, по низкому разсчету льстилъ «Современникъ» г. Тургеневу, по низкому разсчету теперь ругаетъ его?

Мы полагаемъ, что самъ г. Тургеневъ понимаетъ дѣло иначе;

очень можетъ быть, что и «Рускому Вѣстнику» можно иначе понять его.

Почему г. Чичеринъ съ своими друзьями отдѣлился отъ «Русскаго Вѣстника?» Въ платѣ за статьи они не сошлись? Извѣстно литературному кругу, что разрывъ между ними произошелъ совсѣмъ не по этой причинѣ. Сначала имъ казалось, что они сходятся въ убѣжденіяхъ; потомъ они увидѣли, что расходятся,—и разошлись.

Нашъ образъ мыслей прояснился для г. Тургенева на столько, что онъ пересталъ одобрять его. Намъ стало казаться, что послѣднія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ-ли? Ссылаемся на самого г. Тургенева.

Мы льстили ему!—Пусть укажутъ хотя одно слово лести, написанное хотя кѣмъ нибудь изъ нынѣшнихъ сотрудниковъ «Современника». Ни «Русскій Вѣстникъ», ни кто не въ состояніи указать этого. Или пусть укажутъ хотя одно такое слово кѣмъ бы то ни было написанное въ «Современникѣ» съ той поры, когда русскіе журналы стали сколько нибудь похожи на журналы. Этого также нельзя указать. Да и такой ли человѣкъ г. Тургеневъ, чтобы не различить лести отъ искренняго тона и не оскорбиться лестью? Онъ не такого дурнаго тона и не такой неразборчивый человѣкъ. Льстить ему было бы не выгодно, если бы и была бы охота льстить.

Съ другой стороны—когда это были оскорбленія ему въ «Современникѣ»? Любопытно было бы, если бы кто указалъ, гдѣ и въ чемъ они были.

Что же такое было? Измѣнился нашъ взглядъ на положеніе, принадлежащее повѣстямъ г. Тургенева въ русской литературѣ. Это такъ. Но кто скажетъ, что это положеніе не измѣнилось? Развѣ не измѣнилась сама русская литература? Что же, намъ слѣдовало бы теперь повторять то, что думали прежде, при другомъ положеніи литературы, и чего уже не могли думать теперь?

А что за оборотъ—придавать дурной видъ шуткѣ, которая относилась вовсе не къ г. Тургеневу, а къ журналисту, да и не къ какому-нибудь журналисту въ отдѣльности, а ко всѣмъ журналистамъ,—шуткѣ, имѣвшей тотъ смыслъ, что теперь авторъ хорошихъ повѣстей или статей беретъ за свой трудъ хорошія деньги, и нельзя журналисту держать его на антоніевской пищѣ, какъ дѣлалось когда-то?

Тутъ было не одно имя г. Тургенева; тутъ говорилось о нѣсколькихъ писателяхъ, которыми наиболѣе дорожатъ журналы,—говорилось о г. Гончаровѣ, г. Костомаровѣ. Что тутъ обиднаго?

Или г. Тургеневъ разошелся съ «Современникомъ» изъ-за того, что «Современникъ не согласился заплатить ему за какую-нибудь повѣсть столько, сколько онъ хотѣлъ, или потому, что другой журналъ далъ дороже?—Вѣдь этотъ намекъ вы дѣлаете? А вы бы подумали лестенъ ли, пріятенъ ли такой намекъ—не для «Современника», а для самого г. Тургенева. И вѣдь вамъ, да и каждому журналисту очень хорошо извѣстно было, что намекъ этотъ совершенно лишенъ всякаго основанія.—Г. Тургеневъ помѣщаетъ свои произведенія тамъ, гдѣ ему пріятнѣе, а не тамъ, гдѣ ему больше даютъ,—развѣ кто нибудь торговался когда съ г. Тургеневымъ? Сколько мы его знаемъ, мы не полагаемъ, чтобы это было кому нибудь возможно, по характеру г. Тургенева. Онъ не изъ тѣхъ писателей, которые любятъ, или съ которыми нужно торговаться.

Къ чему жь была эта выходка? Развѣ къ тому, чтобы замѣшать г. Тургенева въ журнальныя дрязги? «Русскій Вѣстникъ» однажды ужь дѣлалъ это. Но полезно ли повторять неловкость, которая и въ первый разъ не была хороша?

Вотъ, что значитъ гнѣвная неразборчивость: хотѣли пощипать «мальчишекъ свистуновъ», а по неловкости ущипнули г. Тургенева, человѣка совершенно посторонняго и ничѣмъ не заслужившаго вашихъ, непреднамѣренно задѣвшихъ его шпилекъ.

III.

Въ № 1 «Русскій Вѣстникъ» такъ лишь слегка пошалилъ (и какъ мило пошалилъ), а въ февральской книжкѣ онъ помѣстилъ капитальную статью противъ насъ, подъ названіемъ «Старые боги и новые боги».—Это заглавіе обозначаетъ, что мы, по врожденному намъ подобострастію, не можемъ не валяться на колѣняхъ передъ какими-нибудь кумирами, и потому, низвергая прежнихъ, мы становимъ новыхъ, которые чуть ли ни хуже прежнихъ, и провозглашаемъ слѣпое поклоненіе имъ. Что жь, оборотъ придуманъ очень ловкій—мы всегда рады отдавать справедливость «Русск. Вѣстнику»; онъ вздумалъ повести дѣло такъ, чтобы явиться защитникомъ правъ

[illegible] знамя на свободу противъ насъ, порабощающихъ ра[illegible] въ замѣнъ старыхъ предразсудковъ. Только одно изъ условій остроумія не соблюдено: вѣдь нужно, чтобы выдумка имѣла видъ правдоподобія,—безъ того она не будетъ остроумна, какъ бы ни была замысловата. А та часть публики, которая несогласна съ нами, видя въ насъ множество недостатковъ, никакъ не думала находить, чтобы мы воздвигали кумировъ. Оттого статья «Русскаго Вѣстника» и выходитъ—не больше, какъ забавна для той части публики, которая сочувствуетъ, намъ,—неудачно выбранъ пунктъ обвиненій. Мы воздвигаемъ кумировъ!—сдѣлайте одолженіе, уличайте насъ въ этомъ почаще и побольше. Это хорошо.

Но посмотримъ на статью, истинно радующую насъ искуснымъ выборомъ темы для обвиненій. Начинается она порицаніемъ за то, что мы говоримъ иногда уклончиво, стороною о разныхъ предметахъ, о которыхъ можно говорить прямо.

«Къ чему лукаво подмигивать, коварно намекать, завертываться въ аллегоріи, расточать ироніи, сыпать побасенками, когда дѣло просто, и нѣтъ ни малѣйшей надобности прибѣгать ко всѣмъ этимъ военнымъ хитростямъ»?

Хорошо. А зачѣмъ вся статья, начинающаяся этимъ порицаніемъ, написана именно тою самою манерою, которую порицаетъ за ея ненужность? зачѣмъ вся она до того «завертывается» въ разныя уловки, что многіе даже вообразили, будто ее надобно понимать въ прямомъ, а не въ ироническомъ смыслѣ, будто «Русскій Вѣстникъ» въ самомъ дѣлѣ защищаетъ противъ насъ матеріализмъ? Къ чему же порицать другихъ за то, что приходится дѣлать и вамъ самимъ?

Далѣе слѣдуетъ очень милая «побасенка» объ Иванѣ Яковлевичѣ, слишкомъ впрочемъ, отзывающаяся подражаніемъ статьѣ «Современника» о книжкѣ г. Прыжова. Зачѣмъ подражать тому, надъ чѣмъ смѣешься? Или, можетъ быть, это не подражаніе, а только иронія?

Дѣло сводится къ тому, что мы за наше безсмысліе сравниваемся съ Иваномъ Яковлевичемъ,—очень мило и граціозно; только зачѣмъ же заимствовать свое остроуміе у такихъ безсмысленныхъ людей, какъ мы? А что мы безсмысленны, вотъ вамъ доказательство:

«Женится ли Х.?» спрашивалъ кто-то у Ивана Яковлевича. «Безъ працы не будзе колалацы», таковъ былъ отвѣтъ. *Кололацы*- мудреное слово, но во-

прошавшій былъ вѣроятно удовлетворенъ имъ, не добираясь до смысла. *Кололацы*—слово безъ смысла. А прислушайтесь: эти *кололацы* встрѣтятся вамъ такъ часто, что вы не поставите ихъ въ упрекъ бѣдному обитателю сумашедшаго дома.

«*Кололацы! Кололацы!* А развѣ многое изъ того, что преподается и печатается—не *кололацы*? Развѣ философскія статьи, которыя помѣщаются иногда въ нашихъ журналахъ,—не *кололацы*?

«Дѣло не въ томъ, что вы говорите или пишите, во что вы вѣруете или не вѣруете, что полагаете или что отрицаете: дѣло не въ томъ, какія истины хотите вы проповѣдывать, суровыя или нѣжныя; а въ томъ, понимаете ли вы сами что говорите, способны ли вы мыслить или способны только вязать слова, которыя для людей немыслящихъ могутъ показаться очень эффектными, но которыя въ сущности не что иное, какъ *кололацы* Ивана Яковлевича».

Мило, очень мило. «Кололацы бѣднаго обитателя сумашедшаго дома»,—какая деликатная полемика! Далѣе слѣдуетъ, все въ примѣненіе къ намъ же: «желтый домъ», «безсмысленный», «раболѣпство»,—«фанатическое поклоненіе идоламъ, которые созданы нашимъ невѣжествомъ»,—«оскверненіе мысли въ ея источникахъ»,—«возмутительно», — это на одной 894 страницѣ; — разочтите же, сколько такихъ красотъ на 12 страницахъ статьи. Это значитъ, что другіе журналы не умѣютъ держать себя прилично, а Р. В. умѣетъ.

Послѣ этого начинается разборъ статьи г. Антоновича о «Философскомъ словарѣ»,—г. Антоновичъ ни мало не нуждается въ томъ, чтобы его защищали другіе, и оставляя эту часть статьи на доброе сердце г. Антоновича, приведу отрывки изъ конца ея, обращеннаго ко мнѣ.

Прочитавъ длинное назиданіе г. Антоновичу, Р. В. рекомендуетъ ему «одну статью, напечатанную въ трудахъ Кіевской Духовной Академіи».

„Статья эта, подъ заглавіемъ: *Изъ науки о человѣческомъ духѣ*, составляетъ довольно обширное сочиненіе. Авторъ ея,—профессоръ Кіевской академіи, г. Юркевичъ. Сочиненіе это вызвано нѣкоторыми статьями о философскихъ предметахъ, появившимися въ *Современникѣ*. Г. Юркевичъ разоблачаетъ наглое шарлатанство, выдаваемое за высшую современную философію, и разоблачаетъ такъ, что даже взыскательный г. Антоновичъ можетъ остаться доволенъ. Нѣтъ худа безъ добра; спасибо шарлатанству по крайней мѣрѣ за то, что оно послужило поводомъ къ появленію этого превосходнаго философскаго труда. Статья г. Юркевича не простое отрицаніе или обличеніе; но исполнена положительнаго интереса, и рѣдко случалось намъ читать по-русски о философскихъ предметахъ что-нибудь въ такой степени зрѣлое. Впрочемъ о статьѣ г. Юркевича мы не хотимъ говорить мимоходомъ. Въ слѣдующемъ нумерѣ *Русскаго*

выдержки изъ этого трактата, который ... самостоятельнаго, вполнѣ владѣющаго

... понятія господъ, пишущихъ въ Со... и что они найдутъ наконецъ возмож... И теперь ужь по нѣкоторымъ частямъ Г. Чернышевскій, повидимому главный ... говорить человѣческимъ языкомъ и ... humanise, ce monsieur. Въ послѣднихъ ... прочли статьи за его подписью ..., которыя выдавалъ онъ прежде за глу... таинственнаго кладязя. Онъ судитъ здраво ... экономіи, такъ что ему нѣтъ теперь ... которыхъ онъ бывало называлъ ... онъ теперь и самъ въ статьяхъ, под... ему справедливость: онъ хорошо поль... время въ предварительной школѣ.

... заглядывать въ тѣ статьи г. Черны... то она еще отзывается въ дру... тономъ шарлатанской ироніи говорится ... Вернадскомъ, Бунге, Ржевскомъ. Безо... де-Молинари, а наконецъ Каре (или ... Статейка, о которой мы сейчасъ упоми... рецензія недавно вышедшей книги Каре ... Въ ней есть одно замѣчательное ... статьи отрывокъ о драмѣ „Юдинь", заклю... не тротуаръ Невскаго проспекта, онъ ... то грязныя, то черезъ болота, то ... пылью и выпачкать сапоги, тотъ не ...").

... въ которомъ такъ и слышится ... себя для спасенія родины, рецен... свободной торговлѣ. Не могла бы эта ... въ такой сухой и прозаическій пред... писавшаго. Она могла сказаться ... только неудержимою силой ... въ этомъ разсказѣ, который ... протекціонныхъ пошлинъ, гдѣ ...

... нѣкотораго рода освѣщеніе ... общественные дѣятели, кто ...? Но, о, новыя „Юдинь"! пови... ... рачную ча...

... страну! Не приносите ненужныхъ

жертвъ! Не оправдывайте себя подвигомъ: никакого подвига не имѣется. Вы и себя обольщаете, и обманываете другихъ. Вы сами не знаете, вы сами не чувствуете, какая вы вредная задержка посреди этого общества съ неустановившимися силами, съ неокрѣпшею жизнію. Тѣмъ хуже, если вы люди способные. Современемъ, можетъ-быть, вы откажетесь отъ шарлатанства; ваши понятія станутъ яснѣе (начинаютъ же разъясняться мало-по-малу экономическія понятія г. Чернышевскаго, а это добрый задатокъ); послѣ вы хватитесь, но будетъ поздно. Съ презрѣніемъ оглянетесь вы на свое прошедшее, и можетъ быть глубоко пожалѣете о шутовской роли, которую вы играете теперь".

Эпизодъ о «Юдиѳи» дѣйствительно годился для того, чтобы посмѣяться надъ нимъ; и примѣненіе его къ моему «шарлатанству» сдѣлано мило,—этотъ отрывокъ статейки, нешутя, очень игривъ и ловокъ. Отъ души смѣюсь вмѣстѣ съ «Русскимъ Вѣстникомъ» надъ тѣмъ, какъ я уподобляюсь Юдиѳи величіемъ жертвы, приносимой мною для спасенія родины. Это очень забавно вышло; тутъ насмѣшка вполнѣ удалась «Русскому Вѣстнику». Да и патетическій тонъ эпизода о Юдиѳи дѣйствительно очень забавенъ своимъ не со всѣмъ удобнымъ помѣщеніемъ въ статейкѣ о сухомъ предметѣ, тарифѣ и Кери. Это отличная насмѣшка. Да, вѣдь разумѣется само собою, что эту статейку писалъ я,—«Русскій Вѣстникъ» на то и намекаетъ. Онъ не ошибся. Но я боюсь, что ошибся «Русскій Вѣстникъ» въ предположеніи, будто мои экономическія мнѣнія исправляются. Это я считаю за знакъ доброты ко мнѣ, не больше; благодарю, но принять не могу. Дѣло объясняется иначе. До прошлаго года, я писалъ политико-экономическія статьи объ отдѣльныхъ вопросахъ, наиболѣе интересовавшихъ меня, — разумѣется, это были вопросы, которые мнѣ казались особенно плохо излагаемыми у писателей господствующей экономической школы. Потому въ этихъ статьяхъ не было почти ничего, кромѣ споровъ противъ господствующей теоріи, кромѣ изложенія мыслей, не успѣвшихъ попасть въ нее по своей новости или отвергаемыхъ ею за ихъ направленіе. Въ началѣ прошлаго года показалось мнѣ полезно дать русской публикѣ систематическій трактатъ о экономичекой наукѣ во всемъ ея объемѣ. Я сталъ переводить Милля и дѣлать къ нему дополненія. У самого Милля излагаются бо́льшею частью вопросы безспорные; мои дополненія часто должны были относиться также къ такимъ вопросамъ. Вотъ отъ чего разница впечатлѣнія, производимаго моими прежними статьями и моимъ изданіемъ Милля. Тогда я говорилъ: буду излагать лишь то,

въ чемъ я съ вами не согласенъ; въ переводѣ Милля имѣю цѣлью изложить все, что надобно думать о предметѣ, — и то, въ чемъ я не согласенъ, и то, въ чемъ согласенъ съ вами. Не дѣлаетъ чести проницательности «Русскаго Вѣстника», что онъ не догадался объ этой главной причинѣ разницы въ своемъ впечатлѣніи. Сказать ли другую причину? Упоминать о нихъ мнѣ самому довольно щекотливо, но я не поцеремонюсь, потому что не очень-то боюсь ни чьихъ насмѣшекъ, когда знаю, что говорю правду. Вотъ еще объясненіе тому, что «Русскій Вѣстникъ» сталъ находить статьи, подписанныя моимъ именемъ, менѣе «дикими». Моя репутація увеличивается — говорю это, не прикидываясь скромнымъ, потому что не слишкомъ-то горжусь своей литературной дѣятельностью. Почему же такъ? — Самъ «Русскій Вѣстникъ» говоритъ:

«Жалкая литература! Мы находимся на школьномъ положеніи. Мысль наша не имѣетъ къ себѣ уваженія, и ей трудно уважать себя. Она прячется, роетъ норки; въ ней развиваются всѣ рабскія свойства» (Р. В.», мартъ. Литер. Обозр. стр. 21).

Послѣ этого объясненія, нечего мнѣ церемониться ни съ собою, ни съ другими. У многихъ это чувство смягчается нѣкоторымъ самодовольствомъ, не лишеннымъ справедливости. Каково бы ни было ихъ положеніе, но они въ немъ все-таки остаются честными людьми. Это ихъ нѣсколько утѣшаетъ. Я, какъ литераторъ, такъ же честенъ; но меня это нисколько не утѣшаетъ, и мое чувство къ литературѣ, въ томъ числѣ и къ моей долѣ въ ней, имѣетъ жосткость, ничѣмъ не смягченную. Кому угодно, тотъ можетъ сдѣлать это объясненіе предметомъ насмѣшки: я самъ знаю, что оно очень удобно можетъ быть обращено въ насмѣшку надо мной. Но смѣйтесь и бранитесь какъ хотите; а вы сами знаете, что я тутъ правъ, и я знаю, что вы согласны со мной въ очень значительной степени.

Такъ вотъ я мертвъ поэтому къ похвалѣ и къ порицанію тому, что я пишу. Я самъ судья, произнесшій и себѣ въ числѣ другихъ приговоръ, который не поправишь и не испортишь ничѣмъ. И на то, какъ думаетъ обо мнѣ публика, я смотрю точно такъ же, какъ на толки о какой-нибудь m-lle Ригольбошъ. Умна ли она, глупа ли она, хороша ли она, дурна ли она—все равно, она ведетъ такой образъ жизни, что никакими комплиментами не исправишь мнѣнія о ней.

Есть люди другаго рода: они чувствуютъ робость передъ извѣстностью. Таковъ «Русскій Вѣстникъ». Прежде онъ осмѣливался находить, что въ моихъ статьяхъ нѣтъ ничего, кромѣ дичи; теперь онъ робѣетъ высказывать это. Только и всего. Удовлетворены ли вы этимъ объясненіемъ, «Русскій Вѣстникъ»? Если нѣтъ, я, пожалуй, объяснюсь пообстоятельнѣй: себя я не слишкомъ-то жалѣю, а другихъ,—напримѣръ, хоть васъ,—разумѣется, не больше, чѣмъ себя. Слѣдовательно, объясненій со мной вамъ не выдержать,—не потому, чтобъ я былъ умнѣе васъ или владѣлъ перомъ искуснѣе васъ, а потому, что у меня языкъ развязанъ хоть въ этомъ отношеніи, а у васъ и въ немъ онъ связанъ.

Но я не все сказалъ, сказавъ, что къ своей литературной репутаціи я мертвъ. Къ себѣ, какъ къ человѣку, я не могу быть мертвъ. Я знаю, что будутъ лучшія времена, литературной дѣятельности, когда будетъ она приносить обществу дѣйствительную пользу и будетъ дѣйствительно заслуживать доброе имя тотъ, у кого есть силы. И вотъ я думаю: сохранится ли во мнѣ къ тому времени способность служить обществу, какъ слѣдуетъ? Для этого нужна свѣжесть силъ, свѣжесть убѣжденій. А я вижу, что уже начинаю входить въ число «уважаемыхъ» *) писателей, то есть писателей истаскавшихся, отстающихъ отъ движенія общественныхъ потребностей. Это горько. Но что дѣлать? Лѣта берутъ свое. Дважды молодъ не будешь. Я могу только чувствовать зависть къ людямъ, которые моложе и свѣжѣй меня. Напримѣръ, къ г. Антоновичу. Что жь? развѣ я стану скрывать, что дѣйствительно завидую имъ, завидую съ оттѣнкомъ оскорбляемаго ихъ свѣжестью самолюбія, съ досадою опережаемаго?

Не угодно ли получить объясненіе и относительно того, какую пользу моему исправленію принесъ «Русскій Вѣстникъ»? Извольте. И тутъ скажу правду. Я просматривалъ «Русскій Вѣстникъ» при

*) Изъ всего этого можно будетъ «Русскому Вѣстнику» извлечь очень насмѣшливыя замѣчанія противъ меня: «г. Чернышевскій думаетъ, что его репутація увеличивается,—какое пріятное самообольщеніе!»—«г. Чернышевскій изъ Юдиеи обращается въ m-lle Риголъбошъ» (развить параллель между нимъ и m-lle Риголъбошъ»). — «Онъ скорбитъ о томъ, что онъ уважаемый писатель—пусть онъ не горюетъ объ этомъ, его никто не уважаетъ» и т. д. и т. д. — Всѣ эти насмѣшки могутъ быть ѣдки и забавны, если написаны будутъ умно и живо.

началѣ его изданія. Не припомню теперь хорошенько, до 17 или до 18 № перваго года изданія. Послѣ того до конца перваго года мнѣ случилось прочесть еще двѣ или три статьи въ слѣдующихъ книжкахъ, потому что въ тотъ годъ приносили «Русскій Вѣстникъ» изъ магазина въ мою квартиру. На второй годъ я сказалъ, чтобъ этого не дѣлали. И съ той поры до начала нынѣшняго мѣсяца я формально не читалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» ничего, за исключеніемъ четырехъ вещей, которыя всѣ и перечислю. Въ редакцію «Современника» была доставлена біографія Радищева со многими, по словамъ лица, ее передавшаго, важными дополненіями противъ того, что было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Случилось такъ, что заняться сличеніемъ некому было, кромѣ меня. Я взялъ книжку «Русскаго Вѣстника» и сличилъ съ нею рукопись. Оказалось, что прибавленія неважны, и печатать ихъ не стоитъ. Лѣтомъ прошлаго года я прочелъ полемическія статьи по поводу г-жи Свѣчиной, вздумавъ написать объ этомъ казусѣ статейку, за неимѣніемъ другаго матеріала для журнала. Въ одномъ изъ нумеровъ «Русскаго Вѣстника», гдѣ была эта стрѣльба по г-жѣ Туръ, напечатана статья г. Малиновскаго (если не ошибаюсь) о пороховыхъ взрывахъ, кажется. Она какъ-то развернулась, и я прочелъ нѣсколько страницъ. Наконецъ, сидя однажды у постели больнаго, я прочелъ для него нѣсколько страницъ изъ повѣсти г-жи Кохановской; заглавія повѣсти не помню, а знаю только, что въ ней разсказъ ведется отъ лица женщины, часто вставляющей въ свою исторію отрывки изъ народныхъ пѣсенъ.

Довольны вы, «Русскій Вѣстникъ», этимъ объясненіемъ? Или можетъ быть вамъ любопытно будетъ узнать, отчего я не читалъ васъ? На первый разъ скажу: отъ глубокаго равнодушія. Если же угодно будетъ знать больше, я скажу и больше,—мнѣ все равно.

А теперь вотъ я началъ читать. — Скучныя времена, глупыя времена,—дай, думаю, поразвлекусь полемикою, на которую, какъ я слышу, напрашивается «Русскій Вѣстникъ». Вотъ, и развлекаюсь. Плохое развлеченіе, а все же лучше, чѣмъ запить съ тоски. Надоѣстъ—брошу, что бы вы тамъ ни писали обо мнѣ или о «Современникѣ». А пока еще не надоѣло, развлекаюсь, какъ видите.

IV.

Въ № 3 «Русскаго Вѣстника» литературное обозрѣніе начинается статьею съ очень заманчивымъ заглавіемъ: «Нашъ языкъ и что такое свистуны». — По цитатамъ, приведеннымъ изъ № 1, мы знали, что подъ этимъ именемъ «свистуновъ» «Русскій Вѣстникъ» разумѣетъ сотрудниковъ «Современника», и ждали, что вся статья будетъ посвящена ему. Нѣтъ, о «Современникѣ» и «Свисткѣ» говорится въ ней лишь мимоходомъ, а главное содержаніе статьи совсѣмъ не то: идетъ споръ съ «Основой» о томъ, способенъ ли малорусскій языкъ къ литературному развитію, потомъ споръ съ «Временемъ» объ историко-литературныхъ и эстетическихъ вопросахъ, наконецъ подробная диссертація о г-жѣ Толмачевой, доказывающая, что Камень-Виногоровъ былъ въ сущности правъ, а лишь неосторожно выразился.

Такое непредвидимое разнообразіе «свистуновъ» объясняется на стр. 20 словами: «всѣ мы (т. е. русскіе журналы и журналисты) болѣе или менѣе свистуны»—вотъ, какъ! ужь и самого себя «Русскій Вѣстникъ» не исключаетъ изъ «свистуновъ»—за что же гнѣвъ на насъ? Самое замѣчательное мѣсто въ цѣлой статьѣ—слѣдующее разсужденіе о правахъ женщины и объ эманципаціи:

„Права женщины! Но кто же отнималъ у ней эти права, или какихъ еще правъ ей надобно? Въ гражданскомъ положеніи она, именно у насъ, ничѣмъ не уступаетъ мужчинѣ, она не подлежитъ опекѣ и совершенно самостоятельна. Въ домѣ она хозяйка, въ салонѣ она царица; въ литературѣ, въ искусствѣ, даже въ наукѣ, ей вездѣ есть мѣсто, былъ бы только талантъ и охота. Правда у насъ нѣтъ амазонскихъ полковъ и женскихъ департаментовъ. Но неужели женщина этого хочетъ? Неужели это ей нужно? Наконецъ если между министрами не бываетъ дамъ, то намъ извѣстно, что полъ женщины не лишаетъ ея правъ на верховную власть. У насъ были знаменитыя императрицы, на англійскомъ престолѣ возсѣдаетъ теперь королева, на испанскомъ тоже. Какихъ же это правъ еще ей нужно? Въ обществѣ она окружена почетомъ; вѣка рыцарства выработали до идеальной тонкости отношенія мужчины къ женщинѣ въ образованномъ обществѣ. Тутъ личность женщины, не утратившей своего достоинства, есть нѣчто неприкосновенное и священное. Чего же можетъ хотѣть женщина? Неужели того, чтобъ быть эманципированною во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ считаетъ себя эманципированнымъ мужчина? Но хорошо ли, что мужчина считаетъ себя эманципированнымъ во всѣхъ отношеніяхъ? Пріятно ли будетъ ей самой сравниться съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ?

А если пріятно, такъ что жь мѣшаетъ и женщинѣ пользоваться тѣми же правами? Увы—какъ много женщинъ, которыя ими пользовались и пользуются-не слыхавъ ни о какой эманципаціи, и безъ помощи особыхъ доктринъ о своихъ правахъ! Для этого не нужно образованія, не нужно развитія умственнаго или нравственнаго, эта благодать достается сама собою, и лишь высшее нравственное развитіе, вкореняя въ душу чувство долга, спасаетъ, какъ мужчину, такъ и женщину, отъ этой даровой и всѣмъ легко доступной эманципаціи. Можетъ быть женщинѣ не достаетъ нѣкоторыхъ удобствъ эманципація, которыми пользуется мужчина? Но стоитъ ли толковать о такихъ мелочахъ, тѣмъ болѣе, что женщина можетъ имѣть своего рода удобства, какихъ не имѣетъ мужчина? Какъ бы то ни было однако, представимъ себѣ женщину эманципированную на равнѣ съ мужчиной. Пользуясь совершенно одинаковымъ съ мужчиной положеніемъ, женщина тѣмъ самымъ отказывается отъ всѣхъ особенностей собственно-женскаго положенія. Она уже не должна хотѣть и не можетъ требовать отъ мужчины того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ право женщина, оставаясь въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ, котораго никто у ней не оспориваетъ, которымъ, напротивъ, всѣ дорожатъ, которое всѣ охраняютъ, удаляя отъ женщины эманципаторовъ съ грязными руками".

Напрасно «Русскій Вѣстникъ» печатаетъ такія вещи. Говоримъ ему это въ предостереженіе. Какую роль тутъ онъ принимаетъ на себя? Стремленіе женщины къ эманципаціи онъ смѣшиваетъ съ желаніемъ развратничать. Это не хорошо. Это — обскурантизмъ. Если «Русскій Вѣстникъ» станетъ выказывать себя съ такой стороны, ему придется плохо. Дальше чтобы отвратить женщину отъ желанія сравняться съ мужчиной, «Русскій Вѣстникъ», выставляетъ, что она лишится чрезъ это особенныхъ выгодъ своего нынѣшняго положенія: мужчины ужь не будутъ ей, какъ равной себѣ, оказывать «того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ она право, оставаясь въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ»,—о чемъ это вы говорите? О комплиментахъ, галантерейностяхъ, о томъ, что женщина—царица общества, воздушное существо? о томъ, что ей привозятъ въ подарокъ конфеты? Да вѣдь это «особое уваженіе, эта деликатность» необыкновенно пошлы; ими унижается женщина; ими тяготится каждая не то, что эманципированная, а каждая женщина, имѣющая отъ природы умъ и чувствующая свое человѣческое достоинство. Вѣдь все отзывается средневѣковымъ взглядомъ на женщину, какъ на «даму сердца», то есть куклу, обязанную сидѣть на балконѣ и раздавать шарфы побѣдителямъ, а иногда и служить наградой побѣдителю. Вѣдь

этимъ женщина ставится въ положеніе ребенка, на котораго не смотрятъ серьёзно, съ которымъ только шалятъ по снисходительной любезности. Или вы думаете о другомъ? Можетъ бы думаете, что признавъ женщину равной себѣ, отбросивъ приторныя деликатессы въ обращеніи съ нею, мужчина станетъ толкать ее на улицѣ? Но, вѣроятно, вѣдь и другъ-друга мужчины перестанутъ толкать на улицахъ.—А лучше всего начало выписаннаго отрывка: «Права женщины! Но кто же отнималъ эти права, или какихъ еще правъ ей надобно»? И черезъ нѣсколько строкъ повтореніе: «какихъ же это правъ еще ей нужно»?—Потрудитесь прочесть помѣщенную въ «Современникѣ» нынѣшняго года статью г. Филиппова «о гражданскихъ законахъ»,—вотъ вы и увидите, какихъ правъ не достаетъ женщинѣ даже по гражданскимъ законамъ (не говоря уже о политическихъ правахъ и экономическихъ правахъ), тогда вы и не скажете, что «въ гражданскомъ положеніи женщина, именно у насъ ничѣмъ не уступаетъ мужчинѣ». Да, надобно еще упомянуть объ одномъ: «Русскій Вѣстникъ» находитъ, что въ оскорбленіи женщины «Современникъ» гораздо болѣе виноватъ, чѣмъ кто нибудь: г. Михайловъ, говоритъ «Русскій Вѣстникъ», явился мстителемъ за честь женщины, когда Камень-Виногоровъ «сказалъ два грубыя слова»,—

„А гдѣ онъ былъ, когда въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ онъ печатаетъ свои эманципаціонныя статьи, предавалась самому ужасному поруганію тоже женщина, и при томъ женщина, которая пріобрѣла себѣ имя въ русской литературѣ? Мы говоримъ о тѣхъ критическихъ статьяхъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ являлись въ „Современникѣ", по поводу сочиненій графини Растопчиной. Далѣе поруганіе идти не можетъ, еслибъ и хотѣло. Передъ этимъ поруганіемъ ничто, совершенно ничто,—камешки, брошенные г. Камнемъ-Виногоровымъ,—камешки, которые никуда бы не долетѣли и которыхъ никто бы не замѣтилъ, если бы не гаркнула вся эта стая, спущенная г-мъ Михайловымъ. Пусть эти менады, растерзавшія Камня-Виногорова, припомнятъ тѣ статьи".

Вотъ видите ли, что: была нѣкоторая разница между нашими статьями о графинѣ Ростопчиной и случаемъ, о которомъ вы разсуждаете. То, что говорила г-жа Толмачева, находятъ справедливымъ и благороднымъ почти всѣ просвѣщенные люди (за исключеніемъ васъ, чего мы не ждали); а то, за что́ мы осуждали г-жу Ростопчину, заслуживало строжайшаго осужденія по мнѣнію самыхъ крайнихъ эманципаторовъ;—графиня Растопчина писала вещи въ

духѣ «Фоблаза», прямо противоположномъ идеямъ эманципаторовъ, которые освобожденіе женщины считаютъ дѣломъ столь же мало похожимъ на развратъ, или ведущимъ къ разврату, какъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Не знать этого—стыдно, а притворяться незнающимъ—еще стыднѣе.

Что «Русскій Вѣстникъ» недаромъ причислилъ себя къ свистунамъ, доказывается слѣдующею статьею, о книгѣ Гильдебранда,—по тону своему она явно усиливается быть сколкомъ съ нашихъ библіографическихъ статей, какъ и начало статьи «Старые боги и новые боги» явно навѣяно статьею «Современника» о житіи Ивана Яковлевича: та же шутливость, тѣ же пріемы, та же манера не церемониться съ иностранными знаменитостями—какъ это дозволяетъ себѣ «Русскій Вѣстникъ» «топтать въ грязь авторитеты!» И зачѣмъ бранить тѣхъ, кому подражаешь? Хотя бы ту предосторожность взяли, чтобы нашими любимыми выраженіями не заимствоваться, придумать свои какія нибудь, — а то, напримѣръ, для обозначенія людей, пробавляющихся свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ, употребляетъ «Русскій Вѣстникъ» выраженіе: «привыкшіе почерпать свои данныя изъ французскихъ книжекъ»—ай, ай, ай!—откуда это выраженіе «французскія книжки?»—Это ужь очень плохо, когда подражаніе доходитъ до заимствованія словъ.

V.

Въ № 4 «Русскаго Вѣстника» отдѣлъ литературнаго обозрѣнія и замѣтокъ доходитъ до такого совершенства въ наивности, что трудно будетъ даже при всей основательности «Русскаго Вѣстника» удержаться этому отдѣлу на подобной высотѣ.

Прежде всего отмѣтимъ длинную статью почтеннаго нашего ученаго г. Лонгинова въ защиту юбилея князя Вяземскаго съ обильными доказательствами, что князь Вяземскій одаренъ высокимъ поэтическимъ талантомъ. Оно должно быть такъ; надобно только сказать, что предметъ для апологіи выбранъ очень удачно. Русская литература будетъ помнить покровительство, какимъ она пользовалась отъ князя Вяземскаго, когда онъ находился прямымъ ея начальникомъ въ званіи товарища министра народнаго просвѣщенія. Да, она будетъ помнить съ надлежащей признательностью. Впро-

чемъ, и изложеніе мыслей у почтеннаго нашего библіографа также не дурно: образцомъ можетъ служить хоть слѣдующее невинное мѣсто: «безпрерывныя утраты милыхъ людей, безпрестанныя испытанія освобождаютъ его (князя Вяземскаго) вполнѣ отъ тѣхъ обмановъ, которые тревожатъ и увлекаютъ пламенную молодость». Это относится къ 1846 году, а князь Вяземскій родился въ прошломъ столѣтіи, да и то еще не въ самомъ концѣ столѣтія, такъ что ему въ 1846 г. было или подъ 60 лѣтъ, или за 60 лѣтъ. Ну, въ эти годы можно освободиться отъ пламенной молодости и безъ всякихъ испытаній. Тутъ приличнѣе бы вспомнить слова псалмопѣвца: «дніе лѣтъ нашихъ...» и т. д. — За апологіею юбилея и панегирикомъ поэтическому таланту кн. Вяземскаго слѣдуетъ статья о книжкѣ, изданной подъ редакціею г. Лонгинова, не сына и не отца и не брата предыдущаго Лонгинова, а того же самаго. Дѣло идетъ о письмахъ Карамзина къ Малиновскому, и «Русскій Вѣстникъ» гнѣвается за нашу непочтительность къ Карамзину. Наивности и тутъ очень много. Примѣромъ пусть послужатъ хоть слѣдующія строки: «недавно кто-то, разбирая эти письма въ «Современникѣ» (говоритъ «Русскій Вѣстникъ»), отозвался съ большимъ презрѣніемъ и о нихъ, и о самомъ Карамзинѣ».—«Насъ удивило (продолжаетъ «Русскій Вѣстникъ» на той же страницѣ), что рецензентъ, приводя разные отрывки изъ писемъ Карамзина, выбралъ самыя незначительныя, могущія служить къ оправданію любимой (рецензентомъ или «Современникомъ») точки зрѣнія». — Вотъ удивительно-то въ самомъ дѣлѣ: приводитъ человѣкъ изъ книги такія мѣста, которыми бы подтверждалось его мнѣніе о ней! Спросимъ теперь редакцію «Русскаго Вѣстника», какъ она по правдѣ думаетъ: можно ли вести «Литературное Обозрѣніе» съ сотрудниками столь наивными? Мистеръ Тутсъ въ «Домби и сынъ» Диккенса, тоже очень любившій писать, былъ человѣкъ благороднѣйшей души, прекраснѣйшаго трудолюбія; но могъ ли онъ быть рецензентомъ?

Имѣть ли и впредь сотрудниками въ «Литературномъ Обозрѣніи» предыдущихъ мистеровъ Тутсовъ, это мы совершенно предоставляемъ усмотрѣнію самого «Русскаго Вѣстника», не выражая своего мнѣнія о томъ. Но вотъ по поводу слѣдующей статейки нельзя ужъ намъ будетъ оставить «Русскаго Вѣстника» безъ добраго совѣта.

Эта слѣдующая статейка — «Два слова объ Академіи Наукъ» Я. Грота. Г. Я. Гротъ—академикъ (по отдѣленію русскаго языка)

и защищаетъ Академію, особенно отдѣленіе русскаго языка и словесности, это насъ не удивляетъ. Но какъ онъ защищаетъ это отдѣленіе! прелесть! Вотъ образчикъ. Тѣ, которые нападаютъ на отдѣленіе русскаго языка и словесности не хотятъ (говоритъ г. Я. Гротъ) соображать разныя обстоятельства въ организаціи Академіи отъ членовъ ея независящія:

«Извѣстно ли, напримѣръ, публикѣ, что II отдѣленіе, занимающееся русскимъ языкомъ и литературой, существуетъ на совершенно другихъ основаніяхъ, нежели I физико-математическое и III историко-филологическое? Въ послѣднихъ двухъ члены состоятъ на жалованьѣ и многіе изъ нихъ получаютъ въ зданіяхъ академіи казенныя квартиры. Члены отдѣленія русскаго языка не имѣютъ ни жалованья ни квартиръ, и посвящаютъ себя академическимъ трудамъ изъ чести. Они получаютъ умѣренную плату только за самую несущественную часть своей академической дѣятельности, то есть за присутствіе въ засѣданіяхъ, да въ случаѣ печатанія трудовъ своихъ въ изданіяхъ отдѣленія—имѣютъ право на скудный гонораріи».

Вотъ наивность-то. Ученому содружеству говорятъ, что труды его изъ-рукъ-вонъ плохи; а членъ ученаго содружества плачется передъ публикою, что мало даютъ имъ награды за труды:

«Подайте мальчику на хлѣбъ,—
Онъ Велизарія питаетъ».

Дайте, дайте намъ по 1500 руб. жалованья съ казенною квартирою,—вѣдь мы русскій народъ питаемъ лексиконами, грамматиками и другими прекрасными трудами. Нѣтъ тутъ наивность переступаетъ уже предѣлы приличія. Каждый встрѣчный, по прочтеніи статейки г. Я. Грота, удостовѣритъ редакцію «Русскаго Вѣстника», что мы даемъ ей чистосердечный, доброжелательный и совершенно вѣрный совѣтъ, совѣтуя ей отнынѣ и во вѣки вѣковъ не печатать статей г. Я Грота. Онъ быть можетъ полезнѣйшій членъ отдѣленія русскаго языка и словесности; онъ безъ всякаго сомнѣнія—добродѣтельнѣйшій человѣкъ (только добродѣтельные возвышаются до такой трогательной простоты душевной),—только, воля ваша, статьи его неприличны.

VI.

Но вотъ капитальнѣйшая статья полемическаго отдѣла IV книжки «Русскаго Вѣстника»: «Изъ науки о человѣческомъ духѣ, П. Юркевича. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1860». Въ «Старыхъ

богахъ и новыхъ богахъ» «Русскій Вѣстникъ» обѣщалъ напечатать обширное извлеченіе изъ образцовой статьи г. Юркевича, мыслителя глубокаго, превосходнаго. Теперь онъ исполняетъ свое обѣщаніе. Въ IV книжкѣ онъ помѣстилъ начало извлеченія, а въ V хочетъ представить конецъ. Извлеченію предшествуетъ предисловіе отъ самого «Русскаго Вѣстника»,— я это предисловіе прочелъ и тѣмъ удовольствовался. Дѣло для меня уже ясно изъ одного предисловія.

Статья г. Юркевича написана, какъ оказывается, въ опроверженіе моей статьи объ антропологическомъ принципѣ». Это опроверженіе помѣщено въ журналѣ, издаваемомъ кіевскою духовною академіею, а самъ г. Юркевичъ—профессоръ этой академіи.

Я самъ—семинаристъ. Я знаю по опыту положеніе людей, воспитывающихся, какъ воспитывался г. Юркевичъ. Я видѣлъ людей, занимающихъ такое положеніе, какъ онъ. Потому смѣяться надъ нимъ мнѣ тяжело: это значило бы смѣяться надъ невозможностью имѣть въ рукахъ порядочныя книги, надъ совершенною безпомощностью въ дѣлѣ своего развитія, надъ положеніемъ, невообразимо стѣсненнымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

Я не знаю, какихъ лѣтъ г. Юркевичъ; если онъ уже не молодой человѣкъ, заботиться о немъ поздно. Но если онъ еще молодъ, я съ удовольствіемъ предлагаю ему тотъ небольшой запасъ книгъ, какимъ располагаю.

О г. Юркевичѣ я кончилъ этимъ. Но «Русскій Вѣстникъ» о немъ я еще не кончилъ, потому что долженъ сказать ему, что онъ (конечно, непреднамѣренно) поступилъ съ г. Юркевичемъ не хорошо. Всѣ мы, семинаристы, писали точно то же, что написалъ г. Юркевичъ. Если угодно, я могу доставить въ редакцію «Русскаго Вѣстника» такъ-называемыя на семинарскомъ языкѣ «задачи», то есть сочиненія, маленькія диссертаціи, писанныя мною, когда я учился въ философскомъ классѣ Саратовской семинаріи. Редакція можетъ удостовѣриться, что въ этихъ «задачахъ» написано то же самое, что должно быть написано въ статьѣ г. Юркевича, — да, я увѣренъ, что въ ней написано то же самое, хотя я еще не читалъ ея, и не прочту ея, не прочту и того извлеченія, напечатаннаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а прочту въ корректурѣ тотъ отрывокъ изъ извлеченія, который отмѣтилъ я для вставки въ эту статью. Я впередъ знаю все, что я прочту въ немъ, все до послѣдняго слова, и очень многое могу написать. Именно какъ пишутся

[illegible] въ этихъ вещахъ,—то есть извѣстно это [illegible]. Другіе могутъ считать это новымъ,—могутъ, [illegible] какъ имъ угодно. А мы знаемъ, что [illegible]

[illegible] г. Юркевича измѣнится, то очень скоро ему [illegible] о своей статьѣ. Но еслибъ она оста[illegible], она осталась бы неизвѣстна публикѣ. [illegible] извлеченіемъ компрометируетъ его пе[illegible]

[illegible] не приводить отрывковъ изъ этого несчаст[illegible] обязанъ передъ «Русскимъ Вѣстникомъ» сдѣ[illegible] кажется, что я опровергнутъ статьею г. Юрке[illegible] скрывать отъ своихъ читателей эту статью, [illegible] увѣренію «Русскаго Вѣстника» [illegible] перепечатывать больше, какъ третью часть [illegible] воспользоваться своимъ правомъ. Статья [illegible] перепечатываю изъ нихъ 9, начиная съ [illegible] обращается отъ общихъ разсужденій прямо [illegible] послѣднія строки послѣдней страницы, [illegible] мое право перепечатки, не заключаютъ [illegible] въ концѣ послѣдней строки стоитъ [illegible] половина котораго переносится на [illegible], брать со слѣдующей страницы [illegible] конца этой страницы я обязанъ вос[illegible] правомъ, чтобы не лишить читателя [illegible] побѣдоноснаго опроверженія моихъ [illegible] ему.

[illegible] говоритъ «Русскій Вѣстникъ»); гдѣ го[illegible] и односторонности и ошибки, [illegible] впередъ. Въ горячей работѣ [illegible] подвергнуть должной критикѣ [illegible] заслуживающихъ полнаго уваженія, [illegible] въ своей наукѣ новые го[illegible] дѣлѣ, съ теоріями, не вы[illegible] въ которыя они впадаютъ, по[illegible] же время факты, образующіеся [illegible] ческаго наблюденія. Фохту, [illegible] не отдавать себѣ должнаго [illegible] которое въ ихъ рукахъ [illegible] умѣ ни времени, ни мѣста

анализировать свои понятія. Но весьма жалко видѣть людей, которые были бы способны къ чему нибудь лучшему, но которые вчужѣ нахватываютъ отовсюду все, что только есть односторонняго, фальшиваго и нелѣпаго, и въ этомъ полагаютъ всю мудрость, послѣднее слово знанія и мысли. Кто не помнитъ изъ временъ своей школьной жизни, съ какою жадностью дѣтскіе умы хватаются именно за то, въ чемъ нѣтъ никакого смысла, но что плѣняетъ ихъ своею рѣзкостію? Что естественно въ дѣтскомъ возрастѣ, то жалко въ зрѣломъ; что у мѣста въ школѣ, то нелѣпо въ литературѣ.

«Сочиненіе г. Юркевича вызвано нѣкоторыми статьями, появлявшимися въ нашихъ журналахъ по вопросамъ антропологическимъ. У насъ нѣтъ ни психологіи, ни физіологіи, но есть литературныя мечтанія о томъ и о другомъ; точно такъ же, какъ у насъ нѣтъ политической экономіи, а есть литературныя мечтанія о наилучшемъ устройствѣ человѣческаго общества; точно такъ же, какъ у насъ нѣтъ ни политическихъ наукъ, ни политической жизни, но за то, появляются корреспонденціи о *говорильняхъ*, весьма похожія по своему грубому цинизму на донесенія нашихъ старинныхъ русаковъ, ѣзжавшихъ за-границу съ дипломатическими порученіями, хотя безъ ихъ простодушной наивности, а взамѣнъ того съ фанфаронствомъ юнаго ума, ни въ чемъ неповиннаго, но вообразившаго себѣ, что онъ все испыталъ, все извѣдалъ, утомился подъ бременемъ знанія и опыта, и во всемъ видитъ суету суетствій.

«Ближайшимъ поводомъ къ труду г. Юркевича послужили статьи, напечатанныя въ № 4 и 5 «Современника», за 1860 годъ, подъ заглавіемъ: *Антропологическій принципъ философіи*. Замѣчательный трудъ г. Юркевича, несмотря на свой полемическій поводъ, представляетъ самостоятельный интересъ и полемическій поводъ послужилъ автору только къ тому, чтобы высказаться опредѣлительнѣе и явственнѣе. Въ своей полемикѣ авторъ обнаруживаетъ очень тонкій тактъ. Онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ постороннимъ топикамъ; онъ не взводитъ никакихъ обвиненій, онъ беретъ мысль и судитъ ее по законамъ мысли; разбирая теорію, онъ имѣетъ въ виду только опредѣлить, объясняетъ ли она то, что обѣщаетъ объяснить. Съ благородною деликатностью онъ тщательно устраняетъ и предупреждаетъ все, что могло бы быть истолковано къ невыгодѣ разбираемыхъ статей съ какихъ либо точекъ зрѣнія, кромѣ чисто научныхъ. «Статьи: *Антропологическій принципъ философіи*, говоритъ онъ, какъ бы обращаясь къ своимъ слушателямъ въ духовной академіи, относятся къ философіи реализма, которая сдѣлала въ наше время такъ много открытій въ области душевной жизни, подарила насъ такими точными анализами явленій человѣческаго духа, что, по всей вѣроятности, это направленіе, рано или поздно, должно представить большіе интересы для самого богословія. Мы увѣрены, что науки богословскія особенно нуждаются въ точныхъ психологическихъ наблюденіяхъ и вѣрныхъ теоріяхъ душевной жизни. Въ этомъ отношеніи, повторяемъ, современный философскій реализмъ есть явленіе, мимо котораго богословъ не можетъ проходить равнодушно: онъ долженъ изучать эту философію опыта, если онъ хочетъ успѣха своему собственному дѣлу».

«Но разбирая упомянутыя статьи съ точки зрѣнія логики и науки г. Юркевичъ изобличаетъ всю фальшь, заключающуюся въ основѣ этихъ фразъ, по-

вторяемыхъ съ чужаго голоса; полемическій тонъ его возвышается по мѣрѣ изложенія дѣла, и переходитъ къ концу въ безпощадный, но вполнѣ мотивированный приговоръ.

«Такого рода труды, какъ г. Юркевича, большая рѣдкость въ нашей литературѣ. Статья эта неизвѣстна публикѣ, потому что напечатана въ изданіи, почти не обращающемся въ ней. А потому мы думаемъ оказать услугу нашимъ читателямъ, если представимъ сколь можно болѣе обширныя выписки изъ этого труда. Сначала мы ограничимся лишь первымъ отдѣломъ его, гдѣ рѣчь идетъ о томъ вопросѣ, котораго вкратцѣ коснулись мы въ нашихъ вступительныхъ строкахъ: и чтобы не утомлять читателей, не привыкшихъ къ развитію подобныхъ вопросовъ, мы отложимъ выдержки изъ другой его половины до слѣдующей книжки нашего журнала.

«Сказавъ нѣсколько вступительныхъ словъ и объяснивъ поводъ своего труда, г. Юркевичъ продолжаетъ:

«Психологія не можетъ получать своего матеріала ни откуда, кромѣ внутренняго опыта. Ощущенія или представленія, чувствованія и стремленія суть такой матеріалъ, котораго вы нигдѣ не отыщете во внѣшнемъ опытѣ, и слѣдовательно ни въ какой области естествознанія. Правда, что психологія не можетъ рѣшить своей задачи безъ пособія физіологіи и даже механической физики, потому что условія для опредѣленныхъ измѣненій душевныхъ явленій лежатъ первѣе всего въ измѣненіяхъ живаго тѣла: въ этомъ отношеніи она пользуется результатами физіологіи, сравниваетъ явленія физіологическія съ душевными и, опредѣляетъ такимъ образомъ ихъ взаимную зависимость. Если это означаетъ, что она получаетъ свой матеріалъ изъ области физіологіи, то справедливо сказать, что и физіологія получаетъ свой матеріалъ изъ психологіи въ такомъ же смыслѣ: эти двѣ науки взаимно вліяютъ одна на другую, и успѣхи въ одной изъ нихъ поведутъ къ успѣхамъ въ другой. Тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ имѣетъ свой собственный матеріалъ и увеличиваетъ этотъ матеріалъ изъ области только ей доступной. Предметъ психологіи данъ во внутреннемъ самовоззрѣніи, естественныя науки не могутъ дать ей этого предмета, не могутъ увеличивать этого матеріала. Такъ, напримѣръ, оптика, развитая математически, изъясняетъ только положеніе рисунка въ нашемъ глазѣ и различныя направленія глазныхъ осей во время видѣнія; но она ничего не знаетъ объ этомъ видѣніи, для нея глазъ есть зеркало, отражающее предметы, а не органъ видѣнія. Только психологъ, наблюдающій внутренно, можетъ сказать, что въ то время, какъ оптикъ замѣчаетъ на тѣлѣ глаза изображенія опредѣленной величины и видитъ, что самое тѣло глаза получило опредѣленное направленіе, душа представляетъ такой-то предметъ, въ такомъ-то цвѣтѣ, на такомъ-то разстояніи и т. д. Также точно для акустики, которая развита математически, ухо есть только тѣлесный снарядъ, приходящій въ правильныя сотрясенія, когда ударяютъ на него волны воздуха; но что душа слышитъ, по поводу сотрясенія этого снаряда, бой барабана или музыкальную мелодію, объ этомъ акустика ничего не знаетъ. Это ясное и понятное раздѣленіе между предметами, извѣстными изъ опыта внутренняго, и предметами извѣстными изъ опыта внѣшняго, совершенно выпущено изъ виду сочините-

лемъ разбираемыхъ нами статей, и вотъ почему онъ говоритъ такъ безусловно о матеріалахъ, которые представляютъ естественныя науки для рѣшенія вопросовъ нравственныхъ. «Физіологія, говоритъ сочинитель — «раздѣляетъ многосложный процессъ, происходящій въ живомъ человѣческомъ организмѣ, на нѣсколько частей, изъ которыхъ самыя замѣтныя: дыханіе, питаніе, кровообращеніе, движеніе, ощущеніе».

«Кто никогда не былъ въ анатомическомъ театрѣ, тотъ, на основаніи этихъ словъ, можетъ вообразить, что тамъ профессоръ анатоміи показываетъ простому или вооруженному глазу слушателей систему пищеварительныхъ органовъ, кишекъ, нервовъ и систему ощущеній, слѣдовательно систему представленій и мыслей, страданій и радостей, мечтаній и надеждъ. Въ приведенныхъ словахъ сочинитель, кажется, ясно говоритъ, что ощущеніе есть предметъ, такъ же данный для внѣшняго физіологическаго опыта, какъ сжатіе и растяженіе мускуловъ, движеніе крови, химическая переработка пищи въ желудкѣ и т. д.

«Такимъ образомъ онъ раздѣляетъ основное заблужденіе или обольщеніе тѣхъ физіологовъ, которые въ послѣднее время думали замѣнить физіологіей такъ-называемую прежде психологію. Теперь мы видимъ почему онъ признаетъ за нравственными науками такое же достоинство точности и совершенства, какими отличается, напримѣръ, химія: съ его точки зрѣнія успѣхи этихъ наукъ находятся въ рукахъ естествознанія, или, опредѣленнѣе, физіологія своими средствами внѣшняго наблюденія изъясняетъ натуру тѣхъ предметовъ, которые, по мнѣнію психологовъ, вовсе не существуютъ для внѣшняго наблюденія. «Основаніемъ для той части философіи, говоритъ сочинитель, «которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно также служатъ естественныя науки, какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о внѣшней природѣ. Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видитъ медицина, физіологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непремѣнно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все, происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ, происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой натуры въ немъ нѣтъ».

«Этотъ текстъ очень опредѣленно показываетъ, что для его сочинителя нравственныя, или философскія науки суть только другое названіе для наукъ естественныхъ, которыя изъясняютъ всѣ предметы, доселѣ входившіе въ область философіи. Въ человѣческомъ организмѣ «философія видитъ то, что видятъ медицина, физіологія, химія». Какая же надобность въ этой наукѣ, которая еще разъ видитъ то, что уже прежде ея увидѣли другія науки? Къ доказательствамъ медицины, химіи и физіологіи, что «никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, философія *прибавляетъ*, что, еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непремѣнно обна-

руживалась-бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ... то другой натуры нѣтъ въ немъ». Итакъ, вотъ для чего нужна философія: она нужна, чтобы сдѣлать прибавленіе къ ученію естествознанія о единствѣ человѣческаго организма, — прибавленіе, которое можетъ сдѣлать и безъ нея даже самая пустая голова, какъ только ей удастся понять этотъ выводъ естествознанія, что въ человѣкѣ не видно никакого дуализма. По всему замѣтно, что сочинитель не соединяетъ никакого опредѣленнаго понятія съ словами *нравственныя науки и философія;* и этого надобно было ожидать послѣ того, какъ онъ поставилъ ощущеніе, слѣдовательно представленіе и системы человѣческихъ мыслей, а съ ними и всѣ ряды чувствованій и стремленій, въ кругъ физіологическихъ предметовъ, данныхъ для внѣшняго опыта, какъ будто представленія и мысли существуютъ для глаза, который видитъ ихъ въ пространствѣ съ фигурами и красками, для руки, которая беретъ и поднимаетъ ихъ, для носа, который обнюхиваетъ ихъ и т. д.

«Послѣ этого ничего нѣтъ страннаго, если сочинитель выдаетъ за научныя истины психологіи, какъ точной науки, такія положенія, которыя вовсе не суть произведенія строгаго анализа. Такъ напримѣръ, онъ пишетъ:

«Психологія говоритъ, что самымъ изобильнымъ источникомъ обнаруженія злыхъ качествъ служитъ недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей, что человѣкъ поступаетъ дурно, то есть вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишить ихъ чего нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи для него нужной... Психологія прибавляетъ также, что человѣческія потребности раздѣляются на чрезвычайно различныя степени по своей силѣ: самая настоятельнѣйшая потребность каждаго человѣческаго организма состоитъ въ томъ, чтобы дышать... Послѣ потребности дышать (продолжаетъ психологія) самая настоятельная потребность человѣка ѣсть и пить».

«Спрашиваемъ, нужна ли тутъ психологія и притомъ, какъ точная наука, чтобы повторять то, что извѣстно всякому простому и не ученому смыслу? Что скажетъ естествоиспытатель, если онъ послышитъ объ этихъ великихъ открытіяхъ строгаго психологическаго анализа, именно, что голодъ заставляетъ человѣка воровать, особенно же, что человѣкъ имѣетъ потребность дышать, ѣсть и пить?

«Между тѣмъ главная мысль, которая служитъ для сочинителя основаніемъ всѣхъ его изслѣдованій о человѣкѣ, имѣетъ свой особенный интересъ. «Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь, говоритъ онъ, со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка». Говоримъ, что эта мысль имѣетъ свой особенный интересъ, потому что она отдѣляетъ научное знаніе о человѣкѣ отъ представленій общаго смысла.

«Когда греческій философъ Платонъ училъ, что тѣло человѣка создано изъ вѣчной матеріи, которая не имѣетъ ничего общаго съ духомъ, то онъ такимъ образомъ допускалъ дуализмъ *метафизическій*, какъ въ составѣ міра вообще, такъ и въ составѣ человѣка. Христіанское міросозерцаніе отстранило этотъ метафизическій дуализмъ: матерію признаетъ оно произведеніемъ духа; слѣдо-

вательно, она должна носить на себѣ слѣды духовнаго начала, изъ котораго произошла она. Въ явленіяхъ матеріальныхъ вы видите форму, законообразность, присутствіе цѣли и идеи. Если человѣческій духъ развивается въ матеріальномъ тѣлѣ, если его совершенствованіе связано съ состояніями тѣлесныхъ возрастовъ, то эта связь не есть насильственная, положенная безпредѣльнымъ произволомъ божественной воли: она опредѣляется смысломъ человѣческой жизни, ея назначеніемъ, или идеей. Матерія, какъ говоритъ Шеллингъ, стремится, порывается родить духъ: она не равнодушна къ цѣлямъ духа, она имѣетъ первоначальное и внутреннее отношеніе къ нимъ. Изучите хорошо тѣлесный организмъ человѣка, и, вы можете отгадать, какія формы внутренней, духовной жизни соотвѣтствуютъ ему. Изучите хорошо эту внутреннюю жизнь, и вы можете отгадать, какой тѣлесный организмъ соотвѣтствуетъ ей. Итакъ, если сочинитель говоритъ, что «наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка»; то противъ этого нельзя возражать безусловно. Только мы хотѣли бы опредѣленно знать, о какомъ дуализмѣ говорится здѣсь.

«Извѣстно, что послѣ устраненія дуализма *метафизическаго* остается еще дуализмъ *гносеологическій*, дуализмъ знанія. Сколько бы мы ни толковали о единствѣ человѣческаго организма, всегда мы будемъ познавать человѣческое существо двояко: внѣшними чувствами—тѣло и его органы, и внутреннимъ чувствомъ—душевныя явленія. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть физіологическое познаніе о человѣческомъ тѣлѣ, а во второмъ психологическое познаніе о человѣческомъ духѣ. Или и этотъ дуализмъ устраненъ наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ! Нашъ сочинитель, повидимому, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно. Какъ мы видѣли, онъ относитъ ощущеніе къ предметамъ физіологіи наравнѣ съ системою кишекъ, мускуловъ, нервовъ и т. д. Слово: *дуализмъ*, какъ кажется, напугало его, и онъ уже не могъ выяснить себѣ, какъ и откуда психологія знаетъ о своихъ предметахъ.

Кажется ясно, что мысль не имѣетъ пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія, не имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, запаха, вкуса, не имѣетъ ни тяжести, ни температуры; и такъ физіологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Только внутренно, только въ непосредственномъ самовоззрѣніи онъ знаетъ себя, какъ существо мыслящее, чувствующее, стремящееся. Эти двѣ величины, то есть предметы внѣшняго и внутренняго опыта суть, какъ говорятъ психологи, несоизмѣримыя: научнаго, послѣдовательнаго перехода отъ одной изъ нихъ къ другой вы не отыщете. Физіологъ будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ: но все же эти движенія, пока они существуютъ для внѣшняго опыта, то есть, пока они суть пространственныя движенія, происходящія между матеріальными элементами, не превратятся въ ощущеніе, представленіе и мысль. Сочинитель говоритъ: «мы знаемъ, что ощущеніе принадлежитъ извѣстнымъ нервамъ, движеніе другимъ». Разберите это выраженіе. Когда внѣшній толчокъ дѣйствуетъ на нервъ, то будетъ ли это нервъ ощущенія, или нервъ движенія, все равно, онъ по поводу этого толчка придетъ въ движеніе, или сотрясеніе: это мы наблюдаемъ въ физіологическомъ опытѣ. Итакъ нужно сказать: мы знаемъ, что

всякій нервъ приходитъ въ движеніе по поводу внѣшняго впечатлѣнія. Но что «извѣстнымъ нервамъ принадлежитъ ощущеніе», этого мы вовсе не знаемъ изъ физіологическаго опыта, потому что и эти «извѣстные нервы» представляютъ для внѣшняго физіологическаго опыта только движеніе, которое никогда не превращается на глазахъ наблюдающаго физіолога въ ощущеніе, представленіе и мысль. Или, какъ мы сказали выше, здѣсь физіологія получаетъ свой матеріалъ отъ психологіи. Только сравнивая опыты физіологическіе и психологическіе, мы убѣждаемся, что видѣніе такихъ-то и такихъ цвѣтовъ, слышаніе такихъ-то и такихъ тоновъ возможны для души только подъ условіемъ опредѣленныхъ движеній зрительнаго и слуховаго нервовъ.

«Но кто утверждаетъ, что самое это движеніе зрительнаго и слуховаго нервовъ есть уже ощущеніе опредѣленной краски и опредѣленнаго тона, тотъ не говоритъ ни одного яснаго слова. Попытайтесь провести въ мышленіи и построить въ воззрѣніи, какимъ это образомъ пространственное движеніе нерва, которое при всѣхъ усложненіяхъ должно бы, повидимому, оставаться пространственнымъ движеніемъ нерва, превращается въ непространственное ощущеніе, или въ желаніе. Положимъ, что вы прослышали ученіе физики о зависимости объема тѣла отъ его температуры и о томъ, что съ измѣненіемъ его температуры *необходимо* измѣняется и его объемъ: что сказали бы о васъ, если бы вы превратили это отношеніе *необходимой* связи въ отношеніе *тождества* и стали разсуждать: температура тѣла превращается въ объемъ тѣла, объемъ тѣла есть не что иное, какъ его температура? А между тѣмъ ученіе нынѣшнихъ физіологовъ о томъ, что ощущеніе души есть не что иное, какъ движеніе нервовъ, основано именно на этомъ превращеніи *необходимой* зависимости явленій въ ихъ *тождество*. Если бы насъ спросили, какимъ образомъ температура *начинаетъ* быть объемомъ, то намъ пришлось бы отвѣчать: она никакъ не начинаетъ быть объемомъ; только по необходимому физическому закону она производитъ измѣненія въ тѣлѣ, которое безъ объема немыслимо. Такимъ же образомъ и на вопросъ: какъ движеніе нерва *начинаетъ* быть ощущеніемъ, мы должны были бы отвѣчать, что движеніе нерва никакъ *не начинаетъ* быть ощущеніемъ, что оно всегда остается движеніемъ нерва, только по необходимому закону (физическому или метафизическому,—объ этомъ спорятъ еще) это движеніе нерва производитъ измѣненія въ душѣ, которая немыслима безъ ощущеній, чувствъ и стремленій. Итакъ, если говорятъ, что движеніе нерва *превращается* въ ощущеніе, то здѣсь всегда обходятъ того дѣятеля, который обладаетъ этою чудною *превращающею* силой, или который имѣетъ способность и свойство рождать въ себѣ ощущеніе по поводу движенія нерва; а само это движеніе, какъ понятно, не имѣетъ въ себѣ ни возможности, ни потребности быть чѣмъ либо другимъ, кромѣ движенія.

«Странно и однако же справедливо, что сочинитель, такъ много говорящій въ своихъ статьяхъ о естественныхъ наукахъ, не имѣетъ яснаго представленія о ихъ методѣ и о ихъ предметѣ. Если философіи противопоставляются точныя науки, то подъ этими послѣдними разумѣются въ такомъ случаѣ науки опытныя, слѣдовательно занимающіяся явленіями и не касающіяся вопроса о метафизической сущности вещей. Теперь опытная психологія и требуетъ приз-

нать только это феноменальное, или гносеологическое различіе, по которому ея предметъ, какъ данный во внутреннемъ опытѣ, не имѣетъ ничего сходнаго и общаго съ предметами внѣшняго наблюденія. Только на этомъ предположеніи возможна точная наука о душѣ, то есть о душѣ, какъ опредѣленномъ явленіи, подлежащемъ нашему наблюденію. Всякій дальнѣйшій вопросъ о сущности этого явленія, вопросъ о томъ, не сходятся ли разности матеріальныхъ и душевныхъ явленій въ высшемъ единствѣ и не суть ли онѣ простое послѣдствіе нашего ограниченнаго познанія,—поколику оно не постигаетъ подлинной, однородной, тождественной съ собою сущности вещей,—всѣ эти вопросы принадлежатъ метафизикѣ и равно не могутъ быть разрѣшены никакою частною наукою. Въ настоящее время, однако же, химія и физіологія нерѣдко берутся за рѣшеніе этихъ вопросовъ о сверхчувственной основѣ вещей, какъ будто эту сверхчувственную основу можно увидѣть въ химической лабораторіи или въ анатомическомъ театрѣ. Такъ, если физіологія говоритъ намъ о единствѣ нервныхъ процессовъ и душевныхъ явленій, то этимъ она не выражаетъ, что душевныя явленія должны представиться намъ въ научномъ опытѣ нервными процессами, или что нервные процессы должны представиться намъ въ научномъ опытѣ душевными явленіями: нѣтъ, разности, опытно данныя, между представленіями и нервными процессами остаются такими же на концѣ науки, какими были онѣ въ началѣ ея. Итакъ, ученіемъ объ этомъ единствѣ она только выражаетъ метафизическую мысль о сверхчувственномъ тождествѣ явленій матеріальнаго и духовнаго порядка: слѣдовательно она даетъ намъ мысль, которую ни утверждать, ни отрицать она не имѣетъ основанія. Нашъ сочинитель такъ же не различаетъ вопросовъ метафизическихъ отъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ точнымъ или опытнымъ наукамъ. Онъ говоритъ: «принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма». Кто знакомъ съ естествознаніемъ и философіею, тому извѣстно, что понятіе и это слово *единство* имѣетъ чарующую прелесть для метафизика и почти не имѣетъ никакого значенія для естествоиспытателя. Успѣхъ естествознанія основанъ на томъ, что оно разрѣшаетъ всякое единство, всякую сущность, всякій субъектъ, всякій организмъ на *отношенія*, потому что только въ такомъ случаѣ оно можетъ подводить наблюдаемое явленіе подъ математическія пропорціи. Итакъ несправедливо, что идея единства человѣческаго организма выработана естественными науками. Правда, что нѣкоторые физіологи допускали особый принципъ органической жизни подъ именемъ жизненной силы: съ этой точки зрѣнія можно говорить о единствѣ человѣческаго организма, потому что жизненная сила доставляла бы различнымъ матеріямъ организма то внутреннее и дѣйствительное единство, какого они, какъ матеріальныя частицы, не могутъ имѣть сами по себѣ. Но извѣстно, какъ надобно думать объ этой жизненной силѣ, которую нельзя ни разложить никакимъ анализомъ, ни подвести подъ математическія пропорціи: какъ простое, какъ абсолютное, оно не можетъ идти въ соображеніе при эмпирическихъ наблюденіяхъ, хотя бы метафизика и доказала, что предположеніе такой силы необходимо.

«Замѣчательнымъ образомъ сходятся при вопросѣ о единствѣ человѣче-

скаго организма естествознаніе и философія въ ихъ современномъ положеніи. Физіологія и химія разлагаютъ это единство на множество матеріальныхъ частей, которыя въ своихъ движеніяхъ подчинены общимъ физическимъ, а не частнымъ органическимъ законамъ. Итакъ, единство человѣческаго организма есть для нихъ феноменъ, есть нѣчто являющееся, кажущееся. Но откуда происходитъ этотъ феноменъ? Отчего множество представляется *намъ* какъ единство? Отчего капли дождя представляются *намъ* какъ радуга. а не какъ капли дождя? Отчего матеріальныя частицы, не имѣющія между собою внутренняго единства и сочетающіяся по общимъ физическимъ законамъ представляются *намъ* какъ единство, какъ цѣлость, какъ одинъ, въ себѣ законченный образъ? На эти вопросы отвѣчаетъ философія и притомъ съ математическою достовѣрностію: это происходитъ отъ свойствъ зри.....»

На этотъ разъ довольно; и о «Русскомъ Вѣстникѣ», пока, тоже довольно. Въ слѣдующій разъ развлекусь «Отечественными Записками».

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ КРАСОТЫ.

КОЛЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

КРАСОТЫ, СОБРАННЫЯ ИЗЪ

„ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ“.

I.

Связывать себя обѣщаніями—самое неблагоразумное дѣло. Вотъ, напримѣръ, первое свое полемическое развлеченіе закончилъ я обѣщаніемъ, что въ слѣдующій разъ «поразвлекусь Отечественными Записками». Какой скукѣ я подвергъ себя этимъ обѣщаніемъ! Вообразите себѣ, вѣдь для составленія коллекціи красотъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», я долженъ былъ перелистывать чуть не половину каждой книжки этого журнала за цѣлые полгода, потому что по всѣмъ отдѣламъ, составляющимся постоянными соучастниками редакціи «Отечественныхъ Записокъ», разсѣяны въ неисчислимомъ количествѣ выходки противъ «Современника». День, два, три дня одолѣвалъ я скуку,—наконецъ, по выраженію поэта,

Не стало силъ, не стало воли.

Просмотрѣвъ прелестныя «Записки праздношатающагося» въ двухъ первыхъ книжкахъ почтеннаго журнала, я отказался отъ чтенія этого отдѣла въ слѣдующихъ нумерахъ. Надобно только разъ поддаться слабости, она все больше будетъ овладѣвать человѣкомъ; послѣ того я и въ другихъ отдѣлахъ журнала все больше и больше листовъ оставлялъ непрочтенными. Такимъ образомъ я не могу сдержать своего обѣщанія вполнѣ. Но прошу «Отечественныя За-

скаг- ... неполноту коллекціи недостатку желанія во
Фи... ...жащими похвалами все разнообразіе, остро-
час ... полемики: усердія во мнѣ было много;
час. ... могъ бы пройти такую обширную пустыню
ест. ... изъ нея образцы всѣхъ странныхъ произве-
исхо ... ней. Я ограничу свое изслѣдованіе лишь
ство ... оазисами, предварительно сказавъ нѣ-
дож ... остальной страны, которую едва могъ я
един
нам. ... льза, но порядка въ ней нѣтъ. «Оте-
На ... объ очень многомъ, очень по-
ност ... шимъ намѣреніемъ: заботятся о
... больше всего о томъ, чтобы выработать
... на дѣла, о которыхъ толкуютъ
... какая-то несчастная судьба мѣ-
... стремленіи. Онѣ обречены со-
... жность «Русскому Вѣстнику» и
... Вы можете не соглашаться съ
... бранить его, если вамъ угодно, но
... держится «Русскій Вѣстникъ», чего
... вы должны будете признать, что
... тельно, какъ должно быть. То же
...».—«Отечественныя Записки»
... было сказать то же самое: вотъ,
... опредѣленное направленіе, идетъ къ
... Но никакъ не могутъ «Оте-
... чего-чего не набито въ нихъ
... славянофильство, умѣренность и
... покрыто непроницаемымъ туманомъ.
... выхваченные изъ «Русскаго Вѣстника»
... Бесѣды» и «Русскаго Слова», съ
... Москвитянина» и прежнихъ «Отечест-
... Бѣлинскаго. Не знаемъ, до какой сте-
... характеръ журнала сотрудникамъ,
... мы желали бы знать мнѣніе
... прославляющагося»; мнѣніе г. Бе-
... Добролюбова; мнѣніе г. Громеки о
... и т. д. Но по всей вѣроятности

I
дово...
скам

нравится эта пестрота «общей редакціи» «Отечественныхъ Записокъ». Если бы намъ, постороннимъ людямъ, необходимо было принять чью нибудь сторону въ этомъ домашнемъ разладѣ, мы стали бы на сторонѣ гг. Альбертини, Бестужева-Рюмина и Громеки, которые вѣроятно еще могли бы какъ нибудь идти по одному направленію, когда бы занимался общимъ направленіемъ журнала изъ нихъ ли кто нибудь или другой кто нибудь такой же. А нынѣшнее положеніе этихъ частныхъ редакторовъ должно быть очень затруднительно: одна статья дергаетъ журналъ туда, другая сюда; изъ одной статьи слышится отгласъ г. Аполлона Григорьева, изъ другой статьи отгласъ г. Дружинина; въ третьей статьѣ раздается задорное козлогласованіе г. Лохвицкаго; четвертая статья написана послѣдователемъ г. Кавелина; такъ что самъ Гегель затруднился бы возвести эти разногласія къ синтезу. Мы чрезвычайно полагаемся на добросовѣстность людей, нелишенныхъ здраваго смысла; потому надѣемся, что гг. Альбертини, Бестужевъ-Рюминъ и Громека соглашаются съ нами. А если не согласны, то приглашаемъ ихъ заявить печатно, что мы ошибаемся въ ихъ чувствахъ. Да, мы просимъ ихъ объ этомъ, и любя каждый вопросъ ставить такъ, чтобы его рѣшеніе было неизбѣжно, мы говоримъ, что, если гг. Альбертини, Бестужевъ-Рюминъ и Громека не дадутъ категорическаго отвѣта на вопросъ о существованіи или несуществованіи нескладицы въ «Отечественныхъ Запискахъ», ихъ молчаніе будетъ всѣми принято за согласіе съ нашимъ мнѣніемъ.

Принимая въ соображеніе эту нескладицу, мы считаемъ необходимымъ разсматривать каждый отдѣлъ «Отечественныхъ Записокъ» особенно отъ другихъ отдѣловъ, какъ особый маленькій журналъ, только переплетенный въ одну толстую книгу съ нѣсколькими другими особенными журналами, а каждую отдѣльную статью, какъ особенную брошюрку, сшитую съ другими такими же брошюрками по капризу переплетчика.

II.

Первое мѣсто въ ряду журнальцевъ, составляющихъ «Отечественныя Записки», занимаетъ «Политическое Обозрѣніе», которымъ завѣдуетъ г. Альбертини. Я не боюсь говорить то, справедливость чего знаетъ и мой противникъ, хотя бы и былъ я увѣренъ, что онъ

почтетъ за нужное печатнымъ образомъ отрекаться отъ того, что я говорю. Пусть отпирается,—все равно, людямъ литературнаго круга останется по прежнему извѣстно, а каждому читателю изъ собственныхъ словъ его будетъ видно, что отрекается онъ напрасно. За этимъ предисловіемъ сообщу я слѣдующій фактъ.

Прочитавъ первую мою статью, заканчивавшуюся обѣщаніемъ, что я поразвлекусь «Отечественными Записками», г. Альбертини потерялъ спокойствіе духа. Онъ мучился страхомъ, что я стану говорить о его полемическихъ подвигахъ противъ «Современника» такимъ тономъ, какого заслуживаютъ они по своей непристойности. Напрасно боялся онъ этого. Я вовсе не намѣренъ огорчать его. Но за то онъ позволитъ мнѣ пожалѣть о немъ и дать ему совѣтъ, искренность и вѣрность котораго онъ можетъ провѣрить, спросивъ мнѣнія у своихъ друзей.

Есть люди, очень благородные, но чрезмѣрно склонные поддаваться всякимъ безъ разбора внушеніямъ. Они безукоризненно держатъ себя пока живутъ въ обществѣ, гдѣ всѣ также благородны, какъ они сами. Сошедшись съ людьми пошлыми, они иногда дѣлаютъ поступки не совсѣмъ хорошіе подъ чужимъ вліяніемъ. Г. Альбертини—одинъ изъ этихъ людей нетвердаго характера. Онъ сдѣлаетъ очень хорошо, если постарается жить исключительно въ кругу людей благороднаго образа мыслей, какъ жилъ, если не ошибаюсь, до своего переѣзда въ Петербургъ. Пустъ онъ спрашиваетъ у нихъ мнѣнія о томъ, что пишетъ. Безъ такой поддержки онъ можетъ вовсе испортиться. Повторяю: пусть онъ спроситъ у своихъ друзей, правду ли я говорю ему.

Боязнь моего заслуженнаго сарказма, конечно, заставляла его въ эти послѣднія недѣли припоминать съ раскаяніемъ тѣ выходки противъ «Современника», до которыхъ унижался онъ. Я увѣренъ, что въ тяжеломъ ожиданіи этой моей статьи онъ внутренно проклиналъ чужія внушенія, которыя подвели его подъ удары, грозившіе ему по его мнѣнію. Пусть онъ успокоится: мнѣ жаль наказывать его, потому что довольно наказанъ онъ собственнымъ чувствомъ. Я оставляю безъ всякаго упоминовенья нехорошія вещи, которыя онъ писалъ противъ «Современника». Я только хочу предостеречь его, чтобы онъ не спѣшилъ впередъ спорить какимъ бы то ни было тономъ—грубымъ ли, деликатнымъ ли,—съ людьми, которые гораздо *лучше его* знаютъ, что говорятъ, почему и зачѣмъ говорятъ. Не

приводя его неприличныхъ выраженій, чтобы не позорить публично человѣка, уже стыдящагося въ душѣ, я возьму только основныя мысли изъ одной статейки его противъ «Современника» и кроткимъ тономъ, безъ всякаго полемическаго оттѣнка, покажу ему, что тотъ, кто дѣлаетъ такія возраженія, ставитъ себя въ невыгодное положеніе. Беру для этого опыта помѣщенныя въ № IV «Отечественныхъ Записокъ» возраженія противъ «Письма изъ Турина», напечатаннаго въ № III «Современника».

Смыслъ этого письма кажется очень дуренъ вамъ, г. Альбертини (не любопытствовалъ я узнать, самъ г. Альбертини, или кто другой написалъ пересматриваемую мною діатрибу; но все равно, она помѣщена въ отдѣлѣ, которымъ завѣдуетъ онъ, стало быть онъ отвѣчаетъ за нее). Васъ огорчаютъ наши отзывы о Кавурѣ и его партіи; вы воображаете, что мы оскорбляемъ итальянскій народъ. Напрасно вы это говорите. Вамъ слѣдовало бы самому знать то, что я постараюсь разсказать вамъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ каждомъ обществѣ есть консерваторы и прогрессисты. Займемся прогрессистами. Между ними есть множество подраздѣленій, но интересъ націи требуетъ, чтобы они понимали одинаковость главнаго своего стремленія и соединялись въ одно цѣлое для борьбы съ общими своими противниками, отвергающими прогрессъ. Исполняется или не исполняется это важное условіе національнаго блага, зависитъ отъ умѣренныхъ прогрессистовъ. Крайніе прогрессисты такъ преданы дѣлу совершенствованія, что всегда готовы, принося въ жертву и самолюбіе и мелкіе разсчеты, поддерживать умѣренныхъ. Если умѣренные прогрессисты одарены политическимъ тактомъ, они понимаютъ это и принимаютъ союзъ, предлагаемый имъ крайними прогрессистами. Тогда дѣло совершенствованія идетъ на столько успѣшно, на сколько можетъ идти при данномъ состояніи національнаго расположенія. Но иногда умѣренные прогрессисты отвергаютъ союзъ. Отъ этого страдаетъ дѣло прогресса, то есть благо націи. Примѣры тому и другому представляетъ Англія. Нынѣшній предводитель умѣренныхъ прогрессистовъ въ Англіи—лордъ Пальмерстонъ, крайнихъ прогрессистовъ—Брайтъ. Будемъ для краткости называть эти отдѣлы прогрессивной партіи именами ихъ предводителей. Когда Пальмерстонъ опирается на Брайта, его министерство непоколебимо. Когда онъ отталкиваетъ отъ себя Брайта, онъ теряетъ власть. Умно ли поступаетъ Пальмерстонъ, когда держится

[illegible] Умно ли, когда отталкиваетъ его? — Но Пальмерстонъ, какъ бы тамъ ни судили мы о его убѣжденіяхъ и [illegible], человѣкъ разсчетливый,—а вѣрнѣе сказать, парламентская тактика очень хорошо выработалась въ Англіи; потому Пальмерстонъ постоянно держится въ союзѣ съ Брайтомъ, и если иной разъ по упрямству оттолкнетъ его, тотчасъ же понимаетъ свою ошибку и спѣшитъ мириться съ нимъ.

Позволительно ли не благоговѣть передъ мудростью Пальмерстона, пальмерстоники? Если дозволительно, тѣмъ больше можно не преклоняться передъ Кавуромъ, не имѣвшимъ даже и того такта, который находимъ въ Пальмерстонѣ.

Излагать ли исторію его ошибокъ? Пересматривать весь рядъ ихъ было бы слишкомъ долго,—отсылаемъ г. Альбертини къ статьѣ о Кавурѣ въ № 6 «Современника»; здѣсь напомнимъ лишь объ ошибкахъ, относящихся лишь къ тому времени, о событіяхъ котораго не говоритъ эта статья, какъ о вещахъ, по ихъ недавности еще не забытыхъ никѣмъ.

Между частями Италіи, соединявшимися въ одно государство, существуетъ споръ объ относительномъ ихъ значеніи для итальянской національности. Миланъ, Флоренція, Болонья, Неаполь не могутъ уступить первенства другъ-другу, тѣмъ менѣе уступить его Турину. Всѣ они согласны уступить первенство только Риму. Кавуръ до послѣдней возможности спорилъ противъ мысли перенести столицу государства въ Римъ,—спорилъ не потому, что рано было думать объ этомъ, а потому, что «Пьемонтъ освободилъ Италію, слѣдовательно столицею Италіи должна остаться столица Пьемонта». Кавуръ доказывалъ, что Римъ—городъ прошедшаго, городъ мертвый что онъ не годится быть столицею. Пусть бы онъ говорилъ, что надобно повременить, что обстоятельства еще не позволяютъ думать о Римѣ, — нѣтъ, онъ доказывалъ по принципу, что общее стремленіе итальянцевъ совершенно ошибочно. Онъ отказался отъ желанія оставить Туринъ вѣчною столицею Итальянскаго королевства только тогда, когда уже возбуждено было въ итальянцахъ много желчи его сопротивленіемъ. Это ли называется политическимъ тактомъ?

Итальянцы очень раздражаются мыслью, что ихъ страны присоединяются къ Пьемонту не по принципу равноправности, а съ подчиненіемъ Пьемонту, какъ господствующей странѣ. Кавуръ провоз-

глашалъ это подчиненіе съ очень страннымъ самодовольствомъ. Онъ восхищался, когда говорилъ: «мы, пьемонтцы, выше всѣхъ васъ остальныхъ итальянцевъ». Это ли называется искусствомъ государственнаго человѣка?—Узкость понятій Кавура въ этомъ отношеніи была удивительна. Напримѣръ, гражданскіе и уголовные законы въ Тосканѣ лучше пьемонтскихъ; въ Неаполѣ—также. Кавуръ хотѣлъ замѣнить ихъ пьемонтскими. Это страшно оскорбляло Тоскану и Неаполь. И какимъ путемъ хотѣлъ произвести такую перемѣну Кавуръ! Самымъ безтактнымъ. Онъ хотѣлъ дѣйствовать распоряженіями прямо отъ имени туринскаго министерства. Вся Италія говорила: нужно установить одинаковые законы для всѣхъ частей Италіи; но эти законы пусть будутъ составлены и введены правильнымъ порядкомъ, черезъ парламентъ. Кавуръ не хотѣлъ этого. Почему не хотѣлъ? Понятно было бы, еслибъ онъ опасался, что парламентъ установитъ законы не на тѣхъ принципахъ, какіе считалъ хорошими онъ. Но парламентъ состоялъ изъ его приверженцевъ, дѣйствовалъ бы въ его духѣ.—Опять понятно было бы, если бы Кавуръ былъ непріязненъ парламентской формѣ. Но онъ былъ искреннимъ приверженцемъ ея. Потому его странное противорѣчіе общему желанію не объясняется ничѣмъ, кромѣ узкости понятій, кромѣ безтактности.

Вещь извѣстная, что для сліянія прежнихъ раздѣльныхъ частей въ одно крѣпкое цѣлое, надобно не оставлять этихъ частей административными единицами, а раздроблять ихъ на мелкіе округи, которые, не имѣя связи между собой, имѣли бы отношеніе прямо къ центральному правительству. Съ этой цѣлью были нѣкогда раздроблены французскія провинціи на департаменты. Въ кабинетѣ Кавура былъ выработанъ проэктъ, прямо противорѣчившій этому простому соображенію. Предполагалось оставить Италію въ административномъ отношеніи раздѣленной на «области» или «страны», соотвѣтствующія прежнимъ отдѣльнымъ государствамъ. Этотъ проэктъ всѣ итальянцы нашли прямо противорѣчащимъ упроченію Итальянскаго королевства. Кавуръ защищалъ его,—даже и не по самолюбію, потому что авторъ проэкта былъ не онъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ Мингетти,—нѣтъ, по какой-то непостижимой несообразительности. Мингетти самими приверженцами Кавура былъ признанъ за человѣка неспособнаго и непопулярнаго; они сами упрашивали Кавура замѣнить Мингетти кѣмъ нибудь другимъ, кѣмъ ему

[redacted] Кавуръ оставилъ Мингетти
[redacted] личному пристрастію къ Мин-
[redacted] упрямству.

[redacted] Кавура къ Гарибальди? Пусть бы
[redacted] Гарибальди; но развѣ нельзя
[redacted] образомъ? И развѣ Гарибальди
[redacted] оттѣснить отъ власти? Нѣтъ, онъ
[redacted] Но Кавуръ наносилъ ему мелочныя
[redacted] нужныя; если, напримѣръ, было
[redacted] одинаковая награда, и если
[redacted] хорошъ съ Гарибальди, то отмѣняли
[redacted] на какую нибудь должность
[redacted] или недостойныхъ ея, и если
[redacted] что у него были непріятности съ
[redacted] ему. Если предполагали гдѣ нибудь
[redacted], въ которой должна была произойти
[redacted] людьми, имѣвшими личныя
[redacted] Что это такое? неужели это достойно
[redacted] тутъ до мелочнаго подпуска-
[redacted] только пустымъ людямъ. Про-
[redacted] что мы тутъ говоримъ не о правахъ
[redacted] самого Кавура; не о томъ, что
[redacted] или неблагородно, а только о томъ,
[redacted] бестактно. Онъ раздражалъ противъ
[redacted] во всѣхъ партіяхъ и даже въ своей
[redacted] поступками, совершенно неприлич-
[redacted]

[redacted], какую выказалъ онъ отно-
[redacted] арміи и относительно во-
[redacted] говоримъ, можно ли было
[redacted] изъ бывшихъ неаполитанскихъ
[redacted] хотя навѣрное было можно. Мы не
[redacted] хорошимъ войскомъ волонтеры,—
[redacted] только могли, но уже и были.
[redacted] въ мысли о неспособности тѣхъ
[redacted] хотя онъ и ошибся въ этомъ. Но
[redacted] людей въ огромномъ
[redacted] снявъ съ нихъ всякую дисцип-

лиму и не пріискавъ для нихъ никакихъ средствъ существованія, распускать ихъ въ странѣ, въ которой нѣтъ ни войска, ни даже порядочной полиціи? Каждый знаетъ, что это значитъ дѣлать ихъ бандитами. Они безпріютны, они голодны, они не пріищутъ себѣ никакого промысла, и начинаютъ разбойничать. Это сочинилъ Кавуръ. Онъ сочинилъ тѣ шайки, для истребленія которыхъ посланъ теперь Чальдини съ 50 тысячами войска. Умно ли это? спросимъ мы у г. Альбертини.

Просимъ его сказать также, знаетъ ли онъ, что мы указываемъ на ошибки, сдѣланныя только въ теченіе одного года, и не упоминаемъ о другихъ ошибкахъ, за тотъ же годъ, еще болѣе важныхъ,—не упоминаемъ потому, что онѣ относятся не къ одному этому году, а ко всему ряду лѣтъ власти Кавура?

Другимъ извинительно, когда они не знаютъ или не понимаютъ этихъ ошибокъ. Но въ г. Альбертини это странно. Онъ находился въ кругу людей, понимающемъ вещи не хуже, чѣмъ мы, и такъ же какъ мы, не черпающемъ своихъ мнѣній готовыми изъ какого нибудь Journal des Débats или Revue des Deux Mondes.Онъ долженъ, знать, что такое здравый смыслъ, не позволяющій принимать безъ всякой критики болтовню какого нибудь Сенъ-Маркъ-Жирардена или Форкада, у которыхъ великіе люди ростутъ изъ-подъ пера какъ грибы, у которыхъ и Дюма-сынъ—геніальный романистъ, и Октавъ-Фёлье—геніальный драматистъ, и всякій маршалъ—геніальный полководецъ. Неужели г. Альбертини такъ скоро разучился понимать все, что умѣлъ понимать?

И неужели онъ такъ скоро разучился сочувствовать всему, чему конечно сочувствовалъ, когда находился въ кругу людей умныхъ и благородныхъ? А еслибъ не разучился, онъ понималъ бы, подъ вліяніемъ какихъ мыслей писана статья, выходками противъ которой такъ прискорбно онъ роняетъ себя. Неужели не было времени, когда онъ съумѣлъ бы самъ отвѣчать на вопросъ о нашихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ,—вопросъ котораго и предлагать не стоитъ, потому что онѣ ни для кого не составляютъ секрета. Пусть г. Альбертини обдумаетъ хорошенько, долженъ ли онъ стыдиться этого вопроса. Напрасно вы компрометируете себя, г. Альбертини. Не дѣлайте этого впередъ. За подобные вопросы перестаютъ уважать писателя не только какъ писателя, но и какъ человѣка. Понятно ли вамъ хотя это? Или даже и это непонятно?

... въ русской литературѣ ... припомнить вещи, кото... еще не очень давно, и ... и поговорить съ вами.

... преобладаніе одного на... расположенію общества. ... обстоятельствами исторической ... расположеніе мыслей въ от... обстоятельствахъ его жизни. ...яются ... опытомъ жизни? знаете ли ... человѣкомъ, увидѣвшимъ обманчи... ли вы, что онъ любитъ тогда людей, ...? То же бываетъ и съ обществомъ. ... вы живете въ мірѣ иллюзій, которыми ...ается. Желаемъ вамъ выйти поскорѣе ...льщенія. А пока вы не вышли изъ него, ... вамъ нравиться. Вы лучше читайте пока ...скаго» Карамзина, похвальныя слова ... Зотова, «Рославлева» и «Юрія Ми...» и мало ли есть прекрасныхъ книгъ! ...итесь въ такомъ настроеніи мыслей, ...тнымъ образомъ о насъ. Милое дитя, ...рѣчъ съ нами.

III.

... снисходителенъ, главнымъ образомъ, ... которымъ онъ принадлежалъ, когда «Московское Обозрѣніе».

...ать себя. Надобно же и посмѣяться; ... нибудь примѣръ г-ну Альбертини, ... ему достаться за его необду... такъ обязателенъ, что безъ всякой ...отѣ душевной, доставилъ мнѣ пре...

... порядкомъ. Вышло собраніе сочи-

ненiй г. Буслаева. Г. Пыпинъ помѣстилъ въ «Современникѣ» разборъ ихъ. Статья была написана совершенно серьезнымъ тономъ, съ уваженiемъ къ ученымъ заслугамъ г. Буслаева. Ни оскорбительнаго, ни насмѣшливаго не было въ ней ни на волосъ. Г. Пыпинъ не соглашался съ нѣкоторыми мнѣнiями г. Буслаева, но спорилъ противъ нихъ такъ, что самый самолюбивый и раздражительный человѣкъ не могъ бы обидѣться такимъ споромъ. Тѣмъ менѣе могъ ожидать кто нибудь, что оскорбится статьею г. Пыпина г. Буслаевъ, человѣкъ почтеннаго характера, чуждый болѣзненнаго тщеславiя. Но черезъ три мѣсяца является въ «Отечественныхъ Запискахъ» «письмо къ А. Н. Пыпину» г. Буслаева,—письмо, каждая строка котораго такъ и дышитъ желанiемъ уязвить. Что такое сдѣлалось съ г. Буслаевымъ? За что воскипѣлъ онъ желчью на г. Пыпина? Вотъ за что.

Къ той книжкѣ «Современника», гдѣ находились статьи г. Пыпина о г. Буслаевѣ, былъ приложенъ «Свистокъ»; въ одной изъ статеекъ этой тетради «Свистка» было сдѣлано примѣчанiе, [illegible]новлявшее очень любопытныя черты древне-славянскаго [illegible] на основанiи приписанныхъ тамъ графу Хвостову стиховъ, ровно ничего такого въ себѣ не заключающихъ. Вотъ эти стихи:

«Что награды всѣ другiя
Предъ сокровищемъ такимъ?»

Авторъ ученаго примѣчанiя въ «Свисткѣ» сдѣлалъ филологическiй разборъ словъ «награда» и «сокровище». [illegible], что въ словѣ «награда» лежитъ смыслъ [illegible], а въ «сокровищѣ» [illegible] г. Буслаева.

[illegible]

писки» не приписывать неполноту коллекціи недостатку желанія во мнѣ выставить съ надлежащими похвалами все разнообразіе, остроуміе и глубокомысліе ихъ полемики: усердія во мнѣ было много; но только Ливингстонъ могъ бы пройти такую обширную пустыню не утомляясь, и вынесть изъ нея образцы всѣхъ странныхъ произведеній, встрѣчающихся въ ней. Я ограничу свое изслѣдованіе лишь двумя-тремя прекраснѣйшими оазисами, предварительно сказавъ нѣсколько словъ о характерѣ остальной страны, которую едва могъ я кинуть взоромъ.

Страна эта велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ. «Отечественныя Записки» разсуждаютъ объ очень многомъ, очень подробно и очевидно съ прекраснѣйшимъ намѣреніемъ: заботятся о занимательности, заботятся больше всего о томъ, чтобы выработать себѣ хоть какой нибудь взглядъ на дѣла, о которыхъ толкуютъ вслѣдъ за другими журналами. Но какая-то несчастная судьба мѣшаетъ имъ въ этомъ превосходномъ стремленіи. Онѣ обречены составлять самую милую противоположность «Русскому Вѣстнику» и «Современнику» въ этомъ отношеніи. Вы можете не соглашаться съ «Русскимъ Вѣстникомъ», можете бранить его, если вамъ угодно, но вы видите, какихъ принциповъ держится «Русскій Вѣстникъ», чего онъ хочетъ и почему онъ хочетъ; вы должны будете признать, что свои идеи проводитъ онъ послѣдовательно, какъ должно быть. То же самое вы скажете и о «Современникѣ».—«Отечественныя Записки» добиваются, чтобъ объ нихъ можно было сказать то же самое: вотъ, дескать, этотъ журналъ имѣетъ опредѣленное направленіе, идетъ къ извѣстной цѣли, понимаетъ, чего хочетъ. Но никакъ не могутъ «Отечественныя Записки» добиться этого: чего-чего не набито въ нихъ сплошь и рядомъ: западничество и славянофильство, умѣренность и крайній образъ мыслей, и все это обвито непроницаемымъ туманомъ. Какъ будто соединены листы, вырванные изъ «Русскаго Вѣстника» и «Современника», изъ «Русской Бесѣды» и «Русскаго Слова», съ обрывками изъ покойнаго «Москвитянина» и прежнихъ «Отечественныхъ Записокъ» временъ Бѣлинскаго. Не знаемъ, до какой степени нравится этотъ пестрый характеръ журнала сотрудникамъ, завѣдующимъ разными отдѣлами его: мы желали бы знать мнѣніе г. Альбертини о «Запискахъ праздношатающагося»; мнѣніе г. Бестужева-Рюмина о статьяхъ г. Лохвицкаго; мнѣніе г. Громеки о статьяхъ г. Дудышкина, и т. д. и т. д. Но по всей вѣроятности

нравится эта пестрота «общей редакціи» «Отечественныхъ Записокъ». Если бы намъ, постороннимъ людямъ, необходимо было принять чью нибудь сторону въ этомъ домашнемъ разладѣ, мы стали бы на сторонѣ гг. Альбертини, Бестужева-Рюмина и Громеки, которые вѣроятно еще могли бы какъ нибудь идти по одному направленію, когда бы занимался общимъ направленіемъ журнала изъ нихъ ли кто нибудь или другой кто нибудь такой же. А нынѣшнее положеніе этихъ частныхъ редакторовъ должно быть очень затруднительно: одна статья дергаетъ журналъ туда, другая сюда; изъ одной статьи слышится отгласъ г. Аполлона Григорьева. изъ другой статьи отгласъ г. Дружинина; въ третьей статьѣ раздается задорное козлогласованіе г. Лохвицкаго; четвертая статья написана послѣдователемъ г. Кавелина; такъ что самъ Гегель затруднился бы возвести эти разногласія къ синтезу. Мы чрезвычайно полагаемся на добросовѣстность людей, нелишенныхъ здраваго смысла; потому надѣемся, что гг. Альбертини, Бестужевъ-Рюминъ и Громека соглашаются съ нами. А если не согласны, то приглашаемъ ихъ заявить печатно, что мы ошибаемся въ ихъ чувствахъ. Да, мы просимъ ихъ объ этомъ, и любя каждый вопросъ ставить такъ, чтобы его рѣшеніе было неизбѣжно, мы говоримъ, что, если гг. Альбертини, Бестужевъ-Рюминъ и Громека не дадутъ категорическаго отвѣта на вопросъ о существованіи или несуществованіи нескладицы въ «Отечественныхъ Запискахъ», ихъ молчаніе будетъ всѣми принято за согласіе съ нашимъ мнѣніемъ.

Принимая въ соображеніе эту нескладицу, мы считаемъ необходимымъ разсматривать каждый отдѣлъ «Отечественныхъ Записокъ» особенно отъ другихъ отдѣловъ, какъ особый маленькій журналъ, только переплетенный въ одну толстую книгу съ нѣсколькими другими особенными журналами, а каждую отдѣльную статью, какъ особенную брошюрку, сшитую съ другими такими же брошюрками по капризу переплетчика.

II.

Первое мѣсто въ ряду журнальцевъ, составляющихъ «Отечественныя Записки», занимаетъ «Политическое Обозрѣніе», которымъ завѣдуетъ г. Альбертини. Я не боюсь говорить то, справедливость чего знаетъ и мой противникъ, хотя бы и былъ я увѣренъ, что онъ

почтетъ за нужное печатнымъ образомъ отрекаться отъ того, что я говорю. Пусть отпирается,—все равно, людямъ литературнаго круга останется по прежнему извѣстно, а каждому читателю изъ собственныхъ словъ его будетъ видно, что отрекается онъ напрасно. За этимъ предисловіемъ сообщу я слѣдующій фактъ.

Прочитавъ первую мою статью, заканчивавшуюся обѣщаніемъ, что я поразвлекусь «Отечественными Записками», г. Альбертини потерялъ спокойствіе духа. Онъ мучился страхомъ, что я стану говорить о его полемическихъ подвигахъ противъ «Современника» такимъ тономъ, какого заслуживаютъ они по своей непристойности. Напрасно боялся онъ этого. Я вовсе не намѣренъ огорчать его. Но за то онъ позволитъ мнѣ пожалѣть о немъ и дать ему совѣтъ, искренность и вѣрность котораго онъ можетъ провѣрить, спросивъ мнѣнія у своихъ друзей.

Есть люди, очень благородные, но чрезмѣрно склонные поддаваться всякимъ безъ разбора внушеніямъ. Они безукоризненно держатъ себя пока живутъ въ обществѣ, гдѣ всѣ также благородны, какъ они сами. Сошедшись съ людьми пошлыми, они иногда дѣлаютъ поступки не совсѣмъ хорошіе подъ чужимъ вліяніемъ. Г. Альбертини—одинъ изъ этихъ людей нетвердаго характера. Онъ сдѣлаетъ очень хорошо, если постарается жить исключительно въ кругу людей благороднаго образа мыслей, какъ жилъ, если не ошибаюсь, до своего переѣзда въ Петербургъ. Пусть онъ спрашиваетъ у нихъ мнѣнія о томъ, что пишетъ. Безъ такой поддержки онъ можетъ вовсе испортиться. Повторяю: пусть онъ спроситъ у своихъ друзей, правду ли я говорю ему.

Боязнь моего заслуженнаго сарказма, конечно, заставляла его въ эти послѣднія недѣли припоминать съ раскаяніемъ тѣ выходки противъ «Современника», до которыхъ унижался онъ. Я увѣренъ, что въ тяжеломъ ожиданіи этой моей статьи онъ внутренно проклиналъ чужія внушенія, которыя подвели его подъ удары, грозившіе ему по его мнѣнію. Пусть онъ успокоится: мнѣ жаль наказывать его, потому что довольно наказанъ онъ собственнымъ чувствомъ. Я оставляю безъ всякаго упоминовенья нехорошія вещи, которыя онъ писалъ противъ «Современника». Я только хочу предостеречь его, чтобы онъ не спѣшилъ впередъ спорить какимъ бы то ни было тономъ—грубымъ ли, деликатнымъ ли,—съ людьми, которые гораздо *лучше его* знаютъ, что говорятъ, почему и зачѣмъ говорятъ. Не

приводя его неприличныхъ выраженій, чтобы не позорить публично человѣка, уже стыдящагося въ душѣ, я возьму только основныя мысли изъ одной статейки его противъ «Современника» и кроткимъ тономъ, безъ всякаго полемическаго оттѣнка, покажу ему, что тотъ, кто дѣлаетъ такія возраженія, ставитъ себя въ невыгодное положеніе. Беру для этого опыта помѣщенныя въ № IV «Отечественныхъ Записокъ» возраженія противъ «Письма изъ Турина», напечатаннаго въ № III «Современника».

Смыслъ этого письма кажется очень дуренъ вамъ, г. Альбертини (не любопытствовалъ я узнать, самъ г. Альбертини, или кто другой написалъ пересматриваемую мною діатрибу; но все равно, она помѣщена въ отдѣлѣ, которымъ завѣдуетъ онъ, стало быть онъ отвѣчаетъ за нее). Васъ огорчаютъ наши отзывы о Кавурѣ и его партіи; вы воображаете, что мы оскорбляемъ итальянскій народъ. Напрасно вы это говорите. Вамъ слѣдовало бы самому знать то, что я постараюсь разсказать вамъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ каждомъ обществѣ есть консерваторы и прогрессисты. Займемся прогрессистами. Между ними есть множество подраздѣленій, но интересъ націи требуетъ, чтобы они понимали одинаковость главнаго своего стремленія и соединялись въ одно цѣлое для борьбы съ общими своими противниками, отвергающими прогрессъ. Исполняется или не исполняется это важное условіе національнаго блага, зависитъ отъ умѣренныхъ прогрессистовъ. Крайніе прогрессисты такъ преданы дѣлу совершенствованія, что всегда готовы, принося въ жертву и самолюбіе и мелкіе разсчеты, поддерживать умѣренныхъ. Если умѣренные прогрессисты одарены политическимъ тактомъ, они понимаютъ это и принимаютъ союзъ, предлагаемый имъ крайними прогрессистами. Тогда дѣло совершенствованія идетъ на столько успѣшно, на сколько можетъ идти при данномъ состояніи національнаго расположенія. Но иногда умѣренные прогрессисты отвергаютъ союзъ. Отъ этого страдаетъ дѣло прогресса, то есть благо націи. Примѣры тому и другому представляетъ Англія. Нынѣшній предводитель умѣренныхъ прогрессистовъ въ Англіи—лордъ Пальмерстонъ, крайнихъ прогрессистовъ—Брайтъ. Будемъ для краткости называть эти отдѣлы прогрессивной партіи именами ихъ предводителей. Когда Пальмерстонъ опирается на Брайта, его министерство непоколебимо. Когда онъ отталкиваетъ отъ себя Брайта, онъ теряетъ власть. Умно ли поступаетъ Пальмерстонъ, когда держится

въ союзѣ съ Брайтомъ? Умно ли, когда отталкиваетъ его? — Но Пальмерстонъ, какъ бы тамъ ни судили мы о его убѣжденіяхъ и правилахъ, человѣкъ разсчетливый,—а вѣрнѣе сказать, парламентская тактика очень хорошо выработалась въ Англіи; потому Пальмерстонъ постоянно держится въ союзѣ съ Брайтомъ, и если иной разъ по упрямству оттолкнетъ его, тотчасъ же понимаетъ свою ошибку и спѣшитъ мириться съ нимъ.

Дозволительно ли не благоговѣть передъ мудростью Пальмерстона, г. Альбертини? Если дозволительно, тѣмъ больше можно не преклоняться передъ Кавуромъ, не имѣвшимъ даже и того такта, который находимъ въ Пальмерстонѣ.

Излагать ли исторію его ошибокъ? Пересматривать весь рядъ ихъ было бы слишкомъ долго,—отсылаемъ г. Альбертини къ статьѣ о Кавурѣ въ № 6 «Современника»; здѣсь напомнимъ лишь объ ошибкахъ, относящихся лишь къ тому времени, о событіяхъ котораго не говоритъ эта статья, какъ о вещахъ, по ихъ недавности еще не забытыхъ никѣмъ.

Между частями Италіи, соединявшимися въ одно государство, существуетъ споръ объ относительномъ ихъ значеніи для итальянской національности. Миланъ, Флоренція, Болонья, Неаполь не могутъ уступить первенства другъ-другу, тѣмъ менѣе уступить его Турину. Всѣ они согласны уступить первенство только Риму. Кавуръ до послѣдней возможности спорилъ противъ мысли перенести столицу государства въ Римъ,—спорилъ не потому, что рано было думать объ этомъ, а потому, что «Пьемонтъ освободилъ Италію, слѣдовательно столицею Италіи должна остаться столица Пьемонта». Кавуръ доказывалъ, что Римъ—городъ прошедшаго, городъ мертвый что онъ не годится быть столицею. Пусть бы онъ говорилъ, что надобно повременить, что обстоятельства еще не позволяютъ думать о Римѣ, — нѣтъ, онъ доказывалъ по принципу, что общее стремленіе итальянцевъ совершенно ошибочно. Онъ отказался отъ желанія оставить Туринъ вѣчною столицею Итальянскаго королевства только тогда, когда уже возбуждено было въ итальянцахъ много желчи его сопротивленіемъ. Это ли называется политическимъ тактомъ?

Итальянцы очень раздражаются мыслью, что ихъ страны присоединяются къ Пьемонту не по принципу равноправности, а съ подчиненіемъ Пьемонту, какъ господствующей странѣ. Кавуръ провоз-

глашалъ это подчиненіе съ очень страннымъ самодовольствомъ. Онъ восхищался, когда говорилъ: «мы, пьемонтцы, выше всѣхъ васъ остальныхъ итальянцевъ». Это ли называется искусствомъ государственнаго человѣка?—Узкость понятій Кавура въ этомъ отношеніи была удивительна. Напримѣръ, гражданскіе и уголовные законы въ Тосканѣ лучше пьемонтскихъ; въ Неаполѣ—также. Кавуръ хотѣлъ замѣнить ихъ пьемонтскими. Это страшно оскорбляло Тоскану и Неаполь. И какимъ путемъ хотѣлъ произвести такую перемѣну Кавуръ! Самымъ безтактнымъ. Онъ хотѣлъ дѣйствовать распоряженіями прямо отъ имени туринскаго министерства. Вся Италія говорила: нужно установить одинаковые законы для всѣхъ частей Италіи; но эти законы пусть будутъ составлены и введены правильнымъ порядкомъ, черезъ парламентъ. Кавуръ не хотѣлъ этого. Почему не хотѣлъ? Понятно было бы, еслибъ онъ опасался, что парламентъ установитъ законы не на тѣхъ принципахъ, какіе считалъ хорошими онъ. Но парламентъ состоялъ изъ его приверженцевъ, дѣйствовалъ бы въ его духѣ.—Опять понятно было бы, если бы Кавуръ былъ непріязненъ парламентской формѣ. Но онъ былъ искреннимъ приверженцемъ ея. Потому его странное противорѣчіе общему желанію не объясняется ничѣмъ, кромѣ узкости понятій, кромѣ безтактности.

Вещь извѣстная, что для слiянія прежнихъ раздѣльныхъ частей въ одно крѣпкое цѣлое, надобно не оставлять этихъ частей административными единицами, а раздроблять ихъ на мелкіе округи, которые, не имѣя связи между собой, имѣли бы отношеніе прямо къ центральному правительству. Съ этой цѣлью были нѣкогда раздроблены французскія провинціи на департаменты. Въ кабинетѣ Кавура былъ выработанъ проэктъ, прямо противорѣчившій этому простому соображенію. Предполагалось оставить Италію въ административномъ отношеніи раздѣленной на «области» или «страны», соотвѣтствующія прежнимъ отдѣльнымъ государствамъ. Этотъ проэктъ всѣ итальянцы нашли прямо противорѣчащимъ упроченію Итальянскаго королевства. Кавуръ защищалъ его,—даже и не по самолюбію, потому что авторъ проэкта былъ не онъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ Мингетти,—нѣтъ, по какой-то непостижимой несообразительности. Мингетти самими приверженцами Кавура былъ признанъ за человѣка неспособнаго и непопулярнаго; они сами упрашивали Кавура замѣнить Мингетти кѣмъ нибудь другимъ, кѣмъ ему

угодно, лишь бы кѣмъ нибудь другимъ. Кавуръ оставилъ Мингетти на мѣстѣ,—хотя бы по какому нибудь личному пристрастію къ Мингетти,—нѣтъ, просто по безтактному упрямству.

Говорить ли объ отношеніяхъ Кавура къ Гарибальди? Пусть бы Кавуру казалось нужно отстранить Гарибальди; но развѣ нельзя было устроить это благовиднымъ образомъ? И развѣ Гарибальди такой человѣкъ, котораго трудно оттѣснить отъ власти? Нѣтъ, онъ самъ готовъ былъ удалиться. Но Кавуръ наносилъ ему мелочныя обиды, рѣшительно ни для чего не нужныя; если, напримѣръ, было два человѣка, которымъ предполагалась одинаковая награда, и если узнавали, что одинъ изъ нихъ хорошъ съ Гарибальди, то отмѣняли назначенную ему награду. Если являлось на какую нибудь должность два кандидата, одинаково достойныхъ или недостойныхъ ея, и если объ одномъ изъ нихъ узнавали, что у него были непріятности съ Гарибальди, должность давали ему. Если предполагали гдѣ нибудь встрѣтить Гарибальди, то залу, въ которой должна была произойти встрѣча, нарочно старались наполнить людьми, имѣвшими личныя непріятности съ Гарибальди. Что это такое? неужели это достойно серьезнаго человѣка? Кавуръ унижался тутъ до мелочнаго подпусканія шпилекъ, которое простительно только пустымъ людямъ. Просимъ г. Альбертини понять, что мы тутъ говоримъ не о правахъ Гарибальди, а только о выгодахъ самого Кавура; не о томъ, что Кавуръ поступалъ неблагодарно или неблагородно, а только о томъ, что онъ поступалъ чрезвычайно безтактно. Онъ раздражалъ противъ себя прямодушную массу людей во всѣхъ партіяхъ и даже въ своей собственной этими странными поступками, совершенно неприличными.

А что сказать о сообразительности, какую выказалъ онъ относительно солдатъ бывшей неаполитанской арміи и относительно волонтеровъ Гарибальди? Мы не о томъ говоримъ, можно ли было сформировать порядочное войско изъ бывшихъ неаполитанскихъ солдатъ; положимъ, что нельзя, хотя навѣрное было можно. Мы не о томъ говоримъ, могли ли быть хорошимъ войскомъ волонтеры,—положимъ, что не могли, хотя не только могли, но уже и были. Положимъ, что Кавуръ не ошибся въ мысли о неспособности тѣхъ и другихъ къ военной службѣ, хотя онъ и ошибся въ этомъ. Но благоразумно ли распускать вооруженныхъ людей въ огромномъ *количествѣ* безъ всякаго надзора, снявъ съ нихъ всякую дисцип-

лину и не пріискавъ для нихъ никакихъ средствъ существованія, распускать ихъ въ странѣ, въ которой нѣтъ ни войска, ни даже порядочной полиціи? Каждый знаетъ, что это значитъ дѣлать ихъ бандитами. Они безпріютны, они голодны, они не пріищутъ себѣ никакого промысла, и начинаютъ разбойничать. Это сочинилъ Кавуръ. Онъ сочинилъ тѣ шайки, для истребленія которыхъ посланъ теперь Чальдини съ 50 тысячами войска. Умно ли это? спросимъ мы у г. Альбертини.

Просимъ его сказать также, знаетъ ли онъ, что мы указываемъ на ошибки, сдѣланныя только въ теченіе одного года, и не упоминаемъ о другихъ ошибкахъ, за тотъ же годъ, еще болѣе важныхъ,—не упоминаемъ потому, что онѣ относятся не къ одному этому году, а ко всему ряду лѣтъ власти Кавура?

Другимъ извинительно, когда они не знаютъ или не понимаютъ этихъ ошибокъ. Но въ г. Альбертини это странно. Онъ находился въ кругу людей, понимающемъ вещи не хуже, чѣмъ мы, и такъ же какъ мы, не черпающемъ своихъ мнѣній готовыми изъ какого нибудь Journal des Débats или Revue des Deux Mondes.Онъ долженъ, знать, что такое здравый смыслъ, не позволяющій принимать безъ всякой критики болтовню какого нибудь Сенъ-Маркъ-Жирардена или Форкада, у которыхъ великіе люди ростутъ изъ-подъ пера какъ грибы, у которыхъ и Дюма-сынъ—геніальный романистъ, и Октавъ-Фёлье—геніальный драматистъ, и всякій маршалъ—геніальный полководецъ. Неужели г. Альбертини такъ скоро разучился понимать все, что умѣлъ понимать?

И неужели онъ такъ скоро разучился сочувствовать всему, чему конечно сочувствовалъ, когда находился въ кругу людей умныхъ и благородныхъ? А еслибъ не разучился, онъ понималъ бы, подъ вліяніемъ какихъ мыслей писана статья, выходками противъ которой такъ прискорбно онъ роняетъ себя. Неужели не было времени, когда онъ съумѣлъ бы самъ отвѣчать на вопросъ о нашихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ,—вопросъ котораго и предлагать не стоитъ, потому что онѣ ни для кого не составляютъ секрета. Пусть г. Альбертини обдумаетъ хорошенько, долженъ ли онъ стыдиться этого вопроса. Напрасно вы компрометируете себя, г. Альбертини. Не дѣлайте этого впередъ. За подобные вопросы перестаютъ уважать писателя не только какъ писателя, но и какъ человѣка. Понятно ли вамъ хотя это? Или даже и это непонятно?

Или вамъ непонятно, почему усиливается въ русской литературѣ направленіе, вами осуждаемое? Попробуйте припомнить вещи, которыя, конечно, были хорошо вамъ извѣстны еще не очень давно, и вы поймете. Но объ этомъ мы можемъ и поговорить съ вами. Извольте, поговоримъ.

Вы знаете что въ каждой литературѣ преобладаніе одного направленія смѣняется другимъ сообразно расположенію общества, а расположеніе общества измѣняется обстоятельствами исторической жизни. Это все равно, какъ мѣняется расположеніе мыслей въ отдѣльномъ человѣкѣ отъ перемѣны въ обстоятельствахъ его жизни. Знаете ли вы, какъ разгоняются иллюзіи опытомъ жизни? знаете ли вы, какое чувство овладѣваетъ человѣкомъ, увидѣвшимъ обманчивость своихъ иллюзій? знаете ли вы, что онъ любитъ тогда людей, говорящихъ сурово и насмѣшливо? То же бываетъ и съ обществомъ. Если вы не понимаете этого, вы живете въ мірѣ иллюзій, которыми уже почти никто не обманывается. Желаемъ вамъ выйти поскорѣе изъ этого незавиднаго обольщенія. А пока вы не вышли изъ него, «Современникъ» не будетъ вамъ нравиться. Вы лучше читайте пока «Исторію государства Россійскаго» Карамзина, похвальныя слова Ломоносова, «Леонида» г. Р. Зотова, «Рославлева» и «Юрія Милославскаго» Загоскина,—да и мало ли есть прекрасныхъ книгъ! Но знаете ли? Пока вы находитесь въ такомъ настроеніи мыслей, не пробуйте разсуждать печатнымъ образомъ о насъ. Милое дитя, избѣгайте полемическихъ встрѣчъ съ нами.

III.

Къ г. Альбертини я былъ снисходителенъ, главнымъ образомъ изъ уваженія къ людямъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, когда они задумали было издавать «Московское Обозрѣніе».

Но мнѣ наскучило сдерживать себя. Надобно же и посмѣяться; да надобно и показать на комъ нибудь примѣръ г-ну Альбертини, чтобы онъ видѣлъ, какъ могло бы ему достаться за его необдуманныя выходки. Г. Буслаевъ такъ обязателенъ, что безъ всякой надобности, единственно по добротѣ душевной, доставилъ мнѣ прекрасный случай развлечься.

Дѣло произошло слѣдующимъ порядкомъ. Вышло собраніе сочи-

ненiй г. Буслаева. Г. Пыпинъ помѣстилъ въ «Современникѣ» разборъ ихъ. Статья была написана совершенно серьёзнымъ тономъ, съ уваженiемъ къ ученымъ заслугамъ г. Буслаева. Ни оскорбительнаго, ни насмѣшливаго не было въ ней ни на волосъ. Г. Пыпинъ не соглашался съ нѣкоторыми мнѣнiями г. Буслаева, но спорилъ противъ нихъ такъ, что самый самолюбивый и раздражительный человѣкъ не могъ бы обидѣться такимъ споромъ. Тѣмъ менѣе могъ ожидать кто нибудь, что оскорбится статьею г. Пыпина г. Буслаевъ, человѣкъ почтеннаго характера, чуждый болѣзненнаго тщеславiя. Но черезъ три мѣсяца является въ «Отечественныхъ Запискахъ» «письмо къ А. Н. Пыпину» г. Буслаева.—письмо, каждая строка котораго такъ и дышитъ желанiемъ уязвить. Что такое сдѣлалось съ г. Буслаевымъ? За что воскипѣлъ онъ жолчью на г. Пыпина? Вотъ за что.

Къ той книжкѣ «Современника», гдѣ находилась статья г. Пыпина о г. Буслаевѣ, былъ приложенъ «Свистокъ»; къ одной изъ статеекъ этой тетради «Свистка» было сдѣлано примѣчанiе, возстановлявшее очень любопытныя черты древне-славянскаго эпоса на основанiи приписанныхъ тамъ графу Хвостову стиховъ, ровно ничего такого въ себѣ не заключавшихъ. Вотъ эти стихи:

„Что награды всѣ другiя
Предъ сокровищемъ такимъ?“

Авторъ ученаго примѣчанiя въ «Свисткѣ» дѣлалъ филологическiй разборъ словъ «награда» и «сокровище». Оказывалось, что въ словѣ «награда» лежитъ смыслъ скандинавской Валгаллы, а подъ «сокровищемъ» разумѣется жительница Валгаллы, то есть Валькирiя и т. д. и т. д. Это изысканiе заканчивалось ссылкою на сочиненiя г. Буслаева.

Дурно это было или хорошо, остроумно или глупо, обидно или безобидно,—но какое отношенiе имѣла эта шутка къ статьѣ г. Пыпина? Ровно никакого, кромѣ того, что напечатана была въ той же книжкѣ журнала. Съ какой стати было яриться за это примѣчанiе на г. Пыпина? Пусть г. Буслаевъ, скажетъ, умно ли поступилъ бы тотъ, кто сталъ бы сердиться на него, г. Буслаева, за «Очерки винокуренной промышленности» г. Лѣскова или за стихотворенье «Слезы кукушки», на томъ основанiи, что эти вещи напечатаны въ одной книжкѣ журнала съ его письмомъ къ г. Пыпину? Но ви-

дите ли, г. Буслаеву вздумалось, что насмѣшка въ «Свисткѣ» написана г. Пыпинымъ. Трехъ мѣсяцевъ было бы, кажется, достаточно, чтобы справиться о вѣрности этого предположенія, если не достало у г. Буслаева разсудительности, чтобы съ перваго же раза увидѣть вздорность такой догадки.

Г. Пыпинъ участвуетъ въ «Свисткѣ» гораздо меньше, чѣмъ г. Буслаевъ. Почему это г. Буслаевъ вздумалъ приписать г. Пыпину статейку, на которую разсердился? Онъ увидѣлъ въ этомъ примѣчаніи такую ученость, что вообразилъ, будто оно непремѣнно написано спеціалистомъ. Но развѣ г. Буслаевъ такъ простодушенъ, что принимаетъ за чистую монету толки непріязненныхъ намъ журналовъ о нашемъ невѣжествѣ? Ему это неизвинительно. Онъ жилъ въ кругу ученыхъ людей въ Петербургѣ. Почему бы не могъ, напримѣръ, я написать ученое примѣчаніе, разсердившее г. Буслаева? Правда, я давно бросилъ занятія славянскими нарѣчіями и древностями и успѣлъ перезабыть милліоны филологическихъ и археологическихъ мелочей; но почему бы не предположить, что при всей убыли сохранилось въ моей памяти достаточное количество этихъ мудростей, такъ что еще съумѣлъ бы, если бы захотѣлъ, писать вещи, не менѣе ученыя, чѣмъ самъ г. Буслаевъ? Почему бы напримѣръ, не предположить, что именно я—авторъ ученаго примѣчанія въ «Свисткѣ»? Если бы г. Буслаевъ былъ нѣсколько сообразительнѣе, онъ предположилъ бы это, и не ошибся бы. Тогда не разыгралъ бы онъ смѣшную роль, изливъ свою жолчь совершенно невпопадъ.

Но ему захотѣлось, чтобы оцѣнка его сочиненій въ «Современникѣ» принадлежала тому человѣку, который написалъ разсердившее его примѣчаніе. Съ удовольствіемъ исполняю его желаніе.

Г. Буслаевъ—человѣкъ очень трудолюбивый и занимается своимъ предметомъ усердно. Съ этой стороны онъ достоинъ всевозможныхъ похвалъ. Но трудами его наука не можетъ воспользоваться почему же такъ? По той причинѣ, что у него рѣшительный недостатокъ критики. Какъ филологъ, онъ соблазнился эксцентрическими прыжками Якова Гримма, любящаго поэтическія вольности въ сравненіяхъ корней и формъ. Но вѣдь то Яковъ Гриммъ; онъ каковъ бы тамъ ни былъ, а все-таки—человѣкъ очень большаго ума. У него эти вольности—просто капризъ, отдыхъ, *шалость*. А г. Буслаевъ пошелъ по этой линіи такъ серьёзно, что

можно сказать дошелъ до точки. Во-второмъ ученомъ грѣхѣ г. Буслаева виноватъ вѣроятно тотъ же Гриммъ. Отрывочныя данныя германской миѳологіи Гриммъ очень любитъ объяснять богатыми разсказами скандинавской миѳологіи. Г. Буслаевъ тоже набиваетъ свои изысканія скандинавской миѳологіей. Тутъ опять та же разница: Гриммъ рѣдко фантазируетъ до того, чтобы выбиваться изъ-подъ власти здраваго разсудка, который у него очень силенъ; а г. Буслаевъ—поэтъ въ душѣ, и какъ начнетъ говорить, то уже и заговаривается Богъ-знаетъ до какихъ вещей. Кромѣ Гримма, нашлись для г. Буслаева и другіе соблазнители. Онъ—филологъ, это такъ; но сверхъ того очень любитъ живопись и гравюры. По своей спеціальности заинтересовался онъ средневѣковою живописью и рисованьемъ. По какой-то особенной бѣдѣ, прежде чѣмъ случилось ему пріобрѣсти основательное знакомство съ этимъ предметомъ, попались ему въ руки книги, принадлежащія школѣ такъ-называемыхъ до-рафаэлистовъ, то есть художниковъ и ученыхъ, ставящихъ средневѣковую живопись выше новой. Онъ поддался этому направленію. Этого всего было мало,—подвернулись на-грѣхъ еще наши славянофилы; онъ и изъ нихъ почерпнулъ. Въ довершеніи всего очень понравилась ему «Божественная комедія» Данте. Можете вообразить себѣ теперь, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится его образъ мыслей. О чемъ ни начнетъ онъ писать, вѣчно происходитъ съ нимъ такая исторія. Возьмите самое немудрящее слово,—положимъ, «лукошко». Тотчасъ вспоминается ему, что въ Индіи есть городъ Лукновъ—это очевидно одно и то же. Въ Лукновѣ поклоняются какому нибудь божеству,—положимъ хоть Индрѣ. Изъ этого тотчасъ слѣдуетъ, что лукошко у древнихъ славянъ было символомъ Перуна, соотвѣтствовавшаго индійскому Индрѣ. Оно и дѣйствительно: лукошко имѣетъ круглую форму, а у Гольбейна есть рядъ превосходныхъ рисунковъ, называющихся «танецъ смерти»,—слѣдуетъ разъясненіе, что эти рисунки по своей мысли гораздо выше всѣхъ рафаэлевскихъ картинъ: на этихъ рисункахъ люди пляшутъ сцѣпившись руками, въ родѣ нашего хоровода, имѣющаго форму круга. Но скандинавы представляли себѣ смерть въ видѣ блѣдной Гелы; а у насъ существуетъ оборотъ рѣчи «блѣденъ какъ смерть»; ясно, что надобно взять изъ какой нибудь славянской рукописи разсказъ о смерти какого нибудь человѣка, сравнить съ нимъ скандинавскіе разсказы, относящіеся къ Гелѣ и миѳологическое значе-

ніе нашего разсказа чрезвычайно разъяснится, и черезъ нѣсколько страницъ будетъ видно, что знаменитая Беатриче въ «Божественной комедіи» — тотъ же самый типъ, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ Амелфы Тимоѳеевны; только Амелфа Тимоѳеевна сохраняетъ черты первоначальнаго эпическаго типа яснѣе чѣмъ Беатриче. Теперь возвратимся къ лукошку: не ясно ли вамъ, что славянское гаданьѣ на рѣшетѣ имѣетъ связь съ индійскимъ поклоненіемъ Индрѣ, по сходству рѣшета съ лукошкомъ? Такова была высокопоэтическая красота древняго русскаго эпоса!

Спрашиваемъ самаго заклятаго приверженца трудовъ г. Буслаева, не представляется ли нашъ краткій эскизъ вѣрнымъ снимкомъ хода мыслей изъ какого угодно изслѣдованія г. Буслаева?— Но все эта пересыпано у него безчисленнымъ множествомъ выписокъ, свидѣтельствующихъ о большомъ трудолюбіи; такъ что если попадется статья въ руки спеціалиста, онъ найдетъ въ ней очень много любопытныхъ фактовъ и отрывковъ изъ рукописей. Только сбиты они у г. Буслаева въ безпорядочную кучу безъ всякой критики, такъ что легче бываетъ самому пересмотрѣть источники и собрать матеріалы, чѣмъ разобрать нужное отъ ненужнаго, вѣрное отъ фальшиваго въ статьяхъ г. Буслаева.—Мнѣ жаль было, что такое трудолюбіе и такая ученость, какъ у г. Буслаева, пропадаютъ безъ всякой пользы для науки оттого, что недостаетъ у него критики. Я хотѣлъ въ примѣчаніи къ «Свистку» шуткою обратить его вниманіе на этотъ недостатокъ, портящій все у него. Ему угодно было возъяриться на г. Пыпина. Впрочемъ хорошъ и я: вздумалъ исправлять ученаго, чуть ли не двадцать лѣтъ подвизавшагося своимъ путемъ и дошедшаго имъ до знаменитости! Какъ это не пришло мнѣ въ голову идти въ Лѣтній садъ и выпрямлять тамъ кривыя деревья?

Я еще ничего не говорилъ о направленіи трудовъ г. Буслаева: когда ученое изслѣдованіе пишется безъ всякой критики, оно не приноситъ пользы наукѣ, хотя бы написано было и въ хорошемъ направленіи. Что же сказать, если направленіе труда таково, что заслуживало бы порицанія и при всевозможномъ совершенствѣ труда съ технической точки зрѣнія? Впрочемъ я ошибся, заговоривъ о порицаніи за направленіе. Г. Буслаевъ и въ образѣ мыслей точно такъ же странствуетъ по всевозможнымъ направленіямъ, какъ въ подборѣ фактовъ хватается безъ разбора за все, о чемъ

вспомнить. Какое тутъ порицаніе? Тутъ жалѣешь только, что по слабому развитію нашей ученой литературы пришлось занимать самостоятельное положеніе трудолюбивому человѣку, который былъ бы очень полезенъ, если бы нашелъ себѣ въ молодости руководителя и работалъ бы по его указаніямъ. Но этотъ недостатокъ, въ которомъ никакъ нельзя винить добрую волю г. Буслаева, а надобно винить только природу, не давшую ему умственной самостоятельности,—этотъ недостатокъ для нашей жизни вреднѣе чисто спеціальныхъ недостатковъ работъ г. Буслаева. На него-то и обратилъ вниманіе г. Пыпинъ въ своей статьѣ. Г. Буслаевъ—другъ просвѣщенія, приверженецъ прогресса; въ этомъ никто не сомнѣвается; но сладить съ своимъ предметомъ онъ никакъ не можетъ и безпрестанно сбивается къ мыслямъ, принадлежащимъ такому взгляду, который прямо противорѣчитъ другимъ его убѣжденіямъ. Разумѣется, взыскивать съ него за это нечего: значитъ ужь судьба такая вышла отъ природы человѣку, чтобы сбиваться съ вѣрнаго взгляда на предметъ. Но г. Буслаевъ для многихъ кажется авторитетомъ,—вслѣдъ за нимъ и другіе сбиваются съ толку. Значитъ, при всемъ желаніи молчать о г. Буслаевѣ, — приходится говорить объ ошибочности его направленія.

IV.

Онъ очень претендуетъ на помѣщенную о немъ въ «Современникѣ» статью за то, что она будто бы истолковываетъ его слова въ смыслѣ, котораго они не имѣютъ. Когда г. Пыпинъ говоритъ, что должно смотрѣть на дѣло вотъ такимъ образомъ, г. Буслаевъ замѣчаетъ: «я точно такъ и смотрю на него; напрасно вы утверждаете, будто я смотрю на него иначе»; и въ доказательство г. Буслаевъ приводитъ отрывки изъ своей книги.—Вотъ въ томъ-то и главная бѣда, что у г. Буслаева можно найти отрывки взглядовъ всяческаго рода. Онъ и любитъ суевѣріе и не любитъ его, и восхищается имъ и находитъ его вреднымъ,—все найдете у него, только того не найдете, чтобы онъ самъ замѣчалъ раздвоеніе своихъ мыслей. Но пристрастіе къ отжившему и нелѣпому беретъ у него верхъ надъ современными убѣжденіями. Доказательствъ тому мы не будемъ искать въ его книгѣ; пересмотримъ только его письмо

къ г. Пыпину, письмо имѣющее цѣлью доказать, что онъ, г. Буслаевъ, не «старовѣръ». Полемизируя противъ этого обвиненія, г. Буслаевъ, конечно, старался не подать новыхъ поводовъ къ обвиненію его въ старовѣрствѣ. Конечно, онъ былъ осмотрителенъ въ своихъ словахъ, заботился выказать всю современность своихъ убѣжденій. Посмотримъ же, до какой степени ему удалось это.

«Славянофильская самостоятельность кажется мнѣ гораздо достойнѣе подначальнаго западничанья» («Отечественныя Записки», апрѣль, 1861 г. Критика. Стр. 61).—«Прежнее мнѣніе о безплодности въ поэтическомъ отношеніи литературныхъ произведеній, которыя Русь получала изъ Византіи, отвергнуто не мною, но Либрехтомъ, Вольфомъ и цѣлою толпою современныхъ изслѣдователей народной старины» (стр. 62). — Итакъ, г. Буслаевъ думаетъ, что вліяніе Византіи было полезно для нашей поэзіи? или онъ этого не думаетъ?—«Кто же отказывалъ въ высокомъ поэтическомъ характерѣ римскому патерику папы Григорія Двоеслова?» (стр. 62).— Далѣе слѣдуютъ выписки изъ книги г. Буслаева въ доказательство, что его мысли сходны съ мыслями г. Пыпина. Мы не хотимъ обращаться за доказательствомъ противнаго къ самой книгѣ г. Буслаева, въ которой, конечно, наговорилъ онъ гораздо больше неосторожнаго, чѣмъ въ своемъ письмѣ, — потому пропускаемъ эту часть статьи, относящуюся къ книгѣ. Переходимъ къ второй половинѣ статьи, гдѣ онъ излагаетъ свой образъ мыслей. «Я хотѣлъ относиться къ старинѣ безпристрастно и не горячился противъ византійства потому именно, что не имѣлъ я и не могъ имѣть къ нему никакихъ личныхъ отношеній, изучая вопросъ только теоретически» (стр. 73). — Странный человѣкъ! васъ порицаютъ за то, что вы не выставляете вредныхъ сторонъ извѣстнаго предмета, а вы оправдываетесь тѣмъ, что не имѣете къ нему личныхъ отношеній, изучаете его только теоретически. Да развѣ теоретическое изученіе требуетъ того, чтобы не выставлять въ предметѣ вредныхъ сторонъ, если онѣ есть въ немъ? И развѣ, если не имѣете вы личныхъ отношеній къ Халифу Омару и Григорію XIII, то не должны находить ихъ дѣйствія дурными? Да и какія личныя отношенія можете вы имѣть къ нимъ? «Время, ведущее къ лучшему, примиряетъ съ прошедшимъ зломъ, и историкъ имѣетъ право попытаться въ темномъ явленіи прошлой жизни открыть и лучшую сторону» (стр. 77).—Такъ вы пытаетесь открывать хорошія стороны въ тем-

ныхъ явленіяхъ прошлой жизни и примиряетесь съ прошлымъ зломъ? Нечего сказать, хорошо вы оправдываетесь. Г. Пыпинъ находитъ, что до-рафаэлевскій живописецъ Беато Анджелико слишкомъ нравится г. Буслаеву, — г. Буслаевъ возражаетъ: «почему вы ограничиваете мой вкусъ однимъ Беато Анджелико? Я такую же честь воздаю и Чимабуэ и Перуджино» (стр. 80).—Вообразите себѣ, что я порицаю кого нибудь за пристрастіе къ пустымъ романамъ Александра Дюма-старшаго, а онъ мнѣ возражаетъ: «я не одного Дюма-старшаго люблю, я люблю также Поля Феваля и маркиза Фудраса». Не правда ли, мастерски защитился человѣкъ! Но г. Буслаеву мало кажется, что онъ защитился такимъ манеромъ, онъ прибавляетъ: «я раздѣляю симпатіи и не къ одной старой итальянской живописи. То сочувствіе, съ которымъ я говорю о Конѣ Смерти Альбрехта Дюрера и о Пляскѣ Смертей Гольбейна, избавляетъ меня отъ исключительной школы Беато Анджелико» (стр. 81). — То есть, тотъ же вымышленный мною любитель Александра Дюма-старшаго продолжаетъ: «да и не однихъ французскихъ романистовъ я люблю, я люблю также Августа Лафонтена и Коцебу». Нечего сказать, понялъ человѣкъ, въ чемъ дѣло. Очень не нравится г. Буслаеву предположеніе, что онъ занимается «искусствомъ для искусства».—«Этотъ пошлый принципъ всегда былъ мнѣ ненавистенъ», говоритъ онъ (стр. 82). Прекрасно; только зачѣмъ же вы на нѣсколькихъ страницахъ предъ тѣмъ распространяетесь, что искать практическихъ отношеній знанія къ жизни — дѣло недостойное ученаго, и заключаете свои разсужденія объ этомъ словами: «помилуйте, наше ли (то есть г. Буслаева) дѣло заниматься такими пустяками?» (стр. 76),—то есть практическимъ отношеніемъ знанія къ жизни. Въ вашей благонамѣренности никто не сомнѣвается; но есть у васъ способность не понимать того, о чемъ съ вами говорятъ и что вы сами говорите. Отъ всей души вѣримъ, что «пошлый принципъ искусство для искусства всегда былъ» вамъ «ненавистенъ»; только не понимаете вы того, что совершенно одинаковъ съ нимъ принципъ «наука для науки»,— принципъ, въ защиту котораго написана одна половина вашей статьи, другая половина которой наполнена намеками, что г. Пыпинъ хочетъ жечь раскольниковъ. Но объ этомъ послѣ, потому что намеки эти обратились на г. Пыпина только по ошибочной горячности г. Буслаева: они относятся, конечно, къ автору примѣчанія въ «Свисткѣ», то

есть ко мнѣ. Разсудимъ сначала о достоинствѣ оправданій г. Буслаева, а его нападенія оцѣнимъ послѣ. Защищаясь отъ подозрѣнія въ томъ, что желаетъ возстановить старину, онъ заканчиваетъ свою апологію словами: «итакъ, позвольте съ вами не согласиться, когда вы утверждаете, что русская старина уже потеряла въ наше время свою жизненность и способность къ развитію» (стр. 84),—добрѣйшій г. Буслаевъ! Какъ же вы не сообразили, что такихъ словъ говорить вамъ не слѣдовало? Что же, по вашему, русская старина имѣетъ жизненность и способность къ развитію? Что же, по вашему, далеко такое мнѣніе отъ старовѣрства?

По всей вѣроятности г. Буслаевъ защитился бы превосходно, еслибъ только понялъ, что такое вещь, въ которой его обвиняютъ, и отъ какихъ выраженій и мыслей надобно удерживаться, чтобы не навлекать на себя новыхъ упрековъ за то же самое. Его бѣда лишь въ томъ, что не всегда умѣетъ онъ сообразить, что такое говоритъ. А еслибъ умѣлъ онъ сообразить, много прекрасныхъ вещей онъ писалъ бы и многихъ дурныхъ фразъ и страницъ онъ не написалъ бы. Къ послѣднему разряду онъ самъ отнесетъ свои нападательныя выходки противъ автора статейки въ «Свисткѣ», когда я растолкую ему смыслъ ихъ. Письмо къ г. Пыпину проникнуто желаніемъ выставить г. Пыпина за человѣка, плохо знакомаго съ предметомъ изслѣдованій г. Буслаева. Пусть самъ г. Буслаевъ разсудитъ, умно ли это? Вѣдь онъ самъ знаетъ, что г. Пыпинъ—такой же спеціалистъ, какъ и онъ, г. Буслаевъ; знаетъ онъ, то есть г. Буслаевъ, что знаютъ это всѣ занимающіеся русской литературой или археологіей. Къ чему же было намекать о плохомъ знакомствѣ г. Пыпина съ дѣломъ? Вѣдь это значитъ только напрашиваться самому на такое предположеніе: г. Буслаевъ не въ силахъ разобрать, съ знаніемъ дѣла или безъ знанія дѣла написана статья, если статья затрогиваетъ его самолюбіе. А впрочемъ, едва ли не напрасно было бы предполагать, что г. Буслаевъ думалъ выставлять г. Пыпина человѣкомъ малознающимъ, — ему вѣроятно и въ голову не приходила такая нелѣпость и вѣроятно намеки эти вкрались въ его письмо совершенно незамѣтно для него самого, какъ вкралось въ его труды очень много такихъ вещей, которыхъ онъ совершенно не былъ намѣренъ влагать въ свои труды.

Точно такъ же мы объясняемъ его милые намеки о томъ, что *«Современникъ»* хочетъ жечь раскольниковъ, истреблять народную

словесность, да притомъ еще насильственными средствами и т. д. и т. д. Тутъ мы останавливаемся и спрашиваемъ г. Буслаева: дѣлалъ ли онъ такіе намеки? Добродушный и благородный ученый, конечно, съ азартомъ воскликнетъ: «никогда ничего подобнаго не было у меня въ мысляхъ! Я гнушаюсь подобными пошлостями! Вы клевещете на меня, находя ихъ въ моемъ письмѣ!» Мы совершенно увѣрены, что это благородное восклицаніе сдѣлаетъ онъ отъ искренности душевной. Но пусть же онъ теперь попробуетъ сообразить, къ кому должны быть относимы читателемъ и въ какомъ смыслѣ должны быть понимаемы читателемъ слѣдующія мѣста изъ его письма:

«Вы смотрите на вопросъ съ точки зрѣнія практической, и желали бы видѣть въ рукахъ простолюдина хорошую исторію или географію— въ добрый часъ! Давайте народу такія книги, если онѣ есть; и если будутъ онѣ понятны и пригодны, то и безъ вашего содѣйствія народъ самъ усвоитъ себѣ и распространитъ ихъ; но я вполнѣ убѣжденъ, что »*и возвращать*, *ни пускать* въ народъ что нибудь насильственно ни подъ какимъ условіемъ невозможно. Главная наша бѣда въ томъ, что всякій, надѣвшій на себя нѣмецкій кафтанъ, не иначе умѣетъ относиться къ русскому простонародью, какъ въ грозныхъ формахъ становаго пристава, даже въ такомъ мирномъ дѣлѣ, какъ народное просвѣщеніе. Народная книга, вѣдь, не какая нибудь подъяческая повѣстка, которую можно пустить въ ходъ» (стр. 77). «А между тѣмъ, въ ожиданіи какой-то толковитой географіи, вы желали бы, въ видахъ прогресса, остановить въ обращеніи народномъ старинныя народныя книги. Зачѣмъ намъ, людямъ ученымъ, входить въ эти дрязги? И безъ насъ много охотниковъ истреблять всякую зловредную книжную старину. Пусть скалозубы, для пресѣченія всякаго зла, изъявляютъ похвальное рвеніе: собрать всѣ книги да и сжечь... Нѣтъ, практика—дѣло самое щекотливое. И только въ письмѣ къ вамъ, изъ вѣжливости, касаюсь я этого противнаго для меня предмета» (стр 78).—«Можетъ быть, въ практическомъ отношеніи, для русской народности дѣйствительно нужны операторы, въ родѣ тѣхъ, которые избавляли крещенную русь отъ Аввакумовъ, Лазарей и другихъ пустосвятовъ; но этотъ вопросъ вовсе не входитъ въ кругъ моихъ изслѣдованій. Онъ дѣйствительно уже патологическій; а я занимаюсь только литературою и искусствомъ: то какой же я могу быть указатель при рекомендуемыхъ вами практическихъ ампутаціяхъ?» (стр. 81)—«Вы ловили меня на славянофильствѣ, когда удостоивали меня слѣдующихъ отзывовъ: ««изслѣдованія г. Буслаева останутся односторонними; -г. Буслаевъ положительно ошибается;—Г. Буслаевъ впадаетъ въ рѣшительно одностороннее объясненіе фактовъ.—Г. Буслаевъ положительно неправъ тѣмъ, что забываетъ....»» Однимъ словомъ, точно будто привели вы какого-то зловреднаго старовѣра въ земскій судъ и даете ему острастку съ подобающими внушеніями. Позвольте мнѣ, изъ любви къ археологіи, въ этой сценѣ видѣть остатокъ нашей родной старины и

утѣшить себя мыслью, что еще на нашъ вѣкъ хватитъ древне-русскихъ нравовъ и обычаевъ. Въ томъ же дорогомъ для меня національномъ смыслѣ, мнѣ хотѣлось бы понять и ваши преслѣдованія за мою любовь къ наукѣ, безъ отношенія къ практикѣ, и за мои увлеченія археологіею и другими безполезными предметами. ««Долгое изученіе породило въ немъ (говорите вы обо мнѣ) обыкновенное пристрастіе ученаго... Господинъ Буслаевъ по своему влеченію къ древности... Не слишкомъ ли г. Буслаевъ увлекается археологическимъ интересомъ русскихъ памятниковъ?»» (стр. 26). Говоря безотносительно, увлеченіе интересами науки никогда не бываетъ слишкомъ, потому что только увлеченіе то есть воодушевленіе, и можетъ поддерживать въ ученомъ дѣятельность; но съ точки зрѣнія національныхъ русскихъ преданій вся сущность науки содержится въ практикѣ. Того же мнѣнія были и почтенные старцы, осудившіе въ XVI вѣкѣ дьяка Висковатаго. Древнее вѣрованье въ чернокнижіе и доселѣ еще на Руси не вымерло и даетъ о себѣ знать опасеніемъ вреда отъ наукъ. А какія еще у насъ науки, какъ сравнять съ западомъ? Между тѣмъ мы все чего-то отъ нихъ боимся и даже, по старинной привычкѣ, презираемъ и преслѣдуемъ ученость. Много ли наша наука сдѣлала для изученія Византіи? а мы ужь боимся византійства; только что начинаетъ разработываться наша старина и народность, а мы ужь боимся старовѣрства и отсталости. Когда-то завели было въ университетахъ философію, и тотчасъ же испугались, по старой памяти, о треклятомъ чернокнижіи» (стр. 83, 84).

Позвольте васъ спросить, г. Буслаевъ: къ кому относили эти слова, когда писали ихъ? Къ г. Пыпину или къ автору статейки «Свистка», то есть ко мнѣ, или вообще къ «Современнику»? Кого это вы намѣрены были называть Скалозубомъ, рекомендующимъ жечь книги,—кого это вы намѣрены были выставлять желающимъ дѣйствовать относительно народа въ грозныхъ формахъ становаго пристава? Позвольте васъ спросить: кого это вы благоволите называть «операторами въ родѣ тѣхъ, которые избавляли крещеную Русь отъ Аввакумовъ, Лазарей и другихъ пустосвятовъ»,—то есть, которые казнили и жгли старовѣровъ,—кого вы, г. Буслаевъ, благоволите называть этими «операторами, рекомендующими практическія ампутаціи»? — О, добрѣйшій г. Буслаевъ, вы не сообразили, что ваши слова, по смыслу вашей рѣчи, относятся къ намъ, сотрудникамъ «Современника» вообще, или въ частности ко мнѣ, автору разсердившей васъ статейки. Вѣдь винить насъ въ наклонности къ сожиганію книгъ и людей вовсе не умно,—вы сами это знаете,—какъ же вы это наговорили такихъ неумныхъ вещей?

Видите ли, г. Буслаевъ, вы очень расположены взводить недобросовѣстность, злонамѣренность, намѣреніе клеветать и всевоз*можныя дурныя* черты характера на людей, затронувшихъ ваше

самолюбіе. А во мнѣ вотъ совершенно нѣтъ этой склонности: я почти никогда не нахожу нужды приписывать какому нибудь дурному намѣренію человѣка поступокъ, который считаю за нехорошій. Я прежде всего смотрю на умъ человѣка; и если онъ поступилъ дурно, то почти всегда нахожу я достаточное объясненіе тому просто въ недостаткѣ силы соображенія у этого человѣка. Послѣ этого обыкновенно говорю себѣ: «ахъ, какъ жаль, что такой добрый, благонамѣренный, честный человѣкъ не имѣетъ ума, соотвѣтствующаго достоинствамъ его характера». Вы простите мою откровенность: эту мысль я примѣняю и къ вамъ. Если намъ съ вами дастъ Богъ прожить маѳусаиловы лѣта и каждый годъ вы по нѣскольку разъ будете дѣлать такія же неловкости, какую сдѣлали сочиненіемъ вашего письма къ г. Пыпину, я ни разу не предположу въ васъ ни намѣренія несправедливо нападать, ни намѣренія вредить дурными намеками; не предположу никакой дурной мысли: вашъ характеръ вѣчно будетъ представляться мнѣ столь же благороденъ, столь же безукоризненно чистъ, какъ теперь. Я всегда видѣлъ и теперь вижу въ васъ только одинъ недостатокъ,—и, къ счастью, такой недостатокъ, который нимало не портитъ репутацію человѣка, потому что не имѣетъ никакого отношенія ни къ его характеру, ни къ его доброй волѣ.

Вы трудитесь надъ своимъ предметомъ очень усердно; припишу ли я вашей злонамѣренности то прискорбное обстоятельство, что наука не можетъ пользоваться вашими трудами?—Вы не догадались, что полемическія выходки противъ невѣжества вашего покорнѣйшаго слуги и его литературныхъ друзей—не болѣе, какъ полемическія выходки, иногда остроумныя, иногда неостроумныя, но всетаки только полемическія выходки, — вы приняли ихъ за чистую монету,—могу ли я приписать вашу недогадливость какой либо злонамѣренности? Добродушно повѣривъ, что мы, такъ-называемые свистуны, дѣйствительно круглые невѣжды, вы вообразили, что не могло быть кѣмъ нибудь изъ насъ написано разсердившее васъ замѣчаніе, и приписали его г. Пыпину; приписавъ его г. Пыпину, вы не сообразили, что не мѣшало бы вамъ справиться о достовѣрности вашей догадки, и въ сердцахъ излили свою жолчь на г. Пыпина, оставивъ безъ всякаго уязвленія меня, истиннаго виновника вашихъ огорченій,—какъ предположу я тутъ какую нибудь злонамѣренность,

когда все это очевиднѣйшимъ образомъ произошло лишь отъ недостатка сообразительности.

Добрый г. Буслаевъ! Вы до сихъ поръ не догадались даже,—согласитесь, что не догадались: вѣдь вы человѣкъ очень благородный и солгать не захотите,—вы не догадались до сихъ поръ, что я имѣю указать вамъ еще одну черту вашей несообразительности. Какую?—Попробуйте отгадать, не заглядывая въ слѣдующія строки. Нарочно поставлю точку и сдѣлаю объясненіе уже въ слѣдующемъ отрывкѣ, чтобы удобнѣе вамъ было пріостановиться здѣсь на широкомъ пробѣлѣ между строками и подумать нѣсколько минутъ: не удастся ли вамъ отгадать?

V.

Держу пари, что вы не догадались. А догадался каждый, у кого побольше сообразительности, чѣмъ у васъ. Я хотѣлъ сказать вамъ вотъ что. Слушайте.

Изъ спеціалистовъ по части древней русской словесности и славянской филологіи помѣщаетъ статьи въ «Современникѣ» одинъ г. Пыпинъ. Другихъ сотрудниковъ по вашей спеціальности нѣтъ у насъ никого. Въ прошедшій разъ я просилъ г. Пыпина написать статью о васъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что согласился. И знаете ли, почему согласился? Вы опять не догадываетесь? Я вамъ разскажу все, какъ было дѣло,—у меня секретовъ нѣтъ никакихъ ни въ чемъ.

Г. Пыпинъ не разъ и не два оспоривалъ въ разговорахъ со мной (вѣдь я хоть и свистунъ, а люблю говорить объ ученыхъ матеріяхъ) мое мнѣніе о вашемъ значеніи въ наукѣ. Когда вышли ваши сочиненія, мы, свистуны, стали говорить, что неловко не помѣстить въ «Современникѣ» статью объ нихъ: вы имѣете авторитетъ, о книгѣ вашей было много толковъ; не можетъ журналъ умолчать о ней.—Мы, свистуны, обратились къ г. Пыпину съ просьбой, чтобы онъ написалъ статью о васъ. Онъ долго отказывался,—почему отказывался, я не въ правѣ сказать вамъ, потому что это—не мой секретъ, а секретъ г. Пыпина. А прочемъ, если вамъ непремѣнно хочется узнать, то я можетъ быть успѣю получить у г. Пыпина разрѣшеніе, чтобы сообщить вамъ и публикѣ эту тайну. Ну-съ, такъ вотъ г. Пыпинъ долго отказывался писать статью о васъ. Тогда я сказалъ, что если не напишетъ онъ, прійдется писать кому нибудь изъ

насъ, свистуновъ. Г. Пыпинъ, какъ спеціалистъ, уважаетъ васъ спеціалиста. Ему не хотѣлось, чтобы напримѣръ я высказывалъ свое мнѣніе о вашемъ значеніи въ наукѣ. Что дѣлать, — понятная слабость спеціалиста къ спеціалисту.—«Если такъ, сказалъ г. Пыпинъ, я согласенъ избавить г. Буслаева отъ статьи, писанной вами».— Эхъ, батюшка мой, г. Буслаевъ! отблагодарили же вы добраго человѣка за желаніе избавить васъ отъ бѣды!—Ну, догадываетесь ли хоть теперь, о чемъ я хочу сказать вамъ? Вотъ о чемъ: слишкомъ плохую.услугу оказали вы себѣ письмомъ къ г. Пыпину. Когда представится «Современнику» надобность въ другой разъ говорить о васъ, мы, свистуны, по прежнему будемъ уговаривать г. Пыпина, чтобъ статью о васъ написалъ онъ. Но согласится ли онъ? А Богъ его знаетъ! По крайней мѣрѣ прочитавъ письмо ваше, онъ сказалъ, что разбирать вашихъ сочиненій нельзя человѣку, не любящему полемическихъ схватокъ. Ну, что же теперь, если онъ останется при этомъ рѣшеніи? Вѣдь поневолѣ придется писать статью о васъ мнѣ или другому какому нибудь свистуну. Какъ вы полагаете, похожа будетъ эта статья на статью г. Пыпина? Много мы найдемъ въ васъ ученыхъ достоинствъ? И какъ вы полагаете, во многихъ изъ вашихъ почитателей измѣнится мнѣніе о нихъ отъ статьи, писанной свистуномъ? Вѣроятно вы еще не можете этого сообразить. И желаю вамъ, какъ можно дольше оставаться въ неизвѣстности на этотъ счетъ.

Затѣмъ, свидѣтельствуя совершеннѣйшее почтеніе къ вашему трудолюбію и глубочайшее уваженіе къ вашему благородству, имѣю честь остаться всегда готовый къ какому вамъ угодно ученѣйшему спору. Въ ожиданіи этого лестнаго моему невѣжеству спора собираю розданныя разнымъ знакомымъ книги свои по предмету, нѣкогда, къ сожалѣнію, и меня занимавшему.

P. S. Спѣшу предупредить васъ объ одномъ обстоятельствѣ, чтобы избавить васъ отъ новыхъ огорченій. Быть можетъ, вамъ вздумалось бы сказать, что я неосновательно и бездоказательно произвожу желчь вашу отъ статейки «Свистка», и утверждаю, что эту статейку вы приписывали г. Пыпину. Пожалуйста не говорите этого. Вѣдь вы знаете, что это правда, и знаете, что это всѣмъ извѣстно въ литературномъ кругу. Отрицая вещь, всѣмъ извѣстную, вы только снова обнаружили бы опрометчивую несообразительность.

P. P. S. Быть можетъ также, вамъ вздумалось бы отрицать мой

разсказъ о происхожденіи статьи г. Пыпина. Но предупреждаю васъ, что разсказъ мой совершенно вѣренъ истинѣ, и сомнѣніе въ немъ не повело бы ни къ чему, кромѣ подробнѣйшаго подтвержденія моихъ словъ.

VI.

Письмо г. Буслаева обратило на себя мое вниманіе потому, что воззрѣніе г. Буслаева на старинную нашу литературу и излагаемыя г. Буслаевымъ понятія о народности служатъ однимъ изъ основаній, на которыхъ зиждется критика «Отечественныхъ Записокъ». Отдѣломъ критики завѣдуютъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» гг. Дудышкинъ и Краевскій. О міросозерцаніи г. Краевскаго я не буду говорить, потому что считаю это напраснымъ. Я буду говорить только о г. Дудышкинѣ или, точнѣе выражаясь, для г. Дудышкина.

Мнѣ очень понятны были многія совершавшіяся на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» странности въ прежнія времена, лѣтъ за пять и за шесть, когда на оберткѣ журнала выставлялось имя одного только г. Краевскаго. Начавъ послѣ четырехъ или пяти лѣтъ, въ которыя не читалъ я русскихъ журналовъ, пересматривать «Отечественныя Записки» за нынѣшній годъ, я уже не умѣю объяснить себѣ этихъ странностей, потому-что на оберткѣ журнала читаю: «издаваемый А. Краевскимъ и *С. Дудышкинымъ*». Къ этому я не прибавлю ни слова, потому-что г. Дудышкинъ не такой человѣкъ, какъ г. Буслаевъ. Онъ понимаетъ вещи.

Говорить о достоинствѣ критическаго отдѣла въ «Отечественныхъ Запискахъ» я не хочу. Обращу вниманіе г. Дудышкина только на одно обстоятельство, да и то лишь потому, что приходится это кстати, по связи съ предъидущими отрывками. Какимъ образомъ могъ найти себѣ г. Дудышкинъ авторитетъ для себя въ г. Буслаевѣ? Этого я не въ силахъ понять, а я считаю себя человѣкомъ очень понятливымъ. Придумываю, придумываю и не могу придумать никакого удовлетворительнаго объясненія этому обстоятельству. Чаще всего приходитъ мнѣ на мысль такое соображеніе. Г. Дудышкинъ не имѣлъ несчастія убить нѣсколько лѣтъ на изученіе славянской филологіи и тому подобной суши. Какъ человѣкъ умный и незараженный чрезмѣрнымъ тщеславіемъ, онъ и не считаетъ себя знатокомъ въ этомъ дѣлѣ (вовсе неважномъ для журналиста). Не воображаетъ ли онъ, что о достоинствѣ мнѣній г. Буслаева онъ точно

такъ же не можетъ судить собственнымъ умомъ, какъ не можемъ мы оба съ нимъ судить о достоинствѣ трудовъ Эри или Леверрье, и что онъ долженъ принимать мнѣнія г. Буслаева на вѣру, какъ мы оба съ нимъ принимаемъ на вѣру рѣшенія астрономовъ объ орбитѣ Нептуна? — Очень можетъ быть, что г. Дудышкинъ такъ думаетъ. Но если такъ, смѣю его увѣрить, что напрасна такая его недовѣрчивость къ себѣ въ этомъ случаѣ. Можно, и не будучи спеціалистомъ по филологіи, судить о связности и правдоподобности воззрѣній какого-нибудь филолога на народную жизнь и литературу. Я попробую предложить г. Дудышкину нѣсколько вопросовъ, и увѣренъ, что онъ не найдетъ ихъ рѣшеніе затруднительнымъ для себя.

Если кто-нибудь станетъ говорить, что наши лубочныя картины выше произведенія Рафаэля по своей идеѣ, или что византійское вліяніе внесло живой элементъ въ нашу народную поэзію,— затруднился ли бы г. Дудышкинъ признать такого человѣка нѣсколько свихнувшимся?

Если кто нибудь половину статьи о какой нибудь русской сказкѣ набьетъ разсужденіями Микель-Анджело, — затруднился ли бы г. Дудышкинъ признать статью эту за нескладицу?

Если-кто нибудь станетъ говорить, что о потребностяхъ и чувствахъ русскаго простолюдина, живущаго теперь, мы не въ силахъ судить, пока не изучимъ старинныя рукописи и не вызубримъ нѣмецкую грамматику Гримма съ прибавленіемъ исландской Эдды и санскритскаго словаря,—и если этотъ человѣкъ будетъ доказывать, что по недостаточной разработкѣ этихъ предметовъ у насъ, мы не можемъ заботиться о простолюдинѣ съ пользою для него,—затруднился ли бы г. Дудышкинъ похохотать надъ такимъ вздоромъ?

Больше я ничего не скажу. Г. Дудышкинъ самъ видитъ, что направленіе критическаго отдѣла «Отечественныхъ Записокъ» очень сильно должно измѣниться, если эти вопросы не покажутся ему затруднительными.

Сказать ли вамъ по секрету? Не мѣшаетъ иной разъ умному человѣку взглянуть на дѣло подобно намъ, свистунамъ, то есть, безъ самоуничиженія передъ вздоромъ. Повѣрьте, отъ этого и образъ мыслей у человѣка отъ природы неглупаго становится яснѣе, да и статьи его журнала выигрываютъ.

Мы только такъ, кстати, упомянули объ одномъ изъ тѣхъ основаній, покоясь на которыхъ, критическій отдѣлъ «Отечественныхъ

Записокъ» возмущается нашею неосновательностью. А вѣдь если перебрать другія основанія этого недовольства, оказался бы точно такой же выводъ и объ этихъ другихъ основаніяхъ. Но г. Дудышкинъ самъ въ силахъ будетъ разсудить, — лиха бѣда начать, — ну, вотъ мы и сдѣлали для него начало, — а тамъ у него самого дѣло переборки пойдетъ, какъ по маслу.

VII.

Горячность, горячность портитъ ваше дѣло, г. Громека,—говоримъ мы, переходя къ отдѣлу, называющемуся «Современаою хроникою Россіи». Кромѣ этого недостатка, все остальное у васъ превосходно. Попробуйте быть немножко хладнокровнѣе, — хоть на полчаса, хоть на четверть часа,—больше я отъ васъ не потребую, потому что и четверть часа уже слишкомъ тяжело для васъ провести безъ вспышекъ, — благороднѣйшихъ, прекраснѣйшихъ вспышекъ. Я не хочу мечтать, чтобы захотѣли вы отказаться отъ нихъ; да и преступно было бы по вашему мнѣнію хотя нѣсколько сдерживать въ себѣ взрывы возвышенныхъ чувствъ. Но такъ, для разнообразія, на четверть часа, только на четверть часа, изъ любезности ко мнѣ, постарайтесь быть хладнокровны; умоляю васъ, если только возможно это для васъ, попробуйте, въ личное одолженіе мнѣ, даже улыбнуться вмѣстѣ со мной. Сохранить хладнокровіе, почувствовать расположеніе къ веселой улыбкѣ будетъ для васъ нетрудно (если вы хоть сколько нибудь способны къ этому по натурѣ), потому что въ моей бесѣдѣ съ вами не будетъ ни одного, сколько нибудь рѣзкаго или обиднаго слова для васъ.

Начнемте воспоминаніемъ о забавномъ случаѣ давно прошедшихъ лѣтъ, когда вы, прочитавъ одну мою статейку, сулили въ наказаніе мнѣ подарить вещицы, которыя становились тогда не нужны вамъ. Зачѣмъ не сдержали вы обѣщанія? Вотъ прошло съ той поры больше двухъ лѣтъ; какъ вы теперь понимаете эту статейку? Все по прежнему? Или можетъ быть согласитесь теперь со мной; что это была продѣлка, довольно дерзкая и не совсѣмъ безчестная?—Такъ что же вашъ обѣщанный подарочекъ мнѣ, все думаете еще прислать? Или ужь находите, что мнѣ онъ такъ же не къ лицу, какъ и вамъ? Я смѣюсь при этомъ воспоминаніи, — не улыбаетесь ли и вы?

Улыбнулись? прекрасно; теперь не приходитъ ли вамъ охота улыбнуться вмѣстѣ со мной и надъ слѣдующей вашею страничкой,— да вы не примите моей улыбки въ дурную сторону, въ томъ смыслѣ, что страничка эта не хорошо написана,—нѣтъ, нѣтъ, прекрасно: съ горячимъ, искреннимъ одушевленіемъ, съ чистѣйшею любовью къ добру, съ возвышеннѣйшимъ негодованіемъ на злобу и порокъ,—нѣтъ, я только такъ улыбаюсь, какъ улыбался человѣкъ, знавшій секретъ ларчика, отрывавшагося просто, надъ стараніями добрыхъ людей, ломавшихъ голову, чтобы раскрыть ларчикъ. Что это такое пишется въ «Современникѣ»?—спрашиваете вы: какія убѣжденія у этихъ свистуновъ. Не отъискивается у нихъ никакихъ убѣжденій, продолжаете вы и начинаете немножко сердиться. Какой-то журналъ порицаетъ насъ, свистуновъ, за неуваженіе къ почтеннымъ личностямъ.—Это еще ничего, замѣчаете вы: водятся за этими негодными свистунами преступленія гораздо худшія:

«Пусть бы гг. свистуны оскорбляли лица, сколько ихъ душѣ «угодно—мы за этимъ не стоимъ: на Руси это не въ диковинку, «иногда даже выходитъ очень смѣшно; но когда они бросаютъ «грязью въ лучшія человѣческія вѣрованія» (позвольте мнѣ вставлять свои замѣтки въ вашу рѣчь: напримѣръ, какія же это «лучшія вѣрованія»?—То, что Кавуръ облагодѣтельствовалъ Италію, или, что стóитъ только ротъ разинуть, то и влетитъ въ него жареная утка? Или, что плуты не обманываютъ людей?) «Когда они осмѣи«ваютъ всякое благородное увлеченіе» (напримѣръ, увлеченіе розгами или вещами, изъ которыхъ выходитъ нѣчто гораздо худшее розогъ?) «и когда, наконецъ, знаешь, что это дѣлается изъ одного только «фокусничанья» (вы такъ думаете? поздравляю васъ. Напрасно вы не пишете статей о Рабле и Диккенсѣ,—вы должно быть отлично понимаете ихъ) «и привлеченья почтеннѣйшей публики, «тогда мы понимаемъ какъ далеко можетъ простираться негодова«ніе и презрѣніе къ подобному художеству». (А мы давнымъ давно понимали это, читая благородно-негодующія статьи дѣвицы Зражевской о Жоржѣ Зандѣ; статьи эти, дышащія благородствомъ невинности, служили украшеніемъ «Маяка»), «И есть люди, которые простодушно вѣрятъ» (какіе чудаки!), «что въ этомъ фиглярствѣ «скрывается глубокая, недосказанная мудрость! А все потому, что «она не досказывается...» (а ваша, какъ? досказывается?) «да вѣ«роятно, никогда и не доскажется до конца: мудрость, какъ извѣстно,

«вещь бездонная, и ее никогда не исчерпать, по крайней мѣрѣ, до «тѣхъ поръ, пока останутся не переведенными на русскій языкъ «многія французскія книжки...» (а вы должно быть полагаете, что австрійскія стихотворенія Якова Хама дѣйствительно переведены Конрадомъ Лиліеншвагеромъ, если не съ австрійскаго, то съ французскаго. Хорошо, хорошо). «А между тѣмъ, эта мудрость систе«матически убиваетъ вѣру въ людей» (т. е. въ какихъ же? въ Кавура и Шмерлинга? Или въ Державина и Карамзина? Или въ Пинетти и г. Кокорева? Вы за которыхъ больше стоите?), «въ ихъ «честность и великодушіе, въ ихъ любовь и дружбу, въ возможность «безкорыстнаго съ ихъ стороны» (т. е. со стороны Кавура и Шмерлинга, или со стороны Достъ-Мохаммеда афганскаго и Саидъ-Паши египетскаго, или со стороны Миреса и Перейры?) «самопожертво«ванія... Куда же ведетъ эта мудрость» (не туда куда ведетъ легковѣріе), «чего хочетъ» (того, чтобы люди не давались въ обманъ), «какихъ героевъ приготовляетъ «для будущаго»? (такихъ, которые не были бы похожи ни на Донъ-Кихота, ни на Сентъ-Арно или Эспинасса). «Можно поручиться, что изъ ея школы не выйдетъ ни «одного Пирогова» (нѣтъ, не выйдетъ, потому что г. Пироговъ старался связать вещи несовмѣстныя,—розги съ гуманностью; по нашему, что нибудь одно: или сѣки, или не сѣки,—

> А смѣшивать два эти ремесла
> Есть тьма охотниковъ, мы не изъ ихъ числа.

Г. Пироговъ не виноватъ въ томъ, что былъ непослѣдователенъ: онъ въ такое время воспитался. Но стыдно было бы намъ, если бы мы ставили свой идеалъ на томъ же уровнѣ, на какомъ стоялъ онъ во времена воспитанія г. Пирогова). «Можно быть увѣрену, что «она никого не подвинетъ ни на какое общественное дѣло: для «этого требуется вѣра въ человѣка, пламенная вѣра» (что за Африка такая!) «и увлеченіе» (родной мой, увлекались и мы, подобно вамъ, «да увидѣли, что насъ дурачили), «а не холодная, бездушная на«смѣшка» (ну, это дѣйствительно не по вашей части, и растолковать этого вамъ не берусь я, пока вы не охладѣете, хотя немножко), «все разъединяющая» (напримѣръ, публику съ г. Кокоревымъ и другими ея благодѣтелями) «и оскорбляющая» (все тѣхъ же г. Кокорева съ Кавуромъ) «и способная только подвинуть на «бросанье изъ-за угла камешковъ и грязи». (А вы, прямо въ лицо

бросаете грязь тому, кого считаете достойнымъ забрасыванья грязью? Или по вашему ни въ кого не слѣдуетъ бросать грязью, даже и въ Гайнау не слѣдуетъ?)

«Увѣряютъ, что свистуны служатъ великому дѣлу отрицанія, «безъ котораго, какъ извѣстно, нѣтъ движенія впередъ. Это не«правда! Не такъ дѣйствуютъ герои отрицанія» (куда намъ лѣзть въ герои!), «которымъ вздумали бы подражать свистуны. Тѣ нена«видятъ многое, потому что многое любятъ, во многое вѣрятъ, «на многое надѣются; они сегодня радуются, завтра рыдаютъ; у «нихъ насмѣшка бичуетъ и жжетъ, потому что идетъ изъ сердца, «полнаго страстной любви къ человѣку и безпредѣльнаго негодова«нія къ неправдѣ». (А знаете ли что?—Безъ похвальбы сказать, очень многіе насъ любятъ за то, что считаютъ именно такими, вотъ ни дать-ни взять какъ вы изволите описывать героевъ-то отрицанія). «У нашихъ свистуновъ нѣтъ сердца» (что за притча! у курицы сердце есть, а у насъ будто нѣтъ; есть, родной мой, есть, да и очень сердитое, только не на васъ), «нѣтъ вѣры» (да что же вѣрить-то, когда знаешь? Если напримѣръ, знать, что хорошее—хорошо, а дурное—дурно, то это убѣжденіе покрѣпче будетъ, какъ 2×2=4); «они считаютъ постыднымъ хоть разъ чѣмъ нибудь увлечься въ жизни (увлекались, золотой мой, да еще какъ,—не хуже васъ самихъ; а теперь до такой поры дожили, что разсудокъ да опытъ житейскій верхъ берутъ); они никого и ничего не любятъ (что за изверги рода человѣческаго!—Да хоть самихъ-то себя любятъ ли? А если самихъ себя любятъ, значитъ, и свое все любятъ. Ну, а русская-то земля чья же, какъ не ихъ земля? Подумайте-ко хорошенько: можетъ выйдетъ, какъ умомъ-то разумомъ прикинете, что и ее они любятъ. А, ну, ну: подумайте, несравненный нашъ, подумайте); «они смѣются надъ любовью» (ну, да вѣдь любовь любви рознь; надъ иною не то что посмѣяться, а даже похохотать слѣдуетъ,—напримѣръ, если бы какой нибудь близорукій въ нестерпимое рыло втюрился,—да погодите еще, и самъ онъ надъ собою посмѣется, когда подскочитъ попѣловаться, да и увидитъ вмѣсто красавицы обезьянью харю: а васъ пожалуй и бранить станетъ, если вы его къ этой любви возбуждали, въ этомъ обольщеніи поддерживали); «они считаютъ обязанностью порицать безъ «разбора все, что́ попадется подъ руку» (то есть, «Замѣтки» ли «праздношатающагося» въ «Отечественныхъ Запискахъ»; статьи

ли г. Я. Грота въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—что за ехидные такіе люди!); «они занимаются искусствомъ для искусства» (а вотъ что я вамъ скажу: когда откуда заимствуетесь мыслью, то надобно указывать источникъ; вы бы упомянули, что это «Русскій Вѣстникъ» говоритъ; а спросите-ко теперь «Русскій Вѣстникъ», радъ ли онъ, что толковалъ объ этомъ,—вѣроятно сами видите, что не долженъ быть радъ).

Вотъ мы хоть на этомъ пока и остановимся. А то ужь совсѣмъ васъ утомили воздержаніемъ въ хладнокровіи. Но что же, согласитесь, что оно хотя и тяжело вамъ съ непривычки разсуждать хладнокровно, а все-таки полезно. Вотъ, горячились вы, горячились, и никакъ не могли добиться, чего мы хотимъ, чтó любимъ теперь же, только четверть часа побесѣдовали мы съ вами хладнокровно, и открылось вамъ все: любимъ мы родину свою, а хотимъ—добра ей, только и всего.

Да знаете ли, что? Если бы хотя немножечко по хладнокровнѣе были вы, и безъ бесѣды съ нами узнали бы это отъ другихъ, отъ кого хотите, къ примѣру сказать, хотя бы даже отъ самихъ «Отечественныхъ Записокъ». Не вѣрите? Не замѣчали вы въ своемъ журналѣ такихъ указаній? Такъ лишь оттого не замѣчали, что очень ужь въ большомъ азартѣ были, на страницу-то смотрите, а что на ней написано-то, не разберете, потому что въ глазахъ отъ горячности туманъ стоитъ. А то увидали бы, какъ не увидать—отпечатано четко, хорошо таково. Хотите покажу? Возьмите, напримѣръ, третью книжку «Отечественныхъ Записокъ» нынѣшняго года, разверните «Критику» на стр. 9; на этой страницѣ читайте строку 29-ую и двѣ слѣдующія. Ну-съ, видите, что на нихъ написано?

«Глумленія «Современника» не щадятъ ничего, кромѣ двухъ-трехъ предметовъ, въ самомъ дѣлѣ священныхъ: свободы женщинъ и простолюдина.»

Позволите объяснить?—или и сами понимаете?

Все-то мы съ вами, г. Громека, бесѣдовали такъ хладнокровно; а вамъ вѣроятно ужь давно хочется погорячиться? Извольте, извольте, для васъ готовъ на все. Закончимте бесѣду нѣсколькими горячими словами. Эхъ, горе наше съ вами: стиховъ писать не умѣемъ, въ стихахъ бы оно лучше вышло,—ну да оно и прозою горячо выйдетъ, съ душою, съ любовью, съ вѣрою.

Вотъ мое мнѣніе. Принять или не принять его—ваша воля:

Очень мало на свѣтѣ людей, въ которыхъ честность соединена съ проницательностью. Объ этихъ людяхъ мы съ вами довольно поговорили. Далѣе, есть на свѣтѣ не очень большое количество плутовъ и неисчислимое множество простяковъ. Плуты обманываютъ простяковъ; льстятъ имъ и обираютъ ихъ; запугиваютъ ихъ и помыкаютъ ими. Правда, иль нѣтъ? разумѣется, плуты по своей малочисленности ничего не могли бы сдѣлать, если бы дѣйствовали только своими силами. Но изъ самихъ простяковъ очень многіе такъ и лѣзутъ изъ-кожи-вонъ отстаивать плутовъ. Изъ какой прибыли? Ровно ни изъ какой, безкорыстно, безкорыстно такъ и лѣзутъ вонъ-изъ-кожи. Къ этому разряду простяковъ я причисляю васъ. Не обижайтесь. Простяками въ вашемъ родѣ бываютъ люди всякаго ума: и глупые, и умные, и геніальные даже,—въ примѣръ вамъ приведу Лафайета, Ламартина, Вильгельма фонъ-Гумбольдта, самого Штейна. Если человѣкъ глупъ, это бѣда неизлѣчимая. Если же онъ не глупъ, а только простякъ, то излечивается отъ своего недостатка онъ тотчасъ же, какъ только замѣтитъ его въ себѣ. Прямо никто изъ людей не вступаетъ въ жизнь проницательнымъ, — это качество, развивающееся рефлексіею. А рефлексія требуетъ хладнокровія.

Соглашайтесь или не соглашайтесь со мною, это—повторяю—какъ вамъ угодно.

Надѣюсь, что разстаемся друзьями.

VIII.

А вотъ какъ-разъ поспѣла для украшенія моей коллекціи и 7-я книжка «Отечественныхъ Записокъ» съ крупнымъ полемическимъ алмазомъ, который постараюсь я добросовѣстно отшлифовать въ превосходнѣйшій брильянтъ. Алмазъ находится въ изобильномъ рѣдкостями рудникѣ Критическаго отдѣла. Оно какъ разъ мнѣ съ руки: вѣдь въ прежнихъ отрывкахъ я мало занимался этимъ отдѣломъ, такъ что могло бы это огорчить завѣдывающаго имъ г. Дудышкина, могло бы показаться г. Дудышкину злостною невнимательностью къ нему. Хорошо, что могу я теперь загладить эту свою вину, отвратить отъ себя этотъ упрекъ.

Эхъ, г. Дудышкинъ! гдѣ можно бы неспеціалисту имѣть смѣлость собственнаго сужденія, тамъ вы не отваживаетесь вникнуть

въ дѣло своимъ умомъ; а въ чемъ для разбора дѣла нужно быть спеціалистомъ, вы полагаетесь на собственное сужденіе. Вотъ къ примѣру сказать хотя бы опроверженіе, написанное г. Юркевичемъ противъ моихъ статей объ антропологическомъ принципѣ въ философіи,—ну, можетъ ли тутъ неспеціалистъ разсудить, съ толкомъ или безъ толку пишетъ г. Юркевичъ? Вѣдь тутъ все дѣло состоитъ въ методологическихъ, психологическихъ, метафизическихъ тонкостяхъ; тутъ такого рода дѣло, что глубокомысленно призадумался бы самъ Куно Фишеръ, этотъ великій мудрецъ, переводъ изъ котораго помѣщенъ въ іюльской же книжкѣ «Отечественн. Записокъ». Чтобы понимать эти хитрыя подраздѣленія и подразличенія, нужно быть спеціалистомъ. Вотъ, напримѣръ, г. Катковъ понимаетъ эти вещи. Ему понятно, что̀ говоритъ въ своей статьѣ г. Юркевичъ; онъ увидѣлъ, что воззрѣніе г. Юркевича близко къ направленію, которое считаетъ справедливымъ самъ онъ; и г. Катковъ не сдѣлалъ ошибки, помѣстивъ въ своемъ журналѣ извлеченіе изъ г. Юркевича съ большими похвалами ему. Я не раздѣляю этого направленія, потому рѣзко отзываюсь о всякихъ его послѣдователяхъ; но что они довольны другъ-другомъ, этому такъ и быть должно. Ну, а вы-то съ «Отечественными Записками» съ какой стати восхитились статьею г. Юркевича? Вы развѣ полагаете о себѣ, что держитесь того же направленія? Представьте себѣ къ вашей бѣдѣ, заглянулъ я на оборотную страницу верхняго полулиста обертки того самаго 7-го № «Отечественныхъ Записокъ», въ которомъ вы оттиснули свое восхищеніе г. Юркевичемъ. Что же я увидѣлъ на этой страницѣ? Крупнымъ шрифтомъ напечатано слѣдующее объявленіе:

«ОТЪ РЕДАКЦІИ».

«Такъ какъ многіе изъ читателей изъявили желаніе прочесть все сочиненіе Бокля «History of civilisation in England» въ русскомъ переводѣ, то редакція «Отечественныхъ Записокъ», напечатавъ уже шесть главъ этого сочиненія, намѣревается, если не встрѣтитъ особенныхъ препятствій, перевести его въ цѣлости и помѣщать въ журналѣ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ будетъ выходить *англійскій* подлинникъ».

Знаете ли, какая комическая вещь выходитъ изъ этого? Вотъ какая. За исключеніемъ очень немногихъ страницъ въ отдѣлѣ о энциклопедистахъ, которыхъ и вы не одобрите, когда прочитаете ихъ, и я не одобряю,—весь первый томъ Бокля прямо противоположенъ тому направленію, которымъ вздумали вы восхищаться въ г. Юркевичѣ. Вотъ исторія-то! — Ужь и подлинно можно назвать ее «исторіей цивилизаціи въ Отечественныхъ Запискахъ».

Но вы не огорчайтесь штукою, какая вышла отъ вашего объявленія о переводѣ Бокля: вы превосходно дѣлаете, что переводите его; отъ всей души желаю, чтобы не встрѣтили вы препятствій въ этомъ очень полезномъ дѣлѣ. Русская публика будетъ вамъ благодарна за него.

Хотите, я разскажу вамъ, какъ произошелъ въ васъ психологическій процессъ, по которому, печатая Бокля, восхитились вы г. Юркевичемъ? Если вы увидите, что я не ошибусь въ объясненіи такого изумительнаго происшествія, то вотъ вамъ будетъ доказательство,—что я великій мастеръ производить психологическія наблюденія и законы психологіи знаю, какъ свои пять пальцевъ. А согласитесь, что я вызываюсь на пробу, очень трудную, потому что разбираемый мною психическій актъ необычайно мудренъ и повидимому нарушаетъ всѣ законы мышленія: хвалить то, истребленію чего содѣйствуешь печатаніемъ превосходнаго сочиненія,—вѣдь это психическій феноменъ, котораго не распуталъ бы самъ Кантъ. А вотъ я распутаю, подведу его подъ общіе психологическіе законы.

Законъ первый. Незнающій влечется подражать знающему. «Русскій Вѣстникъ» похвалилъ г. Юркевича, вы повлеклись хвалить его.

Законъ второй. Сладко слышать брань на того, кого самъ бранишь. Г. Юркевичъ вооружается на меня; вы также вооружаетесь; потому вамъ сладко слушать г. Юркевича.

Углубитесь въ самого себя, наблюдайте умственнымъ окомъ вашъ психическій процессъ, вы увидите, что мое объясненіе безукоризненно вѣрно.

Но согласитесь, тяжело вамъ было это наблюденіе вашего психическаго процесса. Согласитесь, васъ безпрестанно отвлекало отъ этого труднаго самонаблюденія мельканіе разныхъ постороннихъ дѣлу представленій,—въ родѣ слѣдующихъ: «нѣтъ, я не по при-

мѣру «Русскаго Вѣстника» нашелъ, что г. Юркевичъ правъ, я самъ догадался объ этомъ; я безпристрастенъ; я понималъ сущность спора; направленіе г. Юркевича—мое направленіе; я не за то восхитился имъ, что онъ пишетъ противъ Чернышевскаго» и т. д. и т. д.,—согласитесь эти иллюзіи такъ и влѣзали насильно въ ваше самосознаніе и очень трудно было вамъ отбиваться отъ нихъ. Но любовь къ истинѣ восторжествовала въ васъ надъ этими обольщеніями; но напряженное вниманіе къ дѣйствительному ходу вашего психическаго процесса отогнало эти мечты,—и вы наконецъ постигли два вышеприведенные психическіе закона и безтрепетно подвели подъ нихъ странный фактъ похвалы г. Юркевичу со стороны журнала, переводящаго превосходную книгу Бокля. Честь вамъ и хвала. Вашъ подвигъ былъ труденъ, но вы совершили его.

Видите ли теперь, какъ тяжелъ анализъ самосознанія, какихъ особенныхъ пріемовъ онъ требуетъ? Видите ли, что человѣку, спеціально не занимавшемуся этимъ предметомъ, нельзя судить о достоинствахъ или недостаткахъ статей, къ нему относящихся? За то и плоды этой науки очень вкусны для самолюбія,—не правда ли?

А если правда, то я надѣюсь, что вы не откажетесь въ благодарность мнѣ за этотъ урокъ пересмотрѣть вмѣстѣ со мною содержаніе статейки противъ меня, которая помѣщена въ іюльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ отдѣлѣ, находящемся подъ вашимъ завѣдываніемъ (г. Краевскій вѣроятно не будетъ претендовать на то, что я обращаюсь исключительно къ вамъ).

IX.

Послѣ нѣкоторыхъ прелюдій, относящихся къ языку, статейка, восхищающаяся г. Юркевичемъ, упоминаетъ о разборѣ философіи г. Лаврова, который былъ сдѣланъ г. Антоновичемъ въ IV книжкѣ «Современника» нынѣшняго года. Упоминаніе объ этомъ разборѣ основывается на томъ, что онъ по направленію сходенъ съ моими статьями объ антропологическомъ принципѣ. Положимъ сходенъ, но слѣдовало ли вамъ заговаривать объ этой статьѣ, которая отозвалась на вашемъ журналѣ уморительными послѣдствіями, показывающими, что вы какъ прочли ее, такъ тотчасъ же и измѣнили свое мнѣніе о достоинствѣ трудовъ г. Лаврова. Ужь лучше мол-

чали бы вы. А если непремѣнно хочется вамъ говорить, то признались бы, что статья г. Антоновича раскрыла вамъ глаза.

Но вамъ хочется побранить ее. Любопытно послушать, за что вы ее браните. Вотъ единственный недостатокъ, который вы въ ней нашли: «никакого умственнаго напряженія не нужно, чтобы понять все, что говоритъ г. Антоновичъ. Ясность (этой статьи) поразила всѣхъ». Сообразите сами, достоинствомъ или недостаткомъ должна считаться ясность? Разумѣется, каждый не глупый человѣкъ почтетъ, что вы хвалите статью г. Антоновича, выставляя въ ней такое качество. А вы думаете, уронили ее этимъ. Какъ случилась съ вами эта вторая «исторія вашей цивилизаціи», я опять разскажу вамъ.

Вы наслушались, что философія -- предметъ головоломный. Вы пробовали читать философскія статьи, въ родѣ произведеній г. Лаврова, и ровно ничего не понимали. А г. Лавровъ былъ по вашему мнѣнію хорошій философъ. Вотъ и состроился у васъ въ умѣ силлогизмъ такого рода: «философіи я не понимаю; слѣдовательно то, что я могу понимать — не философія». Вы вѣдь такъ прямо и говорите: г. Антоновичъ пишетъ ясно, стало быть нѣтъ философіи у него въ статьѣ. — Но вѣдь это прилично было вамъ думать, когда вы о философіи судили по статьямъ г. Лаврова. Ну-съ, а вѣдь теперь вы уже находите, что философскія статьи г. Лаврова были плохи (признавайтесь, что находите: вѣдь у насъ есть улика тому); такъ не слѣдовало ли бы вамъ разсудить такимъ манеромъ: «о какомъ бы предметѣ ни заговорилъ человѣкъ, образъ мыслей котораго туманенъ, рѣчь его будетъ туманная, головоломная. А сама по себѣ, философія быть можетъ и не-Богъ-знаетъ какая непонятная наука». Вы не ошиблись бы въ этомъ.

Но о статьѣ г. Антоновича говорится только такъ, кстати, что вотъ дескать она совершенно такая же, какъ и статьи Чернышевскаго объ антропологическомъ принципѣ, — философіи не можетъ быть въ этихъ статьяхъ, потому что онѣ ясны. Затѣмъ говорится ужь обо мнѣ одномъ.

«Статья г. Чернышевскаго вызвала отвѣтъ въ г. Юркевичѣ, въ «Трудахъ Духовной Академіи кіевской», такой отвѣтъ, который поставилъ г. Юркевича сразу на первое мѣсто между всѣми, кто «когда-либо писалъ у насъ о философіи» (значитъ, выше Бѣлинскаго, у котораго очень много относящагося къ философіи, выше

автора «Писемъ объ изученіи природы?» Хорошо. Но вѣдь не выше же г. Гогоцкаго и г. Ореста Новицкаго? Зачѣмъ обижать этихъ великихъ мыслителей той же самой школы, какъ и г. Юркевичъ?) «Только помнимъ мы статьи И. В. Кирѣевскаго (отлично! Такъ добрый и почтенный И. В. Кирѣевскій былъ, по вашему, дѣйствительно философъ, а не просто наивный мечтатель? Но вѣдь ужь если такъ, вы должны признать своимъ главнѣйшимъ авторитетомъ покойнаго Хомякова. Такъ вы кстати ужь переименовали бы свой журналъ изъ «Отечественныхъ Записокъ» въ «Русскую Бесѣду» или «Возобновленный Москвитянинъ»), «отличавшіяся тою просто-«тою и ясностью философскаго изложенія, съ которою мы встрѣти-«лись у г. Юркевича. Знаніе системъ философскихъ, полное усвое-«ніе предмета и самостоятельное къ нему отношеніе—вотъ заслуги «г. Юркевича» (дай Богъ ему всякихъ совершенствъ!). «По на-«правленію своему—онъ идеалистъ, и точки опоры въ его ученіи «такъ глубоко имъ обслѣдованы и тонко проведены, что на рус-«скомъ языкѣ мы ничего подобнаго не читали» (помилуйте, г. Гогоцкій точно также глубоко и тонко все это изслѣдовалъ), «и въ этомъ совершенно согласны съ «Русск. Вѣстникомъ» (также, какъ я во всемъ совершенно согласенъ съ «Горнымъ Журналомъ», — предмета не знаю, статей не понимаю, но полагаю, что онѣ писаны людьми знающими, потому и принимаю всѣ ихъ слова на вѣру), «который распространилъ эту статью. Перепечатывать статьи «мы не станемъ; мы приведемъ изъ нея два только мѣста: одно «о превращеніи раздраженія нерва въ ощущеніе» и другое объ «измѣненіи «количественнаго» въ «качественное». На этихъ двухъ «положеніяхъ все остальное держится» (Отеч. Зап. Русск. литер. стр. 41, 42). Но прежде того выписывается окончаніе статьи г. Юркевича, очень сильно поражающее меня, какъ невѣжду. Ну, хорошо, если я невѣжда, такъ вы разсудили ли, что вамъ то не слѣдовало бы говорить объ этомъ? Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», напримѣръ, я не писалъ; онъ не компрометируетъ себя толками о моемъ невѣжествѣ. А вѣдь въ «Отеч. Зап.» я довольно много писалъ въ началѣ своей литературной дѣятельности, — такъ у васъ, значитъ, невѣжды могутъ бывать сотрудниками, да еще такими, которыми редакція дорожитъ?

Напрасно вы повторяете чужія слова о моемъ невѣжествѣ, *г. Дудышкинъ*; другіе журналы могутъ это говорить, а вашему

журналу неловко. Приведя отзывъ г. Юркевича о моемъ невѣжествѣ, «Отеч. Зап.» дѣлаютъ выписку изъ него же о томъ, что «пространственное движеніе нерва не есть еще непространственное ощущеніе» и о томъ, что «переходъ отъ количественнаго къ качественному ясенъ только для одного «Современника», для всѣхъ же другихъ составляетъ необъяснимую задачу», — видите, г. Дудышкинъ, о какихъ техническихъ тонкостяхъ разсуждаетъ г. Юркевичъ, а вы беретесь судить о его статьѣ, рѣшаете, что онъ правъ, когда не умѣете даже различить, въ какомъ духѣ онъ пишетъ и не расходится ли онъ, напримѣръ, съ вашимъ собственнымъ Боклемъ ровно настолько же, насколько со мною. «Отеч. Записки» продолжаютъ:

«Читатель видитъ по этимъ выпискамъ, которыя могутъ дать «понятіе о прекрасной статьѣ г. Юркевича, заключающей въ себѣ «цѣлый трактатъ о философіи, видитъ, что имѣетъ дѣло съ человѣ«комъ хорошо знающимъ предметъ» (видитъ или нѣтъ читатель, это какъ случится; а сами-то вы видите ли, или только съ чужихъ словъ говорите?) «Г. Юркевичъ не прибѣгаетъ къ площаднымъ шут«камъ, чтобъ задобрить читателя, не боится подходить къ предмету «и сказать: это еще недоказано никѣмъ, этого мы не знаемъ, хотя «имѣлъ бы гораздо больше поводовъ, нежели г. Чернышевскій, гово«рить съ увѣренностью. По крайней мѣрѣ ясно одно, что такое воз«раженіе заслуживаетъ подробнаго отвѣта». (Увѣряю васъ, что не заслуживаетъ, съ моей точки зрѣнія. Если бы какой нибудь ученый сталъ доказывать, что ошибаетесь вы, отвергая алхимію или кабалистику, — вы почли ли бы его сочиненіе достойнымъ подробнаго опроверженія? Какъ вы смотрите на ученыхъ, держащихся алхимическаго или кабалистическаго ученія, такъ я смотрю на школу, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ. Хороша или дурна теорія, которой держусь я, объ этомъ можетъ думать каждый, какъ ему угодно; но что человѣкъ, держащійся такой теоріи, долженъ считать смѣшными и пустыми возраженія, дѣлаемыя теоретиками школы, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ,—это фактъ, извѣстный каждому спеціалисту; вы удивляетесь этому лишь оттого, что взаимныя отношенія разныхъ философскихъ направленій плохо извѣстны вамъ). «Что же дѣлаетъ г. Чернышевскій? А то же, что онъ «дѣлаетъ всегда, когда у него потребуютъ серьезнаго отвѣта: отдѣ«лывается непозволительною развязностью» (т. е. когда жь это

«всегда? «Я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не велъ никакой полемики и ровно ничего не отвѣчалъ ни на какіе вызовы и возраженія, слѣдовательно не могло быть ни развязности, ни не развязности въ моихъ отвѣтахъ по той простой причинѣ, что отвѣтовъ вовсе не существовало; а прежде, когда велъ полемику, случалось мнѣ писать огромнѣйшія и обстоятельнѣйшія возраженія на замѣтки противъ меня), «которая наконецъ переходитъ въ дерзость по отношенію къ «г. Юркевичу» (что дѣлать? Если вы уважаете, а я не уважаю извѣстное направленіе, то мои отношенія къ нему будутъ вамъ казаться непозволительно дерзкими. Точно таковы же кажутся людямъ, уважающимъ направленіе г. Аскоченскаго, ваши отношенія къ нему). «Мы увѣрены, что послѣдователи г. Черны-«шевскаго найдутъ такой отвѣтъ крайне-остроумнымъ. Вотъ что говоритъ г. Чернышевскій» (Отеч. Зап. Руск. литерат., стр. 55).— Тутъ выписана первая половина моего отзыва о статьѣ г. Юркевича; затѣмъ слѣдуетъ:

«Какъ вамъ нравится этотъ отвѣтъ! Другими словами, г. Чер-«нышевскій говоритъ: вы несчастный человѣкъ, г. Юркевичъ, по-«тому что учились въ семинаріи и учились по плохимъ руковод-«ствамъ» (что жь, развѣ это неправду я говорю?). «А вотъ я по-«томъ досталъ славныя книжки: въ нихъ написано все то, что я «говорю. Повѣрьте мнѣ, и если вы еще не устарѣли, то я могу «пособить вашему горю, пришлю вамъ мои книжки. Изъ нихъ вы «и увидите, что я правъ!» (Что жь, мнѣ кажется, что тутъ я выразилъ доброжелательность; ну, скажите, а вы развѣ иначе отвѣчали бы человѣку, который, напримѣръ, дѣлалъ-бы противъ вашихъ историко-литературныхъ статей возраженія по учебнику г. Зеленецкаго?).

«Намъ эти слова напомнили блаженной памяти барона Брам-«беуса, который всегда отвѣчалъ въ этомъ родѣ, когда Бѣлинскій «заставлялъ его отвѣчать категорически. Только баронъ Брамбеусъ «отвѣчалъ часто гораздо остроумнѣе г. Чернышевскаго, напримѣръ, «онъ отвѣчалъ такъ иногда: «а когда нибудь на досугѣ напишу вамъ «отвѣтъ на латинскомъ языкѣ». Но теперь и баронъ Брамбеусъ не «писалъ бы такихъ отвѣтовъ. Въ тѣ злополучныя времена, когда наша «философія крылась подъ эстетическими рецензіями на Гоголя, Жоржъ «Занда, Сю, противники Бѣлинскаго, къ которымъ принадлежалъ «*Сенковскій*, чтобъ вести споръ околицей, переименовали мадамъ

«Дюдеванъ въ г-жу «Спередка», и разыгрывали на эту тему свои «замысловатыя рецензіи. И тогда подобныя рецензіи приводили въ «омерзѣніе:—что же сказать, когда ту же продѣлку употребляетъ «г. Чернышевскій съ г. Юркевичемъ, въ спорѣ первой важности, «въ вопросѣ, поставленномъ ясно? Если баронъ Брамбеусъ и въ «то злополучное время, въ которое жилъ, упалъ въ общемъ мнѣ«ніи за подобныя продѣлки и публика отвернулась отъ него, то «чего же хочетъ г. Чернышевскій—въ наше?»

Вы изволите сравнивать меня съ барономъ Брамбеусомъ?—Ну, что жь, если разобрать это сравненіе, то вѣдь окажется, что вы употребили его, не вообразивъ, что изъ него выходитъ.

Дѣло идетъ объ обширности моихъ знаній. Я похожъ на барона Брамбеуса, то есть на покойнаго Сенковскаго. Кто же сомнѣвается, что Сенковскій владѣлъ знаніями, изумительно обширными? Что жь изъ этого выходитъ о моихъ знаніяхъ, если я похожъ на него? Вотъ что значитъ неловкость въ полемикѣ,—хотѣли сказать, что я невѣжда, а изъ вашихъ словъ оказалось, что вы сами считаете меня человѣкомъ очень обширныхъ свѣдѣній. Куда же вамъ полемизировать?

Но я похожу по вашимъ словамъ на Сенковскаго тѣмъ, что люблю отшучиваться отъ возраженій. Хорошо. Почему же Сенковскій любилъ отшучиваться? Потому что былъ человѣкъ очень сильнаго ума,—находившій, что при своемъ умѣ имѣетъ право презирать противниковъ. Это вы хотѣли сказать обо мнѣ? Должно быть не это, а изъ вашихъ словъ это выходитъ. Благодарю васъ: вы внушаете читателю мысль, что я—человѣкъ очень сильнаго ума, чувствующій свое превосходство надъ своими противниками. А вѣдь дѣйствительно чувствую (и вы сами навѣрное чувствуете) мое превосходство надъ вами. Что жь дѣлать, не могу не чувствовать: вы слишкомъ плохо полемизируете.

Но Сенковскій упалъ въ общемъ мнѣніи,—вы предсказываете ту же судьбу и мнѣ. Только напрасно вы наговорили лишняго для вашей цѣли, наговорили такихъ вещей, которыми прямо уничтожается во мнѣ это опасеніе. Вы упомянули, что Сенковскій вооружался противъ Бѣлинскаго, Гоголя, Жоржа Занда, то есть противъ того, что я защищаю. Стало быть, если Сенковскій упалъ за свое направленіе, то меня ждетъ участь прямо противоположная. Я буду возвышаться въ общемъ мнѣніи. Это вы хотѣли сказать? Нѣтъ, не

хотѣли? Такъ зачѣмъ выходитъ это изъ вашихъ словъ? Плохо, плохо вы полемизируете. Посмотримъ, что то у васъ дальше.

«Полноте г. Чернышевскій! въ наше время нельзя всего знать — «и естественныхъ наукъ, и философіи, и политической экономіи, и «исторіи всеобщей и русской, и литературы. Кто все это знаетъ, «тотъ ровно ничего не знаетъ. Эту, по крайней мѣрѣ, аксіому за«твердила наша литература, и ее мы можемъ привести противъ васъ. «А вы вѣдь, все знаете. Это подозрительно что-то» («Отечественныя Записки», іюль, Русская литература, стр. 56, 57).

Да кто васъ увѣрялъ, что я все знаю? Всего никто не знаетъ,— ни Монтань, ни Вольтеръ, ни Гейне, ни даже самъ Бэль не знали. Неужели я вамъ долженъ объяснять разницу между начитанностью и спеціализмомъ, между спеціальнымъ ученымъ, который двигаетъ впередъ одну науку или одну отрасль науки, и между журналистомъ, которому довольно быть образованнымъ человѣкомъ, который только популяризируетъ выводы, сдѣланные учеными, только осмѣиваетъ грубые предразсудки и отсталость? Неужели вы не сообразили, въ какое смѣшное положеніе ставите себя вы, журналистъ, притворяясь будто не знаете, что такое журналистъ? Не постигаю, что за радость выставлять вамъ себя человѣкомъ ничего не понимающимъ, даже своей профессіи. Неужели по вашему журналистъ долженъ писать только о томъ, въ чемъ онъ спеціалистъ? Да вѣдь если такъ, то журналъ обратится въ Comptes rendus парижскаго Института.

Но вы интересуетесь лично мною,—вамъ угодно знать, ученый ли я человѣкъ? Извольте. Давно ужь не занимаюсь я спеціально ничѣмъ, кромѣ политической экономіи. Прежде занимался я коекакими другими предметами довольно усердно, такъ что хотя перезабылъ много мелочей изъ нихъ, но судить о томъ что пишутъ по этимъ предметамъ другіе, очень могу. Что тутъ удивительнаго? Но прежде всего, я по профессіи—журналистъ, подобно вамъ, то есть человѣкъ, старающійся знать успѣхи умственной жизни по всѣмъ вопросамъ, интересующимъ вообще всѣхъ образованныхъ людей. Вы такъ понимаете профессію журналиста, или нѣтъ?

Или вамъ все не то хочется узнать, а то, какъ обширны мои знанія? На это могу отвѣчать вамъ только одно: несравненно обширнѣе вашихъ. Да это вы и сами знаете. Такъ зачѣмъ же вы доби-

вались получить печатно такой отвѣтъ? Неразсудительно, неразсудительно вы подводили себя подъ него.

Да вы пожалуйста не примите этого за гордость: есть чѣмъ тутъ гордиться, что знаешь гораздо больше, нежели вы. И опять не примите этого такъ, что я хочу сказать будто вы имѣете слишкомъ мало знаній. Нѣтъ ничего-таки: кое-что знаете, и вообще вы человѣкъ образованный. Только напрасно вы такъ плохо полемизируете.—Ну что, прямо я отвѣчалъ, или все отшучивался отъ отвѣта?

Далѣе слѣдуетъ выписка изъ физіологіи Льюиса о различіи физіологическихъ процессовъ отъ химическихъ. Защитникъ г-на Юркевича въ «Отечественныхъ Запискахъ», воображая, что г. Юркевичъ смотритъ на это дѣло одинаково съ Льюисомъ, говоритъ:

«Сравните этотъ отрывокъ изъ Льюиса съ тѣмъ, что говоритъ «г. Юркевичъ, и вы увидите, что нашему кіевскому профессору «извѣстны послѣднія изслѣдованія не хуже г. Чернышевскаго. Слѣ«довательно онъ знаетъ не одни семинарскія тетрадки и учебники, «какъ завѣряетъ г. Чернышевскій. Мы это говоримъ только для «тѣхъ которые думаютъ, что все сказанное съ-размаху, очертя го«голову» (т. е. кѣмъ же это? мною, что ли?) «непремѣнно и спра«ведливо; а у насъ, къ сожалѣнію, такихъ людей очень много» (ну, ловко ли вы полемизируете, признавая тутъ, что у насъ очень много людей, одобряющихъ мои статьи? Эхъ, несообразительность-то какая! А еще туда же полемизировать хотите!) «Пожалуй, подумали бы, что г. Юркевичъ схоластикъ, а г. Чернышевскій—прогрессистъ».

Вамъ, показалось будто, между словами г. Юркевича и Льюиса есть сходство; въ словахъ-то есть сходство, да въ смыслѣ-то словъ нѣтъ его. Вы понимаете ли, къ чему клонитъ дѣло г. Юркевичъ? Къ поддержкѣ идей, прямо противоположныхъ,—чему бы, какъ это выразить?—ну, хоть такъ скажу: прямо противоположныхъ идеямъ Бокля, котораго вы переводите. А Льюсъ вовсе не къ тому ведетъ дѣло. Онъ только доказываетъ, что каждая отдѣльная наука разсматриваетъ частныя видоизмѣненія общихъ законовъ природы въ особенныхъ условіяхъ. Прочтите у Льюиса всю главу, изъ которой отрывокъ взяли вы, и вы убѣдитесь, что мысли г. Юркевича отъ его мыслей такъ же далеки, какъ отъ моихъ. Съ Льюисомъ-то я совершенно соглашаюсь, а спросите-ко у г. Юркевича мнѣніе о школѣ, къ которой принадлежитъ Льюисъ, онъ вамъ такихъ лю-

безностей о ней наговорить, что вы съ своимъ Льюисомъ жизни не рады будете, если дорожите мнѣніемъ г. Юркевича. Но съ вами надобно говорить яснѣе. Вѣдь для васъ все еще остается въ туманѣ предметъ, за который спорилъ противъ меня г. Юркевичъ. Извольте. Объясню это дѣло по возможности.

Вы видите ли по крайней мѣрѣ то, что я съ вами дѣлаю? Я не упускаю почти ни одного изъ вашихъ словъ, беру вашу рѣчь цѣликомъ. Но зачѣмъ я это дѣлаю? за тѣмъ ли, чтобы соглашаться съ вами? Нѣтъ, я дѣлаю вставки къ вашимъ словамъ, переставливаю ихъ, переворачиваю, и выходитъ смыслъ, противоположный тому, какой они имѣли у васъ. Напримѣръ, вы говорите, что невѣжда; я перебираю ваши слова, и—выходитъ изъ нихъ, что я человѣкъ чрезвычайной учености; вы говорите, что я затрудняюсь отвѣчать на возраженія,—я опять перебираю ваши слова, и выходитъ изъ нихъ, что вы сами признаете меня несравненно сильнѣе людей, дѣлающихъ мнѣ возраженія. Понимаете ли теперь, какъ и для чего я пользуюсь вашими словами?—А между тѣмъ вѣдь я воспользовался ими, не правда ли?

Вотъ точно такъ же пользуется трудами естествоиспытателей школа, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ. Она пересматриваетъ труды добросовѣстныхъ спеціалистовъ, чтобы выворачивать факты въ пользу теоріи, прямо противоложной взгляду этихъ естествоиспытателей.

Вы по всей вѣроятности находите, что я искажаю смыслъ вашихъ словъ? А я полагаю, что вы сами не сообразили, что́ такое говорили, и что я подмѣчаю въ вашихъ словахъ истинный смыслъ ихъ, котораго вы не замѣтили.

Вотъ точно также школа г. Юркевича думаетъ, что естествоиспытатели сами не понимаютъ того, что излагаютъ и что только она влагаетъ въ заимствуемые у нихъ факты истинный смыслъ, прямо противоположный заблуждающемуся взгляду естествоиспытателей. А естествоиспытатели находятъ, что эта школа искажаетъ смыслъ фактовъ, которые заимствуетъ у нихъ.

Вамъ все еще можетъ быть несовсѣмъ понятно дѣло. Поясню я примѣромъ,—у меня страсть къ примѣрамъ (вотъ вы надъ этимъ бы подсмѣялись, что иногда пристрастіе къ нимъ дѣлаетъ мои статьи растянутыми,—уличить меня въ этомъ недостаткѣ вы были

бы въ силахъ, а то хватаетесь за такія стороны дѣла, съ которыми не сладите). Ну-съ, такъ приведу вамъ примѣръ.

Вы курите сигары? Вы очень хорошо знаете, что сырыя сигары плохи, а сухія гораздо лучше. Прекрасно; какимъ же образомъ получаются сухія сигары? И это вы знаете. Надѣлавъ сигаръ, фабрикантъ, дорожащій репутаціею своей фабрики, оставляетъ ихъ очень долго, быть можетъ года два или три, лежать въ обыкновенной комнатной температурѣ. Въ это время онѣ и высыхаютъ. Хорошо; но вѣдь до такой же степени сухости можно было бы довести сигары въ какіе нибудь два часа времени, помѣстивъ ихъ въ горячую температуру, напримѣръ хоть градусовъ въ 60,—почему же это не годится? А вотъ почему, какъ вы сами знаете. Когда сигара сохнетъ быстро, то ингредіенты, отъ которыхъ зависитъ вкусъ ея, входятъ въ химическія соединенія, при которыхъ вкусъ сигары портится; а если она сохнетъ очень медленно, ингредіенты эти соединяются между собою другимъ способомъ, при которомъ сигара получаетъ хорошій вкусъ. Вы знаете, что это такъ? Хорошо; что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ вотъ что. Процессъ испаренія воды, находящейся въ сырой сигарѣ, приводитъ къ извѣстному результату, когда совершается медленно; а когда совершается быстро, результатъ бываетъ вовсе не таковъ.

Вотъ въ этомъ самомъ родѣ разсуждаетъ и Льюисъ о разницѣ между химическимъ процессомъ, совершающимся въ ретортѣ и между пищевареніемъ, совершающимся въ обстановкѣ, очень различной отъ химической реторты. Онъ говоритъ вотъ въ какомъ духѣ: сварите говядину на очень сильномъ огнѣ,—вы получаете бульонъ извѣстнаго сорта; сварите ее на слабомъ огнѣ, медленно,—вы получите бульонъ совершенно инаго сорта; если же вы вмѣсто простой воды будете варить говядину въ какомъ нибудь кислотномъ растворѣ (напримѣръ, въ родѣ кваса или сока кислой капусты),—у васъ выйдетъ бульонъ опять иного сорта. Словомъ сказать, результатъ процесса измѣняется отъ каждой перемѣны въ условіяхъ процесса. Вотъ Льюисъ и говоритъ, что каждый изъ этихъ случаевъ надобно наблюдать особенно и не смѣшивать съ другими. Что жь, по моему мнѣнію, онъ говоритъ правду.

А школа, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ, что́ выводитъ изъ подобныхъ фактовъ?—что дескать естественныя науки объясняютъ намъ только одну сторону жизни, а другую. высшую, мы

познаемъ, и т. д. и т. д., и что де натуралисты—пропащій народъ. Вы соглашаетесь съ этимъ направленіемъ?

Ясно ли для васъ хоть теперь?

А можетъ быть еще не ясно? Если такъ, потолкуемъ съ вами еще немного. Какъ вы полагаете, не дѣйствуютъ ли въ знаменитомъ Юмѣ какія-то особенныя, удивительныя силы?—или онъ просто ловкій фокусникъ? Сколько я знаю васъ, вы вѣроятно полагаете, что онъ просто фокусникъ. А по методѣ, которой держится школа, имѣющая своимъ ораторомъ г. Юркевича, надобно отвѣчать такъ: «позвольте, остановитесь, не будьте опрометчивы. Можетъ ли какая нибудь химіи или физіологія объяснить тотъ фактъ, что г. Юмъ видитъ изъ Петербурга человѣка, сидящаго въ Пенсильваніи въ Америкѣ, и сообщаетъ вамъ точныя свѣдѣнія о его здоровьѣ, видитъ, что онъ боленъ флюсомъ и ставитъ себѣ піявки къ деснѣ. Позвольте васъ спросить милостивый государь, какъ вы объясните этотъ фактъ вашею химіею или физіологіею, вашею катоптрикою или діоптрикою? Сознайтесь, м. г., что тутъ дѣйствуютъ въ г. Юмѣ какія-то особенныя силы!»—Сколько я васъ знаю, вы очень хладнокровно будете отвѣчать такому вашему изобличителю: «м. г., этого факта, на который вы ссылаетесь, рѣшительно нѣтъ, а есть другой фактъ, котораго не угодно вамъ замѣчать. Ничего находящагося въ Америкѣ г. Юмъ изъ Петербурга не видѣлъ; онъ только дурачилъ васъ».

Вотъ точь-въ-точь такого рода споръ между теоріею естествоиспытателей, которая кажется мнѣ справедлива, и которую я стараюсь популяризовать по своей профессіи журналиста, и между школою, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ. Вы на чьей сторонѣ были бы въ подобномъ спорѣ? Сколько я васъ знаю, были бы вы на моей сторонѣ, только не удалось вамъ разобрать, въ чемъ споръ.

Но мой примѣръ не конченъ. Я остановился на томъ, что вы говорите своему возражателю, приверженцу Юма: «Я отрицаю дѣйствіе особенныхъ силъ въ Юмѣ, потому что не тѣми, какъ вы, глазами смотрю на фактъ, сбивающій васъ съ толку». Но вѣдь этотъ противникъ не оставитъ васъ безъ отвѣта. Онъ скажетъ вамъ, что «люди, наблюдавшіе Юма, остались убѣждены, что это не фокусы»; онъ прибавитъ: «вы познакомьтесь съ этими людьми, они вамъ разскажутъ много такого, чего вы не знаете; въ вашихъ словахъ, *отвергающихъ* мое мнѣніе о Юмѣ, я вижу только наглость вашего

незнанія». Что вы станете дѣлать съ такимъ человѣкомъ? Смотря по расположенію духа: если вы не расположены смѣяться, то уйдете отъ него; а если расположены смѣяться, станете насмѣхаться надъ нимъ. Въ томъ и другомъ случаѣ вы будете правы: съ такимъ человѣкомъ или вовсе не стоитъ говорить, или нельзя говорить безъ насмѣшки. Теперь я прошу васъ прочесть слѣдующій отрывокъ изъ вашей брани на меня за г. Юркевича. Выписавъ вторую половину моего отзыва о статьѣ г. Юркевича, гдѣ я говорилъ, что читать статью г. Юркевича мнѣ не за чѣмъ, потому-то по самой рекомендаціи «Русскаго Вѣстника» я вижу совершенное сходство ея съ вещами, которыя некогда заставляли меня учить наизусть, — сдѣлавъ эту выписку, статейка «Отеч. Записокъ» продолжаетъ:

«Понимаете ли вы, что это такое? Видите ли, куда мы гнемъ?» (ужь не знаю, видно ли вамъ хоть теперь, куда я гну; а куда гнетъ г. Юркевичъ, вы навѣрное не видѣли, когда писали эти строки). «Сказано, что все это вздоръ, который мы не станемъ чи«тать. Вотъ что подразумѣваемъ мы подъ словами г. Чернышевскаго.

«Да помилуйте, г. Юркевичъ вамъ доказываетъ: 1) что вы не «знаете той философіи, о которой говорите; 2) что вы смѣшали «методъ естествознанія, примѣняемый къ психическимъ явленіямъ «съ самымъ изъясненіемъ душевныхъ явленій; 3) что вы не по«няли важности самонаблюденія, какъ особеннаго источника пси«хологическихъ познаній; 4) вы перемѣшали метафизическое ученіе «о единствѣ матеріи; 5) вы допустили возможность превращенія «количественныхъ разностей въ качественныя; 6) наконецъ, вы «допустили, что всякое воззрѣніе есть уже фактъ науки, и такимъ «образомъ утратили разницу жизни человѣческой отъ животной. Вы «уничтожили нравственную личность человѣка и допускаете только «эгоистическія побужденія животнаго.

«Кажется, ясно; дѣло идетъ уже не о комъ-либо другомъ, а о «васъ, не о философіи и физіологіи вообще, а о вашемъ незнаніи «этихъ наукъ. Къ чему-же тутъ громоотводъ о семинарской фило«софіи? Зачѣмъ смѣшивать вещи, совершенно разныя и говорить, «что вы все это знали уже въ семинаріи, и даже теперь помните наизусть?»

На все это я хотѣлъ бы сказать одно: да какъ же не говорить мнѣ того, что по моему мнѣнію совершенно справедливо? Но въ удовольствіе вамъ разъясню дѣло,—впрочемъ, опять-таки ссылкою

на тѣ же самыя тетрадки, незнакомство съ которыми не дозволило намъ понять, въ чемъ дѣло.

Если бы потрудились вы пересмотрѣть эти тетрадки, вы увидѣли бы, что всѣ недостатки, которые г. Юркевичъ открываетъ во мнѣ, открываютъ эти тетрадки въ Аристотелѣ, Бэконѣ, Гассенди, Локкѣ и т. д. и т. д., во всѣхъ философахъ, которые не были идеалисты. Слѣдовательно, ко мнѣ, какъ отдѣльному писателю, эти упреки вовсе не относятся; они относятся собственно къ теоріи, которую популяризировать я считаю полезнымъ дѣломъ. Если вы не вѣрите, загляните въ принадлежащій тому же, какъ г. Юркевичъ, направленію «Философскій словарь» издаваемый г. С. Г.—вы увидите, что тамъ про каждаго не-идеалиста говорится тоже самое: и психологіи-то онъ не знаетъ, и естественныя-то науки ему неизвѣстны, и внутренній-то опытъ онъ отвергаетъ и передъ фактами-то онъ падаетъ во прахъ, и метафизику-то онъ съ естестественными науками смѣшиваетъ, и человѣка-то онъ унижаетъ, и т. д. и т. д.—Скажите же, какая мнѣ надобность серьёзно смотрѣть на автора ли извѣстной статьи, на людей ли его хвалящихъ, когда я вижу, что лично противъ меня они повторяютъ вещи, изъ-поконъ-вѣка повторяемыя про каждаго мыслителя школы, которой я держусь? Я долженъ судить такъ: или они не знаютъ, или они притворяются незнающими, что эти упреки не противъ меня, а противъ цѣлой школы; слѣдовательно, они люди или плохо знакомые съ исторіею философіи, или только дѣйствуютъ по тактикѣ, фальшивость которой сами знаютъ. Въ томъ или другомъ случаѣ такіе противники недостойны серьёзнаго спора.

Скажите, напримѣръ, если бы кто сталъ лично васъ упрекать въ незнаніи за то, что вы считаете народность важнымъ для литературы элементомъ, — относился бы этотъ упрекъ лично къ вамъ? Нѣтъ, онъ относился бы къ цѣлой школѣ. Почли ли бы вы за нужное доказывать что дескать «если я называю народность важнымъ элементомъ литературы, это еще не признакъ моего незнанія»,— конечно, вы почли бы ниже своего достоинства доказывать это.

Но вамъ, по вашему незнакомству съ предметомъ спора, мои слова быть можетъ еще не совсѣмъ ясны. Постараюсь сдѣлать для васъ еще нѣсколько объясненій.

Изволите ли вы знать, что называли невѣждою, — не то что меня, а напримѣръ Гегеля? Извѣстно ли вамъ, за что его называли

невѣждою? За то, что онъ имѣлъ извѣстный образъ мыслей, не нравившійся нѣкоторымъ ученымъ. Какъ вы полагаете, невѣжда былъ Гегель или нѣтъ? А кто вы думаете называлъ его невѣждою? Люди той самой школы, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ.

Извѣстно ли вамъ, что называли невѣждою Канта? За что называли, справедливо ли называли, какіе люди называли,—это все тоже, что въ прежнемъ примѣрѣ.

Извѣстно ли вамъ, что называли невѣждою Декарта?—За что, справедливо ли и какіе люди называли, — это все то же, какъ въ прежнемъ примѣрѣ.

Возьмите какого угодно другаго мыслителя, подвигавшаго науку впередъ, каждый подвергался тому же самому обвиненію, за то же самое и отъ тѣхъ же самыхъ людей.

Умѣете ли вы сдѣлать выводъ изъ этихъ фактовъ? Если бы умѣли, мнѣ не пришлось бы объясняться съ вами; но по всему видно, что не умѣете; стало быть я долженъ подсказать его вамъ. Вотъ онъ:

Люди рутины упрекаютъ въ невѣжествѣ всякаго нововводителя за то, что онъ—нововводитель.

Прошу васъ запомнить это. Память объ этомъ избавитъ васъ отъ многихъ промаховъ.

Но вы знаете этотъ выводъ только какъ фактъ. А вы расположены, какъ видно, любопытствовать о философскихъ матеріяхъ. Для вашего удовольствія я выведу неизбѣжность этого факта изъ психологическихъ законовъ.

Положимъ, что извѣстный человѣкъ совершенно удовлетворяется извѣстнымъ умственнымъ или житейскимъ положеніемъ. Если приходитъ другой человѣкъ и говоритъ: «оно неудовлетворительно», у человѣка, удовлетворяющагося этимъ положеніемъ, непремѣнно рождается мысль: «онъ не удовлетворяется имъ потому, что незнакомъ съ нимъ». Рождается она вотъ какъ. Что совершенно удовлетворительно, то хорошо. Кому хорошее не кажется хорошо, тотъ не видитъ, что оно хорошо. Кто говоритъ о хорошемъ, не видя, что оно хорошо, тотъ не знаетъ хорошаго. — Такимъ-то путемъ люди, удовлетворяющіеся чѣмъ нибудь неудовлетворительнымъ, приходятъ къ мысли, что неудовлетворяющійся этимъ неудовлетворительнымъ, не знаетъ его. Это неизмѣнно бываетъ во всѣхъ сферахъ жизни и мысли. Если, напримѣръ, вы скажете пьяницѣ, что пьянство не

хорошо, онъ непремѣнно возразитъ вамъ: «а попробуй-ко выпить, увидишь, что хорошо».—Если вы предлагаете купцу, торгующему по нашимъ обычаямъ, продавать товары по неизмѣнной цѣнѣ, prix fixe, безъ торгу, безъ запрашиванья, онъ непремѣнно возразитъ вамъ: «это вы говорите потому, что нашего торговаго дѣла не знаете». Помните ли, когда стали рекомендовать стетоскопъ для распознаванія грудныхъ и другихъ внутреннихъ болѣзней, опытные практиканты возражали: «вы толкуете о стетоскопѣ потому, что лечить не умѣете; намъ стетоскопъ не нуженъ». Такъ и во всемъ; такъ между прочимъ и въ философіи. Поняли?

Или все еще непонятно для васъ? Но если все еще непонятно для васъ, то мнѣ уже наскучило объяснять. Оставайтесь при своемъ непониманіи. Значитъ, ужь не судьба вамъ понимать что нибудь въ философіи. Но чтобы не огорчать васъ, я предположу, что вы наконецъ поняли, и скажу вамъ заключеніе изъ всего прочитаннаго вами, какъ будто вы поняли то, что прочли. Вотъ это заключеніе.

Теорія, которую считаю я справедливой, составляетъ самое послѣднее звѣно въ ряду философскихъ системъ. Если вы этого не знаете, а вѣрить мнѣ на слово не хотите, рекомендую вамъ взять какую вы хотите исторію новѣйшей философіи,—въ каждой такой книгѣ вы найдете подтвержденіе моимъ словамъ. По одному историку, теорія эта справедлива, по другому несправедлива; но всѣ они единодушно скажутъ вамъ, что эта теорія дѣйствительно послѣдняя, вышедшая изъ гегелевской точно такъ же, какъ гегелевская вышла изъ шеллинговой. Вы можете осуждать меня за то, что я признаю прогрессъ въ наукѣ и нахожу послѣднее слово ея самымъ полнымъ и справедливымъ. Это какъ вамъ угодно. Быть можетъ по вашему старое лучше новаго. Но допустите же возможность думать иначе.

Припомните теперь психологическій законъ, что всякаго нововводителя рутинисты называютъ невѣждой. Вы поймете, что основателя теоріи, которой держусь я, называютъ невѣждою приверженцы предшествовавшихъ теорій.

Но уже надѣюсь и безъ всякихъ моихъ объясненій сами вы поймете, что когда извѣстными людьми взводится извѣстное порицаніе на учителя, то распространяется оно ими и на учениковъ, вѣрныхъ духу учителя; слѣдовательно должно распространяться и на меня въ числѣ другихъ.

Но вамъ все-таки можетъ быть еще не ясно дѣло, — вамъ вѣроятно хотѣлось бы узнать, кто же такой этотъ учитель, о которомъ я говорю? Чтобы облегчить вамъ поиски, я пожалуй скажу вамъ, что онъ — не русскій, не французъ, не англичанинъ; — не Бюхнеръ, не Максъ Штирнеръ, не Бруно Бауеръ, не Молешоттъ, не Фохтъ,—кто же онъ такой? Вы начинаете догадываться: «должно быть Шопенгауеръ!» восклицаете вы, начитавшись статей г. Лаврова.—Онъ самый и есть, угадали.

Но скажите сами: виноватъ ли я въ томъ, что говорю съ вами такъ свысока, — виноватъ ли я въ этомъ, когда вы ставите себя относительно меня въ такое положеніе, что я долженъ разъяснять вамъ подобныя вещи?—Если, напримѣръ, вы скажете, что императоръ Петръ Великій побѣдилъ Карла XII подъ Полтавой и если какой нибудь господинъ закричитъ вамъ: «невѣжда, вы не знаете русской исторіи!»—вы ли будете виноваты въ томъ, что станете отвѣчать этому господину такимъ тономъ, какимъ вотъ я отвѣчаю вамъ?

Полюбуйтесь теперь на нравоученіе, которое извлеку я для васъ изъ окончанія статейки «Отечественн. Записокъ». Она вопрошаетъ, обращаясь ко мнѣ:

«Вы говорите, что не читали этой статьи?» (то есть, статьи г. Юркевича). «Правда ли это? Нѣтъ ли и здѣсь той скрытой, «преднамѣренной причины, чтобъ оставить за собою мнѣніе въ «публикѣ о вашемъ глубокомысліи, такъ сильно пострадавшемъ? «Мы, молъ, этакихъ статей читать не станемъ... А вѣдь, выходитъ, «что вы прочли статью, и знаете, что̀ въ ней кроется. Вашъ от«вѣтъ вы сами начинаете такъ: «Вотъ капитальнѣйшая статья по«лемическаго отдѣла IV-й книжки «Русскаго Вѣстника». Почему жь «это вы узнали, что это капитальнѣйшее возраженіе на ваши ум«ствованія?» (Отеч. Зап. Іюль. Русск. Лит. стр. 60, 61).

Вамъ кажется невѣроятно, что я не полюбопытствовалъ прочесть статью г. Юркевича. Очень вѣрю, что для васъ кажется это невѣроятно. Каждый человѣкъ измѣряетъ другихъ собою. Что ниже его или равно ему въ другихъ, то онъ понимаетъ, возможности того онъ вѣритъ; что выше его способностей или развитія, того онъ не понимаетъ, тому онъ не вѣритъ. Доказать вамъ это? Извольте. Въ комъ не пробудилось желанье учиться грамотѣ, тотъ не понимаетъ, какъ это другіе люди находятъ удовольствіе въ чтеніи книгъ. А мы съ вами, успѣвшіе стать выше этого человѣка, понимаемъ его

мысли. Но мы съ вами не занимались высшей математикой,—признайтесь, что вамъ не совсѣмъ понятно, какъ это люди могутъ съ наслажденіемъ сидѣть по цѣлымъ днямъ за формулами интеграловъ: это намъ съ вами кажется странно. Вотъ вамъ относительно степени развитія способностей. Теперь относительно природной силы способностей. Человѣкъ съ характеромъ, способнымъ къ самопожертвованію, понимаетъ самопожертвованіе; человѣкъ съ сухимъ сердцемъ не понимаетъ, какъ это люди могутъ жертвовать собой для другихъ людей или для идей, — ему это представляется помѣшательствомъ или лицемѣріемъ. Кто неловокъ отъ природы, тотъ рѣшительно не понимаетъ, какъ это люди могутъ держать себя изящно; и если онъ станетъ заботиться объ этомъ, онъ станетъ держать себя еще нелѣпѣе прежняго; это значитъ, что онъ дѣйствительно не понимаетъ, въ чемъ же состоитъ изящество. Вотъ точно то же и наше съ вами дѣло.

Считайте слѣдующія мои слова самохвальствомъ, или чѣмъ вамъ угодно, но я чувствую себя настолько выше мыслителей школы г-на Юркевича, что рѣшительно нелюбопытно мнѣ знать ихъ мысли обо мнѣ,—точно такъ же, какъ напримѣръ вамъ вовсе нелюбопытно знать, какія достоинства или недостатки находитъ въ вашихъ критическихъ статьяхъ какой нибудь почитатель романовъ г. Рафаила Зотова.

Теперь вообразите, что этотъ почитатель романовъ г. Рафаила Зотова напечаталъ разборъ вашихъ статей; если у васъ работы довольно много и для часовъ досуга есть другіе планы развлеченій или любимыхъ занятій, то удивительно ли будетъ, что вы не прочтете эту статейку? Вотъ точно таково же мое отношеніе къ статьѣ г. Юркевича.

Вамъ кажется это невѣроятно? Что жь дѣлать,—вы только заставляете меня предполагать, что многое мелкое для меня, для васъ крупно.

Гдѣ же вамъ вести полемику, когда вы подводите себя подъ такіе отвѣты.

Да, вѣдь у васъ остается очень сильный аргументъ: если я не читалъ статью г. Юркевича, то почему же я знаю, что она «капитальнѣйшая полемическая статья въ 4 № «Русскаго Вѣстника». Да вѣдь «Русскій Вѣстникъ» объявлялъ объ этомъ самъ въ статьѣ «*Старые* боги и новые боги», — что вотъ дескать мы помѣстимъ

извлеченіе изъ превосходной статьи г. Юркевича, которой придаемъ необыкновенную важность. Въ прочтенномъ мною предисловіи къ этому извлеченію онъ опять повторялъ то же самое, — вотъ я въ насмѣшку и назвалъ эту статью самою капитальною. А вы и того не поняли, что слово «капитальный» тутъ употреблено въ насмѣшку? Что за наивность такая въ васъ; какъ же не знать, что если въ полемикѣ употребляются похвальныя или торжественныя выраженія, то ихъ надобно понимать за насмѣшку? Чтобы это вамъ было понятнѣй, приведу примѣръ: «восхитительная статья «Отечественныхъ Записокъ» о г. Юркевичѣ прочитана была мною съ благоговѣніемъ къ великой философской учености ея автора», — ну вотъ попробуйте разобрать теперь, въ какомъ это смыслѣ я говорю, въ прямомъ или въ ироническомъ? Или и этого не разберете?

Удивляете вы меня своею проницательностію. Какъ вы не сообразили хоть слѣдующаго факта: беру я цѣлыхъ 9 страницъ изъ статьи г. Юркевича, изобличающей моей невѣжество, и перепечатываю эти страницы въ своей статьѣ безъ всякаго возраженія, — ну какъ вы полагаете, сдѣлалъ ли бы я это, еслибъ не былъ очень твердо убѣжденъ, что перепечатываемыя мною страницы слишкомъ плохи? Если бы вы умѣли соображать, этотъ одинъ фактъ уже показалъ бы вамъ, какъ слабы должны быть возраженія, которыя можетъ придумать противъ меня философъ такого направленія, какъ г. Юркевичъ.

Я обращался съ своею рѣчью къ вамъ, г. Дудышкинъ, потому только, что вы завѣдуете отдѣломъ, въ которомъ помѣщена разобранная мною статья; но быть можетъ, она и не вами написана,— если не вами, то я очень радъ за васъ.

Я люблю дѣлать сюрпризы. Вы, г. Дудышкинъ, конечно, ждете, что я посовѣтую вамъ не помѣщать такихъ полемическихъ статей, какъ эта разобранная мною,—какъ это можно, развѣ я врагъ себѣ? Сдѣлайте одолженіе, побольше, побольше такихъ статей печатайте, обяжете меня этимъ до крайности.

Чѣмъ то поразвлечься мнѣ на слѣдующій разъ? Думаю совокупить «Русскій Вѣстникъ» съ «Отечественн. Записками»;—да развѣ не прибавить ли тоже нѣсколькихъ красотъ изъ «Русской Рѣчи» и еще откуда нибудь, какъ случится.

ВЪ ИЗЪЯВЛЕНІЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

ПИСЬМО КЪ Г. З—НУ.

Прочитавъ статью вашу въ январской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», хотѣлъ я, милостивый государь, просить у васъ свиданія, чтобы въ частномъ разговорѣ раскрыть вамъ глаза на неловкость, сдѣланную вами въ этой статьѣ. Но скоро я передумалъ: вы отличились публично; стало быть публично надобно и показать вамъ, какъ вы отличились.

Вы имѣете на дѣятельность Добролюбова взглядъ, различный отъ нашего; это еще не заставило бы меня входить съ вами въ пренія: ваше мнѣніе не такъ важно, чтобы кому нибудь стоило обращать на него вниманіе. Но есть въ вашей статьѣ нѣсколько строкъ, претендующихъ опредѣлить мое отношеніе къ Добролюбову, съ похвальными эпитетами мнѣ. Вы хотите засвидѣтельствовать для исторіи литературы фактъ, который былъ бы очень почетенъ для меня; если я оставлю ваши слова безъ отвѣта, то должно показаться, что я безъ возраженій принимаю ихъ за правду. Такую роль я не могу взять на себя.

На страницахъ 38 и 39 вашей статьи вы говорите, что въ литературномъ кругу, къ которому принадлежалъ Добролюбовъ, былъ человѣкъ, болѣе его замѣчательный по дарованіямъ; этого человѣка вы почитаете учителемъ Добролюбова; вы приписываете этому человѣку энергію убѣжденій, гораздо большую той, какую находите въ Добролюбовѣ. На 34 стр. вы о томъ же человѣкѣ говорите: «мы совершенно искренно уважаемъ нѣкоторыхъ изъ друзей покойнаго —бова, въ особенности одного, о лицемѣрномъ непри*знаваніи заслугъ* котораго, мы, кажется, первые сказали, что оно

переступило мѣру». Очевидно, что вы тутъ упоминаете статью обо мнѣ, помѣщенную въ одной изъ осеннихъ книжекъ вашего журнала за прошлый годъ. Очевидно, что подъ человѣкомъ, который былъ учителемъ Добролюбова, превосходилъ его талантомъ и энергіею, вы разумѣете меня. Это принуждаетъ меня разъяснить вамъ мои отношенія къ развитію образа мыслей Добролюбова, сказать, какъ представляется мнѣ самому отношеніе моихъ силъ къ силамъ его и какая разница дѣйствительно существуетъ, по степени энергіи, между мною и имъ.

Учителемъ Добролюбова я не могъ быть, во-первыхъ, уже и потому, что не былъ его учителемъ никто изъ людей, писавшихъ по-русски. Довольно много пользы принесли ему статьи Бѣлинскаго и другихъ людей того литературнаго круга. Но не подъ ихъ главнымъ вліяніемъ сложился его образъ мыслей. Поступивъ въ Педагогическій институтъ лѣтомъ 1853 г. онъ скоро привыкъ читать книги по-французски, а съ нѣмецкими книгами началъ знакомиться еще до поступленія въ институтъ. Если же даровитый человѣкъ въ рѣшительные для своего развитія годы читаетъ книги нашихъ общихъ западныхъ великихъ учителей, то книги и статьи, писанныя по-русски, могутъ ему нравиться, могутъ восхищать его (какъ и Добролюбовъ восхищался тогда нѣкоторыми вещами, писанными по-русски), но ни въ какомъ случаѣ не могутъ уже онѣ служить для него важнѣйшимъ источникомъ тѣхъ знаній и понятій, которыя почерпаетъ онъ изъ чтенія. Что же касается вліянія моихъ статей на Добролюбова, этого вліянія не могло быть даже и въ той, не очень значительной степени, какую могли имѣть статьи Бѣлинскаго. Я не имѣлъ тогда важнаго вліянія въ литературѣ. Въ доказательство сошлюсь на «Современникъ» 1855 и 1856 гг. Пересмотрѣвъ эти годы журнала, вы увидите незначительность и неопредѣленность тогдашней моей роли. Когда же это успѣлъ я до появленія Добролюбова въ литературѣ пріобрѣсти такой замѣтный голосъ въ ней, чтобы могли тогда быть у меня ученики? Вѣдь Добролюбовъ началъ помѣщать статьи въ «Современникѣ» съ половины того же 1856 г.

Для человѣка сообразительнаго было бы довольно фактовъ, отпечатанныхъ курсивными и заглавными шрифтами въ оглавленіяхъ тогдашняго «Современника». Но для васъ, милостивый государь, быть можетъ мало имѣть факты, къ которымъ самому надобно прилагать

нѣкоторое соображеніе; быть можетъ вамъ необходимы готовыя, пережеванныя заключенія. Вы могли бы слышать ихъ отъ каждаго, имѣющаго близкія свѣдѣнія объ отношеніяхъ Добролюбова ко мнѣ. Число этихъ людей не такъ мало, чтобы не приводилось встрѣчаться съ ними каждому, находящемуся въ порядочномъ литературномъ кругу. Я долженъ заключать, милостивый государь, что или вы совершенно чужды ему, или не умѣете понимать разговоровъ, въ которыхъ участвуете. Но въ томъ и другомъ случаѣ все-таки остается неизвинительна ваша опрометчивость. Вы имѣли въ печати прямое мое свидѣтельство о фактѣ, который совершенно опровергаетъ вашу фантазію, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Г. Пятковскій вскорѣ по смерти Добролюбова напечаталъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» его некрологъ, въ которомъ прямо говорилъ, что біографическія данныя о Добролюбовѣ получилъ отъ меня. Тутъ разсказываетъ онъ между прочимъ, что, когда Добролюбовъ познакомился со мною, его образъ мыслей уже былъ вполнѣ установившійся; стало быть съ этой стороны я не могъ имѣть на него вліянія. Всякому другому на вашемъ мѣстѣ, милостивый государь, было бы понятно, что въ этомъ случаѣ г. Пятковскій основывается на моемъ собственномъ признаніи.

Вамъ не случилось знать или не удалось понять ничего этого; иначе не могла бы вамъ придти въ голову фантазія, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Но вы оказываетесь незнающимъ и не умѣющимъ понимать уже не какихъ нибудь частныхъ фактовъ, а и ровно ничего, когда фантазируете объ отношеніяхъ моихъ дарованій къ дарованіямъ Добролюбова. Положимъ, вы не заглядывали въ «Современникъ 1855—1856 годовъ; положимъ, вы не читали того, что писалось о Добролюбовѣ по его смерти; положимъ, вамъ не случалось встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ людей порядочнаго литературнаго круга,—ни изъ «Отечественныхъ Записокъ» или «Русскаго Слова», ни изъ «Времени» или «Современника»; но все-таки вѣдь читали же вы какія нибудь статьи Добролюбова и какія нибудь мои статьи; вы сами говорите, что читали многія изъ нихъ. Какъ же могли вы не замѣтить, что слишкомъ смѣшно ставить написанное мною выше написаннаго имъ?

Съ той поры, какъ Добролюбовъ могъ безпрепятственно отдаться литературной дѣятельности до самаго отъѣзда его за границу, я не *писалъ о* тѣхъ предметахъ, о которыхъ писалъ онъ. Я уже не

разбиралъ ни одной беллетристической книги и ни одной книги по предметамъ, имѣющимъ близкую связь съ русскою жизнью. Отчего это могло происходить? Неужели ни разу въ эти три съ половиною года не приходила мнѣ охота написать что нибудь по этой отрасли дѣла, по которой прежде писалъ я постоянно и иногда не безъ внутренняго влеченія къ такой работѣ? Нѣтъ, я просто понималъ, что для меня было бы невыгодно, если бы мои статьи могли быть сближаемы съ статьями Добролюбова для сравнительной оцѣнки насъ обоихъ. Поэтому я старался и вовсе не писать для отдѣла критики и библіографіи; а когда Добролюбовъ говорилъ мнѣ, что онъ не успѣетъ наполнить этихъ отдѣловъ въ какой нибудь книжкѣ журнала и что нужна для нихъ моя статья, я бралъ предметы, не входившіе въ кругъ его обыкновенныхъ работъ, писалъ, напримѣръ, объ Англіи и Франціи по поводу книги г. Чичерина, или о Тюрго по поводу диссертаціи г. Муравьева. Даже въ первую половину прошлаго года,—когда онъ, оставаясь за границею, уже не имѣлъ подъ руками новыхъ русскихъ книгъ и потому необходимо стало мнѣ писать для отдѣла критики, — я все-таки не писалъ ничего о беллетристическихъ книгахъ и о сочиненіяхъ по тѣмъ отраслямъ литературы, которыми прежде занимался онъ. Я хотѣлъ избѣгать невыгоднаго для меня сравненія, надѣясь, что онъ возвратится къ намъ поправившись здоровьемъ, и возобновитъ свою дѣятельность.

Всѣмъ извѣстно, что черезъ годъ или меньше по началѣ своего постояннаго сотрудничества, къ лѣту 1858 года, или даже нѣсколько раньше, Добролюбовъ имѣлъ ужь преобладающее вліяніе въ журналѣ. Почему это могло быть, когда тутъ былъ и я? Я не могу объяснять этого ничѣмъ другимъ, кромѣ его превосходства. Слава-Богу, настолько-то все же есть у меня ума и добросовѣстности, чтобы понимать подобные факты.

Но, если вамъ мало моего собственнаго сужденія объ этомъ предметѣ, вы могли бы, милостивый государь, узнать то же самое отъ кого вамъ угодно изъ людей не совсѣмъ глупыхъ и не совсѣмъ ничего не знающихъ о «Современникѣ». Они разсказали бы вамъ слѣдующіе факты: когда Добролюбовъ только-что началъ писать въ «Современникѣ», его статьи приписывались мнѣ,—но съ прибавками, не лестными для моего самолюбія. «Изъ вашихъ статей въ нынѣшней книжкѣ самая удачная вотъ такая-то», говорилъ мнѣ какой нибудь знакомый и называлъ статью не мою, а Добролюбова. Но

очень недолго было время, когда статьи Добролюбова смѣшивались съ моими. А въ концѣ 1858 и вначалѣ 1859 годовъ уже не было ни одного человѣка въ порядочныхъ литературныхъ кругахъ, который не выражался бы въ томъ смыслѣ, что Добролюбовъ—самый сильный талантъ въ «Современникѣ». Нашъ кругъ зналъ это и гораздо раньше. Изъ этого вы можете видѣть, милостивый государь, какъ не вѣрны ваши слова, будто бы мы считали его «меньшимъ изъ своихъ братій, второстепеннымъ человѣкомъ своего кружка» (стр. 30) и будто бы «друзья покойнаго —бова ни при его жизни, ни послѣ его смерти, никогда не могли думать о —бовѣ, чтобы онъ былъ первымъ человѣкомъ между ними, или даже вторымъ, или даже третьимъ» (стр. 31). Мы не были, милостивый государь, такъ тупы и глупы, чтобы не считать его первымъ человѣкомъ въ своемъ кругу. Но вы можете не повѣрить моему свидѣтельству. Сообщу же вамъ два изъ многихъ случаевъ, бывшихъ со мной. Первый изъ нихъ относится къ концу 1858 г. Я сидѣлъ у г. Кавелина, въ домѣ котораго Добролюбовъ сталъ близкимъ человѣкомъ сначала того года. «Странное дѣло», сказалъ мнѣ между прочимъ г. Кавелинъ—«я не могу чувствовать къ Добролюбову того мирнаго расположенія, какъ, напримѣръ, къ вамъ. Отчего это? образъ мыслей у насъ, повидимому, одинаковъ; а какъ человѣкъ онъ—превосходнѣйшій человѣкъ; мое мнѣніе о его сердцѣ и характерѣ доказывается тѣмъ, что я допустилъ его совершенно овладѣть мыслями моего сына, чего не сдѣлалъ бы, еслибъ могъ считать что нибудь дурнымъ въ Добролюбовѣ. Но отчего же я чувствую, что онъ совершенно чуждъ мнѣ, между тѣмъ, какъ напримѣръ вы не вовсе чужды?»—Я сказалъ тогда: «это оттого, что въ Добролюбовѣ нѣтъ тѣхъ слабостей и шаткостей въ мысляхъ и характерѣ, которыя даютъ вамъ нѣкоторыя точки опоры, чтобы притягивать мой образъ мыслей и поступковъ въ нѣкоторое согласіе съ вашими требованіями. Взглядъ его тверже и яснѣе, чѣмъ у меня, потому не остается для васъ возможности понимать его въ вашемъ смыслѣ, какъ можете вы въ значительной степени дѣлать съ моимъ взглядомъ».—«Да», сказалъ г. Кавелинъ съ искренностью чувства, которое влечетъ къ нему, какъ къ человѣку, сколько бы ни желалъ иной разъ посердиться на него,—«да», сказалъ онъ, вотъ вы принадлежите къ поколѣнію, которое должно идти дальше нашего, а поколѣніе Добролюбова должно находиться въ такомъ же отношеніи къ вашему;

между нами и вами есть связь; между вами и ими тоже есть связь; а между нами и ими видно уже нѣтъ связи. Чтожь дѣлать? Это грустно для насъ; но такъ нужно для прогресса».—Сходный съ этимъ разговоръ имѣлъ я черезъ нѣсколько времени, въ началѣ 1860 г., съ г. Тургеневымъ. Это было на первомъ литературномъ чтеніи въ пользу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Члены комитета этого общества и лица, участвовавшіе въ чтеніи, собрались въ галлереяхъ, окружающихъ залу Пассажа, гдѣ происходило чтеніе. Въ одной изъ нихъ случилось какъ-то остаться троимъ или четверымъ изъ насъ, въ томъ числѣ г. Тургеневу и мнѣ. Онъ былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: «васъ я могу еще переносить, но Добролюбова не могу».—«Это оттого, сказалъ я, что Добролюбовъ умнѣе и взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже».—«Да, отвѣчалъ онъ съ добродушной шутливостью, которая очень привлекательна въ немъ,—«да, вы—простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя». Вотъ вамъ, милостивый государь, два случая, показывающіе, какъ понимались отношенія мои къ Добролюбову. Вы можете видѣть изъ нихъ, что онъ давно, уже считался самымъ полнымъ представителемъ того направленія которое далеко не съ такою опредѣленностью и силою выражалось во мнѣ.

Для совершенной точности опредѣленія долженъ я прибавить еще третье слово: и далеко не съ такою непреклонностью. Для объясненія этой прибавки слѣдуетъ коснуться личныхъ характеровъ Добролюбова и моего, насколько нужно для показанія вамъ, какъ смѣшна ваша догадка, будто Добролюбовъ уступалъ мнѣ энергіею натуры. У меня характеръ уклончивый до фальшивости; это свойство, сходное съ мягкостью въ личномъ обращеніи, можетъ очаровывать моихъ знакомыхъ; дѣйствительно ли очаровываетъ или возбуждаетъ въ нихъ нѣкоторую долю презрѣнія, я не знаю. Но какъ бы то ни было, вы согласитесь, что при такомъ изгибающемся, податливомъ характерѣ никакъ не могу я сравниваться энергіею чувства съ людьми прямаго и, сказать безъ церемоній, честнаго характера. Въ Добролюбовѣ такого, какъ во мнѣ, недостатка рѣшительно не было.

Вотъ, милостивый государь, кончены мои объясненія для васъ, и остается начинать заключительную часть письма съ обычнымъ

ея содержаніемъ,—изъявленіемъ чувствъ пишущаго къ получающему письмо.

Вы принудили меня въ опроверженіе вашихъ вздорныхъ соображеній выставлять самому такія черты моей литературной дѣятельности и моего личнаго характера, которыми не слишкомъ доволенъ я самъ. Человѣкъ, принужденный выставлять свои слабости и недостатки, досадуетъ на того, кто принудилъ его къ этому.

Вы наговорили мнѣ комплиментовъ, очень пошло отзываясь о статьяхъ Добролюбова, которыя лучше моихъ. Какое чувство должно было родиться во мнѣ отъ этого? «Вотъ господинъ, который не въ состояніи цѣнить дѣйствительно хорошаго; а мои статьи онъ высоко цѣнитъ. Что же это значитъ? Есть молодцы, которымъ не нравится Гоголь; эти молодцы хвалятъ повѣсти гр. Соллогуба и комедіи г. Львова: неужели отъ подобнаго свойства моихъ статей произошли похвалы имъ со стороны г. З—на?»—Это неизбѣжное впечатлѣніе отъ вашей статьи было для меня очень оскорбительно.

А вѣдь по всему видно, что вы вовсе не хотѣли оскорблять меня,—напротивъ, вы ждали, что я буду очень доволенъ. Вы не могли сообразить, въ какое положеніе меня ставите. Я проникаюсь состраданіемъ къ вашей умственной слабости.

Но состраданіе мое, смѣшанное съ досадою и чувствомъ обиды, соединяется,—извините это рѣзкое слово,—соединяется съ отвращеніемъ. Ругаясь надъ мертвымъ, льстить живому! Да впрочемъ понимали ли вы, что именно это вы дѣлаете?

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНѢЙШИХЪ ИМЕНЪ.